

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 468. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 468. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekhaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Баженова Е.А., Дымонт Е.Е. Сюжетно-событийные функции перфектных глаголов в художественном тексте	5
Голубцова А.В. «Русский миф» в travelogueх Винченцо Кардарелли и Коррадо Альваро о Советской России	15
Ермоленкина Л.И. Механизмы дискурсивного воздействия в коммуникативном пространстве конвергентного радио	25
Лукашевич М. Рецепция религиозной тематики в творчестве Н.С. Лескова критикой рубежа XIX – XX вв. (1890-е – 1917 г.) ...	34
Сабова А.Д. Специфика освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. французскими корреспондентами на Дальнем Востоке	44
Семенова М.Г. Очерки В.Я. Ирещко в контексте публицистики 1917–1918 гг.	53

ФИЛОСОФИЯ

Клёцкин М.В. Онтологические основания познания в квантовой физике	62
Митина Н.Г. Тема любви в русских философских утопиях 1920–1930-х гг. (А. Платонов и С. Калачов)	69

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Иванов В.Н. Потенциал основных российских политических партий	75
Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии	84
Подшибякина Т.А. Когнитивная свобода – новая политическая свобода XXI века	93
Шибалков И.П., Павлова И.А., Недоспасова О.П., Тагина Е.К. Систематизация социально-экономических факторов, определяющих неравенство в здоровье: литературный обзор	101

ИСТОРИЯ

Аболонкова И.В., Солодейников А.К. Красочные изображения горы Тейсей	115
Красильникова Е.И. Символические фигуры декабристов в мемориальном пространстве Иркутска (нач. XX в. – 1991 г.)	129
Мамкина И.Н. Социокультурный аспект деятельности Комитета Сибирской железной дороги	139
Морев В.А., Морева А.В. ««Между осенью и снегом» дорог в Томской губернии нет»: дороги, средства транспорта и особенности путешествия по Сибири во второй половине XIX в.	146
Печерин А.В. Опыт реконструкции биографии репрессированного священника Анатолия Масленникова (1891–1921)	154
Сероштанов К.В. Политические аспекты военно-технического сотрудничества между Россией и Саудовской Аравией	161
Симонов М.А. Место уральского региона в планировании экономического развития СССР в 1920–1927 гг.	168
Скочин А.В., Бородулина Е.В. Учебные заведения в городской среде Тюмени в середине 1950-х – середине 1960-х гг.	179

CONTENTS

PHILOLOGY

Bazhenova E.A., Dymont E.E. Plot- and Event-Driven Functions of Perfect Verbs in a Fiction Text	5
Golubtsova A.V. The “Myth of Russia” in Travelogues about the USSR by Vincenzo Cardarelli and Corrado Alvaro	15
Yermolenkina L.I. Mechanisms of Discursive Influence in the Communicative Space of Convergent Radio	25
Lukaszewicz M. Reception of Religious Themes in Nikolai Leskov’s Works at the Turn of the 20th Century	34
Sabova A.D. The 1904–1905 Russo-Japanese War: Specifics of Coverage by French Correspondents in the Far East	44
Semyonova M.G. Essays by Viktor Ya. Iretsky in the Context of the Journalism of 1917 and 1918	53

PHILOSOPHY

Kletskin M.V. Ontological Foundations of Cognition in Quantum Physics	62
Mitina N.G. The Theme of Love in Russian Philosophical Utopias of the 1920s and 1930s (Andrei Platonov and Stepan Kalachov)	69

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Ivanov V.N. The Potential of the Main Political Parties in Contemporary Russia	75
Litvintsev D.B., Mozheykina L.B., Degtyareva V.V. Inclusive Living in Russia as an Aspect of the Multidimensionality of Social Inclusion	84
Podshibyakina T.A. Cognitive Freedom as a New Political Freedom of the 21st century	93
Shibalkov I.P., Pavlova I.A., Nedospasova O.P., Tagina E.K. Systematization of Socioeconomic Factors that Determine Health Inequality: A Literature Review	101

HISTORY

Abolonkova I.V., Solodeynikov A.K. Painted Images of Mount Tepsei	115
Krasilnikova Ye.I. Symbolic Figures of the Decembrists in the Memorial Space of Irkutsk (Early 20th Century – 1991)	129
Mamkina I.N. The Socio-Cultural Aspect of the Siberian Railway Committee’s Activities	139
Morev V.A., Moreva A.V. “‘There Are No Roads Between Autumn and Snow’ in Tomsk Province”: Roads; Means of Transport, and Features of Travel in Siberia in the Second Half of the 19th Century	146
Pecherin A.V. The Repressed Priest Anatoly Maslennikov (1891–1921): A Biography Reconstruction Experience	154
Seroshtanov K.V. Political Dimensions of Military Technical Cooperation Between Russia and Saudi Arabia	161
Simonov M.A. The Place of the Ural Region in the Planning of the USSR’s Economic Development in 1920–1927	168
Skochin A.V., Borodulina E.V. Educational Institutions in the Urban Environment of Tyumen in the Mid-1950s – Mid-1960s	179

Хоменко Д.Ю. «Во избежание национальной розни с тамошними финнами»: организация духовного призрения лютеран Енисейской губернии во второй половине XIX в.	186	Khomenko D.Yu. "To Avoid Ethnic Hatred to Local Finns": Organization of Spiritual Charity of Lutherans of Yenisei Province in the Second Half of the 19th Century	186
Чистякова А.Н. Зеркала с орнаментом боцзой 博局纹: происхождение, эволюция и семантика	191	Chistyakova A.N. Mirrors With the Boju Pattern 博局纹: Origin; Evolution; and Meaning	191

ПЕДАГОГИКА

Байдикова Н.Л. Многомерность стилей педагогического общения	202	Baydikova N.L. A Multidimensional Model of Teacher-Student Interaction Styles	202
Куклина С.С., Татарнинова М.Н. Принципы отбора и организации содержания эмоционально-ценностного компонента иноязычного образования	211	Kuklina S.S., Tatarinova M.N. The Content of the Emotional Component of Foreign-Language Education: Principles of Selection and Organization	211
Платова Е.Д. Возможности иностранного языка в развитии Soft Skills будущих специалистов	219	Platova E.D. The Opportunities of a Foreign Language in the Development of Future Specialists' Soft Skills	219
Хлытина О.М. Эффективность современной практики обучения критическому анализу исторических источников в самооценках российских учителей	226	Khlytina O.M. The Efficiency of the Modern Practice of Teaching the Critical Analysis of Historical Sources in Russian Teachers' Self-Assessments	226

ПРАВО

Караваяева Ю.С. Законодательное использование признаков статусно-ролевого положения личности виновного и потерпевшего как отражение тенденции специализации российского уголовного закона	236	Karavaeva Yu.S. Legislative Use of Attributes of the Status Role Positions of the Guilty Person and the Victim as a Reflection of the Trend of Specialization in the Russian Criminal Law	236
Клебанов Л.Р., Полубинская С.В. Цифровое здравоохранение, пандемия COVID-19 и проблемы кибербезопасности	243	Klebanov L.R., Polubinskaya S.V. Digital Health, COVID-19 Pandemic, and Cybersecurity Issues	243
Корсаков К.В. Убийство по мотиву кровной мести: особенности субъекта преступления	253	Korsakov K.V. Murder Motivated by Blood Feud: Features of the Subject of the Crime	253
Смушкин А.Б. Онлайн-игры как пространство совершения преступлений	259	Smushkin A.B. Online Games as a Space for Committing Crimes	259
Филиппова О.В. Социально-психологические детерминанты рецидивной преступности	265	Filippova O.V. Socio-Psychological Determinants of Recidivism	265
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	270	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	270

PEDAGOGICS

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'36 + 81'42

Е.А. Баженова, Е.Е. Дымонт

СЮЖЕТНО-СОБЫТИЙНЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРФЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассмотрены функции словоформ с перфектным значением в сюжетной организации художественного текста – выражение регресса, прогресса и остановки повествования. Установлено, что реализация текстовых функций осуществляется в рамках перфектной ситуации, ядром которой является перфектный глагол; периферию образуют разноуровневые контекстные актуализаторы перфектного значения. Показано, что выполнение сюжетно-событийных функций обусловлено позицией перфекта в сложном синтаксическом целом, взаимодействием с другими предикатами, синтаксическими условиями и семантикой глагола.

Ключевые слова: лингвистика текста; функциональная грамматика; перфект; перфектность; функции перфектных глаголов; сюжет; регресс повествования; прогресс повествования; остановка повествования.

Постановка проблемы

Роль грамматических форм в сюжетной организации художественного произведения неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. Так, К.А. Долинин, поддерживая идеи В.Г. Адмони [1], указал на параллелизм между строением текста и строением предложения. По мнению К.А. Долинина, параллелизм проявляется, во-первых, в соотносительности фабульной структуры произведения и структурной схемы предложения (в обеих структурах есть субъект, объекты, предикат, обстоятельства, признаки); во-вторых, в соотносительности фабулы с коммуникативной перспективой предложения (завязка – тема, развязка – рема, состояние неопределенности – имплицитный вопрос) [2]. Ю.С. Маслов описал повествовательные функции аориста и имперфекта, подчеркнув, что посредством аориста повествование продвигается, а посредством имперфекта останавливается [3. С. 217–248].

Развивая эти идеи, считаем целесообразным поставить вопрос о текстовых функциях словоформ с перфектным¹ значением в плане их участия в сюжетно-событийном развертывании художественного произведения. С нашей точки зрения, сюжетобразующая способность перфекта обусловлена синкретичной природой перфектного значения, в котором целостно представлены доперфектное состояние, действие и послеперфектное состояние. С учетом особенностей грамматической семантики перфектные глаголы способны маркировать развитие сюжета посредством экспликации перехода от состояния к событию или, наоборот, от события к новому состоянию.

Мы исходим из того, что перфект выполняет текстовые функции в составе целостной перфектной ситуации, репрезентированной функционально-семантическим полем. Ядерными компонентами поля являются глагольные словоформы с перфектным значением: страдательные причастия прошедшего времени в сочетании с глаголом-связкой *быть* (например, *был приготовлен*); глаголы, в которых лексическая перфектность совмещается с морфологическими признаками совершенного вида (СВ) и прошедшего времени (например, *остался, узнал, понял*); некоторые глаголы

несовершенного вида (НСВ) с ярко выраженной результитивной семантикой (например, *видел, слышал*); глаголы, образованные по словообразовательным моделям, специализированным на выражении перфектного значения (например, *побелел, постарел*). Периферию функционально-семантического поля образуют разноуровневые языковые средства, заполняющие семантическую валентность перфектного глагола и актуализирующие перфектность в конкретном контексте.

Результаты контекстуально-семантического анализа перфектных ситуаций

Анализ художественных текстов современных российских писателей показал, что сюжетобразующая функция перфекта проявляется в выражении временной многоплановости произведения и установлении связи между событиями. Полученные результаты представлены в таблице.

Как показано в таблице, сюжетно-событийные функции словоформ с перфектным значением конкретизируются в выражении **регресса повествования, прогресса повествования с остановкой**, а также **остановки повествования**. Последовательно рассмотрим выявленные функции, начиная с наиболее характерной для перфекта функции маркирования регрессивной направленности повествования.

Перфектные ситуации, выполняющие функцию регресса повествования. Вслед за Ю.С. Масловым под регрессом повествования мы понимаем возврат фокуса повествования к более раннему этапу сюжетной линии [3. С. 222–223]. Для реализации этой функции должна быть дополнительная точка отсчета – ситуация, по отношению к которой выражено значение предшествования в прошлом или настоящем. Такой точкой отсчета является перфектная ситуация. Если повествование относится к прошедшему времени, функция регресса выражается словоформами с плюсквамперфектным² значением; если повествование относится к настоящему времени – словоформами с акциональным³ либо экспериенциальным⁴ перфектным значением.

Сюжетно-событийные функции словоформ с перфектным значением в художественном тексте

Функция	Семантические разновидности перфекта	Средства выражения перфектности	Контекстные актуализаторы перфектного значения
Регресс повествования (отсылка к прошлому)	1. Плюсquamперфект. 2. Акциональный. 3. Экспериментальный	1. Глаголы СВ. 2. Глаголы НСВ с результативно-фактическим значением. 3. Краткие страдательные причастия в прошедшем времени. 4. Деепричастия СВ. 5. Конструкция <i>успел + инфинитив</i>	Разноуровневые единицы, выражающие: – временные и таксисные отношения; – причинно-следственные отношения; – дилебративные отношения
Прогресс повествования с остановкой (изменение ситуации во внешней среде с фиксацией последующего состояния)	Статально-акциональный	1. Глаголы СВ со значением перемещения в пространстве и перехода в состояние. 2. Фазовые глаголы СВ. 3. Слова категории состояния со связкой <i>стало</i>	1. Временные и аспектуальные обстоятельства. 2. Сопряженность в одном контексте разноплановых единиц: – глаголов СВ с аористическим значением; – деепричастий СВ с аористическим значением; – глаголов СВ и НСВ со статальным значением. 3. Дейктические средства
Прогресс повествования с остановкой (изменение ситуации во внутреннем мире персонажа с фиксацией последующего состояния)		1. Глаголы ментальной деятельности. 2. Слова категории состояния (с семантической восприимчивостью) со связкой <i>стало</i>	
Остановка повествования (фиксация текущей ситуации)	Статальный	1. Краткие страдательные причастия. 2. Глаголы СВ	1. Временные и аспектуальные обстоятельства. 2. Глаголы в настоящем времени. 3. Именная часть сказуемого. 4. Номинативные предложения

В связи с тем что в художественном тексте повествование обычно связано с планом прошедшего времени, основными средствами реализации регресса повествования выступают словоформы с плюсквамперфектным значением: 1) страдательные причастия со связкой (*была приобретена*); 2) глагол СВ в прошедшем времени (*надоело, забыл*); 3) глагол восприятия НСВ в прошедшем времени (*видел, слышал*); 4) деепричастие СВ (*не выполнив*); 5) конструкция «успел + инфинитив» (*успела забыться*).

Поскольку плюсквамперфектное значение не может быть выражено лишь на лексико-грамматическом уровне, важным условием маркирования регресса повествования является использование таксисных показателей предшествования – синтаксических конструкций и отдельных словоформ, выражающих: 1) временные отношения (различные синтаксические конструкции с временными / таксисными отношениями и лексические показатели); 2) причинно-следственные отношения (различные конструкции союзного и бессоюзного типа, выражающие причинные и другие логические пропозиции); 3) дилебративные⁵ отношения (подчинительные конструкции изъяснительно-объектного и определительного типа, а также бессоюзные конструкции с дилебративной семантикой).

Нельзя не согласиться с Ю.С. Масловым в том, что регресс повествования получает реализацию в текстовых фрагментах разного объема, см.: «Регресс может быть неглубоким (возвращение к непосредственно предшествующему) или, напротив, глубоким (возвращение к более отдаленным событиям); он может содержать сообщение об одном отдельном событии или <...> о ряде событий. Иногда регресс может быть настолько обширным, что приходится констатировать переключение действия в другой повествовательный план, лежащий хронологически позади исходного...» [З. С. 223]. В данной статье предметом анализа являются грамматические разновидности перфектных ситуаций, выражающих развитие сюжета в пределах сложного синтаксического целого (ССЦ).

1. Перфектные ситуации, маркирующие регресс повествования в конструкциях с временными/таксисными отношениями. Как отмечалось выше, основанием для репрезентации регрессивной направленности содержания служит способность перфекта выражать связь между событиями разных временных планов. Маркером регресса обычно становится словоформа с плюсквамперфектным значением, которая, как правило, сопряжена с другими показателями разновременности событий: полипредикативными конструкциями с таксисной семантикой, обстоятельствами времени и другими видо-временными формами, выполняющими роль точек отсчета. Типичным средством выражения регресса повествования является сложноподчиненное предложение (СПП) с придаточным времени, которое вводится союзами *после того как, до того как, когда и др.* Вместе с тем следует отметить, что при использовании союза *когда* необходимы дополнительные конкретизаторы таксиса (временные и аспектуальные обстоятельства и (или) лексическое значение глагола).

Рассмотрим пример: *Будильник был куплен в седьмом классе гимназии, когда выяснилось, что времени не хватает. Единственным запасом, откуда его можно было брать, стал сон. Раз и навсегда он поставил будильник на семь и стал ложиться все позже и позже...*⁶ (Д. Гранин. Зубр). В данном микротексте регрессивная направленность изложения выражается посредством взаимодействия ряда факторов: употребления перфектного глагола СВ *выяснилось* в придаточном предложении со значением предшествования (*когда выяснилось, что времени не хватает...*); плюсквамперфектного значения этого глагола, отсылающего к более раннему событию по отношению к ситуации *будильник был куплен*; лексической и видо-временной семантики глагола *выяснилось*, благодаря которой конкретизируется таксисное значение предшествования.

В качестве конкретизаторов таксисного значения обычно используются временные и аспектуальные обстоятельства, употребленные в СПП с союзом *ко-*

гда, например: *Впрочем, по прошествии некоторого времени, когда уже **выяснились** и Сониной незаменимость на кухне в предпраздничной суете, и швейные достоинства <...> кристалл Сониной глупости **засверкал** иными гранями, восхитительными в своей непредсказуемости...* (Т. Толстая. Соня).

Глагол в плюсквамперфектном значении может употребляться в придаточном времени не только с союзом *когда*, но и с союзами типа *после того как*, *до того как*, например: *Это был <...> ее троюродный или четверородный дядя. В доме о нем почти не говорили, но после того, как она **поступила** в институт, его имя там ей приходилось слышать почти каждый день.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

В ряде случаев регресс повествования актуализируется посредством особой «перфектной» конструкции «*успел + инфинитив*», например: *Все трое засмеялись и смеялись очень долго, даже тогда, когда причина смеха **успела забыться*** (В. Пелевин. Generation P).

В простом осложненном предложении для репрезентации регресса используются деепричастия СВ как типичное в русском языке средство выражения разновременности действий и событий. Например: *Бывают дни, когда воедино стекается все хорошее. А бывает – наоборот: удары судьбы подкрадываются, как волки, с разных сторон и нападают одновременно. Ирина уходила, как обычно, **отработав** свои пять часов, на террасе ее остановила Света* (В. Токарева. Своя правда).

Регресс, отсылающий к событиям более раннего времени, может проявляться и без грамматических показателей такиса, т.е. в простом неосложненном предложении. В таком случае разновременность выражается значением глагола и контекстными средствами, прежде всего обстоятельствами времени. Так, наречие *никогда* при отрицательных глаголах восприятия НСВ (*не видел*, *не слышал*) может актуализировать особую «ментальную» разновидность регресса, например: *Цари тоже были смешны: про них даже не было толком известно, люди они или ошибка переписчика глиняных табличек, и след от них остался только на этих самых табличках. Татарский, во всяком случае, **никогда** про них **не слышал*** (В. Пелевин. Generation P). В этом фрагменте регресс повествования реализуется в простом предложении с предикатом, выраженным перфектным глаголом НСВ (*не слышал*). Хотя связь с более поздней ситуацией, описанной в предшествующем предложении, имплицитруется, на эту связь указывают дейктические единицы – местоимение (*про*) *них* и вводно-модальная конструкция *во всяком случае*.

Судя по нашему материалу, основной конструкцией, выражающей регрессивную направленность повествования, являются СПП с придаточным времени, в которых употреблен глагол СВ в плюсквамперфектном значении.

2. Перфектные ситуации, выполняющие функцию регресса повествования в конструкциях с причинно-следственными отношениями. В природе перфектного значения заложена связь не только между более поздним и более ранним временем, но и

между действием-причиной и состоянием-следствием, поэтому функция регресса повествования может выражаться конструкциями с причинно-следственной семантикой. Типичным примером такой конструкции являются СПП, в которых глагол в плюсквамперфектном значении находится в придаточной части и выражает регресс по отношению к ситуации, названной в главной части, например: *Я и сам у метро торговал. А в рекламный бизнес **ушел, потому что надоело***... (В. Пелевин. Generation P). Как видим, для выражения регресса здесь используется СПП, в главной части которого содержится указание на ситуацию-следствие более позднего времени (*ушел*), а в придаточной части – указание на ситуацию-причину, имевшую место в более раннее время, на что указывает плюсквамперфект *надоело*. Причинно-следственные отношения эксплицируются союзом *потому что*, таксисные отношения предшествования подразумеваются в составе причинно-следственной связи.

Глаголы в плюсквамперфектном значении, выполняющие функцию регресса, могут также употребляться в бессоюзных сложных предложениях (БСП) с причинно-следственными отношениями. Приведем примеры: *Больше он **не писал** стихов: с гибелью советской власти они **потеряли** смысл и ценность* (В. Пелевин. Generation P); *Азадовский пожал ему руку не глядя – он явно **был не в духе**. Татарский **знал**, в чем дело, – Морковин **объяснил еще вчера*** (В. Пелевин. Generation P); *Подхватил и Алеша, вместе со всеми. **Мог бы, конечно, не знать** тех слов и мелодию: **слышал** много раз в детстве, а после, казалось, **не слышал** и давно **позабыл*** (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

В этих фрагментах регресс повествования реализуется посредством семантического комплекса в составе глаголов состояния в имперфектном значении в первой части БСП (*не писал*, *знал*, *мог бы не знать*) и глаголов в плюсквамперфектном значении во второй части (*Морковин **объяснил***; *они **потеряли** смысл и ценность*; ***слышал** – давно **не слышал** – **позабыл***). Как видим, для обоснования состояния повествователь возвращается в более раннее время – к событиям, послужившим причиной данного состояния. При этом причинные отношения дополняются временными (см. обстоятельства времени *еще вчера*, *давно*), так как синкретичное по своей природе перфектное значение репрезентирует одновременно и временные, и логические связи.

Каузативное значение может выражаться деепричастным оборотом, например: *Прабабка отличалась исключительной независимостью, жила одна – полуслепая, отказываясь от помощи даже после того, как осушила бутылку чернил, **приняв** их за вино...* (Э. Лимонов. У нас была великая эпоха). Здесь деепричастие с перфектным значением *приняв* указывает на регресс по отношению к ситуации, названной глаголом *осушила*, и этот регресс основан не столько на временных отношениях (приняла за вино, а потом осушила), сколько на причинно-следственных (приняла за вино и поэтому осушила).

В отдельных случаях регресс повествования может быть выражен конструкциями с семантикой следствия, а не причины. При этом словоформа, обознача-

чающая более раннюю ситуацию-причину, употребляется в первой части БСП, например: *Всё тому не нравится – то груз на плечах слишком тяжелый, то идут слишком быстро. Отстающих на войне Гусаков видел немало – в общем, их хитрости были ему известны* (В. Быков. Болото). В этом микротексте глагол восприятия НСВ *видел* с перфектным (экспериментальным) значением отсылает читателя к опыту персонажа как основанию его ментального состояния *были ему известны*.

Кроме того, регресс повествования на основе причинно-следственных отношений передается синтаксическими конструкциями с семантикой уступки. Например: *Костя любил читать о море, хотя никогда не видел его. Болото он ненавидел, ягод не собирал...* (В. Быков. Болото). В таких конструкциях обычно используется отрицательный глагол восприятия НСВ в экспериментально-перфектном значении. Близкую функцию выполняют конструкции с придаточными сравнения, которые выражают логическую пропозицию, подразумевающую связь между двумя ситуациями, например: *Очередь Татарского подошла не скоро – он был последним. Полутемный зал, где ждал Азадовский, был огромно-шикарным, но несколько архаичным, словно его оборудовали и обставили еще в тридцатые или сороковые годы* (В. Пелевин. Generation P). Как видим, придаточное сравнения *словно его оборудовали и обставили еще в тридцатые или сороковые годы* вводится для обоснования качества объекта *зал... был несколько архаичным*. На предшествование одной из ситуаций дополнительно указывает обстоятельство времени *еще в тридцатые или сороковые годы*, конкретизирующее временную дистанцию между состоянием объекта и предполагаемой причиной этого состояния.

Обобщая рассмотрение регрессивных ситуаций, основанных на причинно-следственных отношениях, отметим, что обычно в них употребляются глаголы восприятия; из синтаксических конструкций преобладают СПП с придаточными причины и БСП с аналогичной семантикой. В тех случаях, когда каузальная пропозиция репрезентируется самой конструкцией, обстоятельства и другие лексические показатели регресса повествования эксплицируют таксисные отношения разновременности.

3. Перфектные ситуации, выражающие регресс повествования в конструкциях с делиберативными отношениями. Основой для реализации регресса повествования могут стать делиберативные отношения, в семантике которых содержится таксисный компонент, поскольку ситуация, выражающая содержание ментального процесса, как правило, описывается раньше самого этого процесса. Типичной конструкцией с делиберативной семантикой является СПП с придаточным изъяснительным, в главной части которого употреблен глагол речи (*сказал*), памяти (*вспомнил*) или ментального состояния (*выяснилось*), в придаточной же части может быть любой перфектный глагол. Приведем примеры: *Татарский, наконец, вспомнил, где он видел этого старика...* (В. Пелевин. Generation P); *Папа сказал, что он видел еще один фильм с Одри – «Завтрак у Тиффани». Потом по-*

смотрел на меня и добавил, чтобы я не забивал себе голову ерундой... (А. Геласимов. Нежный возраст); *Когда стали подводить итоги опыта работы со мной, выяснилось, что меня довели до уровня кандидата в медалисты* (Ф. Искандер. Начало).

Из примеров следует, что функцию указания на регресс повествования обычно выполняет глагол восприятия в перфектном значении (*видел* в первом и втором примерах), находящийся в изъяснительном придаточном, но могут выполнять глаголы и других лексико-семантических групп (ЛСГ). Глагол, от которого зависит придаточное предложение, также, как правило, имеет ментальную семантику (*вспомнил, выяснилось*) или семантику речи (*сказал*), что обусловлено самим типом синтаксической конструкции. Эта разновидность регресса характеризуется тем, что более ранняя ситуация является объектом ментального процесса.

Ментальный предикат в главной части предложения, от которого зависит придаточное, выражающее регресс, может быть представлен словоформой со статальным⁷ значением (*было ясно*), как в следующем фрагменте: *Осеннее шоссе было пустынным и печальным. Особенно грустно делалось оттого, что деревья по его бокам были еще зелеными и выглядели вполне по-летнему, но было ясно, что лето кончилось, так и не выполнив ни одного обещания* (В. Пелевин. Generation P). Здесь обе ситуации, предшествующие текущему состоянию (*лето кончилось; так и не выполнив обещания*), находятся в позиции делиберативного объекта при предикате ментального состояния *было ясно*. Объект соотносится с выводом персонажа, сделанным на основе наблюдений и умозаключений. Приведенный микротекст интересен еще и тем, что в нем наблюдается двухступенчатый регресс: ситуация *лето кончилось* завершилась к моменту рефлексии говорящего над ней (*было ясно*) – это первая ступень регресса. Вторую ступень эксплицирует деепричастный оборот *так и не выполнив ни одного обещания*, в котором отглагольное существительное *обещание* и деепричастие с таксисным значением предшествования (*не выполнив*) восстанавливают еще более раннее положение дел: лето что-то обещало и не выполнило до того, как закончилось. Как видим, текущее состояние сопоставляется не только с более ранним состоянием, но и с тем, какое должно было быть. Иначе говоря, сопоставление осуществляется по двум параметрам: 1) более раннее состояние сопоставляется с более поздним; 2) ожидаемое – с действительным.

Для выражения регрессивной направленности содержания могут использоваться и другие типы сложных предложений с делиберативными отношениями. Например, в случае использования присоединительных придаточных движение мысли субъекта речи направлено от результата, выраженного глаголом в плюсквамперфекте, к самому ментальному процессу, с помощью которого говорящий приходит к осознанию этого результата. Вот как это выглядит в тексте: *Один проект завернули, что было ясно по лицу выходящего из зала высокого усатого мужчины с ранней сединой...* (В. Пелевин. Generation P). Здесь глагол в

перфектном значении *завернули* выражает ситуацию, предшествующую текущей ситуации и являющуюся ее причиной (выражение лица мужчины было таким, потому что *проект завернули*). Именно причина акцентируется повествователем как более важная, чем следствие, выраженное конструкцией с имперфектно-статальным значением *было ясно*.

Судя по нашему материалу, помимо СПП с изъяснительными и присоединительными придаточными, делиберативная семантика выражается синкретичными конструкциями с местоименно-соотносительными отношениями. Например: *Довольно малоизвестный розовый вариант портрета инфанты. Здесь вы видите нотариальную справку, выданную фирмой «Оппенхайм энд Радлер», о том, что картина действительно была приобретена за семнадцать миллионов долларов в частном собрании (В. Пелевин. Generation P); Да нет, глупости, – промелькнуло в мыслях, – что же плохого в том, что родители дали мне хорошее образование и обеспечили всем необходимым для жизни...* (Л. Улицкая. Бронька). В этих примерах регресс повествования выражен семантическим комплексом, включающим словоформы с плюсквамперфектным значением (*была приобретена; дали, обеспечили*), которые употреблены в местоименно-определяющих СПП с делиберативной семантикой. В первом примере заполняется валентность существительного *справка*, лексическое значение которого подразумевает некое содержание, раскрываемое в придаточной части. Во втором примере использована конструкция с оценочной семантикой *чего же плохого в том, что...*, требующая конкретизации в придаточной части. Как видим, в обоих примерах выражается делиберативное значение, несмотря на местоименно-соотносительную форму синтаксической конструкции.

К особым случаям реализации регресса повествования можно отнести развернутые фрагменты текста, в которых воспоминания персонажа представлены в больших повествовательных фрагментах. Хотя в подобных контекстах события развиваются «пошагово вперед», повествователь тем не менее сосредоточен на событиях прошлого, и этот взгляд из плана настоящего в план прошедшего получает языковое выражение. В результате формируется смешанный тип контекста, в котором одновременно употребляются показатели регресса и показатели прогресса (прогресс внутри регресса). Например: *Записки эти лежали в семейном архиве Тимофеевых, хранящемся у Лянуновых. Из них следует, что Тимофеевы продолжали помогать заключенным и после того, как Фому перевели в Маутхаузен, передавали продукты в тюрьму, пользуясь налаженной связью. **Выдал** Фому человек, который жил у Тимофеевых в доме, и об этом Фому уведомили тотчас (Д. Гранин. Зубр).*

В подобных случаях функции каждой словоформы необходимо рассматривать в макро- и в микроконтексте. В макроконтексте данный фрагмент представляет собой воспоминания персонажа, поэтому все перфектные глаголы выполняют функцию регресса. В микроконтексте эпизода каждый из перфектных

глаголов может рассматриваться как выражающий прогрессивную направленность сюжетной линии.

Таким образом, регресс повествования при участии словоформ с перфектным/плюсквамперфектным значением реализуется в синтаксических конструкциях с временными, причинно-следственными или делиберативными отношениями. При этом наблюдается семантический синкретизм, так как в любой из названных конструкций подразумеваются временные (таксисные) отношения, но с разной степенью конкретизации и эксплицитности. Самой распространенной синтаксической конструкцией, посредством которой репрезентируется регрессивная направленность изложения, является СПП с придаточным времени. В конкретном микротексте большую роль играют актуализаторы регресса, например аспектуальные наречия *уже* и *еще*, которые выражают сопоставление двух ситуаций по времени и поэтому могут конкретизировать таксисные отношения, передаваемые неопределенной синтаксической конструкцией.

Подчеркнем, что перфектная ситуация, имея сложную семантическую структуру, выражает разные типы взаимосвязей: между временными планами, между событием-причиной и состоянием-следствием, между ментальным действием и его объектом. В результате разные «ипостаси» перфектного значения становятся основой для разных типов регрессивных ситуаций, поэтому в одном контексте, содержащем глагол в перфектном значении, могут быть выражены одновременно как логические, так и хронологические связи между событиями.

Перфектные ситуации, выполняющие синкретичную функцию прогресса повествования с его остановкой. По мнению Ю.С. Маслова [3] и В.Б. Кашкина [4], перфектное значение включает в себя статальный и акциональный компоненты, выраженность которых зависит от средств контекста, поскольку «перфект – это всегда двухплановое грамматическое значение» [3. С. 426]. В отличие от имперфекта и аориста, специализирующихся на продвижении повествования (имперфект) и его остановке (аорист), словоформы с перфектным значением способны совмещать эти функции благодаря совершенному виду, который обозначает возникновение новой ситуации [5. С. 138–167], см. также: [6].

В ближайшем окружении глагола СВ могут употребляться как показатели, поддерживающие наступление новой ситуации, так и показатели статальности, фиксации ситуации на новом этапе. Разноуровневые показатели обычно находятся в пределах одного ССЦ, в котором употреблена словоформа с перфектным значением, или в соседних ССЦ, если высказывание с перфектом находится на их границе. В качестве синтаксических средств, поддерживающих значение продвижения повествования, обычно используются однородные сказуемые, конструкции сочинительного типа, выражающие временные пропозиции, цепочки глаголов в значении аориста, лексические средства выражения разновременности (наречия *сначала, потом* и др., прилагательные *первый, следующий, последний* и др.).

Проведенный анализ показал, что функция прогресса повествования конкретизируется, во-первых, в

продвижении повествования с остановкой во **внешней** сфере; во-вторых, в продвижении повествования с остановкой во **внутренней (ментальной)** сфере, или квазипрогресс. Рассмотрим каждую из этих разновидностей.

1. Перфектные ситуации, выполняющие функцию прогресса повествования с остановкой во внешней среде, как правило, содержат показатели последовательности действий (наречия *сначала, потом, наконец* и др.) и ряды глагольных форм со значением аориста. Из синтаксических конструкций используются такие, которые выражают таксисное значение последовательности, в частности предложения с однородными сказуемыми, ССП и БСП, выражающие временную пропозицию последовательности. Например: *Телефон завонил опять. Азадовский взял трубку, послушал немного, и его лицо расцвело широкой улыбкой: «Вот это я хотел услышать. Хвалю»* (В. Пелевин. Generation P).

Продвижение повествования с остановкой во внешней среде обычно маркируется фазовыми глаголами (*начался, закончился, исчез, перестал* и др.), а также глаголами со значением местоположения / движения (*замер, застыл, ушел* и др.). Реже используются глаголы перехода в состояние (*поблуднел, обрадовался* и др.) и безличные конструкции со значением восприятия (*стал замечен, стало видно* и др.).

Перфектный глагол, выполняющий эту функцию, обычно находится **внутри ССЦ** или на **границе двух ССЦ**. При этом в левом контексте содержится глагол (или несколько глаголов) в значении аориста, актуализирующий продвижение повествования, а в правом контексте – словоформы со значением состояния, актуализирующие задержку повествования. Например: *Было ясно, что произошло что-то нехорошее. Сэм поблуднел и побегал вперед. Растолкав зрителей, он протиснулся вперед и замер. Со стола свисал, покачиваясь под ветром, узкий желтый лист липучки. К нему пристало несколько мелких листьев и бумажек, а в самом его центре, бессильно склонив голову, висела Наташа* (В. Пелевин. Жизнь насекомых).

В этом фрагменте перфектный глагол *замер* употреблен в одном ряду с глагольными формами в значении аориста *протиснулся, растолкав*, поэтому действие, выраженное перфектом, воспринимается как новое звено в одной цепочке событий, причем более важное, чем события, названные глаголами в аористе. Остановка повествования выражается как лексическим значением глагола *замер*, так и последующим описанием статальной ситуации, репрезентированной имперфектными глаголами *висела, свисал* и статальным перфектом *пристало*. Декодируя план выражения, читатель как бы наблюдает статичный «кадр», раскрывающий причину «замирания» персонажа. В подтексте же «прочитывается» скрытый смысл эпизода: персонаж замер, потому что увидел следующее... Как видим, перфектный глагол, даже употребленный в одном ряду с имперфектными формами, фокусирует внимание читателя на ментальной сфере персонажа.

Как отмечалось ранее, ядром перфектной ситуации обычно является глагол СВ в перфектном значении. Однако иногда ядерную позицию занимает конструк-

ция с причастием, например: *Почему-то он решил, что это шумят ивы, и вспомнил строчку из слышанной по радио песни: «Это сестры печали, живущие в ивах». И сразу же в тихом шелесте деревьев стали различимы обрывки женских голосов, которые казались эхом каких-то давным-давно сказанных ему слов, заблудившихся в тупиках памяти* (В. Пелевин. Generation P). Отметим, что здесь в выражении прогресса важную роль играет аспектуальное наречие *сразу же*, так как причастие в силу своей статальной семантики специализируется на выполнении функции остановки повествования. Как видим, если перфектные глаголы являются самодостаточными для продвижения повествования, то причастия способны выполнять эту сюжетную функцию лишь при условии дополнительных «усилий» контекста.

Перфектный глагол может находиться **в постпозиции к ССЦ**. В этом случае он выполняет синкретичную функцию, одновременно продвигая повествование и фиксируя его остановку, в то время как «раскрытие» статального компонента осуществляется в следующем ССЦ. Приведем пример, в котором фраза *Конец наступил неожиданно* завершает одно ССЦ и начинает следующее: *Татарский пробовал бороться, делая вид, что ничего на самом деле не происходит. Сначала это получалось. Тесно общаясь с другими людьми, которые тоже делали вид, что ничего не происходит, можно было на некоторое время в это поверить. Конец наступил неожиданно* (В. Пелевин. Generation P). См. также: *Следующий ролик начался в более традиционной манере. Перед большим камином, горевшим в странной зеркальной стене, сидела семья – отец, мать, дочка с киской и бабушка с недовязанным чулком* (В. Пелевин. Generation P).

Продвижение повествования в рамках этой сложной функции осуществляется, во-первых, посредством цепочки словоформ с аористическим значением, во-вторых, благодаря таксисным показателям последовательности событий – наречию *сначала* и прилагательному *следующий*. Обычно употребление таких показателей совмещается с цепочкой аористов, а глагол в перфектном значении реализует статальность лишь за счет своего лексического значения. Так, в следующем примере перфектность глаголов *перестала* и *застыла* обусловлена именно их лексической семантикой, т.е. наличием сем результативности и перехода в новое состояние; таксисные наречия *сначала* и *потом* актуализируют последовательность ситуаций, сменяющих друг друга, см.: *Девочка улыбалась сначала, потом перестала, но мучительная улыбка застыла на губах, будто от мороза* (С. Василенко. Шамара). Двойственность выделенных глаголов проявляется в том, что они, с одной стороны, называют последовательные действия, с другой – благодаря своему лексическому значению – выражают статальность.

2. Перфектные ситуации, выполняющие функцию прогресса повествования с остановкой во внутреннем мире персонажа, отличаются от предыдущей разновидности лексическим значением глаголов. В таких ситуациях используются глаголы ментального действия или состояния, глаголы восприя-

тия, речи, эмоционального состояния, такие как *понял, догадался, почувствовал, осознал, решил* и др. Синтаксические условия реализации данной функции аналогичны условиям, описанным выше (конструкции с однородными предикатами в значении аориста и обстоятельства, указывающие на последовательность событий). Перфектные глаголы со статальным значением выполняют названную функцию как в интерпозиции, так и в постпозиции по отношению к ССП. Приведем пример употребления перфектного глагола эмоционального состояния *захотелось* в постпозиции: *Инфернальная веселость, которой дышал голос, не оставляла сомнений в том, что говоривший и сам был не последним человеком среди этих негодяев. Татарский нервно выключил радио и взялся за ручку сцепления. Его настроение совсем ухудшилось; захотелось живого человеческого тепла* (В. Пелевин. Generation P). Глагол *ухудшилось* выражает переход в новое состояние, а глагол *захотелось* – начинательность. В то же время лексическое значение этих глаголов указывает на пребывание в новом состоянии какое-то время, т.е. на остановку повествования. Обратим внимание на то, что глаголы перехода в состояние могут выражать как «чистую» остановку повествования (в таком случае начинательность нейтрализуется), так и продвижение с остановкой при наличии дополнительных актуализаторов продвижения – цепочки аористов (в данном случае *выключил и взялся*).

Помимо использования глаголов определенных ЛСГ, перфектные ситуации, выражающие продвижение повествования с его остановкой во внутреннем мире персонажа, характеризуются контекстной сопряженностью ментальных глаголов с показателями динамики «внешней» ситуации, например формами глаголов движения, физического воздействия на объект, бытийно-локативных глаголов и др., а также наличием дейктических показателей, связывающих ментальный процесс с его субъектом. Проиллюстрируем установленные закономерности двумя примерами: (1) *Татарский мало что понял в увиденном, только подумал, что коэффициент вовлечения можно было бы сильно увеличить, заменив чисто английский слоган на смешанный: It's a Сон. Еще он почему-то вспомнил, что была такая вьетнамская деревня Сонгми...;* (2) *Стоящий на мосту танк долбанул из пушки, и одновременно Татарскому в голову пришла интересная идея – предложить людям из имидж-службы группы «Мост» силуэт танка на мосту как перспективный символ вместо их непонятного орла. За долю секунды – быстрее, чем снаряд долетел до цели – сознание Татарского взвесило возможные перспективы <...> и идея была отброшена* (В. Пелевин. Generation P).

В этих фрагментах параллельно разворачиваются два процесса: внутренний (ментальный) и внешний (физический). Ментальный процесс репрезентируется перфектными глаголами (*понял, подумал, вспомнил* и др.), физические процессы передаются видо-временными формами с разными значениями, выражающими действия других субъектов: перфектом (*окончена, нашелся*), плюсквамперфектом (*успел поста-*

вить), аористом (*отпустил, схватил, настроил*), имперфектом (*выглядел, возвращался, покрывали*). Связь между внутренним и внешним процессами реализуется в делиберативных отношениях, раскрывающих валентность ментального глагола. Эти отношения могут быть выражены эксплицитно, например изъяснительным придаточным с союзом *что*, см.: *Отведя взгляд от Татарского, он взял трубку и открыл записную книжку. Татарский понял, что аудиенция окончена* (В. Пелевин. Generation P). Или имплицитно, см.: *Татарскому в голову пришла внезапная мысль. Он отпустил планшечку, схватил карандаш, которым протыкал пробку красненького, и еле различимой скорописью настроил в углу листа: «Клип для очков Ray-Ban...»* (В. Пелевин. Generation P).

Взаимосвязь физического и ментального планов повествования также может выражаться конструкциями с придаточными определительными, например: *Дом Гиреева нашелся неожиданно легко – Татарский узнал его по саду, над которым поднимался лес неправдоподобно высоких зонтиков, похожих скорее на маленькие деревья, чем на большие сорняки* (В. Пелевин. Generation P).

Анализ приведенных примеров показывает, что использование ментальных глаголов в перфектном значении сопровождается рефлексией повествователя над сознанием персонажа. Рефлексия вызвана тем, что между событиями внутреннего и внешнего плана формируются разные отношения, требующие их сопоставления и анализа с точки зрения автора (повествователя). В связи с этим в рассматриваемых перфектных ситуациях выражаются реакции персонажа на происходящие события и действия других персонажей, эксплицируется динамика позиции персонажа от более раннего к более позднему состоянию, сопоставляются точки зрения повествователя и персонажа, репрезентируется субъективно-модальная оценка и др., например: *Одна из бесчисленных мурок, сопровождавших ее повсюду. Она наклонилась, погладила выгнутую спинку. Кошка отзывчиво мурлыкнула. И вдруг всё изменилось: оказалось, что воздух вокруг нее населен* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Помимо вышеописанных, возможны **переходные случаи** между перфектными ситуациями, выражающими динамику внешних и внутренних событий. Рассмотрим пример: *Когда небесные огни дрогнули, а со стороны социума донесся <...> всенародный вздох ужаса, в его сердце возникло одновременно два сильных чувства: обычный страх <...> и незнакомое прежде преклонение перед кем-то...* (В. Пелевин. Завторник и Шестипалый). Находящийся в интерпозиции глагол *возникло* благодаря своему лексическому значению выражает переход в новое состояние и в то же время относительную продолжительность результата (возникшие чувства), который зафиксирован конструкцией с однородными подлежащими *два сильных чувства: обычный страх перед неожиданно надвинувшейся тьмой и незнакомое прежде преклонение перед кем-то, знающим о мире больше, чем он*. Как видим, динамика процессов, происходящих в эмоциональной сфере персонажа, подана как динамика внешних процессов (в его сердце возникли чувства

= он почувствовал...): семантика глагола, употребленного в перфектном значении (*возникло*), подразумевает неактивного субъекта, поэтому сознание персонажа представлено в виде пространства, где происходят неконтролируемые процессы. Подчеркнем, что передает отмеченные смысловые нюансы именно перфектный глагол. Глаголы в значении аориста актуализируют последовательность сменяющих друг друга ситуаций, благодаря чему создается параллелизм между аористическими ситуациями внешней среды и перфектными ситуациями внутреннего пространства. Однако эти ситуации не образуют одного ряда, как однородные компоненты (ср.: *побежал, растолкал и замер*), а соотносятся между собой при помощи временной пропозиции (*когда...*), указывающей на сопоставление разноплановых ситуаций.

Перфектные ситуации, выполняющие функцию остановки повествования. Под функцией остановки повествования мы понимаем одну из разновидностей прорисовки фона, на котором поступательно развивается сюжет, т.е. фиксацию словоформой состояния персонажей или окружающей среды.

Судя по нашим наблюдениям, эта функция является типичной для словоформ и конструкций с чисто статальным значением: причастий, составных именных сказуемых, назывных предложений, глаголов НСВ в настоящем и прошедшем времени. Хотя словоформы с перфектным значением и не являются специализированным средством выражения остановки повествования, но эту функцию они выполняют достаточно регулярно при употреблении в составе семантического комплекса, формирующего статальную ситуацию. Кроме того, важную роль играет сам тип перфекта. Статально-перфектное значение эксплицируется преимущественно страдательными причастиями, нередко глаголами состояния СВ в форме прошедшего времени и деепричастиями СВ от глаголов состояния.

В типичном случае остановка повествования репрезентируется страдательным причастием прошедшего времени с нулевой связкой, например: *Татарский заметил, что к его запястьям, локтям, коленям и щиколоткам прикреплены небольшие диски из черной пластмассы. Такие же были и на его теле – всего Татарский насчитал четырнадцать* (В. Пелевин. Generation P).

Деепричастия СВ участвуют в выражении остановки повествования, если они употреблены в статально-перфектном значении и имеют определенное лексическое значение. Обычно такие деепричастия образованы от глаголов состояния и местоположения, как словоформа *свесив* из следующего фрагмента: *Уходят. А на переднем плане какой-то герой, он прощается с героиней и бежит... за своей ротой, за своим местом в строю. Или не так. Стоит эшелон... вдалеке вагоны открыты, там видно солдат, они сидят в вагонах, свесив ноги, кто-то бежит вдоль состава, но мы не видим их лиц... это солдаты А на переднем плане – герой фильма* (Е. Гришковец. Одно-вРемЕнно). В этом примере ярко проявляется функция остановки повествования, так как автор рисует в воображении читателя наглядную картину. Поэтому в

ССЦ использованы разные показатели статичности: глаголы НСВ в настоящем времени (*прощается, бежит* и др.), страдательное причастие с нулевой связкой (*открыты*), деепричастие СВ со статальным значением (*свесив*).

В семантический комплекс, выражающий остановку повествования, могут входить следующие показатели статальной ситуации: формы глаголов НСВ, именные предикаты и номинативные конструкции. Приведем два примера: (1) *Стыло бульонное озеро. Лежала праздная ложка. Достоинство всех английских королей, вместе взятых, заморозило Сонины лошадиные черты. – А Вы, Соня, – сказали ей (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено* (Т. Толстая. Соня); (2) *Текст был отпечатан на лазерном принтере, а подпись была синим факсимильным отпечатком* (В. Пелевин. Generation P).

В примере (1) статальная ситуация выражена прошедшим временем глагола СВ *заморозило* со значением приведения объекта в определенное состояние. «Коллективное» ментальное состояние эксплицировано страдательным причастием с нулевой связкой *утрачено*. Статальная ситуация актуализируется глаголами НСВ в имперфектном значении *стыло, лежала*. В примере (2) словоформа с перфектным значением *был отпечатан* сопряжена с глагольной связкой НСВ в составном именном сказуемом *была отпечатком*, репрезентирующим статальную ситуацию.

Судя по нашему материалу, в функции остановки повествования регулярно употребляются глаголы состояния, местоположения и перехода в состояние. Проиллюстрируем сказанное примерами: (1) *Незнакомые места. Вечереет. Светлый воздух весь ушел вверх и повис над домами, темный – встал в подворотнях, в подъездах, в пределах улиц* (Т. Толстая. Любишь – не любишь); (2) *Столкнулся в том лифте с Лешкой Мусиным. Не узнал! Хотя колер все тот же – серый, но какой респектабельный оттенок! Костюм темно-серый сидит как влитой... Только вот кроткая улыбка куда-то подевалась и голос стал регистром ниже...* (Д. Рубина. На Верхней Масловке). В примере (2) отчетливо видно распределение функций нескольких словоформ в перфектном значении: отрицательный глагол с ментальным значением (*не узнал*) выражает реакцию персонажа на наблюдаемые им происходящие изменения, в то время как другие словоформы в перфектном значении выражают сами эти изменения (*подевалась, стал ниже*).

Заключение

Перфект проявляет себя как значимая единица речевой системы художественного текста, совмещающая функции сюжетообразования, упорядочивания линейного развертывания произведения, выражения связи между темпоральными и событийными планами текста. К сюжетообразующим функциям словоформ с перфектным значением относится выражение регрессивной или прогрессивной направленности повествования, а также его остановки во внешней или внутренней сфере. Конкретизация сюжетно-событийной функции перфекта в том или ином кон-

тексте определяется семантическими и структурными особенностями перфектной ситуации, в состав которой, помимо ядерной граммы с перфектным значением, входят разноуровневые контекстные актуализаторы перфектного значения. Способность перфекта выполнять сюжетобразующие функции также зависит от его расположения в ССЦ, взаимо-

действия с другими предикатами, синтаксических условий употребления, а также лексического значения перфектного глагола.

Таким образом, словоформы с перфектным значением, участвующие в репрезентации сюжетно-событийной структуры текста, оказывают влияние на кодирование и декодирование смысла художественного произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перфект – видо-временная форма глагола, выражающая действие в прошлом, результат которого релевантен для более позднего временного плана.

² Плюсквамперфект – грамматическая форма прошедшего времени (относительное время), обозначающая действие, предшествующее некоторой ситуации в прошлом.

³ Акциональный перфект – разновидность перфекта, обозначающая конкретное единичное действие, последствия которого сохраняют актуальность (например: *Он решил задачу и доволен собой*).

⁴ Экспериментальный перфект – разновидность перфекта, обозначающая наличие (или отсутствие) факта в прошлом, характеризующее состояние субъекта в данный момент (например: *Я три ночи не спал*).

⁵ Делиберативные отношения – отношения между частями сложного предложения, когда одна из частей раскрывает содержание лексемы со значением речи, мысли, восприятия или эмоций (например: *Я знаю, что он придет*).

⁶ В примерах словоформы с перфектным значением выделены полужирным шрифтом, контекстные актуализаторы перфектности подчеркнуты.

⁷ Статальный перфект – разновидность перфекта, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия (например: *Да ты помолодела!*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Поэтика и действительность : Из наблюдений над зарубежной литературой XX в. Л. : Сов. писатель, 1975. 310 с.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л. : Просвещение, 1978. 344 с.
3. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
4. Кашкин В.Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. 128 с.
5. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. 218 с.
6. Карпунин С.А. Семантика русского глагольного вида : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2008. 329 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2021 г.

Plot- and Event-Driven Functions of Perfect Verbs in a Fiction Text

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/468/1

Elena A. Bazhenova, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: bazhenova_e2000@mail.ru

Ekaterina E. Dymont, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: katiad@mail.ru

Keywords: text linguistics; functional grammar; perfect; perfectivity; functions of perfect verbs; plot; regression of narrative; progress of narrative; pause in narrative.

The article examines the role of Russian perfect verbs in text formation. Based on the texts of modern Russian writers (S. Vasilenko, D. Granin, E. Limonov, V. Pelevin, T. Tolstaya, V. Tokareva, L. Ulitskaya), the functions of the verb forms with perfect meaning in the plot organization of a fiction text are considered. The principal attention is paid to the analysis of the functions of 1) regression of the narrative, 2) progress of the narrative with a pause in the external environment or in the inner world of the character, 3) pause in the narrative. Narrative regression is interpreted as a reference to the past, progress as a perspective of the narrative, and pause as a fixation of the state of the environment or the internal state of the character. It has been established that these functions are realized within the framework of a perfect situation as a functional-semantic field. The nucleus of the field is a perfect verb or passive past participles; the periphery of the field is formed by multi-level language units that actualize the perfect meaning in the context. It has been revealed that the perfect situation has a complex semantic structure, in which three components are holistically represented: pre-perfect state, action, and post-perfect state. This structure allows expressing different types of links: between the temporal plans of the text, between the cause of an event and the consequent state of the event, between a mental action and the object of this action. In a fiction text, each component of syncretic perfect semantics can become a basis for the plot situation. It has been shown that plot- and event-driven functions of perfect verbs are determined by the position of the verb in the complex syntactic whole, by interaction with other predicates, by the syntactic structure, and by the lexical meaning of the verb. In particular, it has been established that the function of regression of the narrative is represented by perfect verbs as a part of complex sentences with temporal, causal, and deliberative subordinate clauses. The function of progress of the narrative with a pause in the external environment is performed by perfect verbs inside a complex syntactic whole. This function may also be realized on the border of two complex syntactic wholes. Progress of the narrative with a pause in the inner world of the character is expressed by mental verbs (*ponyal, dogadalsya, osoznal, pochuvstvoval, reshil*, etc.). A pause in the narrative is typically expressed by passive past participles. The contextual and semantic analysis of perfect situations allows concluding that perfect verbs have an impact on encoding and decoding of the meaning of the fiction text.

REFERENCES

1. Admoni, V.G. (1975) *Poetika i deystvitel'nost': Iz nablyudeniy nad zarubezhnoy literaturoy XX v.* [Poetics and Reality: From Observations on Foreign Literature of the Twentieth Century]. Leningrad: Sov. pisatel'.

2. Dolinin, K.A. (1978) *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [The stylistics of the French language]. Leningrad: Prosveshchenie.
3. Maslov, Yu.S. (2004) *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Kashkin, V.B. (1991) *Funktsional'naya tipologiya perfekta* [Functional typology of the perfect form]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Bondarko, A.V. (1996) *Problemy grammaticheskoy semantiki i russkoy aspektologii* [Problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Karpukhin, S.A. (2008) *Semantika russkogo glagol'nogo vida* [Semantics of the Russian verb form]. Philology Dr. Diss. Samara.

Received: 05 July 2021

А.В. Голубцова

«РУССКИЙ МИФ» В ТРАВЕЛОГАХ ВИНЧЕНЦО КАРДАРЕЛЛИ И КОРРАДО АЛЬВАРО О СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Статья написана при поддержке гранта Российского научного фонда 20-78-00042 «Советский Союз и “русский миф” в травелогах итальянских писателей» в ИМЛИ РАН.

Анализируются элементы европейского «мифа о России» в травелогах итальянских писателей В. Кардарелли и К. Альваро, созданных ими после посещения СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Рассматривается роль «русского мифа» и отдельных мифологем в формировании итальянского образа Советской России, их взаимодействие с официальной фашистской пропагандой, делается попытка рассмотреть функционирование мифологических структур в рамках концепции ориентализма Э. Саида.

Ключевые слова: русский миф; травелог; В. Кардарелли; К. Альваро; СССР 1920–1930-х гг.; фашизм; пропаганда; ориентализм; Э. Саид.

Опыт революции 1917 г. и послереволюционного переустройства общества привлек пристальное внимание правящих кругов и общественности в европейских странах, в том числе и в фашистской Италии. В Италии внимание к процессам, происходившим в СССР в 1920–1930-е гг., обуславливалось «схожим по типу насильственным способом захвата власти, шедшими в общем русле реформами в социальной сфере, стремлением лидеров вывести свои страны из категории государств второго эшелона и занять лидирующие позиции на мировой арене» [1. С. 4].

В этот период в Советском Союзе, наряду с торговыми и дипломатическими представителями, работали многочисленные сотрудники периодических изданий: Сальваторе Апонте («Гадзетта дель Пополо», «Коррьере делла Сера»), Роберто Сустер («Секоло д’Италия»), Пьетро Сесса («Трибуна»), Джулио Де Бенедетти («Гадзетта дель Пополо») и др. С одной стороны, журналистская работа серьезно осложнялась незнанием русского языка, надзором со стороны властей, советской и фашистской цензурой. С другой стороны, известные писатели и авторитетные интеллектуалы (как правило, также посещавшие Советский Союз в качестве корреспондентов), в отличие от обычных журналистов, пользовались определенной «духовной свободой» и, даже сотрудничая с прессой, в меньшей степени зависели от издательской политики и цензурных ограничений [2. Р. 36–37]. Среди десятков разнообразных документов – журналистских репортажей, путевых заметок, дипломатических и деловых отчетов – именно эти произведения представляют собой наиболее интересный пласт итальянских свидетельств об СССР, образуя «тот итальянский литературный текст о Советской России, который можно поставить рядом с близким ему и столь же фундаментальным русским литературным текстом об Италии» [3. Р. 129].

Поскольку «советская» тема вызывала интерес как у официальных властей, так и у публики, после газетной/журнальной публикации очерки и статьи о поездках в СССР нередко издавались отдельными сборниками-травелогами. Травелоги, созданные литераторами, представляют особый интерес как пример совмещения публицистического и художественного дис-

курса, где материал действительности особым образом преломляется в авторском воображении. В этих текстах наиболее отчетливо проявляется специфика травелога – его синтетическая жанровая природа, структурообразующая роль образа автора, соединение фактической составляющей с подчеркнуто субъективной авторской интерпретацией и вымыслом [4. С. 280–281]. Среди итальянских «гостей» Советского Союза 1920–1930-х гг., известных, в первую очередь, своими художественными произведениями, заслуживают упоминания Винченцо Кардарелли, автор очерков, изданных в 1954 г. под названием «Путешествие поэта в Россию» (*Viaggio di un poeta in Russia*), и Коррадо Альваро, чья книга «Творцы потопа. Путешествие в Советскую Россию» (*I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica*) вышла в 1935 г.¹

В. Кардарелли (1887–1959), прозаик и поэт, мастер лирического фрагмента – одного из ключевых жанров итальянской литературы первой трети XX в., входил в число основателей журнала «Ронда» (*La Ronda*, 1919–1923), основной целью которого была разработка принципов «лирической прозы» (*prosa d’arte*) и создание нового художественного стиля, элегантного, точенного, объединяющего в себе живость разговорного языка и красоту высокой поэзии (по образцу итальянских классиков XIX в. – Дж. Леопарди и А. Мандзони). Жанр путевых заметок как нельзя лучше соответствует поэтической «программе» Кардарелли, позволяя ему воплотить основные черты «лирической прозы» – фрагментарность, автобиографизм, поэтичность. Автор создал целый ряд эссе о «душе» итальянских городов, однако единственным образцом жанра травелога в его творчестве – и единственным произведением, написанным на «зарубежном» материале, – является «Путешествие поэта в Россию». Впрочем, мотив путешествия как погружения в собственное прошлое, в историю и мифологию мест, с которыми связаны его воспоминания, в мир искусства и литературы, неизменно возникает в творчестве Кардарелли начиная с первых литературных опытов. «Странствия» по глубинам памяти и поэтические описания мест, в которых ему приходилось бывать, в изобилии присутствуют в сборниках лирической прозы и поэзии «Путешествия во времени» (*Vi-*

aggi nel tempo, 1920), «Солнце в зените» (Il sole a picco, 1928), «Небо над городами» (Il cielo sulle città, 1939), «Необщительный путешественник» (Il viaggiatore insocievole, 1953). В этом смысле «Путешествие поэта в Россию», несмотря на свою жанровую принадлежность, не «выламывается» из творчества Кардарелли, а, напротив, составляет его органическую часть. В его путевых заметках мы встречаем ту же лирическую интонацию, тот же отточенный стиль в сочетании с острыми и даже провокационными замечаниями, которые отличают и другие произведения этого автора.

Кардарелли отправился в Советский Союз по поручению фашистской газеты «Тевере» (Il Tevere), созданной в 1924 г. при личном участии Муссолини. В СССР Кардарелли посетил только Москву и Ленинград, поскольку, по его мнению, именно в этих городах в тот период была представлена квинтэссенция русской жизни («...бывают исключительные периоды, когда история страны полностью отождествляется с историей города. Иностранец, оказавшийся в Париже после Террора, едва ли ощутил бы особую необходимость отправиться за пределы городских стен <...> поскольку в Париже в то время была сосредоточена вся Франция» [5. Р. 766–767]). Его путевые заметки были написаны в период с осени 1928 г. по весну 1929 г. и печатались в «Тевере» в 1928–1929 гг. под общим заголовком «Путешествие в Советскую Россию». 17 ноября 1931 г. в газете появилось объявление о предстоящем выходе сборника «советских» очерков Кардарелли под названием «Россия» (La Russia), в этот же период они были частично перепечатаны в газете «Ресто дель Карлино» (Il Resto del Carlino).

В 1939 и 1940 гг. в личной переписке Кардарелли несколько раз возвращался к теме издания своих путевых заметок – в частности, планировал опубликовать их под одной обложкой с несколькими рассказами, посвященными теме путешествия, сократив фактологический материал и подчеркнув лирические, «пейзажные, архитектурные, визуальные элементы». Однако этот проект, предполагавший серьезную переработку текста, не был реализован, и сборник вышел только в 1954 г. с незначительными структурными и стилистическими изменениями по сравнению с газетным вариантом [5. Р. 1102–1102, 1191–1193]. При подготовке публикации книга была разделена на две части: в первой Кардарелли описывает свой путь в Россию, а также Москву и Ленинград, вторая часть носит более аналитический характер и посвящена рассмотрению социальных институтов и отдельных ключевых явлений русской жизни (тайная полиция, образование и борьба с неграмотностью, религия, театр, особенности русского национального характера и т.п.). Кроме того, появляется вступление, в котором автор несколько смягчает свое суждение об СССР, напоминая, что со времени его путешествия прошло более двадцати лет и многое в России изменилось, она стала более развитой и «европейской» страной [5. Р. 746–747]. Но тон очерков остается крайне критическим: Кардарелли не скрывает своей неприязни к коммунизму и предвзятого, снисходительного отношения к России и русским, часто доходя в высказыва-

ниях до откровенной ксенофобии – например, называя их «тупыми, как гиганты (bestioni – досл. звери, скоты) Вико» [5. Р. 808]² и варварами, по сравнению с которыми варварство немцев «кажется просто смешным» [5. Р. 769].

Если Кардарелли посетил Советский Союз на излете НЭПа, то К. Альваро (1895–1956) побывал в СССР летом 1934 г., незадолго до убийства Кирова и последовавших за ним репрессий. Писатель и журналист, в ранние годы входивший в круг авторов журнала «900» (Novecento, 1926–1929) – проводника поэтики магического реализма в Италии, – своей писательской манерой Альваро отчасти близок к Кардарелли, но, в отличие от него, не ограничивается малой формой, хотя и в романах, и, в особенности, в рассказах, публицистике и мемуарах неизменно сохраняет поэтичность и ясность стиля. Если «путешествия» Кардарелли носят, в основном, метафорический характер, то Альваро к моменту поездки в СССР уже является автором двух сборников путевых заметок – «Путешествие в Турцию» (Viaggio in Turchia, 1932) и «Итальянский маршрут» (Itinerario italiano, 1933)³. Если в «турецких» очерках на первый план выходят лирические описания пейзажей, то в «Итальянском маршруте» отчетливо проявляется интерес автора к людям, к «повседневной реальности человеческого существования» [7. Р. 64]. Ту же линию продолжает и сборник «Творцы потопа»: «...меня интересуют фабрики, но гораздо больше меня интересует человек. Что такое цивилизация, если не человек?» [8. Р. 138]⁴.

В отличие от Кардарелли, Альваро был знаком с русским языком и культурой, поскольку участвовал в переводе и издании русских авторов: в 1920 г. он выпустил антологию «Русские рассказы» (Nouvelle russe), в 1921 г. в его переводе был издан «Вечный муж» Достоевского и «Мелкий бес» Сологуба, в 1942 г., уже после поездки в СССР – рассказы и воспоминания Л. Толстого (хотя вопрос об уровне его владения русским языком остается открытым – по некоторым свидетельствам, переводы Альваро выполнены не с русского, а с французского [10. Р. 564]). Он прибыл в Советский Союз как специальный корреспондент «Стампы», после газетной публикации его статьи с незначительными изменениями были изданы под названием «Творцы потопа. Путешествие в Советскую Россию» (1935 г.) и затем неоднократно переиздавались – в 1943 г. как «Путешествие в Россию» (Viaggio in Russia), позже – с оригинальным заголовком.

Впоследствии на основе воспоминаний о поездке Альваро напишет несколько новелл, о «русских» впечатлениях напоминает также общая атмосфера и некоторые детали его антитоталитарного романа «Человек силен» (L'uomo è forte, 1938). Для знакомства с советской действительностью Альваро избрал радикально иной подход, чем Кардарелли: его путешествие по Советскому Союзу длилось около сорока дней, и за это время писатель успел посетить Москву, Ленинград, Нижний Новгород, Сталинград, Баку, спуститься на пароходе по Волге и проехать на поезде по степи. Порядок следования очерков в целом отражает маршрут путешествия, однако книга не имеет четкой структуры и состоит из глав, посвященных

самым разнообразным темам – разрозненным путевым впечатлениям и встречам, экономическим вопросам, историческим экскурсам, отдельным феноменам советской жизни, ключевым или, по выражению автора, «волшебным» словам советской культуры.

Если перед Кардарелли стоит задача «наблюдать советскую реальность глазами фашизма» [3. Р. 29], то Альваро с его сдержанным отношением к режиму⁵ старается сохранять беспристрастие. Однако и ему как сотруднику центральной газеты «Ла Стампа» не удается избежать воздействия пропаганды (например, он упоминает фашистский корпоративизм как пример гармоничных и экономически рациональных взаимоотношений между государством и народом [8. Р. 199]). Как и Кардарелли, Альваро смотрит на советскую действительность критически, отмечая отдельные достижения советской власти, но сохраняя чувство превосходства прогрессивной западной цивилизации над отсталой русской. Но если Кардарелли ограничивается общими, внешними впечатлениями, Альваро стремится проникнуть вглубь советской реальности, объяснить причины и суть явлений. Травелог Альваро отличается от очерков Кардарелли большей конкретностью и вниманием к разнообразным деталям, от цифр экономических показателей до точно передаваемых диалогов с советскими людьми. Там, где Кардарелли не стесняется прибегать к едкой иронии и прямым обвинениям, Альваро проявляет человечность и сочувствие – с восхищением и состраданием пишет о советских женщинах («...сегодняшняя Россия <...> должна поставить памятник своим женщинам. Их поедали как хлеб, щедро разбрасывали, как зерно, срезали, как виноград осенью» [8. Р. 161]), с ужасом и смятением описывает толпы голодающих, увиденных из окна поезда на территории Украины (вероятно, речь идет о последствиях голода 1932–1933 гг.) [8. Р. 190–194].

Различия в тоне повествования отчасти объясняются временной дистанцией: можно предположить, что перед Альваро Россия предстает более упорядоченной и развитой, чем в период визита Кардарелли. Кроме того, в 1930-е гг. многие иностранцы под впечатлением масштабных экономических достижений первых пятилеток воспринимают путешествие в сталинскую Россию как своеобразное «паломничество»: они едут в СССР в поисках «нового мира», воплощенной утопии. Не является исключением и Альваро: по его собственному признанию, он «совершил эту поездку, искренне надеясь обнаружить новый способ жить на свете (*un nuovo modo di stare al mondo*)» [8. Р. 174] – мотив, совершенно отсутствующий у Кардарелли. Однако, как представляется, определяющее влияние на позицию авторов все же оказывают расхождения идеологического характера (так, чувство итальянского превосходства, пронизывающее текст травелога Кардарелли, вероятно, связано с националистической пропагандой, к которой автор, являвшийся в тот период ярым сторонником фашизма, оказался особенно восприимчив⁶). При этом влияние официальной идеологии в текстах обоих авторов проявляется не только в виде прямых высказываний, касающихся взаимоотношений фашизма и большевизма, но и опосредованно – в фор-

ме мифологем, из которых складывается образ России в глазах итальянцев.

Восприятие Советского Союза в итальянском обществе первой трети XX в. определяется, с одной стороны, стремлением поддерживать торгово-экономические, политические и культурные контакты между двумя странами, с другой – создаваемым пропагандой образом коммунизма и большевизма как идеологического противника фашизма. Начиная с 1910-х гг. антикоммунистическая риторика активно используется итальянскими фашистами как инструмент политической борьбы для нападок на своих главных политических оппонентов – социалистов. После прихода Муссолини к власти отношение фашистского руководства к СССР неоднократно меняется в зависимости от политической и экономической конъюнктуры [13]. НЭП и связанный с ним процесс реинтеграции Советской России в мировую экономическую систему определяют необходимость восстановления торговых связей между Италией и СССР.

1920-е и первая половина 1930-х гг. становятся для двух государств временем политического и культурного сближения и экономического сотрудничества, которое в 1933 г. официально закрепляется заключением итало-советского Пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете. Только во второй половине 1930-х гг., в период Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. и Гражданской войны в Испании, отношения между двумя странами обостряются и официальная позиция Италии по отношению к СССР приобретает отчетливую враждебную окраску.

Однако ни в один период своей истории фашизм полностью не отказывается от антикоммунистической риторики. Причем, как справедливо отмечает О.В. Дубровина, «формирование представлений о России вписывается в широкий контекст так называемого мифотворчества, то есть процесса создания целого ряда образов, понятий и концепций в рамках пропагандистской деятельности фашистского государства, направленных на обеспечение массового консенсуса с властью» [1. С. 79]. Коммунизм изображается фашистской пропагандой как воплощение «азиатского деспотизма», «порождение восточного менталитета, не имевшего ничего общего с западной цивилизацией, основанной на христианских ценностях и направленной на созидание и эволюционное развитие» [1. С. 85].

Таким образом, пропагандистские клише органично встраиваются в западный «миф о России», который складывается в Европе, в том числе и в Италии, на протяжении XVIII–XIX столетий. В рамках этих представлений Россия воспринимается как загадочная страна снегов и бескрайних степей, страна восточная, чуждая европейской (в особенности латинской) цивилизации и недоступная пониманию западного человека. Важным компонентом «русского мифа» является «азиатский деспотизм» и «варварство» русского общества, красочно описанное, например, в резонансной книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839, 1843*)⁷. Еще одна значимая составляющая «мифа о России» – представление о «загадочной русской душе», о «восточном» фатализме, пассивности и

коллективизме русского народа, о его особой склонности к страданию. Мифологема «русской души» окончательно оформляется ближе к концу XIX в. в знаменитой книге Э.-М. де Воюэ «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), которая фактически открывает русскую литературу не только для французского, но и в целом для западного читателя и надолго определяет контуры «мифа о России». В XX в. этот мифологизированный образ продолжает задавать парадигму восприятия России в Италии, укрепляясь под влиянием политических факторов. Итальянцы, посещающие СССР, неизбежно испытывают на себе влияние «русского мифа»⁸ как напрямую, через знакомство с русской культурой (прежде всего, литературой), так и через посредство официальной пропаганды.

Кардарелли еще в Польше ощущает пропасть (*abisso*), отделяющую его от «цивилизованной Европы». Представление о чуждой, загадочной, почти мистической стране органично перетекает в образ России как иного, потустороннего пространства, схожего с загробным миром, и парадигматическим текстом, задающим идеальную модель путешествия в потусторонний мир, для Кардарелли естественным образом становится «Божественная комедия» Данте. Польша же выступает в роли преддверия, где угольные шахты напоминают врата Ада, а земля имеет багровый (*perso*) оттенок, «который так часто возникает в фантазии Данте» [5. Р. 750]. Если Польша для Кардарелли – «последний оплот западной цивилизации», где сталкиваются и смешиваются «два противоположных мира», то Москву он однозначно характеризует как «восточный город <...> рассыпающийся на тысячи куполов, башен, колоколен» [5. Р. 761].

Альваро также описывает Москву как «азиатский средневековый город», хотя и отмечая тенденцию к вестернизации: «город, чьи планы будущего развития напоминают Лондон или Нью-Йорк» [8. Р. 79]. Еще более «азиатским» ему представляется Нижний Новгород (тогда – Горький), похожий на «городки Малой Азии» (здесь Альваро явно ссылается на опыт путешествия по Турции в 1931 г.), с «татарской башней» в форме «азиатской шапки» и видом на окрестности, наводящим на мысли о «бескрайних просторах Азии» [8. Р. 137]. Кардарелли подчеркивает в московской толпе обилие «кавказцев, татар, калмыков, монголов из Туркестана и Узбекистана, варваров разнообразного происхождения, цыган, евреев», напоминающих своей пестротой узор на персидском ковре [5. Р. 773]. Альваро называет Красную площадь «татарским ядром города», сравнивает собор Василия Блаженного с идолом или тотемом [8. Р. 80]. У Кардарелли восточный образ Москвы поддерживают литературные аллюзии на «Освобожденный Иерусалим»: Кремль напоминает писателю крепость из поэмы Т. Тассо, экзотическая «восточная» Россия ассоциируется со Святой Землей [5. Р. 762–763]. Вероятно, итальянский автор (не без влияния фашистской пропаганды) сознательно или неосознанно воспринимает свое путешествие как крестовый поход, а себя – как представителя прогрессивной западной цивилизации в землях варваров. Взгляд Альваро же представляется более «открытым» и менее предвзятым, хотя и базируется

на тех же мифологемах. То, что Кардарелли считает отсталостью, Альваро воспринимает как молодость: Россия – это «молодая страна на пороге цивилизованной жизни» [8. Р. 209]. Россия в его глазах предстает страной «религиозного византизма и азиатского самодержавия», но эти черты, по его замечанию, постепенно уходит в прошлое, уступая дорогу новой, еще до конца не оформившейся общественной структуре [8. Р. 90]. Если в глазах Кардарелли Россию и Европу разделяет непреодолимая пропасть, то Альваро видит советское общество не застывшим и закостеневшим в азиатском варварстве, а развивающимся и следующим, пусть и с отставанием, тем же путем, который в свое время прошли западные страны: «России еще даже не коснулись те проблемы, которые пытается разрешить Запад со времен войны по сегодняшний день; пока Россия – это огромная школа, в которой обучают гражданской (или цивилизованной – *civile*) жизни и человеческим взаимоотношениям» [8. Р. 92]; «Россия, направившись той же дорогой, что Европа и Америка пятьдесят лет назад, проходит тот же путь» [8. Р. 168]. При этом Альваро ничуть не сомневается в превосходстве Запада, утверждая мессианскую функцию Европы по отношению к России – функцию «регулирующую, законодательную, спасительную» [8. Р. 211] – и выказывая твердую веру в превосходство Запада, который веками и тысячелетиями усваивает все влияния Востока, привнося в них «порядок, ясность, гуманизм и жизненную силу» [8. Р. 200], превращая «античеловеческие утопии» в «инструменты человеческой цивилизации» [8. Р. 209].

Противопоставление Запада и Востока поддерживается различиями между «варварским» византийским православием и «просвещенным» католичеством. В парадигме «русского мифа» Россия проникнута особой, «византийской» православной религиозностью, которая коренится в самой природе русского народа, в его национальном характере. Именно поэтому, по мысли авторов травелогов, религия во внешне атеистическом советском обществе не исчезает, а лишь приобретает новые формы и по-прежнему пронизывает всю социальную жизнь Советского Союза. Парадоксальным образом даже большевистское богоборчество служит не отрицанию, а утверждению божественного присутствия, и сам большевизм приобретает форму религии. При этом оба автора так или иначе выказывают отрицательное отношение к православию, поддерживая представление, присутствующее еще у Воюэ, который воспринимает восточное, византийское христианство как «дряхлое» и «испорченное» [15. Р. 6].

Кардарелли характеризует русскую церковь, «застрявшую между Ветхим и Новым Заветом», как «примитивную и сектантскую» [5. Р. 813], как нельзя лучше соответствующую «скудным творческим способностям» русского народа и его «рабскому почтению к формам». По его мнению, архаичное и косное православие до сих пор определяет существование советского человека, превращая его мысли в догмы, а жизнь – в набор неизменных ритуалов [5. Р. 823].

Альваро также воспринимает догматичность советского мышления как признак «православного мен-

талитета» [8. Р. 92]. Однако если Кардарелли презрительно характеризует православие как религию варварскую «в глазах нас, латинян», как «сухую ветвь» великого древа римского католичества [5. Р. 823], то для Альваро рассуждения о религии становятся поводом подчеркнуть не разрыв, а, напротив, преемственность между Западом и Россией. В представлении Альваро советское общество при всей своей декларируемой антирелигиозности повторяет путь развития западной цивилизации, создавая «томизм нового типа» и на новой почве постепенно возрождая идеалы Французской революции и ценности демократии [8. Р. 92]. Общность сохраняющихся, несмотря на воинствующий атеизм официальной советской пропаганды, христианских ценностей (свобода воли, достоинство и ответственность индивида), составляет, по мысли Альваро, основу культурной близости России и Запада. Более того, проникая глубже любых политических и социальных различий и сходств, автор утверждает внутреннее родство всех людей, ссылаясь на наиболее архетипические религиозные образы – «мать, младенец, и всё то, пришедшее из религии, что укрепляет самые глубокие человеческие инстинкты» [8. Р. 206].

Интересно, что у обоих авторов уходит на второй план такой значимый в парадигме «русского мифа» компонент православия, как представление об особой утонченной духовности и мистицизме русских – представление, оформившееся под влиянием русской литературы (прежде всего, романов Толстого и Достоевского) и ее интерпретации в «Русском романе» Вогюэ, где мистицизм характеризуется как «важнейший элемент русского духа» [15. Р. 30]. Возможно, данный факт объясняется тем, что у Вогюэ эта особенность русской души образует единый комплекс с нигилизмом – аналогом буддийской нирваны – и связывается с восточной духовностью, якобы унаследованной русскими от индийских ариев. У итальянских же авторов «восточный» характер России ассоциируется не с буддийским и индуистским «мистицизмом», а, прежде всего, с «варварством», которое внутренне присуще славянам и усугублено татарским влиянием. Это представление особенно отчетливо прослеживается у Кардарелли с его подчеркнуто пренебрежительным отношением к России. У Альваро же «следы» данной мифологемы парадоксальным образом сохраняются в описаниях антирелигиозной борьбы, которую ведет Советское государство: постоянное именование Бога (пусть и в знак отречения от него), выпуск соответствующих газет и иные формы атеистической пропаганды напоминают автору то сомнение в присутствии Бога, которое испытывают великие мистики и святые, прежде чем окончательно слиться с Ним [8. Р. 115].

В описаниях русского характера, представленных в травелогах, отсутствует и такой компонент, как пессимизм, который у Вогюэ тесно связан со славянским нигилизмом-нирваной. Напротив, реалии изменяющегося и развивающегося советского общества дают итальянским авторам повод говорить не о глубинном пессимизме русской души, а о «коммунистическом оптимизме», связанном с конкретными политическими

ми и экономическими факторами. В интерпретации Кардарелли этот оптимизм чрезмерен и утопичен, в представлении Альваро – вполне обоснован: если первый заостряет внимание на тяжелой экономической ситуации и догматизме официальной пропаганды («Чего будет стоить России подобный эксперимент и что ее ждет – этим вопросом никто не задается <...>» Так рассуждают эти рассерженные утописты, от Сталина до последнего репортера, все в один голос, словно это общий для всех пароль: готовые ответить на любой довод и триумфально опровергнуть любое возражение» [5. Р. 810–811]), то второй смотрит на будущее Советского Союза с надеждой («Я склонен верить, что день большего благополучия придет, может, через двадцать лет, а может, через пять» [8. Р. 209]). Впрочем, сдержанный оптимизм Альваро объясняется, главным образом, верой в западную цивилизацию, чей путь с отставанием повторяет Россия.

Однако в травелогах итальянских авторов находят свое отражение другие мифологемы, связанные с представлением о «восточном» характере русской цивилизации: коллективизм, пассивность, фатализм и «бродяжий инстинкт» русского народа – особенности, обусловленные не только историческими и культурными, но и географическими факторами. Эти представления были распространены в европейской культуре по крайней мере со времен Э. М. де Вогюэ⁹ и активно поддерживались итальянской прессой 1920–1930-х гг. Кардарелли в Москве отмечает «единодушный» и «хоральный» характер жизни [5. Р. 767], «пассивную и фанатичную регламентацию» и «стремление собираться толпой» [5. Р. 769], Альваро объясняет отсутствие в русском характере такой основополагающей западной ценности, как милосердие (*pietà*), тем, что русские «всегда жили нераздельной толпой, человеческим стадом» [8. Р. 99]. Кардарелли, используя терминологию Вогюэ, пишет о «новой нирване», которую дарит Востоку (т.е. России) «простенькое коммунистическое учение» [5. Р. 814], Альваро проводит параллель между свойственной русским созерцательностью и однообразием окружающего пейзажа [8. Р. 156]. Кардарелли указывает на «походное» (*bivaccante*) впечатление, которое производит на него московская толпа, состоящая из «странствующих» (*errabondi*) пролетариев [5. Р. 773], Альваро объясняет миграции рабочих, перемещающихся по степи «из района в район, с фабрики на фабрику в поисках лучшей доли», «почти физиологическим импульсом» [8. Р. 191].

Кардарелли созерцает бескрайний однообразный ландшафт со смесью удивления и ужаса («Я словно вижу, как по этой равнине скачут полчища, с той же яростью, с какой неумолчно завывает ветер <...> Ее первобытный и истерзанный вид, серый, словно обгорелый цвет, которым окрашено все вокруг <...> волнуют дух каждого, кто видит это в первый раз, и навевают непонятные героические и отчаянные стремления» [5. Р. 749–750]), описания Альваро отличаются философским спокойствием и лиризмом («Человек – лишь атом среди простора, слишком бесприютного для всего человеческого. Я понимаю, что такое Россия, – это состояние души. Иногда <...> я чувствую, что равнина зовет меня, как бездна или море.

Мне хочется сойти с поезда, затеряться в этом пространстве, которое всё представляет собой сплошную дорогу, обрабатывать где-нибудь землю, сбежав от всех, среди чужих людей, и тогда больше никто бы ничего обо мне не узнал» [8. Р. 190]¹⁰, но оба автора так или иначе ощущают очарование русских просторов. Можно предположить, что особое распространение данный комплекс представлений получает под влиянием русской литературы – прежде всего, рассказов М. Горького, которые уже на рубеже XIX–XX вв. приобретают широкую популярность в Европе и, в частности, в Италии и воспринимаются как документальные автобиографические свидетельства (подробней об этом см. [17]). В травелогах итальянских авторов мифологизированная концепция «бродяжьей тоски» русского народа – «вечное русское колыхание людского потока, вечное странничество по огромному континенту» [8. Р. 155], наслаивается, как пишет Альваро, на реалии страны, переживающей период резких социальных изменений и сопутствующих им масштабных миграций.

Мифологема «бескрайних просторов» порождает представление о России как неокультуренном, диком пространстве и о примитивности, «первобытности» русского народа. У Альваро торговцы, продающие овощи на рынке, описываются как «тип древний, невежественный, сохранившийся с давних времен», а их товары – «словно из какой-то глубинной жизни, выкопанной (*scavata*) из руин после урагана, изменившего лик континента» [8. Р. 149]; люди, торгующие продуктами на волжских пристанях, предстают как «подлинные исторические типы глубинных рас» (*veri tipi storici di razze profonde* [8. Р. 153]), а крестьяне на индивидуальных земельных участках своим внушительным видом напоминают «земледельцев на ромбе примитивного барельефа» [8. Р. 178].

Кардарелли пишет о «древней патриархальной основе» советской действительности [5. Р. 747], описывает Россию как «девственный континент», ландшафт которого располагает к беспорядочным странствиям, а люди ведомы «инстинктом странничества» (*nomade istinto*) [5. Р. 773]. Любопытно, что если Кардарелли воспринимает торжество большевизма как одичание (именно по вине большевизма Россия утрачивает прежнюю культуру и превращается в «девственный континент»), то Альваро, напротив, рассматривает советскую власть как упорядочивающую силу – отчасти благотворную, отчасти мертвящую и давящую: новая власть приносит «культуру, более совершенный образ жизни по сравнению с состоянием полудикого народа, рассеянного по земле» [8. Р. 209], в то же время, например, описание нового города, построенного при советском режиме [8. Р. 146–147], кажется зловещим, почти антиутопичным. Контрастируя с красочной картиной сельского рынка [8. Р. 149–150], безжизненный городской ландшафт, где «даже бельё на балконах развешено симметрично», а страж порядка может окинуть одним взглядом единственную, идеально прямую улицу, выглядит не как примета цивилизации, а как воплощение пугающего единообразия и жесткого государственного контроля. Таким образом, у Альваро, в отличие от Кардарелли, стихийное начало, первобыт-

ная близость к природе приобретает позитивные коннотации, ассоциируясь с естественностью и свободой в противовес искусственному, навязанному порядку.

В рамках антитезы Востока (России) и Запада как стихийного и упорядоченного, природного и культурного оба автора активно используют при описании советской действительности метафоры, отсылающие к миру природы. У Альваро московская улица с неухоженными, требующими ремонта домами похожа на «крусло пересохшей реки» [8. Р. 75], повсюду чувствуется один и тот же «животный запах, запах толпы, перезрелых фруктов, соленой рыбы – запах России» [8. Р. 78], у Кардарелли московская толпа напоминает «бурное море» [5. Р. 773]. Русский народ – именно в силу представления о его варварской и дикой, стихийной натуре – неизменно ассоциируется с животным миром. Кардарелли использует бестиарные образы, с пренебрежением описывая русский национальный характер («животные, умеющие сдерживаться и терпеть» [5. Р. 830]), личные отношения («Отношения между мужчиной и женщиной – как у кошек <...> Они ранят друг друга. Они расстаются, словно никогда и не были знакомы» [5. Р. 821]), внешний облик («дикие глаза полярных медвежат» у солдат-новобранцев [5. Р. 786]). У Альваро же мир природы, как и «дикое», «первобытное» начало в целом, приобретает, скорее, позитивную окраску. Автор сравнивает жизнь людей среди бескрайних степных просторов с жизнью насекомых или животных, причем свободный мир природы напрямую противопоставляется жесткому устройству советского общества: «...колонны шагающих муравьев, сверчки, бесчисленная потаенная жизнь <...> Так же путешествуют по равнине люди: в этом жестком устройстве общества, в жизни, тяготеющей к застывшим формам, скрывается мир, находящийся в постоянном движении» [8. Р. 191]. Многочисленные бестиарные метафоры в описании русских женщин (матери ухаживают за детьми «с достоинством и уверенностью самок животных (*belve madri*)» [8. Р. 191], женщины на Волге смотрят «глазами серьезных животных – взгляд самой природы» [8. Р. 156] и т.д.) выражают не презрение, а, напротив, сочувствие и даже восхищение.

В представлении Кардарелли о русском народе образ животного соседствует с образом ребенка – вероятно, эта ассоциация связана с тем же прогрессистским пафосом, которым пронизана уже упоминавшаяся метафора крестовых походов, однако на этот раз автор (сознательно или неосознанно) воспринимает себя уже не как крестоносца в Святой Земле, а, скорее, как колонизатора, носителя цивилизации среди неразумных, инфантильных дикарей¹¹. «Сельский и городской пролетариат», на который делает ставку советская власть, в глазах итальянского автора оказывается носителем «опасной невинности»: он лишен прочных моральных принципов и понятия о грехе, чужд западным представлениям о верности и чести. «Они обладают всеми достоинствами и недостатками детей. Я склонен считать русских в высшей степени инфантильным народом» [5. Р. 820–821]. Именно инфантильностью русских Кардарелли объясняет преклонение перед «отталкивающей» фигурой Карла

Маркса [5. Р. 821]. С этим же представлением соотносится и образ России как патриархальной семьи, в которой государство с его «абсолютной и суровой властью» играет роль отца [5. Р. 830] (эта картина «азиатского деспотизма» соотносится, с одной стороны, со штампами фашистской пропаганды, с другой – с элементами «русского мифа», представленными еще в книге уже упоминавшегося де Кюстина). У Альваро же образ детства соотносится не с дикостью и варварством, а с естественностью и свободой, вставая в один ряд с позитивно окрашенными образами природы, противостоящей искусственно навязанному порядку. Эта оппозиция особенно ярко проявляется в описании дождя над новым городом, построенным в степи для сельскохозяйственных рабочих: «При первом шуме дождя на пыльную площадь выбежала босая девочка лет двенадцати <...> Снаружи была свобода и приволье свежего воздуха, пространства, стихий <...> В четырех стенах площади архитектура домов для рабочих уже казалась старой и обветшалой по сравнению с бесконечной молодостью земли» [8. Р. 181].

Важным ориентиром для зарубежной рецепции России, в значительной степени формирующим ее образ в Италии и, шире, в Европе, служит классическая русская литература и, в меньшей степени, музыка. Экзотический «восточный» колорит русской жизни у обоих авторов ассоциируется с оперой Мусоргского «Борис Годунов»: Кардарелли вспоминает об этом произведении при виде московской толпы («толпа как на восточном рынке, деловитая или ожидающая, толпа религиозная и оборванная, как в первом акте *Бориса*» [5. Р. 765]), Альваро сравнивает с «короной Бориса Годунова» кремлевские башни [8. Р. 79]. При этом Альваро как переводчик и издатель русской классики демонстрирует более глубокое знание русской культуры, при упоминании Бориса Годунова ссылаясь не только на оперу Мусоргского, но и на трагедию Пушкина. Кардарелли, пересекая советскую границу, представляет себе «сказочную Россию Гоголя, Толстого, Достоевского» [5. Р. 756]; более того, он берет с собой в путешествие томик Достоевского, словно надеясь, что русский автор поможет ему постичь чуждую действительность. Альваро отмечает, что постоянный надзор со стороны спецслужб позволяет ему «понять состояние духа многих преследуемых героев Достоевского» [8. Р. 82].

Достоевский упоминается в обоих травелогах чаще остальных русских классиков. Вероятно, образ именно этого писателя (и его героев) воспринимается итальянскими авторами как квинтэссенция «русской души», страстной, противоречивой, страдающей. Данное представление было подготовлено еще «Русским романом» Вогюэ, где Достоевский описывается именно как воплощение души русского народа – «смесь грубоватости и идеализма, дикости и чувствительности» [20. С. 68], что особенно отчетливо проявляется в сцене похорон писателя («Кто видел это шествие, видел эту страну противоречий со всех ее сторон», со всей «неясностью и смутой народной жизни» [20. С. 71–72]), а посвященная ему глава носит красноречивый заголовок «Религия страдания». Возможно, именно о влиянии Достоевского говорит и сочув-

ственное замечание Альваро о национальном характере русского народа, «исторически привычного к страданию» [8. Р. 198], и презрительное высказывание Кардарелли о противоречивости «русской психологии», в которой покорность и готовность подчиняться сочетаются с «прямо противоположной склонностью, разрушительной и бунтарской» – в его представлении эта черта и составляет «великую загадку русской жизни» [5. Р. 830]. Интересно, что, используя русскую литературу как ориентир и точку отсчета, оба автора отмечают разрыв между дореволюционной Россией, какой она предстает у классиков, и новой советской реальностью; но если Альваро просто констатирует этот разрыв («в Нижнем я не мог представить себе образ Чехова, на Сенной площади в Ленинграде не мог вообразить сцену из *Преступления и Наказания*» [8. Р. 95]), то Кардарелли воспринимает его как возвращение к архаике, к допетровскому прошлому: «Кто не знает по романам Толстого этот старый, солнечный и патриархальный город <...>? После разрушения империи Петра Великого словно бы восстанавливается империя Ивана Грозного, и Москве <...> приходится вспомнить о своей старинной и суровой судьбе» [5. Р. 772] (то замечание Кардарелли явно соотносится с упомянутым выше восприятием большевизма как одичания, краха цивилизации).

Таким образом, элементы «русского мифа», окончательно сложившегося в Европе к концу XIX в. и сохранявшего свое значение в западной рецепции России на протяжении XX столетия, в травелогах итальянских писателей органично сочетаются с клише официальной фашистской пропаганды. Осмысление взаимоотношений России и Европы в рамках антитезы Востока и Запада логически приводит к восприятию России как дикого, неокультурного пространства, а русского народа – как варварского, примитивного, близкого к животному миру, причем это представление парадоксальным образом сочетается с признанием достижений русской культуры (прежде всего, классической литературы). Интересно, что степень предвзятости по отношению к России у рассматриваемых авторов коррелирует с чувствительностью к фашистской пропаганде: если В. Кардарелли в своих оценках доходит до презрения и неприкрытой ксенофобии, у К. Альваро резкость суждений смягчается гуманистическим пафосом и восхищением отдельными чертами русского национального характера. Но при всех различиях в тоне повествования и оценках оба автора сохраняют твердую уверенность в превосходстве западной цивилизации над русской и рассматривают русского человека в имагологическом ракурсе, как «другого».

Интерпретацию Советской России итальянскими авторами можно было бы назвать ориенталистской (в терминах Э. Саида). Применение к текстам травелогов концепции ориентализма как одновременно «культурного и политического факта» [21. С. 26] позволяет акцентировать внимание на политическом аспекте: образ России в рассматриваемых текстах не только формируется в результате взаимодействия культурного феномена «русского мифа» с пропагандистскими клише фашистской идеологии, но и –

вольно или невольно – служит определенным политическим целям. Но если ориентализм, понимаемый как онтологическое и эпистемологическое различие «Востока» и «Запада», имеет своей (часто не декларируемой) целью «доминирование, реструктурирование и осуществление власти над Востоком» [21. С. 9–10], т.е. существует в парадигме колониализма и направлен, прежде всего, «вовне», то рассматриваемые нами травелоги ориентированы не столько на культурное и политическое влияние на СССР, сколько на решение сугубо внутриитальянских проблем. Эти и подобные им тексты формируют в общественном сознании образ «другого», на фоне которого ярко высвечивается превосходство (подлинное или мнимое) западной цивилизации в целом и Италии в частности. Травелоги 1920–1930-х гг., критически изображающие советские реалии и трактующие большевизм как типично русский феномен, чуждый западной цивилизации (и потому неприменимый в Италии – «самой индивидуалистической стране в мире» [13. Р. 230]), поддерживают в обществе националистические и антиславянские настроения и одновременно служат эффективным инструментом идеологического противостояния с

итальянскими социалистами, которые становятся главной движущей силой антифашистской борьбы внутри страны и в эмиграции. Практика террора, широко применяющаяся большевиками в СССР, используется как оправдание для жестких мер по отношению к социалистам, прежде всего, социалистам, которых Муссолини характеризует как «русское войско, расквартированное в Италии» [13. Р. 236]. По сравнению с большевистским террором в России, действия фашистов объявляются более умеренными, разумными и оправданными: таким образом, противопоставление фашизма и большевизма, поддерживаемое в том числе и текстами травелогов, служит легитимации режима Муссолини. В то же время поездки итальянских интеллектуалов в СССР поддерживают в итальянском обществе интерес к Советской России и служат укреплению культурных, а опосредованно – и политических и экономических контактов между двумя государствами. Свидетельства авторов травелогов вносят свой вклад в создание сложного и противоречивого итальянского образа СССР, сохраняя и расширяя возможности для диалога между двумя странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Еще одним литератором, посетившим Советский Союз в этот период, был Курцио Малапарте. Он пробыл в СССР с мая по июнь 1929 г. в качестве корреспондента газеты «Стампа» (La Stampa), его очерки публиковались на страницах газеты в период с июня 1929 по апрель 1930 г., а затем, в том же 1930 г., были изданы отдельной книгой под названием «Осмысление Ленина» (Intelligenza di Lenin). Однако эта работа в жанровом отношении представляет собой не травелог в полном смысле слова, а, скорее, «аналитический памфлет» [3. Р. 129]: в нем отсутствует путешествие как целостный сюжет, а описание отдельных реалий советской действительности служит определенной цели – показать историческую логику революции, исходя из особенностей личности ее «творца», В.И. Ленина. Поэтому данное произведение останется за рамками нашего исследования. Об этом и других публицистических и художественных текстах Малапарте, объединенных «советской» темой, см.: Голубцова А.В. «Русский миф» в произведениях Курцио Малапарте // *Studia Litterarum*.

² «Две последние Аксиомы показывают Первоначальное разделение всего Человеческого Рода на два вида: один – гигантов, другой – людей с нормальным телосложением; первый – Язычников, второй – Евреев. Такое различие могло возникнуть только вследствие звериного воспитания первых и человеческого воспитания вторых» [6. С. 142]. Помимо презрительных замечаний о русских и славянах вообще, писатель позволяет себе неприкрыто антисемитские высказывания: евреи «подтачивают драгоценное здание <...> польского патриотизма и западничества» [5. Р. 751], их «грязные черные лапсердаки» буквально «преследуют» автора (quella palandrana lercia e nera <...> già divenuta per me un'ossessione) [5. Р. 751–752], и т.п.

³ Впрочем, метафора путешествия как погружения в воспоминания, в глубины истории, в мир литературы и искусства также сохраняет для Альваро свое значение: так, в «Итальянском маршруте» наряду с актуальными впечатлениями присутствуют воспоминания детства, исторические и литературные экскурсы, а сборник лирических стихов, вышедший в 1942 г., получает название «Путешествие» (Il viaggio).

⁴ Здесь и далее из соображений точности цитаты приводятся в переводе автора статьи, хотя в 2003 г. травелог был издан на русском языке [9].

⁵ В 1925 г. Альваро подписал Манифест антифашистских интеллектуалов, подготовленный Б. Кроче, а его высказывания в поддержку режима связаны, главным образом, с успешным проектом мелиорации Понтинских полей в области Лацио неподалеку от Рима [11. Р. 133].

⁶ Причем речь идет не только об идеологическом, но и о культурном противостоянии: одним из программных принципов журнала «Ронда» и круга писателей «рондистов» была защита «чистоты итальянской литературы от влияния северных и восточных романтиков и декадентов в пользу классической традиции Джакомо Леопарди», что выражалось в «строгом осуждении иностранных культур» и «восхвалении итальянской гениальности» [12].

⁷ См. в частности, рассуждения о «жестокой тирании» и «ужасающей правильности», царящей в России [14. С. 321].

⁸ «Ло Гатто справедливо писал, что путешественники были лучше подготовлены к восприятию форм русского прошлого, которое так очаровывало их, чем к пониманию новых политических и экономических структур» [2. Р. 38].

⁹ Вогюэ объясняет «восточную» пассивность и фатализм русского народа через понятие нирваны [15. Р. 3–5], пишет о «коллективной связи», внешней и внутренней общности русских людей [15. Р. ix], а в очерке «Максим Горький. Произведения и личность писателя» (опубл. в «Ревю де Дё Монд» в 1901 г.), который является логическим продолжением «Русского романа», подробно описывает «инстинкт бродяжничества» и его исток – чувство тоски, национальную черту русского характера, порожденную природными условиями, в которых этот характер сформировался («Она может быть задумчива и холодна, как породивший ее снег, или вскипать внезапно и яростно, как вода растаявшего снега») [16. С. 24–25].

¹⁰ Интересно, что Кардарелли, упоминая Волгу, которой ни разу не видел собственными глазами, также на мгновение поддается лирическому порыву, передавая свое настроение почти теми же словами: «По одной из этих дорог вдоль Москвы-реки я бы направился к Волге и, сев на корабль на этой сказочной реке, смог бы, наконец, преодолеть такие пространства, добраться до моря, затеряться в столь далеких неведомых краях, чтобы забыть дорогу на родину» [5. Р. 765]. Не исключено, что этот пассаж мог появиться под влиянием травелога Альваро. Хотя очерки Кардарелли относятся к более ранней эпохе, его книга «Путешествие поэта в Россию» была издана значительно позже «Творцов потопа», и при подготовке публикации Кардарелли имел возможность ознакомиться с текстом Альваро (о возможной связи между двумя травелогами см., напр. [3. Р. 69]).

¹¹ О сравнении дикарей и детей и образе дикаря-ребенка см., напр. [18. С. 29–32; 19. С. 81] (на примере освоения европейцами Американского континента).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России/СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2017. 308 с.
2. Petracchi G. Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta // Rivista di Studi Politici Internazionali. Nuova serie. Vol. 81, № 1 (321). P. 35–57.
3. Traini Ch. Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico : corso di dottorato di ricerca in culture umanistiche. Urbino : [S. e.], 2016. 281 p.
4. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.
5. Cardarelli V. Opere. Milano : Mondadori, 1981. 1262 p.
6. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М. : РИПОЛ классик, 2018. 704 с.
7. Balduino A. Corrado Alvaro. Milano : Mursia, 1965. 215 p.
8. Alvaro C. I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica. Reggio Calabria : Falzea, 2004. 442 p.
9. Альваро К. Творцы потопа: поездка в Россию / пер. с итал. А. Махова. М. : Книжное обозрение, 2003. 223 с.
10. Tusciano F. Alvaro tra Calabria e Russia. Tradizione e traduzione // Corrado Alvaro e la letteratura tra le due guerre : atti del convegno, Cosenza-Reggio-San Luca 27–29 settembre 2001 / a cura di Alessio Giannanti e Aldo Maria Morace. Cosenza : Pellegrini, 2006. P. 563–588.
11. Farsetti A. La Russia sovietica con gli occhi dei viaggiatori fascisti: frattura come (parziale) integrazione // Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria (a cura di C. Pieralli, C. Delaunay, E. Priadko). Firenze : FUP, 2017. P. 133–150.
12. Фарсетти А. Об образе СССР в путевых записках фашистов: «Путешествие одного поэта в России» Винченцо Кардарелли // Культурологический журнал. 2015. № 2 (20). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/326.html&j_id=23#up (дата обращения: 15.03.2021).
13. Bresciani M. Tra “guerra civile europea” e “crisi eurasiatica”: Benito Mussolini, la rivoluzione russa e il bolscevismo // Annali della Fondazione Ugo La Malfa. Storia e politica. 2016. XXXI. P. 217–241.
14. Кюстин А. де. Россия в 1839 году : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2. 526 с.
15. Vogüé E.-M. de. Le Roman russe. Paris : Plon, 1886. 347 p.
16. Вогюэ Э.-М. де. Максим Горький. Произведения и личность писателя / пер. А. Б. Ф. СПб. : Изд. М.В. Пирожкова, 1902. 55 с.
17. Голубцова А.В. Биографический миф Максима Горького в ранней итальянской рецепции // Вопросы литературы. 2018. № 4. С. 42–59.
18. Коул М.К. Культурно-историческая психология: наука будущего. М. : КогитоЦентр, Ин-т психологии РАН, 1997. 432 с.
19. Федин А.В. Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. Вып. 32. С. 65–93.
20. Вогюэ Э.М. де. Современные русские писатели. Толстой – Тургенев – Достоевский. Ч. 3: Достоевский. М. : Изд-е В.Н. Маракуева, 1887. 73 с.
21. Саид Э. Ориентализм. СПб. : Русский Мир, 2006. 640 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2021 г.

The “Myth of Russia” in Travelogues about the USSR by Vincenzo Cardarelli and Corrado Alvaro

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 15–24.

DOI: 10.17223/15617793/468/2

Anastasia V. Golubtsova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: anal294@yandex.ru

Keywords: myth of Russia; travelogue; Vincenzo Cardarelli; Corrado Alvaro; USSR of 1920s and 1930s; Fascism; propaganda; Orientalism; Edward Said.

The article was written with the support of the Russian Science Foundation, Grant No. 20-78-00042: The Soviet Union and the “Russian Myth” in the Travelogues by Italian Writers, at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

The aim of the article is to study the functioning of the key components of the Western “myth of Russia” in travelogues by Italian writers, who visited the Soviet Union in the 1920s and 1930s, in the period of frequent cultural, political and economic contacts between the two countries. The study is based on the analysis of the travelogues by Vincenzo Cardarelli (*The Journey of a Poet in Russia*, 1928–1929, published in 1954) and by Corrado Alvaro (*The Masters of Deluge: A Journey to Soviet Russia*, 1935). Among journalists working in the USSR in those years, famous writers enjoyed a certain degree of intellectual autonomy, compared to common reporters, and were less dependent on editorial policies and censorship that is why their travelogues are among the most interesting Italian testimonies about the USSR of that period. The analysis of the texts shows that in spite of many differences in ideology, travel itinerary, and the tone of writing, the travelogues of both authors are based on the same elements of the “Russian myth”, which formed in Europe during the 19th century and still shapes the Western image of Russia to a great extent. Relations between Russia and Italy are considered in the context of the East-West dichotomy, which makes the authors see Russia as a barbarian Asian country. This image together with the concept of the “Russian soul” generates a specific idea of the Russian national character, which describes Russians as collectivist, passive, fatalist, driven by a “nomadic instinct”, eager to suffer, primitive and close to nature, infantile. The analysis of the topoi of the official Fascist propaganda of that period demonstrates that elements of the “Russian myth” in the Italian travelogues interact with propaganda clichés and, consequently, come to serve certain political interests, creating in public consciousness the image of the Other and thus highlighting the superiority of the Western (and, particularly, Italian) civilization. The travelogues of the 1920s and 1930s, which criticize the Soviet reality, describe Bolshevism as a typically Russian phenomenon, and support nationalist and anti-Slavic trends in Italian society, are used by the Fascist authorities as an instrument of fight against Socialists, their main ideological opponents, and, consequently, provide legitimacy to Mussolini’s regime. At the same time, visits of Italian intellectuals to the USSR increased public interest towards Soviet Russia and contributed to the development of cultural and, indirectly, political and economic contacts between the two countries.

REFERENCES

1. Dubrovina, O.V. (2017) *Formirovanie predstavleniy o Sovetskoy Rossii/SSSR v fashistskoy Italii 1922–1943 gg.* [Formation of ideas about Soviet Russia/SSSR in fascist Italy 1922–1943]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Petracchi, G. (2014) Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta. *Rivista di Studi Politici Internazionali. Nuova serie.* 81:1 (321). pp. 35–57.

3. Traini, Ch. (2016) *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico: corso di dottorato di ricerca in culture umanistiche*. Urbino: [S. e.].
4. Shachkova, V.A. (2008) "Puteshestvie" kak zhanr khudozhestvennoy literatury: voprosy teorii ["Travel" as a genre of fiction: theoretical issues]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 3. pp. 277–281.
5. Cardarelli, V. (1981) *Opere*. Milano: Mondadori.
6. Vico, G. (2018) *Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsiy* [Principles of New Science Concerning Nations' Shared Nature]. Translated from English. Moscow: RIPOL klassik.
7. Balduino, A. (1965) *Corrado Alvaro*. Milano: Mursia.
8. Alvaro, C. (2004) *I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica*. Reggio Calabria: Falzea.
9. Alvaro, C. (2003) *Tvortsy potopa: poezdka v Rossiyu* [Creators of the Flood: a trip to Russia]. Translated from Italian by A. Makhov. Moscow: Knizhnoe obozrenie.
10. Tusciano, F. (2006) Alvaro tra Calabria e Russia. Tradizione e traduzione. In: Giannanti, A. & Morace, A.M. (eds) *Corrado Alvaro e la letteratura tra le due guerre: atti del convegno*, Cosenza-Reggio-San Luca 27–29 settembre 2001. Cosenza: Pellegrini. pp. 563–588.
11. Farsetti, A. (2017) La Russia sovietica con gli occhi dei viaggiatori fascisti: frattura come (parziale) integrazione. In: Pieralli, C., Delaunay, C. & Priadko, E. (eds) *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria*. Firenze: FUP. pp. 133–150.
12. Farsetti, A. (2015) The Image of USSR in Fascists' Travel Notes: The Case of Vincenzo Cardarelli ("The Journey of a Poet in Russia"). *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*. 2 (20). [Online] Available from: http://cr-journal.ru/rus/journals/326.html&j_id=23#up (Accessed: 15.03.2021). (In Russian).
13. Bresciani, M. (2016) Tra "guerra civile europea" e "crisi eurasiatica": Benito Mussolini, la rivoluzione russa e il bolscevismo. *Annali della Fondazione Ugo La Malfa. Storia e politica*. XXXI. pp. 217–241.
14. de Custin, A. (1996) *Rossiya v 1839 godu: v 2 t.* [Russia in 1839: in 2 volumes]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
15. de Vogüé, E.-M. (1886) *Le Roman russe*. Paris: Plon.
16. de Vogüé, E.-M. (1902) *Maksim Gor'kiy. Proizvedeniya i lichnost' pisatelya* [Maksim Gorky. Works and personality of the writer]. Translated from French. by A. B. F. St. Petersburg: Izd. M.V. Pirozhkova.
17. Golubtsova, A.V. (2018) Early Reception of Maxim Gorky's Biographical Myth in Italy. *Voprosy literatury*. 4. pp. 42–59. (In Russian).
18. Cole, M.K. (1997) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka budushchego* [Cultural Psychology: A Once and Future Discipline]. Translated from English. Moscow: KogitoTsentr; Institute of Psychology, RAS.
19. Fedin, A.V. (2010) Ideya "blagorodnogo dikarya" v "iezuitskikh relyatsiyakh" XVII v. [The idea of a "noble savage" in the "Jesuit reports" of the 17th century]. *Dialog so vremenem*. 32. pp. 65–93.
20. de Vogüé, E.-M. (1887) *Sovremennye russkie pisateli. Tolstoy – Turgenev – Dostoevskiy* [Contemporary Russian writers. Tolstoy – Turgenev – Dostoevsky]. Translated from French. Part 3: Dostoevsky. Moscow: Izd-e V.N. Marakueva.
21. Said, E. (2006) *Orientalizm* [Orientalism]. Translated from English. St. Petersburg: Russkiy Mir".

Received: 05 July 2021

Л.И. Ермоленкина

МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОНВЕРГЕНТНОГО РАДИО

Исследуется проблема медийного воздействия одной из гибридных форм современной коммуникации – конвергентного радио, транслирующего на платформе интернета. Делаются выводы о неочевидном характере такого воздействия по причине реализации в коммуникационной среде конвергентного источника, смысловое пространство которого в значительной степени конструируется при активном участии адресата-пользователя, а также о специфике дискурсивного контроля, который проявляется в типовых эмоциональных реакциях реципиентов – участников интерактивного взаимодействия.

Ключевые слова: дискурс конвергентного радио; интерактивная коммуникация; диалогическое взаимодействие; дискурсивное воздействие.

Введение

Тенденция к технологическому и культурному объединению медийных платформ обусловила появление таких социальных феноменов, как конвергентные медиа – функционально взаимозависимые источники трансляции и связи с адресатом (например, радио, интернет и телефон), использующие комплекс мультимедийных средств взаимодействия с аудиторией. Стратегически важной для функционирования конвергентных СМИ является интерактивная форма взаимодействия с адресатом, поэтому значительный сегмент таких источников – аналогового радио, телевидения, печати – использует социально-сетевую платформу и распространяет свое вещание посредством популярных аккаунтов ВКонтакте, Instagram, Facebook и др.

В данном исследовании рассматривается дискурсивная практика конвергентного радио информационно-аналитической и информационно-развлекательной спецификации (формата), реализуемая как воспроизводимая социоречевая деятельность субъектов институционализированной коммуникации (дискурса), участвующих в производстве его интерактивного контента.

Активный характер потребления интерактивного ресурса радио (сервисы, обрабатывающие аналитику внимания (Googl Analytics, RamblerTop 100, Яндекс.Метрики, LiveIntmet.ru и др.)), позволяющий радиостанциям верифицировать показатели качественного характера: вкусы и предпочтения целевой аудитории, ее реакции на определенные программы и темы) указывает на ряд мотивов, важных с точки зрения его выбора адресатами. Становясь активным субъектом дискурсивной практики, пользователь удовлетворяет не только свои рекреативные потребности, но и получает новый опыт социализации – участие в публичном диалоге. Включенность адресата в процесс функционирования конвергентного радио дает основания говорить о том, что его типологическая роль качественно меняется на этом витке развития СМИ: из объекта (мишени) воздействия он трансформируется в субъекта действия, созидающего дискурс в процессе диалогического взаимодействия с медийным источником. В русле этой тенденции актуализируется проблема воздействия медиадискурса, реализующего гибридные структуры современной коммуникации.

Методология исследования

Интегральным признаком для базовых функций медиа (наблюдение за миром – сбор и распространение информации, формирование общественного мнения, распространение культуры [1]) является управление вниманием и рецептивной активностью адресата через воздействие на его картину мира. По Ж. Бодрийяру, основной эффект моделирования реальности средствами массмедиа – это создание замещающих образов-конструкций, представляющих мир в виде мозаики из бесчисленных и не связанных осколков – сообщений [2]. Потоки хаотично взаимодействующих текстов и сюжетов не позволяют субъекту выстроить целостный образ мира на рационально-аналитической основе. В то же время позиция каналов СМИ определяется конкретными нормативами: общемедийной идеологией, форматной концепцией, редакционной политикой и рыночной конъюнктурой. В результате необходимыми элементами медийного воспроизводства становятся селекция и организация фактов, игра со смыслами и оценками.

Традиция изучения дискурсивных механизмов медийного воздействия отражает междисциплинарный характер проблематики реализации дискурсивной власти [3–5], дискурсивной идеологии [6–8.] и дискурсивных картин мира [9]. Исследование манипулятивного потенциала медиатекста сосредоточено в основном на автороцентрической модели медийного воздействия – языковых показателях позиции автора, косвенно указывающих на картину мира, которая может сформироваться в сознании адресата [9–14].

Изучение коммуникации в пространстве конвергентного радио отражает установку на поиск закономерностей в осуществлении контроля дискурса там, где он не демонстрирует эксплицитных стратегий реализации, поэтому исследовательский акцент на деятельном характере участия адресата в дискурсивной практике конвергентного радио представляется перспективным для описания феномена медийного воздействия.

Для анализа материала интерактивной коммуникации в пространстве конвергентного радио, рассматриваемого в аспекте воздействия, выбрана комплексная методика, учитывающая институциональную и персонологическую реализации дискурсивной прак-

тики. Институциональный аспект интерактивного взаимодействия рассматривается с позиции дискурсивного подхода к медийной коммуникации [15], согласно которому медиа реализует социоречевую деятельность, направленную на формирование картины мира аудитории. Существенная особенность этого процесса обусловлена контекстами – «ментально репрезентированными структурами характеристик социальной ситуации, которые релевантны производству и пониманию дискурса» [3. С. 161]. Согласно Т. ван Дейку, контекст определяется такими категориями, как воспроизводимые действия в рамках определенных жанров, участники, выполняющие различные коммуникативные роли, а также их ментальные репрезентации в виде целей, ценностных систем, идеологии [3. С. 161]. Воздействие контекста реализуется через его контроль над какой-либо из данных категорий в виде конвенций понимания участниками коммуникации ситуации взаимодействия.

Контекстами, определяющими течение коммуникации в интерактивной среде конвергентного радио, являются базовые установки, формируемые в среде интернет-коммуникации и аналогового радио. С одной стороны, сетевой канал медиа ориентирует радио на привлечение лояльных адресатов и распространение ресурса в среде новых пользователей. Концепты свободы самовыражения и глобальной адресации, характеризующие коммуникацию, опосредованную интернетом, определяют установку пользователей на самоактуализацию и межперсональное взаимодействие [16, 17]. С другой стороны, форматная концепция аналогового источника корректирует этот процесс установками на те ценностные ориентиры и нормы, которые определяются презумпциями выбора релевантных каналов тем, повестки дня, личностей ведущих и гостей эфира, а также коммуникативно-языковых и звуковых способов организации вещания, специфицирующих канал на фоне конкурирующих.

Персонологический аспект дискурса радио реализуется в диалогическом общении пользователей, для анализа которого в аспекте воздействия применяется методика описания диалогической коммуникации, рассматривающая интеракции с точки зрения того, какой вклад в ее развитие вносят участники на основе выбранных ими стратегий [18, 19]. Формируемые в результате взаимодействия диалогические структуры рассматриваются на основе методики качественного критического дискурс-анализа, построенного на описании типовых с точки зрения развития темы фрагментов, образующих смысловые последовательности – дискурсивные нити (по З. Йегер) [20].

Результаты исследования

Полагаем, что одним из механизмов воздействия, реализуемых в интерактивном пространстве конвергентного радио, является стереотипизация сценариев коммуникативного поведения. Данный механизм реализации дискурсивной практики определяет диапазон ожидаемых реакций адресата, следующих на институционально организованный стимул – текст (редакторский пост), предназначенный для комментария и обсуждения пользователей.

В данном случае рассматривается материал социально-сетевой версии радиостанций «Эхо Москвы» («ЭМ») и «Радио Маяк», вещающих в аккаунте «ВКонтакте». Оба канала позиционируют себя как разговорные, общие черты прослеживаются в просветительской направленности программ и возможности любого радиослушателя стать интерактивным пользователем портала. Специфика «ЭМ» отражает установку на дискуссионный характер обсуждения проблем политической и социокультурной жизни общества.

Изученный материал – фрагменты трех интерактивных сессий, ограниченных временным интервалом 24 ч, в течение которых участники комментировали редакторские посты. Логика наблюдения строится по схеме: «институциональный источник (инициирующий текст) – реакции пользователей (1) на текст – реакции пользователей (2) на реакции пользователей (1)». Действия коммуникантов, эксплицирующих дискурсивный контроль, маркируются показателями (лексические переклички, повторы, реплики-переспросы), характеризующими моменты коммуникативных пересечений и смысловых взаимовлияний иницирующего текста и реакций на него в виде комментирующих текстов пользователей. Необходимо учитывать, что в цифровой среде интернета иницирующий текст реализует комплексный характер на пересечении различных средств вербальной и невербальной семиотики (фото, видео, графики, анимации и др.), указывающий на содержательную и структурную открытость, поликодовую многоуровневость в границах разных медийных систем.

Процесс интеракций, организуемый вокруг обсуждаемого текста, структурируется его значениями:сылки текста, актуализируемые в виде концептуальных смыслов, остаются в импликации, но определяют коммуникативный сценарий взаимодействия участников, выбор коммуникативных и языковых средств. Процесс считывания имплицитных смыслов исходного текста фиксируется лексическими и смысловыми перекличками с ним, а также топикализацией темы (микротемы) и ее интерпретацией с точки зрения той модальности, которая задана обсуждаемым текстом.

Рассмотрим три институциональных текста, реализующие универсальные (общемедийные) и специфические (относительно жанра и формата радиостанции) стратегии управления коммуникацией. В каждом случае способ языковой и оценочно-смысловой организации иницирующего текста определяет ход обсуждения и драматургию взаимодействия сетевых пользователей.

В первом случае основной функциональной значимостью обладает изобразительный код визуальной семиотики. Фотографический текст, повествующий о закулисной стороне политического события, транслирует имплицитные эмоциональные смыслы, значимые с точки зрения отклика адресата. Коннотации неуверенности, растерянности, торопливости, переданные в снимке женской фигуры, передвигающейся под зонтом, определяет модус эмоциональной реакции адресата, комментирующего то, что вызывает наибольший интерес: изнанку события. Языковой и грамматический строй вербального текста усиливают ассоциативный план восприятия фотографического сюжета:

Премьер-министра Великобритании Терезу Мэй не встретили у автомобиля, когда она приехала на переговоры в Берлин. Как пишет британская газета Independent, когда машина с главой правительства остановилась возле резиденции канцлера Германии, Ангела Меркель не вышла на улицу. Впрочем, после того, как Тереза Мэй зашла внутрь, оба лидера еще раз вышли из резиденции, чтобы поприветствовать журналистов. Мэй прилетела в Берлин обсуждать новый перенос сроков выхода Великобритании из Евросоюза (Эхо Москвы. <https://echo.msk.ru/news/2404737-echo.html>).

Согласно требованиям к новостному сообщению, в границах текста должна быть сформирована модель мира, которая является когнитивно-языковой проекцией его определенного фрагмента. При этом реципиент вправе рассчитывать на то, что представленная ему информация отражает объективную суть реального (даже если в нее включены эмоциональные компоненты подачи), на информирование о событии с нескольких точек зрения. Презумпция объективности, характерная для новости, подвергается существенной редукции, если каналом для передачи становится коммуникационный ресурс. В данном случае можно наблюдать, как контекстная импликатура (представления адресатов, сформированные на основе знания об источнике и своего опыта взаимодействия с ним) интернет-коммуникации влияет на восприятие адресата, направляя его внимание на оценочно-эмоциональный план рецепции, формируя таким образом основу для массового потока реакций.

Направленность внимания адресатов на оценочный план текста обеспечивается его тема-рематической структурой. Первая и последняя фразы взаимодействуют друг с другом по принципу композиционной инверсии: заключительная фраза несет в себе основной информационный смысл (*Мэй прилетела в Берлин обсуждать новый перенос сроков выхода Великобритании из Евросоюза*), но ее второстепенный характер обусловлен положением в структуре текста. Смысловым центром становятся фразы, указывающие на возможность интерпретации с точки зрения «недостатков», отклонений от нормы. Анафорические конструкции с семантикой отрицания *не встретили..., не вышла...* выдвигаются в сильную смысловую позицию, становясь основой для оценочной концептуализации.

Таким образом, комплекс визуально-семиотических и языковых средств воздействия инициирует рекреационную деятельность реципиентов, которые реагируют не на информацию, а на эмоционально-ассоциативный план текста.

Согласно процедуре анализа, далее рассматриваются реплики адресатов, организованные в дискурсивные нити. В данном случае ими становятся диалогические единства, формируемые на основе кооперативной стратегии взаимодействия, реализующей установку на эмоциональный взаимообмен. Из 14 зафиксированных реплик 9 реализуют подобную интенцию (орфография и пунктуация сохранены. – А.Е.):

Дмитрий Серов:

Это бабские терки

Борис Савельев:

Она утомила

Ангел Хранитель:

Давайте там эксит, а к нам энтер. Лондон це Россия. Слава империи!

Yuri Nikolaev:

Обиделась... BRain'sEXIT 🙄

Alexa:

Что так не разбежалась ?!!

Михаил Бегичев:

Дорогу покажешь? (и т.д.)

Критическая основа для восприятия новости и форма ее подачи разворачивают предмет обсуждения в сторону фатичи и дискредитирующих смыслов. Определяющим для интерпретации становится топикализация темы «невстречи» («обиделась», «дорогу покажешь», «бабские терки» и т.д.). Мнение, распространяющее информационный план, представлено в единственном числе:

Владислав Гордейко:

мне кажется британия поставила себя в такое положение. что теперь брюссель понял что можно больше выжить из выхода лондона из ес. конечно британия уже не вернется в ес и второго референдума не будет. потому что если вдруг больше будет за то что бы остаться в ес . то лондон лишится все привилегий что имел.

Мнение, отклоняющееся от рекреационной установки и дискредитирующих тактик, оказалось не подержанным, как и автор реплики, напоминающий о тех журналистских ценностях, на которые, по его мнению, нужно ориентироваться при сообщении о фактах:

Олег Дадько:

Ну Эхо, ну не серьёзно же. На такого рода жесты имеет смысл обращать внимание в монархиях и на худой конец в авторитарных режимах, но не в демократиях же смотреть, кто с какой ноги через порог перешёл и как кому руку подал. Это уровень России 24.

Еще два комментария демонстрируют рассогласованность позиций авторов и дискурса. Пользователи отмечают несоответствие способов подачи информации и своих ожиданий, но предшествующий контекст нивелирует критический посыл, переводя его в русло тех реплик, шуточный тон которых приближается к анекдотическому:

Владимир Потапов:

Тереза с Анжелой в контрах.... такие новости геополитики....

Серёга Биттнер:

Ещё напишите, где и когда она чихнула.

В результате совместной речевой деятельности коммуникантов формируется конечный продукт дискурса радио – партиципаторная новость, семантика которой становится не отделимой от мнений и оценок комментаторов. Определяющую роль при обсуждении политической новости сыграли конвенции социально-сетевого общения – примыкающей коммуникации, организуемой участниками с целью эмоционального взаимообмена. В результате взаимодействие пользователей становится праздничным и отрицающим

любую аргументационную перспективу, кроме эмоциональной. Последние реплики, выражают интенцию несогласия с большинством, но характер их стилистического оформления также сигнализирует об установке на фатическое взаимодействие. При этом обмен речевыми ходами перестает быть условием диалогического развития, большинство прослеженных реплик указывает на то, что коммуниканты эхообразно отражают в своей речи эмоционально-оценочный импульс, заданный обсуждаемым текстом.

В следующем примере обсуждение спровоцировано редакторским постом, автор которого затрагивает проблему неоднозначного восприятия исторических фактов, связанных с деятельностью И. Сталина: «20 тысяч чекистов было расстреляно. Сталин считал, что это единственная форма контроля над ними» (https://twitter.com/login/error?redirect_after_login=%2).

Публицистический характер текста указывает на критикооценочный регистр аргументации, которым могут воспользоваться адресаты, вовлеченные в полемику. Об актуальности данных границ взаимодействия сигнализируют, с одной стороны, шкала морально-психологических оценок, заданная исходным текстом (20 тысяч человек расстреляно, и некто считал это нормой), а с другой – установка на эмоциональный характер реакции. Целостная структура дискурса – диалогическое единство реплик, объединенных в дискурсивную нить, формируется через эмоциональную реакцию негодования, вызванную иницирующим текстом. Актуализация именно этой эмоции определяет бесприкрытый характер сетевой (массовой) коммуникации: активными могут быть те, кто осуждает политического вождя и идеологию сталинизма, и те, кто критикует ее сторонников. Таким образом для адресата создается стратегическая лакуна для коммуникативной активности и намечается способ ее заполнения: эмоциональное взаимодействие на конфликтно-полемической основе.

В процессе эмоционально-убеждающей аргументации участники реализуют свою экстралингвистическую и лингвистическую компетенции – проявляют себя как языковые и дискурсивные личности, моделирующие картину мира в границах заданной ситуации. При этом задействованными оказываются социальные роли и ситуативные идентичности: противники и сторонники политической фигуры Сталина, провокаторы конфликтного общения, определяющие степень эмоционального накала обсуждения и оппоненты разной политической окраски.

Первой реакцией на сообщение стало высказывание, автор которого продемонстрировал установку на конфликтность:

Алиса Артюшенко:

Прекратите болтовню о СТАЛИНЕ! мизинца его не стоите. побойтесь БОГА ОН ШЕЛЬМУ МЕТИТ!

Характерно, что практически никто из коммуникантов не отреагировал на очевидную провокацию в той тональности, которая предложена автором. Высказывания, демонстрирующие монологическую установку, также не вызвали отклика:

Игорь Лященко:

В царстве мертвых, демократия будет работать как дорогие швейцарские часы. А в мире живых, всерьез

говорить о власти большинства, можно только при тотальном зомбировании. Финал самой большой аферы истории - предсказуем ~ к 2030 чудом выжившие начнут с пещер. Но если найти венчурных инвесторов (втч приколстов от #руБля) еще можно построить Мир который устроит ВСЕХ, причем Быстро и Весело. Рискните с теорией на страницу, чем черт не шутит

Диалогические единства в данном случае формируются на эмоциональной основе отрицания и недовольства, но проецируются эмоции не в историческое прошлое, а в представления о социальном мироустройстве, расширяя границы предмета обсуждения. Приведем в качестве примера фрагмент беседы.

Кругляков Андрей:

нам не надо брать худшее лучше взять лучшее и в Новый Социализм

Кругляков Андрей ответил Joe:

Joe, тех кто туда не хочет расстрелять, а те кто потом народятся и станут возбужать, что им это не по нраву - лечить в психушках

Joe Black ответил Круглякову:

Кругляков:

вы ошибаетесь не верьте 1 и 2 каналу. Верьте простым людям. На тв. пропагандисты а паспорт английский.....

Кругляков Андрей ответил Joe

Joe, мне уже нет нужды ваще кому то верить в таких вопросах, я прекрасно понимаю как работают соц институты. Ваш социализм это сказка для дураков про умных и честных чиновников ...но это сказка с ужасным концом

Joe Black:

Вообще то верить надо во что нибудь. Но за 28 лет как то вера в их либерализм- капитализм иссякла житья нет для народа. Да и морально постоянно давят со всех сторон

Кругляков Андрей ответил Joe:

Joe, ну у тебя есть божки такие как Маркс Ленин Сталин...доктринеры фантазеры беспредельщики. Что придумал твой Маркс , конкретно...ну написал он Капитал , какое открытие он там сделал ? почему ты решил что он Бог и дал вам , коммунакам, право творить насильственные соц эксперименты?

Выбирая эгоцентрическую стратегию, каждый из участников выдвигает и отстаивает свою позицию, не рассматривая перспективу компромисса. Конфликтный характер коммуникации маркируется лексикой с оценочной семантикой (*доктринеры, фантазеры, божки, коммунаки, беспредельщики*), местоименными формами (*ваш социализм, твои божки, твой Маркс*), синтаксическими конструкциями, реализующими конфликтный модус в прямых вопросах (*что сделал твой Маркс?... почему ты решил что он Бог и дал вам, коммунакам, право творить насильственные соц эксперименты?*).

Условием для выражения коммуникативной свободы пользователей и демонстрации собственной позиции становится контекст сетевого общения. Реагируя на экспрессивно-конфликтный посыл иницирующего текста и реплики других пользователей, коммуниканты вовлекаются в стихию взаимодействия. Фактором, влияющим на течение коммуникации, является контекстная импликация аналогового источника,

реализующая представление о нормативах относительно дискуссионной формы взаимодействия в институциональных границах канала. Актуальная общественно-политическая проблематика является основным содержательным наполнением канала «Эхо Москвы», сформировавшим собственную культурную модель ведения публичного диалога. Характерными чертами речевого облика канала являются открытость, диалогичность, критичность. Представления о типовых моделях коммуникативного поведения акторов дискурса задают определенные направления и установки для пользования ресурсом.

С точки зрения данного положения логично объяснить следующую закономерность в течении коммуникации. Отталкиваясь от заданной темы, пользователи расширяют предмет обсуждения и переводят фокус внимания в пространство личностных смыслов и мировидческих позиций. В результате общение реализует потенциал конфликтности, протекает с высокой эмоционально-оценочной заряженностью, но в то же время отражает установку на диалогическое взаимодействие в зоне пересечения смыслов. Пафос недовольства современными социально-политическими реалиями и неверия в положительную историческую перспективу становится основой для общей позиции, которая формируется на ассоциативной аксиологической основе, фиксируется смыслом исторической закономерности, а не исторического лица. Следующие высказывания не образуют диалогического единства на уровне позиционных связей (повторов, вопросов, обращений), но реализуют более сложный, ассоциативный характер взаимодействия.

Елена Петрова:

Сталин считал то, сталин считал это... какая разница, что считал психически больной персонаж. Мы же не задаемся вопросом, что считает пациент 6-ой палаты. Так почему надо возводить в абсолют, что он там считал. Проблема в другом: как у власти оказался психопат и почему россия наступает каждый раз на одни и те же грабли.

Андрей Гусинский:

В России надо ставить памятники, только деятелям: искусства, литературы или медицины. А политическим деятелям не место, так как они раскалывают общество. Сталин - это символ и олицетворение всего зла, что так страна не может от него оттереться и отмыться. Постоянно, общество подталкивают на одни те же мысли - со Сталиным, страна не вышла в свет мировой политики и не победила в войне, когда его авантюрная политика, сделала все: что страна несла большие потери везде, где только возможно. Сталин - это просроченный продукт.

Практически все реакции коммуникантов, за исключением первых двух реплик, демонстрируют включенность в фатический план общения и независимость от тематической перспективы иницилирующего текста. В большей степени участники настроены на обсуждение социального и политического мироустройства и на эмоционально-интеллектуальный взаимообмен, т.е. действия субъектов скоординированы в зоне тех смыслов, которые актуальны для аналогового источника и аксиологического профиля его формата. Динамический характер взаимодействия

контекстов проявляется в том, что социально-сетевой вектор коммуникации определяет количественный показатель – вовлеченность в фатическую (конфликтную) коммуникацию, а представление об аналоговом источнике обуславливает ценностно-смысловой план взаимодействия не просто пользователей, вовлеченных в стихию спора, а слушателей канала, включенных в его идеологическую культуру.

Следующий пример демонстрирует закономерности реализации дискурсивного воздействия в социально-сетевом пространстве радиостанции «Радио Маяк», позиционирующей себя как *главная разговорная станция страны*. Для обсуждения предлагается следующий текст, также настраивающий пользователей на эмоциональное восприятие:

Россияне стали меньше жениться: количество зарегистрированных браков опустилось до минимума с начала века.

Наши ведущие интересуются, ваш брак зарегистрирован? Почему вы решили оформить или не оформлять отношения? Что брак даёт паре? Звоните... Пишите на WhatsApp и Viber... (<http://amp.gs/Pajj>).

Провоцирующим для эмоциональной вовлеченности адресатов является указание на критическое состояние семейного института: число заключаемых браков стремительно сокращается, на что указывают лексемы с квантитативной семантикой (*меньше, количество, минимум*).

Институциональная цель – организовать речевую активность коммуникантов – достигается через актуализацию эмоционального фона идентификации: адресатам предлагается оценить кризис в сфере семейных отношений с точки зрения восприятия собственной личности в этом статусе либо по отношению к нему. Интенсивность коммуникативного взаимодействия обеспечена эмоциональным посылом текста, который актуализирует в реакциях пользователей интенции одобрения или несогласия: эмоциональный отклик должен быть получен от тех, кто одобряет брак, и тех, кто придерживается противоположной точки зрения. В любом случае личностный план восприятия обеспечивает эмоциональную реакцию – основной искомым результат дискурсивной практики.

Характерно, что первая реплика, автор которой выступает в роли провокатора спора, резонирует с иницилирующим текстом:

Серёга Сорокин:

И да, брак - это брак, испорченная вещь.

В ответной реплике установка на общую позицию и диалогический характер взаимодействия маркирована лексическим повтором (*брак – бракованные*) и прямым обращением (*скажи...*). Эмоциональный характер вопрошания, актуализация личностного плана обсуждения (*твои родители*) становятся основой для формирования дискурсивной нити – диалогического общения на эмоциональной основе:

Жека Горев ответил Серёге:

Серёга, Скажи, а твои родители, ну или другие родственники, которые расписаны, по твоему мнению бракованные?!

Автор первого комментария предлагает конфликтную линию для дальнейшего диалога, апеллируя к

стереотипно злободневным темам, вокруг которых легко завязать спор.

Серёга Сорокин:

С чего вы решили, что наличие штампа в паспорте – это показатель отсутствия греха? Церковь (а именно РПЦ), которая как бы отделена от государства, но лезет всюду своим носом куда ей вздумается, не венчает без штампа в паспорте. А раньше этого не было! Почему она не отменит это правило, сначала в ЗАГС, потом под венец??? Вот он ваш цинизм, бюрократизм и грех политики и церкви во всей красе, с себя любимых начните!

Выпад зачинателя спора поддержал более лояльный пользователь, вклад которого в развитие диалога оказался не менее существенным. Использованные автором прямое обращение и вопросно-ответная форма обусловила продолжение коммуникации с преобладанием аргументации ad hominem:

Илья Ляхов:

Скажите мне как связаны любовь и брак? Да ни как

Дарья Голдштейн:

Уже 28 лет вместе.

Евгений Соловьев:

Да, я женат, надолго и всерьез. Штамп в паспорте нравится моей жене, я не против, после официальной регистрации появилось ощущение, что мы есть единое целое - семья.

Александр Андриенко:

Женат 10 лет. Зачем вкладываться (душой и финансами) в человека который тебе никто? А так же-нился и спокойно можно растить детей, планировать будущее и "добра наживать".

Выбор эгоцентрической стратегии каждым из участников определяется интенцией парировать на заявление о несвязанности чувств и официального статуса отношений через демонстрацию собственного успешного опыта – *женат, надолго и всерьез, 10 лет...* Идентифицируя себя с успешным семьянином, коммуниканты формируют общую позицию эмоциональной удовлетворенности, но особенность дискурсивной организации взаимодействия проявляется в том, что этот результат получают обе стороны – сторонники и оппоненты. Дискурсивная нить, скрепляя разрозненные реплики, формируется на эмоциональной основе, вовлекающей коммуникантов в фатическое взаимодействие. При этом высказывания адресатов не демонстрируют маркеров успешного диалога – стратегической координации на уровне реплик-переспросов, лексических и синтаксических повторов на протяжении всего хода коммуникации. В этом случае отсутствие диалогических показателей внутри коммуникативной ситуации не свидетельствует о коммуникативной неудаче. Положительный результат, с точки зрения дискурса, обусловлен массовой вовлеченностью пользователей, демонстрирующих типовые реакции и установки на удовлетворение социально-психологических потребностей в самоактуализировании и рекреации.

Обсуждение результатов исследования

Принцип организации коммуникативного взаимодействия в дискурсе конвергентного радио заключает-

ся в том, что информация (редакторский пост, новость) «пропускается» через фильтр мнений, оценок, интерпретаций. Подобный характер реализации дискурса медиа указывает на актуальность изучения способов осуществления контроля над реакциями адресатов.

В работах по анализу массмедийного воздействия, эксплицированного в коммуникативных установках и языке адресанта [10–13], показано, что механизмы контроля имеют универсальный характер и проявляются в процессе замещения фактической информации конструктами, созданными на основе селекции и подтасовки фактов, искажения информации и ее фрагментации. В логике подобного автороцентрического подхода рассматриваются диалоги между радиоведущим и слушателем [14], т.е. исследование механизмов реализации дискурсивной власти в ситуации непосредственного взаимодействия демонстрирует ту же закономерность в выборе объекта исследования – способы языковой и коммуникативной организации текста, реализующего манипулятивный потенциал. Но дискурс представлен не только стороной адресанта и его воздействующих интенций – не менее важную роль в его функционировании играет адресат и его непосредственные реакции на инициативы институционального агента. Процесс взаимодействия в коммуникационном пространстве конвергентного радио позволяет увидеть другую грань реализации дискурсивного контроля – в реакциях коммуникантов, интерпретирующих институциональный текст. Синхронная и асинхронная коммуникация вокруг сообщения способствует тому, что реципиент может выйти за границы предопределенности и выбрать собственную модель поведения.

Наблюдаемый материал показывает, что такие сюжеты среди участников обсуждения – единичны и, скорее, носят характер исключения. Большинство пользователей демонстрируют общность в реакциях независимо от типа иницирующего текста – новости, публицистики или развлекательного материала. В каждом случае пользователями выбирается общая стратегия развлечения и эмоционального взаимообмена. Можно говорить о том, что гипотеза общности в реализации модели коммуникативного поведения в дискурсе конвергентного радио подтвердилась и нашла свое обоснование в анализе принципов взаимодействия участников обсуждения.

В качестве результата исследования можно предложить комплекс признаков, указывающих на результативность дискурсивных механизмов воздействия, о проявлении которого можно говорить, если:

1) коммуниканты демонстрируют установку на топикализацию темы в лексических повторах и перекличках с исходным текстом. Итерации ключевых тем определяют ветвящийся характер коммуникации, когда комментарий исходного текста становится авторством для другого читателя;

2) коммуниканты реализуют установку на фатический план общения, который является основой для объединения разрозненных фрагментов в целостные структуры. Результатом интерпретации может стать тематическое расширение, смысловая и концептуальная перестройка содержания, но общим основанием

для взаимодействия остается эмоциональный план обсуждения, заданный иницирующим текстом;

3) коммуниканты не реагируют/слабо реагируют (не более одной ответной реплики) на те сообщения, которые выходят за границы дискурсивной нити.

Наибольший эффект дискурсивного воздействия прослеживается в ситуации подхвата участниками обсуждения тех посылок, которые актуализированы в институциональном тексте. «Повестка дня», заданная обсуждаемым текстом, «впечатывает» в сознание коммуникантов ментальные схемы, определяющие направление восприятия и реакций.

Используемые авторами постов смыслы-подсказки направляют внимание субъектов на детали, важные для развития темы в эмоциональном ключе, в результате у реципиентов формируется ментальный стереотип того, как надо думать и действовать в процессе обсуждения новостного, аналитического или развлекательного текста. Фатический план, встроенный в обсуждаемый текст любой содержательной направленности, определяет режим инфотаймента – развлекательно-рекреационной деятельности коммуникантов, конструирующих спонтанный образ мира и эмоционально переживающих его.

Мультимедийный формат конвергентного радио актуализирует ресурсы интерактивной коммуникации и невербальной семиотики, формируя качественно иную, по сравнению с текстами аналоговых источников, медийный продукт. Его характеризует установка на эмотивный план повествования, конфликт ценностей, интеграция текстовых (вербальных и невербальных) и коммуникационных структур. Высокая степень вовлеченности адресата в процесс интерактивной коммуникации реализует принцип примыкающей коммуникации, когда адресаты считывают медийный сюжет с точки зрения его эмоционально заряженной интриги; смыслы, конструирующие дискурс, не предполагают аналитической глубины и онтологического обеспечения. В этом случае результат коммуникативной деятельности значим с точки зрения рекреативной составляющей. Эта закономерность в большей степени характерна для новостного жанра. В публицистическом тексте может реализоваться иной сценарий, согласно которому ожидания пользователей, их реакции и действия также программируются средствами фатики. Но возможность формирования тематических ответвлений и собственных коммуникативных лакун может организовать диалогическую линию коммуникации, в чем видится специфика конвергентного радио, транслирующего как общемедийные установки (массовость и развлекательный характер), так и локальные (общекультурная концепция прототипического канала).

Указанные аспекты демонстрируют теоретическую сложность подхода к описанию дискурсивного воздействия в коммуникативном пространстве конвергентного радио. Представляется, что комплексный анализ, учитывающий социокультурные, языковые и коммуникативные факторы реализации дискурсивной практики, позволит говорить об эксплицитности проявления дискурсивного контроля не только со стороны автора и порождаемого им текста, но и со стороны

адресата, интерпретирующего этот текст в режиме онлайн коммуникации.

Заключение

Функционирование социально-сетевого радио, как и любого медиа, строится на принципе информационного самовоспроизводства – аутопойезиса, по Н. Луману [8], которое существенно трансформировалось под влиянием активной роли адресата. Прежде всего эффект конвергенции выразился в расширении границ адресной аудитории, которую дополнили лояльные пользователи и подписчики. Благодаря возможностям сетевого взаимодействия с институциональным медиа, прежде рассредоточенная и гетерогенная аудитория стала индивидуализированной и опознаваемой, получив свободу в управлении ресурсом, которой не было ни в одной из прежних институциональных форм коммуницирования. Мнение адресата, выраженное в комментариях к постам, в диалоге с журналистами и другими пользователями, становится коммуникативным и аксиологическим вкладом в смысловое пространство дискурса. В этой связи актуально говорить о возможности конвергентного источника формировать открытое публичное пространство для общественного диалога. Именно в этом качестве «аппарата для коммуникации», способного обеспечить доступ к общественной трибуне широким массам», видел радио его первый теоретик В. Бенямин [21. С. 209].

Адресат гибридных форм массовой коммуникации выступает как активный агент дискурса, осведомленный и заинтересованный субъект, настроенный на дискуссионные формы участия в дискурсивной практике. Результатом такого взаимодействия в информационно-аналитическом сегменте радио становится процесс, который может быть измерен в категориях публичного диалога и общественного мнения, но развлекательный характер конвергентного источника, транслирующего на социально-сетевой платформе интернета, выражен не менее отчетливо, о чем свидетельствует, в частности, проанализированный материал. Средством реализации рекреационной стратегии дискурса конвергентного радио становится комплекс возможностей, которые получает пользователь мультимедийного источника на основе языковых, визуальных и акциональных кодов, отсылающих к чтению, просмотру, управлению ресурсом согласно своим потребностям в развлечении, общении и социализации. Критический порог восприятия информационного материала существенно снижается, если принципом его подачи становится эмоциональная основа, провоцирующая массовое интерактивное обсуждение в диапазоне реакций, заданных институциональным дискурсом. Таким образом, манипулятивное воздействие может проявиться в тиражировании определенных моделей поведения, эффективно воспроизводящих дискурсивную практику, в данном случае следует говорить о том, что конвергентная форма радио реализует обе установки – массовый характер участия и психоэмоциональную форму актуализации адресата в его коммуникативном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лассуэл Г. Структура и функции коммуникации в обществе. М. : Едиториал УРСС, 2002. 132 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий, 2001. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3496> (дата обращения: 19.12.2020).
3. Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
4. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge : Polity Press, 1992.
5. Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиа-текстов. Исследования медиа и культуры. Харьков : Гуманитарный центр, 2017. 264 с.
6. Holl S. «Encoding, decoding in the television discourse» // Holl S., Hobson D., Lowe P. *Culture, Media, Language*. Hutchinson : Landon, 1980.
7. Kress G., Van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London : Arnold, 2001.
8. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Канон+, 2012. 240 с.
9. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. и др. Картины русского мира: современный медиадискурс / ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М. : Флинта: Наука, 2008. 263 с.
11. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации. М. : Академический проект, Альма Матер, 2008. С. 6–25.
12. Леонтьев А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык средств массовой информации. М. : Академический проект, Альма Матер, 2008. С. 133–146.
13. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык средств массовой информации. М. : Академический проект, Альма Матер, 2008. С. 419–436.
14. Чудова И. Нормативное воздействие СМИ: изучение радиодialogов // Современный дискурс-анализ URL: <http://discourseanalysis.org/ada3/st25.shtml>. (дата обращения: 18.12.2020).
15. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ // Теория и метод. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 336 с.
16. Карасик В.И. Креативы в сетевом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–44.
17. Прокофьева А.В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 85–96.
18. Clark H. *On Stochastic Grammar* // *Language*. 2005. Vol. 81 (1).
19. Pickering M.J., Garrod S. Automaticity in Language Production in Monologue and Dialogue // *Automaticity and Control in Language Processing* / eds by A.S. Meyer, L.R. Wheeldon, A. Krott. Hove : Psychology Press, 2007.
20. Jäger S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis*. SAGE, 2009.
21. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / пер. с нем. С. Ромашко // Учение о подобии. Медиастетические произведения. М. : РГГУ, 2012. С. 189–235.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 июня 2021 г.

Mechanisms of Discursive Influence in the Communicative Space of Convergent Radio

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 25–33.

DOI: 10.17223/15617793/468/3

Larisa I. Yermolenkina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arblar2004@rambler.ru

Keywords: discourse of convergent radio; interactive communication; discursive influence.

The focus of the article is on the problem of the media influence of one of the hybrid forms of modern communication – convergent radio broadcasting on the Internet. The article considers the social network version of convergent radio broadcasting through popular Internet accounts. It is in this communicative space that the active and creative nature of the role of the addressee is manifested. The addressee constructs discourse in interactive communication when discussing topics (editorial posts) journalists initiate. The focus of the study is on the materials of three interactive sessions of the radio stations Echo of Moscow and Radio Mayak, which organized a discussion of news and journalistic texts. The methodology of the material analysis takes into account the institutional and personal aspects of the discursive practice of convergent radio. In the terms of the discursive approach, the article reveals the role of the contexts of the analog radio source (its format concept) and social network communication, which structure communication with the idea of the channel's value attitudes, its style and thematic preferences. If the context of the analogue source orients the user to certain conventions of dialogue and adherence to the norms of interpersonal communication, then the context of network communication is characterized by an attitude towards attracting a loyal audience and the mass nature of communication. At the intersection of these contexts, the mechanisms of the discursive effects of convergent radio are manifested in the organization of communication within stereotypical models of communicative behavior – in the actualization of users' typical reactions necessary for discourse for its self-reproduction. The manifestation of these reactions is considered based on the method of qualitative discourse analysis in the version proposed by Z. Yeager. The analysis of the material shows that discursive influence is manifested in the compulsion to mass character realized through the mechanisms of phatic control of communication embedded in the initiating text. Discourse creates strategic communication gaps in which users implement entertaining and socializing intentions. The choice for the analysis of texts of different genres demonstrated the commonality of the mechanism of influence: the phatic plan of texts of different genres implements the mode of infotainment – the entertaining and recreational activity of communicants who construct a spontaneous image of the world and emotionally experience it.

REFERENCES

1. Lasswell, H.D. (2002) *Struktura i funktsii kommunikatsii v obshchestve* [The structure and function of communication in society]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
2. Baudrillard, J. (2001) *Sistema veshchey* [The system of objects]. Translated from French. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3496> (Accessed: 19.12.2020).
3. van Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power]. Translated from English. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
4. Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.

5. Matheson, D. (2017) *Mediadiskurs. Analiz media-tekstov. Issledovaniya media i kul'tury* [Media Discourses. Analysing Media Texts]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
6. Holl, S. (1980) "Encoding, decoding in the television discourse". In: Holl, S., Hobson, D. & Lowe, P. *Culture, Media, Language*. Hutchinson: London.
7. Kress, G. & Van Leeuwen, T. (2001) *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold.
8. Luhmann, N. (2012) *Real'nost' massmedia* [The reality of the mass media]. Moscow: Kanon+.
9. Rezanova, Z.I. et al. (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
10. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Medialinguistics: a systemic approach to learning the language of the media]. Moscow: Flinta: Nauka.
11. Volodina, M.N. (2008) Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie [The language of the media as the main means of influencing the mass consciousness]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the media]. Moscow: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater. pp. 6–25.
12. Leont'ev, A.A. (2008) Psikhologiya vozdeystviya v massovoy kommunikatsii [Psychology of influence in mass communication]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the media]. Moscow: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater. pp. 133–146.
13. Chudinov, A.P. (2008) Kognitivno-diskursivnoe issledovanie metafory v tekstakh SMI [Cognitive-discursive study of metaphor in media texts]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the media]. Moscow: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater. pp. 419–436.
14. Chudova, I. (2020) *Normativnoe vozdeystvie SMI: izucheniye radiodialogov* [Normative influence of the media: a study of radio dialogues]. [Online] Available from: <http://discourseanalysis.org/ada3/st25.shtml>. (Accessed: 18.12.2020).
15. Phillips, L. & Jorgensen, M.V. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
16. Karasik, V.I. (2018) Creatives in Network Discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika – Bulletin MSRU. Series 'Linguistics'*. 5. pp. 29–44. (In Russian).
17. Prokof'eva, A.V. (2017) The Present Stage of Development and Language Structural Organisation of the Internet Discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika – Bulletin MSRU. Series 'Linguistics'*. 5. pp. 85–96. (In Russian).
18. Clark, H. (2005) On Stochastic Grammar. *Language*. 81 (1).
19. Pickering, M.J. & Garrod, S. (2007) Automaticity in Language Production in Monologue and Dialogue. In: Meyer, A.S., Wheeldon, L.R. & Krott, A. (eds) *Automaticity and Control in Language Processing*. Hove: Psychology Press.
20. Jäger, S. & Maier, F. (2009) Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. SAGE.
21. Benjamin, W. (2012) *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [Doctrine of the similar. Media aesthetic works]. Translated from German. Moscow: RSUH. pp. 189–235.

Received: 18 June 2021

М. Лукашевич

РЕЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА КРИТИКОЙ РУБЕЖА XIX–XX вв. (1890-е – 1917 г.)

Рассматриваются доминирующие тенденции в осмыслении наследия Н.С. Лескова представителями социологического и модернистского направлений в литературной критике. Подчеркивается противоположный характер оценок критиков и их акцентирование разных аспектов творчества писателя. Анализ литературно-критических отзывов рубежа веков на творчество Лескова позволяет отметить их обусловленность художественными принципами направления и стремление включить писателя в современный контекст.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; рецепция; литературная критика; реализм; модернизм; религия.

Первые годы посмертной рецепции творчества Николая Лескова, столь важные для осмысления значения писателя и его места в литературном процессе, пришлось на переходное время. В этот период в русской литературе наряду с реализмом начинал развиваться символизм, а в литературной критике, наряду с доминирующим социологическим направлением, возникло и модернистское. Социальному детерминизму, рационалистическому пути познания мира и этически-общественным оценочным критериям первого были противопоставлены идеи творческой свободы, интуитивности и мистики искусства и красоты как главного мерила литературного произведения [1. С. 344, 410–412]. Художественные методы познания были при этом перенесены и на нехудожественные работы, в том числе литературную критику, которая могла руководствоваться интуицией и субъективными ощущениями автора [2. С. 63].

Отличительной чертой рубежа XIX и XX в. стало также разочарование значительной части русской интеллигенции идеями позитивизма и материализма и обращение к широко понятой духовности в ее очень разнообразных проявлениях. С одной стороны, у многих деятелей культуры и искусства этого периода возник интерес к православию и попытки диалога с представителями Русской православной церкви, в частности в рамках Религиозно-философских собраний. С другой стороны, очень популярным стало увлечение неортодоксальной духовностью, относящейся к области эзотеризма и оккультизма, связанной с обращением к традициям русских сектантов, дальневосточным религиям, неогнозису, теософии, антропософии и т.п. Отличительной чертой религиозной атмосферы рубежа веков были также эсхатологизм и мистицизм, вдохновленные философским учением и самой личностью Владимира Соловьева. Среди поднимаемых в литературе и публицистике проблем самой главной становится стремление постичь тайну человека в его отношениях с миром и самим собой [3. С. 9].

Казалось бы, что такое состояние дел должно было способствовать развитию интереса к творчеству «смирненного ересиарха» Лескова, знатока православия, старообрядчества и сектанства, как народного, так и «великосветского». Тем не менее его рецепция на рубеже XIX и XX вв. происходила медленно и не без проблем, на что, по-видимому, повлияла эволюция мировоззрения и творчества писателя, в котором

в последние, «толстовские», годы жизни всегда значимая этическая компонента оказалась особенно важной. Лесков стал акцентировать ключевую роль воли и разума, с помощью которых человек становится способным к самопознанию и самосовершенствованию, что отличается от ранних представлений писателя о стихийном, импульсивно-эмоциональном характере порывов добра. Хотя не изменился источник и основа этического идеала, которым для Лескова всегда было Евангелие, сместились акценты в его восприятии и подверглись переосмыслению и углублению философские основы религиозных взглядов писателя. Примерно до середины 1870-х гг. он оставался под влиянием славянофильски ориентированных идей и представлений, связанных с особым вниманием к православию, церковной соборности и духовности русского народа. После поездки в Западную Европу в 1875 г. Лесков стал более внимательно изучать как протестантские богословские сочинения, так и философское учение Сократа, Платона, а затем также Григория Сковороды. В итоге его интерес перемещается в сторону универсальных вопросов добра и зла, места и роли человека в мироздании, смерти и загробного существования души. Ключевое значение приобретает в этот период уже упомянутая категория самопознания, а также противопоставление внешней оболочки (веры, народа, индивида) их внутренней сущности, что исследователи связывают с влиянием сократической и платоновской традиций [4. С. 147].

Специфика изменения философски-религиозных взглядов Лескова оказала, на наш взгляд, влияние на противоречивый характер рецепции его наследия русскими критиками конца XIX – начала XX в., принадлежащими к разным направлениям. Оценивая творчество писателя, авторы отзывов чаще всего выбирали из него элементы, наиболее соответствующие их собственным эстетическим установкам, обходя вниманием или лишь кратко упоминая о том, что не вписывалось в выстроенную ими схему. По этой причине представители разных направлений критики рубежа веков обращались к разным этапам творческого пути Лескова, именно их оценивая как самые типичные и наиболее удачные, и на этом основании судили о всем наследии писателя, в том числе о его религиозности.

Так, универсально-этический характер позднего творчества Лескова, наряду со склонностью к рационализму и утилитарному взгляду на искусство, при-

влек внимание критиков социологического направления, которым и принадлежали первые попытки целостного осмысления наследия писателя. Эти отзывы были связаны с публикацией «Собрания сочинений в 10 томах», на которое откликнулись, в частности, представляющие либеральное народничество Арсений Введенский, Александр Скабичевский, Михаил Протопопов [5–7], а также симпатизирующие толстовству Михаил Меншиков и Роман Дистерло [8–9]. Хотя почти все рецензенты отметили перелом, произошедший в творчестве Лескова 1880-х гг., однако их оценки ранних и поздних произведений оказались неодинаковы.

Например, Скабичевский, невысоко ставивший творчество писателя и назвавший его талант «фотографическим», упрекнул Лескова в нежелании ограничиться полагающейся ему ролью бытописателя и переходе в поздних произведениях к обличениям и поучениям, в том числе религиозно-нравственным [6. № 4. С. 297–298]. В свою очередь, Михаил Протопопов в знаменитой статье 1891 г. «Больной талант» к главным недостаткам Лескова причислил отсутствие гармонии и равновесия, вычурный язык и подверженность личным симпатиям и антипатиям, подчеркивая при этом, что в творчестве 1880-х гг. наблюдается положительный перелом, а писатель начинает чаще руководствоваться чувством любви и евангельской морали [7. С. 268]. Похожа была оценка Меншикова, который в отзыве на одиннадцатый том «Собрания сочинений» Лескова выше оценил произведения последних лет, увидев в них сочувствие к «новохристианскому идеализму и духовному возрождению», защиту «гуманных и просвещенных начал против заскорузлого византизма» [9. С. 172] и стремление пробуждать в людях добрые чувства, как это делал Лев Толстой.

Стоит подчеркнуть, что в названных выше отзывах раннее творчество Лескова сводится, в сущности, к бытописательству и антинигилизму [10. С. 23], а религиозная составляющая отнесена лишь к его поздним произведениям. Изображение церковной жизни и православного духовенства в «Соборях», «Запечатленном ангеле» или «На краю света» расценивается как проявление «византизма» и ставится в один ряд с популярной беллетристикой из духовной жизни 1870–1880-х гг. Кроме того, как указывает Владимир Котельников, уже в этот период можно выделить две основные линии в трактовке личности и творчества писателя: одни критики стремились выдвинуть на первый план положительные аспекты, обходя вниманием или смягчая отрицательный компонент, и создавали в результате излишне добродушный портрет Лескова; другие подчеркивали «глубокие диссонансы его личности <...> тяжелую внутреннюю и внешнюю конфликтность» [11. С. 5].

Смерть Николая Лескова в 1895 г. вызвала появление ряда посвященных ему публикаций, от некрологов и небольших заметок до обширных обзорных статей [12–15]. Они содержали краткую биографию писателя и общую характеристику его творчества, учитывающую в том числе религиозно-нравственную и церковную проблематику. Доминирующей тенден-

цией было противопоставление в наследии Лескова православия и «подлинной религиозности» толстовского характера, и лишь заметку «Покойный Н.С. Лесков как бытописатель духовенства и соприкосновенной с ним области» можно считать попыткой более вдумчивой оценки отношения автора «Соборян» к православной церкви. Ее автором, выступившим под псевдонимом «А. Митякин», был профессор Санкт-Петербургской духовной академии Александр Лопухин, который отметил особое положение Лескова среди русской интеллигенции, незнакомой с жизнью духовенства и отчужденной от Церкви. Писатель, по мнению Лопухина, осознавал, что ключом к пониманию народа является изучение жизни его пастырей, которую он талантливо изобразил в своем лучшем произведении – «Соборях». Однако затем в творчестве Лескова произошел поворот к тенденциозности, который критик объяснял веяниями 1860–1870-х гг. и их влиянием на духовенство: «...в нем началось брожение, явились глашатаи, требовавшие ломки старого исторически освященного склада жизни <...> явились священники, недовольные твердостью власти архипастырей, раздали голоса о необходимости отмены запрещения священникам вступать во второй брак, отмены самой одежды духовенства, поднялся вопрос об окружных судах для пастырей и так далее» [13. С. 279].

Писатель ошибочно воспринял это поверхностное движение как «протест живого духа против косности» и поэтому увлекся им, написав под его влиянием «Мелочи архиерейской жизни», оцененные Лопухиным как «крайне тенденциозный памфлет на наше высшее духовенство» [13. С. 279]. Дальнейшую эволюцию творчества Лескова рецензент оценил отрицательно, как заблуждение, которое привело к критической оценке о. Иоанна Кронштадтского и выраженной в проложных легендах сектантской тенденции превозносить личную духовную самостоятельность над авторитетом Церкви. Однако в завершении заметки критик подчеркнул искреннюю веру Лескова, чьи ошибки стали результатом влияния ложного духа времени. Сообщая, что перед самой смертью писатель читал Новый Завет, Лопухин закончил статью словами: «Благо тому, кого застигает смертный час за подобным занятием <...> Мир праху его!» [13. С. 281].

Постоянный интерес писателя к религиозным вопросам и в то же время его внутренняя двойственность, соединение веры и скептицизма были отмечены в статье Семена Венгерова в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» [16. С. 147–150], имевшей, в силу своей распространенности, важное значение для осмысления творчества Лескова и создания его образа среди широкой публики. Следующим этапом рецепции наследия писателя стал выход в 1897 г. посмертного «Полного собрания сочинений в 12 томах», в котором в качестве предисловия была напечатана похвальная обзорная статья редактора журнала «Нива» Ростислава Сементковского [17. С. V–LVI]. Она имела важное значение для возвышения Лескова, освобождения его от репутации второстепенного фактографа и антинигилиста, так как критик поставил в ней писателя в один ряд с Иваном Тургеневым, Федором Достоевским и Львом Толстым. Кроме того, Се-

ментковский подчеркнул его значение как исследователя религиозной жизни, а также знатока раскольников и духовенства, в среде которых Лесков искал не просто интересные типажи, а носителей «деятельной любви к ближнему» [17. С. XXXIX]. Критик указал на наличие «альтруистического чувства» в таких произведениях писателя, как «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Некрещеный поп», тем самым возвращая им их религиозное значение.

Полемическим ответом на оценку Сементковского стали статьи *народнических рецензентов* [18. С. 97–116; 19. С. 5–7], которые, по словам Всеволода Троицкого, не могли простить Лескову его критических тенденций в изображении русских крестьян и скептического отношения к народничеству [10. С. 270–271]. Особенно резким тоном отличался отзыв Ангела Богдановича «Лесков – писатель-анекдотист», в котором критик назвал его «мертвым писателем», лишенным чувства красоты и художественной правды, растратившим свой талант на вычурные анекдоты. Религиозность Лескова Богданович назвал «лицемерным благочестием», отказывая ему в чувстве нравственности и подчеркивая его любованье нескромностью и грязью. Подводя итоги статьи, критик так охарактеризовал его «литературную физиономию»: «Писатель, одаренный талантом и наблюдательностью, но без Бога в душе. Циник по складу ума и сластолюбец по темпераменту, он лицемер, прикрывающийся высокими словами, в святость которых не верит <...> двенадцать томов его сочинений – хранилище рассыпанная. В безобразной гряде ее обломков <...> ничего цельного, ничего запечатленного печатью высшего дара, одухотворенного высшей правдой, согретого добротой и верой, – словом, ничего, чему было бы суждено “пройти веков завистливую даль”» [19. С. 7].

Богданович оценил все творчество Лескова как лишенное глубины и подлинности, не признавая правдивости его изображения веры и церкви. Столь негативный отзыв можно объяснить рядом факторов: инерцией прежних оценок, принципиальной полемикой с неприемлемым для критика либеральным народничеством Сементковского, а также характерной для Богдановича склонностью к резким отзывам, утилитарной трактовке литературы и в итоге некоторым упрощениям [20. С. 161].

Очень важным моментом в рецепции личности и творчества Лескова стал выход в 1904 г. работы Анатолия Фаресова «Против течений», представляющей собой «одну из первых попыток всестороннего анализа творчества писателя» [10. С. 274]. Автор книги, лично знакомый с Лесковым, пытался проследить его духовный путь, опираясь при этом во многом на его устные высказывания и письма. Однако работа Фаресова была несвободна от тенденциозности: как и в заметке «Памяти Николая Семеновича Лескова» 1895 г., он старался доказать, что с раннего детства Лесков находился под влиянием протестантской религиозности и был склонен к пиетизму. Поэтому Фаресов верил квазиавтобиографическим признаниям последних лет жизни писателя и преувеличивал значение английских родственников для его формирования. Сближение с Толстым биограф считал вполне

искренним и органическим для Лескова, итогом его духовного пути и окончательным обретением своей «прямой дороги» («Толстой мощно повернул Лескова на его прямую дорогу» [21. С. 108]).

Главные положения книги «Против течений» были развиты и систематизированы в вышедшей в 1916 г. статье Фаресова «Умственные переломы в деятельности Н.С. Лескова», в которой автор выделили два этапа эволюции взглядов писателя: «церковно-славянофильское направление» [22. С. 786] (в другом месте названное «византийско-славянофильским» [22. С. 792]) и «торжество свободной мысли» [22. С. 801]. Первому свойственно было, по мнению Фаресова, полное принятие православной традиции и обрядности, и даже их защита от западных проповедников. Второе характеризовалось уходом от внешних форм выражения религиозности, культом «духа и совести» [22. С. 804] и сближением с позицией Льва Толстого. Эти взгляды Фаресов назвал также «религиозным идеализмом» [22. С. 813], главной чертой которого было желание духовного соединения с Богом. Как и в своей прежней работе, так и здесь биограф открыто высказывал толстовские симпатии, которые видны даже в оценочных названиях этапов развития взглядов Лескова.

С похожих позиций подошел к творчеству Лескова Александр Амфитеатров, который в посвященном ему очерке, вошедшем в опубликованный в 1905 г. сборник «Курганы», резко противопоставил раннее и позднее творчество писателя, особенно положительно оценивая произведения, созданные под влиянием толстовства. Стоит отметить, что Амфитеатров, выходец из духовного сословия, в своем очерке проявил заметную неприязнь к православной церкви, называя ее деятелей людьми, заменяющими «любовь Христову показными условностями формального благочестия» [23. С. 89]. В обличении церковной иерархии и духовенства, выступлении против обрядности и суеверий критик усматривал чуть ли не главную заслугу Лескова, отмечая, что карикатурные изображения у него получаются лучше, чем попытки нарисовать положительные типы.

Этически-общественные критерии при подходе к творчеству писателя продолжали занимать важное место в работах 1910-х гг. Так, в посвященной Лескову главе из «Истории русской литературы XIX в.» под редакцией Дмитрия Овсянко-Куликовского Николай Лернер подчеркнул, что его творчество определялось свойственным ему пониманием литературы как служения Богу, и увидел в писателе «решительно наиболее ярко выраженный религиозный ум» [24. С. 217] после Толстого и Достоевского. Исключительное внимание к проблемам моральности в их связи с христианством считал особой заслугой писателя также священник Н. Стойков, опубликовавший в 1916 г. в церковно-общественном журнале «Отдых христианина» очерк «К 20-летию со дня смерти Н.С. Лескова (21 февраля)». Выраженное в творчестве Лескова убеждение, что «заветы Христа могут быть осуществимы во всех условиях жизни» [25. С. 93], он полагал особенно важным для своих современников, не замечающих возможности приложения евангельского

учения к социальной жизни. Даже критическое изображение духовенства критик оправдывал тем, что русская действительность второй половины XIX в. давала для этого основания. В очерке был отмечен трезвый характер религиозности писателя и отсутствие в ней мистического уклона.

Сложившаяся к концу XIX в. литературная репутация Лескова и его восприятие либо как бытописателя, либо как моралиста и проповедника не способствовали развитию интереса к нему *модернистов*, несмотря на то, что самый реализм вызывал у них не только отторжение, но и привлекал внимание, как источник сюжетов и образов, поддающихся мифологическому переосмыслению [2. С. 88]. Однако творчество Лескова ценили в основном лица, организационно не связанные с символизмом, такие как Михаил Кузмин или Алексей Ремизов [26. С. 76], для которых оно было образцом сказовой стилизации и умелого использования древнерусских и народных мотивов [27. С. 400; 28. С. 348]. Важно подчеркнуть, что Ремизова Лесков привлекал не только как мастер русского языка и знаток русской традиции, но и как правдоискатель, представитель свободной религиозной мысли. Автор «Посолони» особенно ценил изображенные в творчестве своего предшественника типы независимых праведников и духовных бунтарей, в особенности – старообрядцев [29. С. 52–54; 30. С. 69; 31. С. 19, 27–28; 32. С. 230–231].

Стоит отметить и определенный интерес к Лескову основоположников символизма – Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус и Акима Волынского. Так, Волынский еще в 1887 г. напечатал в «Недельной хронике „Восхода“» заметку «Мимоходом. Об одном сказании», посвященную «Сказанию о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине», в 1892 г. в «Северном вестнике» писал о «Полунощниках», а 22 апреля того же года состоялась его личная встреча с Лесковым. Критик стал, в сущности, автором первой монографии о Лескове, опубликованной в виде цикла из пяти статей в журнале «Северный вестник» за 1897 г., а в 1923 г. изданной как отдельная книга.

Как отмечает Владимир Котельников, интерес Волынского к творчеству Лескова был связан с его убеждением, что в нем, наряду с Достоевским и Толстым, нашла лучшее воплощение духовная проблематика последней трети XIX в. [11. С. 26–28]. В цикле статей Волынский выстроил образ Лескова как человека и художника вокруг тех творческих форм (персонажей, образов, мотивов), которые, в его оценке, выступали «символами Божества», отражением вечных духовных истин. При этом критик не стремился к научности и полноте охвата, считая свои статьи «литературно-критическими набросками» [33. С. 38], в которых точные наблюдения, основанные на анализе произведений Лескова, восполняются собственными размышлениями и религиозно-философскими интуициями. Такой подход, характерный для символистской критики в целом, стал причиной актуализации творчества автора «Соборян» и включения его в религиозно-литературный контекст рубежа веков [11. С. 28–29]. Волынский сосредоточился в своих очерках на произведениях Лескова 1870-х гг., подчеркивая

их мистический характер и способность писателя проникнуть в глубину народной, «первобытной религиозности» [33. С. 51], изобразить ее внутреннюю простоту, тишину и смирение. Критик указал и на противопоставление в творчестве писателя безрадостных будней и скрытого за ними «праздничного лицезрения Божества» [33. С. 85], которое продолжает освещать человеческую повседневность. Рационалистический и моралистический уклон, характерный для позднего творчества Лескова, Волынский считал признаком распада таланта писателя.

Свойственное символистам внимание к народной религиозности стало причиной определенного интереса к творчеству Лескова со стороны Дмитрия Мережковского, который назвал его имя в известной лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Хотя он упомянул писателя лишь в подстрочном примечании вместе с авторами третьего ряда, такими как Петр Боборыкин, Иероним Ясинский или Александр Шеллер-Михайлов, однако дал ему высокую оценку: «Огромный талант-самородок, вечно неожиданный, оригинальный, близкий к духу народа, он слишком мало оценен нашей поверхностной критикой. Его мистические легенды из „Пролога“ – очаровательны. Какая неувыдаемая свежесть, какая наивная и младенческая грация! Эти тысячелетние, засохшие цветы с едва заметным слабым ароматом, заложенные между пыльными пергаментными страницами древнецерковных или раскольниковых книг, под пером художника каким-то чудом вдруг оживают, распускаются, вспыхивают внешними красками как только что расцветшие, как только что сорванные» [34. С. 554].

В приведенной характеристике заметна тенденция к актуализации творчества Лескова, педалированию в нем тех элементов, которые имели особое значение для духовных поисков создателей «нового религиозного сознания», в первую очередь – народной веры и сектантской мистики [35. С. 142–143].

Последняя стала объектом особого интереса примакающего к символистам декадентского критика Николая Абрамовича, который в очерке «Мистицизм в творчестве Н. Лескова» указал на величие писателя, заключающееся в том, что он открыл дверцу древнего мира, исполненного тайны, света и чистого Богоощущения, и почерпнул оттуда прекрасные образы героев, таких как старец Памва и отрок Левонтий. В то же время недостаток Лескова критик усматривал в сочетании «просветов в голубую бездну неба» с изображением «пыльной пошлости обыденности» [36. С. 230], ведущим к омертвлению мира. Определения Абрамовича являются ярким примером свойственного символистам восприятия быта лишь как миража, за которым скрыта подлинная сущность мира [2. С. 87], и использования этих категорий для выборочной, крайне субъективной интерпретации произведений предыдущей эпохи.

Одной из важнейших оценок лесковской религиозности и, в частности, отношения писателя к православию, стал доклад Сергея Дурылина, известного в свое время писателя, историка, литературоведа. Доклад был прочитан 1 декабря 1913 г. на закрытом за-

седании Общества памяти Вл. Соловьева, а его вторую часть напечатал в 1916 г. с многими ошибками киевский ежемесячник «Христианская мысль» [37]. Полностью доклад был опубликован лишь в 2011 г. в журнале «Москва» [38], а затем включен в сборник «Творческое наследие С.Н. Дурылина» [39].

Характеризуя Лескова, Дурылин подчеркнул единение в его характере двух противоположных качеств: тяги к тишине и святости – с жесткостью и безудержностью. Такое сочетание контрастных черт и устремлений (отмеченное, напомним, еще Протопоповым и Венгеровым) критик считал типичным для русского характера, и поэтому воспринимал Лескова как неразрывно связанного со своей родиной и спецификой ее духовности, в которой грех переплетается со святостью.

Парадоксальность личности писателя нашла свое выражение также в его мировидении, одинаковой чуткости к величию и красоте – и к скрытой под ними прозе жизни, что для Дурылина, в отличие от Абрамовича, не являлось недостатком, а лишь особенностью прозы Лескова. Критик указал на наличие в творчестве писателя как образов благодати «православной ризы» (старец Памва из «Запечатленного ангела», герои «Соборян», Кириак из рассказа «На краю света»), так и «пота и крашенины от этой ризы» («Мелочи архиерейской жизни», «Поповская чехарда») [38].

Дурылин обратил внимание и на эволюцию мировоззрения Лескова, подчеркивая, что в 1870-е гг. он прикоснулся к православию как пути к упорядочению своей жизни и воссозданию ее гармонии, однако этот путь оказался для него слишком трудным. В результате в поисках потерянной гармонии Лесков обратился к учению Льва Толстого, которое Дурылин считал упрощением, «рационалистическим обрезанием». Однако критик отметил, что он, уходя от православия, был убежден, что не уходит при этом от Христа, а наоборот – ищет Его. Именно стремление к Богу и поиск Христа Дурылин считал центральными темами произведений Лескова и творимой им легенды. Сопоставляя трактовку веры в творчестве Достоевского и Лескова, он отметил, что первый изображал мятежников, сомневающихся в существовании Бога, а второй – людей изначально верующих, хотя «так же многого, своеобразно <...> своеобразно, как верил сам Лесков» [37. С. 76].

В своей статье Дурылин неоднократно подчеркивал лесковское «гениальное чутье к православию» [37. С. 77], которое он видел и в вере писателя, что всякая человеческая истина и добро восходят ко Христу, даже если стремящийся к ним человек не считает себя членом Церкви. Именно эта убежденность лежит, по мнению Дурылина, в основе лесковской легенды о праведниках, «христианах без Христа <...> не знающих имени своей правде» [37. С. 74]. Она же является движущей силой стремления к всеобщему единству, жажда которого находит выражение в дерзновенной молитве о Кириаке из повести «На краю света», названной Дурылиным «христианнейшей из молитв» [37. С. 86].

Мнения, выраженные в этой работе, несут на себе заметный отпечаток личности ее автора, чьи труды

1910–1920-х гг. были названы «мимикрией философии и богословия под литературоведение» [40]. Понятие «творимая легенда», противопоставление серой повседневности и мистического Богопознания, особый интерес к русской народной религиозности характерны и для Серебряного века в целом. В стремлении к всеобщему единству можно видеть влияние философских идей Владимира Соловьева, а акцентирование первичности личного религиозного опыта, вера в скрытое присутствие Христа во всем мире и Его тайное проявление во всяком добром поступке или явлении (т.е. стремление к расширению границ Церкви) были свойственны христианскому модернизму рубежа XIX и XX вв. [41. С. 51–61]. Таким образом, созданный Дурылиным образ Лескова является в значительной мере проекцией его собственных представлений и религиозно-философских интуиций эпохи.

Подводя итоги, необходимо еще раз перечислить различия в рецепции религиозных мотивов в творчестве Николая Лескова критиками конца XIX – начала XX в., представляющими два главных направления – социологическое и модернистское. Первое было преобладающим, по крайней мере в количественном отношении – писатель привлекал больший интерес именно социологически ориентированной критики, которая видела в нем, с одной стороны, бытописателя духовенства и знатока церковного быта, с другой же – проповедника рационально-этической религиозности в духе толстовства. Характерной чертой этих отзывов было указание на перелом, наступивший в творчестве Лескова в 1880-е гг., и обращение в первую очередь к позднему творчеству писателя, в котором критики видели достижение желанной уравновешенности и ясности этической позиции. Они подчеркивали трезвую религиозность писателя и влияние протестантизма на его духовное становление, часто оценивая православные мотивы и образы как «византизм» и поверхностно-обрядную трактовку веры, или даже обращая внимание только на обличительно-критические тенденции в изображении церковной действительности. В целом творчество Лескова 1860–1870-х гг. оценивалось обычно невысоко, как бытописание, отмеченное раздвоенностью и внутренними противоречиями.

С совершенно противоположной установкой мы имеем дело в скромнее представленной критике модернистского направления. Ее последователи тоже отмечали наличие двух периодов в творчестве Лескова, однако выше ставили первый из них, считая второй излишне рационалистическим и моралистическим. Высшее же достижение писателя они видели в проникновении в мистические глубины русской народной религиозности и в способности представить их как скрытый смысл скучной повседневности. Раздвоенность Лескова между тишиной веры и личными страстями могла оцениваться ими по-разному, как слабость, приведшая затем к распаденню его таланта (Волынский), или как отображение свойств русской души, колеблющейся между святостью и грехом (Дурылин).

Противоречивость и двойственность в восприятии наследия Лескова, переосмысление (вплоть до иска-

жения) его позиции в соответствии с потребностями того или другого исторического момента и идеологии будут, в сущности, характерны для его рецепции и в последующие времена, вплоть до современности. Это особенно ярко демонстрирует представленная Майей Кучерской история встроения Лескова в советский национальный миф, в который писатель был включен во время Великой Отечественной войны, когда наблюдается идеологический поворот от интернационализма к воспеванию величия России и русского человека [42]. Такой же нередко предвзятой интерпретации подвергалась лесковская религиозность: от акцентирования антиклерикальных мотивов его произведений в советском литературоведении [43–44] до представления писателя в некоторых исследованиях рубежа XX–XXI вв. как «духовного наставника своих читателей» [45].

Как отметила Татьяна Ильинская, проблема религиозности Лескова и в особенности его отношения к православной церкви получает в трудах современных ученых очень разные, иногда противоположные оценки [46. С. 40]. Так, в ряде работ заметна отчетливая тенденция акцентировать нараставший с 1875 г. кризис церковности писателя, причем резкие суждения последних лет его жизни нередко экстраполируются и на более раннее творчество. Иногда при этом происходит своеобразный суд над Лесковым, его обвинение в ереси и неправославии. Эта линия, восходящая к статье архим. Антония (Храповицкого) «Знамение времени» [47], представлена немногими работами, а ее наиболее известным выразителем являлся литературовед и преподаватель Московской духовной академии Михаил Дунаев, автор многотомной монографии «Православие и русская литература». В этой работе он назвал взгляд Лескова на церковь ересью, сущность которой заключалась в противопоставлении христианской веры и православной церкви [48. С. 578]. К столь же однозначным выводам пришел и А.Б. Румянцев, увидевший причину неизбежного разрыва Лескова с православием в его стремлении согласовать веру с разумом, а также в отношении к церкви лишь как к общественному институту, призванному проповедовать нравственность [49]. Мнение об отрицании писателем церкви появляется также в ряде других статей [50, 51], в которых, однако, в недостаточной степени учитывается исторический контекст творчества Лескова и публицистические дискуссии на тему нарастающего церковного кризиса.

Представленный подход не является, однако, доминирующим в современной лесковедении. Наоборот, среди исследователей преобладает противоположная тенденция воспринимать наследие писателя как выражение русского национального православного самосознания [52. С. 19] и мистической стороны православия [53. С. 12], акцентировать лежащую в основе лесковской системы ценностей христианскую аксиологическую и антропологическую парадигму [54] или соотносить его творчество с русской религиозной философией [55]. В частности, в работах Аллы Новиковой-Строгановой, регулярно публикуемых на порталах «Русская народная линия», «Русское поле», «Омилия» и т.п., подчеркивается присутствие христ

анских идеалов во всех произведениях Лескова и его глубокая верность православию. При несомненной ценности многих наблюдений исследовательницы, которая обращается как к художественному творчеству писателя, так и к его малоизученной публицистике и биографическим материалам, ее оценки кажутся нам излишне упрощенными и идеализирующими по отношению к сложности религиозного мировоззрения Лескова. В целом эта линия в трактовке религиозности автора «Соборян» продолжает, на наш взгляд, намеченную уже в конце XIX столетия тенденцию сглаживать противоречия и диссонансы его личности.

Наконец, существует третья группа современных исследователей Лескова, которые подчеркивают сложность и неоднозначность его религиозной позиции. Так, Александр Власкин отмечает стремление Лескова к размытию границ церкви, которая представлена в его произведениях амбивалентно, как, с одной стороны, ущемленная государством в своих правах и возможностях, а с другой – как неспособная заслужить уважение паствы [56]. Борис Куницын сопоставляет писателя с Петром Знаменским, который также отчетливо видел темные стороны церковной жизни, но при этом, в отличие от Лескова, до конца жизни верил во внутреннюю потенцию православия и возможность преодоления накопившихся отрицательных наслоений [57. С. 176]. Церковно-исторический контекст творчества Лескова привлекает в своих работах Андрей Дмитриев, подчеркивая наличие серьезных проблем и искажений в церковной жизни XIX в., что порождало вопросы и сомнения относительно того, чем на самом деле является верность православию [58. С. 113, 131]. Исследователь обращает также внимание на малоизученный вопрос творческих контактов Лескова с современными ему религиозно-общественными деятелями на примере отношений с Никитой Гиляровым-Платоновым [59].

Необходимо упомянуть также работы Татьяны Ильинской, посвященные, в первую очередь, феномену «разноверия» в творчестве Лескова, который рассматривается в тесной связи с вопросом отношения писателя к православной церкви. Исследовательница неоднократно подчеркивает, что живой интерес автора «Соборян» к религиозному разномыслию был обусловлен, в первую очередь, его отталкиванием от официального, государственного православия и осознанием неблагополучного духовного состояния русской церкви. Ильинская считает, что сложившаяся ситуация вызывала беспокойство Лескова, у которого почти на всех этапах жизни критика церкви, даже самая резкая, была продиктована заботой о ее духовном возрождении, а не отчуждением [60. С. 26–27, 42, 240].

Многогранность церковной позиции Лескова рассматривает в своих статьях также Ольга Майорова, отмечая ключевые проблемы в восприятии писателем православия, которое в 1870–1880-е гг. оказалось для него внутренне конфликтным: «...его обрядовая сторона приходит в противоречие с догматической, церковный быт подавляет и заглушает религиозный дух, церковь, как социальный институт губит церковь как собрание верующих» [61. С. 132]. Майорова тем са

мым акцентирует ощущаемую Лесковым трагическую разорванность православного сознания, что и привело его в конце жизни к идее межконфессионального христианства и соединения церквей [61. С. 133–137].

Наконец, стоит упомянуть исследования Майи Кучерской, которая подчеркивает такие особенности религиозности Лескова, как совмещение глубокой веры и столь же сильного скепсиса, разнообразие духовных влияний и поисков, принципиальное значение свободы в деле веры, а также практическое воплощение христианских идеалов и первостепенная роль Священного Писания. Кучерская указывает и на отражение в произведениях Лескова церковных вопросов, актуальных для духовной прессы второй половины XIX в., таких как унижение духовенства, религиозное невежество общества, ослабление связи между священником и прихожанами, церковная ложь. В ее интерпретации Лесков оказывается очень современным писателем, требующим от человека постоянных духовных усилий и совершения выбора [62; 63. С. 327–341].

Представленные противоречия, сдвиги, перемены в осмыслении творчества совершались и в отношении других писателей, и они тесно связаны с проблемой литературной репутации. Как отметил Абрам Рейтблат, на ее формирование влияют, с одной стороны, тексты произведений, а с другой – социальная, поли-

тическая и литературная позиция их автора, причем вторая часто выходит на первый план при его жизни, первая же приобретает все большее значение после смерти [64. С. 52]. Эта закономерность очень хорошо заметна в случае Лескова, и как раз рубеж XIX и XX вв. является тем временем, когда произошел сдвиг от его восприятия как реакционера/толстовца/моралиста к более пристальному вниманию собственно к художественному творчеству. Этому способствовали и характерные для модернизма перемены эстетических установок, в особенности развитие интереса к языковой форме, стилистике и многозначности слова.

Наконец, необходимо добавить, что творчество Лескова и сама фигура писателя особо предрасполагают к порождению многообразных, нередко противоречивых интерпретаций, в том числе и относящихся к религиозной проблематике. Этому способствует продолжавшаяся всю жизнь эволюция взглядов писателя, не позволяющая, в сущности, вообще говорить о наличии единственной позиции, а также поэтика его творчества, в особенности указанная Дмитрием Лихачевым «ложная этическая оценка» [65. С. 158–165]. Она осложняет определение авторской точки зрения и оставляет особенно большое пространство для интерпретации, но и для манипулирования лесковскими текстами в зависимости от особенностей эпохи, интересов критика, идейных и идеологических установок и запросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулешов В.И. История русской критики XVIII – начала XX веков. М.: Просвещение, 1984. 528 с.
2. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство, 2004. С. 59–96.
3. Biernat E. W kręgu modernistycznego ezoteryzmu // Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku / red. E. Biernat. Gdańsk: Wydawnictwo UG, 2001. S. 7–16.
4. Петрова А.Л. «Узнай себя»: Сократ, Сковорода, Лесков. К постановке проблемы // Sciences and Humanities: Современное гуманитарное знание как синтез наук. 2012. № 1. С. 144–148.
5. Введенский А.И. Современные литературные деятели. II. Николай Семенович Лесков // Исторический вестник. 1890. № 5. С. 393–406.
6. Скабичевский А.М. Чем отличается направление в искусстве от партийности. (По поводу сочинений г. Н.С. Лескова) // Северный вестник. 1891. № 3. С. 261–275; № 4. С. 283–298; № 5. С. 251–267.
7. Протопопов М.А. Большой талант (Собрание сочинений Н.С. Лескова. Десять томов. СПб., 1889–1891 гг.) // Русская мысль. 1891. № 12. С. 258–278.
8. Р.Д. <Дистерло Р.А.>. Н.С. Лесков. Критический очерк // Неделя. 1890. № 28. С. 886–891.
9. Меньшиков М.О. Художественная проповедь (XI том сочинений Н.С. Лескова) // Книжки Недели. 1894. № 2. С. 160–184.
10. Троицкий В.Ю. Художественное наследие Н.С. Лесков в сознании поколений (от современников до Горького) // Время и судьбы русских писателей. М.: Наука, 1981. С. 249–283.
11. Котельников В.А. Между ареной и пантеоном. Н.С. Лесков в критике 1890-х – 1910-х годов // Н.С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб.: Владимир Даль, 2011. С. 3–34.
12. <Б.п.>. Некролог // Странник. 1895. № 3. С. 634–636.
13. Митякин А. <Лопухин А.П.>. Покойный Н.С. Лесков как бытописатель духовенства и соприкосновенной с ним области // Церковный вестник. 1895. № 9. С. 278–281.
14. Краснов П.Н. Чуткий художник и стилист. Памяти Н.С. Лескова // Труд. 1895. № 5. С. 448–457.
15. Фаресов А.И. Памяти Николая Семеновича Лескова // Исторический вестник. 1895. № 4. С. 177–203.
16. Венгеров С.А. Лесков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб.: Издательство Ф.А. Брокгауз – И.А. Эфрон, 1896. Т. 18. С. 147–150.
17. Сементковский Р.И. Николай Семенович Лесков // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1897. Т. 1. С. V–LVI.
18. Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1897. Т. 2. С. 97–116.
19. Богданович А.И. Лесков – писатель-анекдотист // Мир Божий. 1897. № 1. С. 5–7.
20. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Социал-демократические и общедемократические издания / ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1981. 388 с.
21. Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 411 с.
22. Фаресов А.И. Умственные переломы в деятельности Н.С. Лескова // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 786–819.
23. Амфитеатров А.В. Николай Семенович Лесков // Амфитеатров А.В. Курганы. СПб.: Общественная польза, 1905. С. 77–93.
24. Лернер Н.О. Николай Семенович Лесков // История русской литературы XIX в. М.: Мир, 1911. Т. 4. С. 207–229.
25. Стойков Н. К 20-летию со дня смерти Н.С. Лескова (21 февраля) // Отдых христианина. 1916. № 2. С. 90–98.
26. Пильд Л. Н.С. Лесков в оценке Мережковских // Блоковский сборник XV. Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Тарту: University of Tartu Press, 2000. С. 76–89.
27. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / ред. В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Т. 2. 768 с.

28. Эйхенбаум Б.М. О прозе М. Кузмина // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М. : Сов. писатель, 1987. С. 348–351.
29. Waszkielewicz H. Modernistyczny starowiec. Główne motywy prozy Aleksego Riemizowa. Kraków : Wydawnictwo UJ, 1994. 152 s.
30. Woźniak A. Tradycja ruska według Aleksego Riemizowa. Lublin : Redakcja Wydawnictwa KUL, 1995. 273 s.
31. Туниманов В.А. Тропа Ремизова к Лескову // Русская литература. 1998. № 3. С. 18–32.
32. Шелаева А.А. Н.С. Лесков – трансцендентный друг и наставник А.М. Ремизова // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Kraków : Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, 2014. S. 223–233.
33. Волынский А.Л. Н.С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб. : Владимир Даль, 2011. С. 37–154.
34. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М. : Республика, 1995. С. 522–560.
35. Krycka-Michnowska I. O sobie, o Rosji, o duszy rosyjskiej. Dzienniki Zinaidy Gippius. Katowice : Śląsk, 2015. 500 s.
36. Абрамович Н.Я. Мистицизм в творчестве Н. Лескова // Абрамович Н.Я. Литературно-критические очерки. СПб. : Пушкинская скоропечатня, 1909. Т. 1. С. 227–237.
37. Дурылин С.Н. О религиозном творчестве Н.С. Лескова // Христианская мысль. 1916. № 11. С. 73–86.
38. Дурылин С.Н. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Москва. 2011. № 2. С. 113–147. URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_532.html (дата обращения: 3.09.2020).
39. Дурылин С.Н. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Творческое наследие Н.С. Дурылина : сб. статей. М. : Совпадение, 2016. Т. 2. С. 193–224.
40. Сайт поклонников творчества С.Н. Дурылина. URL: <http://durylinmuseum.com/s-n-durylin/> (дата обращения: 26.06.2019).
41. Воронцова И.В. Основопологающие черты христианского модернизма (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 51–61.
42. Кучерская М.А. Comrade Leskov: How a Russian writer was integrated into the Soviet national myth // Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV. Tartu : University of Tartu Press, 2014. С. 187–207.
43. Азбукин В.Н. Критика духовенства и православной церкви в очерках Н.С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни» // Труды Томского государственного университета. 1960. № 35. С. 124–140.
44. Горячкина М.С. Антицерковная сатира Лескова // Русская литература в борьбе с религией. М. : АН СССР, 1963. С. 225–247.
45. Новикова-Строганова А.А. Насквозь русский // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/analitika/2018/01/25/naskvoz_russkij/ (дата обращения: 25.02.2020).
46. Ильинская Т.Б. Христианские мотивы в творчестве Н.С. Лескова (проблема интерпретации) // Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест. 2012. № 1 (1). С. 40–44.
47. Храповицкий А. Знамение времени // Богословский вестник. 1892. № 2. С. 415–419.
48. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М. : Издательский совет РПЦ, 2003. 1056 с.
49. Румянцев А.Б. Н.С. Лесков и русская православная церковь // Русская литература. 1995. № 1. С. 212–217.
50. Кольцова Ю.Н. Духовные искания Н.С. Лескова: Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 87–95.
51. Долгова Е.В. Два взгляда на «Северный Афон»: А.Н. Муравьев и Н.С. Лесков // Христианство и русская литература. СПб. : Наука, 2002. Сб. 4. С. 292–299.
52. Троицкий В.Ю. Н.С. Лесков. Начало пути. Истоки творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2015. 270 с.
53. Мосалева Г.В. Изюбри русской словесности: А.Н. Островский, Н.С. Лесков, И.С. Шмелев. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. 196 с.
54. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М. : Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
55. Шелковникова Л.Ф. Религиозно-этический контекст в творчестве Н.С. Лескова // Жизненные силы славянства на рубеже веков и мировоззрений. Барнаул: Издательство АГУБ, 2001. Ч. 2. С. 66–75.
56. Власкин А.П. К диалогу Лескова и Достоевского о культурной роли русской церкви // Проблемы истории, филологии, культуры. 1996. № 3. С. 235–241.
57. Куницын Б.М. Казанский адресат Н.С. Лескова: о переписке писателя с профессором Казанской духовной семинарии П.В. Знаменским // Русская литература. 2006. № 3. С. 168–184.
58. Дмитриев А.П. Н.С. Лесков и Остзейский вопрос: тревожения этнорелигиозной неангажированности // Христианство и русская литература: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. СПб. : Наука, 2010. Сб. 6. С. 98–164.
59. Дмитриев А.П. Н.С. Лесков и Н.П. Гиляров-Платонов: моменты единомыслия и разногласий в публицистике современников // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 2. С. 111–115.
60. Ильинская Т.Б. Русское разноречие в творчестве Н.С. Лескова. СПб. : Издательство НИЯК, 2010. 252 с.
61. Майорова О.Е. Н.С. Лесков: структура этно-конфессионального пространства // Тыняновский сборник 10: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М. : Книжная палата, 1998. С. 118–138.
62. Христианство в творчестве Лескова – лекция Майи Кучерской // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/hristianstvo-v-tvorchestve-leskova-lektsiya-may-i-kucherskoj-video/> (дата обращения: 15.03.2021).
63. Кучерская М. Лесков. Прозванный гений. М. : Молодая гвардия, 2021. 622 с.
64. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
65. Лихачев Д.С. «Ложная» этическая оценка у Н.С. Лескова // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л. : Сов. писатель, 1981. С. 158–165.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2021 г.

Reception of Religious Themes in Nikolai Leskov's Works at the Turn of the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 34–43.

DOI: 10.17223/15617793/468/4

Marta Łukaszewicz, University of Warsaw (Warsaw, Poland). E-mail: marta.lukaszewicz@uw.edu.pl

Keywords: Nikolai Leskov; reception; literary criticism; realism; modernism; religion.

The article aims to consider tendencies predominating in literary criticism at the turn of the 20th century in its reception of religious issues in Nikolai Leskov's works, to identify the peculiarities of their understanding by representatives of diverse groups and trends, to examine their influence on changes in Leskov's literary reputation. The role of the spiritual atmosphere of the Silver Age in changing attitudes towards Leskov's legacy is mentioned, as well as the consequences of the duality of his reception formed at that time. The research materials consists of various works of literary criticism (articles, notes, reviews) written and published in Russia

between 1895 and 1917. They are studied using the methods of the thematic, discourse and comparative analysis of the text. The research demonstrated that the comprehension of Leskov's legacy, which began at the end of the writer's life, took place in the critical period of the coexistence of realism and symbolism in literature, and sociological and modernist trends in criticism. Leskov's literary works attracted mainly critics of the sociological trend, who emphasized the writer's evolution from a photographic depiction of Russian Orthodox clergymen's everyday life to the finding of peace, rational and moral understanding of religiosity akin to Protestantism and Leo Tolstoy's teaching. The approach of the less numerous modernist critics was different as they appreciated Leskov's depiction of the mystical depths of Orthodoxy, his penetration into the secrets of the popular faith and ability to juxtapose them with the mundane life. They evaluated the late works of the writer as less interesting, excessively rationalistic and moralising. Thus, the analysis of literary reviews of the turn of the 20th century allows making a conclusion about a strong influence of the artistic principles of the two main literary movements of the epoch, and critics' desire to incorporate Leskov into the modern context, thereby updating his legacy. Such a possibility is, in particular, the result of Leskov's ideological evolution and of the peculiarity of his manner of writing, with its elusive author's position, which still makes it feasible to formulate contradictory assessments of his works and personal religiosity, varying between a 'heretic' and 'profoundly Orthodox'. In addition, the author observed the fundamental importance of the category of literary reputation and noted the fact of transition from assessing the personality and socio-political stance of the author to evaluating his artistic output. It was also due to the beginning of the 'linguistic turn' of the literary critics of the time, which resulted in the reception of Leskov's works becoming more complex and multifaceted. The contradictory assessment of his works and, in particular, their religious component, still continue to shape the position of many contemporary researchers.

REFERENCES

1. Kuleshov, V.I. (1984) *Istoriya russkoy kritiki XVIII – nachala XX vekov* [The history of Russian criticism of the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Mints, Z.G. (2004) *Poetika russkogo simbolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskustvo. pp. 59–96.
3. Biernat, E. (2001) W kręgu modernistycznego ezoteryzmu. In: Biernat, E. *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku*. Gdańsk: Wydawnictwo UG. pp. 7–16.
4. Petrova, A.L. (2012) "Uznay sebya": Sokrat, Skovoroda, Leskov. K postanovke problemy ["Know yourself": Socrates, Skovoroda, Leskov. To the problem statement]. *Sciences and Humanities: Sovremennoe gumanitarnoe znanie kak sintez nauk*. 1. pp. 144–148.
5. Vvedenskiy, A.I. (1890) Sovremennye literaturnye deyateli. II. Nikolay Semenovich Leskov [Modern literary figures. II. Nikolai Semenovich Leskov]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 393–406.
6. Skabichevskiy, A.M. (1891) Chem otlichaetsya napravlenie v iskusstve ot partiynosti. (Po povodu sochineniy g. N.S. Leskova) [The difference between the direction in art and the partisanship. (Concerning the writings of Mr. NS Leskov)]. *Severnyy vestnik*. 3. pp. 261–275; 4. pp. 283–298; 5. pp. 251–267.
7. Protopopov, M.A. (1891) Bol'noy talant (Sobranie sochineniy N.S. Leskova. Desyat' tomov. SPb., 1889–1891 gg.) [A sick talent (Collected works of N.S. Leskov. Ten volumes. St. Petersburg, 1889–1891)]. *Russkaya mysl'*. 12. pp. 258–278.
8. R.D. <Distlerlo R.A.>. (1890) N.S. Leskov. Kriticheskiy ocherk [N.S. Leskov. A critical essay]. *Nedelya*. 28. pp. 886–891.
9. Men'shikov, M.O. (1894) Khudozhestvennaya propoved' (XI tom sochineniy N.S. Leskova) [Artistic sermon (XI volume of the works of N.S. Leskov)]. *Knizhki Nedeli*. 2. pp. 160–184.
10. Troitskiy, V.Yu. (1981) Khudozhestvennoe nasledie N.S. Leskov v soznanii pokoleniy (ot sovremennikov do Gor'kogo) [Artistic sermon (XI volume of the works of NS Leskov)]. In: *Vremya i sud'by russkikh pisateley* [Time and Fates of Russian Writers]. Moscow: Nauka. pp. 249–283.
11. Kotelnikov, V.A. (2011) Mezhdru arenoy i panteonom. N.S. Leskov v kritike 1890-kh – 1910-kh godov [Between the arena and the pantheon. N.S. Leskov in criticism of the 1890s–1910s]. In: *N.S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii* [N.S. Leskov: a classic in non-classical interpretation]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. pp. 3–34.
12. <B.p.>. (1895) Nekrolog [Obituary]. *Strannik*. 3. pp. 634–636.
13. Mityakin, A. <Lopukhin A.P.>. Pokoynny N.S. (1895) Leskov kak bytopisatel' dukhovenstva i soprikosnovenny s nim oblasti [Leskov as a writer of everyday life of the clergy and the area in contact with them]. *Tserkovnyy vestnik*. 9. pp. 278–281.
14. Krasnov, P.N. (1895) Chutkiy khudozhnik i stilist. Pamyati N.S. Leskova [Sensitive artist and stylist. In memory of N.S. Leskov]. *Trud*. 5. pp. 448–457.
15. Faresov, A.I. (1895) Pamyati Nikolaya Semenovicha Leskova [In memory of Nikolai Semenovich Leskov]. *Istoricheskiy vestnik*. 4. pp. 177–203.
16. Vengerov, S.A. (1896) Leskov. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 18. St. Petersburg: Izdatel'stvo F.A. Brokgauz – I.A. Efron. pp. 147–150.
17. Sementkovskiy, R.I. (1897) Nikolay Semenovich Leskov. In: Leskov, N.S. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie A.F. Marksa. pp. V–LVI.
18. Mikhaylovskiy, N.K. (1897) Literatura i zhizn' [Literature and life]. *Russkoe bogatstvo*. 2. pp. 97–116.
19. Bogdanovich, A.I. (1897) Leskov – pisatel'-anekdotist [Leskov – an anecdotist writer]. *Mir Bozhiy*. 1. pp. 5–7.
20. Byalik, B.A. (ed.) (1981) *Literaturnyy protsess i russkaya zhurnalistika kontsa XIX – nachala XX veka. 1890–1904. Sotsial-demokraticheskie i obshchedemokraticheskie izdaniya* [Literary process and Russian journalism of the late 19th – early 20th centuries. 1890–1904]. Moscow: Nauka.
21. Faresov, A.I. (1904) *Protiv techeniy. N.S. Leskov. Ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya o nem* [Against the currents. N.S. Leskov. His life, writings, polemic and memories of him]. St. Petersburg: Tip. M. Merkusheva.
22. Faresov, A.I. (1916) Umstvennye perelomy v deyatel'nosti N.S. Leskova [Mental fractures in the activities of N.S. Leskov]. *Istoricheskiy vestnik*. 3. pp. 786–819.
23. Amfiteatrov, A.V. (1905) Kurgany [Mounds]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 77–93.
24. Lerner, N.O. (1911) Nikolay Semenovich Leskov. In: *Istoriya russkoy literatury XIX v.* [History of Russian Literature of the 19th century]. Vol. 4. Moscow: Mir. pp. 207–229.
25. Stoykov, N. (1916) K 20-letiyu so dnya smerti N.S. Leskova (21 fevralya) [To the 20th anniversary of the day of N.S. Leskov's death]. *Otdykh khristianina*. 2. pp. 90–98.
26. Pil'd, L. (2000) N.S. Leskov v otsenke Merezhkovskikh [N.S. Leskov in the assessment of the Merezhkovskys]. In: *Blokovskiy sbornik XV. Russkiy simbolizm v literaturnom kontekste rubezha XIX–XX vv.* [Blok collection XV. Russian symbolism in the literary context of the turn of the 20th century]. Tartu: University of Tartu Press. pp. 76–89.
27. Keldysh, V.A. (ed.) (2001) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian literature of the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS.
28. Eykhenbaum, B.M. (1987) *O literature* [On literature]. Moscow: Sov. Pisatel'. pp. 348–351.
29. Waszkielewicz, H. (1994) *Modernistyczny starowiec. Główne motywy prozy Aleksego Riemizowa*. Kraków: Wydawnictwo UJ.
30. Woźniak, A. (1995) *Tradycja ruska według Aleksego Riemizowa*. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL.
31. Tunimanov, V.A. (1998) Tropa Remizova k Leskovu [Remizov's path to Leskov]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 18–32.

32. Shelaeva, A.A. (2014) N.S. Leskov – transtsendentnyy drug i nastavnik A.M. Remizova [Leskov as a transcendental friend and mentor of A.M. Remizov]. In: *Ot modernizma k postmodernizmu. Russkaya literatura XX–XXI vekov* [From modernism to postmodernism. Russian literature of the 20th–21st centuries]. Kraków: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. pp. 223–233.
33. Volynskiy, A.L. (2011) N.S. Leskov. In: *N.S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii* [N.S. Leskov: a classic in non-classical interpretation]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. pp. 37–154.
34. Merezkovskiy, D.S. (1995) *L. Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions]. Moscow: Respublika. pp. 522–560.
35. Krycka-Michnowska, I. (2015) *O sobie, o Rosji, o duszy rosyjskiej. Dzienniki Zinaidy Gippius*. Katowice: Śląsk.
36. Abramovich, N.Ya. (1909) *Literaturno-kriticheskie ocherki* [Literary critical essays]. Vol. 1. St. Petersburg: Pushkinskaya skoropechatnya. pp. 227–237.
37. Durylin, S.N. (1916) O religioznom tvorchestve N.S. Leskova [On the religious works of N.S. Leskov]. *Khristianskaya mysl'*. 11. pp. 73–86.
38. Durylin, S.N. (2011) Nikolay Semenovich Leskov. Opyt kharakteristiki lichnosti i religioznogo tvorchestva [Nikolai Semenovich Leskov. Experience of characterizing his personality and religious works]. *Moskva*. 2. pp. 113–147. [Online] Available from: http://www.moskvam.ru/publications/publication_532.html (Accessed: 3.09.2020).
39. Durylin, S.N. (2016) Nikolay Semenovich Leskov. Opyt kharakteristiki lichnosti i religioznogo tvorchestva [Nikolai Semenovich Leskov. Experience of characterizing his personality and religious works]. In: *Tvorcheskoe nasledie S.N. Durylina: sb. statey* [Creative legacy of S.N. Durylin: articles]. Vol. 2. Moscow: Sovpadenie. pp. 193–224.
40. *Sayt poklonnikov tvorchestva S.N. Durylina* [Site of S.N. Durylin's fans]. [Online] Available from: <http://durylinmuseum.com/s-n-durylin/> (Accessed: 26.06.2019).
41. Vorontsova, I.V. (2010) Osnovopolagayushchie cherty khristianskogo modernizma (konets XIX – nachalo XX v.) [Fundamental features of Christian modernism (late 19th – early 20th centuries)]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 51–61.
42. Kucherskaya, M.A. (2014) Comrade Leskov: How a Russian writer was integrated into the Soviet national myth. In: *Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV*. Tartu: University of Tartu Press. pp. 187–207.
43. Azbukin, V.N. (1960) Kritika dukhovenstva i pravoslavnoy tserkvi v ocherkakh N.S. Leskova “Melochi arkhieyskoy zhizni” [Criticism of the clergy and the Orthodox Church in N.S. Leskov's Trifles of the Life of Archbishops]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35. pp. 124–140.
44. Goryachkina, M.S. (1963) Antitserkovnaya satira Leskova [Leskov's anti-church satire]. In: *Russkaya literatura v bor'be s religiei* [Russian literature in the fight against religion]. Moscow: USSR AS. pp. 225–247.
45. Novikova-Stroganova, A.A. (2018) *Naskvoz' russkiy* [Russian to the core]. [Online] Available from: http://ruskline.ru/analitika/2018/01/25/naskvoz_russkiy/ (Accessed: 25.02.2020).
46. Il'inskaya, T.B. (2012) Khristianskie motivy v tvorchestve N.S. Leskova (problema interpretatsii) [Christian motives in the works of N.S. Leskov (the problem of interpretation)]. *Sciences and humanities: sovremennoe gumanitarnoe znanie kak sintez nauk. Leskovskiy palimpsest*. 1 (1). pp. 40–44.
47. Khrapovitskiy, A. (1892) Znamenie vremeni [Sign of time]. *Bogoslovskiy vestnik*. 2. pp. 415–419.
48. Dunaev, M.M. (2003) *Vera v gornile somneniy. Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vv.* [Faith in the crucible of doubt. Orthodoxy and Russian literature in the 17th–20th centuries]. Moscow: Izdatel'skiy sovet RPTs.
49. Rumyantsev, A.B. (1995) N.S. Leskov i russkaya pravoslavnaya tserkov' [N.S. Leskov and the Russian Orthodox Church]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 212–217.
50. Kol'tsova, Yu.N. (2000) Dukhovnye iskaniya N.S. Leskova: Krizis khristianskoy idei v tvorchestve Leskova 1870-kh gg. [The spiritual quest of N.S. Leskov: The crisis of the Christian idea in Leskov's works of the 1870s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 4. pp. 87–95.
51. Dolgova, E.V. (2002) Dva vzglyada na “Severnyy Afon”: A.N. Murav'ev i N.S. Leskov [Two views on “Northern Athos”: A.N. Muravyov and N.S. Leskov]. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka. pp. 292–299.
52. Troitskiy, V.Yu. (2015) *N.S. Leskov. Nachalo puti. Istoki tvorchestva* [N.S. Leskov. The beginning of the way. The origins of creativity]. Moscow: IWL RAS.
53. Mosaleva, G.V. (2019) *Izografy russkoy slovesnosti: A.N. Ostrovskiy, N.S. Leskov, I.S. Shmelev* [Isographers of Russian literature: A.N. Ostrovsky, N.S. Leskov, I.S. Shmelev]. Izhevsk: Udmurt University.
54. Starygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian novel in the situation of the philosophical and religious polemic of the 1860s–1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
55. Shelkovnikova, L.F. (2001) Religiozno-eticheskiy kontekst v tvorchestve N.S. Leskova [Religious and ethical context in the works of N.S. Leskov]. In: *Zhiznennyye sily slavyanstva na rubezhe vekov i mirovozzreniy* [Vital forces of the Slavs at the turn of the century and worldviews]. Vol. 2. Barnaul: Izdatel'stvo AGU. pp. 66–75.
56. Vlaskin, A.P. (1996) K dialogu Leskova i Dostoevskogo o kul'turnoy roli russkoy tserkvi [To the dialogue between Leskov and Dostoevsky about the cultural role of the Russian Church]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3. pp. 235–241.
57. Kunitsyn, B.M. (2006) Kazanskiy adresat N.S. Leskova: o perepiske pisatelya s professorom Kazanskoy dukhovnoy seminarii P.V. Znamenskim [The Kazan addressee of N.S. Leskov: on the correspondence of the writer with the professor of the Kazan Theological Seminary P.V. Znamenskiy]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 168–184.
58. Dmitriev, A.P. (2010) N.S. Leskov i Ostzeyskiy vopros: trevolneniya etnoreligioznoy neangazirovannosti [N.S. Leskov and the Ostsee Question: Anxieties of Ethno-Religious Non-Engagement]. In: *Khristianstvo i russkaya literatura: Vzaimodeystvie etnokul'turnykh i religiozno-eticheskikh traditsiy v russkoy mysli i literature* [Christianity and Russian Literature: Interaction of Ethnocultural and Religious-Ethical Traditions in Russian Thought and Literature]. Vol. 6. St. Petersburg: Nauka. pp. 98–164.
59. Dmitriev, A.P. (2018) Nikolai Leskov and Nikita Gilyarov-Platonov: Moments of Unanimity and Disagreement in the Journalism of Contemporaries. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 2. pp. 111–115. (In Russian).
60. Il'inskaya, T.B. (2010) *Russkoe raznoverie v tvorchestve N.S. Leskova* [Russian faith diversity in the works of N.S. Leskov]. St. Petersburg: Izdatel'stvo NIYaK.
61. Mayorova, O.E. (1998) N.S. Leskov: struktura etno-konfessional'nogo prostranstva [N.S. Leskov: the structure of ethno-confessional space]. In: *Tynyanovskiy sbornik 10: Shestye – Sed'mye – Vos'mye Tynyanovskie chteniya* [Tynyanov collection 10: Sixth – Seventh – Eighth Tynyanov readings]. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 118–138.
62. Pravmir. (2021) *Khristianstvo v tvorchestve Leskova – leksiya Mayi Kucherskoy* [Christianity in Leskov's works – a lecture by Maya Kucherskaya]. [Online] Available from: <https://www.pravmir.ru/hristianstvo-v-tvorchestve-leskova-leksiya-mayi-kucherskoy-video/> (Accessed: 15.03.2021).
63. Kucherskaya, M. (2021) *Leskov. Prozevannyi geniy* [Leskov. A missed genius]. Moscow: Molodaya gvardiya.
64. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin became a genius. Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
65. Likhachev, D.S. (1981) *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad: Sov. Pisatel'. pp. 158–165.

Received: 05 July 2021

А.Д. Сабова

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. ФРАНЦУЗСКИМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Анализируется специфика освещения французскими газетами событий войны между Россией и Японией в 1904–1905 гг. На основе публикаций корреспондентов четырех газет из архива Национальной библиотеки Франции рассматриваются приемы, при помощи которых у европейской аудитории формировалось представление о военном конфликте и о самом дальневосточном регионе в целом. Делается вывод о значимости роли репортера при выстраивании информационной стратегии французской прессой в 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Русско-японская война; журналистика; Франция; Дальний Восток; репортаж.

Введение

Освещение событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. оказало существенное влияние на развитие отечественной и зарубежной прессы. На страницах русской периодики со стороны правящих кругов впервые была предпринята попытка целенаправленного формирования общественного мнения. В то же время для многих западных стран освещение войны между Японией и Россией стало новым этапом в развитии информационной прессы, на котором были опробованы ранее неизвестные методы передачи сведений в сжатые сроки, жанры и способы коммуникации с читателями. В этом отношении особый интерес представляют газеты Франции, которая стала одной из немногих западных стран, открыто выразивших поддержку русской стороне. Стремясь сформировать положительный облик России в глазах читателей, на первых этапах вооруженного конфликта французские газеты опирались преимущественно на сообщения из английских, русских, немецких и американских газет и телеграфных агентств. По мере его развития ведущие парижские периодические издания практически одновременно приняли решение отправить более десяти корреспондентов на место событий. Это событие имело значение не только для национальной прессы: обозначив оформление жанра военного репортажа и поспособствовав профессионализации французской печати в целом, наглядные и документально точные свидетельства французских корреспондентов существенно повлияли на восприятие конфликта на Дальнем Востоке в глазах европейских читателей.

Цель настоящего исследования – выявить особенности освещения войны между Россией и Японией 1904–1905 гг. на основе публикаций в четырех французских газетах (*Le Journal* и *Le Matin* относятся к категории прессы для массовой аудитории, газеты *Le Figaro* и *Le Temps* нацелены на более узкий круг читателей). Таким образом, в качестве эмпирической базы исследования рассматривается подборка выпусков, размещенных в цифровом архиве Gallica Национальной библиотеки Франции. Особое внимание уделено публикациям, которые отражают ранний этап развития конфликта (27 января – 10 февраля 1904 г.) и отдельные эпизоды войны (обстрел Порт-Артура в январе-феврале 1904 г. и битва при Ляояне 24 августа – 4 сентября 1904 г.). Всего в ходе исследования рас-

смотрено 15 выпусков газеты *Le Matin*, 15 – *Le Journal*, 10 выпусков *Le Figaro*. Данные публикации ранее полностью не переводились на русский язык и представляются научному сообществу впервые. Историко-генетический метод и сравнительный подход позволяют рассмотреть жанр военного репортажа в его становлении, а также обозначить и проиллюстрировать ключевые характеристики французской модели этого жанра.

В отечественной литературе обозначенный период в развитии французской печати чаще всего рассматривается как этап становления массовой журналистики, сопряженный с дифференциацией и усложнением методов борьбы за читателя [1, 2]. Некоторые исследования посвящены истории становления профессии журналиста [3] и издателя ежедневных газет [4]. Также можно выделить несколько направлений исследований, разрабатываемых французскими историками медиа. Во-первых, это работы, затрагивающие непосредственно вопросы формирования жанра и адаптации репортеров к работе в условиях военных действий [5–7], а во-вторых, нас будут интересовать исследования, представляющие собой комплексный анализ профессии в обозначенный период [8]. В отдельную группу работ можно включить исследования, посвященные развитию печати обозначенного периода в целом [9–11].

Военный и политический аспекты конфликта неоднократно становились предметом научной рефлексии. Не так давно исследователи стали уделять внимание и проблеме формирования общественного мнения о конфликте: исследователи обращали внимание на «механизмы его формирования, анализ выбранной правительством стратегии» [1. С. 3] на материале региональной прессы Сибири и Дальнего Востока. В настоящей статье впервые прослеживается стратегия формирования общественного мнения, выбранная французской прессой при освещении Русско-японской войны.

Специфика освещения военных конфликтов во французской прессе до XX в.

Представление о работе военного корреспондента сложилось во французской печати гораздо позднее, чем, к примеру, в англо-саксонской, с которой традиционно связывают происхождение самой репортаж-

ной журналистики во Франции. Если в Великобритании первыми профессиональными военными корреспондентами было принято называть журналистов, освещавших события Крымской войны 1853–1856 гг. (в частности Уильяма Говарда Рассела, корреспондента *The Times*), а на северо-американском континенте всплеск военной журналистики связан с Гражданской войной 1861–1865 гг., то крупнейшие французские издания вплоть до 1870-х гг. лишь в исключительных случаях отправляли своих корреспондентов за пределы столицы для сбора информации и подготовки материала, в том числе и на тему вооруженных конфликтов.

Отчасти это было связано с профессиональной подготовкой французских журналистов, среди которых лишь немногие рассматривали сотрудничество с периодическими изданиями как свою основную профессию. Согласно «Всеобщему словарю современников», по состоянию на 1858 г. не менее 44% журналистов в Париже происходили из аристократических семей или из кругов богатой буржуазии. Таким образом, большинство французских журналистов воспринимали свою работу как способ вырваться из той среды, с которой связаны по праву рождения, как необходимый, но временный этап на пути к карьере политика либо писателя.

Исторически сообщения о развитии вооруженных конфликтов поступали во французские газеты из правительственных источников. Так, в XVII в. подконтрольная королевской власти *La Gazette*, выходившая под редакцией Теофраста Рендо, публиковала сообщения о военных походах, составленные самим королем Франции Людовиком XIII на основе информации, предоставленной кардиналом Ришелье. По этой причине некоторые исследователи, например S. Haffemaeyer, называют первым военным корреспондентом в истории французской печати именно Людовика XIII, который непосредственно участвовал в жизни газеты (, 2004). В измененном виде эта традиция сохранилась и при Директории (1795–1797 гг.), когда сообщения генерального штаба транслировали два издания: *Le Moniteur* и *Le Journal des défenseurs de la patrie*; а в первой трети XIX в. периодическое издание *Bulletin de la Grande Armée* (приложение к газете *Le Moniteur universel*) сообщало обо всех военных победах, планах армии Наполеона и действиях ее противников.

На протяжении XIX столетия французские читатели черпали основную информацию о боевых действиях (передвижение армий, сражения и их итоги) в основном из официальных коммюнике правительства и депеш либо целых статей, перепечатанных из иностранной периодики, прежде всего британской. К примеру, одно из ключевых сражений Крымской войны (речь об Инкерманском сражении 25 ноября 1854 г.) освещалось на первой полосе парижской газеты *Journal des débats* посредством перевода отчета корреспондента *The Times*, на второй полосе размещены отрывки из статей корреспондентов *The Daily News*, *The Morning Chronicle*, *The Globe*, *The Morning Post*, четырех немецких, одной австрийской и русской газеты. Новости от французского агентства *Havas* и

сообщения от журналистов самой газеты находим лишь на третьей полосе. Также газеты нередко обращались к корреспондентам, постоянно сотрудничавшим с ними из-за рубежа и имевшим возможность оказаться на месте событий.

Переломным моментом для французской прессы стал 1870 г., когда сразу после смягчения цензуры и правительственного контроля над военной информацией, у аудитории впервые появилась возможность следить за тем, как «практически день за днём» [7. С. 213] развивается война Франции и Пруссии – благодаря усилиям первых военных корреспондентов французских газет. Параллельно с информационными сообщениями о наступлении прусской армии, об отдельных сражениях и подготовке Парижа к осаде развивался и репортажный стиль освещения войны.

Таким образом, к концу XIX в. во французской прессе закрепился двоякий подход к освещению военных действий. Первые полосы ведущих французских газет стали разделять новостные депеши из зарубежных изданий или телеграфных агентств и развернутые репортажи либо интервью от французских корреспондентов. Постепенно именно за репортажами закрепилась роль текстов, дублирующих и поясняющих официальную информацию о происходящем на театре военных действий.

Освещение Русско-японской войны во французской прессе на раннем этапе

Война, начавшаяся между Россией и Японией в 1904 г., вызвала заметный резонанс как в российской, так и зарубежной прессе [12]. Наиболее однозначно свою позицию выразили газеты Великобритании и США, которые, в соответствии с правительственным курсом, открыто поддерживали Японию и обвиняли Россию в развязывании конфликта, еще накануне называя неизбежным поражение российского флота из-за неподготовленности самой армии и ее руководства к боевым действиям на столь отдаленном рубеже империи. Более того, саму Русско-японскую войну сопоставляли «с испано-американской войной 1898 г., а Россия с Испанией, прямо говоря, о повторении российским правительством испанских ошибок» [13. С. 121]. Одним из наиболее ярких проявлений анти-русских настроений являлись карикатуры в таких американских журналах, как *Puck* накануне войны, который еще в 1903 г. критиковал стремление России проникнуть в Маньчжурию, и *Judge*, иллюстрации которого в 1905 г. напоминали, что вместе с русским флотом Япония потопила русскую тиранию и жестокость [14].

На фоне прояпонских настроений, разделяемых большинством западных стран, отношение Франции к конфликту представляется более сложным. С одной стороны, французская пресса активно поддерживала Российскую империю, поскольку страна являлась «главным кредитором царского правительства и поддерживать русских – значило поддерживать свои вложения» [13. С. 120]. С другой стороны, на протяжении всей войны (особенно на раннем этапе конфликта) основным источником информации для

французских изданий были иностранная пресса и телеграфные агентства. Перепечатывая их сообщения, газеты стремились сохранять информационный баланс и предоставлять слово обеим сторонам конфликта. Однако если обратить внимание на подборку упоминаемых изданий, становится очевидно, что британские источники лидируют по частоте цитирования. Так, газета *Journal* в выпуске за 9 февраля 1904 г. (т.е. за день до первого вооруженного столкновения) перепечатала депеши из британских *The Daily Chronicle*, *The Morning Post*, *Daily Telegraph*, *Daily Graphic*, *The Times*, на втором месте по частоте цитирования – немецкие газеты, на третьем – русские («Биржевые ведомости» и «Петербургские ведомости»), на последнем – американская *The Sun* и итальянская *Popolo Romano*. На следующий день, 10 февраля, информацию об обстреле Порт-Артура французские газеты чаще всего заимствовали из британских источников (*Daily Mail* и *Standard* – перепечатывались как отдельные публикации, так и депеши от информаторов изданий в Токио и Нагасаки), за ними следуют депеши «Русского телеграфного агентства» и публикации «Русского вестника» (из него перепечатаны целиком две депеши и целое коммюнике). Заимствованные из иностранной прессы сообщения занимают большую часть первой и третьей полосы, целиком отведенных под новостной отдел.

При этом особенно на раннем этапе освещения конфликта французскую прессу отличало стремление в равной мере отразить позиции обеих сторон. Качественные издания, нацеленные на более узкий круг образованных и требовательных читателей, для этой цели обращались не только к новостным сообщениям, но и к интервью. Так, газета *Le Figaro* напечатала интервью с японским чиновником в Лондоне (источник – агентство *Havas*): собеседник уверяет, что «если бы Япония действительно хотела войны, боевые действия уже давно бы имели место. Напротив, Япония горячо желает мира» [15. С. 2]. Не переводя разговор в косвенную речь, издание привело прямые цитаты, «сталкивая» на одной полосе совершенно противоположные заявления. После разрыва дипломатических отношений между Россией и Японией *Figaro* опубликовало сразу три интервью. Министр Японии в Париже настаивал на том, что его страна не желает войны: «Уверяю вас, что нота, переданная моим правительством, не содержала ничего, что Россия не могла бы принять. Правда в том, что Россия хочет войны». В русском посольстве в Париже утверждали обратное в ответ на вопрос французского журналиста о том, если ли надежда на мирное разрешение конфликта: «Никакой. Это война. Японцы хотели ее». Для создания полноценной картины газета привела слова официального представителя Кореи, невольно оказавшейся в опасной близости от театра военных действий: «Я знаю, что Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Учитывая национальный подвиг, который захватил Японию, эта новость меня не удивила. Как и всем, мне страшно – увы! – что русская и японская армии встретятся в Корее» [16. С. 1].

Таким образом, качественная французская пресса, даже избегая категоричности, открыто выражала под-

держку Российской империи. К примеру, в более ранней статье та же газета подробно проанализировала расстановку сил на Дальнем Востоке. Сопоставляя русскую и японскую армии, *Figaro* отдавала предпочтение первой и называла «безрассудством» со стороны Японии нападать на страну, «армия которой веками доказывала свою силу» [17. С. 2] в крупных сражениях.

Схожая картина наблюдалась и в массовой прессе. Нацеленные на крайне широкую публику и, соответственно, выходящие огромным тиражом, массовые газеты избрали более жанрово разнообразный подход к освещению конфликта, тем не менее придерживаясь той же стратегии, что и качественная пресса. Газета *Le Matin*, входящая наравне с *Le Journal* в четверку ведущих изданий этой категории, также публиковала серию интервью с представителями дипломатических кругов, предлагая каждой стороне изложить свой взгляд на конфликт. В рубрике «По направлению к войне» 5 февраля появилось интервью с японским посланником в Лондоне виконтом Хаяши, которое в виду его категоричности вскоре было перепечатано другими парижскими газетами: «Если Россия откажется подписать этот договор (о признании независимости Китая в Манчжурии. – А.С.), мы будем драться» [18. С. 1], – утверждал японский посланник. На следующий день в газете были опубликованы отзывы представителя русской дипломатии в Париже: «Язык виконта Хаяши настолько неподходящий для дипломатических кругов, что мы можем объяснить его лишь крайней нервозностью. Без сомнений, виконт не выспался» [19. С. 1]. Из-за резонанса, которое интервью имело во французских изданиях, журналист газеты повторно обратился к виконту, чтобы уточнить, верно ли были переданы его слова в предыдущем выпуске – подтверждение от самого собеседника было напечатано на первой полосе *Le Matin*. Таким образом, массовая пресса вполне успешно конкурировала с качественной при освещении военных конфликтов, не только осваивая новые жанры, но и обращая внимание читателя на достоверность сообщаемой информации.

Массовая пресса пыталась создать ироничное изображение Японии. Особенно отчетливо это намерение заметно в интервью от 7 февраля, озаглавленном «Восток в Париже» [20. С. 1]. Известный парижский репортер Гастон Леру подробно рассказал читателям, что по совету главного редактора он совершенно не готовился к разговору с японским и корейским посланцами в Париже и решил начать его с подсказанных редактором вопросов: «Пьют ли они кофе с молоком по утрам, книги какого автора предпочитают, имя любимой актрисы и что они думают о ревью Фоли-Бержер?» [20. С. 1]. Застав японского посла сразу после получения последних известий из Японии насчитать конфликта с Россией и тут же начав расспрашивать его об искусстве, журналист не смог добиться от него ничего, кроме обещания «поговорить об этом как-нибудь в другой раз» [20. С. 1]. Корейский посол, не менее сосредоточенный на актуальной повестке, на подобные вопросы до комичного односложно. При отсутствии во французской прессе оскорбительных высказываний в

адрес какой-либо из сторон конфликта журналист массовой газеты ввел в рассказ о своем визите к министрам Японии и Кореи иронию, чтобы показать глубокое различие между европейскими и азиатскими нравами за счет наивности самого журналиста.

При этом в массовой прессе более заметное место, чем в качественной, отведено сопоставлению двух армий. Необходимо отметить, что в отличие от англоязычной прессы, которая нередко обращалась к «признанию как нации» [13. С. 122] одной из сторон конфликта, французская, скорее, привлекала слова экспертов, способных высказать более объективную оценку. Так, в статье «Русский солдат» он описан, с одной стороны, как «опасный противник прежде всего из-за строгой дисциплины» и «выносливости», а с другой – его слабыми сторонами становятся привычка к алкоголю, а также то, что «русские страдают от холода гораздо сильнее, чем мы»; «несмотря ни на что, русский дисциплинирован, слепо подчиняется своему командиру, он стойко перенесет лишения – без нашей веселости, конечно, но храбро. К тому же он хорошо экипирован» [21. С. 2].

Характеристику японским солдатам дал французский генерал Гюстав Педойя. Называя их «учениками Франции», он напомнил, что многие японские офицеры получали образование во Франции, а японские учебные заведения для военных созданы по модели французских. В числе наиболее серьезных качеств упомянуты следующие: «Он умерен в привычках, очень проворен, не поддается усталости, до безрассудства храбр и, помимо того, крайне воодушевлен патриотизмом». Все эти качества делают «из японской армии одного из самых серьезных противников» [22. С. 1].

Нацеленная «на широкую аудиторию (часто – миллионную), не имеющую высокого образовательного уровня» [2. С. 6], массовая газета нередко публиковала информацию познавательного характера, которая «способствовала эволюции менталитета, расширению кругозора читателей» [2. С. 12]. Отпечаток энциклопедичности замечен и на освещении рассматриваемого конфликта. Во многих публикациях подчеркивалось непонимание и незнание французскими читателями и самими журналистами Дальнего Востока и прежде всего Японии, которая до 1860-х гг. оставалась закрытой для европейских путешественников. Чтобы восполнить пробелы в знаниях читателей, *Le Matin* опубликовала две небольшие хронологии в выпуске от 10 февраля 1904 г., который сообщает о начале боевых действий и нападении Японии на Порт-Артур. Озаглавленные «Краткая история страны, о которой мы мало знаем», две публикации посвящены Японии и Корее.

Первая разбита на четыре раздела, в которых сгруппированы ключевые даты в японской истории, на взгляд французских журналистов: «Два века летаргии», «Пробуждение», «Приход к власти микадо», «Триумф европейских идей». Рубрика охватила несколько столетий: открывается эдиктом против христиан 1613 г., а завершается союзом с Англией в 1902 г. Вторая публикация разбита на четыре раздела по тому же принципу: «В полном варварстве», «Век

анархии», «Первые влияния из-за рубежа», «Пробуждение европейских идей» (хронологию открывает приход к власти первого императора правящей династии в 1392 г., а завершает заключение соглашения между Кореей и Японией о торговле в 1898 г.). Так, формировался образ закрытых восточных стран, благополучие которым приносит прежде всего открытость европейским идеям.

Стремление сохранить нейтралитет возможно проследить и в подходе французских газет к иллюстративному оформлению публикаций, связанных с освещением конфликта. Особенно это заметно именно на раннем этапе его развития, когда издания объясняли французской аудитории расстановку сил в регионе и перечисляли главных действующих лиц, от которых зависел исход конфликта. В данном аспекте больший интерес представляет анализ подборки массовых газет – качественные публиковали иллюстрации очень редко и в лучшем случае речь шла лишь о картах местности (за рассматриваемый период с 27 января по 10 февраля 1904 г. в *Le Figaro* опубликована лишь одна карта Порт-Артура [23. С. 1], а в более консервативной газете *Le Temps* – ни одной).

В отличие от качественных газет, массовые издания чаще всего публиковали портреты дипломатов, военачальников и правителей, уделяя особое внимание балансу в выборе иллюстраций: за данный период газета *Le Journal* напечатала портреты семи представителей Российской империи и восьми – Японии, газета *Le Matin* – четыре портрета представителей русской стороны, пять портретов представителей японской и портрет корейского посла в Париже. Равновесие сохраняется и на уровне расположения иллюстраций. Так, на первой полосе *Le Journal* 8 февраля, когда стало известно о разрыве дипломатических отношений между двумя странами, появилась публикация, композиционно строго разделенная на две части: в левой колонке портреты Николая II, адмирала Алексеева и барона де Розена, а справа – японский император, генерал Масатакэ Тэраути, министр японской армии, и барон Синъитиро Курино, японский министр в Санкт-Петербурге. Над левой частью статьи, озаглавленной «Разрыв между Россией и Японией», расположен российский двуглавый орел, над правой – японская хризантема. Подобным образом была организована публикация, появившаяся в тот же день на первой полосе в газете *Le Matin*. Разрыв русско-японских отношений был проиллюстрирован портретами трех лиц высшего командования России: адмирала Алексеева, генерала Куропаткин и адмирала Скрыдлов, ниже расположены портреты адмирала Сайто, командующего японским военным флотом, и генерала Кодама.

Существенная доля иллюстраций на тему русско-японского конфликта в массовых газетах носит познавательный характер и связана с их нацеленностью на расширение кругозора читателей. Газеты печатают изображения местных жителей («Маньчжурские крестьяне в национальных нарядах» [23. С. 1]), местные пейзажи вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали (типичное деревянное здание сибирского вокзала, мост через Енисей в Красноярске [24. С. 1],

вокзальный зал ожидания и снимок из окна вагона [25. С. 1]). Постепенно к ним добавлялись снимки войск (на второй полосе *Le Journal* – изображение русской пехоты и симметрично расположено клише того же размера с маневрами японской армии [23. С. 1]; русская пехота движется по путям Маньчжурской железной дороги [26. С. 1]; рейд у берегов Порт-Артура и поврежденный после японской атаки крейсер «Цесаревич» [27. С. 1]) и панорамные снимки будущего театра военных действий (панорама Владивостока и вид на бухту Золотой Рог, вид на улицу Владивостока в корейском квартале [28. С. 1]; панорамный вид на бухту и Порт-Артур [29. С. 1]. Картам также отведено заметное место во французских публикациях, однако массовые издания не ограничивались схематическим изображением региона, а предлагали читателям карты в необычном формате (крупная карта дальневосточного региона с высоты птичьего полета и с развернутой легендой [30. С. 1]) либо скорее с познавательной, чем информационной целью (так, газета *Le Matin* опубликовала четыре карты под заглавием «Как Россия увеличивалась в размерах с XIII века» [31. С. 1] в сопровождение к статье, где объяснялись причины, по которым война с Японией будет выгодна Российской империи).

Уже на раннем этапе развития конфликта между Россией и Японией возможно проследить приметы формирования единой информационной стратегии его освещения, разделявшей массовой и качественной прессой. Как на уровне текстов, так и на уровне подбора и организации иллюстративного материала позиции России и Японии освещаются по возможности равномерно и сбалансированно. Однако стремление подчеркнуть ультимативность заявлений со стороны Японии, отрезанность и закрытость страны от западной цивилизации позволяют сделать вывод о поддержке французскими изданиями в адрес Российской империи.

Французские репортеры – свидетели конфликта

Именно в 1904–1905 гг. французская пресса впервые опробовала новый для нее подход к освещению военного конфликта: ежедневно газеты перепечатывали депеши от телеграфных агентств (помимо французского агентства *Havas* и английского *Reuters*, «французским корреспондентам было предоставлено исключительное право на получение известий о ходе военных действий от Санкт-Петербургского телеграфного агентства» [13. С. 127]) и из прессы других стран, дополняя информационные сводки наглядным и подробным свидетельством корреспондентов с места событий. Поскольку эти свидетельства заложили основу репортажной журналистики во Франции и являются одними из самых ранних ее образцов, в данном исследовании мы рассматриваем их в качестве военного репортажа, а не отдельных корреспонденций с линии фронта. Обладая всеми жанровыми признаками (документальная точность и наглядность повествования, ярко выраженное авторское «я», нацеленность на крайне широкую аудиторию, выбор выразительных языковых средств), эти публикации от-

личаются и своеобразием, присущим прежде всего французскому восприятию жанра (подчеркнутая субъективность и стремление как можно точнее передать переживания и впечатления репортера с места событий; дробление репортажного нарратива наподобие романа-фельетона, каждая глава которого обрывается в кульминационный момент повествования; диалогичность репортажа и нацеленность на активную реакцию читателя на текст).

В конце января – начале февраля 1904 г. рекордное для французской прессы рассматриваемого периода число корреспондентов (более 10 человек) отправилось на Дальний Восток, чтобы освещать события, которые вот-вот должны были перерасти из противостояния на дипломатическом уровне в вооруженное столкновение. Среди них были представители качественных (Раймон Рекули из *Le Temps*, Шарль Петти из *Le Figaro*) и массовых газет (Пьер Жиффар, Жан Род и Марсель Смет из *Le Matin*, Людовик Нодо из *Le Journal*, Вильтар де Лагер из *Le Petit Journal*). Решение практически одновременно отправить на столь отдаленный от Европы театр военных действий такое существенное число журналистов означало, что во французской прессе ведущим жанром для освещения военных действий становилось наглядное свидетельство журналиста с места событий, так называемый большой репортаж (*grand reportage*). Кроме того, иметь собственного корреспондента на театре военных действий и ранее являлось показателем престижа издания и средством его продвижения среди конкурентов, опиравшихся преимущественно на депеши информационных агентств и перепечатанные из иностранных изданий сообщения.

Необходимо отметить, что и до начала Русско-японской войны французские корреспонденты уже бывали на Дальнем Востоке в составе французской армии во время завоевания Индокитая, а также во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. к японской армии присоединялись журналисты газет *Le Temps*, *Le Figaro* и журнала *L'Illustration*. Однако тогда регулярнее на страницы газет информация поступала из официальных источников, часто – без подписи или под псевдонимом, а в большинстве случаев просто копировалась из депеш агентства *Reuters* и английских газет (прежде всего – из *The Times*). И в 1904–1905 гг. английская пресса имела преимущество перед конкурентами: согласно Картельному договору от 1870 г., этот регион Азии находился в сфере влияния британского агентства.

По этой причине французская пресса сделала ставку именно на военный репортаж с места событий, который к тому же позволял охватить максимально широкий круг читателей. Историк французской прессы М. Мартен выделяет следующие особенности этого жанра: «Состоящий из рассказов, подписанный именем уже известного всем журналиста, насыщенный личными впечатлениями, по форме он приближался к письму или даже к тем новостям, которые такие читатели легко могли бы услышать в привычной им среде – в кафе, квартале или в деревне» [5. С. 25].

Таким образом, читатели и сами журналисты рассматривали репортаж как текст, дублирующий офици-

альную информацию о происходящем. Репортажи строились как цельное повествование, разбитое на отдельные эпизоды-«серии». По композиции и стилю (авторы осознанно делали акцент не на оперативности сообщения, которому могли понадобиться недели и даже месяцы, чтобы добраться до Парижа с Дальнего Востока, а на уникальности авторской оценки происходящего и наглядность его описания) оно настолько приближалось к письмам, что подобную коммуникацию авторов с читателями допустимо называть эпистолярной.

Репортажи обычно помещались на первую полосу как в качественной, так и в массовой газете, однако именно в последней их оформление ярко выделялось на фоне прочих, более оперативных сообщений. Так, высокотиражная *Le Journal* сопровождала тексты своего репортера Людовика Нодо на дальневосточном фронте богатым иллюстративным материалом. Первый его подробный репортаж от 25 февраля 1904 г. занял ровно половину первой полосы: текст иллюстрировали изображение бухты Порт-Артура (редакция подчеркнула, что клише сделано самим репортером на месте), схематичным изображением русского броненосца «Ретвизан» и небольшим портретом самого журналиста. Таким образом, читатель мог не только наглядно представить себе театр военных действий, но и увидеть репортера, который к тому же оказался единственным французским корреспондентом, присутствовавшим при битве обстреле Порт-Артура: «Его письма, публикацию которых мы начинаем сегодня, представляют собой бесценный и уникальный документ для понимания войны, которая начинается на наших глазах» [32. С. 1], – подчеркивала редакция.

Однако в отличие от объективного документа, репортаж представлял собой глубоко личное свидетельство о событии – личность и судьба французского журналиста в «горячей точке» впервые стали главным предметом интереса для аудитории французской прессы. Об этом говорит уже внимание к положению корреспондента со стороны редакции, которая оповещала читателей о его всех его передвижениях на фронте. К примеру, когда в марте 1905 г. редакция газеты потеряла связь со своим журналистом, она незамедлительно сообщила об этом читателям: «В течение трех долгих дней (возможно, самых ужасных за эту кровавую войну) у нас нет новостей от нашего превосходного сотрудника Людовика Нодо. Чудесным образом ускользнув от японской кавалерии, взявшей было его в плен, специальный корреспондент *Le Journal* смог телеграфировать нам из Мукдена как раз в тот момент, когда успехи вражеской армии приобретали угрожающий характер. <...> Вопреки всем опасениям мы хотим надеяться, что, благодаря его энергичности, Людовик Нодо сумел добраться до Телина, где находится русский штаб» [33. С. 1].

Автор непосредственно присутствует в репортаже, принимая довольно активное участие в описываемом событии. Чтобы объяснить довольно широкому кругу читателей, многие из которых имели слабое представление о причине конфликта между странами и о ситуации на международной арене в целом, французский

репортер «в большей степени обращается к чувству самоидентификации со свидетелем, чем к познаниям (читателя. – А.С.) в географии или к политической культуре» [5. С. 25]. Все трудности войны объяснялись через простые и доступные читательскому пониманию переживания самого репортера. По этой причине даже в репортажах Раймона Рекули, корреспондента *Le Temps* (как уже было отмечено выше, газеты качественной и гораздо более консервативной, чем многие ее конкуренты), встречалось подробное и эмоциональное описание психологического состояния автора после обстрела накануне битвы под Ляояном: «С того момента, как начался обстрел, и вплоть до моего отъезда в Ляоян, я храню воспоминание о тех странных часах. Иногда мне казалось, что дни пролетают как минуты, а иногда они тянулись как годы. Мне казалось, что я жил, забыв о самом себе, своих нуждах, действиях, которые наполняют каждый день. Как я спал, да и спал ли вообще, когда отправлял телеграммы до самой зари и когда возобновлялись выстрелы? Где я ел? Что я делал между теми моментами сильных переживаний, которые навсегда отпечатались в моей памяти?» [34. С. 1].

Внимание читателя обращалось на уязвимость репортера, оказавшегося посреди театра военных действий. Если сопоставить «малые» репортажи (*petits reportages*) периода Франко-прусской войны, напоминавшие расширенные информационные заметки, и «большие» репортажи в форме корреспонденций периода русско-японской войны, то очевидным становится смещение фокуса в повествовании. В сообщениях Раймона Рекули для *Le Temps* заметно стремление репортера не столько выстроить строгую хронологию событий, сколько показать войну «изнутри», представить международный конфликт как личный опыт: «Мы движемся на север под тяжелым полуденным солнцем, не думая о том, что японцы за нами последуют. Я иду в толпе, и люди с трудом передвигают ноги в дорожной грязи. [...] Мы побеждены этой жарой – самой страшной, какую мне только довелось испытать, а измученные животные даже под ударами кнута отказываются идти дальше. <...> Не отходя от дверей, местные жители наблюдают за шествием русских – вчерашних победителей. Повозки виляют, пушки гремят по мостовой. Завтра на их месте будут японцы – другие повозки, другие пушки, привычный галдеж наемных рабочих, следующих за армией» [35. С. 1]. Достоверность репортажа усиливалась тем, что в сносках к публикации об отступлении русской армии к Ляояну репортер поименно благодарил французских миссионеров, без помощи которых у него «иногда не было бы хлеба, а еще чаще – крыши над головой» [35. С. 1].

Помимо наглядности и значимости личного восприятия факта, французский военный репортаж отличается особой композиционной и стилистической организацией. Описывая маневры русского флота, подобный которому прежде не принимал участия в европейских вооруженных конфликтах, корреспондент *Le Journal* создал набросок увиденного при помощи коротких предложений в настоящем времени: «Эскадра надвигается. Торжественное зрелище. Огромные суда один за другим медленно скользят в глубокой тишине

<...> // Эскадра движется. Чайки радостно взмывают в синее небо, солнце сияет, это солнце Средиземноморья золотит скованную холодом корейскую бухту. // Эскадра движется. Куда? Никто этого не знает, даже морские офицеры, которые руководят маневрами. <...> // Эскадра движется, грозная, пугающая, ужасная. На ней больше нет праздничных украшений, парадной мишуры. <...> Каждое судно вновь на военной службе, озлобленное, беспощадное, и каждое, ошестинившись длинными пушками орудийных башен и сооружений, похоже на хищного зверя» [32. С. 1]. Рефрен «Эскадра движется» задает ритм повествованию, нагнетая интригу. Совмещение в одном ассоциативном ряду контрастных образов (синее небо, солнце, чайки, военные корабли, «ошестинившиеся» орудиями) дробит репортаж на относительно самостоятельные эпизоды, представляя полную панораму увиденного журналистом.

Помимо военных действий, французские военные репортеры уделяли большое внимание культурно-бытовым особенностям региона, поэтому во многих изданиях публиковались репортажи с неким этнографическим уклоном. Так, в ожидании первого вооруженного столкновения корреспондент *Le Journal* крайне подробно описывал повседневную жизнь Порт-Артура: «В лабиринте прямых и грязных улочек можно встретить русских солдат в серых шинелях, маньчжурских кули, китайских ремесленников, английских, американских, немецких, французских торговцев, русских служащих в плоских фуражках, моряков на обочине, которые собираются в беспокойные и крикливые группы, напоминая мне о Тулоне, Шербуре или Портсмуте» [36. С. 1]; «Вот разносчики, продавцы фисташек и орехов; вот журналисты – английские, американские, русские, французские; они прогуливаются, глотая ветер и пытаясь распознать в нем привкус пороха». Репортер внимательно всматривался не только в лица прохожих, но и в сам город, в его архитектуру: «У каждого дома свой стиль. <...> Вот изогнутые эркеры английских коттеджей, вот готический замок со стрельчатыми сводами, вот особняк в духе Ренессанса, итальянская вилла, швейцарское шале <...>, китайский домик в виде пагоды. Нет, не будем о стилях. Их здесь слишком много!» [36. С. 2].

Такие описания приносили в военные репортажи элемент экзотизма, свойственного рассказам о путешествиях, хорошо знакомым французским читателям благодаря эпохе романтизма. Присматриваясь к прохожим и иронизируя над архитектурной пестротой города, корреспондент наполнял репортаж развлекательностью, которая была присуща именно массовой прессе, нацеленной на то, чтобы «скрашивать жизнь простых людей, отвлекать от серых будней и проблем повседневной жизни» [2. С. 16]. К этой же категории можно отнести репортажи Пьера Жиффара, который одним из первых французских журналистов отправился на Дальний Восток по заданию своей газеты *Le Matin*. Ему принадлежит серия наблюдений в основном о русской стороне конфликта, написанных во время путешествия по Транссибирской железнодорожной магистрали и охватывающих крайне широкий круг тем: от слухов о приближающейся войне до описаний сибирской архи-

тектуры, рассуждений об истории самой железной дороге и разнице парижских и петербургских нравов.

Заключение

Изучение подхода французской прессы к освещению войны между Россией и Японией 1904–1905 гг. проясняет вопрос, связанный не только с формированием новых жанров в прессе самой Франции. Стремление сохранять баланс на уровне текстового и иллюстративного материала, использование крайне широкой подборки информационных источников, а также дополнение заимствованных депеш и статей развернутыми репортажами от собственных авторов – все это говорит о том, что французские газеты избрали вполне конкретную информационную стратегию в отношении рассматриваемого конфликта. Она заключалась не в безусловной поддержке по отношению к российской стороне, а скорее, в стремлении к сбалансированному освещению военных действий и формировании представления о Дальнем Востоке как о регионе, нуждающемся в тесных связях с европейскими странами, что существенно выделяло Францию на фоне западной прессы, которая фактически единодушно поддерживала Японию.

При этом репортажи, аналитические статьи, а также иллюстрации способствовали формированию довольно четко очерченных образов России и Японии в глазах французских читателей. Если первая представлена как давний союзник Франции и проводник европейских идей в дальневосточном регионе, то Япония – как страна, провоцирующая вооруженный конфликт, закрытая от внешних влияний и нередко ущемляющая соседей. Однако специфика французского подхода к освещению конфликта заключается в том, что газеты все же представляли каждой стороне конфликта возможность выразить свой взгляд на ситуацию (самый очевидный пример – публикация интервью с послами России, Японии и Кореи в Париже и Лондоне) и привлекали самые разнообразные источники для ее анализа.

Существенное значение для развития европейской информационной печати имело увеличение доли репортажных текстов в массовой и качественной прессе Франции, где сам жанр репортажа о военных действиях начал активно развиваться со значительным опозданием по сравнению с другими европейскими странами, лишь когда настал переломный момент для национальной печати. Репортаж приобрел характер сообщения, не только дублирующего официальную информацию от правительства или депеши телеграфных агентств, но и дополняющего его яркими и наглядными зарисовками. Не противопоставляя себя информации, поступавшей по правительственным каналам, корреспонденты представляли собой альтернативный источник сведений, более доступных для понимания массовой аудиторией.

События Русско-японской войны 1904–1905 гг. вызвали к жизни новый тип репортажа и самого репортера. Научившись находить общий язык с массовой аудиторией, репортер превратился в посредника между читателем и миром, стремительно меняющимся в первые годы нового столетия; в автора текстов, имя которого достаточно прочно ассоциировалось с

каким-то определенным периодическим изданием; в героя, за приключениями которого читатели напряженно следили от номера к номеру, как за развитием увлекательного повествования, близкого к художественному. Военный репортаж стал одним из наиболее читаемых жанров в начале века в силу своей схожести с нарративом романов-фельетонов, прославившихся во французской прессе в XIX столетии.

Формирование военного репортажа является одним из важнейших этапов складывания национальной модели французского репортажа. Уже в самых ранних примерах жанра на первый план выступили те характеристики, которыми отмечены и репортажи времен Первой мировой войны и межвоенного периода 1919–1939 гг., получившего название «золотого века» французского репортажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеев В.Е. История французской прессы (1830–1945). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999.
2. Захарова М.В. Эволюция массовой газеты во Франции. М. : Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. С. 9–38.
3. Шереметьева П.Р. Зарождение и становление профессии журналиста во Франции (XVII–XIX вв.) // Медиаскоп. 2014. № 2.
4. Аникеев В.Е., Захарова М.В., Шарончикова Л.В. Создатели французских газет (XIX в.). М. : Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 91–138.
5. Martin M. Les grands reporters français durant la guerre russo-japonaise // Le Temps des médias. 2005. № 4. P. 22–33. DOI: 10.3917/tdm.004.0022.
6. Martin M. Les grands reporters. Les débuts du journalisme moderne. Paris : Editions Louis Audibert, 2005.
7. Dupuy A. 1870–1871 la guerre la commune et la presse. Paris : A. Colin, 1959.
8. Delporte C. Les journalistes en France, 1880–1950. Naissance et construction d'une profession. Paris : Editions du Seuil, 1999.
9. Avenel H. Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours. Paris : Ernest Flammarion, 1900.
10. Feyel G. La presse en France des origines à 1944. Histoire politique et matérielle. Paris : Ellipses, 1999.
11. Martin M. Médias et journalistes de la République. Paris : Editions Odile Jacobs, 1997.
12. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 3–20.
13. Пышнограев П.В. Русский флот в информационном противостоянии в период русско-японской войны 1904–1905 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 120–132.
14. Журавлева В.И. «Давид против Голиафа»: образ России в американской политической карикатуре периода русско-японской войны // США. Канада: экономика, политика, культура. М., 2007. С. 66–84.
15. BnF. Figaro. 2 Février. 1904.
16. BnF. Figaro. 8 Février. 1904.
17. BnF. Figaro. 7 Février. 1904.
18. BnF. Le Matin. 5 Février. 1904.
19. BnF. Le Matin. 6 Février. 1904.
20. BnF. Le Matin. 7 Février. 1904.
21. BnF. Le Matin. 8 Février. 1904.
22. BnF. Le Matin. 10 Février. 1904.
23. BnF. Figaro. 9 Février. 1904.
24. BnF. Le Matin. 1 Février. 1904.
25. BnF. Le Matin. 4 Février. 1904.
26. BnF. Le Matin. 2 Février. 1904.
27. BnF. Le Matin. 10 Février. 1904.
28. BnF. Le Journal. 1 Février. 1904.
29. BnF. Le Matin. 9 Février. 1904.
30. BnF. Le Matin. 5 Février. 1904.
31. BnF. Le Matin. 27 Janvier. 1904.
32. BnF. Le Journal. 25 Février. 1904.
33. BnF. Le Journal. 12 Mars. 1905.
34. BnF. Le Temps. 3 Novembre 1904.
35. BnF. Le Journal. 28 Février. 1904.
36. BnF. Le Temps. 29 Octobre. 1904.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 июня 2021 г.

The 1904–1905 Russo-Japanese War: Specifics of Coverage by French Correspondents in the Far East

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 44–52.

DOI: 10.17223/15617793/468/5

Anna D. Sabova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: annas89@mail.ru

Keywords: Russo-Japanese war; journalism; France; Far East; reportage.

The article aims at identifying the specific qualities of coverage of the war between Russia and Japan in 1904–1905 by French newspapers. The study is based on the publications in four of the leading French newspapers of the period (*Le Figaro*, *Le Temps*, *Le Journal*, and *Le Matin*) which are presented in Gallica, the online archive of the National Library of France (Bibliothèque nationale de France). Particular attention is focused on publications that reflect the early period of the conflict (27 January – 10 February 1904) and several episodes of the war (the shelling of Port Arthur in January–February 1904 and the battle of Liaoyang 24 August – 4 September 1904). The study of archival documents (a total of 15 issues of *Le Matin*, 15 issues of *Le Journal*, 10 issues of *Le Figaro*, and 2 issues of *Le Temps* that have previously been neither fully translated into Russian nor presented to the academic community) clearly demonstrates that the French newspapers followed one single communication strategy which was quite different from the other pro-Japanese European and American media. The study of hard news and interviews published on the early stage of the conflict reflects the attempts to create a positive image of the Russian Empire in the eyes of French readers, even though the analysed newspapers relied mainly on reports from English, German, and American newspapers and telegraph agencies. However, reportages, pub-

lished by a dozen of journalists sent to the theatre of operations in the Far East from Paris, were not only a part of this strategy to reinforce the positive image of Russian troops, they also created an objective picture and a deeply personal account of the event seen through the eyes of a war reporter – the identity and adventures of a war correspondent became, for the first time in the history of French press, a major subject of interest for the audience of the French press. Having examined in detail the publications of two quality newspapers (*Le Figaro* and *Le Temps*) and two newspapers for a wider audience (*Le Matin* and *Le Journal*) presented on the website of the Gallica archive, the author comes to the conclusion that the French press established a dual approach to war coverage in these years. Despite the great role of information from foreign newspapers and telegraph agencies, gradually, it is the reportage from French correspondents that becomes the leading genre in French journalism at the beginning of the 20th century. Articles describing the reporter's view of the war laid the foundation not only for war journalism but for reportage journalism in the French press as well. Therefore, this study analyses these publications as proper examples of the war reportage and not just as individual correspondence from the front lines. The case of the Russo-Japanese war coverage allows analysing the principles of the construction of belligerents' images in quality and mass newspapers as well as their communication strategy.

REFERENCES

1. Anikeev, V.E. (1999) *Istoriya frantsuzskoy pressy (1830–1945)* [History of the French Press (1830–1945)]. Moscow: Moscow State University.
2. Zakharova, M.V. (2013) *Evolutsiya massovoy gazety vo Frantsii* [Evolution of the mass newspaper in France]. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. pp. 9–38.
3. Sheremet'eva, P.R. (2014) Zarozhdenie i stanovlenie professii zhurnalista vo Frantsii (XVII–XIX vv.) [The origin and formation of the profession of a journalist in France (XVII–XIX centuries)]. *Mediascope – Mediascope*. 2.
4. Anikeev, V.E., Zakharova, M.V. & Sharonchikova, L.V. (2012) *Sozdateli frantsuzskikh gazet (XIX v.)* [Creators of French newspapers (19th century)]. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. pp. 91–138.
5. Martin, M. (2005) Les grands reporters français durant la guerre russo-japonaise. *Le Temps des médias*. 4. pp. 22–33. DOI: 10.3917/tdm.004.0022
6. Martin, M. (2005) *Les grands reporters. Les débuts du journalisme moderne*. Paris: Editions Louis Audibert.
7. Dupuy, A. (1959) *1870–1871 la guerre la commune et la presse*. Paris: A. Colin.
8. Delporte, C. (1999) *Les journalistes en France, 1880–1950. Naissance et construction d'une profession*. Paris: Editions du Seuil.
9. Avenel, H. (1900) *Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours*. Paris: Ernest Flammarion.
10. Feyel, G. (1999) *La presse en France des origines à 1944. Histoire politique et matérielle*. Paris: Ellipses.
11. Martin, M. (1997) *Médias et journalistes de la République*. Paris: Éditions Odile Jacobs.
12. Vorob'eva, E.A. (2009) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 godov i obshchestvennoe mnenie Sibiri i Dal'nego Vostoka (po materialam vedushchikh mestnykh periodicheskikh izdaniy)* [The Russo-Japanese War of 1904–1905 and public opinion in Siberia and the Far East (based on materials from leading local periodicals)]. History Cand. Diss. Novosibirsk. pp. 3–20.
13. Pyshnograev, P.V. (2013) *Russkiy flot v informatsionnom protivostoyanii v period russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg.* [The Russian fleet in information confrontation during the Russo-Japanese war of 1904–1905]. History Cand. Diss. Voronezh. pp. 120–132.
14. Zhuravleva, V.I. (2007) “David protiv Goliafa”: obraz Rossii v amerikanskoy politicheskoy karikature perioda russko-yaponskoy voyny [“David against Goliath”: the image of Russia in the American political caricature of the period of the Russo-Japanese war]. *SShA. Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 10. pp. 66–84.
15. BnF. (1904) *Le Figaro*. 2 Février.
16. BnF. (1904) *Le Figaro*. 8 Février.
17. BnF. (1904) *Le Figaro*. 7 Février.
18. BnF. (1904) *Le Matin*. 5 Février.
19. BnF. (1904) *Le Matin*. 6 Février.
20. BnF. (1904) *Le Matin*. 7 Février.
21. BnF. (1904) *Le Matin*. 8 Février.
22. BnF. (1904) *Le Matin*. 10 Février.
23. BnF. (1904) *Le Figaro*. 9 Février.
24. BnF. (1904) *Le Matin*. 1 Février.
25. BnF. (1904) *Le Matin*. 4 Février.
26. BnF. (1904) *Le Matin*. 2 Février.
27. BnF. (1904) *Le Matin*. 10 Février.
28. BnF. (1904) *Le Journal*. 1 Février.
29. BnF. (1904) *Le Matin*. 9 Février.
30. BnF. (1904) *Le Matin*. 5 Février.
31. BnF. (1904) *Le Matin*. 27 Janvier.
32. BnF. (1904) *Le Journal*. 25 Février.
33. BnF. (1905) *Le Journal*. 12 Mars.
34. BnF. (1904) *Le Temps*. 3 Novembre.
35. BnF. (1904) *Le Journal*. 28 Février.
36. BnF. (1904) *Le Temps*. 29 Octobre.

Received: 18 June 2021

М.Г. Семенова

ОЧЕРКИ В.Я. ИРЕЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЦИСТИКИ 1917–1918 гг.

Рассмотрена специфика публицистических произведений известного журналиста и писателя Петрограда начала XX в., а ныне полузабытого литератора Виктора Яковлевича Ирецкого. Значимость проведенного анализа определяется недостаточной изученностью очеркового материала, опубликованного в газете «Речь». Публицистика Ирецкого рассматривается в контексте идейных исканий известных современников, отечественной публицистики революционного периода (М. Горький, В.Г. Короленко, Л.Н. Андреев и др.).

Ключевые слова: Л.Н. Андреев; А.А. Блок; И.А. Бунин; газета «Речь»; М. Горький; дневники; В.Я. Ирецкий; В.Г. Короленко; очерк; публицистика послереволюционного периода.

Исследования публицистики 1917–1918 гг. особенно актуальны сегодня: к столетию разрушения монархии в России этой теме были посвящены десятки научных трудов. Их авторы описали и проанализировали значение статей А.Т. Аверченко, Л.Н. Андреева, А.А. Блока, М.А. Волошина, Е.И. Замятина, Д.С. Мережковского, А.Н. Толстого, Д.В. Filosofova и других в прессе 1917–1918 гг. Однако до сих пор подобному осмыслению не подвергались тексты В.Я. Ирецкого (Гликмана), хотя в начале XX в. они притягивали читательскую аудиторию одной из крупнейших газет Петрограда и внимание публицистов, о чем свидетельствует полемика между В. Ирецким и М. Горьким. Рецензии и брошюры Ирецкого о революции и сегодня регулярно привлекаются современными исследователями истории первой трети XX в. как источник представлений об исторических фигурах, деятелях культуры, особенностях литературной критики 1910–1930-х гг.¹

Являясь одним из известных журналистов столицы 1910-х гг., участником профессиональных объединений писателей и журналистов Петрограда и Берлина, автором множества портретных очерков и фельетонов в русскоязычной прессе Европы, Америки и Китая², нескольких десятков рецензий на творчество современников, Ирецкий создавал публицистические статьи актуальной тематики. Круг его личных и рабочих контактов примечателен: адресатами писателя и публициста были И.В. Гессен, В.А. Каверин, В.Ф. Ходасевич и др., соседями по газетным страницам и сборникам художественных произведений становились А.А. Ахматова, А.Н. Бенуа, Д.С. Мережковский, А.А. Шахматов и мн. др. Все сказанное свидетельствует о широте литературных интересов и профессионализме Ирецкого. Однако в истории литературы и журналистики до сих пор не проводилось основательное изучение наследия этого самобытного, яркого и проницательного публициста. Частично восполнить этот пробел и призвана данная публикация, созданная на основе газетных, журнальных и книжных собраний РНБ, БАН, Дома русского зарубежья.

Газетные материалы Ирецкого ранее лишь косвенно становились объектом научного внимания, описывались кратко. Так, В.В. Попов указывает на то, что писатель сотрудничал с газетой «Речь», где «вел разговор главным образом о выходивших на русском языке произведениях западноевропейской литерату-

ры» [2. С. 105]; сборники «Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов» (Стэнфорд, 1997) содержат переписку Ирецкого с редакторами издания и комментарии к ней³. Исследователи Д.Я. Северюхин, И.А. Жданова, С.Г. Коростелев тоже лишь вскользь касались деятельности Ирецкого-публициста, писавшего о революции.

Петербургский период жизни и творчества⁴, тесно связанный с газетой «Речь», у В.Я. Ирецкого начался в 1906 г. после нескольких курсов в Киевском политехническом институте, первых публикаций в «Киевской газете» [1. С. 423]. По собственному свидетельству писателя, он становится студентом Санкт-Петербургского университета, учится в археологическом институте, печатает малую прозу в журналах «Современный мир», «Вестник Европы», «Солнце России» и др. [8. С. 105]. На протяжении 13 лет прозаик писал для «Речи», о чем позднее, в эмиграции, рассказывал в «Калифорнийском альманахе»: «работал в газете «Речь», где помещал рассказы, театральные рецензии и критические статьи, главным образом по иностранной литературе» [8. С. 105]. Однако большая часть материалов 1917–1918 гг., подписанных двумя из известных нам псевдонимов «В. Ирецкий» и «В. Ир.»⁵, посвящена не столько культурной проблематике в широком смысле слова, сколько всестороннему осмыслению русской революции.

Серия публикаций В.Я. Ирецкого 1917–1918 гг. свидетельствует о созвучии восприятия революционных событий автором и либеральной прессы в целом. Отрицание насильственного свержения монархии сменилось оценкой революции как «демократической» и «общенародной» [9. С. 34], а затем верой в самоорганизацию общества, освобожденного «от пут полицейского контроля» [9. С. 35]. На смену пришло понимание губительного характера революции. Так, предметом описания прессы 1917 г. стало обращение власти к «низменным инстинктам толпы», которая «выхватывала» лозунги, подразумевавшие тотальное перераспределение, а следовательно, разрушение всякого правопорядка в стране [9. С. 37]. Потому с июля на страницах печати появляется сравнение революции с разгулом стихии. Данная метаморфоза была типичной для целого ряда публицистов того времени. Так, Леонид Андреев в номере газеты «Русская воля» от 5 марта 1917 г. писал о «воскресении России из лика мертвых народов», которое подготовили «чьи-то

скромные «нелегальные» руки», «трудолюбиво и неумело» набравшие «прокламацию» и тем самым точившие «трон Романовых» [10]. Ирецкий изначально – с марта по апрель 1917 г. – тоже принимал революцию и с радостью пользовался журналистским доступом к ранее засекреченным документам, чтобы заявить о порочности правления Романовых. В первых очерках, посвященных революции 1917 г., – «Последние попытки» («Речь». № 56 от 7 (20) марта), «Письмо царю» («Речь». № 58 от 9 (22) марта) и «Охранка. Страница русской истории» («Речь». № 82 от 9 апреля и № 85 от 13 апреля) – Ирецкий критикует самодержцев России и деятельность Охранного отделения, подчеркивая заслугу революции в том, что страна лишилась подобного наследия, «охранявшегося стоглавым чудовищем» [11. С. 3]. Прямая отсылка к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву» – эпиграфу «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» [12. С. 35] – выражает сочувственное отношение Ирецкого к революционным идеям: известно, что он участвовал в киевских студенческих волнениях 1902 г., был отчислен за это из института и арестован на два месяца [2. С. 423]. Он видит в русском бунте возможность перерождения «дьявольской сети, которая опутала всю русскую жизнь» [11. С. 3] посредством «цепких щупальцев спрута, именовавшихся департаментом полиции» [11. С. 3]. Описывая вездесущее око Охранки, автор опирается на документы («я не встретил «осведомительного материала» только о Воспитательном доме» [11. С. 3]) и обращается к эмоциям читателя, сопоставляя факт с хрестоматийными примерами из живописи, развенчивающей пороки общества: «Какое счастье, что знакомясь с этим ужасом, который подставит кисти кошмарного Иеронимуса Босха или автора “Каприччио”, Гойи, теперь, после того как опустился железный занавес истории петербургского периода» [11. С. 3].

Чуть позже восприятие результатов революции вновь сблизит двух писателей. Андреев, создавший в Финляндии в феврале 1919 г. знаменитое обращение к государствам Антанты («S. O. S.»), именует большевиков не иначе, как «дикари Европы, восставшие против ее культуры, законов и морали» [13. С. 627]. Россия же предстает перед автором «растерзанной» «руками» большевиков и «окровавленной, умирающей» [8. С. 626], «сплошь превращенной в пепел, огонь, убийство, разрушение, кладбище, темницы и сумасшедшие дома» [13. С. 627]. Первоначальная оценка революции как спасительного воскресения сменяется апокалипсическими образами разрушения, осуществляемого большевиками. И очевидно, что осознание катастрофы пришло к автору задолго до 1919 г.: неслучайно дневниковые записи из Русского архива в Лидсе, датированные приблизительно мартом или апрелем 1917 г., под названием «Революция (О насилии)» сопровождаются рукописными примечаниями автора 9 марта 1918 г.: «Очень жаль, что усомнился и не стал печатать. Как же: все вопиют о “свободах”, а я о насилии!» [14. С. 69]. Ирецкий разочаровывается в революционной судьбе России и высказывается об этом открыто со страниц «Речи». В 1918 г. он изображает хаос бунта метафорой конца света: «Четыре апо-

калипсических всадника уже приближаются. Мы же стоим на месте и спокойно дожидаемся их» [15. С. 1]. Это восприятие происходящего в 1918 г., общее для Ирецкого и Андреева, безусловно, является типичным для русской интеллигенции того времени.

Ожидавший, что революция даст импульс для труда на благо страны сразу, после Февраля, Ирецкий уже в конце апреля 1917 г. делает основным объектом критики общественный порядок бунтующей России. Посвящая очерк «Не то» [16. С. 3] несоответствию идеи революции ее воплощению, писатель создает противоречивый образ страны. Автор выражает разочарование в сущности российской революции, организаторы которой подменяют высокие лозунги желанием самообогащения: «Прочтите их резолюции, и вы найдете пафос только в той части их, где речь идет о выгоде» [16. С. 3]. К осмыслению революции писатель пытается подойти взвешенно. Во-первых, он анализирует ее предпосылки: «Царизм оставил нам грустное наследие: за два с половиной года войны он окончательно развратил умы. С 19 июля 1914 г. дух алчной наживы воцарился на Руси. Если верить в Антихриста, то вот он уже явился, принес с собой материалистическую религию...» [16. С. 3]. Во-вторых, автор включает русскую революцию в список европейских, подчеркивая ее особый – материалистический – характер, и приводит аргументы в пользу нелестного сопоставления: «Люди французской революции искали образцов у античных героев <...>. Нет (в России. – М.С.) добровольной жертвы, нет бескорыстия, нет прекрасной самоотверженности – этих необходимых атрибутов и спутников истинной революции, возвышающей всякий ничтожный эпизод в поэтическую легенду. Если бы они были, не пришлось бы спорить о необходимости воевать с грозным врагом, угрожающим столице, о необходимости не удирать с поля сражения и об обязательстве исполнять договоры. Потому что Романтика и Честь – родные сестры. Долг – их родной брат» [16. С. 3]. Вдохновленный европейской историей и печатью времен Французской революции, автор выносит своеобразный приговор происходящему: по его мнению, «ни романтика, ни честь, но расчетливая логика холодного разума» [16. С. 3] стали атрибутами революции в России. Мысль о корыстных мотивах сторонников и участников революции сблизает Ирецкого со многими его современниками, в частности с В.Г. Короленко, который в своих заметках 1917–1919 гг. упоминает о том, как «темному народу приходилось еще разъяснять, что свобода грабежа – это не та свобода, которая нужна России» [17. С. 82]. И если Ирецкий ратует за идейную чистоту революции, то Короленко, как знаток народного быта, полагает, что «для плодотворного переворота необходимо присутствие обоих этих начал...» [18. С. 111], и в то же время отмечает, что «с одними чувствами себялюбия и корысти, побуждающими неимущего захватить то, что имеет более счастливый сосед, – выходит только “грабизка”, а не революция...» [18. С. 111].

В связи с вышесказанным логично, что замечания Ирецкого вызвали резонанс: сам Горький откликнулся на его статьи. Ученые уже обращались к данной

«переписке», рассматривая ее как проявление идейных противоречий кадетской «Речи» и «Новой жизни»⁶. Думается, полемика Ирецкого и Горького достойна отдельного исследования, мы же в рамках данной статьи лишь обозначим аспекты диалога писателей, определяющие место текстов Ирецкого в печати о русской революции.

Горький говорит о корыстных мотивах участников революционного дела, например, он упоминает о стремлении солдат улучшить свое благосостояние посредством службы. В то же время известный писатель верит в русскую революцию, потому 6 мая 1917 г. со страниц «Новой жизни» возражает Ирецкому: «Недавно один романист восплакал о том, что в русской революции нет романтизма, что она не создала Тьеруа де Меркур, не выдвинула героев, ярких людей. <...> Полемизируя, можно, разумеется, забыть о героях духа, о людях, которые великим и упорным подвигом всей жизни вывели, наконец, Россию из заколдованного царства бесправия и насилия.

Но я думаю, что романтизм, все-таки, не иссяк и романтики живы...» [22. С. 6].

В свою очередь Ирецкий откликнулся на статью Горького в «Новой жизни» от 9 (22) мая 1917 г. Ирония Ирецкого обращена на большевиков, буржуев и революционеров, разделивших бывших сторонников на тех, кто «на время» и на «вечных революционеров», и лично на Горького, по мнению публициста «Речи», поддерживающего суждения партии. Ирония создается антитезой «Калибан – нежный Пентеликонский мрамор», под которыми, с одной стороны, подразумевается буржуй, невежественный дикарь, далекий от возвышенного мира, с другой – большевики, которые занимали особняки, закрывали газеты, разрушали судебную систему, грабили. Автор завершает свой очерк образом революционной «необгонимой русской тройки», под которой «дымом дымится» дорога, «гремят мосты, все отстает и остается позади» [23. С. 1]. Обращаясь к «бойким ямщикам», Ирецкий говорит о том, что происходящее приносит душевную боль, и задается вопросом, представляют ли всадники дорогу, помнят ли «элементарную простую истину», что «за хлебами побежит всякий. Вот побежит ли за идеей?» [23. С. 1]. Используя аллюзии на известные образы русской и мировой литературы («Буря» В. Шекспира, «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского), автор не только обращается к идейным противникам, используя образы культуры, знаковые для образованного человека, но и открывает ту сторону характера русской революции, которую В.Г. Короленко метко называл «грабжка».

Несмотря на антитетичность позиций Ирецкого и Горького, вызванных идейными воззрениями, очевидна близость их взглядов. Публицисты, принадлежащие к различным «литературным рядам» (в терминологии Ю.Н. Тынянова), посвящали свои работы одним и тем же проблемам: разрушению государственной и судебной власти, систем образования, культуры, норм морали, здравых национальных традиций. Горький, указавший на ошибки интеллигенции, правительства, пролетариата, считал, что взрыв

«зоологических инстинктов», неготовность общества к переменам привели к «звериному праву» толпы на самосуд, разграбление «награбленного», в результате чего произошло обесценивание человеческой жизни. И революция, совершенная в интересах культуры, по мнению Горького, не имела ничего общего с ней.

Подобное восприятие переворота встречается и в публицистике Ирецкого. Оба видят в происходящем в 1917–1918 гг. катастрофу, Горький пишет в 18 апреля 1917 г. в «Новой жизни»: «Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатанность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища» [24. С. 10–11], говоря о небывалом творческом просторе, открытом революцией, отмечает, что его плодами в 1917–1918 гг. стали лишь декреты правительства и публицистика [22. С. 13]. Ирецкий же пишет о бесплодности русской революции в творческом плане: «Поэты пока незаметно откликнулись на революцию, и это одно из психологических доказательств отсутствия романтики в происходящем» [25. С. 7]. Писатель с горькой иронией отзывается о «художественной рефлексии» перемен, потрясших страну: «...для неукротимого тщеславия, прикрывающегося поэзией, для неразборчивой уличной крикливости, не нашедшей себе пристанища (автомобиля!) в выступлениях большевиков, – теперь самое подходящее время. Бумаги только мало – вот беда! Один, впрочем, раздобыл ее. И вынес поэзию на... забор, украсив плакат своей фамилией, аршинными буквами напечатанной: Антоний Сычев. <...> Расклеенные на стенах поэмы “дерзкого” поэта <...> безнадежно слабы. <...> Как бы то ни было, расклеенные стихи – новинка под нашим зодиаком. <...> Раньше вы сидели или лежали на диване, прочитывали сборник и затем писали. Теперь – извините! – придется в поисках поэзии совершать прогулки по всему городу, хотя зато это уже будут настоящие прогулки по садам российской словесности...» [25. С. 7].

Выплеснувшаяся на улицу демократическая культура вызывает у Ирецкого отторжение: «эта словесность, наша русская неумная словесность, ни к чему не обязывающая и бесплодно реющая над нашей печальной землей, не пуская вглубь никаких корней!» [26. С. 2]. Подобно Александру Блоку, призывавшему слушать «музыку революции», Ирецкий признавал необыкновенный масштаб стихии, отмечая, однако, лишь легковесность этого шума: «От моря до океана <...> однотононно звучит праздная, никчемная болтовня. Гуторит Русь. Без конца в ширину и без меры в длину протянулся этот поток шелудивых, нудных слов, освещаемых тусклым светом Бездарности» [26. С. 2]. В суждениях публициста проступает пафос, сближающий их с «Окаянными днями» И.А. Бунина, – критически настроенный Ирецкий выражает восприятие революции целой группы писателей-эмигрантов: «Ни одной яркой новой мысли. Ни одного выражения, из которого впоследствии можно было бы сделать... хотя бы нескучную цитату. Ни одного освежающего образа. Все плоско и ничтожно, и все отдает бездушной прокламацией... <...> Слова, слова...» [26. С. 2].

В статье от 14 июля 1917 г. Горький разочарованно описывает трусливый азарт солдат-революционе-

ров, которые стреляют под влиянием страха: «...они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья» [24. С. 11]. Ирецкий посвящает свой очерк описанию похожей ситуации, но предваряя его эпиграфом – обращением Дантона к молодому революционеру: «Пошумите немного, молодой человек, и вас начнут бояться» [27. С. 2], что высвечивает другое отношение к ситуации. «Юноши воинственного вида, со взором отважных викингов, с расстегнутыми воротами, прильнувшие к крыльям автомобиля, держа винтовки на прицел», по мнению Ирецкого, – «бутафорская» сторона «объединившегося анархо-большевизма», которая и пугает обывателя. Другая предстала перед рассказчиком на набережной реки Фонтанки: «...я видел, <...> в паническом ужасе бежали смелые викинги из Кронштадта, напуганные раздавшимися выстрелами на Невском <...>»:

– Казаки, казаки! – кричали перепуганные насмерть кронштадтцы и бросали оружие, чтобы легче было бежать.

Дети – обратите внимание: дети! – с беззаботным видом очень деловито собирали эти ружья и тащили их к себе, не обращая никакого внимания на стрельбу» [27. С. 2]. Широко известны подобные примеры и в публицистике Горького: вовлеченность детей в сцены неоправданной уличной жестокости пугает писателей-гуманистов.

Горький приводит примеры торжества звериного быта над здравым смыслом. Он пишет о возбуждении большевистскими лидерами низких инстинктов толпы, об уличных грабежах, упоминает о том, что «во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего» [24. С. 15]. Об этом же повествует Ирецкий, снова сопоставляя опыт французской и русской революций: «Хромоногий Кутов, яростный живо-глот, говорят, плакал над смертью канарейки. Марат – et nittres doux, как утверждал Верлен.

Их грех был только в том, что они трусливо боялись массы; они боялись говорить ей в лицо то, что думали, лестили ей, делали неумеренные обещания, а главное, опасались, что могут оказаться правее ее» [28. С. 2]. Приведя пример из истории европейских переворотов, Ирецкий проводит параллель с русской современностью: он раскрывает истинные мотивы суждений Н. Рожкова, провозгласившего диктатуру революционной демократии с опорой на террор. Ирецкий призывает политиков прислушаться к голосу рассудка: «Так возбуждают жажду у малых сих. Неутолимую жажду! Ужасную жажду, от которой тем сильнее жаждешь, чем больше пьешь. Потом поневоле, чтобы быть впереди, начинают жаждать боги, трусливые боги, у которых нет мужества остановить стремительно бегущих с горы людей. Тогда происходит то ужасное, непостижимое и забываемое, о чем писал Камиль Демулен в своем “Старом Кордильере”...» [28. С. 2]. Публицист, разделяющий представления о преемственности европейской и российской культур, постоянно включает в тексты образы из европейской истории и литературы – отсюда и упоминание французского журнала 1793 г., и отсылка к со-

временному произведению о революции XVIII в. – роману Анатоля Франса «Жажда богов».

Уличные грабежи и «эпикурейское равнодушие» к смерти Ирецкий описывает, словно разворачивая картины, изображенные в горьковской «Новой жизни», делая их ярче и живее. Осмысливая современную действительность в контексте вечной череды испытаний, выпадавших на долю человека, писатель связывает эмоциональную тупость современников с особым состоянием, которое сопровождает «неумолимые катастрофы в роде чумы, войны, террора и безнадежной осады» [29. С. 1]. Каждый «смотрит теперь на себя, как на очередную жертву предстоящего ограбления или бессмысленного убийства. Дело только в том, когда это случится, – скоро или нет» [29. С. 1].

Горький говорит об отсутствии судебной и законодательной реформ, о том, что люди безвинно попадают в тюрьму, как раньше, и Ирецкий будто доводит эту мысль до логического завершения. Он приходит к выводу о природе власти в России, которая определяется не намерением изменить существующий порядок вещей, но лишь стремлением «в сущности, только к тому, чтобы власть перешла» [30. С. 2] в руки бунтовщиков.

Определяя творческую самобытность публицистики Ирецкого, необходимо отметить, что он посвящает тексты той же тематике, к которой обращаются Короленко и Горький, более известные сегодня своими сочинениями о революции. По количеству примеров и выразительности материала его очерки и памфлеты нисколько не уступают произведениям Горького в газете «Новая жизнь». Более того, уровень абстрагирования, на который писатель второго ряда (не уступающий «генералам», по меткому определению Ю.Н. Тынянова, впервые упомянувшего о необходимости исследовать забытых и второстепенных авторов, питающих литературный процесс [31. С. 30]) поднимает описываемые бытовые ситуации, необыкновенно высок. Он позволяет рассматривать революцию как исторический перелом, высвечивающийся вневременным значением. В то же время у Ирецкого изначально иная, чем у Горького, публицистическая установка. Помещая заметки в рубрику «Из дневника», он выступал от первого лица, гораздо чаще описывал свои непосредственные впечатления, изображал разговоры и встречи, в которых участвовал. При чем мастерски создавал эффект присутствия: читатель зримо представлял сцену, чувствовал себя участником происходящего. Стремясь к документальности, правдоподобию описываемых фактов, Ирецкий пытался избежать сухого, объективированного, или чрезмерно отвлеченного, философского, повествования. Потому газетные тексты прозаика позволяют почувствовать вовлеченность в саму жизненную ситуацию. В очерках он занял позицию наблюдателя, человека, открыто выражающего ощущение конца эпохи, рожденного хаосом и жестокостью настоящего.

Если идеями и примерами революционной действительности публицистика Ирецкого была близка Горькому и Короленко, то от их деятельного оптимизма, основанного на желании дать народу образование (Горький) или помочь строительству социализ-

ма в отсталой России (Короленко), Ирецкий был далек. Скорее, публицист пытается вразумить своих оппонентов, обратить внимание общества на ошибки, которые допускаются политиками и частными лицами, дать оценку происходящему, а также как очевидец стремится выразить эмоциональное восприятие происходящего, зафиксировать приметы времени, их вечный контекст, ценностную составляющую. И в этом смысле произведения Ирецкого сближаются с дневниковыми материалами эмигрантов, опубликованными позже, – например, идейно и художественно – с «Окаянными днями» И.А. Бунина.

Очерки и памфлеты Ирецкого делает самобытными именно это исповедальное и одновременно художественное начало, отличающее их от сочинений Горького, Короленко, Андреева. В отличие от собственно дневниковой формы – изначально не предназначенной для публикации, выполняющей функцию регистратора событий внешней, бытовой, строго событийной, и глубоко интимной внутренней жизни автора, – очерки Ирецкого, иногда повторяющие структуру дневника, все же обладают продуманной композицией, содержанием и формой, стилизованными под дневниковые заметки. Яркая художественность и исповедальность публицистики Ирецкого сближаются с целыми страницами размышлений Бунина, выражая общее мироощущение будущих эмигрантов.

Абсурд происходящего Ирецкий сравнивает с пляской смерти, пиром во время чумы: «За один день я насчитал 14 афиш о предстоящих танцах. <...> Балы, балы! Одновременно с эпидемией тифа вспыхнула неукротимая эпидемия балов: “грандиозных”, “костюмированных”, “демократических”» [32. С. 2]. В этой оценке происходящего в 1918 г. Ирецкий будто бы поэтически осмысливает дневниковые наблюдения Бунина, которые увидят свет лишь в эмиграции. Москва в январе 1918 г. так же полна необъяснимого веселья: «Кончился этот проклятый год. <...> А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, – кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит...» [33. С. 16], «мягкая и пышная зелень деревьев, радостная, праздничная. На столбах огромные афиша: “В зале Пролеткульта грандиозный абитурбал. После спектакля призы: за маленькую ножку, за самые красивые глаза”» [33. С. 101]. Упоминания о «необъяснимом веселье» соседствуют рядом с размышлениями о болезненной гибельности революции. Лето 1917 г. Бунин вспоминает как «начало какой-то тяжелой болезни, когда уже чувствуешь, что болен, что голова горит, мысли путаются, окружающее приобретает какую-то жуткую сущность...» [33. С. 120].

Подобно дневниково-публицистическим текстам Ирецкого 1917–1918 гг. записи Бунина позволяют воссоздать и бытовой облик времени, и те смысловые ряды, в которые интеллигенция включала происходящее. Так, уличной культуре писатель дает меткое определение «заборная литература» [33. С. 92]. Размышляя о русской революции как о преемнице французской, Бунин видит в них сходство – жажду «игры, лицедейства, позы, балагана» [33. С. 43], подлость и

кроважность их лидеров. Писатель в дневниковой форме высказывается об изменении культуры как деградации, посвящает гневные строки ее разрушению: «Какая гнусность! <...> у всех с утра до вечера только и разговору, как бы промыслить насчет еды. Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь – все погибло. Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, а сами околевают!» [33. С. 112]. Бунин осмысляет русский бунт в контексте вечных истин – библейских сюжетов, философских изречений, фиксирует свои впечатления и идеи, не стремясь найти путь спасения России, – говорит о происходящем как о конце эпохи, точно его современник на страницах «Речи».

Из исповедальной, личностно-эмоциональной формы очерков проистекает и другая особенность повествовательной манеры Ирецкого: в каждом произведении писатель обращается к культурным традициям, насыщая свои тексты аллюзиями, реминисценциями, цитатами, яркими и хорошо известными читателю образами, художественными средствами, риторическими фигурами. Ирецкий стремился создать высокую публицистику в соответствии с европейским опытом революционной печати. Для него важно дать происходящему определение одновременно с точки зрения европейского идеала революции и русского национального характера, культурной традиции России. Оттого его очерки отличает интертекстуальность. Выходя на уровень абстрагирования, анализируя происходящее с точки зрения европейской истории и культуры, в том числе идеалов Великой французской революции, используя образы из произведений русской литературы («Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Вишневый сад» А.П. Чехова, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и др.) и реминисценции на них, Ирецкий в своем желании остановить стремительный распад общества и расчеловечивание сближается не с авторами политических памфлетов, но с такими значительными фигурами русской публицистики, как М. Горький и В.Г. Короленко. Потому публицистическое наследие Ирецкого ценно в первую очередь как отражение взглядов писателя и журналиста, который участвовал в полемике по поводу революции, вдумчивого очевидца, оставившего на страницах прессы десятки любопытных зарисовок, горячих, но дальновидных суждений о судьбе России в XX в.

Тревога о сохранении «вишневых садов» культуры, исторической памяти, связи поколений наполнила очерки Ирецкого. Энтропийную силу, сумасшествие, жестокость «бойких ямщиков» России видел в послереволюционном хаосе Ирецкий. Его призывы, обращения, едкая ирония были следствием надежды на изменение ситуации, но у него не было веры в предлагаемое А.А. Блоком возрождающее начало: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – поновому – великой» [34. С. 9], в то, что вечные истины «отнимаются только вместе с сердцем и головой» [34. С. 16]. Ирецкий же видел своими глазами, как разрушается то условное и бесценное, что создавалось веками.

Так, писатель предсказывает масштаб трагедии, которой может обернуться кризис книгоиздательства. Торжественное и скорбное настроение очерка создает публицистическое обращение к подвижникам русского общедоступного народного образования и печати: «Русский букварь умирает! Аз, буки, веде... Святитель русской грамоты Ушинский, представлял ли ты себе это? Первый русский печатник Иван Федоров! В муках, тревоге и бедности налаживавший где-то в сарае свой первый печатный станок, чтобы множить книжные словеса, кои реки суть, напояющие вселенную, — слышишь ли ты это? Постигаешь ли?» [35. С. 3].

Эпитеты, метафоры, создающие образы русских просветителей, и риторические вопросительные и восклицательные предложения придают материалу особую эмоциональную силу. Ирецкий связывает имена Ярослава Мудрого, Ивана Федорова и Константина Ушинского, подчеркивая преемственность просветительской и культурной традиции, которая разрушается в XX в. Публицист показывает свое уважительное отношение к труду сохранения сокровищницы русской культуры, называя автора первых массовых учебников «святителем русской грамоты», обозначая подвиг Федорова столкновением непростых бытовых обстоятельств создания станка («в муках, тревоге и бедности», «где-то в сарае») и утверждением высокого назначения его плодов — сохранения и демократизации письменного слова — цитатой из «Повести временных лет». Помещая в текст знаменитые слова, Ирецкий, безусловно, подразумевает контекст выражения, повествующий о преобразующей силе, необыкновенном значении книг [36. С. 102]. В русле этой метафоры Ирецкий не боится высоких риторических восклицаний и обращений («Русский букварь умирает!», «<...> слышишь ли ты это? Постигаешь ли?») и горестных размышлений («Аз, буки, веде...»), которые обрамляют краткое обращение к создателям грамоты, звучат эмоционально и убедительно.

Ирецкий продолжает тему разрушения культуры в очерке «Вишневые сады», где описывает распродажу частных библиотек. Используя широко известный литературный образ и метафору вишневого сада как воплощение памяти об утерянном прошлом, писатель делает их ассоциативным фоном современных зарисовок: «Бывшие сановники, офицеры, судьи, лишившись жалованья и пенсии, частями разносят свои книги по букинистам, и посетитель антикварной книжной лавки может теперь часто наблюдать *робкие, смущенные фигуры необычных продавцов. Это очень грустное зрелище, способное опечалить даже постороннего*» [37. С. 6] (курсив мой. — М.С.). Живой, будоражащий читателя образ продавцов выражает обеспокоенность Ирецкого потерей «кирпича культуры» русского общества: «Библиофильство — одна из самых культурных страстей, в большинстве случаев бескорыстная. Собирателей книг у нас не так уж и много, и при том пренебрежении к прочитанной книге и подчас варварском отношении к ней, какое проявляется даже в более интеллигентных кругах, коллекционеры безусловно являются у нас апостолами “книголюбства”» [37. С. 6]. Ирецкому жаль «гибнущие “вишневые сады” <...> бедной культуры, в которых так приятно

собирать “сладкий мед эрудиций”» [37. С. 6], он сетует на затруднения, возникающие во время поиска нужной книги из-за ограниченного количества российских «книжных собраний для общественного пользования» [37. С. 6]. Тем самым публицист создает материалы, в которых ставит вопрос о необходимости сохранения книгоиздательства, частных книжных собраний в современной ему России и о возможном упадке словесной культуры.

Не меньшую тревогу вызывает у Ирецкого и отношение к музейному фонду России, национальным ценностям, вечным истинам, проблеме связи отцов и детей. Однако предметом описания Ирецкого становится не только разрушение духовной и интеллектуальной жизни, но и материальное положение России вследствие революции и Брестского мира. Автор поднимает актуальные темы голода, потери земли, уничтожения сельскохозяйственных культур. Центральными в статье «Счет» становятся образы поля и жатвы. Публицист использует общекультурный мифологический образ поля брани как засеянных просторов, готовых для жатвы, и германо-скандинавский эпический образ доблестной смерти, дарующей воинам загробный пир: «Началась жатва, и вместе с хлебом Россия пожинает урожай большевистского посева. <...> Победно, ах, как *победно прозвучал рог Циммервальда в нашей долине скорби! Обильную жатву собрал враг и ныне пирует он, точно в кровавом раю древне-германских народов, поднимая черепа с пенным пивом. Увы! Это пиво из русского солода*» (курсив мой. — М.С.) [38. С. 2].

Продолжает тему потерь русской земли очерк о погубленной безответственностью спасительной идее «железного» дня, который мог бы уберечь Россию от голода: «Земледелец бьется как рыба об лед, извлекает из амбара заржавевшее старье, чинит, мастерит, куёт и плавит. Если бы толком рассказать, что переживает теперь земледельческое население в поисках сельскохозяйственного инвентаря, то вы, читатель, как бы ни были равнодушны к Микуле Селяниновичу, не только пожертвовали старый замок, <...> летние ножницы и два ненужных ключа, но еще тайком от вашей хозяйственной супруги сломали бы, скажем, железную кровать и присоединили бы ее к “железному фонду”» [39. С. 2]. Упоминая образ богатыря из былины новгородского цикла, Ирецкий привносит в тревожное обращение к читателю поэтическую ноту. Вместе с тем образ пахаря, олицетворяющий мощь русского народа-труженика, контрастен нынешнему бессильному положению крестьянства. Тем горше выглядит закрывающая статью сцена телефонного разговора, свидетелем которого автор случайно стал: желающие сдать металл не могут сделать это. В действительности сбором никто не занимается.

Своеобразие очерков Ирецкого о революции определяется авторской установкой на рефлекссию одновременно бытового и бытийного уровней происходящего. С одной стороны, в стихии бунта прозаика интересует частное, вещное — ему важно показать, что видит, слышит, о чем думает, что чувствует в это время человек. Оттого Ирецкий активно использует в своих текстах живую ткань жизни, ссылаясь на соб-

ственные наблюдения, эмоциональные состояния. В отличие от более известных публицистических текстов, порою лишенных определенных примет дня, писатель в непосредственных зарисовках-откликах на происходящее запечатлевает процесс изменения России, зарождения новой эпохи.

В то же время внимание Ирецкого привлекают факты политической, общественной, культурной жизни России и Петрограда: публичные выступления, опубликованные документы, действия, поддерживающие идеологию большевизма. Примеры бытовых последствий послереволюционного разрушения и анархии – наблюдаемые самим автором конфликты, частные разговоры – становятся материалом для его размышлений. Внимательный наблюдатель, Ирецкий насыщает свои тексты колоритными деталями, используя в основном художественно-публицистические жанры – документально-беллетристические очерки, в том числе портретные и очерки нравов, а также памфлеты. Как журналист и писатель Ирецкий ценен своим вниманием к конкретному, бытовому материалу, погруженному в культурно-исторический контекст – этим и объясняется востребованность богатого фактурой материала, ярких зарисовок современными историками и юристами.

Вместе с тем автор избегает концентрации на политической стороне происходящего, часто свойственной писателям второго ряда, газетным фельетонистам. Обращаясь со страниц «Речи» и к своим читате-

лям, и к оппонентам, публицист заменяет политику в повествовании палитрой чувств, которые проживал русский интеллигент, чаявший свободы и возрождения, но очутившийся в хаосе темных, хтонических сил. Неслучайно часть текстов публиковалась в рубрике «Из дневника контрреволюционера» (1917) и «Из дневника» (1918): писатель придавал большинству из них форму ярко окрашенного эмоционального повествования от первого лица. И эта особенность позволяет публицистическим текстам Ирецкого 1917–1918 гг. выразить скрытые от общественности мысли Андреева, пафос не принявших революцию русских эмигрантов – например, Бунина. Дневниковая природа очерков Ирецкого показывает, что научно-публицистические статьи Горького и Короленко, безусловно, остро схватившие нерв и характер эпохи, в сравнении с текстами «Речи» кажутся менее эмоциональными, художественными, а описание революционной эпохи в них – более объективированным. Однако писатель показывает, как через происходящее в России проступает вечное, ведь фоном изображения быта и настроений конкретного дня становится плотный историко-культурный образный пласт. В эмиграции именно эти мысли и картины, появившиеся из-под пера Ирецкого-журналиста в революционном Петрограде, лягут в основу целого ряда художественных произведений писателя, в которых нашло отражение взвихренное революционное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.В. Сорокина, М.В. Умнова, К.А. Кумпан, Е.Р. Обатнина и другие авторы писали о сотрудничестве Ирецкого с «Литературными записками», «Вестником Европы», «Сатириконом», «Современный миром», «Речью», «Солнцем России», берлинскими газетами «Россия», «Звено», «Возрождение», «Дни», «Роль», «Наш век» и другими, рижской «Сегодня».

² Ученые уже констатировали факт работы в изданиях России, Европы, Америки, Китая в словарных статьях. См.: [1. С. 423–424; 2. С. 105–106]. Более полный список публикаций см. [3. С. 91–97].

³ Публицистика Ирецкого в изданиях «Летопись Дома Литераторов», «Вестник Литературы» уже была частично исследована, см.: [4. С. 52–58; 5. С. 143–155].

⁴ Краткая характеристика этого периода жизни и творчества уже дана в словарях, упомянутых ранее, и в ряде научных статей последних лет, см.: [3. С. 91–97; 6; 7. С. 339–386] и др.

⁵ В настоящей статье объектом исследования стали номера газеты «Речь» за март–ноябрь 1917 г. и вариантов того же издания под названиями «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век» 1918 г.

⁶ О полемике Горького и Ирецкого писал и автор комментариев к изданию «Несвоевременных мыслей», см. [19]. Кроме того, темы коснулись авторы двух научных работ, см.: [20, 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Поливанов К.М., Чанцев А.В. Виктор Яковлевич Ирецкий // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Г–К / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1992. Т. 2. С. 423–424.
2. Попов В.В. Ирецкий В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Словарь. М., 2005. Т. 1. С. 105–106.
3. Семенова М.Г. О творческих связях В.А. Каверина и В.Я. Ирецкого // Вестник Псковского государственного университета. 2017. № 6. С. 91–97.
4. Семенова М.Г. Книжная «скорбная летопись» России: публицистика В.Я. Ирецкого в журнале «Вестник литературы» // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019. Вып. 10. С. 52–58.
5. Семенова М.Г. Публикации В.Я. Ирецкого в «Летописи Дома Литераторов» // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики: сб. материалов IV Международного научного семинара / отв. ред. В.В. Фролов. Псков, 2020. С. 143–155.
6. Семенова М.Г. Забытый писатель Виктор Яковлевич Ирецкий: судьба и творчество // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2018. 1 электрон. опт. диск.
7. Нелитературная судьба писателя Виктора Ирецкого (1882–1936) / публ., вст. ст. и коммент. М.Ю. Сорокиной, Н.Ю. Масоликовой // Скрещения судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov. Berlin et al.: Peter Lang, 2019. S. 339–386.
8. Калифорнийский альманах. 1934. Сан-Франциско. Издание Литературно-художественного кружка города Сан-Франциско. Харбин, 1934. 173 с.
9. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 33–43.
10. Андреев Л.Н. Памяти погибших за свободу: [листовка] / Леонид Андреев. [Б.м.: б. и., 1917, март, после 5]. [1] л. в 3 стб.; 51 х 36 см.
11. Ирецкий В.Я. Охранка. Страница русской истории // Речь. 1917. № 82 (3824). 9 (22) апреля. С. 3.
12. Радичев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. 256 с.
13. Андреев Л.Н. Иуда Искариот. Повести. Рассказы. М., 2015. 640 с.

14. Андреев Л.Н. Революция (О насилии) // Возвращенный мир. Антология русского зарубежья. М., 2004. Т. 1. С. 67–72.
15. Ирецкий В. Из дневника // Речь. 1918. № 14 (39). 20 января (2 февраля). С. 1.
16. Ирецкий В. Не то // Речь. 1917. № 100 (3842). 30 апреля (13 мая). С. 3.
17. Короленко В.Г. Постановления крестьянских сходов перед первой Думой // Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. 224 с.
18. Короленко В.Г. Несколько мыслей о революции // Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. 224 с.
19. Горький М. Несвоевременные мысли. Статьи 1917–1918 гг. / сост., введение и примеч. Г. Ермолаева. Париж, 1971. 304 с.
20. Коростелев С. Г. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 270 с.
21. Глушковский П. Полемика Максима Горького с кадетами и большевиками на страницах газеты «Новая жизнь» // Actaneophilologica. 2019. XXI (1).
22. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг., 1918. 115 с.
23. Ирецкий В. Душа болит // Речь. 1917. № 109 (3851). 11 (24) мая. С. 1.
24. Горький М. Революция и культура: Ст. за 1917 г. Берлин, 1918. 88 с.
25. Ирецкий В. «Висячая» поэзия // Речь. 1917. № 128 (3870). 3 (16) июня. С. 7.
26. Ирецкий В. Словесная одурь // Речь. 1917. № 216 (3958). 14 (27) сентября. С. 2.
27. Ирецкий В. Психоз // Речь. 1917. № 156 (3898). 6 (19) июля. С. 2.
28. Ирецкий В. Боги жаждут // Речь. 1917. № 201 (3943). 27 августа (9 сентября). С. 2.
29. Ирецкий В. На большой дороге // Наш век. 1918. № 10 (35). 16 (29) января. С. 1.
30. Ирецкий В. Дух власти // Речь. 1917. № 210 (3952). 7 (20) сентября. С. 2.
31. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. 596 с.
32. Ирецкий В. Я. Здесь танцуют // Наш век. 1918. № 33 (57). 24 (11) февраля. С. 2.
33. Бунин И.А. Окаянные дни. М. : Современник, 1991. 255 с.
34. Блок А.А. Интеллигенция и революция // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6: Проза. 1918–1921. М.; Л., 1962. С. 9–20.
35. Ирецкий В. Книга (вместо некролога) // Речь. 1917. № 127 (3869). 2 (15) июня. С. 3.
36. Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. М.; Л., 1950. 404 с.
37. Ирецкий В. Вишневые сады // Наш век. № 50 (74). 1918. 17 (4) марта. С. 6.
38. Ирецкий В. Счет // Речь. 1917. № 180 (3922). 3 (16) августа. С. 2.
39. Ирецкий В. Бестолочь // Речь. 1917. № 168 (3910). 20 июля (2 августа). С. 2.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2021 г.

Essays by Viktor Ya. Iretsky in the Context of the Journalism of 1917 and 1918

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 53–61.

DOI: 10.17223/15617793/468/6

Maria G. Semyonova, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: m.g.sem@rambler.ru

Keywords: L.N. Andreev; A.A. Blok; I.A. Bunin; M. Gorky; diaries; essay; journalism of post-revolutionary period; *Rech'* newspaper; V.Ya. Iretsky; V.G. Korolenko.

This article aims to initiate a study of an extremely interesting body of texts by Viktor Ya. Iretsky that were published in the major metropolitan newspaper *Rech'* [Speech] and caused a resonance in 1917–1918. The study of the originality of the half-forgotten prose writer's revolutionary journalism in the context of the ideological searches of the author's famous contemporaries – M. Gorky, V.G. Korolenko, L.N. Andreev, A.A. Blok, I.A. Bunin – seems relevant. Based on newspaper, magazine, and book collections of the National Library of Russia, the Library of the Russian Academy of Sciences, and the House of Russia Abroad, the article analyzes the essays published in *Rech'* from March 1917 to August 1918 using historical-literary and intertextual research methods. In the course of the research, the author selected the most revealing essays that are comparable to well-known journalistic works about the revolution, analyzed their artistic originality, evolution, and similarity to the journalism of 1917–1918. Iretsky's texts are thematically and ideologically similar to Andreev's articles and diary entries, Korolenko's writings, and – particularly – Gorky's cycle published in *Novaya Zhizn'* [New Life]; however, these texts describe the facts, moods, and the revolutionary atmosphere from the point of view of an observer who opposes the revolution and, since May 1917, sees it only as destructive force. The author concludes that Iretsky's essays, reflecting the metamorphoses of the intelligentsia's perception of the revolution, problems close to Gorky's and Korolenko's notes, are more similar to emigrants' diaries, especially Bunin's *Cursed Days*, in their confessional nature, anti-Bolshevik pathos and artistry. The specificity of Iretsky's texts is explained by the attention to specific everyday material immersed in the cultural and historical context. The value of the essays is determined by its orientation to everyday life, inclusion of the living tissue of life in the texts; by its confessional nature, which back in 1917 and 1918 revealed a critical emigrant attitude – then expressed in diaries only – to the course of the revolutionary transformation of Russia; and by the inclusion of expressive historical and cultural figurative elements. Abstracting, analyzing the situation from the point of view of European history and culture (including the ideals of the French revolution), using images of works of Russian literature (*Dead Souls* by Gogol, *The Cherry Orchard* by Chekhov, *The Brothers Karamazov* by Dostoevsky, etc.) and reminiscences on them, Iretsky does not approach authors of political pamphlets, but rather such important figures of Russian journalism as Maxim Gorky and Vladimir Korolenko, and the diary prose of the brightest Russian writers.

REFERENCES

1. Polivanov, K.M. & Chantsev, A.V. (1992) Viktor Yakovlevich Iretskiy. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 423–424.
2. Popov, V.V. (2005) Iretskiy V. In: Skatov, N.N. (ed.) *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Slovar'* [Russian literature of the twentieth century. Prose writers, poets, playwrights. Dictionary]. Vol. 1. Moscow: OLMA-PRESS Invest. pp. 105–106.
3. Semenova, M.G. (2017) O tvorcheskikh svyazyakh V.A. Kaverina i V.Ya. Iretskogo [About V.A. Kaverin and V. Ya. Iretsky's creative relations]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6. pp. 91–97.
4. Semenova, M.G. (2019) Knizhnaya “skorbnaya letopis” Rossii: publitsistika V.Ya. Iretskogo v zhurnale “Vestnik literatury” [The book “sorrowful chronicle” of Russia: journalism of V.Ya. Iretsky in the Vestnik literary journal]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye nauki”*. 10. pp. 52–58.

5. Semenova, M.G. (2020) [Publications of V.Ya. Iretsky in the "Chronicle of the House of Writers"]. *Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikatsionnykh aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki* [Topical issues of the study of communication aspects of PR-activity and journalism]. International Seminar Proceedings. Pskov: Pskov State University. pp. 143–155. (In Russian).
6. Semenova, M.G. (2018) [Forgotten writer Viktor Yakovlevich Iretsky: fate and oeuvre]. *Lomonosov-2018*. International Forum Proceedings. Moscow: MAKSS Press. (In Russian).
7. Sorokina, M.Yu. & Masolikova, N.Yu. (2019) Neliteraturnaya sud'ba pisatelya Viktora Iretskogo (1882–1936) [The non-literary fate of the writer Viktor Iretsky (1882–1936)]. In: *Skreshcheniya sudeb. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov* [Crossed destinies. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov]. Berlin et al.: Peter Lang. pp. 339–386.
8. Lavrova, N.N. et al. (eds) (1934) *Kaliforniyskiy al'manakh. 1934. San-Frantsisko* [California Almanac. 1934. San Francisco]. Kharbin: Tipografiya N.E.Chinareva.
9. Shelokhaev, V.V. & Solov'ev, K.A. (2017) Liberal'nye otsenki Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda [Liberal assessments of the February revolution of 1917]. *Novoyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 33–43.
10. Andreev, L.N. (1917) *Pamyati pogibshikh za svobodu: [listovka]* [In memory of those killed for freedom: [leaflet]]. S.l.: [s.n.].
11. Iretskiy, V.Ya. (1917) Okhranka. Stranitsa russkoy istorii [Okhrana/Department for Protecting the Public Security and Order. A page of Russian history]. *Rech'*. 82 (3824). 9 (22) April. p. 3.
12. Radishchev, A.N. (1981) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [Journey from St. Petersburg to Moscow]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
13. Andreev, L.N. (2015) *Iuda Iskariot. Povesti. Rasskazy* [Judas Iscariot. Stories]. Moscow: Eksmo.
14. Andreev, L.N. (2004) *Revolutsiya (O nasilii)* [Revolution (On Violence)]. In: Mikhaylov, O.N. et al. (eds) *Vozvrashchenny mir. Antologiya russkogo zarubezh'ya* [The Returned World. Anthology of the Russian Diaspora]. Vol. 1. Moscow: Izd. dom "Russkiy mir". pp. 67–72.
15. Iretskiy, V. (1918) Iz dnevnika [From the diary]. *Rech'*. 14 (39). 20 January (2 February). p. 1.
16. Iretskiy, V. (1917) Ne to [Not that]. *Rech'*. 100 (3842). 30 April (13 May). pp. 3.
17. Korolenko, V.G. (1991) *Zemli! Zemli! Mysli, vospominaniya, kartiny* [Lands! Lands! Thoughts, memories, pictures]. Section 13. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
18. Korolenko, V.G. (1991) *Zemli! Zemli! Mysli, vospominaniya, kartiny* [Lands! Lands! Thoughts, memories, pictures]. Section 17. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
19. Gor'kiy, M. (1971) *Nesvoevremennyye mysli. Stat'i 1917–1918 gg.* [Untimely thoughts. Articles of 1917–1918]. Paris: Editions de la Seine.
20. Korostelev, S.G. (2015) *Zhurnal "Letopis'" (1915–1917) i gazeta "Novaya zhizn'" (1917–1918) v istoriko-kul'turnom kontekste* [The journal "Letopis'" (1915–1917) and the newspaper "Novaya zhizn'" (1917–1918) in the historical and cultural context]. Philology Cand. Diss. Moscow.
21. Glushkovskiy, P. (2019) Polemika Maksima Gor'kogo s kadetami i bol'shevikami na stranitsakh gazety "Novaya zhizn'" [Maxim Gorky's polemic with the cadets and the Bolsheviks on the pages of the newspaper "Novaya zhizn'"]. *Acta Neophilologica*. XXI (1).
22. Gor'kiy, M. (1918) *Nesvoevremennyye mysli. Zametki o revolyutsii i kul'ture* [Untimely thoughts. Notes on revolution and culture]. Petrograd: Kul'tura i svoboda.
23. Iretskiy, V. (1917) Dusha bolit [My soul is in pain]. *Rech'*. 109 (3851). 11 (24) maya. pp. 1.
24. Gor'kiy, M. (1918) *Revolutsiya i kul'tura: St. za 1917 g.* [Revolution and culture: Articles for 1917]. Berlin: T-vo I. P. Ladyzhnikova.
25. Iretskiy, V. (1917) "Visyachaya" poeziya ["Hanging" poetry]. *Rech'*. 128 (3870). 3 (16) June. p. 7.
26. Iretskiy, V. (1917) Slovesnaya odur' [Verbal stupor]. *Rech'*. 216 (3958). 14 (27) September. pp. 2.
27. Iretskiy, V. (1917) Psikhoz [Psychosis]. *Rech'*. 156 (3898). 6 (19) July. p. 2.
28. Iretskiy, V. (1917) Bogi zhazhdut [Gods crave]. *Rech'*. 201 (3943). 27 August (9 September). p. 2.
29. Iretskiy, V. (1918) Na bol'shoy doroge [On the big road]. *Nash vek*. 10 (35). 16 (29) January. pp. 1.
30. Iretskiy, V. (1917) Dukh vlasti [Spirit of power]. *Rech'*. 210 (3952). 7 (20) September. pp. 2.
31. Tynyanov, Yu.N. (1929) *Arkhaisty i novatory* [Archaists and innovators]. Leningrad: Priboy.
32. Iretskiy, V.Ya. (1918) Zdes' tantsuyut [They dance here]. *Nash vek*. 33 (57). 24 (11) February. p. 2.
33. Bunin, I.A. (1991) *Okayannyye dni* [Cursed Days]. Moscow: Sovremennik.
34. Blok, A.A. (1962) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected works in eight volumes]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gosizdat khudozhestvennoy literatury. pp. 9–20.
35. Iretskiy, V. (1917) *Kniga (vmesto nekrologa)* [Book (instead of an obituary)]. *Rech'*. 127 (3869). 2 (15) June. p. 3.
36. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1950) *Povest' vremennykh let. Chast' pervaya. Tekst i perevod* [The Tale of Bygone Years. Part One. Text and translation]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
37. Iretskiy, V. (1918) Vishnevyye sady [Cherry orchards]. *Nash vek*. 50 (74). 17 (4) March. pp. 6.
38. Iretskiy, V. (1917) Schet [Account]. *Rech'*. 180 (3922). 3 (16) August. p. 2.
39. Iretskiy, V. (1917) Bestoloch' [Stupid]. *Rech'*. 168 (3910). 20 July (2 August). p. 2.

Received: 05 July 2021

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.311.1

М.В. Клёцкин

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЗНАНИЯ В КВАНТОВОЙ ФИЗИКЕ

Проведен анализ онтологических оснований квантовой механики и найдены взаимосвязи различных интерпретаций квантовой механики с вопросом об истинности в научном познании. Сделан вывод, что физики способны лишь предсказывать вероятности физических явлений или процессов, без всякого знания о структуре сущего-самого-по-себе. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования состоит в дополнении теоретической картины онтологии квантовой механики, а также в получении представления о перспективах развития методологии физических наук.

Ключевые слова: сущее; бытие; возможность; действительность; истинность; вероятность.

Введение

В настоящее время предметом страстных споров являются онтологические основания квантовой механики, общая структура бытия физических «микро» и «макро» миров [1–3]. Существует множество современных интерпретаций принципов квантовой механики, объясняющих устройство физического мира [4–7]. Общим для всех интерпретаций является основополагающий принцип квантовой механики – она представляет сущее как механическую систему, состоящую из квантов «материи». Тезисно классическая интерпретация онтологии квантовой механики копенгагенской школы сводится к следующим утверждениям:

1) сущее находится наблюдателем в виде мельчайших неделимых порций энергии, называемых квантами;

2) вероятность обнаружения кванта в том или ином фрагменте пространства исчисляется волновой функцией, которая интегрирует экспериментальные данные о волновых функциях обнаруженных частиц;

3) перед наблюдением объект существует во всех возможных состояниях одновременно.

Если первые два постулата не вызывают никаких возражений, то третий стал дискуссионным как среди физиков, так и среди философов, поскольку противоречил общепринятым в начале XX в. представлениям о познании природы. Эти споры привели к осознанию невозможности объяснения квантовых явлений, оставаясь строго в рамках позитивистской парадигмы. Основное отличие новой концепции от классической научной интерпретации бытия сущего (восходящей к декартовской философии) состоит в отказе от: 1) допущения полной независимости познания физических процессов от условий наблюдения и самого наблюдателя; 2) представления о неограниченном уточнении наблюдения. В этой статье мы проанализируем некоторые типичные интерпретации онтологических и методологических оснований познания истины в квантовой физике.

Философская интерпретация «коллапса волновой функции»

Способ описания состояний физической системы, в соответствии с которым любая физическая сущ-

ность одновременно потенциально обладает противоречивыми характеристиками, в квантовой механике называется «принцип суперпозиции». Физическое сущее описывается как суперпозиция всевозможных состояний сущего. Этот принцип является результатом применения индуктивного метода, поскольку он математически обобщает все опытно полученные данные о квантовой системе. Вероятность осуществления потенциального состояния в действительное бытие индивида рассчитывается с помощью волновой функции.

Физическое состояние исследуемого объекта определяется в результате процесса, обозначаемого в квантовой механике термином «коллапс волновой функции» (или «редукция волновой функции»). Это процесс доведения физического сущего до его различённости и осознанности индивидом. В результате различения («декогеренции») физическая сущность становится из возможной действительной. «Такой коллапс выделил бы актуальное из всего возможного... непосредственно перед коллапсом все возможные будут представлены в суперпозиции на абсолютно равных основаниях. Стирание большинства из них при коллапсе, в результате чего остается только актуальное, не уничтожило бы того факта, что не было никакого различия между актуальным и возможным в квантовом состоянии до момента коллапса» [5. Р. 120–121].

В этой цитате мы видим типичную ошибку, когда некоторые учёные не понимают различия между фактическим и возможным – различия между возможным сущим (affordance) и действительным. Следствием этого непонимания является нарушение закона противоречия, в соответствии с которым из двух противоречащих суждений истинно только одно. Физическая сущность, например элементарная частица, в одно и то же время и в одном и том же отношении должна быть или возможной, или действительной («фактической»). Возможная в данный момент частица может в будущем стать действительной, но в данный момент она лишь возможна.

Сущее-само-по-себе существует независимо от наблюдателя, но бытийная представленность сущего определяется как самим сущим, так и ценностными интенциями наблюдателя. По нашему мнению, о ценностном выборе как факторе познания физического

сущего говорится в «квантовом бейсианстве» и «квантовом дарвинизме». В гносеологической концепции «квантового дарвинизма» подчёркивается роль выбора: «Большая часть различной информации, содержащейся в векторе состояния [state vector], копируется, но большинство имеет чрезвычайно короткие периоды выживания. Выбираются наиболее подходящие квантовые состояния или состояния указателя [pointer states]» [8. Р. 9]. Агент познания в «квантовом бейсианстве» также должен совершать выбор в соответствии с нормами «общей структуры убеждений»: «Для Квантового Бейсианства квантовая теория не является чем-то вне теории вероятностей – она не является картиной мира, какой она есть, как надеялась, скажем, программа единой теории поля Эйнштейна, а скорее является дополнением к самой теории вероятностей. Поскольку теория вероятностей является нормативной теорией, она не говорит о том, во что нужно верить, а предлагает правила согласованности, и агент должен стремиться к тому, чтобы соответствовать общей структуре убеждений, как это имеет место в квантовой теории» [6. Р. 9].

Допущение независимости наблюдаемых физических процессов от наблюдателя, конечно, крайне примитивизирует понимание процесса познания физического сущего, так как не принимает во внимание влияние на познание условий наблюдения; в первую очередь – влияние самого наблюдателя. Скажем больше, это допущение логически абсурдно, поскольку абстрагировало процесс наблюдения от его носителя-субъекта. Рассмотрим статью Уолтера Блума с говорящим названием «A Quantum Mechanics without Subjective Element – An interpretation from an experimental point of view» [3]. Роль наблюдателя исключается на основании утверждения, что «объект» классической физики, появление которого всецело случайно, в квантовой физике заменяется выборкой (ансамблем) идентично подготовленных объектов, необходимой для всех наблюдателей. «Когда мы уходим от наблюдателя за отдельным событием, мы достигаем объективности, которая обязательна для всех наблюдателей, и субъективный элемент исчез. Полученную интерпретацию квантовой механики можно назвать “копенгагенской интерпретацией без субъективного элемента”» [3. Р. 18].

Попытка автора спасти квантовую механику от «субъективности» (мышления человека) несколько наивна, так как основана на подмене понятий: «объективный» у Блума означает «необходимый». Если знание выражает необходимость, это не значит что оно «объективно» в классическом смысле, т.е. как знание «отражающее» сущее без участия мышления (наблюдателя). «Объективность» в понимании автора рассматриваемой статьи ограничена и определяется как раз опытом «наблюдателя», проводящего измерения. Да и необходимость не существует сама по себе как некая сущность, а является характеристикой связи между явлениями или суждениями, устанавливаемой учёным. Одной из причин, почему естествоиспытатели часто путаются и впадают в противоречия в попытке философски интерпретировать результаты исследований в квантовой механике, это непонимание

смысла основных философских категорий. Например, такое определение «возможности» даёт автор: «Понятие возможности имеет значение в отношении чего-то реального, которое может появиться или начать существовать в реальности с течением времени» [3. Р. 19]. Возможное, таким образом, это «реальное», которое «может начать существовать в реальности». Это определение явно противоречиво: реальное становится реальным с течением времени, словно оно не было до становления реальным. Смысл термина «реальность» кажется автору очевидным. Между тем непонятно, имеется ли в виду «действительность» или «сущее-само-по-себе» или «материальное». Эти понятия в данном случае автором не различаются, что и является причиной противоречивости его суждений.

Далее путаница нарастает – автор говорит о «прибытии факта» (the arrival of the fact), словно факт существовал до того, как он был осмыслен. «Прибытие факта – это переход между двумя модусами бытия: возможность превращается в реальный факт» [3. Р. 19]. Скорее всего, речь идёт о процессе, который называется в философии «становление» или «генезис» (рождение). Возможное *становится* действительным. Протон существовал до того, как был открыт, т.е. он был частью возможного сущего, которое в процессе познания стало частью действительного бытия учёного: сущим протон был до познания и остался после его открытия учёными, но действительным он стал только после открытия. До своего осмысления протон не был «возможным фактом» – он вообще не был фактом («factum» переводится словом «свершившееся»).

Кроме того, необходимо различать «возможное сущее» и «возможное бытие». Возможное бытие – это воспринятое, но ещё не ставшее действительным (осмысленным) сущее, но оно может стать таковым. Существуя же сам по себе (вне бытия индивида), но ещё не познанная (открытая) звезда или элементарная частица относятся к «возможному сущему», но не к «возможному бытию». «Реальный мир соседствует с миром закрытых возможностей. – Квантовая механика научила нас метафизике» [3. Р. 20]. «Закрытая возможность» (closed possibility) в терминологии автора – это количественно (на основе данных экспериментов) определенная возможность квантового явления. Непознанная частица и та же, но уже познанная частица – это не два «модуса бытия», так как непознанная частица относится не к бытию (если только мы не говорим о будущем времени), а к сущему. Ведь непознанная частица не была каким-либо образом осмысленна, значит, не стала бытием индивида. Реальный мир (если под этим термином мы понимаем действительное бытие) «соседствует» не с миром «закрытых возможностей», а, говоря хайдеггеровским языком, с «миро-окружным сущим» и возможным бытием.

Было бы также ошибкой согласиться с убеждением многих учёных, исследующих мир квантовых объектов, в том, что они исследуют не действительный, а возможный мир. Вычисление вероятности наступления какого-либо события не есть исследование возможного сущего или бытия, так как опирается на данные экспериментов, фиксирующих характеристики действительного (свершившегося, «фактического»)

бытия каких-либо сущностей. Да и предположения о возможности наступления какого-либо события не могут быть истинным (а значит и научным) знанием – истинным такое предположение станет только после наступления события. Однако поворот физиков к пониманию того, что мир не ограничен только наблюдаемым миром и знаниями о нём, что существует неизвестный в данное время мир сущего-самого-по-себе, является важнейшим шагом вперёд в расширении философского кругозора учёных естествоиспытателей.

Итак, физические процессы не происходят *в бытии* сами по себе (т.е. независимо от мышления наблюдателя), без необходимого условия их осуществления – субъекта наблюдения и его интенции на познание сущего и фиксацию результатов наблюдения. Процесс познания физического сущего – это «переход» физической сущности из состояния возможного (affordance) бытия к её действительному бытию в сознании индивида и фиксация («регистрация») результата этого перехода наблюдателем. «Абсолютные», т.е. существующие вне мышления наблюдателя пространство и время, являются лишь абстракциями (если только не понимать под «абсолютным» пространством и временем их материальный субстрат). В реальном процессе познания природы, пространство и время, так или иначе, конструируются как сущим-самим-по-себе, так и мышлением. Подробнейшим образом тема математического, например, конструирования пространства и времени рассмотрена в книге Ю.С. Владимирова «Метафизика» [2]. Макроприбор (мышление наблюдателя) в концепции Владимирова не только регистрирует физические сущности квантового мира, но и фундирует конструирование пространственно-временные представлений движения сущего: *«макроприбор не только влияет на состояние частицы и трактовку результатов эксперимента, но и в значительной мере становится ответственным за сами классические пространственно-временные представления»* [2. С. 490].

О «неполноте» и вероятностном характере познания сущего в квантовой физике

Следствием отказа от классических новоевропейских представлений о пространстве-времени является, например, нелокальность квантовой механики, т.е. принципиальная невозможность точно определить местоположение и «поведение» частицы в определённый момент времени. Если для макромира точно можно пренебречь, то на уровне исследования элементарных частиц вопрос о границах измерения становится критическим. По существу, нелокальность квантовой механики говорит о невозможности описания движения элементарных частиц в рамках классических представлений о пространстве, что заставляет учёных радикально эти представления менять, так как они оказываются в самой своей сути противоречивыми.

Как известно, квантово-механическая парадигма описания физического сущего была принята научным сообществом не без борьбы. В знаменитом споре с Нильсом Бором классическую декартовскую теорию бытия и познания физического сущего защищал Аль-

берт Эйнштейн. Доказательства своей правоты он опубликовал в соавторстве с Б. Подольским и Н. Розеном в статье 1935 г. [9], в которой утверждал, что описание физического сущего в квантовой физике не является полным, поскольку *не описывает её с полной достоверностью, а только вероятностно*. На этот тезис можно возразить, что вероятность не исключает достоверности, если вычисление вероятности опирается на экспериментальные данные. Что может быть достовернее верифицируемых опытных данных?

В этой же статье в качестве доказательства своей точки зрения Эйнштейн привёл мысленный эксперимент, получивший название эксперимент Эйнштейна–Подольского–Розена (ЭПР). Этот эксперимент, по мысли авторов статьи, доказывает, в отличие от квантовомеханической теории, что *координату и импульс* частицы можно точно измерить одновременно. Следовательно, эксперимент ЭПР доказывает «неполноту» квантовой теории, ведь, по мысли авторов, «каждый элемент физической реальности должен иметь отражение в физической теории. Мы будем называть это условием полноты» [9. С. 440]. Но достижима ли такая «полнота теории», если общепринято, что количество физических сущностей практически бесконечно? «Ошибка в аргументе Эйнштейна, Подольского и Розена 1935 года заключается в том, что они взяли задания вероятности-1, чтобы показать объективные особенности мира, а не просто твердо убежденные взгляды... Их ошибкой было то, что они не поняли, поскольку многие физики сегодня продолжают не понимать, что присвоение вероятности с $p = 1$ является очень твердым личным суждением назначающего агента, и ничего более» [10. Р. 7]. Квантовая физика так же неполна, как и всякая другая физическая теория, если сравнивать её с недостижимым идеалом, но этот факт не отменяет её истинности для современных учёных, так как квантовая теория опирается на результаты верифицируемых экспериментов.

Сама по себе попытка привести в качестве доказательства результаты мысленного эксперимента также не вызывает доверия, так как не опирается на истинное знание действительности. Известный советский физик В.А. Фок правильно, на наш взгляд, отмечал: «Эйнштейн понимает слово “состояние” в том смысле, какой ему обычно приписывается в классической физике, то есть в смысле чего-то вполне объективного и совершенно не зависящего от каких бы то ни было сведений о нем. Квантовая механика действительно занимается изучением объективных свойств природы в том смысле, что ее законы продиктованы самой природой, а не человеческой фантазией. Но к числу объективных понятий не принадлежит понятие о состоянии в квантовом смысле. В квантовой механике понятие о состоянии сливается с понятием “сведения о состоянии, получаемые в результате определенного максимально точного опыта”. В ней волновая функция описывает не состояние в обычном смысле, а скорее эти “сведения о состоянии”» [9. С. 437].

Для преодоления вероятностного характера квантовой механики, сторонники принципов онтологии классической новоевропейской физики вынуждены были вводить так называемые скрытые параметры

квантовомеханической системы – параметры, недоступные наблюдению в эксперименте. Однако поскольку такие параметры никак не фиксируются, то они суть метафизические допущения и к естественной науке не могут иметь отношения. Например, в основе так называемых неравенств Джона Белла лежит допущение, что с помощью скрытого параметра частицы обмениваются между собой информацией, сколь бы далеко они не находились друг от друга. Как и в мысленном эксперименте Эйнштейна, Подольского и Розена (ЭПР-парадокс), Белл допускает, что сущее известно до его познания (информация существует до осмысления сущего), а потом с удивлением спрашивает: «Как мы можем знать состояние сущего до его познания?». То есть сам опровергает свою же фантастическую гипотезу. Существование постулированного информационного параметра становится у Белла приговором принципам квантовой механики в копенгагенской интерпретации и якобы подтверждает принципы механики классической. На самом деле введение этого параметра показывает антинаучность и противоречивость допущений «классической» физики, поскольку существование такого параметра не верифицируется.

ЭПР-парадокс является следствием натурализации волновой функции в квантовой теории, и показывает логическую противоречивость такой натурализации. В последние десятилетия абсурдность критики Эйнштейном квантовой механики за её «неполноту» была доказана и экспериментально. Группа австрийского физика Антона Цайлингера провела экспериментальную проверку теории априорного существования (т.е. существования до наблюдения) свойств физических существностей. «В этом эксперименте исследовались трехчастичные запутанные состояния фотонов... Цайлингер с сотрудниками показали, что квантовомеханический подход и результат такого подхода несовместимы с предположением, что наблюдаемые свойства объекта (в общем случае) существуют до наблюдения как объективная самостоятельная внутренняя характеристика локальных объектов» [11]. Ещё раньше Цайлингера на физфаке МГУ были проведены эксперименты, результаты которых «не оставляют места для тривиальной модели светового поля с априори определенным числом фотонов... с определенной энергией. Число фотонов, а в более общем случае – измеряемая величина вообще – до момента измерения не существует» [1. С. 89].

Таким образом, опровергается наивная натурализация положений физической теории, в соответствии с которой физический мир существует по предписанным ему правилам. Умозрительные концепты физической теории (например, гравитационная постоянная или постоянная Планка) – лишь *инструменты* интерпретации эмпирического материала, сами не обладающие физическим существованием.

Но необходимо отметить большой эвристический потенциал теории квантовой запутанности, предложенной в статье Эйнштейна–Подольского–Розена. «Эксперты, такие как Maldacena и Susskind [12], утверждают, что $ER = EPR$, а именно квантовые запутанные частицы (в состоянии Эйнштейна–

Подольского–Розена) связаны червоточиной (мост Эйнштейна–Розена [13]), подразумевая, что существует пока неизвестная квантовая версия классической червоточины, которая допускает квантовомеханическую нелокальность. Существует также возможность того, что квантовые флуктуации полей сами по себе запутаны и создают квантовую червоточину. Таким образом, все еще может быть элемент объективной реальности позади квантовой запутанности» [14. Р. 41]. Галактика, свет от которой летел до Земли миллиарды лет, существует для человека здесь и сейчас, словно вся вселенная, всё существовавшие частицы и кванты «спутаны» (взаимосвязаны) в бытии индивида. При этом физические сущности вселенной отделены друг от друга, а расстояния между ними мы различаем и измеряем с помощью света или других подручных средств. Пространственная расположенность физических существностей создаётся (конструируется) и изменяется человеком, исходя из его потребностей, но задаётся (детерминирована) физическим сущим. Различая сущее, мы создаём его понятийный образ – его действительное бытие.

Таким образом, вселенная существует в возможности *для человека* в пространственно-временном континууме и в ней действует принцип дальности (нелокальности). В различённом же, осваиваемом индивидом мире, он вынужден «догонять» мироокружные сущности, вынужден прикладывать усилия для их использования и изменения, для чего вынужден преодолевать расстояния между ними. В таком действительном мире (мире действия) «работает» принцип локальности (близкодействия). Передать воздействие (информацию) мы можем, лишь преодолевая сопротивление (инерцию) сущего, поэтому не мгновенно. Вполне возможно, что существует «чёрный ход» для достижения физических существностей, кажущихся нам бесконечно далёкими. Ведь если существует вселенная как нечто целостное и взаимосвязанное, т.е. пока неизвестная нам сила, связывающая вселенную воедино и действующая мгновенно. Свет имеет конечную скорость, поэтому электромагнитное поле (и другие известные нам фундаментальные физические взаимодействия) на роль универсальной силы, мгновенно связывающей вселенную воедино, не подходит.

Вероятностный характер квантовой механики обусловлен невозможностью познавать сущее таким, каким оно существует само по себе, то есть каким оно существует вне представленности в мышлении наблюдателя. «Сама квантовая механика не имеет непосредственного отношения к объективному миру; она имеет дело с опытом этого объективного мира, который принадлежит тому или иному агенту, использующему квантовую теорию» [10. Р. 3]. Сущее открывается в процессе познания, становясь из потенциального (для наблюдателя) актуальным (действительным). Наблюдатель так же творит *наличное бытие* природы, как в греческой мифологии бог творит космос из хаоса. Это не значит, что физические сущности не существовали до их познания. Они *существовали потенциально*, но не были для наблюдателя действительными, т.е. осознанными. «Мы

напрямую не наблюдаем фундаментальный уровень реальности: мы выводим его из динамики. На фундаментальном уровне мы утверждаем, что бы ни предполагали динамические законы – все, что должно быть в мире, чтобы эти законы были верны ему» [15. Р. 4]. По нашей терминологии в данном случае речь идёт о сущем-самом-по-себе, поэтому правильное, с нашей точки зрения, в данном случае говорить не о «фундаментальном уровне реальности» (поскольку потенциальное сущее ещё не действительно), а о материи.

Неверно, на наш взгляд, натурализовать волновую функцию и отождествлять потенциальное бытие и вероятность. Вероятность – это лишь количественная мера возможности какого-либо явления, причём вычисление вероятности опирается не на возможный, а на уже имеющийся, актуальный опыт. *Вероятностна не материя или частица, вероятностно наше знание об их существовании*. Говоря о возможности какого-либо квантового явления, подразумевают, что эта возможность существует в рамках определённой гипотезы. Речь идёт о гносеологической возможности, но не возможности онтологической, ведь альтернативные состояния физических сущностей *существуют одновременно* только в рамках теории, но не актуально. «Experiences do not exist prior to being experienced» [10. Р. 5] (Переживания не существуют не будучи пережитыми).

Знание о возможном (и во временном и в онтическом смысле) всегда вероятностно. Актуально *истинным* знание может быть только о том, что уже *есть* или было. Если сущность ещё не есть, то и знание о ней лишь вероятностно. «Довольно естественной позицией было бы утверждать, что вероятностные измерения, соответствующие состояниям, эпистемичны, тогда как условные вероятности, связанные с измерениями, являются объективными. Первые представляют нашу неопределенность относительно истинного онтического состояния, тогда как последние представляют нашу неопределенность относительно реакции измерительного устройства. С общепринятой точки зрения, реакция измерительного устройства представляет собой “исходно стохастическое” событие в квантовой теории» [7. Р. 75]. Квантовая механика не противоречит правильно понимаемому детерминизму и вообще не является индетерминистской, поскольку опирается на актуальные (значит определённые) знания о квантовом мире.

Сущее-само-по-себе принципиально непознаваемо без отношения к наблюдателю. Невозможно создать «предгеометрию» (термин Джона Уиллера) материального бытия сущего, а тем более выразить её математически, возможно лишь констатировать существование предзаданного взаимодействия сущих вещей. По мнению Уилера, само-по-себе-сущее до измерения (осознания) не имеет каких-либо характеристик – до момента измерения оно совершенно неопределенно. «По уилеровской трактовке, мы создаем, творим явление в процессе наблюдения. По такой точке зрения – мы вовлечены в процесс, являемся “соучастниками” творения Вселенной» [4. С. 65]. Такая точка зрения не противоречит, а скорее развивает концепцию Бора, в которой не отрицается существование

сущего, но утверждается невозможность его «объективного» познания. Единственное, что мы можем, – это предсказывать вероятности физических явлений или процессов, без всякого знания о структуре сущего-самого-по-себе. Такая структура не существует сама собой, а предписывается теорией сущему.

Мир, предзаданный наличному бытию и определяющий его содержание, существует для наблюдателя, но существует только как *потенциально* познаваемый. Наблюдатель (или прибор) всё-таки не «творит» реальность, а скорее образует и структурирует её по подобию находимого им сущего. «Измерение не... показывает уже существующее положение дел. Это действие на мир со стороны агента, которое приводит к созданию результата – нового опыта для этого агента... Поскольку вероятности являются личными суждениями агента, из этого следует, что назначение квантового состояния также является личным суждением агента, назначающего это состояние. Пресловутый “коллапс волновой функции” – это не что иное, как обновление состояния назначения агента [the updating of an agent’s state assignment] на основе его опыта» [10. Р. 2].

Физическое бытие становится определённым, когда наблюдатель фиксирует про-ис-шествие физической сущности в действительность (что в терминологии квантовой механики называется «коллапс» волновой функции). Учёные не могут с абсолютной уверенностью предсказать поведение физической сущности в тех или иных обстоятельствах, поскольку вероятность какого-либо события никогда не равна единице. Поэтому критерий истинности научной теории, выдвинутый Эйнштейном в споре с Бором, остаётся принципиально недостижимым идеалом. Познание природы вероятно и принципиально неполно, поскольку человек может *сознательно* осмыслять природные явления лишь в рамках их представленности в наличном бытии.

Заключение

На наш взгляд, большая часть споров об онтологии квантовой механики, её логические «парадоксы» являются логическим следствием принятой в естественных науках парадигмы картезианской онтологии. Сущее у Декарта таково, каким его видит «субъект», т.е. «отражение» сущего в сознании отождествляется с сущим-самим-по-себе. Но отсюда логически вытекает, что «истинно» сущее должно соответствовать представлениям «субъекта»-наблюдателя и созданным им научным концептам, а то, что не соответствует научным представлениям – не существует.

Этот тезис, пожалуй, истинен по отношению к познающему индивиду, ведь для него мир таков, каким он представлен в сознании. Это истинно для данного индивида в данное время и в рамках его опыта, однако не истинно само по себе и на все времена. Мы не имеем права приписывать сущему свойства, ненаблюдаемые в опыте, ведь наука может истинно интерпретировать лишь представленность сущего-самого-по-себе в опыте и способы обращения с ним, а никак не будущие события или *возможные* состояния

сущего. В противном случае наука «скатывается» на уровень диалектических (риторических) упражнений, основанных не на истинных посылах, а на общепринятых или «авторитетных» предубеждениях. «Общая эмпирическая точка зрения может быть сохранена в квантовой механике не меньше, чем в классической физике... в то время как альтернативы... вводят дополнительные метафизические обязательства без явного улучшения объяснительных возможностей теории» [5. С. 135–136]. Непонимание этого положения открывает простор для крайних форм релятивизма и уводит учёных-естествоиспытателей от изучения природы к измышлению эмпирически не подтверждаемых гипотез, подобно гипотезе «параллельных миров» и прочего.

Понятие «редукция волновой функции» описывает процесс актуализации материального бытия сущего. В мышлении индивида такая актуализация происходит как акт познания, имеющий результатом осознание некоторого физического явления сущего, когда из бесконечного множества возможностей явленности сущего актуализируется только одна – та, на которую направлено внимание наблюдателя. Изучение микромира поставило перед физиками философские вопросы о соотношении потенциального и актуального бытия, о структуре пространства-времени, о вероятностном характере наших знаний, о сущем и принципах

его познании в целом. Исследуя микромир, физики впервые осознали, что не могут описывать сущее-само-по-себе непосредственно, а в силах лишь статистически описывать вероятность тех или иных физических явлений в определённых условиях наблюдения. «“Знание” – неправильное слово, потому что фундаментальный результат квантовой теории – это не набор фактов, а набор вероятностей. Вероятности в квантовой механике, как и все вероятности, выражают готовность агента использовать их, чтобы делать или делать ставки. Эта готовность основана на личном суждении, основанном на убеждениях агента» [10. Р. 9]. Мы не знаем, жив кот Шрёдингера или нет, до того, как открыли ящик, как не знаем, существует ли частица до её восприятия в процессе наблюдения. Пси-функция описывает лишь вероятность жизни или смерти кота, а не его истинное состояние. До восприятия сознанием существования частицы для нас исключительно потенциально и описывается статистическим распределением вероятностей. Квантовая система не находится до измерения в «смешанном» состоянии (в состоянии квантовой суперпозиции), поскольку до наблюдения физические сущности не имеют актуального состояния, так как ещё не осознаны. Истинность суждений в квантовой механике также устанавливается классическим эмпирическим способом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский А.В. Квантовые измерения. М. : БИНОМ, 2010. 182 с.
2. Владимиров Ю.С. Метафизика. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 568 с.
3. Blum W. A Quantum Mechanics without Subjective Element – An interpretation from an experimental point of view // *Physics and Philosophy*. 2016. Id: 020. URL: https://eldorado.tu-dortmund.de/bitstream/2003/35795/1/qm_without_subjective_element.pdf (дата обращения: 28.05.2020).
4. Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории : дис. ... д-ра филос. наук. М. : ИФ РАН, 2005. 200 с.
5. Dieks D. Quantum Mechanics, Chance and Modality // *Philosophica*. 2010. № 83. P. 117–137.
6. Fuchs C. Qbism: The frontier of quantum Bayesianism. Preprint arXiv:1003.5209v1 [quant-ph]. 2010. URL: <https://arxiv.org/pdf/1003.5209.pdf> (дата обращения: 28.05.2020).
7. Leifer M. Is the Quantum State Real? An Extended Review of ψ -ontology Theorems. 2014. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.1570.pdf> (дата обращения: 28.05.2020).
8. Campbell J. Quantum Darwinism as a Darwinian process. Preprint arXiv:1001.0745 [physics.gen-ph], 2010. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1001/1001.0745.pdf> (дата обращения: 28.05.2020).
9. Фок В.А., Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н., Бор Н. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // *Успехи физических наук*. 1936. Т. XVI, вып. 4. С. 436–457. DOI: 10.3367/UFNr.0016.193604b.0436
10. Fuchs C., Mermin D., Schack R. An Introduction to QBism with an Application to the Locality of Quantum Mechanics. Preprint arXiv:1311.5253 [quant-ph], 2013. URL: <https://arxiv.org/pdf/1311.5253.pdf> (дата обращения: 28.05.2020).
11. Доронин С.И. Нелокальность в окружающем мире. Экспериментальная проверка // *Web-журнал «Интеллектус»*. 2006. URL: <http://www.patent.net.ua/intellectus/temporality/25/ua.html> (дата обращения: 20.05.2017).
12. Maldacena J., Susskind L. Cool horizons for entangled black holes // *Fortschritte der Physik*. 2013. № 61 (9). P. 781–811. Preprint arXiv:1306.0533. DOI: 10.1002/prop.201300020. URL: <https://arxiv.org/pdf/1306.0533.pdf> (дата обращения: 28.05.2020).
13. Einstein A., Rosen N. The particle problem in the general theory of relativity // *Physical Review*. 1935. № 48 (1). P. 73–77. DOI: 10.1103/PhysRev.48.73.
14. Bhaumik M. Was Albert Einstein Wrong on Quantum Physics? // *Quanta*. 2015. Vol. 4, № 1. P. 35–42. DOI: 10.12743/quanta.v4i1.47.
15. North J. The structure of a quantum world, 2013. URL: http://philsci-archive.pitt.edu/9347/1/Final_QM_for_volume.pdf (дата обращения: 28.05.2020).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 мая 2021 г.

Ontological Foundations of Cognition in Quantum Physics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 62–68.

DOI: 10.17223/15617793/468/7

Mikhail V. Kletsin, Samara State Medical University (Samara, Russian Federation). E-mail: samkoms@mail.ru

Keywords: entity; being; possibility; reality; truth; probability.

The aim of the article is to analyze the ontological foundations of quantum mechanics and the relationship of various interpretations of quantum mechanics with the question of truth in scientific knowledge. The theoretical material (various interpretations of quantum mechanics) was analyzed. The research methods were analysis, comparative-historical and institutional approaches. On the basis of the study, it can be concluded that physicists are only able to predict the probabilities of physical phenomena or processes,

without any knowledge of the structure of entity in itself. The study helps to complement the theoretical picture of the ontology of quantum mechanics and to get an idea about the development prospects of the methodology of physical sciences. We should not ascribe properties that are unobservable in experience to the entity because science can truly interpret only the representation of entity in itself in experience and the ways of dealing with it, not future events or possible states of the entity. Otherwise, science “slides” down to the level of dialectical (rhetorical) exercises based not on true premises, but on generally accepted or “authoritative” biases, which gives room to extreme forms of relativism and takes natural scientists away from studying nature to inventing empirically unsupported hypotheses. When, in accordance with the Cartesian ontology, the scientist assumes that the entity is as the “subject” observes it (that is, the “reflection” of the entity in consciousness is identified with entity in itself), this assumption leads the scientist to attempts to “scientifically” describe the future events or the possible states of the entity. The criterion for the truth of a scientific theory put forward by Einstein in his dispute with Bohr remains a fundamentally unattainable ideal. Cognition of nature is probabilistically and fundamentally incomplete since a person can consciously comprehend natural phenomena only within the framework of their representation in the existing being. The probabilistic nature of quantum mechanics is due to the impossibility of knowing things as they exist by themselves, that is, as they exist outside of representation in the mind of the observer. This does not mean that physical entities did not exist before their knowledge: they existed potentially, but were not valid for the observer, that is, conscious. Quantum physics is as incomplete as any other physical theory when compared with an unattainable ideal, but this fact does not negate its truth for modern scientists since quantum theory is based on the results of verified experiments.

REFERENCES

1. Belinskiy, A.V. (2010) *Kvantovye izmereniya* [Quantum measurements.]. Moscow: BINOM.
2. Vladimirov, Yu.S. (2009) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy.
3. Blum, W. (2016) A Quantum Mechanics without Subjective Element – An interpretation from an experimental point of view. *Physics and Philosophy*. ID: 020. [Online] Available from: https://eldorado.tu-dortmund.de/bitstream/2003/35795/1/qm-without_subjective_element.pdf (Accessed: 28.05.2020).
4. Seval'nikov, A.Yu. (2005) *Filosofskiy analiz ontologii kvantovoy teorii* [Philosophical analysis of the ontology of quantum theory]. Philosophy Dr. Diss. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
5. Dieks, D. (2010) Quantum Mechanics, Chance and Modality. *Philosophica*. 83. pp. 117–137.
6. Fuchs, C. (2010) *QBism: The frontier of quantum Bayesianism*. Preprint arXiv:1003.5209v1 [quant-ph]. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/1003.5209.pdf> (Accessed: 28.05.2020).
7. Leifer, M. (2014) *Is the Quantum State Real? An Extended Review of ψ -ontology Theorems*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/1409.1570.pdf> (Accessed: 28.05.2020).
8. Campbell, J. (2010) *Quantum Darwinism as a Darwinian process*. Preprint arXiv:1001.0745 [physics.gen-ph]. [Online] Available from: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1001/1001.0745.pdf> (Accessed: 28.05.2020).
9. Fok, V.A. et al. (1936) Can Quantum-Mechanical Description of Physical Reality Be Considered Complete? *Uspekhi fizicheskikh nauk*. XVI (4). pp. 436–457. (In Russian). DOI: 10.3367/UFNr.0016.193604b.0436
10. Fuchs, C., Mermin, D. & Schack, R. (2013) *An Introduction to QBism with an Application to the Locality of Quantum Mechanics*. Preprint arXiv:1311.5253 [quant-ph]. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/1311.5253.pdf> (Accessed: 28.05.2020).
11. Doronin, S.I. (2006) Nelokal'nost' v okruzhayushchem mire. Eksperimental'naya proverka [Nonlocality in the outside world. Experimental check]. *Intelektus*. [Online] Available from: <http://www.patent.net.ua/intellectus/temporalogy/25/ua.html> (Accessed: 20.05.2017).
12. Maldacena, J. & Susskind, L. (2013) Cool horizons for entangled black holes. *Fortschritte der Physik*. 61 (9). pp. 781–811. Preprint arXiv:1306.0533. DOI: 10.1002/prop.201300020. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/1306.0533.pdf> (Accessed: 28.05.2020).
13. Einstein, A. & Rosen, N. (1935) The particle problem in the general theory of relativity. *Physical Review*. 48 (1). pp. 73–77. DOI: 10.1103/PhysRev.48.73.
14. Bhaumik, M. (2015) Was Albert Einstein Wrong on Quantum Physics? *Quanta*. 4 (1). pp. 35–42. DOI: 10.12743/quanta.v4i1.47.
15. North, J. (2013) *The structure of a quantum world*. [Online] Available from: http://philsci-archive.pitt.edu/9347/1/Final_QM_for_volume.pdf (Accessed: 28.05.2020).

Received: 12 May 2021

Н.Г. Митина

ТЕМА ЛЮБВИ В РУССКИХ ФИЛОСОФСКИХ УТОПИЯХ 1920–1930-х гг. (А. ПЛАТОНОВ И С. КАЛАЧОВ)

Рассматривается роль чувств в формировании общества будущего на примере двух концепций, созданных в первой половине XX в. в России – проектах А. Платонова и С. Калачова, которые можно отнести к философии любви. Обращается внимание на внимание к проблеме пола и чувственному аспекту в утопических проектах данного периода. Определено, что рассматриваемые концепции отражают особенности эпохи, их создавшей, предлагают свое решение проблемы взаимоотношения полов и раскрывают значение любви.

Ключевые слова: утопия; проект; любовь; взаимоотношения полов; целомудрие; эрос; жизнемудрие; эротика.

После революционных событий 1917 г. в России начинаются грандиозные перемены, связанные со сменой ценностных ориентиров, попыток реализации проектов переустройства общества. Чувство свободы распространяется на все сферы жизни общества. По мнению М. Эпштейна, это время, когда происходит пересечение социальной и сексуальной параллели, идеология и порнография предстают как «две формы ментальности: “идео” и “порно”» [1. С. 396–397]. Это время, когда многим кажется возможным реализовать самые смелые идеи, что приводит к появлению новых проектов светлого будущего. Остановимся на двух концепциях, относящихся к философии пола, любви, – это утопии А. Платонова и С. Калачова. Каждая имеет свою специфику и одновременно в них есть черты сходства, отражающие особенности эпохи, ставшей причиной их появления. Например, А. Платонов меняет свое отношение к чувству любви, взаимоотношению полов на протяжении жизни: если в первый период, захваченный грандиозными изменениями в стране, он близок к идеям технократизма и символизма, то в 1930-е гг., постепенно, его отношение начинает меняться под влиянием происходящих в стране изменений. Напротив, в творчестве С. Калачова таких трансформаций не происходит, и вопросы взаимоотношения полов, их роль в жизни общества остаются ключевыми, он придерживается своей концепции и развивает ее на протяжении всей жизни.

В утопии А. Платонова 1920-х гг. особая роль отводится машине, которая становится живым организмом. Философ сопоставляет женщину и машину между собой, что отражает особенности культуры авангарда, где, отмечает В. Подорога, машина является символом «*новой высшей Реальности, заместившей собой старую, – реальность Природы*», это «*обесчеловеченная*» Природа, ставшая самым бытием [2. С. 242–243]. Машина, как символ гештальта рабочего (Э. Юнгер) [3], становится для А. Платонова, как создателя марксистского проекта будущего общества, символом нового рационального мира и отказа от всего чувственного [4. С. 152]. М.Я. Геллер подчеркивает, что у А. Платонова «страсть к науке и страсть к женщине ощущаются идентично» [5. С. 71].

Философ создает царство духа, где должна быть уничтожена плотская любовь. Этому вопросу он касается во многих своих произведениях, где останавливается на том, какую роль целомудрие сыграет в об-

ществе будущего. Он подчеркивает, что любая цивилизация – это «последствие целомудрия», которое сохраняет силы на производство потомства, труд и созидание нового. Однако если раньше целомудрие было недостаточным, то теперь «наступило время совершенно целомудренного человека», человека, который создаст великую цивилизацию, «вечность превратит в силу и переживет и землю, и само время» [6. С. 99–112]. Платонов неоднократно заявляет о необходимости изгнания полового инстинкта, проповедует идеалы аскетизма в новом обществе, где необходимо будет победить женщину – пол, «родить в себе новую душу – пламенную победившую мысль», которая «будет невестой человеку» [7. С. 519–521]. Он предлагает способы регуляции сферы пола, ставшие возможным благодаря техническому прогрессу [8. С. 138–150]. Целомудрие мужчин и девственность женщин, таким образом, должны стать нормой в будущем, а пол и семья рассматриваются как препятствие на пути строительства коммунизма. Философ рассматривает пол как препятствие на пути строительства светлого будущего, как нечто, требующее сил, трата которых не рациональна.

В допролетарский период, указывает философ, сущностью человека был пол, и культура была приспособлена к полу, врагом которого была смерть. Революция стала толчком возрождению человечества, культура пролетариата – это господство сознания, культура определяется сознанием, «сознание станет душой пролетариата», как душой буржуазии был пол. Врагом становится Тайна, стоящая на пути к Истине, сущности и душе сознания. Будущее для А. Платонова – это завоевание Истины, «источника вечного и последнего нашего блага» [9. С. 25–30]. Таковы взгляды философа на развитие человечества, и они находят отражение в его концепции будущего общества.

В созданной А. Платоновым утопии разум заменяет чувства, а творческий потенциал направлен на создание нового общества, и проводником в будущее будет духовная невеста (Каспийская невеста) – «первая сестра и миру всему и человеку в одно время» [10. С. 370]. Невеста – это невозможное, «к невозможному летят наши души» [11. С. 534]. Следовательно, философ стремится создать царство духа, преодолев плотские чувства.

Отсюда и отношение А. Платонова к женщине и женскому как чуждому новому обществу, ущербному,

что прослеживается во многих ранних произведениях философа («женщина – путь и средство, сын ее – цель и смысл пути») [12; 13. С. 262; 14. С. 547]. В то время как мужчина выступает у него как полноценный человек, перед которым поставлена задача создания нового общества и нового человека, страсть-пол должен быть уничтожен сознанием, «не женщина – пол со своей красотой-обманом, а мысль будет невестой человеку» [7. С. 519]. Любовь противопоставляется сексу, и для А. Платонова отсутствие любви в отношениях между полами является символом буржуазных сексуальных потребностей. Однако идеал аскетизма, являющийся одним из основных принципов социального проекта, может нарушаться природной составляющей пола. Для сохранения аскетического идеала философ допускает в новом обществе присутствие только женщин «без увлекательности», «елеле», женщин-сподвижниц, отказывающихся от любви и семьи, и «будущих супругов», доставленных маршевым порядком [13. С. 152–232]. Таким образом, женщина в этом случае имеет в новом обществе второстепенное значение.

Но вместе с этим мы видим мысли философа о значении женщины в мире, где женщина и мужчина выступают как «два лица одного существа – человека», и связующим звеном в этих отношениях выступает ребенок. А. Платонов определяет роль женщины-матери, способной победить смерть, подготовит «искупление вселенной», но совершит «это искупление ее дитя, рожденное совестью мира и кровью материнского сердца». Он определяет будущее человечества как царство сына, искупившего мир и себя [15]. Таким образом, в «Душе мира» философ, основываясь на христианском учении, раскрывает назначение женщины – рождение нового человека, который выступит Спасителем будущего мира.

Одновременно А. Платонов предлагает идеал женщины будущего, представленный в образе Розы Люксембург – это образованная женщина, женщина с большой буквы, имеющая «особое искусство личности», «вроде коммунизма» и отношения с ней духовные, а не плотские, это платоническая любовь. Образ Розы воспринимается им как продолжение матери [13. С. 196, 366]. В этом, по мнению философа, заключается сущность подлинной женщины, достигающей у него религиозного образа Богородицы и, соответственно, обладающей ее чертами – материнская добродетель и аскетизм плоти, что было отмечено выше в более ранних произведениях философа [15]. И второй тип женщины – это «женщина для безотцовщины», женщина для всех [13. С. 259–263], противопоставленная Святой. В «Чевенгуре» это противопоставление двух полюсов женского отмечено философом и свидетельствует о наличии двух противоположностей, каждая из которых выполняет свою роль по отношению к мужчине. С одной стороны, женщина может сподвигнуть мужчину на творчество, а с другой – чувства ослабляют мужчину и он лишается способности творить. Это двойственная природа женщины, отмеченная А. Платоновым, становится силой, способной изменить мир, отсюда и постепенное изменение отношения к женскому, природно-

му/чувственному, которое наблюдается в «Чевенгуре», где пробуждается эта могучая сила любви, разрушающая сам Чевенгур.

В последующий период философ приходит к выводу, что уничтожение чувственности, женского, на котором он настаивал ранее, может привести к гибели не только коммунистическую идею, но и весь мир. В «Техническом романе» он отмечает роль «организационной остужающей дисциплины», изуродовавшей свежую творческую энергию жизни – «душу» и указывает на неприкосновенность земного шара [16. С. 29]. В «Эфирном трактате» подчеркивает, что насилие над природой даже «в интересах целого мира» – преступление, природа «глубже, больше, мудрее и разноцветней всех людей». Теперь для А. Платонова наука становится страстью познания мира и сравнивается с любовью: «Наука стала жизненной физиологической страстью, такой же неизбежной у человека, как пол» [17. С. 175, 209–210]. Происходит изменение отношения к чувствам, противопоставление чувств и сознания [18. С. 39–40; 13. С. 135; 19. С. 421–422], что свидетельствует об изменении отношения философа к природному, чувственному аспекту в человеческих отношениях. Например, в «Ювенильном море» [20] впервые, как отмечает М.Я. Геллер, А. Платонов заменяет дружбу мужчин на дружбу между мужчиной и женщиной, и эта дружба выступает одновременно и любовью [5. С. 308]. В Записных книжках он прямо указывает: «Всякая мысль, всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь и нечестность» [21. С. 44]. Любовь, таким образом, должна стать в новом обществе способом познания бытия, что делает возможным установление гармонии между чувством любви и идеями коммунизма.

В «Счастливой Москве» философ далее раскрывает противостояние чувств и ума, природного и рационального. Здесь любовь приобретает особое значение, счастье зависит «не от сознания, а от сердечной силы и здоровья», природному началу отводится особая роль, а женский образ выступает символом «женственной человечности» [22. С. 18–19]. От любви, сподвигающей творца к созиданию нового общества, он переходит к любви чувственной – «почувствовал свое тоскующее, опустевшее сердце»; любви к женщине: «теперь эта природа сомкнулась... в одно тело». Созидатель-творец понимает, что «самое лучшее чувство состоит в освоении другого человека, в разделении тягости и счастья второй, незнакомой жизни» и «любить наверное надо». Здесь он уже утверждает, что «любовь не может быть коммунизмом» [22. С. 36, 48, 52–53]. Таким образом, А. Платонов осознает значимость природного чувственного начала в развитии нового общества.

Эти выводы философа находят продолжение и в других его произведениях, где подчеркивается необходимость в другом – «почувствовал... поспешное биеение ее сердца... убедился теперь, что помощь к нему придет лишь от другого человека» [23. С. 115]; желание любви не к будущему, а настоящему, земному, где – «благородная мечта... превращалась в насла-

ждение, точно сразу же осуществляясь» [24. С. 146–147]. В последних заметках в Записных книжках он делает вывод: «Любовь есть соединение любимого человека основными и искреннейшими идеями – осуществление через него (любимого – любимую) своего смысла жизни» [21. С. 44]. Любовь приобретает у А. Платонова особое значение – она выступает связующим и созидющим началом, с помощью которого человек связан с миром и которое способно преобразовать не только человека, но и весь мир в целом. Мы видим, что концепция любви А. Платонова во многом совпадает с точкой зрения А. Коллонтай, которая уделяла много внимания роли чувства любви в создаваемом коммунистическом обществе: «Без любви человечество почувствовало бы себя обокраденным, обделенным, нищим. Нет никакого сомнения, что любовь станет культом будущего человечества» [25. С. 45].

В основе второй концепции также лежит чувственный аспект. Произведения С. Калачова стали известны благодаря публикации М. Эпштейна и И. Шевелева в журнале «Звезда», но это лишь малая часть его трудов, которые авторы публикации относят к эротическому направлению, распространенному среди писателей 1920–1930-х гг. [26]. Необходимо отметить, что к эротическому направлению можно отнести и творчество А. Платонова, о котором шла речь выше, и отдельных представителей марксизма – знаменитый «крылатый эрос» А. Коллонтай [27]. С. Калачов вводит свое понятие в новую литературу, это понятие «эроики» – синтез героики и эротизма, формируя свою концепцию взаимоотношения полов в будущем новом обществе.

В проекте С. Калачова представлены основы «мыслеплотского» мировоззрения или, как определяют авторы публикации, «марксистского раблезианства» [26. С. 228–229, 247]. Философ предпринимает попытку раскрыть взаимоотношения полов через особенности мужского и женского восприятия. Так, в повести «Из угла в угол» повествование ведется от лица мужчины и женщины, что позволило выявить эту специфику: более свободный, раскрепощенный взгляд мужчины и более закрытый женский. Например, для мужчины символом будущего, идеалом коммунизма выступает «полная женская грудь, не вмещающаяся в мужские ладони», одновременно выступающая мечтой о слиянии людей в любви. С. Калачов, как и А. Платонов, указывает на энергию любви, которой делятся пролетарии, обретая постепенно умение управлять страстью, тогда это и будет настоящая любовь, и масштабы ее огромны. Если мужчина отмечает, что главное орудие любви голова, разум и большевики не должны стесняться своего тела, так как «все тело – лицо». То женщина, наоборот, отрицает свое тело и восхищается телом мужчины, одновременно выступая «за счастье освобожденной любви», и подчеркивая, как и мужчина, что стыд является буржуазным пережитком и «наш человек должен весь наружу открыться перед товарищами» [28]. Следовательно, концепция С. Калачова и А. Платонова имеет определенные точки соприкосновения, характерные для утопий этого периода. Это и связь техники и человека, их

слияние во имя светлого будущего, противопоставление разума и чувств, попытки создания нового языка в новом обществе.

С. Калачов считает, что настоящий коммунист должен стать сверхчеловеком, для которого не действуют принятые нормы. И в решении этой задачи мужчина стремится к постижению истины, а не к чувственному наслаждению [29], что отмечает в своих произведениях и А. Платонов [24]. С. Калачов останавливается на связи электричества и любви, подчеркивая, что любовь является «абсолютным проводником», ее надо «свести к математическим функциям», а «страсти можно копить в себе, как электричество». Он утверждает, что «вслед за инженерами должны идти армии любовников, готовя мир к решающим изменениям» [30; 31. С. 236–238]. Подобные идеи мы находим и у А. Платонова в его повести «Эфирный тракт» или рассказе «Потомки солнца» [17, 18]. Но в отличие от А. Платонова С. Калачов выступает против девственности, считая это обособлением от общества, и, следовательно, за девство надо раскулачивать [32]. Таким образом, будущее для С. Калачова, в отличие от А. Платонова, должно привести к раскрепощению чувств, познанию настоящей свободной любви, в которой раскроется натура каждого пола.

Несмотря на присутствие отдельных черт технократизма и рациональности в этом проекте, например сравнение любви с кузнечным молотом, куящим мужчину, а мужчину куящим женщину, использование понятия «любовный тейлоризм», С. Калачов не отрицает значение чувств в новом обществе и отмечает возникновение новой любви, способной переделать человека, любви вселенской, космической, коммунистической любви, которая «пропагандирует себя, освещая, как прожектор, будущее». И в этом процессе создания новой любви, по мнению философа, существует средство не допустить превращения любви в буржуазный разврат – это революция: «Если удастся любовь, то и армия будет не нужна». Эта новая любовь может разжечь мировой пожар, когда из огонька любви каждого человека постепенно разгорается любовь вселенной, и она очищает лучше огня [31]. Уже в своих ранних произведениях он отводит особую роль чувству любви в обществе будущего, подчеркивает ее созидательные силы и, в отличие от А. Платонова, не отрицает значение плотских отношений между мужчиной и женщиной, более того, подчеркивает необходимость наличия другого в этих отношениях. В этом он близок к трактовке любви в новом обществе у А. Коллонтай, которая дает ей такую характеристику: «В этом новом, коллективистическом по духу и эмоциям обществе, на фоне радостного единения и товарищеского общения всех членов трудового творческого коллектива Эрос займет почетное место как переживание, приумножающее человеческую радость... В этом новом мире признанная, нормальная и желательная форма общения полов будет, вероятно, покоиться на здоровом, свободном, естественном (без извращений и излишеств) влечении полов, на “преображенном Эросе”... Окрепнет уважение к личности другого, умение считаться с чужими нравами, разовьется взаимная душевная чуткость, вырастет стрем-

ление выявлять любовь не только в поцелуях и объятиях, но и в слитности действия, в единстве воли, в совместном творчестве» [27. С. 128–129].

К сожалению, до нас не дошел роман-эпопея 1930-х гг. «Любомор», утраченный в годы войны, где С. Калачов развивает тему любви и ее связь со смертью. Но особый интерес представляют более поздние произведения, его заметки по «жизнемудрию» (не относящиеся к периоду нашего исследования), в них он уделяет внимание вопросу взаимоотношения полов, продолжая тему телесности, подчеркивая значение низвержения патриархата и значение женщины в обществе будущего, где мужчина должен «женствовать». Здесь раскрывается тема женского и женственности, подчеркивается значение женщины в «межтелесном рае», где возрастает значение чувств, а любовь представляет «отстранение/воскрешение тела». Он подчеркивает, что «нужны две любви, чтобы одной остраивать и делать более ощутимой другую». С. Калачов приходит к выводу, что в 1920-е гг. строители нового общества не использовали возможности этого времени и «убили» чувства, сделав учение К. Маркса сухим, безжизненным, безжалостным «к природе и плоти», а не придав ему чувственную теплоту. В то время как в концепции С. Калачова, отмечает М. Эпштейн, присутствует «ощущение бесконечно живого, родного» [1. С. 378].

Он отмечает необходимость стать «единым общественным телом» и обращается к теме андрогина, что связывает его с философией Серебряного века. О. Матич, исследуя эротическую утопию данного периода, отмечает, что андрогин, как искусственный пол, «обитающий вне органического целого и вне истории... выступал одновременно в роли эстетизированного фетиша и единого пола, который восстанавливает целое и обеспечивает тело бессмертием после конца природы и истории» [33. С. 24], что характерно и для концепции философа. С. Калачов указывает, что через слияние мужчины и женщины в андрогина человечество реализует «мечту о том, чтобы все общество, а в перспективе и все человечество, стало одним телом. Это и есть настоящий коммунизм». Задача – прийти к «совместной телесной жизни», и коммунистическая чувственность «нас объединит с собой и друг с другом» [34].

Таким образом, жизнемудрие С. Калачова выстраивается в концепцию любви, философию любви, ко-

торая, по его мнению, начинала реализовываться в свободной стихии революционных событий, но была утрачена, и, как результат, коммунизм потерял свою жизненную наполненность, энергию.

В целом можно отметить, что рассмотренные концепции очень ярко демонстрируют характерные черты эпохи, в них любовь становится обретением «человеком полной меры себя», путем к бессмертию, способностью индивида «стать всем для другого» [1. С. 11, 209]. Однако, как указывает М.Я. Геллер, в 1930-е гг. А. Платонов уже понял, «что утопия, в которой душа уничтожается, победила утопию, мечтавшую о братских отношениях людей с возрожденной душой» [5. С. 125]. А. Дугин, исследуя утопию А. Платонова, обращается к характеристике пола и любви в России и приходит к выводу: «Революционный большевистский пол обнажает затаенную и противоразумную почву полового вопроса... Это особый, бесстыдный и аскетический, децентрированный и вынесенный в вопросительное безумие, не раскладывающийся на составляющие комплексы, пол. Таким полом обладают, видимо, ангелы». По его мнению, этот пол требует «искусного обратного ввержения вовнутрь, в исходную матрицу, томительно ожидает засовывания в причинное, цельное, солнечно-антикапиталистическое, обобществленное, вечное время» [35. С. 7]. Следовательно, послереволюционные утопии, как и большевистская утопия, обнажают существование в России проблемы взаимоотношения полов и предлагают свои пути ее решения, обращаясь к чувственным аспектам пола, где особая роль отводится любви.

Однако предлагаемые в данных проектах способы решения остаются не реализованными утопиями. Эти яркие примеры свободомыслия быстро пресекаются властью. Государство, взявшее на себя заботу о своих гражданах, мужчинах и женщинах, одновременно присваивает себе и право контроля над их жизнью. Фактически в условиях тотального господства государства был установлен запрет на право быть полом. Патерналистская политика формировала свой тип женщины, освобожденной сверху, и тип мужчины, лишённого отцовской власти, которую на себя брало государство. Это исключало наличие индивидуальности, необходимой для реализации свободы отношений и решения проблемы пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпштейн М. Любовь. М. : РИПОЛ классик, 2018. 568 с.
2. Подорога В.А. Книга четвертая. Евнух души // Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы : в 2 т. Т. 2, ч. 1: Идея произведения. Experimentum crucis в литературе XX века. А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. М. : Культурная революция, 2011. С. 239–421.
3. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб. : Наука, 2000. С. 55–440.
4. Митина Н.Г. Дискурс будущего в русской социокультурной утопии. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014. 240 с.
5. Геллер М.Я. Андрей Платонов в поисках счастья. 2-е изд. М. : МИК, 2000. 432 с.
6. Платонов А.П. Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия // Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / вступ. ст. А. Битова ; под ред. Н.М. Мылыгиной. Собр. соч. Т. 1. М. : Время, 2011. С. 99–112.
7. Платонов А.П. Но одна душа у человека // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1985. Т. 3. С. 519–521.
8. Платонов А.П. Антисексус // Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / вступ. ст. А. Битова ; под ред. Н.М. Мылыгиной. Собр. соч. Т. 1. М. : Время, 2011. С. 138–150.
9. Платонов А.П. Культура пролетариата // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., ком. Н.В. Корниенко, подгот. текста Н.Н. Корниенко и Е.В. Антоновой. Собр. соч. Т. 8. М. : Время, 2011. С. 17–30.
10. Платонов А.П. Рассказ о многих интересных вещах // Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / вступ. статья А. Битова ; под ред. Н.М. Мылыгиной. Собр. соч. Т. 1. М. : Время, 2011. С. 347–398.

11. Платонов А.П. Из писем к жене // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1985. Т. 3. С. 531–540.
12. Платонов А. Питомник нового человека // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н.В. Корниенко; подгот. текста Н.Н. Корниенко и Е.В. Антоновой. Собр. соч. Т. 8. М. : Время, 2011. С. 633–640.
13. Платонов А.П. Чевенгур: Роман. М. : Сов. Россия, 1989. 384 с.
14. Платонов А.П. «Труд есть совесть». Из записных книжек разных лет // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1985. Т. 3. С. 541–550.
15. Платонов А. Душа мира // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., комментарии Н.В. Корниенко ; подготовка текста Н.Н. Корниенко и Е.В. Антоновой. Собр. соч. Т. 8. М. : Время, 2011. С. 595–597.
16. Платонов А. Технический роман. Серия: Библиотека «Огонёк». № 28. М. : Правда, 1991. 48 с.
17. Платонов А.П. Эфирный тракт // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 1. С. 151–220.
18. Платонов А.П. Потомки солнца (Фантазии) // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 1. С. 32–40.
19. Платонов А. Котлован // Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / под ред. Н. М. Малыгиной. Собр. соч. Т. 2. М. : Время, 2011. С. 411–534.
20. Платонов А. Ювенильное море. Море юности // Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / под ред. Н.М. Малыгиной. Собр. соч. Т. 4. М. : Время, 2011. С. 351–432.
21. Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. Серия: Библиотека «Огонёк». № 16. М. : Правда, 1990 г. 48 с.
22. Платонов А. Счастливая Москва // Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. Собр. соч. Т. 4. М. : Время, 2011. С. 9–110.
23. Платонов А.П. Джан // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 2. С. 7–115.
24. Платонов А.П. Фро // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 2. С. 128–148.
25. Коллонтай А. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М. : Изд-во Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919. С. 36–47.
26. Эпштейн М., Шевелев И. Корпус Х. Эротическая утопия Степана Калачова // Звезда. 2015. № 7. С. 227–247.
27. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // К. Цеткин, А. Коллонтай. Чего хотят женщины? М. : Алгоритм, 2014. С. 115–130. URL: https://www.litres.ru/aleksandra-kollontay/chego-hotyat-zhenschiny/?track=from_all_books_my (дата обращения: 13.06.20).
28. Калачов С. Из угла в угол // Звезда. 2015. № 7. С. 230–232.
29. Калачов С. На Пасху // Звезда. 2015. № 7. С. 233.
30. Калачов С. Любовь и электричество // Звезда. 2015. № 7. С. 233–234.
31. Калачов С. Любовь и время. Из дневников и заметок 1920–1930 гг. // Звезда. 2015. № 7. С. 236–240.
32. Калачов С. Раскулаченное девство // Звезда. 2015. № 7. С. 236.
33. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России / авторизованный пер. с англ. Е. Островской. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.
34. Калачов С. Жизнеумудрие. Из заметок 1950–1960-х гг. // Звезда. 2015. № 7. С. 240–243.
35. Дугин А.Г. Магический большевизм Андрея Платонова // Русская Вещь. 1999. URL: <http://arcto.ru/article/214> (дата обращения: 29.06.2020). 8 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 июня 2021 г.

The Theme of Love in Russian Philosophical Utopias of the 1920s and 1930s (Andrei Platonov and Stepan Kalachov)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 69–74.

DOI: 10.17223/15617793/468/8

Natalya G. Mitina, Far Eastern State Institute of Arts (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Millkonf@yandex.ru

Keywords: utopia; project; love; gender relations; chastity; Eros; life wisdom; *eroica*.

The article discusses the role of feelings in shaping the society of the future using two concepts created in the 1920s and 1930s in Russia. These are the projects of Andrei Platonov and Stepan Kalachov, which can be attributed to the philosophy of love. The concepts reflect the features of the post-revolutionary era and are linked to the transformation of the period. Despite some similarities between the projects, each has its own characteristics. Platonov's conception is characterized by a transformation we witness at the end of the 1930s, which was connected with the change of the philosopher's attitude to the development of society and the relationship between the sexes, and was due to the construction of communism in the country and the methods used for this purpose. There is no such change in the utopia of Kalachov's *eroica*, and the basic precepts laid down in the 1920s continue to evolve further into the concept of life wisdom. The first period in Platonov's work is connected with the ideas of technocracy and asceticism in the relationship between the sexes. In this regard, the sensual aspect is suppressed and destroyed as an impediment to the grand transformation of society; hence the new techniques of destroying sexual instinct, preaching chastity. In the society to be created, the mind suppresses feelings, which determines the attitude to the woman and the feminine that become of secondary importance. Gradually, the philosopher becomes disillusioned with the ongoing transformations of the Bolsheviks, and his attitude towards women and feelings changes. Kalachov's *eroica* conception refers to erotic utopia and represents the synthesis of eroticism and heroics of the era. Kalachov reveals the sensual and bodily aspect of the society of the future. He has the ideas of technocracy, which relates him to Platonov's conception. However, Kalachov does not abandon feelings in the new society, and the theme of love is central to him. Some features of the conception echo the views of some members of the Marxist ideology (Alexandra Kollontai), but generally do not reflect the views of the official authorities. Both projects reflect the characteristics of the era that created them, offer a solution to the problem of gender relations, and reveal the importance of love in society. Love in these projects is a transformative beginning that can change the human being and society, and lead the world to universal harmony. However, in the context of the communist project, in which the spirit of freedom of the first post-revolutionary years was destroyed, they could not be realized and remained utopias.

REFERENCES

1. Epshteyn, M. (2018) *Lyubov'* [Love]. Moscow: RIPOL klassik.
2. Podoroga, V.A. (2011) *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury: v 2 t.* [Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature: in 2 volumes]. Vol. 2 (1). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 239–421.
3. Jünger, E. (2000b) *Rabochiy. Gospodstvo i geshal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Domination and gestalt; Total mobilization; About Pain]. Translated from German by A.V. Mikhaylovsky. St. Petersburg: Nauka. pp. 55–440.
4. Mitina, N.G. (2014) *Diskurs budushchego v russkoy sotsiokul'turnoy utopii* [Discourse of the future in Russian sociocultural utopia]. Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service.
5. Geller, M.Ya. (2000) *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrey Platonov in search of happiness]. 2nd ed. Moscow: MIK.

6. Platonov, A.P. (2011) Rodonachal'niki natsii, ili Bespokoynye proisshestviya [The founders of the nation, or Troubled incidents]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Vremya. pp. 99–112.
7. Platonov, A.P. (1985) No odna dusha u cheloveka [But man has one soul]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 519–521.
8. Platonov, A.P. (2011) Antiseksus [Antisexual]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Vremya. pp. 138–150.
9. Platonov, A.P. (2011) Kul'tura proletariata [The culture of the proletariat]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 8. Moscow: Vremya. pp. 17–30.
10. Platonov, A.P. (2011) Rasskaz o mnogikh interesnykh veshchakh [A story about many interesting things]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Vremya. pp. 347–398.
11. Platonov, A.P. (1985) Iz pisem k zhene [From letters to the wife]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 531–540.
12. Platonov, A. (2011) Pitomnik novogo cheloveka [Nursery of a new person]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 8. Moscow: Vremya. pp. 633–640.
13. Platonov, A.P. (1989) *Chevengur: Roman* [Chevengur: A novel]. Moscow: Sov. Rossiya.
14. Platonov, A.P. (1985) “Trud est' sovest'”. Iz zapisnykh knizhek raznykh let [“Labor is conscience”. From notebooks of different years]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 541–550.
15. Platonov, A. (2011) Dusha mira [Soul of the World]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 8. Moscow: Vremya. pp. 595–597.
16. Platonov, A. (1991) *Tekhnicheskii roman. Seriya: Biblioteka “Ogonek”. № 28* [Technical novel: Ogonyok Library Series. No. 28]. Moscow: Pravda.
17. Platonov, A.P. (1984) Efirnyy trakt [Etheric tract]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 151–220.
18. Platonov, A.P. (1984) Potomki solntsa (Fantazii) [Descendants of the Sun (Fantasy)]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 32–40.
19. Platonov, A. (2011) Kotlovan [The Foundation Pit]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 2. Moscow: Vremya. pp. 411–534.
20. Platonov, A. (2011) Yuvenil'noe more. More yunosti [Juvenile Sea. The sea of youth]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 4. Moscow: Vremya. pp. 351–432.
21. Platonov, A. (1990) *Derevyannoe rastenie. Iz zapisnykh knizhek. Seriya: Biblioteka “Ogonek”. № 16* [Wooden plant. From notebooks. Ogonyok Library Series. No. 16]. Moscow: Pravda.
22. Platonov, A. (2011) Schastlivaya Moskva [Happy Moscow]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 4. Moscow: Vremya. pp. 9–110.
23. Platonov, A.P. (1984) Dzhan [Jan]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 7–115.
24. Platonov, A.P. (1984) Fro. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 128–148.
25. Kollontai, A. (1919) *Novaya moral' i rabochiy klass* [New morality and the working class]. Moscow: Izd-vo Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov. pp. 36–47.
26. Epshteyn, M. & Shevelev, I. (2015) Korpus X. Eroticheskaya utopiya Stepana Kalachova [Corpus X. The erotic utopia of Stepan Kalachov]. *Zvezda*. 7. pp. 227–247.
27. Kollontay, A.M. (2014) Dorogu krylatomu erosu! (Pis'mo k trudyashcheysya molodezhi) [Make way for winged eros: A letter to the working youth]. In: Zetkin, K. & Kollontai, A. *Chego khotyat zhenschiny?* [What do women desire?]. Moscow: Algoritm. pp. 115–130. [Online] Available from: https://www.litres.ru/aleksandra-kollontay/chego-hotyat-zhenschiny/?track=from_all_books_my (Accessed: 13.06.20).
28. Kalachov, S. (2015) Iz ugla v ugol [From corner to corner]. *Zvezda*. 7. pp. 230–232.
29. Kalachov, S. (2015) Na Paskhu [At Easter]. *Zvezda*. 7. p. 233.
30. Kalachov, S. (2015) Lyubov' i elektrichestvo [Love and electricity]. *Zvezda*. 7. pp. 233–234.
31. Kalachov, S. (2015) Lyubov' i vremya. Iz dnevnikov i zametok 1920–1930 gg. [Love and time. From the diaries and notes of the 1920s–1930s]. *Zvezda*. 7. pp. 236–240.
32. Kalachov, S. (2015) Raskulachennoe devstvo [Deloved virginity]. *Zvezda*. 7. p. 236.
33. Matich, O. (2008) *Eroticheskaya utopiya: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle]. Translated from English by E. Ostrovskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
34. Kalachov, S. (2015) Zhiznemudrie. Iz zametok 1950–1960-kh gg. [Wisdom of Life. From notes of the 1950s–1960s]. *Zvezda*. 7. pp. 240–243.
35. Dugin, A.G. (1999) Magicheskiy bol'shevizm Andrey Platonova [Magic Bolshevism of Andrei Platonov]. *Russkaya Veshch'*. [Online] Available from: <http://arcto.ru/article/214> (Accessed: 29.06.2020).

Received: 02 June 2021

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.05

В.Н. Иванов

ПОТЕНЦИАЛ ОСНОВНЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Исследуется организационный, финансовый и политический потенциал основных политических партий России. Проведен сравнительный анализ их ресурсов, который выявил высокий уровень диспропорции в потенциалах «Единой России» и партий парламентской оппозиции – КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Названы причины, вызвавшие такую ситуацию в российской партийной системе. Показано, как потенциал «Единой России» используется для обеспечения стабильности политического режима.

Ключевые слова: политическая партия; потенциал; организационная структура; финансы; органы государственной власти; местное самоуправление.

Партийная система России за последние десятилетия прошла ряд реформ и в настоящее время находится в стадии стабильного функционирования, которое обеспечивается за счет влияния нескольких факторов. Прежде всего это высокая степень государственного регулирования партийной деятельности, включающего внешние ограничения и административное вмешательство, определяющие действия и стиль поведения партий [1. С. 64]. Другим фактором является сложившийся в партийной системе определенный баланс сил между доминирующей партией «Единая Россия» (ЕР), тесно связанной с президентом, и партиями системной оппозиции – КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» (СР). И наконец – иерархичность построения российской партийной системы: доминирующая партия (ЕР) – ее лояльные сателлиты, включая СР и ЛДПР, – ее политические противники, в числе которых КПРФ и «Яблоко» [2. С. 141]. Такая иерархичность, а также значительная разница в ресурсном потенциале партий определяют различные уровни их включенности в политический процесс, что делает устойчивой партийную систему из-за стабилизации образующих ее размежеваний и высокого входного барьера электро-рынка [3. С. 195–196].

В существующих условиях реальное влияние на современную российскую политику оказывают только основные партии – ЕР, КПРФ, ЛДПР и СР, входящие в ядро партийной системы, представленные в федеральном парламенте и других органах публичной власти. Изучение ресурсов, которыми располагает каждая из них, позволяет объективно оценить конкурентные возможности партий, определить соотношение сил между партией власти ЕР и ее основными оппонентами. Для решения этой задачи в исследовании рассматривается организационный, финансовый и политический потенциал партий.

При анализе организационного потенциала партий акцент сделан на оценке состояния организационной структуры и кадровых ресурсах. Учитывались такие показатели, как наличие региональных и местных отделений, количество первичных партийных организаций в муниципальных образованиях, число конкурентоспособных кандидатов, победивших на выборах в федеральный и региональные парламенты, и представители, избранные главами субъектов РФ.

Финансовые возможности партий характеризуются состоянием бюджетов: величиной доходов, источниками поступления и основными статьями расходов. В качестве главного критерия взята возможность партии обеспечить осуществление текущей деятельности и профинансировать свою избирательную кампанию на федеральных выборах. В этой связи бюджеты рассматриваются в статье с учетом таких параметров, как максимально допустимый объем ежегодных пожертвований (4,33 млрд руб.); предельная сумма избирательного фонда партии на парламентских выборах (700 млн руб.), а также минимальные финансовые расходы партии, которые позволили преодолеть 5%-й барьер на последних парламентских выборах. В 2016 г. это была КПРФ, затратившая на свою избирательную кампанию 355 млн руб. Исходя из этого, предлагается подразделить партийные бюджеты на достаточные (от 0,7 до 4,33 млрд руб.), минимально достаточные (от 355 млн до 700 млн руб.) и ограниченные – с доходами ниже указанного минимума. Кроме этого, бюджеты партий, получающих поддержку от государства, целесообразно разграничить на сбалансированные, где доля государственных средств не превышает половины, и несбалансированные, в которых она составляет более половины доходов.

Политический потенциал партий определяется в исследовании по масштабам их представительства в органах государственной власти и местного самоуправления. Прежде всего оцениваются возможности партии влиять на законодательный процесс в федеральном и региональных парламентах. Учитывается количество мандатов у партии, необходимых для принятия законов, включая конституционные. В случаях, когда каждая из партий в парламенте имеет менее половины мандатов, их потенциал оценивается с использованием индекса Банцафа, в основе которого лежит число возможных выигрывающих коалиций, обеспечивающих принятие решений, в составе которых партия является ключевой¹. С учетом названных критериев предлагается подразделить партии на те, которые имеют абсолютное, полное и относительное влияние на работу парламента. В первом случае это предполагает наличие у партии парламентского большинства в 2/3 голосов, дающее возможность единолично принимать любые решения, во втором – более половины депутатских мандатов, позволяющее проводить все законы, кроме конституционных, и в тре-

тем – менее половины мест в легислатуре, вызывающее необходимость для продвижения своего законопроекта или решения вступать в коалицию с другими фракциями. Позиция политической партии в исполнительной власти определяется по числу ее представителей в составе глав субъектов РФ.

Организационный потенциал политических партий

Организационная структура партии обеспечивает решение ее уставных задач. При этом если руководящие органы на федеральном уровне формируются и работают без особых сложностей с момента регистрации партии, то региональный компонент организационной структуры создается длительное время и требует постоянного развития. Присутствие федеральных партий в системе государственной власти и местного самоуправления регионов было одной из задач партийной реформы в начале 2000-х гг. Для этого были введены обязательные требования о наличии региональных отделений партий и их численности. В более чем половине субъектов РФ они должны были объединять не менее 500, а в остальных – свыше 250 человек при общей численности партии не менее 50 тыс. членов. Такое требование заставляло партии развивать территориальную сеть своих организаций. С 2009 г. нормы по минимальной численности партий

уменьшались, а в 2012 г. были радикально сокращены до пятисот членов. Существенно упростились требования и к региональным отделениям, которые теперь должны быть в не менее половине субъектов РФ. При этом определение их численности отдано на усмотрение самих партий [4]. Новый подход фактически предоставил партиям право самостоятельно решать вопросы развития организационной структуры на региональном и местном уровнях.

В настоящее время ЕР, КПРФ, ЛДПР и СР имеют региональные отделения во всех субъектах РФ. Основная разница между партиями прослеживается на муниципальном уровне, где действуют местные и первичные организации, создание которых регламентируется партийными уставами. Сегодня у партий существует единый подход к формированию местных отделений, а именно: за основу берутся границы муниципального образования, прежде всего муниципальных районов и городов либо внутригородских территорий городов федерального значения. Первичные организации создаются в границах действия местных отделений партий. У ЕР они формируются на территории, включающей дома одной или нескольких улиц, в жилом квартале. КПРФ, ЛДПР и СР не конкретизируют территориальные границы первичных организаций. В целом данные о состоянии организационной структуры парламентских партий в субъектах РФ представлены в табл. 1.

Таблица 1

Территориальные организации политических партий в субъектах РФ

Политическая партия	Число членов, чел.	Число территориальных организаций		
		Региональные отделения	Местные отделения	Первичные организации
«Единая Россия»	2 113 767	85	2 595	82 631
КПРФ	162 173	85	2 350	14 151
ЛДПР	297 345	85	2 387	–
«Справедливая Россия»	158 907	85	2 305	5 565

Данные табл. 1 отражают значительное преимущество ЕР над соперниками по основным характеристикам партийной организации. Совокупная численность партий парламентской оппозиции составляет только 29% от состава партии власти, а каждая из них в отдельности на порядок уступает ЕР по количеству своих членов. Сравнение территориальной структуры партий свидетельствует о том, что парламентские партии имеют равное количество региональных отделений и почти одинаковое число местных отделений. В общей численности 9 637 местных отделений парламентских партий доля ЕР составляет 26,9%, КПРФ – 24,4%, ЛДПР – 24,8% и СР – 23,9%. Главные отличия между ними прослеживаются на уровне первичных организаций. Здесь КПРФ имеет в 5,8, а СР – в 14,8 раза меньше организаций, чем ЕР.

Для оценки масштаба территориального представительства партий в субъектах РФ основным показателем является наличие их организаций в муниципальных образованиях различного типа. В 2019 г. процентное соотношение количества местных отделений парламентских партий с общим числом городских округов и муниципальных районов, а также внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения (всего 2 613 муниципа-

литетов) было таково: у ЕР – 99,3%, ЛДПР – 91,35%, КПРФ – 89,9% и СР – 88,21%. Таким образом, парламентские партии имеют число местных отделений близкое к количеству муниципальных образований данного типа. Можно говорить о том, что на этом уровне системы местного самоуправления партийное представительство достаточно высокое и относительно сбалансированное между партией власти и оппозицией. Однако ключевую роль в работе с рядовыми членами партий и населением играют первичные организации, которые действуют непосредственно по месту жительства граждан. В этой связи соотношение их количества с общим числом муниципальных образований всех типов позволяет определить реальный масштаб представительства политических партий на местном уровне в целом.

В 2019 г. в Российской Федерации было 21 408 муниципальных образований всех типов: городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений [5]. Общая численность местных отделений и входящих в их структуру первичек у ЕР составляет 85 226 единиц, т.е. в среднем на одно муниципальное образование у нее приходится почти четыре партийные организации. У КПРФ – 16 501 организация, что теоретически позволяет ей иметь в

среднем одну первичку (на практике в муниципальном образовании их может быть несколько) в 77% муниципалитетов, у СР – 7 870 (36,8%), ЛДПР – 2 387 (11,2%). Уступает ЕР и их объединенный потенциал. КПРФ, ЛДПР и СР вместе имеют 26 758 местных и первичных организаций, а это только 31,4% от общего числа парторганизаций у единороссов. Такое преимущество ЕР позволяет ей решать ряд важных задач: участвовать в формировании органов местного самоуправления, иметь преимущество перед оппозиционными партиями при подборе и выдвижении кандидатов на выборах, обеспечивать мобилизацию членов партии и электората в ходе региональных и федеральных избирательных кампаний, эффективно защищать итоги голосования, влиять на местную элиту, проводить массовые публичные мероприятия, расширять свои ряды.

Важной характеристикой организационного потенциала партий является ее кадровый состав, и прежде всего наличие конкурентоспособных кандидатов для участия в выборах. Итоги федеральных и региональных избирательных кампаний показывают, что сегодня основная часть таких кандидатов сконцентрирована в организациях ЕР. Наглядно это прослеживается по результатам выборов депутатов в мажоритарных округах и глав субъектов РФ. В частности, на последних выборах в Государственную Думу РФ в 2016 г. депутатские мандаты получили кандидаты от шести партий. Максимальную эффективность продемонстрировали представители ЕР, которые победили в 203 из 206 (98,5%) округов. Показатели других партий были минимальны. У КПРФ мандаты получили 7 из 223 (3,14%), у СР – 7 из 221 (3,17%) и у ЛДПР – 5 из 224 (2,23%) кандидатов [6. С. 207, 343]. По одному депутату прошли от партий «Гражданская Платформа» и «Родина».

Итоги избирательных кампаний в субъектах РФ подтверждают такую же тенденцию и на региональном уровне. Выборы в органы законодательной власти субъектов РФ в 2013–2019 гг. показали следующее соотношение депутатских мандатов, полученных ЕР в мажоритарных округах, с общим числом мест у ее соперников в лице КПРФ, ЛДПР, СР²: в 2013 г. – 319/26 (14); 2014 г. – 245/11 (2); 2015 г. – 213/10 (2); 2016 г. – 747/26 (3), 2017 г. – 101/7 (1), 2018 г. – 268/90 (11), 2019 г. – 201/58 (7) [7]. Таким образом, даже совокупное число депутатов-одномандатников от оппозиционных партий кратно, а по отдельным избирательным кампаниям на порядок меньше, чем у ЕР. Значительный кадровый потенциал является главным ресурсом, обеспечивающим ЕР большинство мест в региональных парламентах, компенсируя снижение результатов выборов по партийным спискам. Наличие у ЕР большого числа конкурентоспособных кандидатов объясняется тем, что в ее региональных отделениях сконцентрирована практически вся местная экономическая и политическая элиты, располагающие финансами, информационными ресурсами и определенным статусом в обществе. Региональные отделения ЕР являются для них каналами упрочения своих позиций, укрепления связей в структурах федеральной власти [8. С. 11]. Добавим, что здесь также происходит согласование интересов и обмен ресурсами влияния между элитными группами в границах региона.

Представители «Единой России» или кандидаты, поддержанные ею, доминируют и в числе глав субъектов РФ. Они одержали победу на выборах в 2019 г. в 10 из 16, в 2018 г. – в 15 из 19, в 2017 г. – в 16 из 16, в 2016 г. – в 6 из 7, в 2015 г. – в 19 из 21, в 2014 г. – в 28 из 30, в 2013 г. – в 6 из 8 субъектов РФ [7]. При этом такой успех кандидатов от партии власти нельзя считать единоличной заслугой ЕР. Сегодня их выдвижение не является собственной прерогативой ЕР, а зависит от решений президентских структур власти. На данный момент сложился определенный механизм выдвижения кандидата на эту должность с участием федерального центра. Он предусматривает согласование действующим главой субъекта РФ своего решения об участии в выборах с президентом страны, а в случае необходимости – замену его на более сильного руководителя, который в статусе исполняющего обязанности в дальнейшем участвует в избирательной кампании. Задачей ЕР является обеспечить поддержку избирательной кампании кандидата, согласованного федеральным центром. В ситуации, когда кандидаты от ЕР имеют поддержку со стороны федеральной власти, представители оппозиционных партий избирались главами субъектов РФ только в отдельных регионах. Кандидаты от КПРФ побеждали на выборах в Республике Хакасия (2018 г.), в Орловской (2014 г., 2018 г.) и Иркутской (2015 г.) областях. Представители ЛДПР выиграли выборы в Хабаровском крае (2018 г.), Владимирской (2018 г.) и Смоленской (2015 г.) областях. Кандидат от СР стал главой Забайкальского края в 2013 г. [7].

Финансовый потенциал партий

Финансовые ресурсы, которыми располагают партии, формируются из ряда источников, основными из них являются: государственное финансирование, пожертвования юридических и физических лиц, вступительные и членские взносы. Кроме того, партии получают доходы от предпринимательской деятельности и заемные средства. Право на ежегодное государственное финансирование получают партии, преодолевшие 3%-й барьер на последних парламентских выборах. Размеры пожертвований в бюджеты партий в течение года ограничены 43,300 тыс. руб. от одного юридического и 4,330 тыс. руб. от физического лица, а их общая сумма – не более чем 4,330 млн руб. [4]. Вступительные и членские взносы членов партии установлены в размере, равном пожертвованию физического лица, т.е. 4,330 тыс. руб. Такая система правовых ограничений соответствует президентской политике по дистанцированию бизнеса от политики и предотвращению монопольного влияния на партии со стороны отдельных элитных групп.

Финансовые ресурсы, которыми располагают основные политические партии, отражены в их официальных годовых отчетах, последний из которых содержит данные за 2019 г. (табл. 2).

В структуре доходов парламентских партий главным источником является государственное финансирование. Оно составило в 2019 г. основную часть доходов ЕР (61,5%), а у оппозиционных партий этот

показатель еще выше (у КПрФ – 76,2%, СР – 89,4%, ЛДПР – 95,2%). Доля государственного финансирования в бюджетах парламентских партий меняется в зависимости от их наполняемости, но остается основным по-

стоянным источником денежных поступлений. С 2017 г. она составляет более половины всех поступлений в бюджеты парламентских партий, что делает их несбалансированными по источникам поступления денег.

Т а б л и ц а 2

Финансовые средства в бюджетах основных политических партий в 2019 г.³

Политическая партия	Всего финансовых поступлений, руб.	В том числе средства, поступившие из следующих источников, руб.				
		Федеральный бюджет	Пожертвования	В том числе:		Взносы членов партии
				юридических лиц	физических лиц	
«Единая Россия»	7 049 111 144	4 336 229 856	2 360 396 683	2 312 536 566	47 860 116	227 586 887
КПрФ	1 400 787 115	1 067 002 304	114 792 190	96 097 532	18 694 658	100 366 102
ЛДПР	1 105 024 700	1 051 393 576	7 140 645	3 968 500	3 172 145	0,00
«Справедливая Россия»	556 987 465	497 808 056	61 054 642	44 851 500	16 203 142	0,00

С одной стороны, возможность пять лет иметь такой высокий уровень финансовой поддержки стабилизирует деятельность политических партий, но с другой – делает их зависимыми от государства. Недостатком такой системы является также отсутствие механизма ограничений размера выделяемых средств и преимущественное финансирование отдельных политических партий, что ставит остальных в неравное положение с ними [9. С. 88, 90].

Лимит на получение пожертвований не мешает партиям привлекать такие средства, но в партийных бюджетах они не являются основными. По этому показателю лидирует ЕР, у которой в 2019 г. доля пожертвований составляла 33,5% (у КПрФ – 8,2%, ЛДПР – 0,65%, СР – 11%). Основная часть из них поступила от юридических лиц. В фактическом выражении сумма пожертвований у ЕР на порядок больше, чем у ее соперников. Это можно объяснить следствием влияния двух факторов: значительным числом представителей бизнеса в ее составе и статусом партии власти. Бизнес предпочитает инвестировать в доминирующую партию, используя ее для лоббирования своих интересов. Кроме того, на финансирование бизнесом оппозиции влияет наличие обязательного условия при пожертвовании раскрывать официальные данные о себе, обозначая таким образом свои политические предпочтения. Возникают политические риски быть отнесенными властью к числу спонсоров оппозиции и в большинстве случаев без получения реальной выгоды от вложений. Это создает особые трудности для политических партий, не имеющих государственного финансирования. Для них пожертвования остаются главным источником существования. Например, в бюджетах 2019 г. они составили: у партии «Яблоко» – 99,9%, у «Российской партии пенсионеров за социальную справедливость» – 99,8%, а у «Партии роста» – 78%.

В целом по объему финансовых ресурсов, полученных партиями в 2019 г., бюджеты ЕР, КПрФ и ЛДПР можно оценить как достаточные, а СР – минимально достаточный. При этом существует огромный разрыв в доходах ЕР и оппозиционных партий. В частности, совокупный объем поступивших средств трех оппозиционных парламентских партий в 2019 г. составил 3 062 799 280 руб., а это 43,5% от бюджета ЕР. Такое финансовое превосходство ЕР является од-

ним из факторов ее конкурентного преимущества перед соперниками и позволяет вкладывать значительные средства не только в выборы, но и в массовые внутрипартийные мероприятия, связанные с ними. Например, на проведение партийного праймериз в 2016 г. ЕР потратила 600 млн руб., т.е. сумму, непосильную для других политических партий, и особенно не прошедших в парламент. Так, в числе 41 партии, предоставившей отчеты в 2019 г., 14 (34%) не имели поступления средств. Из других политических партий только «Коммунистическая партия “Коммунисты России”» получила 394,7 млн руб., что соответствует минимально достаточному бюджету. Однако основную часть этой суммы – 346,52 млн руб. составили заемные средства. Бюджет партии «Яблоко» насчитывал 261,4 млн руб. Доходы четырех партий находятся в диапазоне от 7 до 38 млн руб. («Патриоты России», «Родина», «Партия дела», «Партия Возрождения России»), у двух партий – от 50 до 100 млн руб. («Партия роста» и «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»). Такие показатели позволяют отнести бюджеты внепарламентских партий к разряду ограниченных.

Состояние партийных бюджетов отражается на объемах финансирования партиями ключевых направлений своей деятельности (табл. 3).

Структура расходов партий в 2019 г. показывает, что в первую очередь они финансировали **свое** участие в избирательных кампаниях, агитационно-пропагандистскую работу, проведение партийных съездов и конференций, публичные мероприятия. Значительные ресурсы выделялись на содержание руководства партии и поддержку региональных отделений. Существующая разница в финансовых возможностях партий прослеживается в объемах их затрат. В частности, на выборы разного уровня совокупные расходы оппозиционных парламентских партий составили 551 977 253 руб., или 40,8% от суммы, выделенной на эти цели ЕР. На пропагандистскую деятельность партии потратили: ЕР – 10,6% КПрФ – 13,4%, а СР – 15,5% своего бюджета. Однако и здесь в денежном исчислении показатели ЕР значительно выше, чем у оппозиционных партий. Хотя, например, следует отметить, что ЛДПР стабильно расходует на это значительную часть партийных средств: в бюджетах 2017–2019 гг. их доля составляла 45, 73,6 и 51% соответственно. Это частично компенсирует отсутствие у

нее развитой сети первичных организаций для работы с электоратом.

Важным показателем финансовых возможностей партии являются объемы средств, которые тратятся на содержание региональных отделений, обеспечивающих ее деятельность на местах. В среднем на содержание одного регионального отделения в 2019 г. партии затратили: ЕР – 34 548, КПРФ – 7 940, СР – 1 607 и ЛДПР – 1 136 тыс. руб соответственно. При этом единороссы выделили на эти цели в три раза больше средств, чем остальные парламентские партии вместе взятые. Значительная разница в масштабах финансирования региональных отделений ЕР и партий оппозиции показывает, что возможности последних недостаточны для их равноправного соперничества с партией власти в вопросах содержания и развития партийной инфраструктуры в субъектах РФ.

Существующая структура расходов основных партий в целом сохраняется в течение последних лет. К числу ее изменений можно отнести увеличение пожертвований в период федеральных выборов. Например, в бюджетах ЕР и СР в 2016 г. они составили, соответственно, более 4,07 и 1,18 млрд руб., их рост наблюдается также и у остальных парламентских партий. В период выборов повышаются и расходы партий, прежде всего на формирование избирательных фондов, массовые мероприятия, агитационную и пропагандистскую работу. Кроме того, растут затраты на содержание руководящих органов партий.

Одной из характеристик финансового и организационного потенциалов партии является ее способность сформировать и использовать избирательные фонды в период выборов. Здесь лидерами являются парламентские партии. В частности, из 4 912,9 млн руб., собранных и израсходованных российскими партиями на выборах в Государственную Думу в 2016 г., на их долю приходится 83,2%. И половину этой суммы составили ресурсы ЕР. Другие политические партии затратили на выборы от 0,4 млн («Гражданская Сила») до 432,2 млн руб. («Яблоко») [6. С. 272]. Выборы показали и реальные возможности региональных отделений по формированию избирательного фонда партии. Доля региональных отделений ЕР в нем составила 1 875 465 тыс. руб. (77,7%), СР – 470 150 тыс. руб. (52,1%), КПРФ – 132 996 тыс. руб. (43%) и ЛДПР – 47 751 тыс. руб. (6,7%) [6. С. 299–302]. Таким образом, из парламентских партий только ЕР имела возможность финансировать избирательную кампанию в основном за счет средств региональных отделений.

Значительное финансирование ЕР избирательных кампаний позволяет ей достигать высокого результата на выборах разных уровней. На последних парламентских выборах 2016 г. ЕР получила 343 из 450 мандатов в Государственной Думе. При этом значительное количество полученных мест снижает расходы партии на один полученный депутатский мандат. У единороссов они оказались меньше, чем у большинства других парламентских партий, что наглядно показывают данные табл. 4 [6. С. 274].

Т а б л и ц а 3

Расходы парламентских политических партий в 2019 г., руб.³

Статья расходов партийного бюджета	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР
Всего расходов	6 945 510 480	1 867 768 349	1 098 923 029	556 615 821
В том числе:				
Проведение съездов, конференций и собраний	225 892 444	39 721 195	754 435	3 543 279
Содержание руководящих органов партии	1 052 789 465	375 083 761	100 892 246	133 674 974
Содержание региональных отделений	2 936 588 576	674 897 071	96 582 573	136 587 104
Перечисления в избирательные фонды, фонды референдумов	1 352 943 117	184 595 376	313 941 069	53 440 808
Публичные мероприятия	628 597 433	44 095 742	26 652 307	7 257 577
Пропагандистская деятельность	737 798 395	250 722 622	560 097 997	86 293 789

Т а б л и ц а 4

Расходы средств избирательных фондов политических партий, принявших участие в распределении депутатских мандатов

Политическая партия	Израсходовано на проведение избирательной кампании, руб.	Количество голосов избирателей	Расходы на один голос избирателя, руб.	Количество полученных мандатов	«Стоимость» одного мандата, руб.
«Единая Россия»	2 276 864 895,73	28 527 828	79,81	140	16 263 320,68
ЛДПР	702 339 211,01	6 917 063	101,54	34	20 657 035,62
КПРФ	308 363 951,23	7 019 752	43,93	35	8 810 398,61
«Справедливая Россия»	847 155 568,72	3 275 053	258, 67	16	52 947 223,05

У партий, не прошедших в Государственную Думу, аналогичные расходы оказались выше, чем у ЕР и других парламентских партий. Так, «Партия роста» и «Яблоко» затратили за каждый полученный голос 340,55 и 294 руб. соответственно. Этот факт свиде-

тельствует также о том, что финансовые ресурсы являются важным условием победы на выборах, но не единственным. Она зависит от потенциала партии в целом (кадрового, организационного, финансового, политического). Данный вывод подтверждают и итоги

выборов у оппозиционных парламентских партий. В частности, КПРФ израсходовала на выборы в два раза меньше, чем ЛДПР и СР, но получила больше депутатских мандатов, чем они. При этом один депутатский мандат по партийным спискам обошелся КПРФкратно меньше, чем их коллегам по оппозиции.

Политический потенциал партий

Наличие представителей партии в органах государственной власти и местного самоуправления можно охарактеризовать как ее политический капитал, позволяющий участвовать в принятии политических решений, влиять на политический процесс в стране и регионах. Масштаб представительства основных политических партий в системе органов публичной власти России в настоящее время отражен в табл. 5.

Данные табл. 5 позволяют оценить сложившееся соотношение сил между ЕР и оппозиционными партиями на разных уровнях российской власти. В настоящее время ЕР принадлежит конституционное большинство в

Государственной Думе и контроль над депутатским корпусом в законодательных органах субъектов РФ. Она имеет фракции во всех региональных парламентах, куда входят 2 898 из 3 980 депутатов (72,8%). В то же время доля депутатов от КПРФ составляет 10,6%, ЛДПР – 6,96% и СР – 5,1%. При этом партии оппозиции представлены не во всех легислатурах, а именно: КПРФ – в 82, ЛДПР – в 79 и СР – в 74 субъектах РФ.

Если рассмотреть позиции основных политических партий в отдельных региональных парламентах, то в 2019 г. ЕР имела абсолютное влияние и квалифицированное большинство (2/3 мест) в парламентах 64 из 85 субъектов РФ (75 %). Из оппозиционных партий такой контроль за работой законодательного органа власти был только у ЛДПР в Хабаровском крае, где у нее 28 из 36 депутатских мест. В 15 из 85 субъектов РФ (17,65%) у ЕР свыше половины, но менее 2/3 депутатских мест и, соответственно, полное влияние на работу легислатур, за исключением принятия Конституции или Устава субъекта РФ, внесения в них изменений, а также выражения недоверия главе региона.

Таблица 5

Представительство партий в органах государственной власти и местного самоуправления⁴

Выборные и должностные лица	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»
Депутаты Государственной Думы РФ	340	42	39	23
Главы субъектов РФ	58	3	3	1
Депутаты региональных парламентов/Число парламентов субъектов РФ	2 898 / 85	424 / 82	277 / 79	201 / 74
Главы муниципальных образований административных центров субъектов РФ	5	1	нет	нет
Депутаты местного самоуправления административных центров субъектов РФ	1 840	230	128	120
Главы и депутаты органов местного самоуправления субъектов РФ	164 239	8 027	3 351	4 126

Решения по этим вопросам принимаются квалифицированным большинством депутатов. В таком случае ЕР необходимо достигать соглашения с другими фракциями. Противостоять ей в этом может КПРФ, но только в парламентах Иркутской и Ульяновской областей, где у коммунистов соответственно 19 из 45 (42 %) и 14 из 36 (38,9 %) депутатов.

Менее половины мест и относительное влияние у ЕР в законодательных органах 5 из 85 субъектов РФ. Здесь можно говорить о конкурентной среде, где для принятия решений ЕР необходимо вступать в коалицию с другими фракциями или депутатскими объединениями. Оценка потенциала влияния ЕР в этих региональных парламентах с помощью индекса Банцафа показала его высокий уровень: в Хакасии – 0,579 (КПРФ и ЛДПР – по 0,21), в Ульяновской области – 0,6 (КПРФ и ЛДПР – по 0,2), в Забайкальском крае – 0,417 (КПРФ и ЛДПР – по 0,25, а СР – 0,08), в г. Москва – 0,523 (КПРФ, «Яблоко» и депутатское объединение «Моя Москва» – по 0,143 и СР – 0,048). Только в Иркутской области ЕР незначительно уступает КПРФ. Их индексы влияния, соответственно, составляют 0,24 и 0,29. ЛДПР имеет показатель 0,19, а партии «Гражданская платформа» и СР – по 0,14. Однако здесь и в трех вышеназванных парламентах председателями являются представители ЕР, что дает ей дополнительное преимущество. Как видим, в трех

из пяти регионов ЕР лидирует по числу возможных выигрывающих коалиций, обеспечивающих принятие необходимых партии решений. У оппозиции в этих легислатурах существует возможность в рамках коалиций или договоренностей вести борьбу с ЕР по всем вопросам, включая кадровые, но степень их реального влияния невысока. Единственным субъектом РФ, где ЕР имеет три депутата и находится в оппозиции, является парламент Хабаровского края.

Таким образом, на начало 2020 г. под разной степенью контроля ЕР находилось 83 из 85 региональных парламентов. В Законодательном собрании Иркутской области она делит ключевые позиции с КПРФ и только в Хабаровском крае ЕР выступает в роли оппозиции. В целом ЕР сегодня полностью контролирует законодательный процесс на федеральном и региональном уровнях, образуя с помощью своих фракций своего рода партийную вертикаль в законодательной ветви власти.

Доминирование ЕР существует и в составе глав регионов, где члены партии и беспартийные кандидаты, выдвинутые или поддержанные ею на выборах, составляют подавляющее большинство. Оппозиционным партиям в губернаторском корпусе сейчас принадлежит лишь семь мест, а именно: три представителя ЛДПР и по два – от КПРФ и СР. С октября 2019 г. ЕР начала утверждать руководителями своих регио-

нальных отделений глав субъектов РФ. В случае если это станет обязательной нормой для всех отделений, где такая возможность существует, то сформируется механизм постоянного взаимодействия ЕР и глав регионов. Это позволит объединить их ресурсы и еще больше снизить возможности других партий в борьбе за пост высшего должностного лица субъекта РФ.

В последнее время Президент России назначает временно исполняющими обязанности главы субъекта РФ не только единороссов, но и беспартийных и членов оппозиционных партий. В 2020 г. в это число попали и представители от СР (О. Николаева) и ЛДПР (М. Дегтярев). Однако для оппозиции такая практика принципиально ситуацию не изменит. Их представители, предложенные на должность главы региона президентом, становятся его креатурами, несмотря на свою партийную принадлежность.

Одной из ключевых составляющих политического потенциала политических партий является их присутствие в органах местного самоуправления, власти, максимально приближенной к населению. В 2019 г. в России были избраны 21 245 глав муниципальных образований и 227 тыс. депутатов в 21 418 представительных органах местного самоуправления [5]. В совокупности это 248 245 человек. Доля представителей ЕР в этой категории элиты составляет 166 084 чел., или 66,9%, КПРФ – 8 258 чел. (3,3%), ЛДПР – 3 479 чел. (1,4%) и СР – 4 246 чел. (1,7%). Такие данные позволяют говорить о наличии полного контроля ЕР над муниципальной элитой. И опять можно утверждать, что это одно из последствий отсутствия у оппозиционных партий масштабной сети первичных организаций. Другой причиной являются особенности выборов на данном уровне публичной власти. Население непосредственно знает большинство кандидатов, и в этой связи фактор партийности уступает место сформированному общественному мнению. В ситуации, когда большинство представителей местной элиты связано с ЕР, оппозиционным партиям сложно найти конкурентоспособных кандидатов.

Низкий уровень представительства оппозиционных партий в органах местного самоуправления создает для них ряд проблем. Прежде всего, не позволяет влиять на принятие решений местной власти в интересах своих избирателей. Кроме того, существует вопрос прохождения муниципального фильтра (получение согласия со стороны определенного процента глав и депутатов муниципальных образований) для кандидатов от партий на выборах глав субъектов РФ. Сегодня ЕР, имея большинство в органах местного самоуправления, может отсекал своих реальных конкурентов на должность глав регионов на стадии их регистрации. Наглядно это показали повторные выборы губернатора Приморского края в 2019 г., на которых их фаворит, представитель от оппозиции А. Ищенко, не прошел муниципальный фильтр.

Заключение

Существующая в современной партийной системе России диспропорция в потенциалах основных партий обеспечивает высокий уровень доминирования ЕР и

отражает ограниченные возможности партий оппозиции. В основе сложившейся ситуации лежит ряд причин. Одной из них является отсутствие у оппозиционных партий развернутой инфраструктуры на местах, что консервирует их незначительное представительство на местном уровне публичной власти, сдерживает процесс рекрутирования новых членов организации и расширение электоральной базы. Сегодня совокупная численность оппозиционных парламентских партий и общее количество их местных отделений и первичных организаций составляет только одну треть от аналогичных показателей партии власти.

Отличие в финансовом потенциале партий обусловлено наличием возможности получать государственное финансирование и поддержку спонсоров. В настоящее время государственное финансирование имеют четыре парламентские партии. На их долю приходится и основная часть пожертвований, размеры которых ограничены законодательством и носят официальный характер. В этом смысле можно говорить, что в России создан механизм, позволяющий государству поддерживать основные партии и не допустить установления монопольного влияния на их деятельность отдельных физических лиц и финансово-промышленных групп. При этом существуют политические риски для бизнеса в случаях финансирования им оппозиционных партий, радикально настроенных против действующей власти.

Государственное финансирование парламентских партий является постоянным и составляет в бюджетах более половины поступлений, что заставляет их концентрировать свои силы на его сохранении. При этом основную конкуренцию им составляет не ЕР, которой они уступают по всем параметрам, а их партнеры из лагеря оппозиции. Для КПРФ – это «Коммунисты России», а для СР – ее прежние учредители – партии «Родина» и «Российская партия пенсионеров». Такая ситуация продуцирует раскол в стане оппозиции, дробит протестный электорат, снижает ее результаты на выборах. Объективно это усиливает позиции ЕР, а для действующей власти открывает возможности использовать партии «второго эшелона» в качестве спойлеров против своих основных политических оппонентов. Еще сложнее положение у создаваемых партий. У них нет достаточной электоральной поддержки, позволяющей получить государственное финансирование, и по этой же причине они не привлекательны для масштабной спонсорской помощи. Поэтому сегодня только парламентские партии имеют бюджеты, позволяющие полноценно участвовать в политическом процессе, остальные партии либо располагают финансовыми ресурсами в ограниченном объеме, достаточном для проведения отдельных избирательных кампаний, либо не имеют их вообще.

Принципиальное значение имеет разница в представительстве ЕР и оппозиционных партий в системе публичной власти. Депутатские фракции ЕР фактически контролируют законодательную ветвь власти на федеральном и региональном уровнях. Совместно с президентскими структурами ЕР обеспечивает выдвижение и избрание президентских креатур на должности глав регионов. Ее члены составляют осно-

ву губернаторского корпуса при единичном представительстве от других партий. В организации ЕР входят более половины депутатов и глав муниципальных образований, обеспечивая таким образом ее контроль за системой местного самоуправления.

Высокий уровень доминирования ЕР и ограниченный потенциал организаций оппозиции в партийной системе являются важным условием, обеспечивающим стабильность существующего политического режима. Являясь инструментом президентской власти, сама ЕР имеет ограниченную политическую субъектность [2. С. 143–144; 10. С. 54–55]. Все ее важные политические и кадровые решения принимаются с учетом мнения или решений президентских структур. При этом доминирующее положение ЕР в

партийной системе и ее значительные возможности позволяют правящей элите сохранять и укреплять свои позиции: отсекают от власти силы радикальной оппозиции, влиять на законодательный процесс, осуществлять правовое сопровождение решений правительства и главы государства, консолидировать федеральную и региональные элиты, обеспечивая ротацию элитных групп и согласование их интересов. В этих условиях партии парламентской оппозиции важны для сохранения демократического характера политического процесса. Они не ставят под сомнение доминирующую роль ЕР, составляют ей ограниченную конкуренцию и не располагают потенциалом, позволяющим обеспечить принятие ключевых политических решений, с позиции собственных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Индекс Банцафа $\beta(i)$ для партии i , если b_i – это число коалиций, в которых она является ключевой, вычисляется по следующей формуле:

$$\beta(i) = \frac{b_i}{\sum_j b_j}.$$

² В скобках отдельно указано число депутатских мандатов, полученных другими партиями, участвовавшими в выборах, и оно не берется в расчет.

³ Составлено по: Сводные финансовые отчеты политических партий за 2019 год. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_19.php (дата обращения: 11.07.2020).

⁴ Составлено по: Политические партии в Российской Федерации. 2019 г. Вып. 8 / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2019. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/pol_par8_n_4.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Саква Р. Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // Политическая наука. 2015. № 1. С. 60–72.
2. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135–152.
3. Шашкова Я.Ю. Трансформации российской партийной системы в контексте глобальных тенденций партотгенеза // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 189–199. DOI: 10.17223/1998863X/47/20
4. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 02 декабря 2019 г.) «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
5. Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.). URL: <https://minjust.ru/razvitiye-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения: 15.11.2019).
6. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2017. 528 с.
7. Информационно-аналитический бюллетень «Региональные выборы: партийная динамика». Вып. 16. Выборы 8 сентября 2019 года. URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/biluten/byulleteni/16/> (дата обращения: 11.03.2020).
8. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19. DOI: 10.17976/jpps/2004.02.02.
9. Вершинин А.И. Государственное финансирование политических партий как гарантия многопартийности: перспективы реформирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3. С. 81–92.
10. Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 42–65.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 4 мая 2021 г.

The Potential of the Main Political Parties in Contemporary Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 75–83.

DOI: 10.17223/15617793/468/9

Vitaly N. Ivanov, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: rfkbyf@yandex.ru

Keywords: party; party system; potential; organizational structure; finance; public authorities; local self-government.

The object of the research is the modern party system in Russia. The aim of the article is to study the organizational, financial, and political potential of the main parliamentary political parties: *Edinaya Rossiya* (United Russia (UR)), CPRF, LDPR, and *Spravedlivaya Rossiya* (A Just Russia). The comparative analysis of party resources revealed a significant disparity between the potential of UR and the opposition parties. The latter are inferior to the UR in terms of the number of members and the development of the organizational structure. The total number of members and local organizations of these parties is one-third of UR's indicators. The lack of a developed infrastructure for the opposition parties preserves their limited representation and influence at the local level of public power. The financial potential of the parties is formed mainly by state funding and donations from sponsors. Today, four parliamentary parties are eligible for state support. The share of public finance in their budgets is more than half of all revenues. They also receive the bulk of donations, the size of which is limited by law and is official in nature. It can be argued that Russia has formed a mechanism that allows the state to support parties without allowing the establishment of monopoly influence on their activities by

individuals and elite groups. The political potential of the parties is determined by the level of their representation in state and local government bodies. Today it is dominated by UR. Its parliamentary fractions actually control the legislative branch of power at the federal and regional levels. Together with the presidential structures of power, UR also ensures the election of presidential creatures to the posts of heads of regions. Party members today form the basis of the governor's corps, with a single representation from other political parties. UR's organizations include more than half of deputies and heads of municipalities, ensuring its influence on the local government system. The high level of dominance of UR and the limited potential of the opposition parties is an important condition for the stability of the existing political regime. UR's significant opportunities allow the ruling elite to maintain and strengthen their positions: cut off the forces of the radical opposition from power, control the legislative process providing legal support for decisions of the government and the head of state, consolidate the federal and regional elite, ensuring the rotation of elites and coordination of their interests. In these circumstances, the parties of the parliamentary opposition are important for preserving the democratic nature of the political process. They do not question the dominant role of UR, offer limited competition to it, and do not have the potential to really influence key political decisions.

REFERENCES

1. Sakwa, R. (2015) Party and power: Between representation and mobilization in contemporary Russia. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 60–72. (In Russian).
2. Gel'man, V.Ya. (2008) Political Parties in Russia: from Competition to Hierarchy. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 135–152. (In Russian).
3. Shashkova, Ya.Yu. (2019) Transformations of the Russian party system in the context of the global trends of political parties' genesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 47. pp. 189–199. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/47/20
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2001) Federal'nyy zakon ot 11 iyulya 2001 g. № 95-FZ (red. ot 02 dekabrya 2019 g.) "O politicheskikh partiyaх" [Federal Law of July 11, 2001, No. 95-FZ (as amended on December 2, 2019) "On Political Parties"]. 29. Art. 2950.
5. Minjust.ru. (2019) *Informatsionno-analiticheskie materialy o sostoyanii i osnovnykh napravleniyakh razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii (dannye za 2018 g. – nachalo 2019 g.)* [Informational and analytical materials on the state and main directions of development of local self-government in the Russian Federation (data for 2018 – early 2019)]. [Online] Available from: <https://minjust.ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnykh> (Accessed: 15.11.2019).
6. Central Election Commission of the Russian Federation. (2017) *Vybory deputatov Gosudarstvennoy Dumi Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii sed'mogo sozyva 18 sentyabrya 2016 goda: Elektoral'naya statistika* [Election of deputies of the State Duma of the RF Federal Assembly of the seventh convocation on September 18, 2016: Electoral statistics]. Moscow: Central Election Commission of the Russian Federation.
7. *Regional'nye vybory: partiynaya dinamika*. (2019) 16. Vybory 8 sentyabrya 2019 goda [Elections of September 8, 2019]. [Online] Available from: <http://www.cikrf.ru/politparty/biluten/byulleteni/16/> Accessed: 11.03.2020).
8. Gaman-Golutvina, O.V. (2004) Russia' Regional Elites: Whom They Consist of, and What Are the Tendencies of Their Evolution (I). *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 6–19. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2004.02.02
9. Vershinin, A.I. (2019) Gosudarstvennoe finansirovanie politicheskikh partiy kak garantiya mnogopartiynosti: perspektivy reformirovaniya [State financing of political parties as a guarantee of a multi-party system: prospects for reforming]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 3. pp. 81–92.
10. Makarenko, B.I. (2011) Post-Soviet party of power: the United Russia in a comparative context. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 42–65. (In Russian).

Received: 04 May 2021

Д.Б. Литвинцев, Л.Б. Можейкина, В.В. Дегтярева

ИНКЛЮЗИВНОЕ ПРОЖИВАНИЕ В РОССИИ КАК АСПЕКТ МНОГОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ

Отражены результаты исследования инклюзивности проживания социально незащищенных слоев населения (людей с ограниченными возможностями здоровья, пожилых людей и др.) как аспекта многомерности социальной инклюзии в условиях трансформации социально-правовых институтов в России. Проанализирована специфика инклюзивного дизайна городских пространств, включающая доступность общего имущества в многоквартирных домах. Затронуты вопросы инклюзивной жилищной политики, финансовой и цифровой инклюзии.

Ключевые слова: социология жилища; социальная инклюзия; социальная эксклюзия; инклюзивное проживание; инклюзивная жилищная политика; инклюзивная жилищная модель; инклюзивное жилище; инклюзивный дизайн; социально-правовые институты.

Введение

Инклюзивное образование людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в школах и высших учебных заведениях [1–3], а также их последующее инклюзивное трудоустройство [4] на сегодняшний день является достаточно популярным объектом исследования у широкого круга российских и зарубежных специалистов, однако ОВЗ – далеко не единственный фактор социальной эксклюзии, а образование – не единственный процесс, направленный на повышение инклюзивности общества в целом. В условиях глобализации и развития информационного общества одной из современных тенденций, по мнению М. Кастельса, становится домоцентричность – люди все чаще работают из дома, получают многие услуги удаленно (например, доставка продуктов питания) [5. С. 22], что, таким образом, повышает роль жилища в современном мире и обуславливает актуальность исследования жилищных проблем, в том числе и у социально незащищенных слоев населения (граждан, имеющих право на получение адресной социальной помощи). Данную позицию подкрепляет и то, что в условиях пандемии (например, распространения коронавирусной инфекции) домоцентричность повышается кратно.

Т.В. Семеновских, обобщая выводы различных исследователей социальной инклюзии, полагает, что эволюция социума в будущем будет происходить именно в условиях раскрытия многомерности инклюзии. Многомерность инклюзии раскрывается как вертикально – в функционировании основных систем (социальной, экономической, институциональной, территориальной и символической), необходимых для функционирования инклюзивного общества, так и горизонтально – во включенности в группы, совместную деятельность и субъективное чувство принадлежности. Среди мер инклюзии Т.В. Семеновских выделяет политико-правовые, социально-культурные и социально-экономические, к последним он относит в том числе качественное жилье и коммунальные услуги [6. С. 154]. В данном случае речь идет фактически о социальных институтах. Т.В. Натхов и Л.И. Полищук справедливо замечают, что ключом к развитию общества являются именно инклюзивные инсти-

туты, которые могут быть введены в любой стране, в то время как экстрактивные институты способствуют социальной эксклюзии отдельных категорий населения и препятствуют социально-экономическому развитию общества [7, 8].

Многомерность социальной инклюзии позволяет выделить в рамках настоящего исследования такой аспект, как инклюзивное проживание (Inclusive Living), которое раскрывается в идеях об инклюзивном дизайне (Inclusive Design) как самих жилищ, так и городского пространства в целом, обеспечивается строительством инклюзивного жилья (Inclusive Housing) и поддерживается инклюзивной жилищной политикой (Inclusive Housing Policy) государства. При этом И. Андерсон, Дж. Финнерти и В. МакКолл вообще рассматривают взаимосвязанные, но при этом многогранные концепции дома, жилища и сообщества как фундаментальные принципы инклюзивного общества [9].

Инклюзивный дизайн города и жилища. Дизайн для всех (Design for All), универсальный дизайн (Universal Design), доступный дизайн (Accessible Design) и инклюзивный дизайн – это разные названия подходов, которые в основном сосредоточены на повышении доступности товаров, услуг, информационных систем и подобного для максимально широкого круга потребителей. Дизайн для всех – это дизайн, уважающий права человека, обеспечивающий социальную интеграцию и равенство возможностей для всех. Это целостная и новаторская модель создания социальной среды, в которой уважаются этнические, возрастные и другие различия, предназначенная для дизайнеров, разработчиков, архитекторов и строителей [10].

Исследователи методологии и истории инклюзивного дизайна обращают внимание на то, что на сегодняшний день еще не достигнут консенсус в определении и использовании этой концепции [11]. Тем не менее в целях настоящего исследования целесообразно рассмотреть инклюзивный дизайн в контексте развития доступной городской среды.

Инклюзивный дизайн как метод проектирования и городского планирования, по мнению В. Шкуро, – это дизайн, который учитывает весь спектр человеческого разнообразия в отношении способностей, языка, культуры, пола, возраста и других форм человеческих различий. Исследования на Украине показали, что

увеличение количества пожилых людей, инвалидов, семей с маленькими детьми, беременных ставит перед городом, его дизайном и инфраструктурой новые задачи. Эти группы рискуют оказаться полностью исключенными из значительной части городской жизни, подвергнуться маргинализации, эксклюзии и изоляции [12]. Подобные выводы вполне применимы и к российской действительности. Инклюзивный дизайн в городе создает возможность гарантировать равный доступ к основным правам; улучшить качество жизни населения и обеспечить всем – независимо от возраста, мобильности и способностей – равный доступ ко всем ресурсам и развлечениям, которые может предложить город. Инклюзивный дизайн создает и поддерживает равные условия жизни для социально незащищенных слоев населения. Инклюзивный дизайн обеспечивает вовлечение горожан в жизнь города в целом.

В 2019 г. постановлением правительства Российской Федерации была утверждена государственная программа «Доступная среда» (Госпрограмма), целью которой является «создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни» [13]. В России, таким образом, фактически признано то, что доступная среда города непосредственно влияет на качество жизни инвалидов, что отражается на инклюзивности их проживания. По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2019 г., для участия в Госпрограмме в 2020 г. проекты региональных программ представили 60 регионов из 85 (70%). При этом доля доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов городской инфраструктуры в общем количестве приоритетных объектов в России достигает уже 66,9% [14]. Тем не менее оценка реальных результатов Госпрограммы специалистами различных отраслей и непосредственно самими жителями городов России несколько отличается от официальных данных и носит дискуссионный характер. Это свидетельствует о неоднозначности мнений и требует дальнейших исследований.

Г. Никсон подчеркивает, что если правительственная риторика о создании устойчивых сообществ, в которых люди хотели бы жить, должна подкрепляться действиями, необходимо уделять внимание жилищным потребностям всех, кто является частью этого сообщества, включая людей с ОВЗ [15]. Отсутствие инклюзивного жилья способствует маргинализации и исключению людей с ОВЗ и пожилых людей из семейной и общественной жизни, что подтверждают исследования, проведенные в Австралии [16]. Проблема строительства инклюзивного жилья, например, в Австралии заключается в том, что застройщики сосредотачиваются на своих непосредственных контрактных обязательствах, не хотят менять сложившуюся практику и не видят причин делать больше, чем от них требуется по закону. Высококонкурентный и не склонный к риску характер жилищной отрасли работает против добровольного подхода к инклюзивному жилью [17]. Подобная ситуация представляется вполне характерной и для современной России в условиях существующей рыночной модели экономики.

Применяя подход «дизайн для ценностей» (Design for Values), зарубежные исследователи выделяют четыре моральных ценности адекватного жилища в условиях урбанизации территорий: инклюзивность, устойчивость, автономность и безопасность [18]. Дж. Милнер и В. Мэдиган считают, что подход, вдохновляющий на инновационные, гибкие и инклюзивные формы домов, бросает вызов конвенциям в классическом дизайне [19]. В данном случае речь в первую очередь идет об индивидуальных жилых домах, в то время как инклюзивность проживания в многоквартирном доме должна осуществляться, очевидно, за счет доступности общего имущества.

В России все управляющие организации и товарищества собственников жилья обязаны проверять состояние и при необходимости проводить работы по ремонту конструкций и иного оборудования, предназначенного для обеспечения доступности общего имущества для инвалидов [20]. Данная правовая норма была включена в 2016 г. в «Минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме», утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации № 290. На следующий год также были внесены изменения и в Жилищный кодекс Российской Федерации – отменена необходимость в проведении общего собрания собственников помещений по вопросу обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к помещениям в многоквартирном доме, что породило немало конфликтов между собственниками помещений в многоквартирных домах и инвалидами [21].

Доступность общего имущества в многоквартирном доме – немаловажный фактор инклюзивности проживания в городе для людей с ОВЗ, пожилых людей и т.п. Доступность информации по управлению многоквартирным домом также оказывает существенное влияние на инклюзивность проживания в многоквартирных домах в России. В целях соблюдения требований Федерального закона № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» о недопустимости дискриминации по признаку инвалидности и обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к информации [22] управляющие организации и товарищества собственников жилья обязаны иметь версию официального сайта, соответствующую ГОСТ Р 52872-2012 «Интернет-ресурсы. Требования доступности для инвалидов по зрению». Аналогичные требования предъявляются и к другим сайтам в сети Интернет, на которых осуществляется раскрытие информации по управлению многоквартирными домами, например Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

Целесообразно также отметить, что на сегодняшний день согласно Жилищному Кодексу Российской Федерации собственники вправе проводить общие собрания как в очно-заочной форме, так и с использованием информационных систем, что существенно облегчает процесс участия для людей с ОВЗ – возвращаясь к идеям домочетности М. Кастельса, в данном случае можно говорить об управлении своим

многоквартирным домом посредством дистанционного, сетевого участия.

Информатизация процессов управления многоквартирными домами – очевидный шаг на пути к цифровой инклюзии (Digital Inclusion) в российском обществе. Тем более что зарубежные исследователи рассматривают цифровую инклюзию, направленную на сокращение цифрового неравенства населения в условиях информационного общества, как ключевой компонент социальной инклюзии [23].

Инклюзивное проживание людей с ОВЗ, пожилых людей и студентов

Вопрос об инклюзивности проживания людей в том или ином обществе, государстве можно ставить при наличии тех или иных дискриминационных (естественных или искусственно созданных) условий, ограничивающих экономические, политические и социальные права и свободы различных слоев населения. Так, например, социально-пространственная сегрегация городских пространств позволяет говорить о социальной эксклюзии групп населения, выделяемых по уровню дохода, национальности и т.п. Тем не менее большинство исследований инклюзивного проживания, как правило, связано либо с проживанием людей с ОВЗ (Disability Inclusion Housing), либо пожилых людей (Age Inclusive Housing), либо с инклюзивностью проживания студентов разного пола и гендера (Gender-Inclusive Housing) в общежитиях.

Трансформация социально-правовых институтов в России свидетельствует о принятии именно социальной модели инвалидности на уровне государства и стремлении исполнить требования Конвенции о правах инвалидов, принятой резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 г., подписанной от имени Российской Федерации 24.09.2008 г. и ратифицированной Федеральным законом от 03.05.2012 г. № 46-ФЗ, в части признания права инвалидов на жилище и обеспечения возможности выбора наравне с другими людьми своего места жительства [24]. Таким образом, это не обязывает инвалидов проживать в каких-то определенных жилищных условиях, например, в условиях сопровождаемого проживания.

Согласно приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 847 «Об утверждении методических рекомендаций по организации различных технологий сопровождаемого проживания инвалидов, в том числе такой технологии, как сопровождаемое совместное проживание малых групп инвалидов в отдельных жилых помещениях» сопровождаемое проживание – это стационарозамещающая технология, направленная на «сопровождаемое совместное проживание малых групп инвалидов в отдельных жилых помещениях» [25]. При этом ГОСТ Р 56220-2014 «Требования к организациям, предлагающим услуги по сопровождаемому проживанию для пожилых людей» определяет сопровождаемое проживание как «комплекс услуг для пожилых людей, проживающих в специально адаптированных квартирах и жилых домах, который включает в себя основные и дополнительные услуги по сопровождению» [26].

Л.А. Кожушко и О.Н. Владимирова подчеркивают, что «предоставление инвалидам возможности жить в сопровождении будет способствовать нормализации их жизни и максимально полному включению в жизнь социума». По результатам мониторинга исследователи пришли к выводу о том, что технологии сопровождаемого проживания в том или ином виде реализуются в большинстве субъектов Российской Федерации – в 68 субъектах (80%). Сопровождаемое проживание может проходить как индивидуально после прохождения обучения в тренировочных квартирах (в которых люди с ОВЗ развивают социальные навыки и обучаются самообслуживанию), так и в малых группах в обычных или специальных жилых домах государственного или частного жилищного фонда. В 13 субъектах Российской Федерации (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Московская область и др.) функционируют отдельные жилые дома для сопровождаемого проживания. В 50 субъектах Российской Федерации сопровождаемое проживание инвалидов малыми группами реализуется путем выделения для этих целей квартир в многоквартирных домах. При этом обе формы сопровождаемого проживания одновременно имеют место быть только в 28 субъектах Российской Федерации. В качестве примера общественно-частного партнерства Л.А. Кожушко и О.Н. Владимирова приводят дом сопровождаемого проживания для людей с интеллектуальными нарушениями в Санкт-Петербурге «Новая Охта». Проект реализуется ПАО «Группа ЛСР» и Санкт-Петербургской ассоциацией общественных объединений родителей детей-инвалидов «ГАООРДИ» при поддержке Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга [27. С. 51–52].

В данном случае можно говорить о том, что принципы сопровождаемого проживания отчасти противоречат идее инклюзивного проживания – проживания в естественных условиях наравне со всеми остальными жителями города в многоквартирных домах, участия в общих собраниях собственников помещений и т.п. В то же время сопровождаемое проживание можно рассматривать как один из этапов на пути к инклюзивному проживанию для людей с ОВЗ. Целесообразно подчеркнуть, что в данном случае именно социальная автономность является одним из важнейших свойств инклюзивного проживания – людям с ОВЗ в подобных условиях не должно требоваться сопровождение, что, таким образом, снижает роль помогающего субъекта (субъекта социально-помогающей деятельности) в их социальной жизни.

Инклюзивное проживание пожилых людей – достаточно актуальная из-за растущего числа пенсионеров проблема во всем мире, которая, по мнению специалистов, требует разработки инновационных подходов [28], объединяющих исследования в области архитектуры, социальных наук и жилищной политики [29]. Наиболее остро проблема инклюзивного проживания пожилых людей стоит в городах в том числе и в России. Л.А. Осьмук и О.Б. Незамаева акцентируют, что «пожилые, проживающие в городе, при выходе на пенсию выпадают из очень социально-насыщенной среды с огромным количеством социальных связей и ресурсов. Возникающее исключение может быть настолько контрастным, что приводит к острому чув-

ству утраты связей и ресурсов» [30. С. 99]. Очевидно, что психосоциальное самочувствие пожилых людей в условиях городской среды взаимосвязано с инклюзивностью проживания.

С целью повышения продолжительности, уровня и качества жизни людей старшего поколения в России распоряжением Правительства Российской Федерации в 2016 г. была утверждена «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г.» [31]. Основные задачи стратегии, направленные на достижение поставленной цели, в том числе связанные с повышением грамотности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, можно рассматривать как задачи повышения инклюзивности проживания пожилых людей в России в целом.

Инклюзивное проживание студентов в кампусе (общежитии) – достаточно актуальная проблема для западных высших учебных заведений. Основной акцент в подобных исследованиях делается на гендере [32] и сексуальной ориентации студентов. При этом исследователи подчеркивают, что переход к созданию инклюзивных условий проживания для студентов с учетом гендерных факторов должен осуществляться обоснованно. Введение подобной инклюзии проживания требует постоянной оценки альтернатив, а также сосредоточения внимания на страхах и чувствах cis-гендерных сотрудников [33].

Инклюзивное проживание с учетом гендерного фактора подходит не только для представителей ЛГБТ-сообщества – это проживание для всех, кто хочет жить с людьми, с которыми им комфортно, независимо от пола и сексуальной ориентации. Подобной политики активно придерживаются университеты, например, США (Гарвардский университет и др.) – информацию об этом можно обнаружить на официальных сайтах учебных заведений. В России на сегодняшний день зачастую вопрос о совместном проживании студентов разного пола в одной комнате решается исключительно при условии, что они состоят в браке. Хотя имеют место быть и исключения по договоренности с руководством учебного заведения.

В случае инклюзивного проживания студентов разного пола и сексуальной ориентации в России можно говорить о неготовности общества отказаться от традиционных ценностей, что является скорее недостатком, препятствующим повышению инклюзивности проживания в общежитиях. Таким образом, инклюзивное проживание невозможно без формирования инклюзивной культуры в обществе, которая Р.Г. Юсуповым и Р.И. Зайнуллиным «рассматривается как инструмент создания терпимого сообщества, стимулирующего равные возможности развития для всех» [34. С. 5]. Инклюзивная культура при этом рассматривается как элемент правовой культуры общества и формируется в том числе жилищной политикой государства.

Инклюзивная жилищная политика государства

Инклюзивность жилищной политики может рассматриваться как на уровне отдельно взятых жилищ (многоквартирных домов), так и на уровне города.

Высокие темпы строительства типового жилья, воплощающие бездушный городской пейзаж, приводят к утрате городом инклюзии проживания. К подобным выводам приходят исследователи инклюзивности жилищной политики в Мексике. В этом смысле жилищное строительство должно осуществляться согласованно и с учетом интересов конкретного сообщества, микрорайона, населенного пункта [35]. В России основным минусом довоенной и послевоенной многоэтажной застройки городов считается также утрата городами своего живописного силуэта, что приводило к однообразию [36. С. 93] и в терминах настоящего исследования – к утрате инклюзивности проживания в городах. С целью решения данной проблемы, по мнению А. Греко, необходим поиск решений, позволяющих сделать исторические здания и объекты инклюзивными по отношению к среде современного города, поиск решений, которые по-разному можно было бы реализовывать с уважением к истории и культурной среде, в то же время совершенствуя возможности их посещения и проживания в них с учетом потребностей современного человека [37].

В данном случае можно говорить также о том, что в результате точечной застройки высотными многоквартирными домами отдельных городов России их жители перестают чувствовать себя как дома [38]. Представляется, что именно данное чувство позволяет судить о наличии или отсутствии инклюзивности проживания в конкретном городе, многоквартирном доме и т.п. Кроме того, чувство дома усиливается под воздействием такого феномена, который А. Шюц называл «возвращающийся домой» [5. С. 11]. Таким образом, сама городская среда становится фактором инклюзивного проживания абсолютно всех категорий населения, включая малообеспеченные слои населения.

Аспекты инклюзии проживания в городе в контексте обеспечения жильем бедных слоев населения исследовались, например, в Йоханнесбурге – самом крупном по численности жителей городе Южно-Африканской Республики. В основу исследования была положена проблема незаконного заселения бедняками, прибывшими на заработки в центр города, брошенных многоквартирных домов жильцами, переехавшими в более комфортные для проживания районы. Доступное социальное жилье в данном случае рассматривается как условие инклюзивного проживания в институциональной среде мегаполиса [39]. Исследуя концепты социальной инклюзии и эксклюзии, В. Антонова подчеркивает, что со второй половины XX в. социальная эксклюзия была связана именно с упоминанием бедных в качестве изгоев французского общества 1960-х гг. (*les exclus*), а уже позднее стала распространяться на все большие категории социально незащищенных слоев населения [40. С. 153]. Целью разработки различных социальных и жилищных программ и была попытка решить проблему изгоев посредством их государственной поддержки. Таким образом, доступное жилье можно рассматривать как один из критериев инклюзивного проживания. Неслучайно жилищные права гарантируются гражданам конституцией большинства государств, в том числе и в России (ст. 40 Конституции Российской Федера-

ции): «Каждый имеет право на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату» [41].

Доступность жилья для различных слоев населения обеспечивается в том числе и за счет финансовой инклюзии (Financial Inclusion) – доступности и равенства возможностей получения услуг банков, кредитных организаций и т.п. При этом оптимальный уровень финансовой инклюзии достигается, когда основные финансовые услуги предоставляются гражданам по доступной цене, и эта цена также является экономически достаточной, чтобы побудить поставщиков финансовых услуг предоставлять такие услуги на постоянной основе [42]. В список значимых целей реализации «Стратегии развития жилищной сферы Российской Федерации до 2025 года» входит как раз повышение доступности жилья за счет развития рынка ипотечного кредитования, а также развитие институционального рынка арендного жилья [43]. Достижение указанных целей будет способствовать повышению инклюзивности как финансовых услуг, так и инклюзивности проживания в России в целом. Тем не менее вызывает сомнение возможность их достижения в столь короткий срок. В то же время достижение указанных целей невозможно без повышения благосостояния населения России в целом – доступное жилье не делает более доступным жилищно-коммунальные услуги, за которые собственники жилья обязаны также платить ежемесячно наравне с платежами по ипотечным кредитам.

Инклюзивная жилищная политика позволяет сформировать инклюзивную жилищную модель (Inclusive Housing Model) в государстве и преодолеть жилищное неравенство за счет развития механизмов, которые позволяют сделать более доступным жилье для всех слоев населения. К подобным выводам в исследовании инклюзивной жилищной модели в Греции пришли Т. Малутас, Д. Сятица и Д. Балампандис [44]. В то же время инклюзивная жилищная политика и финансовая инклюзия взаимосвязаны с развитием инклюзивной экономикой (Inclusive Economics) в целом, а сама тема экономической инклюзивности (Economic Inclusivity), по мнению А. Никерк, приобретает в мире все большее значение [45].

Заключение

Понимание многомерности социальной инклюзии позволило в рамках настоящего исследования выделить такой аспект, как инклюзивное проживание: социально автономное от помогающего субъекта проживание, в условиях которого каждому человеку, независимо от имеющихся физических, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется социально-экономическая возможность выбрать понравившееся место жительства (конкретный дом или квартиру), сожителей (вне зависимости от пола и возраста) и беспрепятственно взаимодействовать с соседями (например, на общих собраниях). Достижение подобной автономности – не сиюминутная задача,

требующая серьезных институциональных трансформаций как на макро-, так и на микроуровне.

Стратегия повышения инклюзивности проживания граждан должна быть принята на уровне государства и прописана в нормативно-правовых документах, отражающих особенности инклюзивной жилищной политики, что на сегодняшний день уже реализуется на территории Российской Федерации. Формирование подобных социально-правовых институтов и дальнейшее распространение соответствующих социальных практик под влиянием инклюзивной культуры в конечном счете и формирует комплексную инклюзивную жилищную модель в обществе.

Инклюзивный дизайн (дизайн для всех, доступный дизайн) должен быть заложен в основу методов не только проектирования жилых домов и квартир, но и городского планирования, чтобы городская среда оставалась инклюзивной для всех жителей независимо от возраста, мобильности и способностей. В России этому содействует сегодня, с одной стороны, государственная программа «Доступная среда». С другой стороны, новые комфортные многоэтажные жилые комплексы в обустроенных районах российских мегаполисов на сегодняшний день представляют собой образцы инклюзивного жилища – доступное общее имущество (перила, пандусы, современные лифты и т.п.), наличие широкополосного доступа к сети «Интернет», собственная отчасти независимая от города инфраструктура (аптеки и магазины на первых этажах и т.п.). Реализация подобных инклюзивных условий проживания в домах типовой советской застройки попросту невозможна в силу архитектурных ограничений – решением данной проблемы может стать закон о всероссийской реновации жилищного фонда в случае его принятия Государственной думой Российской Федерации с соблюдением интересов всех участников данного процесса (органов местного самоуправления, застройщиков и в первую очередь самих жителей).

Трансформация отдельных социально-правовых институтов в России отражает тенденции и направленность жилищной политики на повышение инклюзивности проживания как людей с ОВЗ, так и пожилых людей. Реализация подобной политики предусматривает в том числе развитие финансовой инклюзии, что отражается в «Стратегии развития жилищной сферы Российской Федерации до 2025 года». Предположительно это даст положительный эффект на инклюзивность российской экономики в целом.

В то же время инклюзивности проживания людей с ОВЗ способствуют, с одной стороны, формальные институты, направленные на повышение доступности общего имущества в многоквартирных домах в России, с другой – цифровая инклюзия, выражающаяся в доступности информации о многоквартирных домах в сети «Интернет» и цифровизации процессов управления (общие собрания посредством информационных систем). При этом сопровождаемое (не автономное) проживание людей с ОВЗ, формы которого развиваются во многих регионах России, может рассматриваться как один из этапов на пути к инклюзивному проживанию.

Инклюзивное проживание пожилых людей в России также не остается без внимания и обеспечивается «Стратегией действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г.». При этом вопрос инклюзивного проживания студентов в общежитиях остается открытым ввиду неготовности российского общества принять отдельные ценности западного мира. В данном случае можно говорить о том, что социальные институты могут быть направлены как на повышение инклюзивности проживания отдельных социальных групп, так и, наоборот, будучи экстрактивными, препятствовать инклюзии проживания в случае проживания студентов разных полов в общежитии.

Таким образом, среди основных институциональных проблем организации инклюзивного проживания в современном урбанизированном обществе можно выделить следующие:

- политико-правовые (отсутствие разработанной и реализованной инклюзивной жилищной политики, а также нормативно-правового регулирования в этой сфере). В России на данный момент отсутствует единый программный документ, определяющий инклюзивную жилищную модель, однако отдельные федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации и т.п. позволяют говорить об инклюзивности существующих социально-правовых институтов;

- социально-экономические (отсутствие равного доступа к основным благам, необходимым для комфортного проживания, включая доступное жилье и жилищно-коммунальные услуги). Обеспечение экономической инклюзии – серьезная задача даже для развитых стран, сопряженная с проблемами социального неравенства, социальной справедливости и т.п. В России на данный момент можно говорить только о

развитии институтов, направленных на повышение финансовой инклюзии;

- социально-культурные (традиционные нормы и ценности, препятствующие восприятию, например, социальной модели инвалидности). В современных многонациональных мультиконфессиональных обществах проблема социальной солидарности стоит достаточно остро. Тем не менее на сегодняшний день можно говорить о том, что в современной России уже идет процесс формирования социальных практик (в основе которых лежат формальные социально-правовые институты) инклюзивного проживания людей с ОВЗ и пожилых людей в городах;

- материально-технологические (отсутствие технологий строительства инклюзивного жилья и т.п.). Подобные технологии на сегодняшний день широко представлены в том числе и в России, а цифровая инклюзия позволяет людям со всего мира обмениваться опытом инклюзивного проживания, приобретать инклюзивную мебель для жилого дома или городской квартиры через интернет.

Дальнейшие исследования многомерности социальной инклюзии, инклюзивной жилищной политики, а также непосредственно инклюзивности проживания различных слоев населения в России представляются чрезвычайно актуальными, что обусловлено продолжающейся трансформацией институциональной структуры в условиях глобализации и развития информационного общества. Кроме того, представляется, что инклюзивность проживания может рассматриваться как один из показателей качества жизни населения того или иного государства, что требует дальнейших исследований институциональных факторов, обуславливающих социальную инклюзию или эксклюзию в данном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Горяйнова А.Р., Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзивное образование: общественное мнение и опыт инсайдеров // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 98–110. DOI: 10.17223/15617793/453/12
- Инденбаум Е.Л. Инклюзивная компетентность как перспектива современного педагогического образования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 194–204. DOI: 10.17223/15617793/452/24
- Дегтярёва В.В., Дружинина Ю.В. Организационные практики внедрения инклюзивной формы обучения в системе высшего профессионального образования: опыт регионального вуза // Социология. 2019. № 1. С. 210–216.
- Жданова И.В., Можейкина Л.Б. Содействие инклюзивному трудоустройству выпускников вузов из числа инвалидов: концептуальные аспекты и опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 195. С. 82–88. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-195-82-88
- Литвинцев Д.Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. XXIII, № 1. С. 7–34. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1
- Семеновских Т.В. Многомерность инклюзии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 5-3. С. 153–155.
- Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson «Why Nations Fail». Ч. I. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 12–38. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-1
- Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson «Why Nations Fail». Ч. II. Институциональная динамика и выводы для России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 3 (35). С. 12–32. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-35-3-1
- Anderson I., Finnerty J., McCall V. Home, Housing and Communities: Foundations for Inclusive Society // Social Inclusion. 2020. Vol. 8, is. 3. P. 1–4. DOI: 10.17645/si.v8i3.3508
- Burzanović T., Gorica D. Universal design, Inclusive Design and Design for all (Eco design) // UBT International Conference. 2017. DOI: 10.33107/ubt-ic.2017.214
- Persson H., Åhman H., Yngling A., Gulliksen J. Universal Design, Inclusive Design, Accessible Design, Design for All: Different Concepts – One Goal? On The Concept of Accessibility – Historical, Methodological and Philosophical Aspects // Universal Access in the Information Society. 2014. Vol. 14. P. 505–526. DOI: 10.1007/s10209-014-0358-z
- Шкуро В. Инклюзивный дизайн как составляющая развития городов // Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Серия: Социальная работа. 2019. Т. 1, № 5. С. 55–57. DOI: 10.17721/2616-7786.2019/5-1/12
- Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (дата обращения: 26.09.2020).

14. Отчет о ходе реализации и об оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Министерство труда и социального развития Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/handicapped/1353> (дата обращения: 13.11.2020).
15. Nickson G. The Need for Inclusive Housing Design // *Housing, Care and Support*. 2005. Vol. 8, is. 1. P. 29–32. DOI: 10.1108/14608790200500007
16. Ward M., Franz J., Adkins B. Inclusive Housing in Australia: A Voluntary Response // *Proceedings of World Academy of Science, Engineering and Technology*. 2012. P. 344–352.
17. Ward M., Franz J., Adkins B. Livable Housing Design: The Voluntary Provision of Inclusive Housing in Australia // *Journal of Social Inclusion*. 2014. Vol. 5, is. 1. P. 43–60. DOI: 10.36251/josi.68
18. Elsinga M., Hoekstra J., Sedighi M., Taebi B. Toward Sustainable and Inclusive Housing: Underpinning Housing Policy as Design for Values // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, is. 5. DOI: 10.3390/su12051920
19. Milner J., Madigan R. Regulation and Innovation: Rethinking 'Inclusive' Housing Design // *Housing Studies*. 2004. Vol. 19, is. 5. P. 727–744. DOI: 10.1080/0267303042000249170
20. Постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144804/ (дата обращения: 26.09.2020).
21. Литвинцев Д.Б. Конфликтная среда многоквартирного дома: социальные последствия принятия Федерального закона № 462-ФЗ // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Нефтекамск, 2019. С. 119–123.
22. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 26.09.2020).
23. Reisdorf B., Rhinesmith C. Digital Inclusion as a Core Component of Social Inclusion // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8, is. 2. P. 132–137. DOI: 10.17645/si.v8i2.3184
24. Конвенция о правах инвалидов // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 26.09.2020).
25. Приказ Минтруда России от 14.12.2017 № 847 «Об утверждении методических рекомендаций по организации различных технологий сопровождаемого проживания инвалидов, в том числе такой технологии, как сопровождаемое совместное проживание малых групп инвалидов в отдельных жилых помещениях» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285429/ (дата обращения: 26.09.2020).
26. ГОСТ Р 56220-2014. Требования к организациям, предлагающим услуги по сопровождаемому проживанию для пожилых людей: национальный стандарт Российской Федерации / Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации. М. : Стандартинформ, 2015. 14 с.
27. Кожушко Л.А., Владимирова О.Н. Оценка доступности технологий сопровождаемого проживания инвалидов в субъектах Российской Федерации // Инновационные технологии реабилитации: наука и практика: сборник статей II Международной конференции. СПб., 2019. С. 49–54.
28. Price K. Inclusive Housing in an Ageing Society: Innovative Approaches // *Australasian Journal on Ageing*. 2007. Vol. 26, is. 2. DOI: 10.1111/j.1741-6612.2007.00228.x
29. Peace Sh., Holland C. Inclusive Housing in an Ageing Society: Innovative Approaches. Policy Press, 2001. 280 p.
30. Незамаева О.Б., Осьмук Л.А. Психосоциальное здоровье пожилых людей в условиях среды большого города // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия: Демография. Социология. Экономика / под ред. чл.-кор. РАН С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. 2019. Т. 5, № 4. С. 97–100.
31. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (дата обращения: 26.09.2020).
32. Anderson-Long M., Jeffries M. Open Systems Theory Analysis of Community College Gender-Inclusive Housing Policies // *New Directions for Community Colleges*. 2019. Vol. 2019, is. 188. P. 67–78. DOI: 10.1002/cc.20379
33. Nicolazzo Z., Marine S., Wagner R. From Best to Intentional Practices: Reimagining Implementation of Gender-Inclusive Housing // *Journal of Student Affairs Research and Practice*. 2018. Vol. 55, is. 2. P. 225–236. DOI: 10.1080/19496591.2018.1399896
34. Юсупов Р.Г., Зайнуллин Р.И. К вопросу о формировании инклюзивной культуры как элемента правовой культуры в обществе и учебных заведениях // *Вестник Института права Башкирского государственного университета*. 2019. № 2 (4). С. 5–14. DOI: 10.33184/vestlaw-bsu-2019.4.2
35. Corona M. Social Versus Affordable: The Search for Inclusive Housing Policies in Mexico // *Architectural Design*. 2018. Vol. 88, is. 4. P. 102–111. DOI: 10.1002/ad.2327
36. Литвинцев Д.Б. Эволюция строительства многоквартирных домов в зеркале социологии // *Урбанистика*. 2020. № 2. С. 88–99. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.2.32976
37. Greco A. Social Sustainability: from Accessibility to Inclusive Design // *EGE-Expresión Gráfica en la Edificación*. 2020. № 12. P. 18–27. DOI: 10.4995/eg.2020.14072.
38. Литвинцев Д.Б., Осьмук Л.А. Вертикальное измерение города: психосоциальные аспекты проживания в высотных многоквартирных домах // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 6. С. 26–30. DOI: 10.24158/spp.2020.6.3
39. Kotze N. Converting office blocks to affordable housing in the inner city of Johannesburg: social housing or a ruse for inclusive housing? // *Proceedings of the International Scientific Symposium New Trends in Geography, Ohrid*. 2019. October 3–4. P. 203–213. DOI: 10.37658/procgeo19203k
40. Антонова В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11, № 2. С. 151–170.
41. Конституция Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.09.2020).
42. Ozili P. Optimal Financial Inclusion // *International Finance Review*. 2020. Vol. 21. P. 1–18. DOI: 10.2139/ssrn.3551463
43. Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации до 2025 года // СПС КонсультантПлюс. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/minstroj_strategia_211217.pdf (дата обращения: 26.09.2020).
44. Maloutas Th., Siatidis D., Balampanidis D. Access to Housing and Social Inclusion in a Post-Crisis Era: Contextualizing Recent Trends in the City of Athens // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8, is. 3. P. 5–15. DOI: 10.17645/si.v8i3.2778
45. Niekerk A. A Conceptual Framework for Inclusive Economics // *South African Journal of Economic and Management Sciences*. 2019. Vol. 22, is. 1. DOI: 10.4102/sajems.v22i1.2915

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 24 ноября 2020 г.

Inclusive Living in Russia as an Aspect of the Multidimensionality of Social Inclusion

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 84–92.

DOI: 10.17223/15617793/468/10

Denis B. Litvintsev, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denlitv@inbox.ru

Lyudmila B. Mozheykina, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mozhejkina@corp.nstu.ru

Valeria V. Degtyareva, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: v.degtyareva@corp.nstu.ru

Keywords: sociology of housing social inclusion; social exclusion; inclusive living; inclusive housing policy; inclusive housing model; inclusive housing; inclusive design; social and legal institutions.

Inclusive education of people with disabilities today is a fairly popular object of research among a wide range of specialists (sociologists, psychologists, social workers); however, disabilities are far from the only factor of social exclusion, and education is not the only process aimed at increasing the inclusiveness of society. The multidimensionality of social inclusion makes it possible, in the framework of this study, to single out the aspect of inclusive living. This aspect is revealed in the ideas of inclusive design of dwellings themselves and the urban space in general, is ensured by the construction of inclusive housing, and is supported by the inclusive housing policy of the state. Thus, the aim of this study is to identify and conceptualize inclusive living as an aspect of multidimensional social inclusion in the context of the transformation of social and legal institutions in Russia. During the study, the general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, comparison, and analogy were used. The theoretical basis of the study was the works of Russian and mainly foreign researchers in the field of inclusive housing policy, inclusive housing, inclusive design, etc. The legal framework for the study was the Constitution of the Russian Federation, the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, federal laws of the Russian Federation, resolutions of the Government of the Russian Federation, orders of ministries, national standards, etc. As a result of the study, the authors' definition of the concept of inclusive living is proposed: it is a living socially autonomous from the helping subject, in which each person, regardless of the physical, intellectual and other characteristics, is provided with a socioeconomic opportunity to choose the place of residence (a specific house or apartment) and roommates (regardless of gender and age) they like, and freely interact with neighbors (for example, at general meetings). In the course of the study, some assessment is also given to the transformation of social and legal institutions in Russia aimed at increasing the inclusiveness of the residence of certain social groups (disabled people, elderly people, etc.). In addition, the authors suggest that the inclusiveness of living can be considered as one of the indicators of the quality of life of the population of a particular state, which requires further research on the institutional factors that determine social inclusion or exclusion in this context.

REFERENCES

1. Goryaynova, A.R. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2020) Inclusive Education: Public Opinion and Insiders' Experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 453. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/453/12
2. Indenbaum, E.L. (2020) Inclusive competences as a perspective of modern pedagogical education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 194–204. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/452/24
3. Degtyareva, V.V. & Druzhinina, Yu.V. (2019) Organizational practices of implement inclusive forms of education in the system of higher education: regional high school's experience. *Sotsiologiya – Sociology*. 1. pp. 210–216. (In Russian).
4. Zhdanova, I.V. & Mozheykina, L.B. (2020) Assistance in Inclusive Employment of University Graduates With Disabilities: Conceptual Aspects and Experience. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 195. pp. 82–88. (In Russian). DOI: 10.33910/1992-6464-2020-195-82-88
5. Litvintsev, F.B. (2020) The Category of Housing in the Classical Sociology. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. XXIII (1). pp. 7–34. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1
6. Semenovskikh, T.V. (2016) Multidimensionality of Inclusion. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 8 (5-3). pp. 153–155.
7. Natkhov, T.V. & Polishchuk, L.I. (2017) Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive. Reflection on "Why Nations Fail" by D. Acemoglu and J. Robinson. Part I. Institutions and Economic Development. Institutional Choice. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii – Journal of the New Economic Association*. 2 (34). pp. 12–38. (In Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-1
8. Natkhov, T.V. & Polishchuk, L.I. (2017) Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive. Reflection on "Why Nations Fail" by D. Acemoglu and J. Robinson. Part II. Institutional Change and Implications for Russia. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii – Journal of the New Economic Association*. 3 (35). pp. 12–32. (In Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2017-35-3-1
9. Anderson, I., Finnerty, J. & McCall, V. (2020) Home, Housing and Communities: Foundations for Inclusive Society. *Social Inclusion*. 8 (3). pp. 1–4. DOI: 10.17645/si.v8i3.3508
10. Burzanović, T. & Gorica, D. (2017) Universal design, Inclusive Design and Design for all (Eco design). *UBT International Conference*. DOI: 10.33107/ubt-ic.2017.214
11. Persson, H. et al. (2014) Universal Design, Inclusive Design, Accessible Design, Design for All: Different Concepts – One Goal? On The Concept of Accessibility – Historical, Methodological and Philosophical Aspects. *Universal Access in the Information Society*. 14. pp. 505–526. DOI: 10.1007/s10209-014-0358-z
12. Shkuro, V. (2019) Inclusive Design as a Component of City Development. *Vestnik Kievskogo natsional'nogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko. Seriya: Sotsial'naya rabota – Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv. Social work*. 1 (5). pp. 55–57. (In Ukrainian). DOI: 10.17721/2616-7786.2019/5-1/12
13. Consultant Plus. (2019) Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019, No. 363: On approval of the RF state program "Accessible Environment". [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (Accessed: 26.09.2020). (In Russian).
14. Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation. (2020) Report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the RF state program "Accessible Environment". [Online] Available from: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/handicapped/1353> (Accessed: 13.11.2020). (In Russian).
15. Nickson, G. (2005) The Need for Inclusive Housing Design. *Housing, Care and Support*. 8 (1). pp. 29–32. DOI: 10.1108/14608790200500007
16. Ward, M., Franz, J. & Adkins, B. (2012) Inclusive Housing in Australia: A Voluntary Response. *Proceedings of World Academy of Science, Engineering and Technology*. 67. pp. 344–352.
17. Ward, M., Franz, J. & Adkins, B. (2014) Livable Housing Design: The Voluntary Provision of Inclusive Housing in Australia. *Journal of Social Inclusion*. 5 (1). pp. 43–60. DOI: 10.36251/josi.68

18. Elsinga, M. (2020) Toward Sustainable and Inclusive Housing: Underpinning Housing Policy as Design for Values. *Sustainability*. 12 (5). DOI: 10.3390/su12051920
19. Milner, J. & Madigan, R. (2004) Regulation and Innovation: Rethinking 'Inclusive' Housing Design. *Housing Studies*. 19 (5). pp. 727–744. DOI: 727-744.10.1080/0267303042000249170
20. Consultant Plus. (2013) *Decree of the Government of the Russian Federation of 03.04.2013 No. 290 "On the minimum list of services and works necessary to ensure the proper maintenance of common property in an apartment building, and the procedure for their provision and implementation"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144804/ (Accessed: 26.09.2020). (In Russian).
21. Litvintsev, D.B. (2019) [Conflict environment of an apartment building: social consequences of the adoption of Federal Law No. 462-FZ]. *Aktual'nye problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossiyskoy Federatsii* [Topical issues of the formation of the rule of law in the Russian Federation]. Proceedings of the International Conference. Neftekamsk: [s.n.]. pp. 119–123. (In Russian).
22. Consultant Plus. (1995) *Federal Law "On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation" of November 24, 1995, No. 181-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (Accessed: 26.09.2020). (In Russian).
23. Reisdorf, B. & Rhinesmith, C. (2020) Digital Inclusion as a Core Component of Social Inclusion. *Social Inclusion*. 8 (2). pp. 132–137. DOI: 10.17645/si.v8i2.3184
24. UN. (2008) *Konventsiya o pravakh invalidov* [Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Accessed: 26.09.2020).
25. Consultant Plus. (2017) *Order of the Ministry of Labor of Russia of December 14, 2017, No. 847 "On the approval of guidelines for the organization of various technologies for accompanied accommodation of disabled people, including such technology as accompanied cohabitation of small groups of disabled people in separate living quarters"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285429/ (Accessed: 26.09.2020). (In Russian).
26. GOST R 56220-2014. (2015) *GOST R 56220-2014. Trebovaniya k organizatsiyam, predlagayushchim uslugi po soprovozhdaemomu prozhivaniyu dlya pozhilykh lyudey: natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii* [GOST R 56220-2014. Requirements for organizations offering accompanied accommodation services for the elderly: national standard of the Russian Federation]. Moscow: Standartinform.
27. Kozhushko, L.A. & Vladimirova, O.N. (2019) [Assessment of the availability of technologies for accompanied living of disabled people in the constituent entities of the Russian Federation]. *Innovatsionnye tekhnologii reabilitatsii: nauka i praktika* [Innovative technologies of rehabilitation: science and practice]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: OOO "R-KOPI". pp. 49–54. (In Russian).
28. Price, K. (2007) Inclusive Housing in an Ageing Society: Innovative Approaches. *Australasian Journal on Ageing*. 26 (2). DOI: 10.1111/j.1741-6612.2007.00228.x
29. Peace, Sh. & Holland, C. (2001) *Inclusive Housing in an Ageing Society: Innovative Approaches*. Policy Press.
30. Nezamaeva, O.B. & Os'muk, L.A. (2019) Psychosocial Health Elderly in the Conditions of the Environment of the Big City. *Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika – Demography. Sociology. Economy*. 5 (4). pp. 97–100. (In Russian).
31. Consultant Plus. (2016) *Order of the Government of the Russian Federation of 05.02.2016 No. 164-r "On approval of the Strategy of actions in the interests of citizens of the older generation in the Russian Federation until 2025"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (Accessed: 26.09.2020). (In Russian).
32. Anderson-Long, M. & Jeffries, M. (2019) Open Systems Theory Analysis of Community College Gender-Inclusive Housing Policies. *New Directions for Community Colleges*. 188. pp. 67–78. DOI: 10.1002/cc.20379
33. Nicolazzo, Z., Marine, S. & Wagner, R. (2018) From Best to Intentional Practices: Reimagining Implementation of Gender-Inclusive Housing. *Journal of Student Affairs Research and Practice*. 55 (2). pp. 225–236. DOI: 10.1080/19496591.2018.1399896
34. Yusupov, R.G. & Zaynullin, R.I. (2019) The Issue of the Formation of the Inclusive Culture as an Element of Legal Culture in Society and Educational Institutions. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (4). pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2019.4.2
35. Corona, M. (2018) Social Versus Affordable: The Search for Inclusive Housing Policies in Mexico. *Architectural Design*. 88 (4). pp. 102–111. DOI: 10.1002/ad.2327
36. Litvintsev, D.B. (2020) Evolution of Multi-Storey Residential Construction Through the Prism of Sociology. *Urbanistika – Urban Studies*. 2. pp. 88–99. (In Russian). DOI: 10.7256/2310-8673.2020.2.32976
37. Greco, A. (2020) Social Sustainability: from Accessibility to Inclusive Design. *EGE – Expresión Gráfica en la Edificación*. 12. pp. 18–27. DOI: 10.4995/ege.2020.14072
38. Litvintsev, D.B. & Os'muk, L.A. (2020) Vertical dimension to the city: psychosocial aspects of living in high-rise apartment buildings. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 6. pp. 26–30. DOI: 10.24158/spp.2020.6.3
39. Kotze, N. (2019) Converting office blocks to affordable housing in the inner city of Johannesburg: social housing or a ruse for inclusive housing? *Proceedings of the International Scientific Symposium New Trends in Geography*. Ohrid. 3–4 October 2019. pp. 203–213. DOI: 10.37658/procgeo19203k
40. Antonova, V.K. (2013) The Concepts of Social Inclusion and Exclusion in Global Society: A Journey Within Social Institutions, Actors and Practices. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 11 (2). pp. 151–170. (In Russian).
41. Consultant Plus. (2020) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed: 26.09.2020).
42. Ozili, P. (2020) Optimal Financial Inclusion. *International Finance Review*. 21. pp. 1–18. DOI: 10.2139/ssrn.3551463
43. Consultant Plus. (2017) *Development strategies for the housing sector of the Russian Federation until 2025*. [Online] Available from: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/minstroj_strategia_211217.pdf (Accessed: 26.09.2020). (In Russian).
44. Maloutas, Th., Siatitsa, D. & Balampanidis, D. (2020) Access to Housing and Social Inclusion in a Post-Crisis Era: Contextualizing Recent Trends in the City of Athens. *Social Inclusion*. 8 (3). pp. 5–15. DOI: 10.17645/si.v8i3.2778
45. Niekerk, A. (2019) A Conceptual Framework for Inclusive Economics. *South African Journal of Economic and Management Sciences*. 22 (1). DOI: 10.4102/sajems.v22i1.2915

Received: 24 November 2020

Т.А. Подшибякина

КОГНИТИВНАЯ СВОБОДА – НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА XXI в.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00906 А «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Проведен обзор публикаций о практически не представленной в научном дискурсе теме когнитивной свободы с позиций различных научных подходов, дана оценка степени ее изученности в политической науке. Авторским вкладом в осмысление когнитивной свободы в политическом аспекте стало обоснование диффузионной концепции когнитивной свободы с использованием сочетания двух подходов: имплицитной когнитивистики и политического диффузионизма.

Ключевые слова: когнитивная свобода; свобода мысли; имплицитная когнитивистика; политическая диффузия; когнитивный контроль.

Введение

Понятие когнитивной свободы вошло в общественный дискурс и политическую практику раньше, чем получило достойное научное осмысление и в богатейшей философской традиции, как, например, понятие «свобода мысли», и в относительно новом когнитивистском направлении. Принято считать, что концепция когнитивной свободы (Cognitive Liberty) была придумана американскими активистами борьбы за гражданские права. Когнитивная свобода, едва появившись, практически сразу стала претендовать на статус новой политической свободы XXI в., требующей внесения в конституционные нормы.

Определение понятия «когнитивная свобода» как свободы политической при его отсутствии в научном обороте ни в значении общеупотребимого, ни в качестве дискуссионного требует поэтапного решения этой непростой задачи. На первом этапе необходимо обобщить уже известные наработки, существующие в психологическом и нейросетевом подходах. На втором этапе сформулировано понятие «когнитивная свобода» с опорой на когнитивный и эпистемологический подходы. На третьем этапе предложена к обсуждению концепция «когнитивная свобода» как свобода политическая. И в развитие ее обосновано авторское диффузионное понятие когнитивной свободы, базирующееся на сочетании когнитивистского и диффузионного подходов.

Понятие «когнитивная свобода»: эволюция в психологическом статусе

Понятие и концепцию когнитивной свободы, как принято считать, ввели в научный оборот Рай Сен-тенция и Ричард Глен Буар в 2000 г. Рай Сен-тенция возглавляла Центр когнитивной свободы и этики «Center for Cognitive Liberty & Ethics» (CCLE), созданный в 1999 г. с целью осуществления миссии разработки политики, которая сохранит и защитит свободу мысли в XXI в. в условиях возникновения новых нейротехнологий улучшения когнитивных функций человека. Она активно продвигала тезис о необходимости отстаивания когнитивной свободы от неоправданно высокого влияния конвергентных технологий по улучшению человеческого познания. По замыслу

инициаторов широкой общественной дискуссии, понятие «когнитивная свобода» было призвано расширить традиционное понятие «свобода мысли» и подтолкнуть демократическое общество к имплементации новой нормы в правовую систему посредством включения его в текст Конституции [1. С. 32].

Своим появлением понятие «когнитивная свобода» обязано активным разработкам нейротехнологий, вызвавших обеспокоенность в обществе непредсказуемыми последствиями их вторжения в область тонких физических материй мозга и психических процессов, связанных с мыслительной деятельностью. В одном из первых своих смыслов понятие «когнитивная свобода» рассматривалось в качестве инструмента для оценки воздействия на сознание разработок нейротехнологий [2]. Впоследствии уже в целях защиты человека от пагубного воздействия нейротехнологий было предложено ввести понятие «когнитивная свобода», или «свобода разума», в международное гуманитарное право.

В научной литературе нет единого понимания сущности когнитивной свободы как социального и политического феномена, есть несколько определений в основном рассматриваемых в контексте нейроэтики и проблем применения нейротехнологий для воздействия на человеческое сознание. Главным аргументом борцов за торжество когнитивной свободы является тезис о том, что в ситуации, когда разделение понятий разума и мозга как биологической нейросистемы является общепризнанным, человек чувствует себя защищенным законами от физического ограничения свободы, но практически незащищен перед оказанием влияния на психическое состояние и умственную деятельность. В обществе этот феномен осознается как проблема признания/непризнания права извне изменять психическое состояние людей, в частности манипулятивного вмешательства в процессы принятия решений. Манипуляторами могут выступать как государство, использующее политические нормы, так и общественные организации, инициирующее общие когнитивные стандарты.

В научном дискурсе наиболее распространены определения когнитивной свободы в основном в области психологии. Ян-Кристоф Бублиц рассматривает Cognitive Liberty как «право изменять свои психические состояния с помощью нейроинструментов, а так-

же отказ от этого» [3. Р. 234]. Кроме того, Бублиц указывает еще на один аспект понятия когнитивной свободы: «Когнитивная свобода или право на ментальное самоопределение гарантирует индивидуальный суверенитет над своим разумом» [3. Р. 242]. Согласно его мнению, необходимо законодательно закрепить как важнейшее право человека когнитивную свободу, или умственное самоопределение, которое гарантирует суверенитет человека над своим разумом и влечет за собой разрешение как использовать, так и отказываться от нейроусиления.

Паоло Соммаджо, Марко Маццокка, Алессио Джерола, Фульвио Ферро относят когнитивную свободу к «неврологическим правам человека» и определяют как «право каждого человека мыслить автономно и независимо, использовать весь набор своих умственных способностей и несколько образов мышления» [4]. Рай Сентенция, в свою очередь, также использует принцип автономности мышления для определения сущностных характеристик когнитивной свободы: «Каждый человек должен уметь мыслить независимо и использовать весь спектр его умственных способностей» [2. С. 223]. В этом значении когнитивная свобода может быть интерпретирована как свобода контроля человека над собственным сознанием и мыслительными процессами, или свобода управления собственным сознанием. Новые нейротехнологии открывают доступ по крайней мере к некоторым компонентам ментальной информации, что может привести к злоупотреблениям и создать беспрецедентные угрозы свободе разума и способности людей свободно управлять своим поведением [5].

Понятие «свобода» в пространстве когнитивистики

Когнитивный подход в разных научных областях основным предметом исследования рассматривает знания и все, что связано с их получением, хранением, представлением и интерпретацией, т.е. их переработкой. Вторым когнитивным аспектом является организация деятельности на основе переработанных знаний и информации, таким образом, мотивация поведения человека и его деятельности объясняется внутренними мыслительными, ментальными и познавательными процессами. Джордж Лакофф с позиций когнитивной науки описывает связь разума и свободы, отстаивая основной тезис о том, что свобода как политическая идея является продуктом человеческого разума, умственных процессов, а сама мысль – это физическое явление нейронных сетей. Всякая мысль использует фреймы – ментальные структуры ограниченного объема, концептуальные рамки, помогающие осознавать действительность. Свобода, как и любое политическое понятие, состоит из фреймов и метафор [6. Р. 13–18].

Понятие свободы часто рассматривается в когнитивистских теориях в контексте проблемы «свобода – детерминизм», касающейся в первую очередь объяснения причин возникновения всех когнитивных процессов. Можно выделить позицию нейродетерминизма, признающего наличие свободных от детерми-

нации зон (К.В. Анохин) и позицию социального когнитивизма, заключающуюся в признании влияния окружения на поведение личности, отрицание безоговорочного контроля над личностью, равно как и возможности абсолютно свободного поведения личности (А. Бандура)

Когнитивная свобода как понятие может быть описано и через систему ограничений, возникающих на ее пути, на первый взгляд, таким дескриптором может выступить альтернативное по смыслу понятие «когнитивный контроль». Идея сочетания свободы и контроля, «гибкого управления» исследовалась в философии К. Поппером в рамках его концепции «третьего мира», мира объективного содержания мышления [7. Р. 232]. В психологической трактовке «когнитивный контроль» можно рассматривать как проявление свободы человека контролировать свои собственные когнитивные состояния и процессы. Практически все предполагаемое поведение усваивается и поэтому зависит от когнитивной системы, которая может усвоить и реализовать «правила игры», необходимые для достижения данной цели в данной ситуации [8]. С точки зрения когнитивной психологии когнитивный контроль относится к психическим процессам, которые позволяют адаптивно варьировать поведение в зависимости от текущих целей. Одной из его основных функций является переопределение, ограничение или подавление нежелательных, но доминирующих тенденций реакции [9]. С позиций когнитивной лингвистики когнитивный контроль рассматривается как процедурная функция метапамяти и рабочей памяти [10], или как функция детекции (выявления) осознаваемых и неосознаваемых конфликтов в информации и адаптация к ним [11], а также как контроль над уже полученными знаниями [12].

Теория социального научения Альберта Бандуры позволяет понять социальные аспекты осуществления когнитивного контроля через его связь с социальным опытом, показывает, как через репрезентацию опыта в символической форме, манипулирование символической информацией можно получать новые знания. Когнитивный контроль действий осуществляется через мысленное решение возникающих проблем, мышление при этом выступает как процесс символического конструирования, основанный на мыслительном отображении социального опыта. Когнитивный контроль реализуется через когнитивные репрезентации будущего, оценивание их последствий и выступает в качестве действующего мотиватора поведения [13].

Накопленное в когнитивистике знание о связи когнитивных и свободы фрагментарно и не сложилось в обобщенные концепции или теории, но все же позволяет назвать основные когнитивные структурные элементы, связанные со свободой когнитивного выбора и личной автономией, – свобода познания, свобода сознания, свобода репрезентации, свобода рецепции, свобода памяти, свобода информации, свобода мысли.

Свобода познания. Под познанием в когнитивистике понимается «способность человека приобретать и осваивать (перерабатывать) информацию из окружающей среды (а также внутренней среды организма) с целью адаптации к реальности» [14. С. 157], а зна-

ние трактуется как «всякая усвоенная индивидом информация как на уровне понимания, так и на уровне личного использования» [14. С. 158]. «В конструктивистском смысле знание следует понимать, как некое конструирование (процесс создания, который происходит внутри нас), а не как приобретение знаний в традиционном смысле этого слова – где мы каким-то образом получаем их из реального внешнего мира» [15. С. 42].

Свобода сознания. Нейросетевой и коннекционистский подход рассматривают когнитивные процессы как результат взаимодействия организма человека и социальной среды. Согласно коннекционистской модели «мышление протекает в рамках синтезированных паттернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических отношений» [15. С. 57]. Другой известный нейросетевой подход, рассматривающий сознание как процесс, протекающий в структуре мозга, представлен гиперсетевой теорией К.В. Анохина [16], которая представляет мозг как гиперсеть – сеть сетей, «когнитом». Сознание – это свойство высокоорганизованной движущейся материи, трафик в этой сети и есть наш разум, я, память, ментальность.

Свобода репрезентации. Репрезентация (представление) знаний является центральным понятием в когнитивной психологии и в целом в когнитивистике. «Под репрезентацией знаний понимается некоторая когнитивная схема – результат построения человеком (обществом) моделей реальности, в которых фиксируются наиболее важные с точки зрения его приспособления к среде факты, связи и закономерности последней» [14. С. 158].

Свобода рецепции. Когнитивная рецепция – одно из наиболее значимых проявлений когнитивной свободы. Рецепция (от латинского *gessertio*; принятие) – в коммуниктивистике будет означать свободное принятие и свободное следование выбранным образцам, паттернам, нормам. В когнитивистике это процессы восприятия, выполняемые мозгом, с задействованием памяти, внимания и т.д. по принятию знаний, информации, чужого опыта. Проблема свободы/несвободы процесса рецепции связана с различными формами влияния, которые могут быть оказаны на добровольный выбор единиц подражания. В конкретном случае когнитивной рецепции и объектом влияния будут убеждения, мотивы поведения, система мировоззрения индивида, способы познания реальности, а в качестве инструмента влияния выступают технологии манипулирования/управления с помощью знаний и информации.

Свобода сохранения памяти. Современные когнитивные теории исходят из нейробиологического понимания индивидуальной памяти в противовес метафористичному сравнению механизма памяти с компьютерным интерфейсом. Способ ограничения свободы во время извлечения информации из глубин мозга заключается в воздействии на процесс постоянного «перезаписывания», или «реконсолидации памяти». «Возможна имплантация новых “воспоминаний”, которая происходит в моменты реактивации старой па-

мяти. Человек в данном случае несет в себе искусственные воспоминания, непреднамеренно или умышленно имплантированные ему в мозг, в полной уверенности в их истинности» [17. С. 89].

Свобода получения и распространения информации. С точки зрения нейрокогнитивистики информация, которой обладает каждый человек, не накапливается где-то в мозге, она безгранична в том смысле, что «наш разум, наше сознание, наша душа, если хотите, имеет такое количество степеней свободы, она может создать такое количество миров в себе, которое нельзя сосчитать. В ней содержатся все образы того, что мы видели каждую секунду, она может генерировать то, что мы видим, это то, что создают эти клетки мозга. Это бесконечность» [18].

Свобода мысли – политическая свобода. Политическая свобода мысли не идентична понятию когнитивной свободы, в ст. 29 Конституции России, свобода мысли и слова предполагает лишь защиту от принуждения к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, а также право каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [19]. Существует точка зрения, согласно которой свобода мысли как политическая свобода может быть расширена за счет включения права определять содержание своих мыслей [2] или за счет переосмысления содержания понятия «свобода мысли» с позиций вопроса о том, кто может изменять мысли человека [20. С. 1312].

Обобщая вышесказанное, можно таким образом определить понятие когнитивной свободы: «Когнитивная свобода – свобода приобретения, хранения, преобразования, использования, представления и передачи знания индивидами». Политический аспект проблем когнитивной свободы заключается в рассмотрении ее как политической свободы, как новой политической свободы XXI в.

Концепция политической «когнитивной свободы»

Наиболее широко в течение уже двадцати лет дискуссия ведется по осмыслению когнитивной свободы как правовой категории, прежде всего в ее взаимосвязи с правами человека [4]. Борьба за признание когнитивной свободы как новой политической свободы была развернута при помощи информационной поддержки специально созданного для этой цели «Журнала когнитивных свобод», издаваемого неправительственной организацией «Центр когнитивной свободы и этики» с 1999 по 2004 г. в Соединенных Штатах Америки [21]. В настоящее время «Центр когнитивной свободы и этики (CCLE)» – это некоммерческий Институт права и политики, работающий над продвижением устойчивой социальной политики, защищающей свободу мысли. Целью организации является юридическое признание когнитивной свободы – «права каждого человека мыслить независимо, иметь право принимать решения по вопросам, затрагивающим его или ее сознание, и участвовать в полном спектре возможностей мыслительного процесса» [22]. В основе предложенного определения лежат три

принципа: конфиденциальности, автономии и выбора. Конфиденциальность предполагает распространение права на неприкосновенность частной жизни и на область мышления; автономия по аналогии со свободой воли предполагает независимость от кого бы то ни было процессов сознания и познания человека; выбор предусматривает право человека использовать когнитивное улучшение своих когнитивных возможностей.

Своего рода манифестом идеи консолидации всех обеспокоенных посягательством на свободу сознания, разума, мысли является программная статья Ричарда Глена Буара «О когнитивной свободе». Под посягательством на свободу познания им понимаются новые технологии, такие как биогенетические модификации, взаимодействие человека с компьютером, сканирование мозга, нанотехнологии, нейронные сети, так называемая нейротерапия и новые фармацевтические препараты, открывающие возможности для «эволюции» человека. В этой связи поднимаются юридические и этические вопросы, связанные с правом людей на доступ к этим технологиям или с правом избежать их применения. Под когнитивной свободой понимается прежде всего свобода познания, в отличие от ограничений физической свободы, ограничения познавательной свободы чаще всего трудно распознать. Сознание настолько сложно и многогранно, что его нельзя понять, однако неспособность понять сознание не означает неспособность других контролировать его. Познавательная свобода явно не может означать когнитивную изоляцию, поскольку мозг человека постоянно взаимодействует с внешним миром. Главная проблема — как распознать попытки установления контроля над сознанием человека [23], каким образом люди могут законно изменять психическое состояние других [24].

Нейротехнологии открывают возможности уметь «читать» мысли людей с помощью визуализации мозга [25], менять личность, вызывать изменение поведения, изменять формирование памяти, увеличивать когнитивные способности. Когнитивная свобода изначально рассматривалась как первый шаг к декларации неврологических прав человека [4]. Использование технологий, направленных на улучшение познания человека, в науке трактуемое как «когнитивные улучшения», воспринимается в обществе как нарушение когнитивной свободы и влечет за собой широкую общественную дискуссию по нейроэтическим аспектам проблем их использования [2]. Когнитивное улучшение — это усиление или увеличения внутренних, а также внешних систем обработки информации.

Когнитивное улучшение отличается от терапии целым рядом процедур и препаратов. К ним относятся: метилфенидат; модафинил; амфетамины; бета-блокирующие препараты, такие как пропранолол; донепезил; интеллектуальные игры; нейробиоуправление; транскраниальная стимуляция постоянным током; транскраниальная магнитная стимуляция; глубокая стимуляция мозга и интерфейсы мозг — компьютер. Доводы критиков можно разделить на две категории: опасения по поводу вреда, который может быть причинен тем, кто использует улучшающие технологии, и озабоченность по поводу негативного со-

циального воздействия широкого использования улучшающих технологий и их принятия обществом. В связи с социальной значимостью конвергентных технологий предлагается переосмыслить вопросы социальной и государственной политики [26], открыто обсуждать варианты регулирования, доступные лицам, определяющим политику, с целью обеспечения ответственного использования когнитивных улучшений с позиций конституционного права [27]. В значении интеллектуальной политики рассматривается интеграция в государственную политику широкого спектра подходов, направленных на защиту и усиление когнитивных способностей и эпистемических показателей отдельных лиц и организаций [28]. Предлагается ввести четыре новых права, которые могут обеспечить правовую защиту от применения нейротехнологий: право на когнитивную свободу, право на неприкосновенность психического здоровья, право на психическую неприкосновенность и право на психологическую преемственность [5].

В целях защиты когнитивной свободы раздаются призывы переосмыслить наркополитику в отношении психоделических наркотиков через призму прав человека и отменить запрет на их употребление, нарушающий право на когнитивную свободу, которая рассматривается как компонент свободы мысли [29]. Как известно, психоделики способны изменять восприятие и вводить человека в измененное состояние сознания, многие считают, что они не вызывают зависимости. Есть предложения по формированию и реализации политики познавательной свободы как разновидности нейрополитики и механизма государственного регулирования нейропроцессов выбора и идентичности [30].

Что же будет представлять собой когнитивная свобода после приобретения ею статуса политической свободы? В словаре политической науки предлагается следующее определение политической свободы: «Свобода политическая естественное, неотчуждаемое от человека, социальных общностей людей качество, позволяющее им выражать свои мысли и действия в соответствии с правовыми нормами, интересами направленности на стабилизацию, порядок в политико-властных отношениях государства и общества. Политические свободы закрепляются в конституции, других законах и правовых нормах» [31].

Исходя из вышесказанного, можно предложить следующую формулировку понятия политической свободы: когнитивная политическая свобода — нормативно институализированная свобода на получение знаний, на свободное познание, свобода от влияния на принятие решений и действий на основе полученных знаний; свобода формирования убеждений и мнений (свобода мысли).

Далее, абстрагируясь на данном этапе от политического аспекта, рассмотрим когнитивную свободу с позиций политического диффузионизма.

Диффузионная концепция когнитивной свободы

Объяснение того, почему именно диффузионизм выбран для теоретического обоснования когнитивной

свободы, связано прежде всего с предпочтениями автора, которые определялись многолетним исследованием проблем политического диффузионизма и его эвристических возможностей в области идеологических процессов. Научное направление диффузионизма изначально складывалось как междисциплинарное, объединявшее исследователей распространения инноваций: культурных, экономических, политических. В 60-е гг. XX в. накопленные знания уже позволили сформулировать теории и использовать их для объяснения инновационных практик (Э. Роджерс, Т. Хегерстранд, Д. Уокер). Политический диффузионизм предметно исследует диффузию как политический процесс (Ф. Жиларди, М. Броквей, С. Лакомб, Ф. Линдер и Х. Уоллах), а его сетевое направление занимается проблемой диффузионных сетей – коммуникативного канала, связывающего «инноваторов» и их «последователей» (Б. Десмарайс, Д. Харден, Ф. Бемке). Методология диффузионизма достаточно широко применяется за рубежом для исследования распространения (диффузии) культурных и идеологических ценностей, паттернов, политик и как нельзя лучше подходит для анализа свободных процессов.

Диффузионная концепция когнитивной свободы, в отличие от уже существующих психологических концепций, построена на использовании основного принципа процесса диффузии – свободного распространения инноваций по каналам коммуникации. Точкой отсчета для обоснования диффузионной концепции когнитивной свободы станет данное ранее определение когнитивной свободы как свободы приобретения, хранения, преобразования, использования, представления и передачи знания индивидами. Новизна диффузионной концепции когнитивной свободы основана на токовании когнитивной свободы как диффузионного коммуникативного процесса получения или распространения знаний. Сама диффузия носит, по определению, характер свободного, спонтанного процесса распространения, поэтому для исследования характеристики несвободы представляется более целесообразным использование понятия «передача», которое в политическом диффузионизме применяется для описания передачи политики. В рамках данного исследования в качестве образцов для передачи предлагается рассматривать, как частный случай диффузии, распространение когний: знаний и информации, возникающих в результате функционирования нейронной гиперсети разума человека, а распространяющихся по сетям социума.

Понятие «передача», в отличие от понятия «распространение», имеет несколько отличительных черт, указывающих на не вполне свободный, а имеющий какие-либо ограничения характер ее движения. В качестве основных следует выделить следующие критерии признаков «несвободы».

1. Отдельные лица и целые организации используют свой авторитет или профессиональные знания, чтобы укрепить определенные парадигмы или узаконить некоторые нормативные стандарты в качестве «наилучшей практики» или примеры, которым необходимо следовать.

2. Поскольку информация (знание) находится в состоянии свободного доступа к ее пополнению или корректировке, начинается борьба «дискурсов», «режимов истины».

3. Сети из коммуникативного посредника превращаются в элемент механизма передачи, т.е. транслируют влияние, помогающее осуществлять прямое воздействие на тех, кому предназначается информация.

Поскольку основным признаком диффузионных процессов, в том числе протекающих в различного рода сетях, от нейронных до технических, является свободное распространение, то для эмпирической оценки реализации акторами когнитивной свободы целесообразно использовать не верификацию, а другой принцип методологии научного познания – фальсификацию. Анализировать следует все типичные случаи замедления скорости когнитивных процессов в диффузионных сетях как указывающие на искусственно создаваемые препятствия в этом трафике. Наиболее наглядным примером является сеть Интернет как один из видов диффузионных сетей наряду с научными, экспертными, профессиональными.

Практическая значимость применения диффузионной концепции когнитивной свободы заключается в ее использовании для понимания возможностей управления когнитивной свободой. Можно назвать несколько когнитивных технологий, основанных на принципах «когнитивного контроля», по сути играющего роль своего рода «ограничителя» или даже препятствия на пути свободы получения, хранения или распространения знаний.

Технологии управления когнитивными способностями человека на уровне бессознательного: манипулирование информацией (фейки, переключение внимания); формирование официальной версии знаний; когнитивный контроль над коммуникативными каналами (диффузионными сетями) распространения знаний и информации.

Технологии управления процессом организации информации: воздействие на восприятие, отбор, репрезентацию, сохранение и использование информации.

Технология стратегических нарративов: формирование когнитивного контекста, определяющего дискурс; разработка официальных нарративных стратегий; целенаправленное коммуникативное воздействие стратегических игроков на остальных участников взаимодействия.

Технология фрейминга: фрейминг вводит моральные фреймы, формирующие рамки восприятия политики в общественном сознании. Фрейминг может быть предварительным этапом когнитивной политики, целенаправленно воздействующей на когниции и тем самым изменяющей когнитивные способности человека.

Технологии управления мнемоническими практиками: формирование индивидуальной и коллективной памяти в границах, заданных политикой памяти или исторической политикой; использование стратегий коммеморации для селекции событий.

Технологии контроля над социальными медиа как коммуникаторами: модерация форумов и иных виртуальных площадок коммуникативного взаимодействия; использование приемов когнитивной цензуры: созда-

ние вала информации, цифровых пустот забвения; искусственное «выращивание» сетевых сообществ для решения конкретных проблем или пропагандистских и агитационных целей.

Диффузионное понятие когнитивной свободы может быть сформулировано следующим образом: когнитивная свобода – свобода представления, распространения и передачи знаний или информации индивидами в диффузионных сетях. Под передачей, в отличие от распространения и представления, понимается процесс, протекающий в условиях некоторого ограничения свободы, в форме управления, влияния, давления. В этом заключается политический характер диффузии, приобретающей признаки политического процесса управления или манипулирования участниками взаимодействия. Социокогнитивным признаком диффузии является сочетание функционирования нейронной сети разума человека, формирующей и представляющей знания, и диффузионной социальной сети, распространяющей и передающей знания и информацию.

Заключение

В XXI в. на первый план выходит борьба за свободу сознания и познания, неизбежно принимающая политическую форму, а препятствиями на пути ее достижения выступают уже не запреты и цензура, а технологии когнитивного контроля и некоторые коммуникативные технологии. Философское измерение свободы в духе «негативной» и «позитивной» свободы Исая Берлина ждет на этапе информационного общества рефлексии проблемы управления когнитивной свободой, еще воспринимаемой как логический казус, но уже находящей проявление в политической практике. Понятие когнитивной свободы, традиционно рассматриваемое в рамках нейроэтики, имеет свои ограничения, в перспективе необходимо ее междисциплинарное исследование, развивающее в данном направлении эпистемологию, когнитивистику, сетевую теорию и теорию диффузии, которое позволит всесторонне описать этот феномен и поможет людям стать свободнее, не нарушая этических и правовых норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sommaggio P., Mazzocca M., Gerola A., Ferro F. Cognitive liberty. A first step towards a human neuro-rights declaration // *Biolaw Journal*. 2017. № 3. P. 27–45.
2. Sententia W. Neuroethical considerations : cognitive liberty and converging technologies for improving human cognition // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2004. Vol. 1013, № 1. P. 221–228.
3. Bublit J.C. My mind is mine?! Cognitive liberty as a legal concept // Hildt E., Franke A.G. (Ed.). *Cognitive Enhancement: An Interdisciplinary Perspective, Trends in Augmentation of Human Performance*. New York ; London : Springer, 2013. P. 233–264.
4. Sommaggio P., Mazzocca M. Cognitive Liberty and Human Rights // *Neuroscience and Law* / ed. by A. D'Aloia, M. Errigo. Springer, Cham, 2020. P. 95–111.
5. Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13, № 1. P. 1–27.
6. Lakoff G. Whose freedom? The battle over America's most important idea. New York : Picador, 2007.
7. Popper K. Objective knowledge: an evolutionary approach. Oxford : Clarendon Press, 1979.
8. Miller E.K. The prefrontal cortex and cognitive control // *Nature reviews neuroscience*. 2000. Vol. 1, № 1. P. 59–65.
9. Inzlicht M., Bartholow B.D., Hirsh J.B. Emotional foundations of cognitive control // *Trends in cognitive sciences*. 2015. Vol. 19, № 3. P. 126–132.
10. Фурс Л.А. Метапамять, когнитивный мониторинг и когнитивный контроль // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 2. С. 21–25.
11. Иванчей И.И. Конференция «Нейронаука и познание: сознание и когнитивный контроль» (Брюссель, 2012) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2012. № 3. С. 62–65.
12. Hammond K.R., Summers D.A. Cognitive control // *Psychological review*. 1972. Vol. 79, № 1. P. 58–67.
13. Бандура А. Теория социального научения. СПб. : Евразия, 2000.
14. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Познание познания: когнитивные науки // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2006. Т. 7, № 1. С. 148–169.
15. Нестерова М. Когнитивистика: истоки, вызовы, перспективы. Сумы : Университетская книга, 2015.
16. Анохин К. Гиперсетевая теория мозга и сознания. Курс. Сознание и мозг. Последний рубеж. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=I0_Zr1eGVog&feature=youtu.be (дата обращения: 12.11.2020).
17. Лазутова Н. Мой собеседник – Константин Анохин // *Человек*. 2014. № 2. С. 86–104.
18. Анохин К. Наш разум – это гиперсеть // «Троицкий вариант». 2015. Т. 177, № 8. URL: <https://omiliya.org/article/konstantin-anohin-nash-razum-eto-giperset> (дата обращения: 20.08.2020).
19. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года (редакция 2020 года) / ред. В. Обручев. М. : Эксмо, 2020.
20. Bublit C. Cognitive liberty or the international human right to freedom of thought // *Handbook of Neuroethics* / ed. by J. Clausen, N. Levy. Dordrecht : Springer, 2015. P. 1309–1333.
21. The Journal of Cognitive Liberties. URL: https://www.cognitiveliberty.org/ccle1/jcl/jcl_online.html (дата обращения: 28.08.2020).
22. The Center for Cognitive Liberty & Ethics (CCLE). URL: https://www.webcitation.org/6661CKKEI?url=http://www.cognitiveliberty.org/faqs/faq_general.htm (дата обращения: 28.08.2020).
23. Boire R.G. On cognitive liberty // *The Journal of Cognitive Liberties*. 2001. Vol. 2, № 1. P. 7–22.
24. Bublit J.C., Merkel R. Crimes Against Minds: On Mental Manipulations, Harms and a Human Right to Mental Self-Determination // *Criminal Law and Philosophy*. 2014. Vol. 8, № 1. P. 51–77.
25. Ienca M. The Right to Cognitive Liberty // *Scientific American*. 2017. Vol. 317, № 2. P. 10.
26. Blank R.H. Cognitive enhancement: social and public policy issues. New York : Springer, 2015.
27. Jotterand F., Dubljevic V. (Ed.). *Cognitive enhancement: Ethical and policy implications in international perspectives*. Oxford University Press, 2016.
28. Bostrom N., Roache R. Smart policy: cognitive enhancement in the public interest // *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2010. Vol. 2, № 1. P. 68–84.
29. Walsh C. Psychedelics and cognitive liberty: Reimagining drug policy through the prism of human rights // *International Journal of Drug Policy*. 2016. Vol. 9. P. 80–87.
30. Fletcher A.L. Make up your own mind: the politics of cognitive freedom // Somit A., Peterson S.A. (Ed.). *Biopolicy: The Life Sciences and Public Policy*. (Research in Biopolitics, Vol. 10). Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2012. P. 225–242.
31. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. 2010. URL: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.08.2020).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 1 апреля 2021 г.

Cognitive Freedom as a New Political Freedom of the 21st century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 93–100.

DOI: 10.17223/15617793/468/11

Tat'yana A. Podshibyakina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tan5@bk.ru

Keywords: cognitive freedom; political freedom; cognitive science; diffusion; diffusion network; diffusion concept of cognitive freedom.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00906 A.

In political science, it is rarely possible to work with a topic of extremely significant social problems that has not yet found a proper understanding by the scientific community. This includes the concept of cognitive freedom, which already claims to be the new political freedom of the 21st century but is practically not represented in the scientific discourse. This article does not claim to be a complete theoretical and methodological representation of cognitive freedom as a political freedom, it is only an invitation to a discussion about its essence, features, practical significance, and many other aspects of this unique phenomenon. A review of publications on the topic of cognitive freedom from the point of view of psychological, neuro-ethical, epistemological, and cognitive trends is conducted; the degree of its study is evaluated; and the results obtained are summarized. The author's contribution to the understanding of cognitive freedom was the substantiation of the diffusive concept of cognitive freedom using a combination of two approaches: implicit cognitive science and political diffusionism. The diffusive concept of cognitive freedom can be formulated as follows: cognitive freedom is the freedom of representation, dissemination, and transmission of knowledge or information by individuals in diffusion networks. The concept "knowledge transfer" is introduced, meaning that its dissemination is carried out under conditions of some restriction of freedom in the form of prohibition, influence, pressure. This is the political nature of diffusion that acquires signs of managing or manipulating participants in the interaction. This concept should develop the concept of cognitive freedom in terms of one of the conditions for its implementation – the freedom to present, receive, distribute, and transmit knowledge in diffusion networks (a communication channel through which information and knowledge flow). The practical significance of the diffusive concept of cognitive freedom lies in its suitability for identifying the possibilities of managing the free process of political diffusion. Several cognitive technologies based on the principles of "cognitive control", which in fact plays the role of a kind of "limiter" or even an obstacle to the freedom of obtaining, storing or distributing knowledge, are described. The types of cognitive technologies are identified: technologies for managing human cognitive abilities at the level of the unconscious, technologies for managing the process of organizing information, technologies for strategic narratives, and framing technology: technologies for managing mnemonic practices, technologies for controlling social media as communicators.

REFERENCES

1. Sommaggio, P. et al. (2017) Cognitive liberty. A first step towards a human neuro-rights declaration. *Biolaw Journal*. 3. pp. 27–45.
2. Sententia, W. (2004) Neuroethical considerations: cognitive liberty and converging technologies for improving human cognition. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1013 (1). pp. 221–228.
3. Bublit, J.C. (2013) My mind is mine?! Sognitive liberty as a legal concept. In: Hildt, E. & Franke, A.G. (eds) *Cognitive Enhancement: An Interdisciplinary Perspective, Trends in Augmentation of Human Performance*. New York; London: Springer. pp. 233–264.
4. Sommaggio, P. & Mazzocca, M. (2020) Cognitive Liberty and Human Rights. In: D'Aloia, A & Errigo, M. (eds) *Neuroscience and Law*. Springer; Cham. pp. 95–111.
5. Ienca, M. & Andorno, R. (2017) Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*. 13 (1). pp. 1–27.
6. Lakoff, G. (2007) *Whose freedom? The battle over America's most important idea*. New York: Picador.
7. Popper, K. (1979) *Objective knowledge: an evolutionary approach*. Oxford: Clarendon Press.
8. Miller, E.K. (2000) The prefrontal cortex and cognitive control. *Nature Reviews Neuroscience*. 1 (1). pp. 59–65.
9. Inzlicht, M., Bartholow, B. D. & Hirsh, J.B. (2015) Emotional foundations of cognitive control. *Trends in Cognitive Sciences*. 19 (3). pp. 126–132.
10. Furs, L.A. (2019) Metamemory, Cognitive Monitoring and Cognitive Control. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 21–25. (In Russian).
11. Ivanchey, I.I. (2012) Konferentsiya "Neyronauka i poznanie: soznanie i kognitivnyy kontrol'" (Bryussel', 2012) [Conference "Neuroscience and Cognition: Consciousness and Cognitive Control" (Brussels, 2012)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*. 3. pp. 62–65.
12. Hammond, K.R. & Summers, F.A. (1972) Cognitive control. *Psychological Review*. 79 (1). pp. 58–67.
13. Bandura, A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Theory of social learning]. St. Petersburg: Evraziya.
14. Baksanskiy, O.E. & Kucher, E.N. (2006) Poznanie poznaniya: kognitivnye nauki [Cognizing cognition: cognitive sciences]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 7 (1). pp. 148–169.
15. Nesterova, M. (2015) *Kognitivistika: istoki, vyzovy, perspektivy* [Cognitive science: origins, challenges, prospects]. Sumy: Universitetskaya kniga.
16. Anokhin, K. (2018) *Gipersetevaya teoriya mozga i soznaniya. Kurs. Soznanie i mozg. Posledniy rubezh* [Hypernet theory of the brain and consciousness. A Course. Consciousness and the brain. The Last Frontier]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=I0_Zr1eGVog&feature=youtu.be (Accessed: 12.11.2020).
17. Lazutova, N. (2014) Moy sobesednik – Konstantin Anokhin [My interlocutor – Konstantin Anokhin]. *Chelovek*. 2. pp. 86–104.
18. Anokhin, K. (2016) Nash razum – eto giperset' [Our mind is a hypernet]. *Troitskiy variant*. 177 (8). [Online] Available from: <https://omiliya.org/article/konstantin-anokhin-nash-razum-eto-giperset> (Accessed: 20.08.2020).
19. Obruchev, V. (ed.) (2020) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii s izmeneniyami, prinyatymi na Obshcherossiyskom golosovanii 1 iyulya 2020 goda (redaktsiya 2020 goda)* [The Constitution of the Russian Federation as amended by the All-Russian vote on July 1, 2020 (2020 edition)]. Moscow: Eksmo.
20. Bublit, C. (2015) Cognitive liberty or the international human right to freedom of thought. In: Clausen, J. & Levy, N. (eds) *Handbook of Neuroethics*. Dordrecht: Springer. pp. 1309–1333.
21. *The Journal of Cognitive Liberties*. [Online] Available from: https://www.cognitiveliberty.org/ccle1/jcl/jcl_online.html (Accessed: 28.08.2020).
22. *The Center for Cognitive Liberty & Ethics (CCLE)*. [Online] Available from: https://www.webcitation.org/666ICKKEI?url=http://www.cognitiveliberty.org/faqs/faq_general.htm (Accessed: 28.08.2020).
23. Boire, R.G. (2001) On cognitive liberty. *The Journal of Cognitive Liberties*. 2 (1). pp. 7–22.
24. Bublit, J.C. & Merkel, R. (2014) Crimes Against Minds: On Mental Manipulations, Harms and a Human Right to Mental Self-Determination. *Criminal Law and Philosophy*. 8 (1). pp. 51–77.
25. Ienca, M. (2017) The Right to Cognitive Liberty. *Scientific American*. 317 (2). p. 10.

26. Blank, R.H. (2015) *Cognitive enhancement: social and public policy issues*. New York: Springer.
27. Jotterand, F. & Dubljevic, V. (eds) (2016) *Cognitive enhancement: Ethical and policy implications in international perspectives*. Oxford University Press.
28. Bostrom, N. & Roache, R. (2010) Smart policy: cognitive enhancement in the public interest. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2 (1). pp. 68–84.
29. Walsh, C. (2016) Psychedelics and cognitive liberty: Reimagining drug policy through the prism of human rights. *International Journal of Drug Policy*. 9. pp. 80–87.
30. Fletcher, A.L. (2012) Make up your own mind: the politics of cognitive freedom. In: Somit, A. & Peterson, S.A. (eds) *Biopolitics: The Life Sciences and Public Policy*. (Research in Biopolitics, Vol. 10). Bingley: Emerald Group Publishing Limited. pp. 225–242.
31. Sanzharevskiy, I.I. (2010) *Politicheskaya nauka: slovar'-spravochnik* [Political Science: Reference Dictionary]. [Online] Available from: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/> (Accessed: 20.08.2020).

Received: 01 April 2021

И.П. Шибалков, И.А. Павлова, О.П. Недоспасова, Е.К. Тагина

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ НЕРАВЕНСТВО В ЗДОРОВЬЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (№ 19-18-00300).

Проанализированы литературные источники по идентификации и систематизации социально-экономических факторов, влияющих на неравенство в здоровье человека и популяции. Разработана классификация исследуемых факторов по содержательной интерпретации (образование, благосостояние и финансовая безопасность, занятость и трудовые отношения, средовые факторы) и уровню влияния (на индивида, ближний круг человека и общество в целом). Обозначены перспективные сферы для научных и практических исследований в данной сфере.

Ключевые слова: здоровье; неравенство; социально-экономические факторы; институты; образование; доходы; занятость; среда.

Введение

Проблема неравенства (различий людей в их статусе, правах и возможностях по широкому спектру социальных, экономических и политических условий) является фундаментом любой теории, отстаивающей идеалы социальной справедливости. Международное экспертное сообщество инициировало и постоянно проводит исследования различных аспектов неравенства, наиболее значимыми из которых по праву являются экономическое, неравенство доходов и условий жизни. На их основе сформулированы выводы по сокращению неравенства как внутри отдельных сообществ, так и между ними. При этом проблемы неравенства людей в здоровье (различий в здоровье, обусловленных как объективными обстоятельствами (этническая принадлежность, семейное происхождение, пол и т.д.), так и условиями, в которых люди рождаются, растут, работают и стареют), изучены в меньшей степени. В значительной мере это объясняется сложностью данного явления, необходимостью учета в нем как предотвратимых, так и не предотвратимых различий, принятия в расчет, с одной стороны, неравенства возможностей индивида и общества и неравенства в здоровье как результата тех или иных действий различных субъектов – с другой.

Данное исследование сфокусировано на систематизации социально-экономических факторов, определяющих неравенство в здоровье. Актуальность данного ракурса обусловлена усилением спроса на активную и здоровую жизнь на фоне ускорения социально-экономического и политического развития современного общества, ростом запроса граждан на расширенное участие в его основных процессах [1]. Дополнительным драйвером внимания к неравенству в здоровье является глобальное старение населения, которое, при всей своей позитивности, неизбежно связано с накоплением бремени болезней и усилением специфических проявлений неравенства данного рода (дифференцированностью смертности и заболеваемости в зависимости от доходов, уровня образования, места проживания, сферы профессиональной деятельности человека и т.п.). Все это актуализирует вопрос модификации мер государственной социальной

политики, помещению в ее центр потребностей и желаний конкретного человека, что в международной теории и практике получило название *people-centered policy*. Для построения в таких условиях новой парадигмы здравоохранения в первую очередь необходимо определить критически важные точки сосредоточения и объединения усилий общества и личности: обосновать ключевые социально-экономические факторы, влияющие на состояние здоровья человека и определяющие его неравную аллокацию.

Это определило цель настоящего исследования – обобщение и анализ литературных источников по идентификации и систематизации социально-экономических факторов, влияющих на неравенство в здоровье человека и популяции.

Материалы и методы

В научной литературе наиболее распространенной является следующая классификация факторов здоровья: генетические, состояние окружающей среды, медицинское обслуживание, а также условия и образ жизни людей. Каждая из этих групп факторов оказывает различное влияние на здоровье человека [2].

Все факторы, кроме генетических, во многом определяются социально-экономическим статусом человека (СЭС; socioeconomic status – SES, socioeconomic position – SEP). Этот устойчивый международный термин включает в себя уровень образования, дохода и род занятий человека [3. С. 60–76]. Широко распространена точка зрения о том, что именно различия в СЭС являются фундаментальной причиной неравенства в области здоровья [4. С. 19–31]. Генетические факторы также могут зависеть от СЭС человека (точнее, его родителей и предшествующих поколений). Однако, поскольку обусловленные ими сдвиги в здоровье проявляются значительно позже и не поддаются строгому описанию, было принято решение исключить их из дальнейшего анализа.

Не вдаваясь в научную полемику об общей конфигурации и соотношении отдельных элементов в структуре СЭС человека, обозначим, что в настоящем исследовании под социально-экономическими факторами, определяющими неравенство в здоровье, пони-

маются все факторы, которые затрагивают абсолютное и относительное (относительно других членов общества, в котором проживает индивид) социальное и экономическое положение человека. В дополнение к ним в анализ включены институты, с которыми человек по собственному желанию или в связи с установившимися нормами взаимодействует в течение жизни на регулярной основе и которые потенциально оказывают влияние на его здоровье.

Для отбора наиболее репрезентативных исследований проведен обзор литературы по следующим базам данных: PubMed, Web of Science, Scopus, Российского индекса научного цитирования. Глубина поиска по временному параметру ограничений не имела. В качестве маркеров поиска были использованы следующие ключевые слова: socioeconomic status, socioeconomic position, inequality in health, health factors, социально-экономический статус, неравенство в здоровье, факторы здоровья. В анализ вошло более 350 публикаций.

Социально-экономические факторы здоровья

Анализ исследований и соответствующих публикаций позволил разделить социально-экономические факторы, определяющих неравенство в здоровье, на четыре основные категории, связанные с (1) образованием, (2) благосостоянием и финансовой безопасностью, (3) занятостью и трудовыми отношениями, (4) средовыми факторами. Каждая из названных групп факторов, в свою очередь, была разделена на подкатегории:

- 1) уровень образования человека, уровень образования партнера, гендерные различия в образовании, медицинская осведомленность (грамотность);
- 2) уровень дохода, неравенство доходов в обществе, макроэкономические параметры;
- 3) характер и условия труда, поддержка занятости государством;
- 4) экология и климат, физическая среда обитания, социальная среда, здравоохранение.

Далее приведены результаты систематизации наиболее репрезентативных исследований по каждой группе факторов с учетом выделенных в них подкатегорий.

Образование

Уровень образования человека. Экспертное сообщество сходится во мнении о том, что образование является основным компонентом СЭС. Именно оно формирует будущие профессиональные возможности и потенциальный заработок человека. Образование (как совокупность знаний, умений и навыков в их сочетании с ценностными установками, опытом деятельности и компетенциями) способствует витальному поведению человека, обеспечивает лучший доступ к информации и ресурсам для улучшения здоровья [5. С. 719–745].

В среднем среди стран ОЭСР 30-летний человек с уровнем образования ниже среднего, скорее всего, проживет на 5,5 лет меньше, чем человек такого же

возраста с высшим образованием. Во всех странах ОЭСР более образованные люди имеют лучшее физическое и психическое здоровье (в среднем 78% лиц с высшим образованием говорят, что их здоровье хорошее, по сравнению с 65% людей со средним образованием). В странах ОЭСР только 4% людей с высшим образованием (по сравнению с 6% со средним образованием) сообщили, что недавно испытывали симптомы депрессии [6]. Различия в уровне образования являются значимыми при оценке пристрастия к курению, употребления алкоголя и наличия избыточного веса: по мере роста уровня образования такие риски для здоровья в целом снижаются [7].

Общие выводы подтверждают и национальные кейсы. Например, испанские исследования показали значительное социальное неравенство в здоровье у пожилых людей, обусловленное, прежде всего, различием в их уровне образования [8. С. 276–288].

Уровень образования партнера. В развивающихся странах на здоровье женщин (и, следовательно, их детей) существенно влияет уровень образования партнеров. Это подтверждено для стран Африки и Азии, где изучалось влияние уровня образования мужчин на использование женщинами современных контрацептивов, частоту посещений ими центров дородового ухода и получение квалифицированной помощи при родах [9. С. 104–115]. Для женщин с низким уровнем образования дополнительный год обучения партнеров положительно связан с использованием ими современных контрацептивов и медицинским сопровождением родов (эффект замещения). При этом если параллельно повышается уровень образования и у женщин, то растет частота посещений ею учреждений, оказывающих дородовую помощь (мультипликативный эффект). Авторы подчеркивают важность образования мужчин для здорового поведения их жен в развивающихся странах, а полученные результаты обладают мощным импульсом для роста уровня образования как мужчин, так и женщин.

Гендерные различия в образовании. Исследования связи уровня образования и здоровья активно проводятся и с учетом гендерных различий. По актуальным данным для 18 стран, входящих в ОЭСР, средний разрыв в ожидаемой продолжительности жизни у 25-летних мужчин с начальным и высшим образованием составляет 7,6 года, при этом для женщин аналогичный показатель равен 4,8 года. В возрасте 65 лет у обоих полов этот разрыв сокращается, но остается существенным: 3,6 года для мужчин и 2,6 – для женщин. При этом смертность менее образованных мужчин в возрасте от 25 до 64 лет почти в четыре раза выше, чем у их менее образованных сверстников. Для женщин аналогичные значения различаются в 2 раза [10].

Ученые зафиксировали обратную связь между годами обучения в школе, особенно среди женщин, и уровнем материнской, младенческой и детской смертности (прежде всего для стран с низким и средним уровнем дохода). Как отмечает B.S. Mensch (Б. Менш) [11. С. 504–522], значительное влияние образования на здоровье младенцев и детей было обнаружено в 30 из 33 моделей, в которых не учитыва-

лись ненаблюдаемые факторы, влияющие как на образование, так и на здоровье, и только в 18 из 46 моделей, учитывающих их. Таким образом, успехи в области образования женщин сыграли свою роль в улучшении здоровья как на индивидуальном, так и на популяционном уровне.

Гендерное неравенство в образовании и здоровье – одна из ключевых проблем современности. Анализ данных о женском здоровье в 47 беднейших странах мира позволил сделать вывод о том, что в качестве наиболее сильных и последовательных предикторов здоровья женщин выступают получение ими среднего образования и избежание раннего замужества («детских браков»). Помимо данных категорий, изучались детерминанты, связанные с работой, условиями труда, медицинскими услугами, семьей и насилием. По оценкам авторов, получение молодыми женщинами среднего образования и повышение возраста их вступления в брак позволяют снизить детскую смертность, ведут к существенному укреплению женского здоровья, создают дополнительные условия для планирования семьи и предотвращения семейного насилия [12. С. 1634–1649].

Известны результаты описательного обзора фактических данных о семьях с низким и средним уровнем дохода (за период с 1970 по 2012 г.), где отдельно рассматривалось значение образования матери и статуса женщины в семье для питания и охраны здоровья детей. Выводы авторов сосредоточены на значимости образования для повышения роли женщин в принятии семейных решений, их доступе к ресурсам семьи и контроле над ними. Учитывая сложные механизмы, посредством которых внутрисемейные решения формируют основы здоровья и правила питания детей, крайне важно, чтобы гендерная проблематика нашла свое отражение в программах здравоохранения и содействовала дальнейшему обучению женщин, а также поддерживала программы питания и охраны здоровья детей [13. С. 24–33].

Значительный рост уровня образования в развитых странах актуализировал научную гипотезу о риске «сверхквалификации» и ее негативных последствиях для здоровья, в том числе о возможных психологических проблемах. В работе Н. Hultin (Г. Хултин) [14. С. 980–995] повышенный риск низкой самооценки здоровья был выявлен у избыточно (для своего текущего места работы) образованных женщин. При этом для мужчин аналогичного риска не обнаружено, как не обнаружено связи между «сверхквалификацией» и психологическими расстройствами для обоих полов.

Медицинская осведомленность (грамотность). Неблагоприятные социально-экономические условия жизни имеют причинно-следственные связи с низким уровнем медицинской грамотности, который, в свою очередь, оказывает негативное влияние на состояние здоровья, качество жизни, витальное поведение, в частности, на запрос и получение профилактической медицинской помощи [15. С. 1–17]. Поэтому медицинскую грамотность можно рассматривать как институционально-регулируемый фактор социально-экономических диспропорций и неравенства в здоровье, поскольку для него существуют хорошо извест-

ные в международной практике и весьма эффективные возможности воздействия. Это делает политику повышения уровня медицинской грамотности в популяции одним из наиболее результативных (в краткосрочной и среднесрочной перспективе) средств сокращения неравенства в здоровье.

Благосостояние и финансовая безопасность

Уровень дохода. Как известно, более высокие доходы, помимо расширения возможностей для получения медицинских услуг, могут обеспечить человеку доступ к иным материальным благам, определяющим его здоровье (лучшее питание, жилище, образование, отдых и др.) [16. С. 145–166].

Во всех странах ОЭСР люди с более высокими доходами сообщали о лучшем состоянии здоровья: в среднем 79% из самых богатых людей, говорят, что у них хорошее здоровье (по сравнению с аналогичными ответами 60% наиболее бедной части населения) [17].

Шведские ученые, изучавшие риски гериатрических синдромов (бессонница, недержание мочи, функциональные расстройства, падения, депрессию, проблемы со слухом или зрением), выявили их значительную связь с наличием у пожилых людей так называемого финансового стресса, обусловленного низкими доходами, бедностью и (или) рисками ухудшения финансового положения. Этот фактор оказался даже более значим, чем уровень образования или одиночество [18]. Аналогичные результаты получены для Англии [19. С. 532–542] и Китая [20], где низкий уровень благосостояния (как и низкий уровень субъективной оценки социально-экономического статуса) значительно повышает, например, риск возникновения нарушений зрения в пожилом возрасте.

Неравенство доходов в обществе. G. Rose (Дж. Роуз) утверждает, что причины конкретных случаев заболевания иногда отличаются от причин заболеваемости, другими словами, могут существовать различные детерминанты болезней на индивидуальном и популяционном уровнях. Поэтому факторы, которые вызывают болезни у отдельных людей, могут отличаться от факторов заболеваемости для населения в целом [21. С. 32–38].

Аналогичный подход применим и при обсуждении проблемы неравенства доходов (как характеристики социальной системы) при условии принятия в расчет того, что доход – это характеристика отдельного человека. Поэтому, несмотря на то что большинство эффектов неравенства доходов в обществе – это опосредованные эффекты разности индивидуальных доходов, было бы ошибкой сводить все проблемы в этой сфере лишь к индивидуальным эффектам.

Выявление связи между неравенством доходов в обществе и показателями здоровья очень актуально на фоне усиливающегося разрыва между богатыми и бедными социумами. Гипотеза о влиянии неравенства доходов на здоровье населения первоначально возникла для объяснения вариаций среднего уровня здоровья в богатых странах, а затем уже – для объяснения их региональных различий в здоровье. Учитывая связь между абсолютным уровнем дохода и состояни-

ем здоровья населения бедных стран, ученые предполагают, что существует некоторый порог, ниже которого абсолютный доход является определяющим фактором здоровья [22. С. 5–99]. Доказано, что неравенство доходов может повредить здоровью двумя путями: оно ухудшает здоровье непосредственно беднейших слоев населения и снижает показатели здоровья для общества в целом. Примерами этому являются так называемые контекстные эффекты неравенства, которые связаны, например, с психосоциальным стрессом и являются неблагоприятным результатом сравнения человека с другими индивидами и последующей эрозии социальной сплоченности или социального капитала (erosion of social cohesion) [23. С. 193–209].

Один из наиболее масштабных обзоров в этом направлении охватывает комплекс публикаций на разных языках за период с 1995 по 2008 г., посвященных оценке связи между неравенством по доходам (на основе коэффициента Джини) и уровнем здоровья и смертности [24. С. 441–447].

Полученные результаты оказались весьма неоднородными. Одним из возможных объяснений этому является предположение ученых о существовании некоего порогового значения коэффициента Джини (на уровне 0,3), после которого неравенство доходов все более негативно сказывается на здоровье населения. Метаанализ показал, что признание объективности связи «неравенство–смертность» и выравнивание коэффициента Джини на уровне ниже порогового значения в 0,3, позволило бы предотвратить свыше 1,5 млн случаев смерти (9,6% смертности взрослого населения) в 30 странах ОЭСР. Таким образом, связь между более высоким неравенством доходов и худшими последствиями для здоровья, очевидно, существует, но отсутствие эмпирических данных для ряда стран не позволяет считать полученные выводы исчерпывающими и требует продолжения работы в данном направлении.

J.M. Lynch (Дж. Линч) [25. С. 1200–1204] и соавт. дают проблеме неравенства доходов психосоциальную интерпретацию, т.е. полагают, что прямые последствия для здоровья влечет обобщенная совокупность психосоциальных процессов, которые сопровождают в обществе неравенство по доходам и являются одними из основных факторов, определяющих состояние здоровья населения в богатых странах, или как минимум некоторые аспекты неравенства влияют на определенные аспекты здоровья (заболеваемости и смертности) нации.

Таким образом, растущее неравенство доходов может повлиять на людей двумя способами: прямые эффекты изменяют доходы индивидов, а косвенные – доходы других людей, что требует корректировки как в политике, так и в системе ценностей, трансформации устоявшихся традиций и идеалов общества, изменений в поведении даже тех людей, чей доход остается неизменным [26. С. 413–430].

Макроэкономические параметры. Изучение динамики макроэкономических параметров, характеризующих инфляцию, государственные расходы, торговлю в 17 странах с развитой экономикой за период 1870–2013 гг., показало, что здоровье населения,

определяемое ожидаемой продолжительностью жизни, оказывает значительное положительное влияние как на реальный доход на душу населения, так и на экономический рост в целом [27].

Поскольку межнациональные эмпирические исследования о связи между неравенством доходов и здоровьем населения, как правило, приводят к противоречивым выводам, обычно изучают степень, в которой связь неравенства доходов со здоровьем меняется в зависимости от экономического развития общества. По данным М. Суган (М. Карран) [28. С. 536–553], неравенство доходов является непосредственной или условной причиной снижения здоровья населения: неравенство доходов оказывает на здоровье более пагубное (от 139,7 до 374,3%) воздействие в бедных странах, но не оказывает существенного вредного воздействия в более богатых странах. Поэтому можно сделать вывод, что по мере развития социума смягчается и связь между неравенством и показателями здоровья населения.

Занятость и трудовые отношения

Характер и условия труда. Поскольку профессии отличаются по уровню престижа, квалификации, вознаграждению, а также по характеристикам выполняемой работы, то каждый из этих показателей профессионального статуса связан с риском заболеваемости и смертности. Рабочие места с более низким статусом работников обуславливают особые физические и психосоциальные риски, например высокий риск производственного травматизма и воздействия токсичных веществ. Активно изучаются физические и психосоциальные факторы труда, которые потенциально определяют неравенство в отношении здоровья, однако полученные результаты противоречивы.

В обзоре А.С. Dieker (А. Дикер) отмечается, что два лонгитюдных исследования (в отличие от 12 поперечных) не выявили отдельного вклада физической нагрузки и физической рабочей среды в неравенство в отношении здоровья. Авторы приходят к выводу о том, что отдельные требования к работе (уровень контроля, переработка, объем полномочий при принятии решений и т.д.) практически не сказываются на здоровье, в то время как недостаток рабочих мест усиливает неравенство в здоровье [29. С. 114–125]. Е. Lahelma (Э. Лахелма) и соавт. выявили, что наблюдаемое между профессиональными классами неравенство в отношении физического здоровья и самооценки здоровья не может быть объяснено лишь разницей в физической или умственной нагрузке на рабочем месте [30. С. 504–510].

Ввиду происходящей в странах с высоким уровнем дохода глубокой социально-экономической реструктуризацией представляется актуальным подход, связывающий здоровье работников с таким понятием, как «качество занятости», которое предполагает типологизацию механизмов занятости на европейских рынках труда. Выделяемые типы согласуются с теорией сегментированного рынка труда, имеют четкий социально-экономический профиль и демонстрируют сильную связь с самооценкой здоровья работников [31. С. 619–623].

Данные по 21 стране, полученные в ходе Европейского социального опроса 2014 г., были использованы для измерения неравенства в области здоровья в части самооценки здоровья и вклада поведенческих, профессиональных и бытовых факторов. Абсолютное и относительное неравенство в самооценке здоровья было обнаружено во всех странах, и масштабы социально-экономического неравенства значительно варьировались между странами. Установлено, что ведущими причинами неравенства в большинстве стран стали факторы профессиональной деятельности и условий жизни, внося свой вклад как независимо, так и совместно с поведенческими факторами [32. С. 107–114].

Поддержка занятости государством. Если в научном сообществе продолжается дискуссия по поводу того, влияет ли характер труда на здоровье человека (противоречивые результаты позволяют сделать предположение, что все зависит от конкретного места и условий работы, а не профессии), то сам факт негативного влияния безработицы не подвергается сомнению.

В США безработица связана с повышенным риском низкой самооценки здоровья среди мужчин как по линейной вероятности, так и по логистическим моделям, но этот эффект меньше, когда величина государственных пособий по безработице высока. Увеличение пособий на 63% полностью компенсирует влияние безработицы на состояние здоровья, о котором сообщают респонденты [33. С. 317–323].

Интересным с позиции занятости является изучение влияния безусловного базового дохода на здоровье. М. Gibson (М. Гибсон) [34. С. 165–176] отмечает, что, с одной стороны, введение таких выплат способствует снижению стресса, связанного с риском безработицы и, как следствие, заболеваемости рядом патологий (например, в ходе одного из экспериментов в США было зафиксировано снижение количества госпитализаций, связанных с психическим здоровьем на 8,5%). Однако в ряде случаев данные пособия приводили к негативным эффектам – выплаты жителям штата Аляска из фонда, сформированного за счет средств от добычи полезных ископаемых, повышали недельную смертность на 13% после платежей из-за роста употребления алкоголя и психоактивных веществ.

Средовые факторы

Экология и климат. Работы, посвященные воздействию экологических и климатических факторов на здоровье человека, можно подразделить на две категории: влияние антропогенных изменений (загрязнение воды, воздуха, почвы, доступ к растительным массивам вблизи от места проживания) и исторически сложившихся многолетних режимов погоды (климат).

Наиболее полно представлены исследования о непосредственном влиянии загрязнения воздуха на здоровье населения. Один из систематических литературных обзоров [35], анализирующий практически 800 публикаций на данную тему, показал, что 57% работ были посвящены влиянию загрязнения воздуха на уровень смертности, более 30% – заболеваемости респираторными патологиями.

Очевидной стратегией борьбы с загрязнением для многих авторов является расширение зеленых насаждений. Однако было доказано, что превращение городов в «зеленые и здоровые» далеко выходит за рамки простого сокращения выбросов углекислого газа. Поскольку экологические факторы в значительной степени поддаются изменению, экологические мероприятия на уровне регионального социума (такие как городское и транспортное планирование) оказались более многообещающими и экономически эффективными, чем аналогичные действия на индивидуальном уровне [36].

Загрязненная вода (помимо непосредственного влияния на здоровье население через питье и употребление в пищу рыбы и морепродуктов) также оказывает косвенное воздействие на здоровье. Исследование загрязнений береговой линии в Калифорнии США [37] позволило построить регрессионное уравнение, связывающее уровень концентрации вредных веществ в воде и количество дней нетрудоспособности населения. Превышение установленного порога загрязнения привело к росту дней нетрудоспособности на 3,6 млн в год по всему штату.

Почва также подвергается существенному загрязнению, особенно в развивающихся странах. В Китае [38. С. 642–653] выявлено превышение экологических нормативов по концентрации тяжелых металлов в 22,1% почвенных покровов. Математическое моделирование позволило установить, что это приводит к повышенным рискам возникновения заболеваний, в том числе онкологических. При этом среди детей риск выше на 20,8%.

Нет однозначного мнения о связи климата и здоровья. С одной стороны, северные страны (Северная Европа, Канада, США) обладают лучшими показателями здоровья, чем южные (Африка, Южная Америка) [39], с другой – много наблюдений в рамках этой модели не поддается интерпретации, что привело к формулированию албанского парадокса [40. С. 1815–1817]. Албанский парадокс заключается в том, что менее благополучные в социальном и экономическом плане регионы юга Европы имеют лучшие, чем у северных территорий, показатели здоровья, включая некоторые показатели насильственной смертности. Этот феномен отмечался также на территории бывшего СССР [41. С. 34–41] и существует в современной России: например продолжительность жизни в Республике Ингушетия составляет 82,4 года, а в Архангельской области – 72,1 года [42].

Однако распространенность ряда инфекционных и паразитарных заболеваний напрямую связана именно с климатом. Помимо того, что некоторые патогены существуют лишь в условиях высокой температуры и влажности, изменение климата является одним из факторов, влияющих на распространенность инфекций за пределами традиционных ареалов их обитания [43. С. 119–126].

Физическая среда обитания. Окружающая физическая среда является неотъемлемой характеристикой социально-экономического статуса человека. Здесь можно говорить не только о физической инфраструктуре как таковой, но и об условиях проживания, каче-

стве жилья и самой среды обитания (городское планирование, качество застройки районов, уровень шума, наличие рекреационных зон и площадок и проч.). Существует множество типов воздействия окружающей физической среды на здоровье, и каждый из них должен особым образом регулироваться на государственном уровне.

Бедные районы часто расположены в неблагоприятных для качества жизни зонах – вблизи автомагистралей, промышленных зон, мест захоронения токсичных отходов. Качество жилья также ухудшается по мере понижения СЭС семьи. Нередко это сопровождается большей жилой скученностью и высоким уровнем шума. Уровень вредного воздействия окружающей среды также связан с социально-экономическим статусом человека: люди, находящиеся на нижних ступенях иерархии СЭС, с большей вероятностью живут и работают в худшей физической среде. Исследования подтверждают, что, например, заболеваемость астмой у детей выше в бедных районах и протекает она тяжелее [44. С. 2673–2677].

Неблагоприятные условия проживания могут быть определены высокими темпами экономического развития территории, что увеличивает плотность городской застройки и, как следствие, распространённость некоторых заболеваний. Так, для Китая отдельные факторы экономического развития (при очевидной сложности определения причинно-следственных связей) рассматриваются как связанные с ожирением и диабетом, что обуславливает необходимость городского планирования в Китае с учетом условий для устойчивого и здорового развития жителей [45].

Существуют убедительные доказательства взаимосвязи между городским планированием, т.е. показателями застройки окружающей среды (смешанное землепользование, проходимость, физическая активность), воздействием окружающей среды (зеленые насаждения, загрязнение воздуха и шум) и сердечно-сосудистыми заболеваниями и смертностью, хотя данные о связи между транспортным планированием и сердечно-сосудистыми заболеваниями противоречивы [46. С. 432–438]. Ежегодно почти 20% смертности можно было бы предотвратить, если бы соблюдались международные рекомендации по выполнению норм физической активности, воздействию загрязнения воздуха и шума, доступу населения к зеленым насаждениям [47. С. 89–96].

Социальная среда. Факторы социально-экономического статуса, связанные с воздействием на здоровье социальных условий, могут быть даже более важным, чем воздействие физической среды. Бедные районы характеризуются повышенной криминогенностью. Социальная изоляция и отсутствие участия в общественной жизни являются сильными предикторами здоровья. Социально изолированные индивиды имеют относительный риск смертности в 1,9–5 раз более высокий, чем социально активные [48. С. 137–173]. Модели социального взаимодействия могут влиять на заболеваемость. Например, заболевания, передаваемые половым путем, быстрее распространяются среди людей, проживающих в более бедных районах. Городское планирование, политика зонирования

имеют свои социальные последствия. Так, проживание в высотных многоквартирных домах располагает к обособленности индивидов и препятствует социальному взаимодействию. Общества с высоким уровнем социальной сплоченности, доверия, социального капитала имеют более низкие показатели убийств и смертности населения [49. С. 918–924].

Однако не все бедные люди обладают худшим здоровьем, если живут в бедном районе, а не в богатом. Этот феномен может быть результатом чувства относительной депривации: бедный человек в богатом районе живет в благоприятных условиях, но также может чувствовать себя относительно беднее [50. С. 1037–1040]. В этом случае улучшение условий в бедных районах является более эффективной мерой, чем переселение людей в другие, более богатые районы.

Здравоохранение. Система оказания медицинской помощи как социально-экономический фактор неравенства в здоровье имеет две важные характеристики:

- расходы на медицину во всей стране – это макроуровень, который влияет на всю популяцию;

- доступность медицинских услуг для индивида вне зависимости от его социально-экономического статуса – это микроуровень, который влияет на отдельного человека.

Ряд исследователей [51. С. 167–169; 52] отмечают достоверную связь ($p > 0,05$) между финансированием здравоохранения (или расходами на социальные нужды) и продолжительностью жизни (при прочих равных выделяемых авторами условиях – ресурсы здравоохранения, ВВП, уровень безработицы и т.д.).

При этом в подобных моделях частым исключением являются США, в которых расходы на медицину (в % от ВВП) одни из самых высоких (по данным ООН в 2017 г. они составили 17,1 – 2-е место в мире [53]), а продолжительность жизни находится на 34-м месте [39]. Одна из причин этого – организационные особенности местного здравоохранения. Для него считается справедливым подход, при котором лица, не имеющие страховки, получают медицинскую помощь, в том числе профилактическую, в гораздо меньших объемах, чем застрахованные.

Однако даже при всеобщем охвате медицинской помощью, лица с меньшим доходом и более низким уровнем образования не пользуются услугами здравоохранения в той же степени, что и более обеспеченные и образованные сограждане. Так, исследование, проведенное в Канаде (здравоохранение которой является одним из наиболее эгалитарных в мире), выявило разницу между уровнем смертности в группах мужчин с самым высоким и низким доходом по ряду причин, которые поддаются лечению средствами современной медицины – гипертония (в 2,5 раза), астма (в 2 раза), пневмония и бронхит (в 1,9 раза), а также по предотвратимым причинам в целом (в 1,8 раза) [54. С. 1751–1758].

Ряд работ был направлен на оценку взаимосвязи между неравенством доходов на национальном уровне и неэффективностью медицинского страхования (его неспособностью достичь намеченных результатов среди тех, кто номинально имеет страховку). Первое охватывает 35 стран с низким и средним

уровнем дохода и использует стандартизированную всемирную базу данных неравенства доходов (Standardised World Income Inequality Database) и данные Всемирного обследования здравоохранения о страховании (World Health Survey). Было установлено, что большее неравенство служило предиктором более высокой распространенности неэффективного страхования. При стратификации, применяемой Всемирным банком для классификации доходов, более высокое неравенство было связано с неэффективным страхованием в странах с доходом выше среднего, но не в странах с низким доходом или доходом ниже среднего. Авторы полагают, что это может быть вызвано отпечатком изначального социального неравенства, поскольку эти страны приближаются к снижению предельной отдачи от улучшения условий медицинского страхования по доходам [55. С. 487–492].

По данным Всемирного обследования здравоохранения о страховании, в 42 странах с низким и средним уровнем дохода 13% застрахованных имели неэффективную страховку и были вынуждены брать в долг денежные средства или продавать имущество, чтобы оплатить медицинское обслуживание. Вероятность неэффективного страхования была самой низкой в странах с доходом выше среднего и выше. Неэффективность страхования также уменьшалась вместе с ростом семейного дохода и была выше среди сельских жителей [56].

Однако неравенство в сфере здравоохранения не сводится к неравенству в доступе к медицинским услугам. Так, например, высокий образовательный ценз позволяет пациенту устанавливать паритетные отношения с врачом и влияет на степень удовлетворенности от контакта с ним и от лечения в целом. Низкий материальный и образовательный статус человека сужает его возможности выбора в пользу государственной медицины, препятствует созданию личных социальных сетей альтернативного консультирования по вопросам здоровья. Различия в социальном статусе пациентов создают различные стратегии отношения к здоровью, в том числе закрепляющие неравенство в поддержании здоровья [57. С. 97–99].

Дополнительные факторы здоровья

В ходе анализа литературных источников был выявлен ряд работ, которые не могут быть напрямую отнесены в какую-либо одну из представленных выше групп факторов, определяющих неравенство в здоровье, однако их результаты представляют существенный научный интерес.

Например, изучение *мультиморбидности*, т.е. наличия двух или более хронических заболеваний. Так, T.I. Pathirana (Т. Патирана) сообщает о статистически значимой связи между занятостью и мультиморбидностью и образованием и мультиморбидностью (низкий уровень образования связан с 64%-м повышением шансов на мультиморбидность) [58. С. 186–194]. Однако полученные данные по доходу в связи с риском мультиморбидности являются противоречивыми. В отдельных работах выявляется риск мультиморбидности при снижении дохода (в Австра-

лии риск мультиморбидности увеличивается с уменьшением уровня дохода среди лиц в возрасте 45–59 лет, но не 60 лет и старше), в то время как в Канаде возрастных различий не наблюдалось. Южноафриканские исследователи пришли к выводу, что риск мультиморбидности возрастает с увеличением доходов. Это говорит о том, что некоторые показатели социально-экономического статуса, такие как доход, могут быть положительно связаны с риском хронических заболеваний и множественной заболеваемости в некоторых странах с низким уровнем дохода.

Менее противоречивые данные связаны с индексом материальной депривации, который основан на оценке неудовлетворенных базовых потребностей и позволяет измерить, имеют ли индивиды или домохозяйства доступ к минимальным благам (питанию, одежде, жилью) по принятым в обществе стандартам. Большинство работ показывает, что увеличение депривации статистически значимо связано с повышенным риском мультиморбидности. Таким образом, аналогично неравенству в отношении здоровья, существует и неравенство в мультиморбидности.

Свежий взгляд на этот вопрос может исходить из области *синдемики*, которая относится к синергетической кластеризации состояний здоровья, возникающих в результате комплексного социального и экономического неравенства и способствующих ему. Эта теория подчеркивает важность более широкого контекста мультиморбидности и усиливает важность понимания того, как факторы макроуровня взаимодействуют с хроническими заболеваниями и способствуют их кластеризации на популяционном уровне [58. С. 186–194].

Учитывая глобальную тенденцию старения населения, все больший интерес вызывает изучение взаимосвязи социально-экономического статуса со здоровьем *в пожилом возрасте*. Помимо анализа традиционных компонентов СЭС (доход, занятость, образование) и их соотношения, в анализ также вводятся комплексные показатели, основанные на нескольких показателях СЭС (индексы СЭС) и уточняющие показатели (например, профессиональная сложность). В одном из таких исследований в полностью скорректированных моделях вклад образования в модель соответствовал 0–3% (в зависимости от результата), социального класса – 0–1%, профессиональной сложности – 1–8% и дохода – 3–18%, т.е. доход объясняет большую дисперсию здоровья в пожилом возрасте, чем любой из других показателей СЭС, с прогностической способностью, которая даже лучше, чем у составного показателя [59]. Полученные данные свидетельствуют о том, что если основной целью включения показателя СЭС в исследование здоровья в пожилом возрасте является простая корректировка модели с учетом социально-экономических различий, то предпочтительным выбором может быть доход. Если же основной целью является изучение неравенства в отношении здоровья или механизмов, обуславливающих неравенство в отношении здоровья в пожилом возрасте как таковое, то выбор показателя должен осуществляться на основе теоретической модели, учитывающей уникальные свойства различных показателей [59].

Если влияние обозначенных выше групп факторов на здоровье в целом не подвергаются научным сомнением, то ряд авторов обозначают новые связи, однозначной интерпретации которых пока нет.

Выявлена положительная связь между **уровнем демократического управления** в странах и состоянием здоровья их населения, хотя часто они ограничены использованием данных из небольшого числа стран с высоким уровнем дохода или агрегированных данных, которые не оценивают результаты здравоохранения на индивидуальном уровне.

Используя модель межстранового структурного уравнения с различными экономическими и демографическими переменными, ученые выявили взаимосвязь между типом политического режима и политической стабильностью, с одной стороны, и здоровьем – с другой: демократия положительно сказывается на здоровье населения, а нестабильность режима – негативно. Нестабильность правительства отрицательно связана с индивидуальным здоровьем через его связь с качеством сектора здравоохранения, в то время как демократия положительно связана с индивидуальным здоровьем через его связь с доходом [60. С. 36–46]. В 2015 г. был опубликован анализ данных многоуровневого обследования состояния здоровья населения мира (2002–2004 гг.) по 313 554 лицам в 67 странах, который свидетельствует, что положительная связь между демократическим управлением и самооценкой здоровья сохраняется после корректировки как на индивидуальном, так и на страновом уровнях [61. С. 137–144]. Механизмы, связывающие демократию и самооценку здоровья, остаются неясными, однако установленная устойчивая связь между демократическим управлением и здравоохранением предполагает, что политическая организация общества может быть важным фактором, определяющим здоровье населения.

Крайне противоречивые теории лежат в основе исследований о **расовых различиях** в здоровье – существуют три конкурирующие причинно-следственные их интерпретации. Первый подход рассматривает расу как биологически значимую категорию, а расовые различия в состоянии здоровья – как отражение наследственной предрасположенности к заболеваниям. Второй подход усматривает реальную причину расовых различий скорее в социально-экономическом расслоении, где раса выступает неким посредником. Третий подход рассматривает расу не как биологическую категорию и не как посредника класса, а как особый конструкт, родственный касте.

Наибольшее распространение в научной литературе получил второй подход. Например, крупное исследование состояния мужского здоровья в США привело к выводу, что расовые и этнические различия в социально-экономическом статусе, стрессорах (в частности, расизм), дискриминации и условиях соседства (индивидуального и коллективного) составляют значительную долю расовых и этнических различий в функциональных ограничениях здоровья. Полученные данные свидетельствуют о том, что социальные детерминанты здоровья цветных мужчин нуждаются в более серьезном рассмотрении в процессе формирования мер по устранению диспропорций в области здравоохранения [62. С. 307–318].

Изучение расовых различий проводится как по популяциям в целом, так и в отдельных возрастных категориях, особенно среди детей. Так, существуют исследования, свидетельствующие о том, что СЭС, особенно занятость матери и образование отца, играет важную роль в определении здоровья ребенка, и каждый показатель по-разному связан с риском детского ожирения среди белых, черных и испаноязычных детей в определенном возрасте. Эти данные подчеркивают важность расширения доступа к образованию для мужчин и обеспечения баланса между работой и семьей для женщин [63].

Другой важный аспект общественной жизни – культурный коллективизм, ведь в центре социальной среды человека находятся взаимоотношения с другими людьми, качественные и количественные характеристики которых в настоящее время признаны имеющими особое значение для здоровья. В. Campos (Б. Кампос) и H.S. Kim (Х. Ким) выделяют два контекста, характеризующихся различными формами культурного коллективизма (восточноазиатский и латиноамериканский), чтобы подчеркнуть уникальные паттерны, лежащие в основе социальной поддержки. Они составляют ключевой путь, посредством которого отношения формируют психологическое и физическое здоровье. В целом очевидно, что необходимы новые и более систематические подходы для формирования обновленного и более системного понимания роли культуры в процессах человеческих взаимоотношений, формирующих здоровье [64. С. 543–554].

Предлагаемый подход к систематизации факторов

Несмотря на обширность исследований неравенства в здоровье и его социально-экономических факторов, слабо изученными остаются вопросы степени влияния данных факторов, их соотношения, а также особенностей проявления в различных контекстах (для разных возрастных, этнических и прочих групп населения). Тем не менее проведенный анализ позволил систематизировать выделенные факторы (помимо содержательной интерпретации) по уровням их влияния: собственно на индивида (микроуровень), ближний круг человека (мезоуровень) и общество в целом (макроуровень) (рис. 1).

Практически по всем группам проанализированных факторов выявлены связи между различными аспектами СЭС человека и его здоровьем, характерные как для развитых, так и для развивающихся стран, в том числе существенно отличающихся по эпидемиологической ситуации.

Это наблюдение хорошо согласуется с теорией фундаментальных причин, разработанной в 1995 г. B.G. Link (Б. Линк) и J.C. Phelan (Дж. Фелан) [65. С. 80–94]. Авторы предположили, что упомянутые выше связи появляются потому, что СЭС воплощает множество ресурсов (наличие денег, знаний, престижа, власти и полезных социальных связей), которые помогают увеличить продолжительность жизни и сохранить здоровье. Фундаментальная социальная причина неравенства влияет на состояние здоровья в целом, не ограничиваясь только одним или несколькими заболеваниями через многочисленные факторы риска [65. С. 80–94].

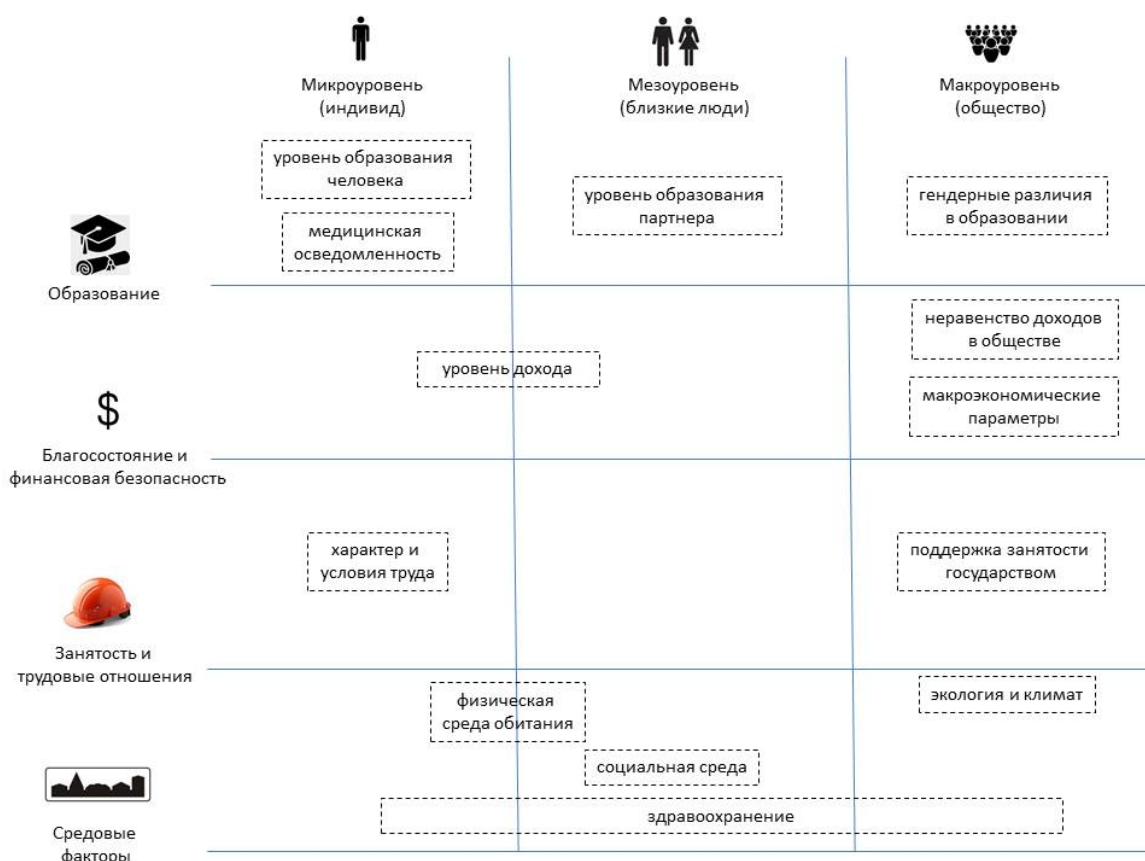

Рис. 1. Систематизация социально-экономических факторов, влияющих на здоровье человека

Индивиды (группы индивидов) используют ресурсы для того, чтобы избежать рисков и реализовать защитные стратегии. Ресурсы могут использоваться независимо от того, какие факторы риска и какие защитные факторы существуют в данных обстоятельствах. Например, при эпидемии холеры человеку с большим количеством ресурсов проще избежать областей, где распространена эта болезнь, а в случае сердечно-сосудистых заболеваний легче поддерживать требуемый образ жизни и своевременно получить качественную медицинскую помощь.

Таким образом, фундаментальные причины продолжают оказывать влияние на здоровье, даже если профиль факторов риска, защитных факторов и заболеваний радикально меняется (поэтому статусные ресурсы называются гибкими ресурсами). Такое фокусирование на гибких ресурсах и их использовании не отрицает, впрочем, важности самих ресурсов, лежащих в основе социальной, экономической и политической структуры общества.

Гибкие ресурсы можно рассматривать как на индивидуальном, так и на средовом уровнях. Например, если человек использовал ресурсы, связанные с СЭС, для того чтобы поселиться в престижном районе, он получает дополнительный «пакет услуг», положительно влияющих на его здоровье (низкий уровень шума, загрязнения окружающей среды, преступности и т.п.). Средовой уровень можно разделить на мезо- (семейный) и макроуровень (общество, государственная политика), а также формальный (работодатель или профсоюз) и неформальный (социальные сети).

Но использование группами ресурсов, улучшающих здоровье, может осуществляться и в менее явной форме. Например, социальные нормы закрепляют определенный образ жизни для каждой из групп с различным СЭС, т.е. статусные группы не напрямую добиваются улучшения материальных условий, скорее, их участники формируют некую культурную практику питания, занятия спортом и других правил и обычаев, связанных со здоровьем, которые влияют на поведение членов статусной группы [66. С. 51–67].

Соотнесение выделенных факторов и механизмов формирования неравенства в здоровье, согласно теории фундаментальных причин, позволяет предположить, что управленческое воздействие на здоровье популяции в настоящее время в любом обществе должно концентрироваться не только на решении проблем с лечением конкретной патологии (например, закупка лечебно-диагностического оборудования, подготовка специалистов для онкологической и кардиологической помощи), но и возможности ее реального получения (например, оплата транспортных расходов для жителей отдаленных населенных пунктов, проживание родственников в гостинице при медицинской организации, телемедицинские консультации до госпитализации и т.д.).

Заключение

Современное общество проходит этап трансформации системы ценностей, практически повсеместно наблюдается изменение в соотношении, с одной сто-

роны, ценностей выживания и самовыражения, а с другой – традиционных и секулярно-рациональных ценностей. Эти изменения, безусловно, происходят очень медленно, однако, они ведут к повышению значимости для граждан личной свободы, прав человека, успеха, равенства полов, приоритизируют деятельную жизнь, интересную работу, отсутствие материальных затруднений, качество образования, защиту окружающей среды и, конечно, хорошее здоровье. Эти ценности в настоящее время становятся не только целями, но и смыслом человеческой жизни. На общем фоне все отчетливее проявляются различные социально-экономические факторы, влияющие на неравенство в здоровье человека и популяции. Анализ и систематизация литературных источников по данной теме позволили сформулировать следующие выводы:

1) социально-экономические факторы, оказывающие влияние на здоровье человека и его неравное распределение среди популяции, могут быть подразделены по содержательному признаку (образование, благосостояние и финансовая безопасность, занятость и трудовые отношения, средовые факторы) и уровню воздействия (индивид, ближайшее окружение и общество). При этом сила влияния, соотношение факторов и их взаимозависимость остаются предметом дальнейших изысканий;

2) существует ряд исследований неравенства в здоровье, посвященных факторам неясного генезиса и механизму их влияния (уровень развития демократии, расовые характеристики и др.);

3) социально-экономический статус человека во-площает влияние множества ресурсов (таких как деньги, знание, престиж, власть, полезные социаль-

ные связи и др.), которые помогают увеличить продолжительность жизни и сохранить здоровье независимо от того, какие механизмы возникновения заболеваний действуют в данный момент времени. Таким образом, выделенные факторы влияют на состояние здоровья вне зависимости от уровня развития конкретного общества, но меняют пути такого воздействия;

4) для обеспечения позитивных эпидемиологических сдвигов гражданам должны быть максимально доступны эффективные меры вмешательства в охрану здоровья, закрепленные долгосрочной государственной социальной политикой.

Результаты исследования позволили получить дополнительные аргументы, подтверждающие важность эффективного функционирования институтов, отвечающих за здоровье населения, для повышения качества жизни и благополучия граждан на всем протяжении их жизненных траекторий. Основываясь на системном представлении факторов, определяющих неравенство в здоровье, эксперты, специалисты-практики и представители органов власти смогут более обоснованно подойти к принятию решений о повышении качества институционального каркаса в данной сфере, в том числе к разработке корректных мер, направленных на минимизацию неравенства в здоровье на макроуровне, в интересах всей социально-экономической системы. Благодаря этому система институтов, отвечающих за здоровье населения, сможет быть в значительно большей степени ориентирована на ключевой критерий ее эффективности – максимальную реализацию ресурсного потенциала человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Values Survey (WVS) database. World Values Survey Association, 2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org> (дата обращения: 05.11.2020).
2. Вайнер Э.Н. Валеология : учеб. для вузов. М. : Флинта, 2016. 445 с.
3. Adler N.E., Newman K. Socioeconomic Disparities In Health: Pathways And Policies // *Health Affairs*. 2002. № 2. P. 60–76.
4. Braveman P., Gottlieb L. The Social Determinants of Health: It's Time to Consider the Causes of the Causes // *Public Health Reports*. 2014. № 129. P. 19–31.
5. Ross C.E., Wu C. The Links between Education and Health // *American Sociological Review*. 1995. № 10. P. 719–745.
6. How's Life? 2020: Measuring Well-being. OECD, 2020. URL: <https://www.oecd.org/statistics/how-s-life-23089679.htm> (дата обращения: 15.10.2020).
7. Health at a Glance 2019: OECD Indicators. OECD, 2019. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/health-at-a-glance-2019_4dd50c09-en (дата обращения: 05.11.2020).
8. Machon M., Mosquera I., Larrañaga I., Martín U., Vergara I. Socioeconomic inequalities in health among the elderly population in Spain // *Gac Sanit*. 2020. № 34 (3). P. 276–288. DOI: 10.1016/j.gaceta.2019.06.008.
9. Adjiwanou V., Bougma M., LeGrand T. The effect of partners' education on women's reproductive and maternal health in developing countries // *Social Science & Medicine*. 2018. № 197. P. 104–115. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.11.054.
10. Murtin F., et al. Inequalities in longevity by education in OECD countries: insights from new OECD estimates. Paris: OECD Publishing, OECD Statistics Working Papers, 2017. № 2017/2. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/inequalities-in-longevity-by-education-in-oecd-countries_6b64d9cf-en (дата обращения: 07.07.2020).
11. Mensch B.S., Chuang E.K., Melnikas A.J., Psaki S.R. Evidence for causal links between education and maternal and child health: systematic review // *Trop Med Int Health*. 2019. № 24 (5). P. 504–522. DOI: 10.1111/tmi.13218.
12. Kidman R., Heymann J. Prioritising action to accelerate gender equity and health for women and girls: Microdata analysis of 47 countries // *Glob Public Health*. 2018. № 13 (11). P. 1634–1649. DOI: 10.1080/17441692.2018.1427272.
13. Richards E., Theobald S., George A. et al. Going beyond the surface: gendered intra-household bargaining as a social determinant of child health and nutrition in low and middle income countries // *Social Science & Medicine*. 2013. № 95. P. 24–33. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.06.015.
14. Hultin H., Lundberg M., Lundin A., Magnusson C. Do overeducated individuals have increased risks of ill health?: a Swedish population-based cohort study // *Sociol Health Illn*. 2016. № 38 (6). P. 980–995. DOI: 10.1111/1467-9566.12419.
15. Stormacq C., Van den Broucke S., Wosinski J. Does health literacy mediate the relationship between socioeconomic status and health disparities? Integrative review // *Health Promot Int*. 2019. № 34 (5). P. 1–17. DOI: 10.1093/heapro/day062.
16. Smith J. Healthy bodies and thick wallets: the dual relation between health and economic status // *Journal of Economic Perspective*. 1999. № 13 (2). P. 145–166.
17. Raleigh V. Trends in life expectancy in EU and other OECD countries: Why are improvements slowing? Paris: OECD Publishing, OECD Health Working Papers, 2019. № 108. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/trends-in-life-expectancy-in-eu-and-other-oecd-countries_223159ab-en (дата обращения: 06.08.2020).

18. Rausch C., Liang Y., Bultmann U. et al. Social position and geriatric syndromes among Swedish older people: a population-based study // *BMC Geriatr.* 2019. № 267. DOI: 10.1186/s12877-019-1295-8.
19. Whillans J., Nazroo J. Social Inequality and Visual Impairment in Older People // *The Journals of Gerontology: Series B.* 2018. № 73, Is. 3. P. 532–542. DOI: 10.1093/geronb/gbv163.
20. Cai J., Coyte P.C., Zhao H. Determinants of and socio-economic disparities in self-rated health in China // *Int J. Equity Health.* 2017. № 7. DOI: 10.1186/s12939-016-0496-4.
21. Rose G. Sick Individuals and Sick Populations // *International Journal of Epidemiology.* 1985. № 14. P. 32–38.
22. Lynch J., Davey Smith G., Harper S. Is Income Inequality a Determinant of Population Health? Part 1. A Systematic Review // *Milbank Q.* 2004. № 82 (1). P. 5–99.
23. Cushing L., Morello-Frosch R., Wander M. The Haves, the Have-Nots, and the Health of Everyone: The Relationship Between Social Inequality and Environmental Quality // *Annu. Rev. Public Health.* 2015. № 36. P. 193–209.
24. Kondo N., Sembajwe G., Kawachi I. Income inequality, mortality, and self rated health: meta-analysis of multilevel studies // *British Medical Journal.* 2009. № 339. P. 441–447.
25. Lynch J., Davey Smith G., Kaplan G.A. Income Inequality and Mortality: Importance to Health of Individual Income, Psychosocial Environment, or Material Conditions // *British Medical Journal.* 2000. № 320 (7243). P. 1200–1204.
26. Truesdale B.C., Jencks C. The Health Effects of Income Inequality: Averages and Disparities // *Annu. Rev. Public Health.* 2016. № 37. P. 413–430. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-032315-021606.
27. Sharma R. Health and economic growth: Evidence from dynamic panel data of 143 years // *PLoS One.* 2018. № 13 (10). DOI: 10.1371/journal.pone.0204940.
28. Curran M., Mahutga M.C. Income Inequality and Population Health: A Global Gradient? // *J. Health Soc. Behav.* 2018. № 59 (4). P. 536–553. DOI: 10.1177/0022146518808028.
29. Dieker A.C., IJzelenberg W., Proper K.I. et al. The contribution of work and lifestyle factors to socioeconomic inequalities in self-rated health – a systematic review // *Scand. J. Work Environ Health.* 2019. № 45 (2). P. 114–125. DOI: 10.5271/sjweh.3772.
30. Lahelma E., Martikainen P., Rahkonen O., Roos E., Saastamoinen P. Occupational class inequalities across key domains of health: results from the Helsinki Health Study // *Eur. J. Public Health.* 2005. № 15 (5). P. 504–510. DOI: 10.1093/eurpub/cki022.
31. Vanroelen C. Employment Quality: An Overlooked Determinant of Workers' Health and Well-being? // *Ann. Work Expo. Health.* 2019. № 63 (6). P. 619–623. DOI: 10.1093/annweh/wxz049.
32. Balaj M., McNamara C.L., Eikemo T.A., Bambra C. The social determinants of inequalities in self-reported health in Europe: findings from the European social survey (2014) special module on the social determinants of health // *Eur. J. Public Health.* 2017. № 27. P. 107–114. DOI: 10.1093/eurpub/ckw217.
33. Cylus J., Glymour M.M., Avendano M. Health effects of unemployment benefit program generosity // *Am. J. Public Health.* 2015. № 105 (2). P. 317–323. DOI: 10.2105/AJPH.2014.302253.
34. Gibson M., Hearty W., Craig P. The public health effects of interventions similar to basic income: a scoping review // *Lancet Public Health.* 2020. № 5 (3). P. 165–176. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30005-0.
35. Sun Z., Zhu D. Exposure to outdoor air pollution and its human health outcomes: A scoping review // *PLoS One.* 2019. № 14 (5). DOI: 10.1371/journal.pone.0216550.
36. Nieuwenhuijsen M.J. Urban and transport planning, environmental exposures and health-new concepts, methods and tools to improve health in cities // *Environ Health.* 2016. № S38. DOI: 10.1186/s12940-016-0108-1.
37. Li J., Zhang X. Beach Pollution Effects on Health and Productivity in California // *Int J Environ Res Public Health.* 2019. № 16 (11). DOI: 10.3390/ijerph16111987.
38. Zeng S., Ma J., Yang Y., Zhang S., Liu G.J., Chen F. Spatial assessment of farmland soil pollution and its potential human health risks in China // *Sci. Total Environ.* 2019. № 687. P. 642–653. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.05.291.
39. Life expectancy and Healthy life expectancy: data by country. WHO, Global Health Observatory data repository, 2020. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.688?lang=en> (дата обращения: 20.10.2020).
40. Gjónsa A., Bobak M. Albanian paradox, another example of protective effect of Mediterranean lifestyle // *Lancet.* 1997. № 350. P. 1815–1817.
41. Wasserman D., Värnik A. Reliability of statistics on violent death and suicide in the former USSR, 1970–1990 // *Acta Psychiatrica Scandinavica.* 1998. № 98. P. 34–41.
42. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении. ЕМИСС, 2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293?> (дата обращения: 12.09.2020).
43. Rees E.E., Ng V., Gachon P. et al. Risk assessment strategies for early detection and prediction of infectious disease outbreaks associated with climate change // *Can. Commun. Dis. Rep.* 2019. № 45 (5). P. 119–126. DOI: 10.14745/ccdr.v45i05a02.
44. Weitzman M. Recent Trends in the Prevalence and Severity of Childhood Asthma // *Journal of the American Medical Association.* 1992. № 19. P. 2673–2677.
45. Zhang T. The effects of economic development and built environment on diabetes in CHINA // *Popul. Health Metr.* 2017. № 15 (1). DOI: 10.1186/s12963-017-0152-2.
46. Nieuwenhuijsen M.J. Influence of urban and transport planning and the city environment on cardiovascular disease // *Nat. Rev. Cardiol.* 2018. № 15 (7). P. 432–438. DOI: 10.1038/s41569-018-0003-2.
47. Mueller N., Rojas-Rueda D., Basagaña X., et al. Urban and Transport Planning Related Exposures and Mortality: A Health Impact Assessment for Cities // *Environ Health Perspect.* 2017. № 125 (1). P. 89–96. DOI: 10.1289/EHP220.
48. Berkman L.F., Glass T. *Social Epidemiology: Social Integration, Social Networks, Social Support, and Health.* New York: Oxford University Press, 2000. P. 137–173.
49. Sampson R.J., Raudenbush S.W., Earls F. Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy // *Science.* 1997. № 5328. P. 918–924.
50. Kawachi I., Kennedy B.P. Socioeconomic Determinants of Health: Health and Social Cohesion: Why Care About Income Inequality? // *British Medical Journal.* 1997. № 314. P. 1037–1040.
51. Blazquez-Fernández C., Cantarero-Prieto D., Pascual-Saez M. Health expenditure and socio-economic determinants of life expectancy in the OECD Asia/Pacific area countries // *Applied Economics Letters.* 2017. № 24, Is. 3. P. 167–169. DOI: 10.1080/13504851.2016.1173174.
52. Van den Heuvel W.J., Olariu M. How important are health care expenditures for life expectancy? A comparative European analysis // *J Am Med Dir. Assoc.* 2017. № 18 (3). DOI: 10.1016/j.jamda.2016.11.027.
53. The Global Health Expenditure Database (GHED). World Health Organization, 2020. URL: <https://apps.who.int/nha/database> (дата обращения: 23.09.2020).
54. Wood E. Social Inequalities in Male Mortality Amenable to Medical Intervention in British Columbia // *Social Science and Medicine.* 1999. № 12. P. 1751–1758.
55. Alvarez F.N., El-Sayed A.M. National income inequality and ineffective health insurance in 35 low- and middle-income countries // *Health Policy Plan.* 2017. № 32 (4). P. 487–492. DOI: 10.1093/heapol/czw156.
56. El-Sayed A.M., Vail D., Kruk M.E. Ineffective insurance in lower and middle income countries is an obstacle to universal health coverage // *J. Glob. Health.* 2018. № 8 (2). DOI: 10.7189/jogh.08.020402.

57. Нарская Н.В. Здоровье и социальное неравенство в РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 1, т. 14. С. 97–99.
58. Pathirana T.I., Jackson C.A. Socioeconomic status and multimorbidity: a systematic review and meta-analysis // Aust. N. Z. J. Public Health. 2018. № 42 (2). P. 186–194. DOI: 10.1111/1753-6405.12762.
59. Darin-Mattsson A., Fors S., Kåreholt I. Different indicators of socioeconomic status and their relative importance as determinants of health in old age // Int. J. Equity Health. 2017. № 16 (1). DOI: 10.1186/s12939-017-0670-3.
60. Klomp J., de Haan J. Is the political system really related to health? // Soc. Sci. Medicine. 2009. № 69. P. 36–46.
61. Krueger P.M., Dovel K., Denney J.T. Democracy and self-rated health across 67 countries: A multilevel analysis // Soc. Sci. Med. 2015. № 143. P. 137–144. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.08.047.
62. Brown T.H., Hargrove T.W., Griffith D.M. Racial/Ethnic Disparities in Men's Health: Examining Psychosocial Mechanisms // Fam. Community Health. 2015. № 38 (4). P. 307–318. DOI: 10.1097/FCH.0000000000000080.
63. Jones A. Race, Socioeconomic Status, and Health during Childhood: A Longitudinal Examination of Racial/Ethnic Differences in Parental Socioeconomic Timing and Child Obesity Risk // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2018. № 15 (4). DOI: 10.3390/ijerph15040728.
64. Campos B., Kim H.S. Incorporating the cultural diversity of family and close relationships into the study of health // Am. Psychol. 2017. № 72 (6). P. 543–554. DOI: 10.1037/amp0000122.
65. Link B.G., Phelan J. Social Conditions As Fundamental Causes of Disease // Journal of Health and Social Behavior. Extra Issue: Forty Years of Medical Sociology: The State of the Art and Directions for the Future. 1995. P. 80–94.
66. Cockerham W. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behavior. 2005. № 46. P. 51–67.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 30 ноября 2020 г.

Systematization of Socioeconomic Factors that Determine Health Inequality: A Literature Review

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 101–114.

DOI: 10.17223/15617793/468/12

Ivan P. Shibalkov, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shibalkov.ivan@yandex.ru

Irina A. Pavlova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iapav@mail.ru

Olga P. Nedospasova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: olgaeconomy@mail.ru

Ekaterina K. Tagina, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: taginaekaterina@gmail.com

Keywords: health; inequality; socioeconomic factors; institutions; education; income; employment; environment.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00300.

Academic and expert community is continuously researching all aspects of inequality. However, problems of inequality in healthcare (due to objective circumstances (ethnicity, gender, etc.) and settings in which people are born, grow up, work, and age) have been studied to a lesser extent. The study aims to summarize and analyze literature on the identification and systematization of socioeconomic factors affecting inequality in health on individual and population levels. Health factors are primarily determined by a person's socioeconomic position (SEP), including education, income, and occupation. Socio-economic factors that determine inequality in health are all factors that affect the absolute and relative (relative to other members of the society in which the individual lives) social and economic situation of a person. In addition to them, the analysis includes institutions that potentially influence a person's health: a person, at their own free will or in connection with established norms, interacts with these institutions regularly during their life. A literature review using the PubMed, Web of Science, Scopus, Russian Science Citation Index databases was carried out. The search depth by the time parameter had no restrictions. The keywords "socioeconomic status", "socioeconomic position", "inequality in health", "health factors" were used to analyze more than 350 publications. The analysis allowed us to divide socioeconomic factors into the following categories and subcategories related to education (level of education of a person, level of education of a partner, gender differences in education, medical awareness), welfare and financial security (level of income, income inequality in society, macroeconomic parameters), employment and labor relations (nature and conditions of work, support of employment by the state), environmental factors (ecology and climate, physical habitat, social environment, health care). The factors are also systematized according to the levels of influence: individual level (micro-level), a person's inner circle (meso-level), and society as a whole (macro-level). The study identifies the relationship between various aspects of a person's SEP and their health for the majority of the factor groups for both developed and developing countries. The study results amend and strengthen arguments confirming the importance of the effective functioning of institutions responsible for the health of the population and explain their institutional roles for improving the quality of life and well-being of citizens throughout their life trajectories. In this regard, a systematic study of the factors that determine inequality in health creates conditions for improving the quality of the institutional framework and substantiating the effectiveness of measures aimed at minimizing inequality in health at the micro-, meso-, macro-levels for increasing the well-being of the entire socioeconomic system.

REFERENCES

1. World Values Survey Association. (2020) *World Values Survey (WVS) database*. [Online] Available from: <https://www.worldvaluessurvey.org> (Accessed: 05.11.2020).
2. Vayner, E.N. (2016) *Valeologiya: ucheb. dlya vuzov* [Valeology: textbook for universities]. Moscow: Flinta.
3. Adler, N.E. & Newman, K. (2002) Socioeconomic Disparities In Health: Pathways And Policies. *Health Affairs*. 2. pp. 60–76.
4. Braveman, P. & Gottlieb, L. (2014) The Social Determinants of Health: It's Time to Consider the Causes of the Causes. *Public Health Reports*. 129. pp. 19–31.
5. Ross, C.E. & Wu, C. (1995) The Links between Education and Health. *American Sociological Review*. 10. pp. 719–745.
6. OECD. (2020) *How's Life? 2020: Measuring Well-being*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/statistics/how-s-life-23089679.htm> (Accessed: 15.10.2020).
7. OECD. (2019) *Health at a Glance 2019: OECD Indicators*. [Online] Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/health-at-a-glance-2019_4dd50c09-en (Accessed: 05.11.2020).

8. Machon, M. et al. (2020) Socioeconomic inequalities in health among the elderly population in Spain. *Gac Sanit.* 34 (3). pp. 276–288. DOI: 10.1016/j.gaceta.2019.06.008
9. Adjiwanou, V., Bougma, M. & LeGrand, T. (2018) The effect of partners' education on women's reproductive and maternal health in developing countries. *Social Science & Medicine*. 197. pp. 104–115. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.11.054
10. Murtin, F. et al. (2017) *Inequalities in longevity by education in OECD countries: insights from new OECD estimates*. Paris: OECD Publishing. OECD Statistics Working Papers. 2017/2. [Online] Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/inequalities-in-longevity-by-education-in-oecd-countries_6b64d9cf-en (Accessed: 07.07.2020).
11. Mensch, B.S. (2019) Evidence for causal links between education and maternal and child health: systematic review. *Trop Med Int Health*. 24 (5). pp. 504–522. DOI: 10.1111/tmi.13218
12. Kidman, R. & Heymann, J. (2018) Prioritising action to accelerate gender equity and health for women and girls: Microdata analysis of 47 countries. *Glob Public Health*. 13 (11). pp. 1634–1649. DOI: 10.1080/17441692.2018.1427272
13. Richards, E. et al. (2013) Going beyond the surface: gendered intra-household bargaining as a social determinant of child health and nutrition in low and middle income countries. *Social Science & Medicine*. 95. pp. 24–33. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.06.015
14. Hultin, H. et al. (2016) Do overeducated individuals have increased risks of ill health?: a Swedish population-based cohort study. *Sociol Health Illn*. 38 (6). pp. 980–995. DOI: 10.1111/1467-9566.12419
15. Stormacq, C., Van den Broucke, S. & Wosinski, J. (2019) Does health literacy mediate the relationship between socioeconomic status and health disparities? Integrative review. *Health Promot Int*. 34 (5). pp. 1–17. DOI: 10.1093/heapro/day062
16. Smith, J. (1999) Healthy bodies and thick wallets: the dual relation between health and economic status. *Journal of Economic Perspective*. 13 (2). pp. 145–166.
17. Raleigh, V. (2019) *Trends in life expectancy in EU and other OECD countries: Why are improvements slowing?* Paris: OECD Publishing. OECD Health Working Papers. 108. [Online] Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/trends-in-life-expectancy-in-eu-and-other-oecd-countries_223159ab-en (Accessed: 06.08.2020).
18. Rausch, C. et al. (2019) Social position and geriatric syndromes among Swedish older people: a population-based study. *BMC Geriatr*. 267. DOI: 10.1186/s12937-019-1295-8
19. Whillans, J. & Nazroo, J. (2018) Social Inequality and Visual Impairment in Older People. *The Journals of Gerontology: Series B*. 73 (3). pp. 32–542. DOI: 10.1093/geronb/gbv163
20. Cai, J., Coyte, P.C. & Zhao, H. (2017) Determinants of and socio-economic disparities in self-rated health in China. *Int J. Equity Health*. 7. DOI: 10.1186/s12939-016-0496-4
21. Rose, G. (1985) Sick Individuals and Sick Populations. *International Journal of Epidemiology*. 14. pp. 32–38.
22. Lynch, J., Davey, S.G. & Harper, S. (2004) Is Income Inequality a Determinant of Population Health? Part 1. A Systematic Review. *Milbank Q*. 82 (1). pp. 5–99.
23. Cushing, L., Morello-Frosch, R. & Wander, M. (2015) The Haves, the Have-Nots, and the Health of Everyone: The Relationship Between Social Inequality and Environmental Quality. *Annu. Rev. Public Health*. 36. pp. 193–209.
24. Kondo, N., Sembajwe, G. & Kawachi, I. (2009) Income inequality, mortality, and self rated health: meta-analysis of multilevel studies. *British Medical Journal*. 339. pp. 441–447.
25. Lynch, J., Davey, S.G. & Kaplan, G.A. (2000) Income Inequality and Mortality: Importance to Health of Individual Income, Psychosocial Environment, or Material Conditions. *British Medical Journal*. 320 (7243). pp. 1200–1204.
26. Truesdale, B.C. & Jencks, C. (2016) The Health Effects of Income Inequality: Averages and Disparities. *Annu. Rev. Public Health*. 37. pp. 413–430. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-032315-021606
27. Sharma, R. (2018) Health and economic growth: Evidence from dynamic panel data of 143 years. *PLoS One*. 13 (10). DOI: 10.1371/journal.pone.0204940
28. Curran, M. & Mahutga, M.C. (2018) Income Inequality and Population Health: A Global Gradient? *J. Health Soc. Behav*. 59 (4). pp. 536–553. DOI: 10.1177/0022146518808028
29. Dieker, A.C. et al. (2019) The contribution of work and lifestyle factors to socioeconomic inequalities in self-rated health – a systematic review. *Scand. J. Work Environ Health*. 45 (2). pp. 114–125. DOI: 10.5271/sjweh.3772
30. Lahelma, E. et al. (2005) Occupational class inequalities across key domains of health: results from the Helsinki Health Study. *Eur. J. Public Health*. 15 (5). pp. 504–510. DOI: 10.1093/eurpub/cki022
31. Vanroelen, C. (2019) Employment Quality: An Overlooked Determinant of Workers' Health and Well-being? *Ann. Work Expo. Health*. 63 (6). pp. 619–623. DOI: 10.1093/annweh/wxz049
32. Balaj, M. et al. (2017) The social determinants of inequalities in self-reported health in Europe: findings from the European social survey (2014) special module on the social determinants of health. *Eur. J. Public Health*. 27. pp. 107–114. DOI: 10.1093/eurpub/ckw217
33. Cylus, J., Glymour, M.M. & Avendano, M. (2015) Health effects of unemployment benefit program generosity. *Am. J. Public Health*. 105 (2). pp. 317–323. DOI: 10.2105/AJPH.2014.302253
34. Gibson, M., Hearty, W. & Craig, P. (2020) The public health effects of interventions similar to basic income: a scoping review. *Lancet Public Health*. 5 (3). pp. 165–176. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30005-0
35. Sun, Z. & Zhu, D. (2019) Exposure to outdoor air pollution and its human health outcomes: A scoping review. *PLoS One*. 14 (5). DOI: 10.1371/journal.pone.0216550
36. Nieuwenhuijsen, M.J. (2016) Urban and transport planning, environmental exposures and health-new concepts, methods and tools to improve health in cities. *Environ Health*. S38. DOI: 10.1186/s12940-016-0108-1
37. Li, J. & Zhang, X. (2019) Beach Pollution Effects on Health and Productivity in California. *Int J Environ Res Public Health*. 16 (11). DOI: 10.3390/ijerph16111987
38. Zeng, S. et al. (2019) Spatial assessment of farmland soil pollution and its potential human health risks in China. *Sci. Total Environ*. 687. pp. 642–653. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.05.291
39. WHO. (2020) *Life expectancy and Healthy life expectancy: data by country*. WHO, Global Health Observatory Data Repository. [Online] Available from: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.688?lang=en> (Accessed: 20.10.2020).
40. Gjónsa, A. & Bobak, M. (1997) Albanian paradox, another example of protective effect of Mediterranean lifestyle. *Lancet*. 350. pp. 1815–1817.
41. Wasserman, D. & Värnik, A. (1998) Reliability of statistics on violent death and suicide in the former USSR, 1970–1990. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 98. pp. 34–41.
42. EMISS. (2020) *Srednyaya ozhidaemaya prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii* [Average life expectancy at birth]. [Online] Available from: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293?> (Accessed: 12.09.2020).
43. Rees, E.E. et al. (2019) Risk assessment strategies for early detection and prediction of infectious disease outbreaks associated with climate change. *Can. Commun. Dis. Rep*. 45 (5). pp. 119–126. DOI: 10.14745/ccdr.v45i05a02
44. Weitzman, M. (1992) Recent Trends in the Prevalence and Severity of Childhood Asthma. *Journal of the American Medical Association*. 19. pp. 2673–2677.
45. Zhang, T. (2017) The effects of economic development and built environment on diabetes in CHINA. *Popul. Health Metr*. 15 (1). DOI: 10.1186/s12963-017-0152-2

46. Nieuwenhuijsen, M.J. (2018) Influence of urban and transport planning and the city environment on cardiovascular disease. *Nat. Rev. Cardiol.* 15 (7). pp. 432–438. DOI: 10.1038/s41569-018-0003-2
47. Mueller, N. et al. (2017) Urban and Transport Planning Related Exposures and Mortality: A Health Impact Assessment for Cities. *Environ Health Perspect.* 125 (1). pp. 89–96. DOI: 10.1289/EHP220
48. Berkman, L. F. & Glass, T. (2000) *Social Epidemiology: Social Integration, Social Networks, Social Support, and Health*. New York: Oxford University Press. pp. 137–173.
49. Sampson, R.J., Raudenbush, S.W. & Earls, F. (1997) Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*. 332. pp. 918–924.
50. Kawachi, I. & Kennedy, B.P. (1997) Socioeconomic Determinants of Health: Health and Social Cohesion: Why Care About Income Inequality? *British Medical Journal*. 314. pp. 1037–1040.
51. Blazquez-Fernández, C., Cantarero-Prieto, D. & Pascual-Saez, M. (2017) Health expenditure and socio-economic determinants of life expectancy in the OECD Asia/Pacific area countries. *Applied Economics Letters*. 24 (3). pp. 167–169. DOI: 10.1080/13504851.2016.1173174
52. Van den Heuvel, W.J. & Olariu, M. (2017) How important are health care expenditures for life expectancy? A comparative European analysis. *J Am Med Dir. Assoc.* 18 (3). DOI: 10.1016/j.jamda.2016.11.027
53. World Health Organization. (2020) *The Global Health Expenditure Database (GHED)*. [Online] Available from: <https://apps.who.int/nha/database> (Accessed: 23.09.2020).
54. Wood, E. (1999) Social Inequalities in Male Mortality Amenable to Medical Intervention in British Columbia. *Social Science and Medicine*. 12. pp. 1751–1758.
55. Alvarez, F.N. & El-Sayed, A.M. (2017) National income inequality and ineffective health insurance in 35 low- and middle-income countries. *Health Policy Plan*. 32 (4). pp. 487–492. DOI: 10.1093/heapol/czw156
56. El-Sayed, A.M., Vail, D. & Kruk, M.E. (2018) Ineffective insurance in lower and middle income countries is an obstacle to universal health coverage. *J. Glob. Health*. 8 (2). DOI: 10.7189/jogh.08.020402
57. Narskaya, N.V. (2014) Health and social inequality in Russia. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"*. 1 (14). pp. 97–99. (In Russian).
58. Pathirana, T.I. & Jackson, C.A. (2018) Socioeconomic status and multimorbidity: a systematic review and meta-analysis. *Aust. N. Z. J. Public Health*. 42 (2). pp. 186–194. DOI: 10.1111/1753-6405.12762.
59. Darin-Mattsson, A., Fors, S. & Kåreholt, I. (2017) Different indicators of socioeconomic status and their relative importance as determinants of health in old age. *Int. J. Equity Health*. 16 (1). DOI: 10.1186/s12939-017-0670-3.
60. Klomp, J. & de Haan, J. (2009) Is the political system really related to health? *Soc. Sci. Medicine*. 69. pp. 36–46.
61. Krueger, P.M., Dovel, K. & Denney, J.T. (2015) Democracy and self-rated health across 67 countries: A multilevel analysis. *Soc. Sci. Med.* 143. pp. 137–144. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.08.047
62. Brown, T.H., Hargrove, T.W. & Griffith, D.M. (2015) Racial/Ethnic Disparities in Men's Health: Examining Psychosocial Mechanisms. *Fam. Community Health*. 38 (4). pp. 307–318. DOI: 10.1097/FCH.0000000000000080
63. Jones, A. (2018) Race, Socioeconomic Status, and Health during Childhood: A Longitudinal Examination of Racial/Ethnic Differences in Parental Socioeconomic Timing and Child Obesity Risk. *Int. J. Environ Res. Public Health*. 15 (4). DOI: 10.3390/ijerph15040728
64. Campos, B. & Kim, H.S. (2017) Incorporating the cultural diversity of family and close relationships into the study of health. *Am. Psychol.* 72 (6). pp. 543–554. DOI: 10.1037/amp0000122
65. Link, B.G. & Phelan, J. (1995) Social Conditions As Fundamental Causes of Disease. *Journal of Health and Social Behavior*. Extra Issue: Forty Years of Medical Sociology: The State of the Art and Directions for the Future. pp. 80–94.
66. Cockerham, W. (2005) Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure. *Journal of Health and Social Behavior*. 46. pp. 51–67.

Received: 30 November 2020

ИСТОРИЯ

УДК 902/904

И.В. Аболонкова, А.К. Солодейников

КРАСОЧНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРЫ ТЕПСЕЙ

Работа выполнена по гранту РФФИ № 118-09-40089.

Работа посвящена красочным изображениям одного из петроглифических комплексов Минусинской котловины – Тепсей. Благодаря перекрытию некоторых рисунков выбитыми изображениями древнейшего изобразительного пласта, удалось уверенно датировать часть из них. Представленные находки свидетельствуют о многообразии применения краски при выполнении наскальных изображений и расширяют базу источников по дописьменной истории народов Южной Сибири.

Ключевые слова: наскальное искусство; красочные изображения; хронология наскальных изображений; древнейшие наскальные изображения; Тепсей; Минусинская котловина.

В наскальном искусстве Минусинской котловины представлены все известные техники нанесения изображений, однако по ряду причин до самого недавнего времени интерес исследователей был сфокусирован главным образом на рисунках, выполненных в технике выбивки. Численное доминирование таких изображений в настоящее время несомненно. Также очевидно, что выбитые изображения более заметны и просты для фиксации и описания, в то время как тонкие гравировки, шлифовки и рисунки краской требуют от исследователя более тщательного подхода, богатого опыта работы и высокой технической оснащенности.

В последнее десятилетие внимание к этим «тонким» пластам наскального искусства становится более детальным. С развитием технического инструментария появляются новые возможности в исследовании, которое на материале различных эпох и территорий убедительно демонстрирует, что предпочтений в технике нанесения рисунков у представителей разных культур не было, а современное нам доминирование выбивки над другими техниками обусловлено уязвимостью более «тонких» изобразительных пластов перед различными факторами разрушения. Хорошие примеры этому дает археологический комплекс Тепсей [1], на многочисленных плоскостях которого наблюдается сосуществование самых разных стилей, техник и сюжетов.

Как известно, упоминания о красочных рисунках Минусинской котловины появляются с XVIII в. [2. С. 8]. Зафиксированные в Минусинской котловине изображения, выполненные краской, относятся к разным культурным и хронологическим пластам, самым представительным из которых является окуневский [3; 4; 5. Рис. 47, 56, 64, 68, 89; 6–8]. Пока обнаружен лишь один памятник с красочными рисунками, относящийся к тесинскому времени: Кавказская писаница [9]. Также зафиксировано использование краски в этнографическое время [2. С. 185]. Известные нам красочные рисунки, относящиеся к доокуневскому времени, на территории Минусинской котловины немногочисленны. Они найдены на Шалаболинской писанице [5. С. 25, рис. 90], а также на прибрежных скалах гор Суханиха [10. С. 70], Оглахты [11. Рис. 41.3; 10. Цв. вкл. Рис. 7], Тепсей [12. Цв. вкл. Рис. 1] и Туран [13. С. 23].

Доокуневский пласт рисунков на рассматриваемой территории представлен минусинской и ангарской изобразительными традициями [14; 15. С. 53–55], а также неоднородной группой изображений, обладающей стилистическими особенностями как минусинского, так и ангарского стилей [10. С. 67]. Для характеристики этой группы рисунков мы будем использовать условное название «древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины» [10].

С точки зрения взаимоотношения краски и выбивки древнейшие красочные рисунки на памятниках Минусинской котловины можно поделить на три группы. К первой относятся самостоятельные рисунки, выполненные краской [5. Рис. 90; 10. Цв. вкл. Рис. 7.2; 12. Цв. вкл. Рис. 1]. Подобные примеры обнаружены и за пределами Минусинской котловины, например на Томской писанице [16. С. 82–84]. Вторую группу составляют изображения в смешанной технике – это подкрашенная выбивка [11. Pl. 41.3; 10. Цв. вкл. Рис. 7.3], на Шалаболино в сочетании с шлифовкой [5. С. 25]. В этом случае очевидно, что выбитое изображение относится к древнейшему пласту, но доказать, что краска принадлежит к тому же времени, что и выбивка, на сегодняшний день едва ли возможно. Третья группа – это выбитые изображения поверх красочных рисунков [10. С. 70. Цв. вкл. Рис. 7.1; 13. С. 23; 17. С. 46].

Единственным известным примером самостоятельных красочных изображений, перекрытых выбитыми рисунками, которые относятся к древнейшему изобразительному пласту Минусинской котловины, является одна из плоскостей местонахождения Тепсей I (рис. 1). Прорисовка выбитых фигур этой плоскости впервые была опубликована в 1995 г. в *Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale* [18. Pl. 3], там же упоминается о наличии краски на ее поверхности [18. P. 15]. В 2012 г. по результатам работ Тепсейского отряда под руководством профессора кафедры археологии КемГУ О.С. Советовой была опубликована фотография этой плоскости [12. Цв. вкл. Рис. 1]. Однако ее более детальный анализ стал возможен лишь несколько лет спустя благодаря применению современных методов работы с красочными изображениями, в частности метода пигментных карт [1. С. 9].

Размер плоскости 160 × 60 см. Перекрывания красочных фигур выбивкой незначительны: красочные рисунки находятся в центре плоскости, что, также как наличие палимпсеста, свидетельствует о том, что эти изображения были нанесены на плоскость раньше выбитых, «уважительно» сконцентрированных вокруг красочных фигур и лишь частично перекрывающих краску. Центральной на плоскости является красочная фигура оленя (рис. 2). Корпус животного и голова, поднятая вверх, расчерчены поперечными линиями. Длина изображения чуть более полуметра. Краска имеет относительно неплохую сохранность, не считая нескольких зон с естественными сколами и выбитую

фигуру на крупе животного. В нижней части плоскости прослеживается фигура быка (?), сопоставимая с предыдущим изображением размерами и выполненная в той же изобразительной манере: корпус животного также расчерчен линиями. Сохранность фигуры гораздо хуже по сравнению с изображением оленя. В нескольких местах ее перекрывают выбитые изображения. Помимо описанных рисунков в разных частях плоскости фиксируются различные линии и следы краски, интерпретация которых требует дальнейшей работы, но реликты рисунков являются свидетельством того, что в древности красочных фигур животных на этой плоскости было больше.

Рис. 1. Тепсей I, большая плоскость. Общий вид

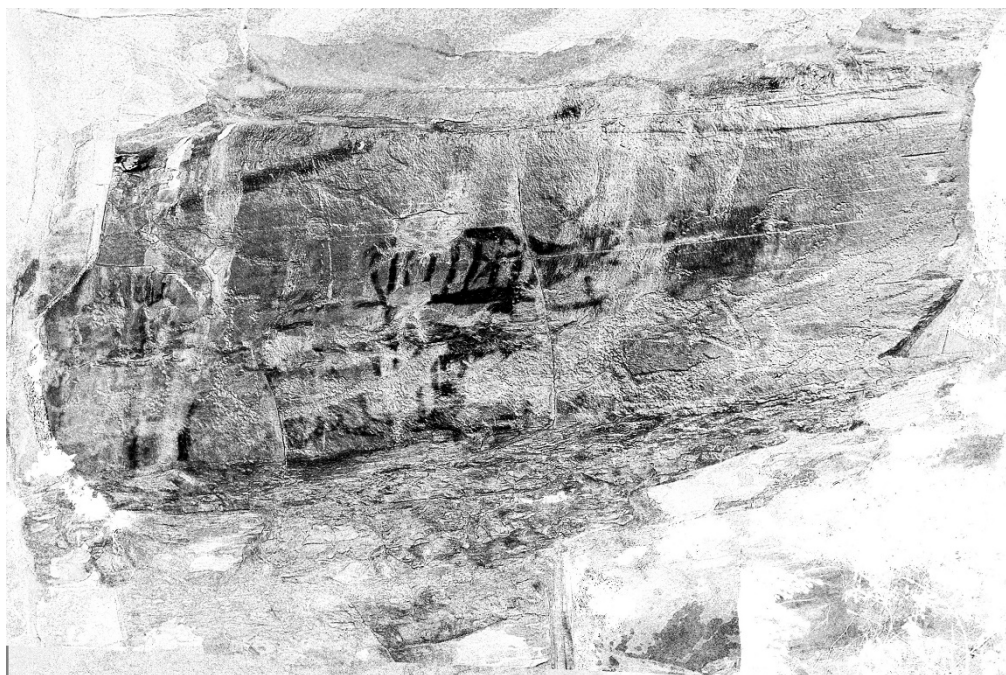

Рис. 2. Тепсей I, большая плоскость. Пигментная карта

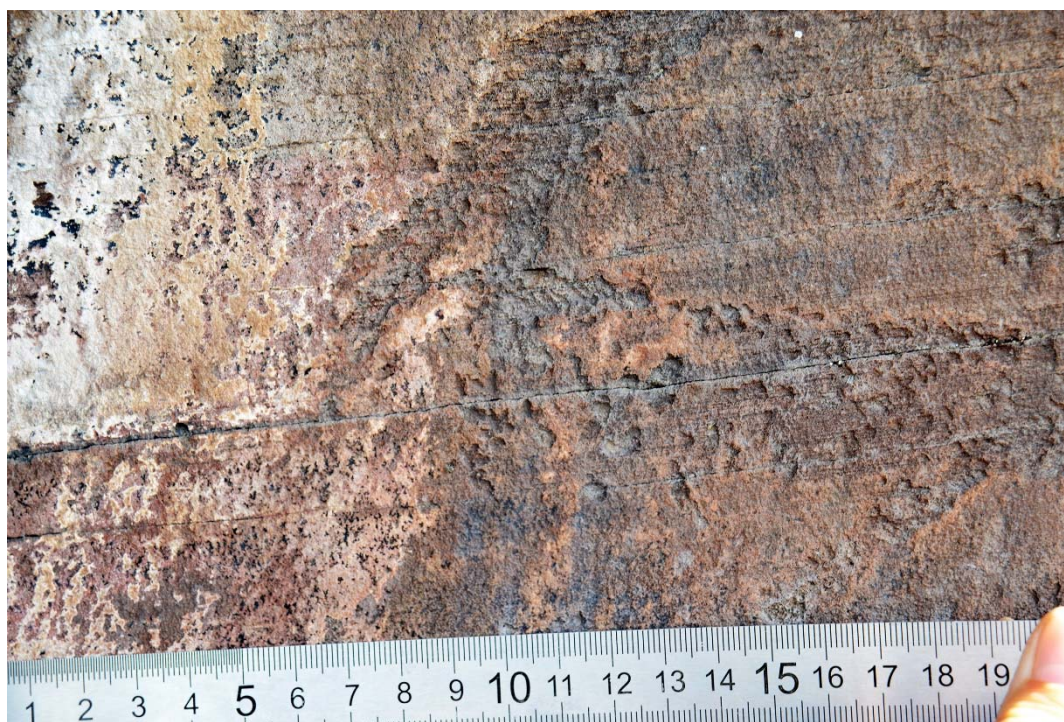

Рис. 3. Тепсей I, большая плоскость, фрагмент. Место перекрытия красочного изображения выбитым

О раннем происхождении описываемых фигур свидетельствуют перекрытие красочных рисунков выбитыми изображениями, выполненными в минусинском стиле (см. рис. 3), размеры и расположение рисунков на плоскости, а также их стилистические особенности, характерные для минусинской изобразительной традиции, например крупные размеры фи-

гур, маленькая голова с вытянутой вперед мордой, а также вертикальные линии, которыми расчерчены туловища животных [15. С. 53–55]. Схожее по технике и стилистике изображение животного, корпус которого расчерчен вертикальными линиями, мы обнаружили на прибрежных скалах местонахождения Оглахты I (рис. 4, 5) в 2017 г.

Рис. 4. Оглахты I. Красочный рисунок, найденный в 2017 г. Общий вид

Рис. 5. Оглахты I. Красочный рисунок, найденный в 2017 г. Пигментная карта

Стоит отметить, что вопрос выделения в рамках древнейшего изобразительного пласта отдельных изобразительных традиций, их сменяемости друг другом и (или) сосуществования в наскальном искусстве Енисея не решен окончательно [14; 19; 20; 21. С. 187–190; 10]. Ранние красочные изображения Тепсея еще раз свидетельствует об этой проблеме.

В 2015–2017 гг. в ходе сплошного обследования скальных плоскостей пункта Тепсей I с применением метода пигментных карт нами были обнаружены еще несколько неизвестных ранее красочных рисунков, расположенных неподалеку от плоскости, описанной выше. Во время поисковых работ выявлено еще две плоскости с самостоятельными красочными рисунками и одна плоскость с выбитой прокрашенной фигурой животного. Еще на трех плоскостях с выбитыми ранними изображениями фиксируются остатки пигмента, при этом в одном случае можно уверенно говорить о нанесении выбивки поверх краски. Росписи нанесены краской красного цвета, которая в некоторых случаях отличается по оттенку, что может свидетельствовать о разнице в технологии ее приготовления и, возможно, разном времени создания изображений. Анализ краски не проводилось, но мы склонны считать эту краску приготовленной на минеральной основе, содержащей безводные оксиды железа – охрой.

Особенностью выявленных здесь плоскостей с изображениями является наличие на их поверхности кальцитовых натеков, которые, с одной стороны, затрудняют выявление рисунков, с другой – создают защитный слой, препятствующий выцветанию, осыпанию или вымыванию краски. Кроме того, благодаря наличию кальцита, можно предполагать возможность датирования изображений уран-ториевым методом.

Также нужно отметить, что красочные изображения были обнаружены только на плоскостях, имеющих естественные карнизы, защищающие плоскости от потоков воды. Эти наблюдения, а также концентрация рисунков на небольшом участке склона наводят на мысль, что некогда красочных изображений на Тепсее было значительно больше, но они утрачены с течением времени.

Одна из обнаруженных плоскостей с рисунками [1. Рис. 8] расположена на небольшом блоке размерами 35 × 32 см (рис. 6–8). Изображен бык головой вправо. Большая часть корпуса животного, вероятно, утрачена вместе с фрагментом скального блока. Справа от быка в профиль изображен человек (?) с чуть согнутыми ногами, в его руках лук (?), направленный на быка. Лук (?) – прямой (не «скифского» типа по форме), сопоставимый по размеру с фигурой стрелка (?), с натянутой тетивой и вложенной стрелой. Тетива натянута за верхнюю треть, что вызывает некоторые сомнения в интерпретации фигуры. Тем не менее, если принять описываемый рисунок за изображение лучника, то, исходя из формы и размеров лука, есть основания отнести изображение к доскифскому времени: как известно, прямые луки, сопоставимые по размеру с человеческим телом, вытесняются из Южной Сибири с возникновением культур скифского круга [22. С. 51; 23. С. 68; 24. С. 11].

Однако форма и размеры лука могут объясняться особенностями техники выполнения рисунка, и тогда хронологическая атрибуция изображения лучника может варьироваться от древнейших времен до этнографического времени. Фигура стрелка (?) и лук (?) выполнены линией одной толщины, что может быть обусловлено особенностями выбранного метода нанесения изображения: если рисовали

пальцем, то разницей в толщине образующих фигуры линий приходилось пренебрегать. Атрибуция быка затруднительна, поскольку большая часть изображения утрачена. Однако манера исполнения наводит на мысль о раннем времени создания рисунка. Возможно, под краской на этом изображении присутствует выбивка (рис. 6), но характер следов на плоскости не позволяет пока провести их уверенную интерпретацию. Также следует отметить, что рог животного выполнен тонкой линией в отличие от тетивы лука (?), что может свидетельствовать об их неодновременном происхождении. Еще одним фактом, подтверждающим разновременность

фигур, является то, что рисунки выполнены краской разного оттенка: изображение человека чуть светлее, ярче и лучшей сохранности. Над рогом быка есть еще одно пятно краски, которое мы не смогли интерпретировать. Судя по анализу пигментной карты, оно одновременно фигуре стрелка (?) и образует с ним один рисунок. Анализ пигментных карт также указывает на разный состав красок, что, в свою очередь, может подтвердить мысль о разновременном происхождении изображений, однако установить точную последовательность нанесения рисунков на плоскость не представляется возможным.

Рис. 6. Тепсей I. Плоскость с изображением быка и лучника. Общий вид

Рис. 7. Тепсей I. Плоскость с изображением быка и лучника. Пигментная карта

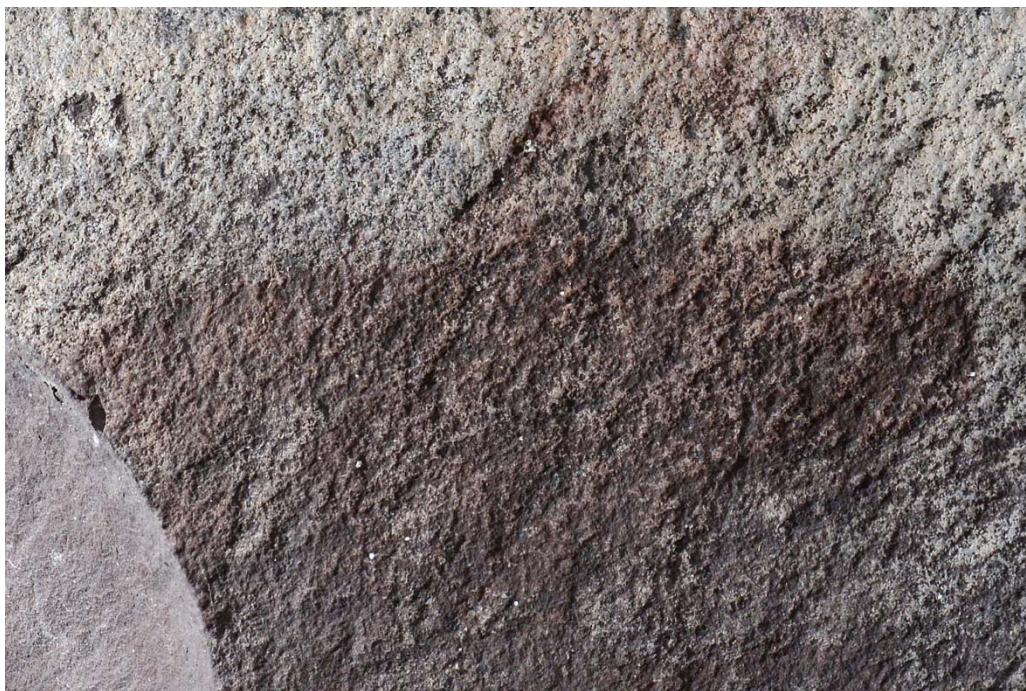

Рис. 8. Тепсей I. Плоскость с изображением быка и лучника. Фрагмент

Следующая плоскость представляет собой узкий фриз размерами 90 × 20 см (рис. 9). Росписи невооруженным глазом практически не читаются из-за плохой сохранности и плотного кальцитового налета. Здесь изображены миниатюрные (5 × 4 см) фигуры неопределяемых до вида копытных животных (рис. 10). Одна из них сохранилась полностью: у животного четыре ножки и провисший живот. Подобные этой паре рисунков небольшие,

но выбитые, изображения обнаружены на соседней плоскости (рис. 11). Слева от красочных фигур под толстым слоем кальцита расположен еще один рисунок, уходящий в нижней части плоскости в скол (рис. 12). Оттенок краски на этих рисунках значительно отличается. Датировка этих изображений не ясна, но вероятно, рисунки, выполненные краской разных оттенков, хронологически неоднородны.

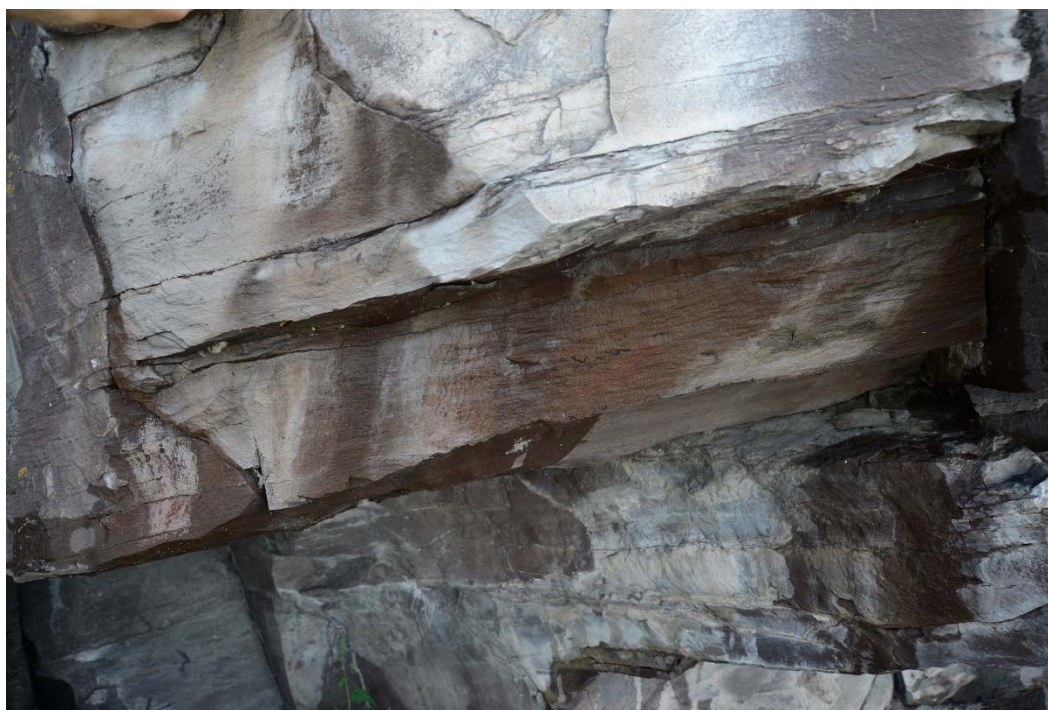

Рис. 9. Тепсей I. Плоскость с небольшими красочными зооморфными изображениями. Общий вид

Рис. 10. Тепсей I. Плоскость с небольшими красочными зооморфными изображениями. Фрагмент. Пигментная карта

Рис. 11. Тепсей I. Плоскость с небольшими выбитыми зооморфными изображениями

На одной из соседних плоскостей есть еще одно изображение в смешанной технике: сильно выветренная выбитая фигура животного со следами краски непосредственно в выбивке (рис. 13–15). Расположение фигуры на плоскости и техника выбивки позво-

ляют предположить, что выбитое изображение животного относится к древнейшему изобразительному пласту. Очевидно, краска сохранилась благодаря кальцитовому натеку. Было ли нанесение краски одновременно выполнению рисунка – сказать сложно.

Возможно, в данном случае красочный рисунок можно трактовать как подновление патинизированного

изображения, но исключать применение смешанной техники создания изображения мы не можем.

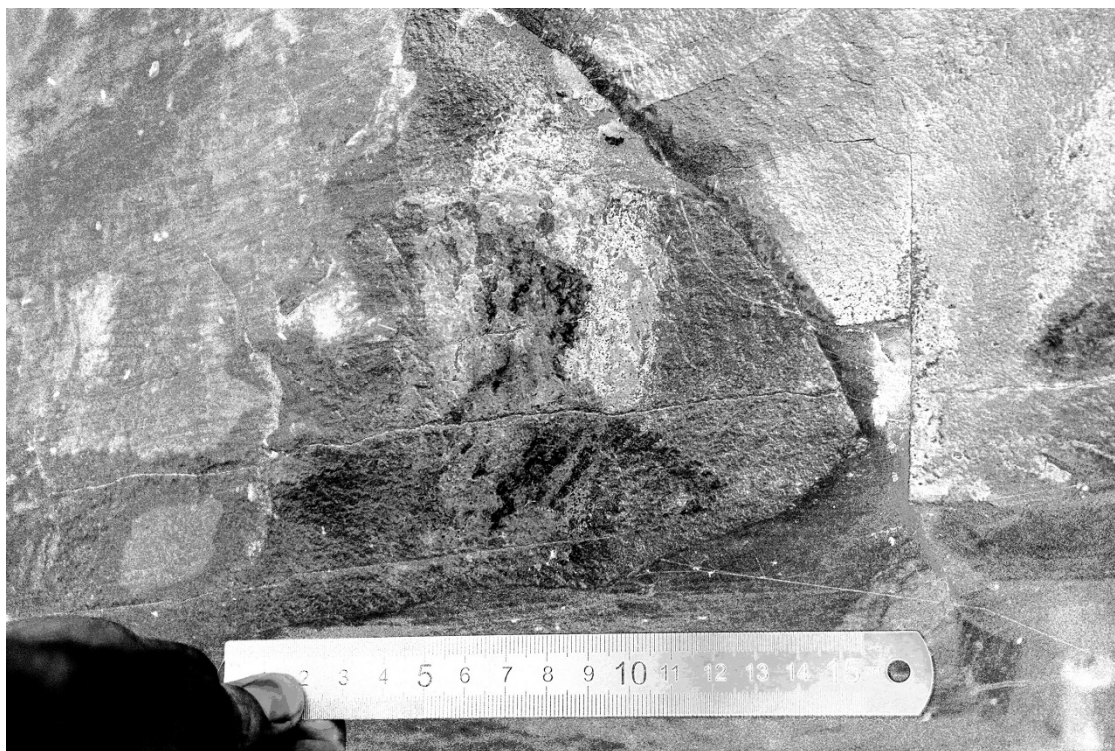

Рис. 12. Тепсей I. Плоскость с небольшими красочными зооморфными изображениями. Фрагмент. Пигментная карта

Рис. 13. Тепсей I. Плоскость с частично сохранившимся изображением. Общий вид

Рис. 14. Тепсей I. Плоскость с частично сохранившимся изображением. Следы краски внутри выбитого изображения. Фрагмент

Рис. 15. Тепсей I. Плоскость с частично сохранившимся изображением. Пигментная карта

Следы пигмента также обнаружены еще на трех плоскостях с выбитыми фигурами животных, относящихся к древнейшему изобразительному пласту (рис. 16–21). На одной из этих плоскостей краска была нанесена до выполнения выбивки (рис. 17). Подобные примеры зафиксированы на ряде других

памятников Южной Сибири [10. С. 70; 16. С. 82; 17. С. 46]. Возможно, в случаях, когда остатки краски фиксируются только по контуру изображения, можно говорить о подновлении красочного изображения выбивкой, однако однозначного ответа на этот вопрос пока нет.

Рис. 16. Тепсей I. Плоскость с выбитым изображением оленя

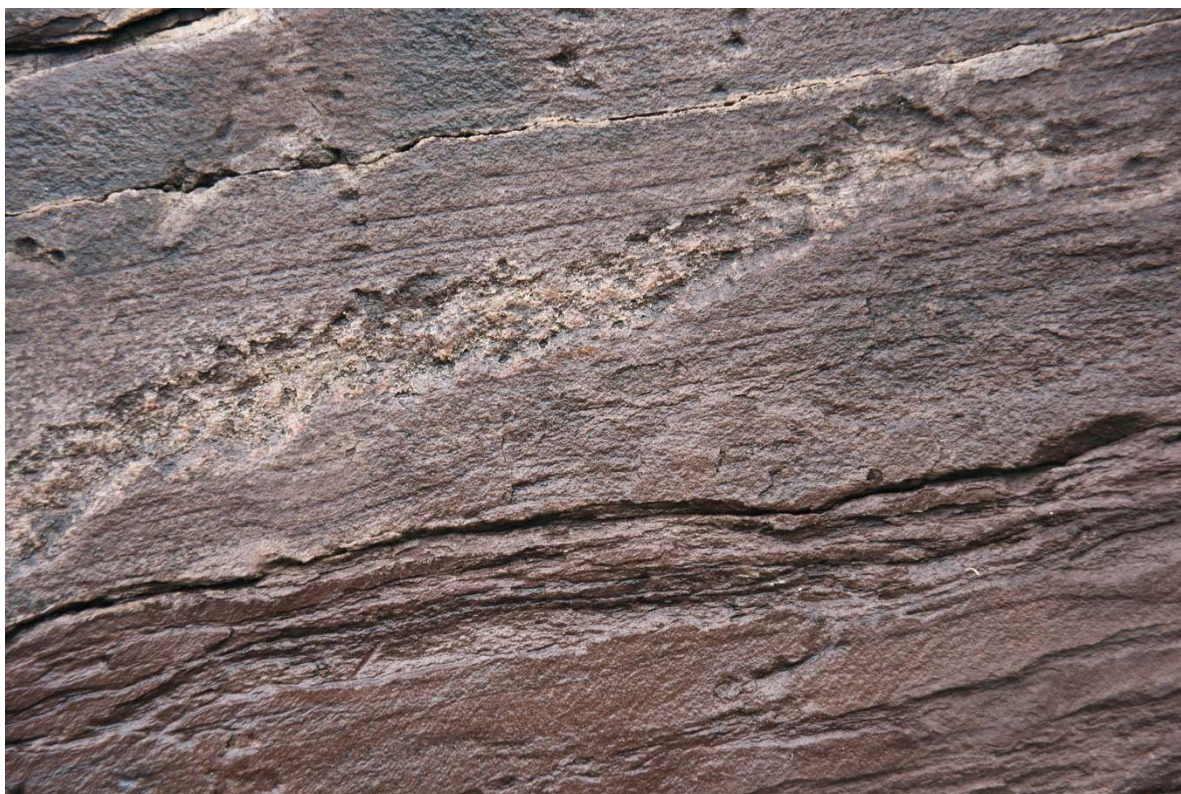

Рис. 17. Тепсей I. Плоскость с выбитым изображением оленя. Фрагмент. Следы краски вне контура выбитого изображения

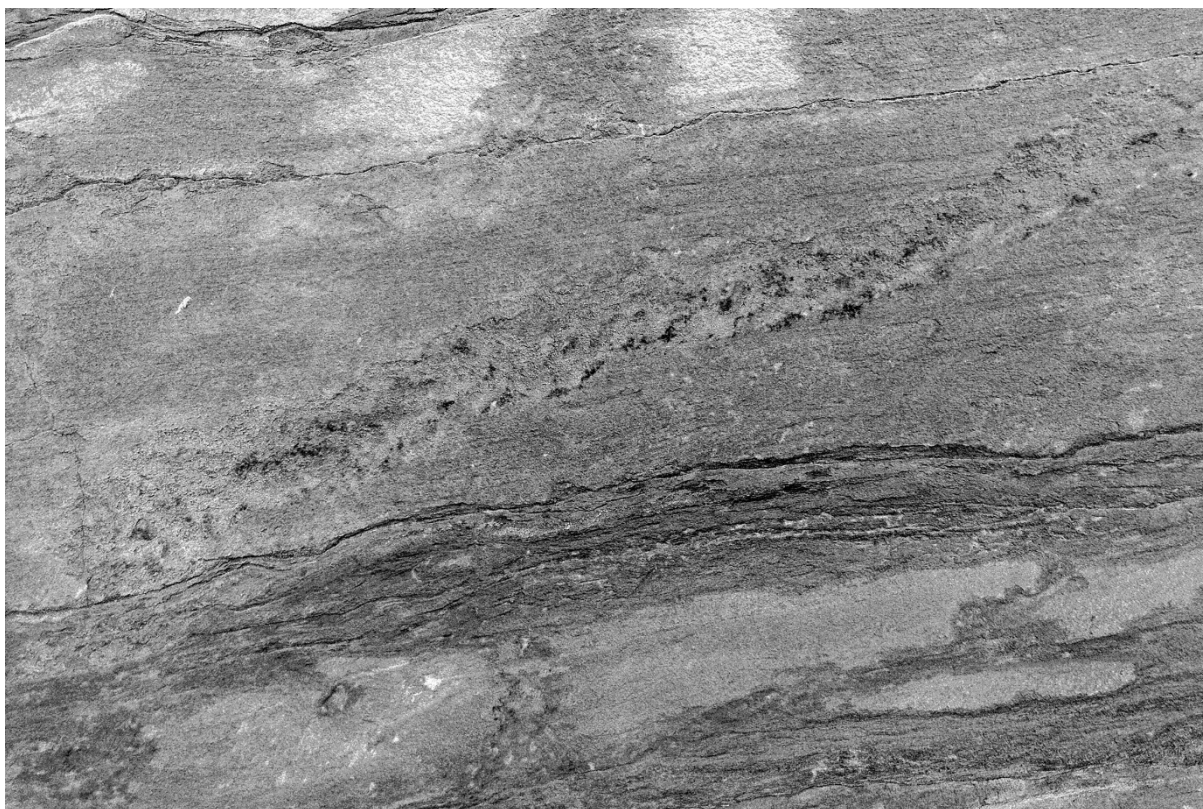

Рис. 18. Тепсей I. Плоскость с выбитым изображением оленя. Фрагмент.
Следы краски вне контура выбитого изображения. Пигментная карта

Рис. 19. Тепсей I. Плоскость с выбитыми изображениями и следами краски. Общий вид

Рис. 20. Тепсей I. Плоскость с выбитыми изображениями и следами краски. Пигментная карта

Рис. 21. Тепсей I. Плоскость с выбитым изображением животного и следами краски

Таким образом, в ходе работ на участке пункта Тепсей I было зафиксировано всего семь плоскостей с краской, на четырех из них находятся шесть поддающихся интерпретации фигур, на трех из них, помимо хорошо читающихся самостоятельных фигур, имеются красочные пятна и линии, которые требуют дальнейшего анализа. В одном случае краска была нанесена поверх выбивки. Еще на трех плоскостях с ранними выбитыми изображениями фиксируются лишь

следы пигмента, при этом в одном из случаев можно говорить о нанесении выбивки поверх краски. Некоторые из выявленных изображений стилистически сопоставимы с древнейшим изобразительным пластом Минусинской котловины, что еще раз подтверждает широкое применение краски (охры) в данном регионе в доокуневскую эпоху. Хронология других рисунков не определена. Сохранность всех красочных изображений далека от идеальной: фигуры, выпол-

ненные только охрой, практически не читаются невооруженным глазом, для их обнаружения и фиксации необходимо прибегать к специальным приемам фотосъемки и техникам постобработки фотографии.

Исследуемые нами материалы с пункта Тепсей I значительно расширяют небогатый репертуар красочных изображений Минусинской котловины, причем особенную ценность имеют красочные рисунки, перекрытые выбитыми изображениями, выполненными в минусинском стиле. Эти находки являются важными источниками в контексте хронологической атрибуции древнейшего изобразительного пласта Минусинской котловины. Наличие краски разных оттенков даже в рамках одной плоскости свидетельствует о одновременности нанесения рисунков и возможном использовании одних и тех же скальных

полотен в разное время представителями разных культур, что характерно для всего археологического комплекса Тепсей.

По представленным результатам работы можно говорить о разнообразии технических приемов использования краски в изобразительной деятельности древних людей на скалах Тепсей: рисунок краской использовался в качестве самостоятельной техники, охрой прокрашивались уже выбитые рисунки, а также по краске выполнялась выбивка изображений. Интересен вопрос о взаимоотношении краски и пикетажа. В обоих случаях, когда фиксируется сосуществование обеих техник, можно говорить о подновлении изображений: в одном случае недостаточно видимых красочных рисунков выбивкой, в другом, наоборот, – для «освежения» патинизированных петроглифов краской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советова О.С., Аболонкова И.В., Солодейников А.К. Документирование наскальных изображений Тепсей: история и современность // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. Труды САИПИ. Москва ; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2017. Вып. XI. С. 35–48 + цв. вкл.
2. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М., 1980. 176 с.
3. Леонтьев Н.В. Кундусуукские росписи // Советская археология. 1969. № 4. С. 245–248.
4. Леонтьев Н.В. Наскальные рисунки Коровьего лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Известия Сибирского отделения СССР. Серия: Общественные науки. 1976. Вып. 3, № 11. С. 128–136.
5. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск : КГПУ, 1985. 192 с.
6. Есин Ю.Н. Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 3 (51). С. 67–75.
7. Есин Ю.Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве Окуневской культуры Минусинской котловины // Российская археология. 2014. № 3. С. 79–88.
8. Миклашевич Е.А. Наскальные изображения в гроте Проскуракова (Хакасия) // Краткие сообщения Института археологии М., 2014. Вып. 232. С. 32–42.
9. Леонтьев Н.В., Боковенко Н.А. Кавказская писаница на Тубе // Краткие сообщения Института археологии. 1985. Вып. 184. С. 82–88.
10. Миклашевич Е.А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово, 2015. Вып. 2. С. 66–78 + цв. вкл.
11. Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie) // Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. Fascicule № 1: Sibirie du Sud 1. Paris, 1994. 156 p.
12. Советова О.С., Мухарева А.Н., Аболонкова И.В. Местонахождение Тепсей I // Археология Южной Сибири. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 26. С. 99–124.
13. Миклашевич Е.А. Наскальные изображения горы Туран на среднем Енисее // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2018. № 1 (21). С. 19–34.
14. Подольский Л.Н. О принципах датировки наскальных изображений // Советская археология. 1973. № 3. С. 265–275.
15. Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–73.
16. Русакова И.Д. Плоскость шесть Томской писаницы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). С. 78–89.
17. Благун Ю.Ю., Зоткина Л.В. К вопросу о методике описания крашенных наскальных изображений (по материалам памятников Минусинской котловины) // Вестник НГУ. Серия: История, философия. 2017. Т. 16, Вып. 7: Археология и этнография. С. 39–49.
18. Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibirie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris, 1995. 153 p.
19. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.
20. Русакова И.Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства : сб. докл. междунар. конф. М., 2005. С. 214–218.
21. Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 53–73.
22. Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на востоке). // Советская археология. 1966. № 4. С. 51–69.
23. Горелик М.Д. Оружие древнего востока. М. : Вост. лит. , 1993. 352 с.
24. Шокарев Ю.В. Луки и арбалеты. М. : АСТ; Астрель, 2001. 174 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2019 г.

Painted Images of Mount Tepsei

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 115–128.

DOI: 10.17223/15617793/468/13

Irina V. Abolonkova, Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abolonirina@mail.ru

Alexey K. Solodeynikov, Shulgan-Tash Cave Museum-Reserve (Ufa, Russian Federation). E-mail: solodey@mail.ru

Keywords: rock art; Minusa basin; Tepsei; painted rock art images; earliest petroglyphic stratum of Minusa basin; chronology of rock art.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 118-09-40089.

The article considers painted images of Tepsei, which is one of the petroglyphic complexes of the Minusa basin. The images are found on the riverside rocks of Mount Tepsei at the Tepsei I site. The images are hard to see due to their poor preservation. All the discovered panels with painted images have natural cornices that protect the panels from surface water flows and calcite incrustation. The latter make the images hard to see, on the one hand, and make a conservation layer to prevent the images from discoloration, shedding, and pigment washout. These observations, concentration of the images on a confined part of the slope and uninterpreted spots of pigment on some of the panels make us to think that, at some ancient times, there were many more painted figures on the Tepsei cliffs, and they were lost as time went by. During the investigation, we used non-contact methods of documenting based on photography and digital image post-processing. Due to the overlapping of some painted images with ancient carved ones, we are able to attribute some of the painted figures. Similar overlapping cases are rare in the Minusa basin and in South Siberia, which makes them particularly valuable for the replenishment of the source base of earliest rock art images on this territory. Attributing some images is hard for today. The stylistic analysis along with the analysis of pigment maps also gives some basis for the relative chronology of the paintings. Most of the documented images are self-sufficient ochre paintings. There are some animal-style figures: aurochs, a deer, some zoomorphic images that are hard to be taxonomically defined. There is possibly one anthropomorphic figure with a bow in his hands. There is a carved zoomorphic figure with traces of ochre in the carving. On three other panels with the earliest stratum, there are just some relics of pigment. On one of the panels, there is an ochre relic documented only along the contour of the carved image, which tells that the carving was made over the painted image. We consider the findings presented to be an evidence of a broad usage of the painting technique in antiquity that widen the source base of pre-written South Siberian peoples' history.

REFERENCES

1. Sovetova, O.S., Abolonkova, I.V. & Solodeynikov, A.K. (2017) Dokumentirovanie naskal'nykh izobrazheniy Tepseya: istoriya i sovremennost' [Documenting Tepsei Rock Art: History and Modernity]. In: Devlet, M.A. & Korol', G.G. (eds) *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva* [Pictorial and Technological Traditions of Early Art Forms]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 35–48.
2. Kyzlasov, L.R. & Leont'ev, N.V. (1980) *Narodnye risunki khakasov* [Khakass Folk Drawings]. Moscow: Nauka.
3. Leont'ev, N.V. (1969) Kunduskiye rospisi [Kundusuk paintings]. *Sovetskaya arkhologiya*. 4. pp. 245–248.
4. Leont'ev, N.V. (1976) Naskal'nye risunki Korov'ego loga (k voprosu o periodizatsii antropomorfnykh izobrazheniy okunevskoy kul'tury) [Rock carvings of the Cow's Log (on the question of the periodization of anthropomorphic images of the Okunev culture)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya SSSR. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 11 (3). pp. 128–136.
5. Pyatkin, B.N. & Martynov, A.I. (1985) *Shalabolinskie petroglify* [Shalabolino Petroglyphs]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
6. Esin, Yu.N. (2012) The Bronze Age Rock Art of Malye Arbaty. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3 (40). pp. 67–75. (In Russian).
7. Esin, Yu.N. et al. (2014) Paint in rock art of the Okunev culture of the Minusinsk basin. *Rossiyskaya arkhologiya*. 3. pp. 79–88. (In Russian).
8. Miklashevich, E.A. (2014) Rock images in Proskuryakov grotto, Khakassia. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 232. pp. 32–42. (In Russian).
9. Leont'ev, N.V. & Bokovenko, N.A. (1985) Kavkazskaya pisanitsa na Tube [Caucasian scribble on the Tuba]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 184. pp. 82–88.
10. Miklashevich, E.A. (2015) The earliest rock art imagery of the Minusinsk basin: research problems and perspectives. *Uchenye zapiski muzeyazapovednika "Tomskaya Pisanitsa"*. 2. pp. 66–78. (In Russian).
11. Sher, J.A. et al. (1994) Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). In: *Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibirie du Sud 1*. Paris: Diffusion de Boccard.
12. Sovetova, O.S., Mukhareva, A.N. & Abolonkova, I.V. (2012) Mestonakhozhdenie Tepsey I [The Tepsei I Location]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Vol. 26. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 99–124.
13. Miklashevich, E.A. (2018) Rock art of the Turan mountain at the Middle Yenisey. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 1 (21). pp. 19–34. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21)-03
14. Podol'skiy, L.N. (1973) O printsipakh datirovki naskal'nykh izobrazheniy [On the principles of dating rock carvings]. *Sovetskaya arkhologiya*. 3. pp. 265–275.
15. Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (1999) Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseyskikh petroglifov [Chronological and stylistic features of the Middle Yenisei petroglyphs]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo* [Archeology, Ethnography and Museum Business]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 47–73.
16. Rusakova, I. D. (2015) The sixth surface of Tomskaya Pisanitsa rock art site: new materials. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya – Sayan-Altai Scientific Review*. 1 (9). pp. 78–89. (In Russian).
17. Blagun, Yu.Yu. & Zotkina, L.V. (2017) On methods for describing monochrome painting images (based on rock art sites in Minusinsk basin). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filozofiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 7 (16). pp. 39–49. (In Russian). DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-7-39-49
18. Blednova N. et al. (1995) Tepsey I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). In: *Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. Fascicule No. 2: Sibirie du Sud 2*. Paris: Diffusion de Boccard.
19. Sher, Ya.A. (1980) *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Central Asia]. Moscow: Nauka.
20. Rusakova, I. D. (2005) K voprosu o khronologii drevneyshikh petroglifov Minusinskoy kotloviny [On the question of the chronology of the most ancient petroglyphs of the Minusinsk Hollow]. In: Devlet, E.G. (ed.) *Mir naskal'nogo iskusstva* [World of Parietal Art]. Moscow: Institute of Archaeology RAS. pp. 214–218.
21. Esin, Yu.N. (2010) Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'evskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny [Problems of identifying images of the Afanasyev culture in the rock art of the Minusinsk Hollow]. In: Stepanova, N.F. & Polyakov, A.V. (eds) *Afanas'evskiy sbornik* [Afanasyev Collection]. Barnaul: Azbuka. pp. 53–73.
22. Litvinskiy, B.A. (1966) Slozhnostavnyy luk v drevney Sredney Azii (k probleme evolyutsii luka na vostokey) [Composite bow in ancient Central Asia (to the problem of bow evolution in the East)]. *Sovetskaya arkhologiya*. 4. pp. 51–69.
23. Gorelik, M. D. (1993) *Oruzhie drevnego vostoka* [Weapons of the Ancient East]. Moscow: Vostochnaya literatura.
24. Shokarev, Yu.V. (2001) *Luki i arbalety* [Bows and Crossbows]. Moscow: AST; Astrel'.

Received: 06 September 2019

Е.И. Красильникова

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ ДЕКАБРИСТОВ В МЕМОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИРКУТСКА (НАЧАЛО XX в. – 1991 г.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке НГТУ (проект № С-19-17, 2019 г.).

Охарактеризованы этапы развития сегмента мемориального пространства Иркутска, который связан с памятью о пребывании в этом городе декабристов. Исследование, ограниченное хронологическим рамками советского периода, основано на анализе неопубликованных делопроизводственных источников и научно-популярных произведений краеведов. Характеризуется роль государственной, региональной политики памяти и инициатив интеллигенции в постепенном конструировании и сохранении памятных мест Иркутска, связанных с декабристами.

Ключевые слова: память о декабристах; мемориальное пространство; памятные места; политика памяти; коммеморация.

К, казалось бы, хорошо изученному сюжету пребывания участников декабрьского восстания 1825 г. в сибирской ссылке уже более ста лет неизменно обращается каждое поколение историков и краеведов. Память о декабристах оказалась востребованной в контексте конструирования разного рода социальных идентичностей, чем и объясняются многочисленные переоценки этих исторических деятелей, отраженные в научной литературе и иных дискурсах. К настоящему моменту выявлены и систематизированы оценки, которые давали историки разных поколений декабристам в соответствии с контекстами государственной идеологии, политики памяти и общего интеллектуального фона, присущего отдельным периодам отечественной истории. Однако для того чтобы прийти к более глубокому пониманию особенностей использования памяти о декабристах на разных исторических этапах разными общественными и политическими силами, недостаточно знакомства с историографией, необходимо также обращение к истории связанных с декабристами памятных мест и памятников, которые, по меткому замечанию А. Ассман, «дополняют и превосходят письменные и устные источники» во многих отношениях по своей информативности [1. Р. 288]. Будучи наглядными и общедоступными, памятники прямолинейно выражают концентрированный смысл и утверждают ценность той, или иной версии интерпретации прошлого. Пожалуй, наибольший интерес представляет история «декабристских» памятных мест Иркутска, где сложилась крупная поселенческая колония ссыльных, а впоследствии был сконструирован выраженный «декабристский» сегмент мемориального пространства. Соответствующие памятные места многократно описывались, но специально не изучались в комплексе и в контексте разработки проблем исторической динамики культурной памяти сибиряков.

Между тем в последние годы проблемы исторической памяти о декабристах, в частности ее политизации и мифологизации, активно изучаются в разнообразных аспектах [2]. О.Б. Леонтьевой разработаны вопросы формирования и бытования в России второй половины XIX – начала XX в. трех разных мифов о декабристах: официально-охранительного, либераль-

ного и революционного (героико-романтического, «герценовского») [3]; С.Е. Эрлихом также проанализированы различные мифы о декабристах и их политическое использование в позднесоветской и современной России [4, 5]. Американским славистом Л. Тригос было предложено обобщение динамики ключевых смыслов разных дискурсов памяти о декабристах, сложившихся в русской культуре [6]. Однако, по мнению С.Е. Эрлиха, ее работа была построена на небольшом количестве доступных Тригос источников, что привело к «спрямлению смыслов» и спорным выводам, в частности о том, что распад СССР и десакрализация революционного мифа о декабристах привели к началу процесса их забвения [4. С. 10]. С.Е. Эрлих показал также существование и бытование «сибирского» мифа о декабристах, сочетающего лейтмотивы их «каторжных мук» и роли первых просветителей Сибири. Последний мотив признается Эрлихом именно сибирским, региональным. Тема памяти сибиряков о декабристах развивается иркутским историком и философом М.Я. Рожанским. Он выявил совмещение в декабристском мифе трех базовых конструктов: «революционный порыв совестливых дворян, отвергавших крепостничество и мечтавших о свержении самодержавия; самопожертвование женщин, разделивших судьбу жестоко осужденных тираноборцев; культурное творение в Сибири». Рожанский сделал выводы, что эти мифы родились еще в XIX в. и укоренились в коллективной памяти сибиряков в советский период [7. С. 119]. Говоря об увековечивании памяти о декабристах в Иркутске, этот исследователь вскользь коснулся темы памятника декабристам, запланированного, да так и не установленного в 1980-х гг., а также показал и объяснил отсутствие у сибиряков в нынешнее время консенсуса относительно их роли в истории нашего региона [7. С. 119, 176–178].

Пребыванию декабристов на иркутской земле посвящена обширная историография. Большинство авторов научных и публицистических работ о жизни декабристов в Иркутске упоминали и соответствующие памятные места: могилы, дома декабристов, церковь, построенную Волконскими. Во-первых, при работе над статьями и книгами, историки использовали подобные описания для подтверждения приводи-

мых ими биографических сведений; во-вторых, что еще важнее, на доказательствах сохранения в народе «доброй памяти» о декабристах строилось обоснование не только научной актуальности, но и общественной значимости исследований этой темы. Можно заметить и то, что именно «живая» социальная память о ссыльных, еще бытовавшая в 1920-х гг., стимулировала к краеведческому поиску иркутских историков, пионером среди которых был Б.Г. Кубалов, вдохновивший своих учеников: В.Е. Дербину, М.К. Одинцову, а также А.Ф. Кудрявцева [8]. В 1977 г., уже будучи зрелым историком, А.Ф. Кудрявцев написал сентиментальную статью «Декабристы в моей жизни» для газеты «Восточно-Сибирская правда», в которой рассказал, как увлечение памятью о «первом декабристе» В.Ф. Раевском, некогда попавшем в ссылку в Олонки (родное село Кудрявцева), сыграло судьбоносную роль в жизни историка, определив его профессиональный выбор. Он описал атмосферу своего детства, проникнутую памятью о Раевских. Память выражалась и поддерживалась с помощью рассказов старших сельчан, ежедневных посещений школы, находившейся на месте усадьбы декабриста, торжественных визитов на сельское кладбище, где покоилась семья Раевских. Благодаря почти сакральной символической фигуре декабриста, которого в Олонках помнили в качестве благодетеля, село воспринималось мальчиком как достопримечательное, а ощущение сопричастности истории дворянина, сделавшего, по распространенному мнению, много добрых дел для простых крестьян, вызывало со временем желание повысить значимость этой истории. Стараниями А.Ф. Кудрявцева недолговечная социальная память преобразилась в устойчивую культурную, закрепившись печатным словом. «Интерес к декабристам отразился на моей судьбе: я стал учителем истории, исследователем и пропагандистом», – заключал автор статьи, профессиональная и локальная идентичность которого, очевидно, была связана с образами декабристов, запечатленными в коллективной памяти [9]. Не только Б.Г. Кубалов и А.Ф. Кудрявцев отталкивались в своих историко-краеведческих исследованиях от поиска старожилов, помнивших декабристов и места, связанные с их жизнью. Этим путем шел и такой известный иркутский декабристолог, как С.Ф. Коваль, еще в молодые годы собиравший материал о декабристах на основе живых устных свидетельств и посещений мест, связанных с памятью о них [10].

Уже более ста лет иркутские историки, краеведы и музейные работники занимаются описанием и популяризацией мест, напоминающих о пребывании в их городе ссыльных декабристов. В числе наиболее значительных работ советского времени труды 1920-х гг., принадлежащие перу «открывателя» некрополя декабристов Б.Г. Кубалова [11]. Тема некрополя и домов декабристов в Иркутске набрала популярность в 1970–1980-х гг. Именно этому периоду принадлежат, разработанные А.Ф. Кудрявцевым экскурсионные маршруты по «декабристским» местам [12] и книга И. Козлова, где повествуется о судьбе дома Волконских [13]. Существенные дополнения, имевшие место к началу 1990-х гг., в комплексе памятных мест Иркут-

ска, связанных с деятельностью музея декабристов, можно найти в работе А.В. Дулова и Е.А. Ячменева [14]. Этот музей стал основным центром изучения и популяризации декабристских памятных мест Иркутска. Из многочисленных работ, опубликованных по его инициативе, стоит особенно отметить статью А.Н. Гаращенко, в которой предлагается самый подробный отчет по истории забвения и «открытия» некрополя декабристов на иркутской земле. Поясняются и некоторые идеологические контексты этой истории [15]. При этом приходится все-таки признать, что до сих пор большинство работ, посвященных декабристским памятным местам в Иркутске, имеют констатирующий характер. Эти памятные места еще не осмыслены как элементы системы мемориального пространства, формирование и функционирование которой было обусловлено политикой памяти, осуществлявшейся на разных исторических этапах центральными государственными и местными властями.

Цель данной статьи – охарактеризовать динамику развития сегмента мемориального пространства, включающего в себя памятные места Иркутска, связанные с декабристами в хронологических рамках советского периода отечественной истории. Для этого предстоит выявить основные контексты политики памяти, влиявшие на изменения в «декабристском» сегменте мемориального пространства Иркутска, определить основные этапы этой динамики и выявить важнейшие особенности мемориализации декабристов в Иркутске, присущие этим этапам.

Ориентируясь на широкую, проблематику исследовательского поля, известного как «memory studies» [16], мы учитываем ставшую классикой концепцию «мест памяти» П. Нора [17]. Исследование «мест памяти» отвечает на вопрос о характере использования прошлого в настоящем для практических, в том числе и политических целей. Памятные места и памятники – отдельно взятые элементы мемориального пространства, выражают колебания культурной памяти общества. В данном исследовании мы используем активно разрабатываемую в последнее время категорию мемориального пространства. Мемориальное пространство определяется как система памятных мест и связанных с ними коммеморативных практик, состоящая из исторически локализованных символических элементов, которые особым образом функционируют в пространственно-временных координатах города. Мемориальное пространство складывается в условиях регулярности воспроизведения в массовом сознании населения воспоминаний о символически значимых персонах и событиях, маркирующих наиболее значимые черты существующего социального порядка и легитимизирующих его культурно-идеологические основания [18. С. 39]. Опыт предыдущих исследований [19] дает нам основание говорить, что мемориальное пространство подвержено постоянным изменениям. Внутри него в результате воздействия множества факторов, среди которых стоит особенно отметить политику памяти, на разных исторических этапах общество обозначает памятники и памятные места, образующие коммеморативные системы, объединенные общими смыслами. Одновременно более старые си-

стемы памятников и памятных мест могут терять актуальность и подвергаться забвению, ведущему в конечном итоге к процессам разрушения. Однако забытые ранее памятники зачастую актуализируются с течением времени, обретают новые смыслы и по-новому встраиваются в актуальные системы мемориального пространства. Мемориализацией мы называем включение тех или иных артефактов в мемориальное пространство.

Вслед за Я. Ассманом и А. Ассман мы различаем социальную память, кратковременно бытующую преимущественно в устных нарративах, и культурную память, способную длительно бытовать и реактивироваться, будучи зафиксированной в письменной или иной знаково-символической форме [20. С. 24–26]. В мемориальном пространстве запечатлевается именно культурная память, способная на реактивацию и после периодов частичного забвения прошлого или отвлечения от него внимания. Мемориализация включает в себя целый ряд важных вариантов этического выбора обществом того, кого помнить, как именно запоминать и выражать нравственные смыслы коллективных воспоминаний [21]. Память концентрируется и выражается в символических фигурах, или, говоря языком Я. Ассмана, в «фигурах воспоминаний», которые служат консолидации, пространственному, временному и ценностному ориентированию сообществ, сообщают представление о родине, служат обучающими образцами, одновременно отражая характер, свойства и слабости этого сообщества [22. С. 16].

Нами замечено, что логика формирования мемориального пространства во многом совпадает с логикой формирования сакрального пространства. Этому есть объяснение. Еще в XIX – начале XX в. мемориальные объекты городского пространства часто являлись одновременно и сакральными в прямом смысле слова: многочисленны примеры православных храмов, возводившихся в память о значимых событиях в истории Российского государства или Дома Романовых. Мемориальное пространство советского города официально мыслилось как секулярное, однако в силу культурной инертности памятные места воспроизводили ореол квазисакральности. Отношение к местам, связанным с центральным (всероссийским, всесоюзным) дискурсом памяти, во многом воспроизводило отношение к сакральным местам, наличие которых всегда символически повышало статус города, его значимость в масштабе «центрального» дискурса памяти, его различимость, приметность в пространстве всей страны. Именно поэтому периодически актуализировались поиски, конструирование и даже мистификации памятных мест в городском пространстве, которые могли бы быть хоть как-то связаны не с локальной, а с «большой», российской историей. Наличие таких мест служило подтверждением того, что местный социально-политический порядок сформировался благодаря главным, центральным, почти сакральным событиям отечественной истории, затронувшим и периферию государства, а значит, эта, казалось бы, сильно отдаленная от центра страны местность существует не в отрыве, но во взаимосвязи с

русской историей и является полноценной частью единого государственного целого.

Динамика мемориального пространства находится в прямой зависимости от политики памяти, выражающейся в комплексе средств и самих процессах легитимации тех или иных элементов современного порядка с помощью отсылки к реальным или сконструированным событиям прошлого и их идеологически значимым интерпретациям, которые используют политические субъекты в собственных целях [23. С. 49]. От доминирующих смыслов политики памяти зависит коммуникативная специфика мемориального пространства, в котором, как правило, кипит коммеморативная деятельность. По отношению к ней мемориальное пространство выступает в качестве необходимой инфраструктуры. Политика памяти нередко диктует забвение – образование пробелов в коллективной памяти, относительно универсальные сценарные варианты которого (репрессивное стирание памяти, предписание забыть, забвение на фоне формирования новой идентичности, аннулирования и др.) охарактеризованы П. Коннертоном и учтены в ходе данного исследования [24].

Основными источниками данного исследования послужили неопубликованные делопроизводственные документы иркутских музеев, иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), работы иркутских историков и краеведов, а также публикации в периодической печати.

Согласно выводам декабристоведа Т.А. Перцевой, тема пребывания декабристов в Сибири по политическим причинам замалчивалась историками и краеведами вплоть до 1910-х гг., когда на общем революционном подъеме либерально настроенные авторы П.Е. Щеглов, П.Л. Модзалевский, Б.Г. Кубалов и М.К. Азадовский заговорили о них как о «первенцах свободы» [25. С. 13], филантропах и патриотах. На основе «либерального мифа» о декабристах, уже оформившегося в работах историков А.Н. Пыпина и В.О. Ключевского, получил развитие самостоятельный «сибирский миф» о декабристах, якобы давших этой стране первое поколение интеллигенции и сделавших это бескорыстно, из гуманности, из любви к Родине и из сострадания к простому человеку.

Однако официально до революции декабристы попицались. Соответственно, не вызывает удивления, что их могилы не были отмечены в материалах к некрополю великого князя Николая Михайловича, который создавался в начале XX в. одновременно по всей империи усилиями священнослужителей. По заданию великого князя они обследовали городские и сельские погосты с целью выявления и описания надгробий духовных лиц, дворян, а также наиболее крупных местных общественных деятелей из купеческого и других сословий [26. Л. 1]. Вносить в списки предполагалось сведения о лицах, достойных памяти, составляющих гордость империи. Работая в 1909 г. над соответствующим перечнем, иркутские священнослужители включили в список значимых погребений на кладбище Знаменского женского монастыря могилу жены декабриста Сергея Петровича Трубец-

кого, княгини Екатерины Ивановны Трубецкой, первой из дворянок последовавшей за мужем-декабристом в Сибирь. Ее надгробие фигурировало в списке избранных могил церковного погоста под четвертым номером из восьми наряду с погребениями знаменитого путешественника XVIII в. Г.И. Шелехова, ротмистра В.М. Муравьева и настоятельниц женского монастыря. Княгиня была прихожанкой Знаменской церкви этого монастыря. Официально она никогда не считалась ни преступницей, ни «злодейкой» в отличие от участников декабрьского восстания 1825 г., трое из которых – Н.А. Панов, П.А. Муханов и В.А. Бечасный – фактически покоились на этом же кладбище. Однако о погребении этих «государственных преступников» из дворянского сословия ничего не сообщалось великому князю. Составитель списка указал даты рождения и кончины княгини и сообщил, что вместе с ней «погребены ее дети», «на памятнике имеется надпись, но разобрать не представляется возможным» [27. Л. 4]. Не вполне ясно, к чему относилась последняя надпись, однако, во-первых, можно полагать, что в Иркутске жили люди, которые помнили Трубецкую и ее могилу и без дополнительных надгробных табличек, а во-вторых, ее могила была не очень ухоженной, а значит, не являлась общезначимым памятным местом.

В советское время начало поиска и маркировки памятных мест Иркутска, связанных с пребыванием в этом городе декабристов, было связано с юбилейной датой, на которую обратила внимание советская власть, – 100-летием восстания декабристов. По всей стране готовились праздничные торжества, нацеленные на символическое «удревнение» истории недавно установившегося политического режима. Партийные и советские органы Сибири устраивали торжественные просветительские мероприятия в клубах и школах по случаю этого юбилея в рамках ударного агитационно-пропагандистского «праздничного каскада», в который также включались массовые коммеморации в честь 20-летия Первой русской революции и годовщины «освобождения от колчаковщины» [28. Л. 3–3 об.]. Декабристы, о которых вслед за В.И. Лениным во всеуслышание заговорили в героико-романтическом тоне, теперь мыслились прямыми предшественниками большевиков, первым дворянским поколением революционеров. В начале 1920-х гг. иркутские историки сходились во мнении, что декабристы повлияли лишь на «верхние слои буржуазии и чиновничества» [8. С. 176]. Теперь же в Иркутске эта позиция пересматривалась, начался поиск доказательств глубокого и разностороннего влияния декабристов и на простой народ, прежде всего на крестьян.

В городе была создана специальная комиссия по подготовке юбилея декабрьского восстания, взявшаяся за выявление соответствующих памятных мест, приведение их в порядок, подготовку необходимой литературы и мероприятий. Следуя новой тенденции политики памяти, член комиссии, историк Б.Г. Кубалов, возглавивший с середины 1920-х гг. иркутских декабристоведов, говорил теперь не только о значительном влиянии ссыльных участников восстания 1825 г. и их жен на все слои населения, но и о едино-

душии общественности Сибири, недовольной «политико-экономическим укладом» их страны с этим «протестующим элементом» [11. С. 142–144]. В его работах декабристы – «свободники», «печальники народные» – были представлены главными сибирским учителями, просветителями, агрономами, защитниками крестьян в суде и распространителями революционных идей, которых, по словам Кубалова, хорошо помнили во всех селениях, где они жили. Б.Г. Кубалов описал возглавленную им экспедицию по этим местам и привел услышанные там рассказы о декабристах, как достоверные, так и легендарные, а также назвал имена тех людей, кто показал ему дома и могилы декабристов. Однако могилу В.А. Бечасного в Иркутске на кладбище Знаменского монастыря он нашел не без труда. Пожилые монахини не имели представления о ее местоположении. Помощь в поисках смогла оказать только невестка декабриста, помнившая эту заброшенную, давно неухоженную могилу. Лишь юбилейная комиссия отметила ее в качестве общезначимого памятного места. Обратив внимание на хорошую сохранность и известность могилы Е.И. Трубецкой, Б.Г. Кубалов установил факт существования в Иркутске и других могил декабристов, совершенно забытых к середине 1920-х гг. Могилы Н.А. Панова и П.А. Муханова, которые в метрических источниках именовались «государственными преступниками», он нашел заброшенными и заваленными мусором на территории монастырского огорода. Привести их в порядок помогли «обитатели монастыря». На Иерусалимском кладбище Кубалов отыскал захоронение декабриста И.В. Поджою и две почти никому уже неизвестные могилы жен декабристов – А.Д. Люблинской и А.П. Бечасной. Обе женщины были крестьянского происхождения. Б.Г. Кубалов заявлял, что, «женясь на крестьянках и других лицах податного сословия, декабристы бросали вызов сословности, чопорному аристократизму, классовым предрассудкам» [11. С. 159]. Очевидно, что именно в соответствии с этой оценкой могилы Люблинской и Бечасной были также отреставрированы и специально отмечены юбилейной комиссией, активно работавшей над преобразованием городского мемориального пространства. Хотя необходимо заметить, что Кубалов не выявил в судьбах этих женщин никакого подвига самопожертвования, подобного тем, что совершали дворянки, ехавшие в Сибирь за мужьями. Более того, он выяснил, что вдова Бечасного крепко выпивала, «разбазаривая» имущество умершего супруга, и не занималась воспитанием детей. Потому и могила их отца быстро пришла в запустение [11. С. 196–206]. В своей книге «Декабристы в Восточной Сибири» Б.Г. Кубалов не упомянул, что в 1925 г. юбилейная комиссия нашла на Иерусалимском кладбище и могилы, которые идентифицировала как могилы неизвестных декабристов. На связь покойных с декабристами указывали характерные чугунные решетки, типичные для декабристских надгробий, однако эти могилы не были ухоженными, и понять, кто в них покоем, уже не представлялось возможным [29. Л. 6].

Помимо декабристского некрополя по инициативе юбилейной комиссии были обследованы и отмечены

иркутские дома, где жили семьи Трубецких и Волконских, а также открыта выставка в краеведческом музее, на которой были представлены вещи П.А. Муханова, М.Н. Волконской и семьи Трубецких, в последствии послужившие основой для создания постоянной экспозиции [30. С. 88].

После завершения кампании по празднованию 100-летнего юбилея восстания декабристов внимание к «декабристским» местам Иркутска предсказуемо ослабло. Могила декабристов фактически так и не были поставлены под охрану государства. В результате, с закрытием Знаменского монастыря и передачей его помещений детскому дому, некрополь декабристов пострадал от вандализма. В октябре 1930 г. общество политкаторжан с возмущением обнародовало информацию о разрушении оград на могилах декабристов, которые в 1925 г. были приведены в порядок при участии краевых общественных организаций и местных советских органов. В частности, металлические решетки с могилы Е.И. Трубецкой и еще двух декабристов были «сорваны на утиль». Это обнаружил один из членов общества политкаторжан, заглянувший на территорию бывшего монастыря, чтобы навестить памятники, которым предавал большое значение. То, что весь металл с памятников декабристов – кресты и решетки – вандалы сдали в «Рудметаллторг», в июне 1930 г. установила группа музейных работников по изучению памятников старины. Музейщики добились постановки могил декабристов на учет Восточно-Сибирского музея и сектора науки Наркомпроса РСФСР. Однако и после этого планы градостроителей и коммунальщиков еще долго угрожали существованию этих могил [29. Л. 4].

В 1931 г. сносились старое Иерусалимское кладбище. По договоренности с коммунальными службами, которые после нескольких конфликтов с краеведами, протестовавшими против разрушения старинных надгробий, сами обратились в музей с вопросом, какие могилы стоит сохранить, сотрудники музея экстренно взялись за выявление с помощью подсказок местных жителей исторически ценных погребений. К таковым они причисляли захоронения декабристов, политических ссыльных и деятелей культуры. Найдя «ценные» могилы, музейщики отмечали их зеленой краской. Однако эта мера не гарантировала сохранения надгробий, которые все равно исчезали [31. Л. 28]. В итоге уцелело надгробие одного лишь И.Ф. Поджио. Музейные борцы за сохранение ценных фрагментов исторического некрополя Иркутска негодовали, понимая, что коммунальщики их игнорируют, даже жаловались в горсовет, но толком ничего не добивались. Справедливости ради стоит отметить их собственную «глухоту» и конъюнктурную избирательность по отношению к исчезающему на глазах старинному сибирскому некрополю. В музей обращались общественные организации и частные лица, просившие защитить от сноса значимые для них могилы, к примеру, выдающегося врача А.М. Хоммера. Но подобные просьбы музей игнорировал, борясь за сохранение тех могил, в которых покоились останки людей, связанных с развитием революционного движения в Сибири, и деятелей культуры, признанных в советское время [32. Л. 48–51].

Уже после эпопеи с закрытием Иерусалимского кладбища, в 1937 г. Общество изучения Восточно-Сибирской области рекомендовало поставить под охрану лишь могилы Е.И. Трубецкой, И.Ф. Поджио и Панова [15. С. 77]. Могилы же В.А. Бечасного и П.А. Муханова странным образом не учитывались, а прочие вообще уже были утрачены. В 1940-х гг., когда из-за войны и сложностей послевоенного восстановления экономики и культуры о декабристах в России писали довольно мало, Ф.А. Кудрявцев и Е.П. Силин посвятили им главу в научно-популярной книге патристического характера по истории Иркутска. Книга развивала сибирский миф о декабристах как о «пионерах культуры», близких, практически родных простым сибиряками. В частности, авторы заявляли: «С первых лет между декабристами и сибирским трудовым населением завязались дружеские отношения» [33. Л. 174]. За подобными формальными констатациями не стояло никаких реальных доказательств. Не отражало особенной любви иркутян к декабристам и состояние городского мемориального пространства, не говоря уж о состоянии памятных мест за пределами Иркутска. По долгу службы могилы декабристов периодически обследовали музейщики, которые не раз заявляли о необходимости их ремонта. Однако же начались ремонтные работы лишь с 1953 г., после переноса в Иркутск останков декабристов А.П. Юшневского и А.З. Муравьева из села Большая Разводная, попавшего в зону затопления Ангарской ГЭС. В этом же селе находились могилы братьев-декабристов Борисовых, официально признававшиеся памятниками, но фактически исчезнувшие к началу 1950-х гг. Могила Юшневского еще опознавались, но его надгробие было совершенно разрушено [15. С. 94–96, 109]. Новый памятник этому декабристу был создан уже в Иркутске скульптором В.К. Андреевым. Надгробие же Муравьева, перенесенное из Большой Разводной во второй половине 1950-х гг., было признано ветхим и требующим замены [34. Л. 15]. Обследованию и паспортизации во второй половине 1950-х гг. подвергся также дом, где жили Волконские, отмеченный мемориальной доской. Однако его ремонта не производилось [35. Л. 3].

Внимание к теме пребывания в Иркутске декабристов резко заострилось в 1961 г. на фоне подготовки к празднованию 300-летнего юбилея со дня основания Иркутского острога. Торжества готовились на фоне «оттепели». Контексты времени отразились на ожиданиях иркутских властей и жителей города, связанных с решением проблем инфраструктуры города и повышением статуса Иркутска в масштабах страны. Иркутяне хотели видеть свой город крупным туристическим центром Советского Союза – «восточными воротами» СССР, открытыми для иностранных гостей – официальных делегаций и туристов. Следовательно, и местная политика памяти акцентировала те исторические образы, связанные с прошлым Иркутска, которые могли бы иметь значение в масштабах всей страны. Пребывание в городе декабристов давало основание заявлять о его глубоких «вольнлюбивых и революционных традициях» [36]. В праздничные дни о жизни декабристов в Иркутске писались в газетах, рассказы-

вались в радиопередачах и в музейных лекториях [37. Л. 15]. Однако в дальнейшем стало понятно, что имевшихся в городе декабристских памятных мест было явно мало для решения задач широкой популяризации этой темы. Именно поэтому, в связи со 150-летием восстания, историк-декабристовед С.Ф. Коваль впервые поднял вопрос об установке в городе памятника декабристам [38. Л. 4 об.].

В 1970-х гг. иркутские декабристоведы снискали поддержку центральных властей. Решением Министерства культуры СССР в Иркутске создавался историко-мемориальный комплекс декабристов на улице с одноименным названием. Об этом проекте сообщалось даже в газете «Правда». Созданию комплекса предшествовала работа членов иркутского отделения ВООПИиК и музейщиков. Помимо уже известных памятников они выявили дом, некогда принадлежавший купцу Е.А. Кузнецову, где останавливались многие декабристы. Этот дом было решено перенести на улицу Декабристов, где находились дома Волконских и Трубецких (именно в нем расположился музей). В качестве ядра этого комплекса мыслилась Преображенская церковь, прихожанином которой был С.Г. Волконский. Предполагалось, что улица, которая к 70-м гг. XX в. сильно изменилась, должна преобразиться за счет воссоздания застройки (10–12 домов) и средовых элементов первой половины XIX в. [39].

В 1970–1980-х гг. расширение и использование сегмента мемориального пространства Иркутска, связанного с декабристами, утверждало два основных мифа: общесоветского – об их прямой, «генетической» связи с большевиками, и сибирского – об их пионерной роли в культурном развитии и просвещении жителей региона. Продление в прошлое местной революционной истории посредством сюжетов о ссылке декабристов использовал, в частности, А.Ф. Кудрявцев при разработке экскурсионного маршрута по революционным местам Иркутска, куда включил дома Трубецких и Волконских, а также известные нам могилы на территории Знаменского монастыря [40. Л. 3–26]. Бытование же мифа о том, что декабристам Иркутск был обязан своим культурным развитием, наглядно отражает экспозиционный план музея декабристов в доме Волконских – «очаге культуры», составленный в 1985 г. к 160-летию восстания. При демонстрации мемориальных вещей акцент делался на книгах, служивших подтверждением просветительской деятельности декабристов, на музыкальных инструментах и картинах Н.А. Бестужева как на образцах высокого искусства, прежде малодоступного сибирякам [41. Л. 3–5].

Образы прошлого резко актуализировались в общественно-политическом пространстве Иркутска и в связи с его очередным юбилеем. На начальном этапе Горбачёвской перестройки иркутяне, ожидавшие решения целого ряда социальных проблем, предприняли весьма удачную попытку привлечь внимание центральных властей к своему городу торжествами в честь значимой круглой даты. В 1986 г. местные власти обратились к дате, на которой прежде особо не заостряли внимания историки и краеведы, – году получения Иркутском статуса города. Таким образом, Иркутск

праздновал второй раз свое 300-летие. Устроенные праздничные мероприятия были очень похожи на те, что уже проходили в 1961 г. [42. Л. 40–41]. Печать репрезентировала декабристов как первых иркутских учителей, не просто просвещавших местное население, но «учивших иркутян жить» [43]. Продолжилось и расширение того сегмента городского мемориального пространства, который был связан с памятью о декабристах. К примеру, открылся сквер Волконского в центральной части города [42. Л. 104].

Повторялась мысль и о необходимости возвести декабристам памятник. Решением этого вопроса в 1987 г. занялось местное отделение ВООПИиК, устроившее конкурс соответствующих проектов. С одной стороны, тон обсуждению проектов задавали контексты перестроечной гласности, проявившейся в единодушии членов ВООПИиК, высказывавшихся за проведение опроса населения с целью выяснить, какой именно памятник хотят видеть иркутяне. С другой стороны, идея опроса отразила невозможность прийти к общему решению, какую именно идею должен отразить памятник. За движением декабристов по-прежнему признавалось значение «одного из мощных этапов революционного движения в России», дворянского, по словам В.И. Ленина, этапа. При этом членам ВООПИиК хотелось особо подчеркнуть роль декабристов в культурной и общественной жизни Сибири, что отвечало актуальным тогда процессам роста регионального самосознания с претензиями на большую самостоятельность и независимость от столицы. Звучали высказывания, отражавшие желание «присвоить» память о декабристах, добавить их великие имена к перечню основателей Иркутска: «Сейчас нужен такой памятник. Это – нравственный урок. Люди, которые основали Иркутск, постоянно чем-то жертвовали. Иркутск был центром каторги и ссылки». Однако дальнейшее обсуждение зашло в тупик. Комиссия отвергла все предлагавшиеся символы: разорванный орел, колокол, фигуры Волконского и его жены, как «не точно выражавшие смысл восстания». Да и сам этот смысл уже не был очевидным. Мнения собравшихся о том, можно ли считать декабристов победителями, разошлись. Не удалось прийти к соглашению, можно ли ставить памятник у церкви, построенной декабристами, и уместно ли подчеркивать их дворянство. В результате обсуждения проектов комиссия отвергла все поступившие на конкурс работы, приняв решение перенести обсуждение на год [44. Л. 2–8]. Однако годом позже никакого нового обсуждения не состоялось, а к идее возведения памятника декабристам вернулись лишь в постсоветское время.

Изучение истории формирования в советское время сегмента мемориального пространства Иркутска, связанного с памятью о декабристах, позволяет нам выделить три основных этапа этого процесса. На первом этапе, с 1910-х и до 1925 г. в Иркутске не существовало общезначимых и хорошо известных жителям города «декабристских» памятных мест. Важно подчеркнуть, что до 1917 г. с официальной позиции действовавших властей, декабристы оставались государственными преступниками и злодеями, покушавшимися на царскую

власть. Поэтому в Иркутске не существовало никаких официальных памятников декабристам. Память об этих людях была актуализирована лишь либерально настроенной интеллигенцией, которая начала конструировать особый «сибирский миф» о декабристах, прежде всего, потому, что в опоре на исторические образы декабристов-ссыльных в Сибири выстраивала собственную идентичность, ведя от декабристов свое происхождение. В первой четверти XX в. о декабристах еще бытовала живая социальная память, выражавшаяся, прежде всего в устных нарративах. Но могилы декабристов, за которыми даже прямые потомки уже не ухаживали, были заброшены, а дома, где они жили, мало кто помнил и мог указать. Все эти места находились на периферии городского мемориального пространства. Географически они могли располагаться в центре Иркутска, однако их местонахождение не совпадало с символическими центрами системы памятников и памятных мест, связанных с революцией и Гражданской войной, которая активно формировалась в 1920-х гг., доминировала в городе и вытесняла старые, дореволюционные памятники. Памятные места, связанные с декабристами, пока не вписывались эту систему.

Официальная советская кампания 1925 г. по празднованию 100-летнего юбилея восстания декабристов дала возможность сибирским декабристоведом – выходцам из либеральной среды, использовать свои историко-краеведческие наработки для решения задачи выполнить заказ государства на формирование в коллективной памяти населения мифа о декабристах как первом поколении русских революционеров и прямых предшественниках большевиков. Эта задача решалась путем соединения революционного мифа о декабристах с уже бытовавшим сибирским. На практике это выразилось в активном конструировании юбилейной комиссией мемориального пространства посредством поиска уцелевших могил декабристов, которые в традиционном христианском контексте мыслились как сакральные места, и предания им смысла общезначимых памятных мест. В сущности, конструкция Б.Г. Кубалова, искусственно детализированная и дополненная мистификациями (могилы неизвестных декабристов и «негероических» декабристских жен) формировалась в отрыве от реально угасавшей социальной памяти о пребывании декабристов в Иркутске. Именно поэтому на данном этапе, который мы продляем вплоть до начала 1960-х гг., сохранение могил декабристов оставалось крайне сложной, в ряде случаев неразрешимой задачей. Разбросанным по городу могилам постоянно угрожали бытовые вандалы, строители и коммунальщики, не понимавшие ценности некрополя. За его существование боролись лишь представители интеллигенции – историки и музейные работники, продолжавшие выстраивать свою профессиональную и творческую идентичность на фундаменте памяти о декабристах. Поддержку музейщикам в деле защиты памятных мест, связанных с декабристами, оказывали лишь бывшие политкаторжане, для которых

память о декабристах также являлась средством поддержания групповой идентичности.

На третьем этапе, в 1960–1980-х гг., память о пребывании декабристов в Иркутске оказалась востребованной местными властями: партийными и советскими органами. Празднования двух иркутских 300-летию отражали рост самостоятельности местных политических элит, довольно эффективно продвигавших собственную политику памяти, нацеленную на эффекты роста символической значимости и большей независимости Иркутска от столицы. Реализуя собственную политику памяти, власти активно сотрудничали с интеллигенцией из числа иркутских декабристоведов. В символическом диалоге со столицей, осуществлявшемся через коммеморативную деятельность, иркутяне утверждали значимость своего города как локуса глубоких революционных традиций, не связанных с пребыванием в нем уже подвергнутых частичной или полной десакарлизации героев сталинского времени, а также значимого в масштабах страны культурного центра, у основания которого стояли квазисакральные фигуры декабристов. Опираясь на раздувавшуюся память о декабристах, Иркутск стремился преодолеть состояние периферии, что и вызвало новый импульс к расширению городского мемориального пространства новыми памятниками и повышению статусов мест, уже отмеченных как памятные. На этой волне открылся иркутский музей декабристов, взявшийся за широкое тиражирование сибирского мифа о декабристах, которым город якобы был обязан своим успешным культурным развитием.

Немаловажным фактором развития этого сегмента мемориального пространства Иркутска стала поддержка центральных властей, одоббивших идею создания в центре города историко-мемориального комплекса. Для его формирования не хватало аутентичных объектов, поэтому комплекс дополнялся новоделами. Таким образом, в 1970-х гг. организация городского мемориального пространства наглядно отражала смещение акцентов на символические фигуры декабристов. Крупный мемориальный комплекс, ставший туристическим местом, находился в центральной части города. Его дополняли могилы декабристов, располагавшиеся в разных частях Иркутска. По декабристским местам стало возможно водить продолжительные экскурсии, длинные маршруты которых работали на восприятие памяти о пребывании декабристов в Иркутске как о достоянии местного и всероссийского масштаба. Однако перестройка и гласность пошатнули устоявшиеся ранее исторические мифы о декабристах, оценки деятельности которых стали разниться, в результате чего не состоялось консенсуса о том, какие именно идеи должен выражать запланированный к установке памятник. Предполагалось, что он займет центральное место в этой сложившейся системе памятных мест. Однако его установка произошла уже на другом историческом этапе, когда понимание роли декабристов в истории иркутской земли изменилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Assmann A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // *Memory Studies*. 2018. Vol. 11, Is. 3. P. 287–300.
2. Историческая память России и декабристы. 1825–2015 / отв. ред. П.В. Ильин. Санкт-Петербург ; Иркутск : Иркут. обл. ист.-мемориальный музей декабристов, 2019. 472 с.
3. Леонтьева О.Б. Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX – нач. XX в. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12, № 2. С. 56–61.
4. Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х – нач. 2010-х гг. СПб.; М. : Нестор-История, 2014. 384 с.
5. Эрлих С.Е. Из позднесоветской истории декабристского мифа // *Уральский исторический вестник*. 2015. № 1. С. 110–119.
6. Trigos L. The Decembrist Myth in Russian Culture. New York : Palgrave Macmillan, 2009. 239 p.
7. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск : Оттиск, 2013. 180 с.
8. Иванов А.И. Исторический факультет Иркутского госуниверситета как центр изучения сибирской политической ссылки XIX в. // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2018. Т. 24. С. 165–184.
9. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 64.
10. Коваль С.Ф. Декабрист В.Ф. Раевский (1785–1872). Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 132 с.
11. Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск : Изд. Иркут. губ. архивбюро, 1925. 217 с.
12. ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 67.
13. Козлов И. В гостях у декабристов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 120 с.
14. Дулов А.В., Ячменев Е.А. Памятники и памятные места, связанные с пребыванием декабристов в Сибири // *Памятники истории и культуры Иркутска: сб. очерков*. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 141–165.
15. Гарашенко А.Н. Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода (1925–1975 гг.) // *Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов*. Иркутск : Оттиск, 2011. Вып. 1. С. 74–115.
16. Segesten A.-D., Wüstenberg J. Memory studies: The state of an emergent field // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10, Is. 4. P. 474–489.
17. Сабанчиев Р.Ю. Концепция мест памяти П. Нора как способ исторической реконструкции // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. № 1. С. 33–38.
18. Вальдман И.А., Громова О.А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2019. Т. 8, № 5А. С. 36–45.
19. Красильникова Е.И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике // *Вестник Томского государственного университета*. Серия: История. 2019. № 61. С. 32–43.
20. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : НЛЮ, 2014. 238 с.
21. Stroud S.-R., Henson J.-A. Memory, Reconstruction, and Ethics in Memorialization // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2019. Vol. 33, Is. 2. P. 282–299.
22. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
23. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
24. Connerton P. Seven Types of Forgetting // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1, Is. 1. P. 59–71.
25. Перцева Т.А. Влияние декабристов на формирование культурных традиций в Иркутске: причины, природа, последствия // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2015. Т. 11. С. 12–22.
26. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 549. Оп. 2. Д. 1.
27. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 15.
28. Государственной архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 86. Оп. 1. Д. 45.
29. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 74.
30. Подольская Л.Я. К истории изучения проблемы «Декабристы в Сибири» в Иркутске // *Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов*. 2014. Вып. 2. С. 89–91.
31. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 15.
32. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 68.
33. ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 51.
34. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 119.
35. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 306.
36. Обращение юбилейной сессии Иркутского городского Совета депутатов трудящихся // *Восточно-Сибирская правда*. 1961. 16 июля.
37. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 329.
38. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО). Ф. 3238. Оп. 1. Д. 334.
39. Ходий В. Улица Декабристов // *Правда*. 1976. 24 ноября.
40. ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 102.
41. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 584.
42. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 48. Д. 7. Л. 40–41.
43. Сергеев М. Спасибо тем, кто научил нас жить // *Советская молодежь*. 1986. 28 июня.
44. ГАНИИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 334.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2020 г.

Symbolic Figures of the Decembrists in the Memorial Space of Irkutsk (Early 20th Century – 1991)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 129–138.

DOI: 10.17223/15617793/468/14

Yekaterina I. Krasilnikova, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: memory of Decembrists; memorial space; memorable places; politics of memory; commemoration; social identity.

The study is supported by Novosibirsk State Technical University, Project No. C-19-17, year 2019.

The author explores the problem of reflecting the collective memory of Siberians about the exiled Decembrists in the memorial space of Irkutsk at different historical stages. The aim of the article is to characterize the developing dynamics of a segment of the memorial space system that includes Irkutsk's memorial places associated with the Decembrists in the chronological framework of

the Soviet period of Russian history. The study is based on the principle of historicism. The methodological reference point of the research is the problem field of memory studies; the concepts of the places of memory of P. Nora and cultural memory of J. Assmann and A. Assmann are used. The author also employs historical-genetic and historical-comparative methods. Within the framework of the Soviet period, three stages of forming the segment of the Irkutsk memorial space associated with the memory about the Decembrists were identified. The first stage, from the 1910s till 1925, reflects the general weakness of Irkutsk city residents' collective memory about the Decembrists, which was manifested in neglecting memorial sites, and the beginning of the awakening of interest in the Decembrists among the local liberal-minded intelligentsia. At the second stage, from 1925 (the 100th anniversary of the Decembrist uprising) till the 1960s, under the influence of the state politics of memory that recognized the Decembrists as the first generation of Russian revolutionaries, the intelligentsia of Irkutsk were actively forming the locus of the Decembrists' memorial space in their city. Based on the memory about the Decembrists, the intelligentsia was constructing their social identity. But the local authorities did not provide the intelligentsia with the desired support, which significantly complicated achieving the memorialization tasks. At the third stage, in the 1960s–1980s, the memory about the Decembrists' stay in Irkutsk was in demand among the local authorities, who used it especially actively during celebrations dedicated to the anniversaries of the city. Many memorable places were designated, and their protection was improved. The sharply increased attention of Irkutsk local administration and city residents to the exiled Decembrists reflected the growth of their regional identity. The author revealed the dependence of reflecting the collective memory about the Decembrists in the Irkutsk memorial space on the state and regional politics of memory, as well as on the local intelligentsia initiatives, for which the memory about the Decembrists served as one of the foundations for constructing their social identity.

REFERENCES

1. Assmann, A. (2018) One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel. *Memory Studies*. 11 (3). pp. 287–300.
2. Il'in, P.V. (ed.) (2019) *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy. 1825–2015* [Historical memory of Russia and the Decembrists. 1825–2015]. St. Petersburg; Irkutsk: Irkut. obl. ist.-memorial'nyy muzey dekabristov.
3. Leont'eva, O.B. (2010) Geroizatsiya i degeroizatsiya obrazov dekabristov v istoricheskoy pamyati rossiyskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX – nach. XX v. [The heroization and deheroization of the images of the Decembrists in the historical memory of Russian society in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 12 (2). pp. 56–61.
4. Erlikh, S.E. (2014) *Dekabristy v istoricheskoy pamyati: konets 1990-kh – nach. 2010-kh gg.* [Decembrists in historical memory: late 1990s – early 2010s]. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya.
5. Erlikh, S.E. (2015) From the Late Soviet History of the Decembrist Myth. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Bulletin*. 1. pp. 110–119. (In Russian).
6. Trigos, L. (2009) *The Decembrist Myth in Russian Culture*. New York: Palgrave Macmillan, 239 p.
7. Rozhanskiy, M.Ya. (2013) *Sibir' kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a space of memory]. Irkutsk: Ottisk.
8. Ivanov, A.I. (2018) Historical Faculty of Irkutsk State University as the Center for Studies of the Siberian Political Exile of the XIX Century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*. 24. pp. 165–184. (In Russian).
9. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 64.
10. Koval', S.F. (1951) *Dekabrist V.F. Raevskiy (1785–1872)* [The Decembrist V.F. Raevskiy (1785–1872)]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. izd-vo.
11. Kubalov, B.G. (1925) *Dekabristy v Vostochnoy Sibiri* [The Decembrists in Eastern Siberia]. Irkutsk: Izd. Irkut. gub. arkhivbyuro.
12. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 67.
13. Kozlov, I. (1975) *V gostyakh u dekabristov* [Visiting the Decembrists]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
14. Dulov, A.V. & Yachmenev, E.A. (1993) Pamyatniki i pamyatnye mesta, svyazannye s prebyvaniem dekabristov v Sibiri [Monuments and memorable places associated with the stay of the Decembrists in Siberia]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury Irkutsk: sb. ocherkov* [Monuments of history and culture of Irkutsk: collection of essays]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. pp. 141–165.
15. Garashchenko, A.N. (2011) Dekabristskiy nekropol' v Irkutске: istoriya sovetskogo perioda (1925–1975 gg.) [The Decembrist necropolis in Irkutsk: history of the Soviet period (1925–1975)]. In: *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov* [The Decembrist ring. Bulletin of the Irkutsk Museum of the Decembrists]. Vol. 1. Irkutsk: Ottisk. pp. 74–115.
16. Segesten, A.-D. & Wüstenberg, J. (2017) Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*. 10 (4). pp. 474–489.
17. Sabancheev, R.Yu. (2018) Pierre Nora's concept of "places of memory" as a method of historical reconstruction. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 1. pp. 33–38. (In Russian).
18. Val'dman, I.A. & Gromova, O.A. (2019) Conceptual foundations of the methodology for studying memorial space in historical dynamics. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 8 (5A). pp. 36–45. (In Russian).
19. Krasil'nikova, E.I. (2019) The Memorial Space of Novosibirsk in the Historical Dynamics (1893–2000). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 32–43. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/61/5
20. Assman, A. (2014) *Длинная тень прошлого. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow: NLO.
21. Stroud, S.-R. & Henson, J.-A. (2019) Memory, Reconstruction, and Ethics in Memorialization. *The Journal of Speculative Philosophy*. 33 (2). pp. 282–299.
22. Schenk, F.B. (2007) *Aleksandr Nevskiy v russkoy kul'turnoy pamyati: svyatoe, pravitel', natsional'nyy geroy* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National Hero]. Translated from German by E. Zemskova and M. Lavrinovich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 592 s.
23. Krasil'nikova, E.I. & Val'dman, I.A. (2020) Politics of Memory: Historical Symbols and Commemorative Practices in the System of Socio-Political Selfregulation of the Region (Siberia of the XX – Early XXI Centuries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 26 (1). pp. 47–54. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
24. Connerton, P. (2008) Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*. 1 (1). pp. 59–71.
25. Pertseva, T.A. (2015) The Decembrists' Impact on the Formation of Cultural Traditions in Irkutsk: Reasons, Origins, Consequences. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*. 11. pp. 12–22. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 549. List 2. File 1.
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 549. List 2. File 15.
28. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 86. List 1. File 45.
29. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 74.
30. Podol'skaya, L.Ya. (2014) K istorii izucheniya problemy "Dekabristy v Sibiri" v Irkutске [On the history of the study of the problem "Decembrists in Siberia" in Irkutsk]. *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov*. 2. pp. 89–91.
31. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 15.

32. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 68.
33. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 51.
34. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 119.
35. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 306.
36. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. (1961) Obrashchenie yubileynoy sessii Irkutskogo gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya [Address of the jubilee session of the Irkutsk City Council of Working People's Deputies]. 16 July.
37. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 329.
38. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund 3238. List 1. File 334.
39. Khodiy, V. (1976) Uliitsa Dekabristov [Street of the Decembrists]. *Pravda*. 24 November.
40. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 102.
41. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 584.
42. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund 159. List 48. File 7. Pages 40–41.
43. Sergeev, M. (1986) Spasibo tem, kto nauchil nas zhit' [Thanks to those who taught us how to live]. *Sovetskaya molodezh'*. 28 June.
44. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund R-3238. List 1. File 334.

Received: 06 June 2020

И.Н. Мамкина

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Обращено внимание на социокультурный аспект деятельности Комитета Сибирской железной дороги в начале XX в. Обобщена информация о деятельности школьного комитета Забайкальской железной дороги по открытию и содержанию начальных училищ на железнодорожных станциях. Впервые введены в научный оборот персональные данные его составе. Отмечено, что КСЖД добился более успешного развития школьной сети по сравнению с МНП. Автором впервые приведены данные об организации библиотек и публичных чтений для служащих на Забайкальской железной дороге. Обращено внимание на организацию медицинской помощи служащим.

Ключевые слова: Комитет Сибирской железной дороги; Главный школьный комитет; социальные задачи; железнодорожные служащие.

Конец XIX в. ознаменовал для Сибири эпоху строительства магистрали протяженностью 9 289 км, связывающей запад и восток страны. В строительстве магистрали были задействованы колоссальные ресурсы – более 80 000 рабочих, общая стоимость дороги оценивалась в 350 млн золотом. Управление столь грандиозным проектом осуществлялось Комитетом Сибирской железной дороги (КСЖД) под председательством великого князя Николая Александровича (в будущем Николая II). На рубеже XIX–XX столетий железнодорожная отрасль заняла одно из ключевых направлений в развитии народного хозяйства. В эксплуатации магистрали были задействованы сотни тысяч сотрудников. И если в центральных густонаселенных губерниях Российской империи рабочий, поступая на службу в Министерство путей сообщения (МПС), принципиально не менял условия жизни, то на восточной окраине обстоятельства складывались иначе. Характер работы оставался прежним, менялись условия труда, осложнявшиеся суровыми климатическими условиями, пустынной территорией, значительными расстояниями между населенными пунктами. Ситуация усугублялась малочисленностью населения и отсутствием развитой социальной инфраструктуры. На станциях отсутствовали школы, больницы, церкви. Потребность решения социальных задач становится важным условием успешного развития Транссиба, а в перспективе и залогом восполнения профессиональных кадров и формирования корпоративной культуры. Необходимость научного осмысления исторического опыта реализации социальных программ Комитетом Сибирской железной дороги в условиях освоения восточной окраины России актуализирует тему исследования.

Историография Транссиба представлена трудами ученых, изучавших различные аспекты организации и деятельности магистрали. Отдельным направлением можно считать изучение вопроса организации управления железной дорогой. С.В. Саблер и И.В. Сосновский, сосредоточившись на истории магистрали, дали общую характеристику Комитету, не пускаясь в детали его деятельности [1. С. 123]. В свою очередь, профессор В.В. Иваницкий считал Комитет Сибирской железной дороги особым, самостоятельным и «ни от одного министерства независимым» учреждением [2].

Иваницкий объяснял особый статус КСЖД грандиозностью государственной задачи и необходимостью четкого и неукоснительного исполнения распоряжений, «ибо в каждом великом предприятии даже и малые ошибки могут влечь за собой значительный государственный ущерб» [2].

Целостную картину истории организации и деятельности Комитета воссоздал омский историк А.В. Ремнев. В трудах Ремнева Комитет рассматривается с позиции вспомогательного органа при Комитете министров [3]. Автор отмечал, что компетенция КСЖД была гораздо шире, чем предполагалась при сооружении Транссиба, и его функции были аналогичны компетенции Комитета министров в региональном масштабе. А.В. Ремнев обращал внимание на активную деятельность КСЖД в области переселенческой политики государства, считая Комитет одним из руководящих переселением органов власти [4].

В диссертационном исследовании А.В. Комарова рассмотрена деятельность центральных органов управления Сибирью, к которым автор относил и КСЖД. В исследовании отмечено, что, имея ярко выраженную узкопрофильную направленность, Комитет сосредотачивался на решении проблем, далеко выходящих за пределы ведения железной дороги [5]. В публикациях С.К. Канна КСЖД рассматривается как орган, созданный для реализации «масштабного национального проекта» [6–8]. Автор отмечал, что в контексте освоения восточных окраин Российской империи Комитет решал вопросы, связанные с охраной границ, переселением в Сибирь, международной торговлей. По мере интеграции окраины в общероссийское пространство решались вопросы по строительству Китайской Восточной железной дороги и мирному проникновению в Маньчжурию. Деятельность комитета в первую очередь была направлена на усиление геополитических позиций России, «попутно формируя предпосылки экономического роста на окраинах страны» [6].

В целом Комитет Сибирской железной дороги представлен в исследованиях как центральный орган власти с особым статусом, формирующий государственную политику в Сибири. Большинство авторов сходятся во мнении, что КСЖД обладал широкими полномочиями, однако исследований о реализации

этих полномочий в конкретных сферах, не связанных непосредственно со строительством магистрали, пока немного. Ряд авторов сосредоточились на изучении переселенческой деятельности комитета [4, 9]. С.К. Канн обратил внимание на вклад КСЖД в естественнонаучном изучении Сибири на рубеже веков [10]. Организация школьного образования представлена в коллективной публикации Л.М. Дамешека, И.Л. Дамешек и И.Н. Мамкиной [11. С. 45–49]. Историк В.И. Левин провел исследование пенсионного обеспечения железнодорожников во второй половине XIX – начале XX в. Автор убедительно доказал, что в вопросах социального страхования руководство железными дорогами действовало более эффективно, чем другие министерства [12. С. 24–27].

Таким образом, незначительное количество публикаций о социальной деятельности КСЖД дает основание говорить о малоизученности этого аспекта полномочий Комитета Сибирской железной дороги как органа государственной власти с особой компетенцией. Целью данной публикации является попытка создания целостного представления о деятельности Комитета по организации и обеспечению функционирования объектов социокультурного назначения в пределах Забайкальского участка Транссибирской магистрали протяженностью 1 808,2 км (1 695 верст).

Методологическую основу исследования составил структурно-функциональный подход, позволивший определить элементы управления, механизмы реализации социальной деятельности, охарактеризовать функциональные задачи. Компаративистский анализ социальных объектов различной ведомственной принадлежности позволит выявить степень эффективности социокультурной деятельности КСЖД по сравнению с деятельностью с профильными ведомствами, в частности с Министерством народного просвещения (МНП).

В современной теории государства и права социальная сфера занимает особое положение среди внутренних функций государства. Социальная функция включает в себя комплекс мер в области образования, науки, культуры и здоровья граждан. В Российской империи реализацией социальных программ занимались несколько центральных органов власти. За просвещение, науку, отчасти культуру отвечало Министерство народного просвещения. Здравоохранение и цензура находились в ведении Министерства внутренних дел. Отдельные вопросы пенсионного обеспечения определенных категорий населения находили решение в ведомственных органах. Необходимо отметить, что социальные программы, реализуемые министерствами, внедрялись на территории Российской империи не всегда в равной мере. Например, реализация положений образовательных реформ 1860-х гг. была доступна лишь в пределах земских губерний и областей. В неземских областях Сибири положение реформ попросту не имели механизма реализации, поскольку основная роль в пореформенном развитии просвещения отводилась земствам, отсутствовавшим в крае.

Масштабное строительство Транссибирской магистрали предполагало не только организацию строительных работ, но и обеспечение дороги квалифици-

рованными кадрами для ее безопасной эксплуатации. 4 марта 1893 г. в составе КСЖД образована Подготовительная комиссия под председательством управляющего делами Комитета А.Н. Куломзина. Комиссия занималась предварительным рассмотрением вопросов вносимых на утверждение Комитета Сибирской железной дороги. Среди многочисленных вопросов, связанных со строительством магистрали, Комиссия предложила на рассмотрение ряд социальных мер, принятых к исполнению. В частности, были увеличены прогонные выплаты на дорожные расходы до места назначения для вновь принятых служащих железной дороги, увеличены подъемные для хозяйственных нужд. Служащим на железной дороге длительное время стаж работы учитывался как основание для начисления повышенного жалованья.

Особую ценность члены Комиссии придавали светскому и религиозному просвещению, поясняя, что «существенным значением в деле улучшения условий быта низших железнодорожных служащих могут иметь мероприятия по оказанию пособий на устройство храмов и школ» [13. Л. 116]. В 1903 г. Особое совещание Управления железных дорог «признало весьма желательным осуществление по мере возможности, те предположения Подготовительной комиссии, кои направлены на улучшения быта железнодорожных служащих» [13. Л. 62].

Для организации школьного дела в системе управления железной дорогой учреждались специальные органы, курирующие учебные заведения. На Забайкальской железной дороге в 1903 г. образован Главный школьный комитет. Одновременно с ним возникли местные попечительства во главе с почетным блюстителем, представляющие интересы общества. 13 апреля 1906 г. вступили в действия Правила о комитетах и местных попечительствах для заведования образовательными учреждениями на казенных железных дорогах (далее – Комитет) [14]. Правила регулировали порядок формирования, принципы деятельности и сферу полномочий Комитета.

Комитет для заведования образовательными учреждениями на казенных железных дорогах формировался из десяти членов, шесть из которых избирались на собраниях железнодорожных коллективов и четверо назначались начальником дороги. Членам Комитета дополнительно избирали шесть заместителей (кандидатов). В ведении Комитета находились школы и вечерние курсы, общежития, библиотеки, церкви, железнодорожные собрания, столовые. Комитет располагался средствами, выделенными на содержание подведомственных учреждений. Ведением делопроизводства занималась канцелярия из двух человек.

В соответствии с обновленными 1 августа 1906 г. Правилами власти преобразовали Главный школьный комитет в Комитет для заведования образовательными учреждениями на казенных железных дорогах и учредили должность ревизора по наблюдению за учебно-воспитательной деятельностью железнодорожных школ. Первым ревизором был назначен Флегонт Григорьевич Мясников, заведующий 3-м училищем им П.А. Пономарева в Иркутске, выпускник Иркутской учительской семинарии [15. Л. 5].

В конце 1906 г. на Забайкальской железной дороге в состав избранного комитета входили: заведующий лабораторией А.К. Жуков, его заместитель помощник юрисконсульта В.В. Болотов. От службы пути избран начальник I участка службы пути С.М. Залкинд, заместителем – помощник начальника службы пути Д.Н. Нахтман; от службы движения и телеграфа – старший ревизор движения В.Н. Макаров и начальник конторы службы движения А.И. Ужов. Заместители – начальник I отдела службы движения А.С. Кузнецов, начальник Иркутской кондукторской бригады П.В. Королев соответственно. От службы тяги и Байкальской переправы – исполняющий обязанности начальника переправы Б.А. Курьяк и начальник службы тяги Х.А. Федоров. Заместители – старший ревизор службы тяги А.М. Пospelов и старший десятник Байкальской переправы С.И. Прендовский [15. Л. 4–4 об.].

В соответствии с приказом начальника Забайкальской железной дороги № 141 от 28 февраля 1907 г. членами комитета назначены И.И. Рыбников, Н.И. Спасский, врач Н.В. Попов. Назначение четвертой кандидатуры затянулось, поскольку документы долгое время находилась на согласовании с руководством дороги [15. Л. 4–4 об.].

Привлечение действующих работников железной дороги сказывалось не лучшим образом на деятельности Комитета. Сотрудники пропускали заседания в связи с плотным рабочим графиком, поездками на отдаленные станции. Начальник Забайкальской железной дороги, контролировавший деятельность Комитета, настойчиво рекомендовал посещать эти заседания «более аккуратно» [15. Л. 10].

Обращает на себя внимание социальный состав Комитета, где в основном представлены служащие железной дороги, занимающие руководящие должности среднего звена. Ни один из них не имел отношения к системе образования. По сути, деятельность Комитета сводилась к рассмотрению ходатайств об открытии или преобразовании школы и распределении выделяемых средств между учебными заведениями дороги.

Хозяйственно-административными вопросами конкретной школы занимались местные попечительства. Население станции избирало двух представителей общественности. Предпочтение отдавалось врачам или участковым. Еще один попечитель назначался из числа железнодорожных служащих приказом начальника дороги. Дополнительно избирался почетный блюститель, который считался руководителем [15. Л. 5]. В сферу полномочий попечителей входили хозяйственные вопросы организации школьного дела и «общее наблюдение за правильным ходом занятий в школе и нормальной жизнью в общежитии» [16. Л. 7]. Попечители были лишены возможности оказывать влияние или вмешиваться в учебный процесс. Организация школьного дела возлагалась на учителя, находившегося в подчинении МНП. Отметим, что организация учебного дела, обеспечение училищ учителями контролировались МНП. Таким образом, реализация образовательной программы на железной дороге находилась в совместном ведении Министер-

ства путей сообщения и МНП, что не противоречило духу времени.

Основным типом, открываемым на железнодорожных станциях школ, стали начальные одно- и двухклассные училища ведомства МНП. Исключение составили школы на станциях Хилок и Могзон, которые были открыты как церковно-приходские. Основное различие этих двух типов учебных заведений заключалось в учебной программе. В церковно-приходских училищах больше учебных часов отводилось на предметы религиозного содержания.

Одноклассные начальные училища имели три отделения, в которые ученики последовательно переходили, начиная с первого. Учитель проводил занятия одновременно в младшем, среднем и старшем отделениях. Программа обучения была направлена на приобретение элементарной грамотности. Ученики обучались чтению, письму, основам счета и Закону Божьему. Двухклассные училища имели учебную программу, рассчитанную на пять лет. Первый класс включал три отделения и соответствовал одноклассному училищу. Программа второго класса включала Закон Божий, русский язык и чистописание, арифметику, историю, географию и естествоведение, церковное пение, черчение. Недельная нагрузка составляла 26 часов. Во второй класс принимались мальчики до 15 лет, девочки – до 13. Обучение во втором классе продолжалось два года. Министерские начальные училища на начало XX в. по сравнению с учебными заведениями иных ведомств давали более качественное образование, но не были лишены недостатков. Они не давали оконченного начального образования. Для продолжения обучения в вузах необходимо было иметь аттестат гимназии или реального училища. И все же, несмотря на недостатки среди существующих школ, они были лучшими.

Первые начальные школы Забайкальского участка дороги открылись в 1901 г. на ст. Могзон и Оловянная. В 1902 г. их количество увеличилось до 6 в 1903 – 11, в 1904 – 12, 1905 – 14, 1906 – 18, 1908 – 21 [17. Л. 5]. После 1908 г. все действующие крупные железнодорожные станции Забайкалья были обеспечены учебными заведениями, процесс дальнейшего открытия школ прекратился. Изначально школы открывались как одноклассные училища, постепенно, с увеличением числа учеников школы преобразовывались в двухклассные. В 1914 г. из 21 учебного заведения одиннадцать значилось как двухклассные начальные училища. *Выбор наиболее качественного типа образования, последующее его усложнение свидетельствует о продуманном подходе КСЖД к организации системы образования для железнодорожных служащих.*

Удаленность населенных пунктов от железнодорожных станций, где открывались школы, вызвала необходимость открытия пансионатов (общежитий). Обязанность по содержанию пансионатов возлагалась на местные попечительства и школьный фонд МПС. В 1906 г. открылось три пансионата, в 1907 – шесть, в 1908 – восемь. Общежития действовали при Могзонской, Слюдянской, Читинской, Петровско-Заводской, Шилкинской, Сретенской, Танхойской, Адрианов-

ской, Маритуйской, Оловянинской школах. В 1908 г. в общежитиях проживало 130 учащихся [18. Л. 25]. В 1914 г. количество пансионеров увеличилось до 601 учащегося, из них 207 девочек и 304 мальчика [17. Л. 25 об.].

На содержание пансионеров в 1914 г. было выделено 43 298 руб., из них 28 994 поступило от школьного фонда МПС, 1 304 руб. – от попечителей и 13 000 руб. – от МНП [17. Л. 25 об.]. *Цифры убедительно демонстрируют, что больше половины (67%) средств приходится на долю МПС.* В свою очередь, МНП несло существенные затраты на содержание персонала учебных заведений. В 1914 г. было выделено на год 99 850 руб., из них на жалование учителям – 87 837 руб., на аренду жилья – 6 814 руб. [17. Л. 19]. Школьный фонд МПС выделял средства на аренду и ремонт школьных помещений, освещение, отопление, покупку учебных пособий, наглядного материала. Всего в 1914 г. выделено 22 997 руб. [17. Л. 19].

В 1914 г. в школах на железнодорожных станциях работало 83 учителя. Жалование в год составляло в среднем 1 058 руб. Отметим, что жалование учителя всегда вызывал острую критику со стороны общественности относительно его мизерных размеров. Именно поэтому профессия учителя не была популярной и нередко школы годами имели открытые вакансии. КСЖД предвидя данную проблему, выделял дополнительные средства на доплату к жалованию. С 1900 по 1909 г. из средств КСЖД на жалование учителям выделено 170 074 руб., учителям Закона Божьего – 14 255 руб., дополнительно на аренду квартир – 17 658 руб. [18. Л. 123]. Поддерживая финансово учителей, Комитет способствовал привлечению кадров в станционные школы. Нередко занятие вакансий проходило на конкурсной основе, что позволяло *сформировать педагогический коллектив более высокого профессионального уровня, чем в министерских и церковно-приходских школах.*

Первые железнодорожные школы были открыты в 1901 г. К обучению приступило 214 учеников, в 1902 г. количество учащихся увеличилось до 385. В 1903 г. в 11 школах числилось 702 ученика. В 1908 г. в 21 школе обучалось 2 735 человек [17. Л. 27]. Впоследствии число учащихся, при сохранении числа школ, неизменно увеличивалось, к 1914 г. обучалось 3 997 ученика. Во многих школах местные попечительства ходатайствовали об открытии параллельных классов. В Иркутской, Оловянинской, Хилокской, Слюдянской, Верхнеудинской, Читинской школах в первых, вторых отделениях первого класса открывались параллели, что, безусловно, свидетельствовало о нарастании заинтересованности железнодорожных служащих в образовании детей [17. Л. 27]. По данным инспекторской проверки ревизора железно-дорожных образовательных учреждений, в 1909 г. на станциях Забайкальского участка пути проживало 6 300 детей школьного возраста, из них около 65% получали начальное образование. По сравнению с процентом учащихся детей в Забайкальской области из 83 412 детей не получали образование 53 845 человек (65%) [19. С. 116].

Социальный состав учащихся был довольно пестрым, но в основном преобладало крестьянское сословие,

по данным на 1914 г. – 82%, горожан – 10%, солдат и казаков – 6,3%, детей дворян и чиновников – 1,4%, инородцев – 0,3%, духовенства – 0,2% [17. Л. 16].

В школах обучались дети служащих на железной дороге. При наличии мест за плату принимали сторонних учеников. В данных обстоятельствах обращает на себя внимание политика Комитета по сохранению ученического контингента. Комитет считал «крайне нежелательным» исключение учеников [13. Л. 116]. Исключение из школы могло быть только по согласованию с властями, которые в первую очередь отстаивали корпоративные интересы, лояльно относившись к детям железнодорожных служащих. Нельзя сказать, что исключение учеников из школы было частым явлением, но принятые меры свидетельствуют о заинтересованности властей в сохранении нужного ученического контингента. Ежегодные выпуски из начальных училищ, по мере развития школьной сети, стабильно увеличивались. В 1903 г. станционные школы окончил 41 ученик, в 1914 г. – 703, в целом с 1901 по 1914 г. – 3 908 человек [17. Л. 28].

Таким образом, школьная программа для детей железнодорожных служащих находилась под контролем КСЖД. Прилагая административные и финансовые усилия Комитет добился устойчивого развития школьной сети, охватив значительную часть ученического контингента. В сравнении с реализацией образовательной программы МНП, КСЖД действовал более эффективно, что достигалось путем дополнительного финансирования.

Реализация школьной программы не исчерпывала социальные задачи КСЖД. Власти дорожи содействовали просвещению служащих. Основной формой распространения знаний стала организация станционных библиотек и народных чтений. Обсуждение вопроса о форме организации библиотек для служащих проводилось с привлечением школьных комитетов, проводивших опрос на местах. Власти предлагали к обсуждению два варианта: «устройство подвижных вагонов-библиотек курсирующих по линии или... открытие библиотек на станциях» [18. Л. 78]. Железнодорожники высказались за организацию стационаров.

На содержание библиотек выделялись специальные средства. В 1906 г. на библиотеки Забайкальского участка было ассигновано 1 750 руб., по всей Сибирской железной дороге – 6 500 руб. В 1907 г. в смету расходов КСЖД на библиотеки заложено 9 871 руб. [18. Л. 129]. Средства выделялись на закупку книг, оплату периодических изданий, аренду помещений. На Забайкальской дороге в 1908 г. действовало шесть библиотек-читален на станциях в Чите, Оловянной, Петровском Заводе, Борзе, Хилке, Сретенске. Библиотеки собственных зданий не имели и нередко располагались в помещениях на вокзале или школах. Самой представительной по количеству томов была библиотека на станции в Чите, она располагала 2 780 томами. Меньше всех изданий – 142 – числилось в библиотеке в Борзе. За неимением собственной библиотеки служащие могли пользоваться книгами из школьного книжного фонда, что было разрешено в Шилке и Слюдянке.

Дополнительной формой просвещения являлись народные чтения для служащих, организованные при станционной школе. Занятия проводили учителя. В 1913 г. народные чтения проводились в Читинском двухклассном начальном училище. За год проведено 31 занятие, которое посетили 774 мужчины и 783 женщины [20. Л. 27]. В Адриановском училище учителя провели 20 занятий с посещением 960 женщин и 940 мужчин, в Борзе – 35 занятий с посещением 1 519 мужчин и 1 240 женщин. Слушателям зачитывались статьи о вреде алкоголя, «рассказы из жизни людей и природы». «Чтение сопровождалось туманными картинками» [20. Л. 110] (дагерротипами). В целом программа народных чтений носила общеобразовательный характер. В 1914 г. слушателям читали лекции по религиозной нравственности – 59 занятий, истории – 79, географии – 63, естествоведению – 44, литературе – 146. Всего в 1914 г. учителя провели 391 занятие.

В 1913 г. по распоряжению министра путей сообщения для служащих Учебным отделом МПС были проведены бесплатные курсы пчеловодства [16. Л. 27].

Еще одним аспектом социокультурной деятельности КСЖД можно назвать организацию медицинской помощи служащим дороги. С открытием движения по Забайкальскому участку властями было организовано девять врачебных участков и четыре акушерских пункта. На участках организовано восемь приемных покоев, четыре больницы. На станциях, где приемные покои отсутствовали, на вокзале оборудовали «аптечные шкафчики» с медикаментами и инструкциями по оказанию первой помощи больным и раненым до прибытия врача. Штатный состав медицинского персонала включал должности одного старшего врача, семь участковых, два больничных врача, 27 фельдшеров, четырех акушеров [21. Л. 11]. Дважды в месяц врачи объезжали свои участки. Ежемесячно собирались врачебные комиссии «для освидетельствования служащих увольняющихся со службы по болезни или по последствиям увечья» [21. Л. 11 об.].

В 1900 г. в медицинских учреждениях Забайкальской железной дороги приняли на лечение 10 029 человек, выздоровело – 9 410, умерло – 64, неизвестных исходов зафиксировано 369. Акушерские участки за шесть месяцев 1900 г. приняли 76 родов.

На организацию здравоохранения служащих в 1900 г. власти израсходовали 50 876 руб. Средства распределялись на жалованье врачей – 29 370 руб.,

аренду и содержание жилья для врачей и содержание больницы – 12 263 руб., закупку оборудования и медикаментов – 5 718 руб., расходы на погребения – 450 руб. На больничное лечение потрачено 9 465 руб. Курс лечения составлял от 17 до 23 дней. Стоимость лечения одного больного оценивалась в 13 руб. в день, содержания (питания) – 59 руб. в день [21. Л. 11–15]. Лечение больных, не относящихся к категории железнодорожных служащих, осуществлялось за плату.

Развивая сеть медицинских учреждений, КСЖД в перспективе планировал постройку просторных больниц вблизи от железнодорожных станций для оказания скорой помощи, в том числе и пассажирам. Планировалось запустить 12 санитарных вагонов, на станциях оборудовать туалеты с цементными выгребными ямами, засыпать стоячие воды, организовать подачу кипятка и поставить «ушаты с охлажденной кипяченой водой» [21. Л. 15]. Очевидно, что принимаемые меры по организации здравоохранения на железной дороге имели долгосрочные перспективы и были направлены на создание устойчивой медико-санитарной ведомственной системы.

Таким образом, социокультурные проекты занимали значительное место в деятельности КСЖД. Для их реализации были созданы специальные органы власти, выделялись значительные финансовые средства, привлекалась общественность. Социальная деятельность Комитета соответствовала принципам государственной политики на окраинах империи, однако в сравнении с государственными социальными задачами деятельность КСЖД отличалась большей эффективностью, что отчасти разрушает устоявшееся мнение об эксплуататорских условиях труда железнодорожных служащих нижнего и среднего звена. Безусловно, социокультурный аспект деятельности КСЖД не являлся благотворительным проектом. Учреждая школы, больницы, библиотеки, Комитет в первую очередь создавал условия для развития корпоративной культуры, формировал основу для общеобразовательной и в перспективе – профессиональной подготовки стабильного кадрового состава. Наличие хорошо организованного и эффективного направления деятельности Комитета Сибирской железной дороги, обращенного на реализацию социальных задач, подчеркивает многоаспектную деятельность Комитета и его особую роль в развитии восточной окраины Российской империи в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. 472 с.
2. Иваницкий В.В. Русское государственное право. Верховная власть и ее органы. Казань, 1896 г. Т. 1, ч. 1.
3. Ремнев А.В. Комитет Сибирской железной дороги как орган территориального управления // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX в. Томск : ТГУ, 1994. 169 с.
4. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Издательский дом «Наука», 2013.
5. Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVIII – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 233 с.
6. Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131.
7. Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги во главе работ по изучению Сибири в конце XIX – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 257–266.
8. Канн С.К. С.Ю. Витте и создание Комитета Сибирской железной дороги // Вопросы истории Сибири XX века : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Новосибирск, 2008. С. 13–22.

9. Архипов С.В. Деятельность Комитета сибирской железной дороги по реализации переселенческой политики в конце XIX – начала XX вв. : историко-правовой аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 15–19.
10. Канн С.К. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественно-научному изучению Сибири в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 275 с.
11. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Мамкина И.Н. Программа развития школьной сети Азиатской России в проектах Комитета Сибирской железной дороги // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 45–49.
12. Левин В.И. Пенсионное обеспечение железнодорожников в 1865–1914 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 3. С. 24–27.
13. Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 206. Оп. 2. Д. 2. Л. 116.
14. Правила о комитетах и местных попечительствах для заведывания образовательными учреждениями на казенных железных дорогах. СПб. : Тип. МПС. 1906. 10 с.
15. ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 7. Л. 5–17.
16. ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 30. Л. 7.
17. ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 34. Л. 5–29.
18. ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 10. Л. 123.
19. Мамкина И.Н. Развитие системы общего образования в условиях модернизации в Восточной Сибири (1864–1917 гг.). Чита : ЗабГУ, 2016. 317 с.
20. ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 26. Л. 110.
21. ГАЗК. Ф. 206. Оп. 5. Д. 6. Л. 11–15.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 мая 2020 г.

The Socio-Cultural Aspect of the Siberian Railway Committee's Activities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 139–145.

DOI: 10.17223/15617793/468/15

Inna N. Mamkina, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Keywords: Siberian Railway Committee; Main School Committee; social policy; railway employees.

The article draws attention to the sociocultural aspect of the Siberian Railway Committee's activities in the early twentieth century. Historiographic analysis showed a research interest in the status of the Committee in the context of the organization of management of the Russian Empire's Eastern outskirts. Taking into account the broad powers of the Siberian Railway Committee, the author notes isolated studies of the social aspect in its activities. The aim of this publication is an attempt to create a holistic view of the activities of the Committee for the implementation of social tasks aimed at improving the life of railway employees at the Trans-Baikal section of the railway in the early twentieth century. The study was conducted on the basis of the documentation of the Siberian Railway Committee. A number of documents are introduced into scholarly discourse for the first time. Based on the structural and functional approach, using a set of historical research methods, it has been revealed that, after the commissioning of the Trans-Baikal section of the Siberian Railway, considerable attention was paid to solve sociocultural problems aimed at improving the life of railway employees. The preparatory commission chaired by A.N. Kulomzina and the Main School Committee implemented social programs. The author has defined the procedure for the formation of the committee, its structure, and principles of its activity. For the first time, personal data of the school committee's members elected on the Trans-Baikal Railway are introduced into scholarly discourse. The information of the committee's activities of the opening and maintenance of primary schools at railway stations has been summarized. The obtained statistics convincingly prove the effectiveness of the committee in the field of school education. The author notes that the Siberian Railway Committee achieved a very successful development of the school network by applying administrative and financial efforts. The author, for the first time, provides data on the organization of libraries and public convocations for the employees on the Trans-Baikal Railway. She draws attention to the organization of medical care for the employees; establishes the organization order and types of medical institutions; generalizes information about the staff of hospitals and obstetric centers, and the number of patients. The author concludes that the Siberian Railway Committee had an organized and balanced approach to solving sociocultural problems that occupied an important place in its activities. The Siberian Railway Committee's social programs in a number of areas were ahead of those of other government departments.

REFERENCES

1. Sabler, S.V. & Sosnovskiy, I.V. (1903) *Sibirskaya zheleznaya doroga v ee proshlom i nastoyashchem* [Siberian railway in its past and present]. St. Petersburg: Gos. tip.
2. Ivanitskiy, V.V. (1896) *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Verkhovnaya vlast' i ee organy* [Russian state law. The supreme power and its bodies]. Vol. 1 (I). Kazan: [s.n.].
3. Remnev, A.V. (1994) *Komitets Sibirskoy zheleznoy dorogi kak organ territorial'nogo upravleniya* [The Siberian Railway Committee as a body of territorial administration]. In: *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri: voprosy istorii XIX – pervoy tretyi XX v.* [Economic development of Siberia: issues of history of the 19th – first third of the 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th -0 Early 20th Centuries]. Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
5. Komarov, A.V. (2004) *Osobyie organy tsentral'nogo upravleniya Sibir'yu v XVIII – nachale XX veka* [Special organs of the central government of Siberia in the 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Irkutsk.
6. Kann, S.K. (2008) *Komitets Sibirskoy zheleznoy dorogi (1892–1905 gg.) kak organ upravleniya natsional'nym proektom* [The Siberian Railway Committee (1892–1905) as a governing body of the national project]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 3. pp. 129–131.
7. Kann, S.K. (2007) [The Siberian Railway Committee heading work on the study of Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka* [The role of the state in the economic and socio-cultural development of Asian Russia in the 17th – early 20th centuries]. Conference Proceedings. Novosibirsk: RIPEL. pp. 257–266. (In Russian).
8. Kann, S.K. (2008) S. Yu. Vitte i sozdanie Komiteta Sibirskoy zheleznoy dorogi [S.Yu. Witte and the creation of the Siberian Railway Committee]. In *Voprosy istorii Sibiri XX veka* [Issues of the history of Siberia of the 20th century]. Vol. 8. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 13–22.

9. Arkhipov, S.V. (2015) Activities of Committee of the Siberian Railway in the Implementation of the State Migration Policy in the Late 19th – Early 20th Centuries (Historical and Legal Aspect). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 15–19. (In Russian).
10. Kann, S.K. (2011) *Deyatel'nost' Komiteta Sibirskoy zheleznoy dorogi po estestvenno-nauchnomu izucheniyu Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [Activities of the Siberian Railway Committee for the Natural Scientific Study of Siberia in the Late 19th – early 20th Centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
11. Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. & Mamkina, I.N. (2017) The Programm to Develop a School Network in Asian Russia in the Projects of the Siberian Railway Committee. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 24 (1). pp. 45–49. (In Russian).
12. Levin, V.I. (2015) Pensionnoe obespechenie zheleznodorozhnikov v 1865–1914 gg. [Pension provision for railway workers in 1865–1914]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 3. pp. 24–27.
13. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 206. List 2. File 2. Page 116.
14. Ministry of Railways. (1906) *Pravila o komitetakh i mestnykh popechitel'stvakh dlya zavedyvaniya obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami na kazennykh zheleznnykh dorogakh* [Rules on committees and local trusteeships for the management of educational institutions on state railways]. St. Petersburg: Ministry of Railways.
15. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 206. List 2. File 7. Pages 5–17.
16. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 206. List 2. File 30. Page 7.
17. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 206. List 2. File 34. Pages 5–29.
18. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 206. List 2. File 10. Page 123.
19. Mamkina, I.N. (2016) *Razvitie sistemy obshchego obrazovaniya v usloviyakh modernizatsii v Vostochnoy Sibiri (1864–1917 gg.)* [Development of the general education system in the context of modernization in Eastern Siberia (1864–1917)]. Chita: Transbaikal State University.
20. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 206. List 2. File 26. Page 110.
21. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 206. List 5. File 6. Pages 11–15.

Received: 27 May 2020

В.А. Морев, А.В. Морева

«“МЕЖДУ ОСЕНЬЮ И СНЕГОМ” ДОРОГ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НЕТ»: ДОРОГИ, СРЕДСТВА ТРАНСПОРТА И ОСОБЕННОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассмотрено состояние дорог в Сибири во второй половине XIX в., выявлены связанные с этим особенности сибирских сухопутных средств передвижения и навыки ямщиков, вырабатывавшиеся в суровых природно-климатических условиях, при наличии огромных расстояний между станциями и необходимости подолгу находиться в пути. Использованы материалы Государственного архива Томской области и заметки иностранных путешественников и отечественных авторов второй половины XIX в., проезжавших по Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; Сибирский (Московский) тракт; путешественники; путевые заметки; ямщики; гужевого транспорт; почтовые станции; дороги.

Длительное путешествие по необъятным сибирским просторам во второй половине XIX в. было сопряжено с большими трудностями. Многое зависело от духовных и физических сил путешествующего по Сибири. Долгая суровая зима, разбитые и размытые дороги в период межсезонья, значительные расстояния между ямскими станциями, вынужденная необходимость подолгу находиться в пути, как правило, не в самых комфортных условиях и прочие неудобства могли многих заставить отказаться от подобного предприятия. Среди тех, кто писал о путешествиях по Сибири, были люди, познавшие на собственном опыте тяготы странствий по суровому сибирскому краю до того, как здесь появилась железная дорога. Это были и русские, и иностранцы, ехавшие в Сибирь с различными целями. На основе их путевых заметок и воспоминаний в разное время было написано немало работ, посвященных сибирским ямщикам, дорогам, сухопутным средствам передвижения, почтовым перевозкам, извозу (крестьянскому отхожему промыслу, заключающемуся в перевозке пассажиров и грузов на лошадях) и т.д.

Оценка состояния Сибирского (Московского) тракта – главного гужевого пути в Сибирь – была дана в очерках конца XIX – начала XX в., посвященных социально-экономическим проблемам Сибири и вопросам проведения Транссибирской железнодорожной магистрали [1–4]. Тракт, несмотря на то что требовал ремонта, был очень оживленным вплоть до проведения Транссиба. В очерках говорилось о неминуемом упадке извозного промысла под натиском железнодорожного транспорта. Много ценных сведений о сибирском извозе содержит статья профессора Томского университета М.Н. Соболева «Пути сообщения в Сибири» [5]. В ней автор писал о плохом состоянии почтовых трактов и дорожной повинности, ложившейся тяжелым бременем на сибирских крестьян. Выходом из этого положения профессор считал введение в Сибирь земского самоуправления, которое ведало бы местными путями сообщения. Как и авторы очерков, М.Н. Соболев также обратил внимание на снижение роли извоза притрактового населения в связи с проведением Транссибирской магистрали.

В советский период история Сибирского тракта, быт и труд сибирских ямщиков освещались в работах

А.Д. Григорьева [6], К.В. Базилевича [7], А.М. Виташевской [8], В.Н. Казимирова [9], А.Н. Вигилева [10] и др. Позднее история Московского тракта, а также сибирского извозного промысла и почтовой гоньбы рассматривалась историками В.П. Бойко [11, 12], О.Н. Катионовым [13, 14], В.А. Моревым [15–17], А.А. Завьяловым и Н.С. Модоровым [18] и др. Авторы книги «История дорожного дела в Томской области» привели сведения из истории извоза и дорожного строительства в Томской губернии. В этой работе, в частности, имеются статистические данные о строительстве и ремонте сибирских дорог [19]. Важная информация об истории организации перевозки почты в Томской губернии содержится в книге Я.А. Яковлева и Ю.К. Рассамахина [20]. Некоторые особенности путешествия по Сибири рассмотрены в статьях Е.А. Дегальцевой [21], Н.Н. Родигиной и А.Ю. Ледовских [22], Е.Г. Новиковой [23], В.А. Морева и А.В. Моревой [24] и др.

В последние годы все больше авторов проявляют интерес к теме извоза и почтовой гоньбы в Сибири. Так, Е.В. Почеревин [25] посвятил свою работу анализу обязанностей содержателя земской ямской станции в Алтайском округе в начале XX в., а в статьях О.М. Затесовой [26] и Л.А. Скрыбиной [27] представлена краткая история извоза, почтовой гоньбы и дворничества (содержание харчевен, постоялых дворов, мастерских по ремонту и изготовлению экипажей) вдоль Сибирского тракта.

Цель настоящей статьи заключается в обобщении фактов, которые касаются состояния дорог в Сибири, сухопутных средств передвижения, навыков сибирских ямщиков, а также в выявлении особенностей путешествия по Сибири во второй половине XIX в.

Одним из наиболее информативных источников, позволяющих раскрыть тему путешествия по Сибири, являются *путевые заметки*. Это могут быть и воспоминания, написанные по итогам путешествия. В этой связи особого внимания, на наш взгляд, заслуживает работа немецкого географа и этнографа Рихарда Андрэ [28]. Он в деталях описал путешествие англичанина Александра Мичи по Сибири в первой половине 1860-х гг., опубликовав его дневники. В его работе представлена информация о состоянии дорог в трех сибирских губерниях – Томской, Енисейской и

Иркутской, автор рассматривает условия проезда и постоя на почтовых станциях и т.п. Все эти сведения интересны в том числе тем, какой Сибирь виделась людям со стороны. Ведь иностранцы из Западной Европы в большинстве своем привыкли к менее суровому климату, коротким расстояниям между почтовыми станциями, более частым остановкам, как правило, в относительно комфортных местах для постоя. Этот контраст мог помочь внимательному иностранцу подметить то, что не всегда видел русский путешественник, привыкший ездить по российским дорогам. Значительная часть труда Р. Андрэ позднее была переведена на русский язык [29]. Кроме того, существует и оригинальное издание путешествия А. Мичи на английском языке, вышедшее в свет в 1864 г. [30]. Авторы настоящей статьи опирались на немецкоязычный вариант [28] путевых заметок А. Мичи.

Интерес представляют и путевые заметки американца Джорджа Кеннана. Первый раз он посещал Сибирь в составе Русско-Американской телеграфной экспедиции 1865–1867 гг., которая проводила исследования на территории Британской Колумбии (Канада), Русской Америки и на русском Дальнем Востоке с целью соединения этих территорий телеграфной линией. Второй раз Д. Кеннан побывал в Сибири в 1885 г. Работы, написанные им по итогам этой поездки, называются «Сибирь!» [31] и «Сибирь и ссылка» [32]. В них автор, в частности, представил сведения об особенностях средств передвижения в Сибири.

Среди работ отечественных авторов, проезжавших по Сибири в середине или в конце XIX в., заслуживают внимания заметки писателя Антона Павловича Чехова [33], а также купцов Ипполита Завалишина [34] и Николая Чукмалдина [35]. А.П. Чехов в своейственной ему манере с некоторой долей юмора, используя яркие образы, описал дороги и сам процесс путешествия по Сибири. Купцы же обратили внимание на практическую сторону – как ямщик готовился к длительной дороге, какие опасности могли подстерегать его, чем он питался в пути и как кормил лошадей и т.п.

Для более полной картины привлечены документы Государственного архива Томской области (ГАТО), в которых содержится информация о состоянии путей сообщения в Томской губернии. Так, документы фонда «Томское губернское управление (1823–1916 гг.)» позволяют, в частности, отследить реакцию со стороны проезжавших на неудовлетворительное состояние дорог в Томской губернии в конце XIX в.

Перевозка пассажиров и грузов (включая почту) по Сибирскому тракту была сопряжена с огромными трудностями. По данным К.В. Базилевича, главный тракт шел на протяжении 3 410 верст, от границ Пермской губернии через Тобольск, Томск, Красноярск до Иркутска. В Западной Сибири ровная местность позволяла совершать переезд сравнительно спокойно. Трудно было преодолевать Барабинскую степь, где 440 верст приходилось ехать по болоту. Чтобы лошади и повозки не утопали в грязи, использовались гати – настилы из бревен или хвороста для проезда через топкое место. Но весной и осенью гати размокали во время дождей. Лошади могли идти

только шагом, а экипажи и почтовые повозки вязли в грязи и ломались. Иногда на помощь застрявшим экипажам приходилось вызывать жителей из деревень за несколько верст. В весеннее половодье сибирские реки Тобол, Иртыш, Обь и Томь сильно разливались. Переезд на лодках по этим огромным водным пространствам представлял большие трудности и опасности, которые еще более возрастали, когда на лодки ставили экипажи. Плыть приходилось между деревьями и выступавшими неровностями почвы. Зимой дорога обычно шла одной колеей, на дорогах образовывались глубокие ухабы. При встрече экипажей или обозов можно было разъехаться с большим трудом, так как, свернув с дороги, лошади сразу же погружались по грудь в снег, а экипажи ломались [7. С. 53–54]. Особенно трудно было ямщикам зимой в северных районах Сибири. В сильный мороз невозможно было даже сидеть на санях, приходилось бежать рядом, чтобы согреться. К.В. Базилевич, описывая тракт Тобольск – Березов вдоль Иртыша и Оби, отмечал, что зимой глубокий снег и большие расстояния между станциями (60–70 верст) создавали серьезные препятствия для перевозки почты [7. С. 55].

Приведем несколько свидетельств современников о *состоянии дорог в Сибири* в середине – второй половине XIX в. П. Небольсин, автор «Заметок на пути из Петербурга в Барнаул» (СПб., 1850), ехавший из Тобольска в Томск, писал: «Но там подальше дорога не такая, как у нас под столицей: там меры нет в ее ширине. Избита она в одном месте – лошади берут вправо или влево, куда их потянет инстинктом. Дорога раздваивается, растривается, но часто с одного ее конца до другого можно положить верных версты две или около: широкое поле разгулья. Суживается она в обыкновенную дистанцию или у селений, или у мостов» (цит. по: [20. С. 275–276]).

Г.Н. Потанин, изучая историю золотопромышленности в Томской губернии, в красках описал одну из дорог, точнее просеку в тайге, проходившую к востоку от Томска. Эта дорога не имела никакого сходства с настоящими дорогами: пни от срубленных деревьев торчали прямо посередине, срубленные стволы лежали тут же, только были отодвинуты по бокам просеки. Узкая щель, в которую солнце освещало просеку, была настолько мала, что проход не успевал высохнуть в течение короткого лета. А между тем окрестный лес беспрестанно заливал дорогу водой, поэтому грязь стояла по колено в течение всего лета. Колесных колеи не было, так как в телегах по такой дороге ехать невозможно. Дорога состояла из кочек и ям с водой. Чтобы пройти 30 верст, люди тратили не менее десяти часов. Здесь можно было ездить или верхом, или используя волокуши. Волокушами назывался самый патриархальный экипаж. Две длинные жерди соединялись посередине перекладинами, в передние концы запрягалась лошадь, а задние волоклись по земле. Кучер сидел верхом на лошади. На волокушах возили незначительный груз, привязывая его к перекладинам. Для людей к перекладинам приделывали беседку. Но на них возили только больных, «да разве усядется старушка, едущая в гости в тайгу» [36. С. 303].

Р. Андрэ, описывавший путешествие А. Мичи, старался быть объективным в оценках сибирских дорог. Он нашел и положительные стороны. Так, он отметил, что дорога между озером Байкал и Иркутском была в очень хорошем состоянии [28. С. 70]. Кроме того, он сравнил состояние дорог в трех сибирских губерниях – Томской, Енисейской и Иркутской. Автор обратил внимание на то, что в Енисейской губернии дороги были лучше, чем в Иркутской: они покрывались щебенкой, вдоль дорог были сделаны боковые канавы, чтобы они оставались сухими. Однако мостов на пути не хватало и там. Однажды Мичи пришлось прождать ночью несколько часов на берегу реки Кан, прежде чем заснувшие на другом берегу паромщики переправили тарантасы [28. С. 85–86]. «А вот в Томской губернии все уже иначе, так как дороги там – это самый непроходимый участок всей (этой) территории, и из-за частой езды они совершенно разбиты. В сырые осенние месяцы вся дорога превращается в кашу из грязи, в которой колеса тяжело нагруженных повозок оставляют за собой глубокие борозды. И вот наступают морозы, и оставшиеся в грязи «горы и доли» замерзают, и дорога остается на всю зиму непроезжей. Тогда повозки съезжают с дороги направо и налево или ждут, пока не выпадет приличное количество снега и не сгладит искусственные горы и доли; из-за этого и появилась пословица о том, что «“между осенью и снегом” дорог в Томской губернии нет» (здесь и далее перевод наш. – В.М., А.М.) [28. С. 86].

По прошествии четверти века со времени опубликования книги Р. Андрэ о путешествии А. Мичи мало что изменилось. Факты, приведенные в его книге, подтверждаются словами А.П. Чехова, ехавшего по Сибири в мае 1890 г.: «Представьте вы себе широкую просеку, вдоль которой тянется насыпь в сажени (1 сажень = 2,1336 м) четыре ширины, из глины и мусора, – это и есть тракт. Если глядеть на эту насыпь сбоку, то кажется, что из земли, как в открытой музыкальной шкатулке, выдается большой органнй вал. По обе стороны его канавы. Вдоль вала тянутся колеи, глубиной в пол-аршина (1 аршин = 71,12 см) и более, эти перерезываются множеством поперечных, и, таким образом, весь вал представляет из себя ряд горных цепей, среди которых есть свои Казбеки и Эльбрусы... То правые колеса погружаются в глубокую колею, а левые стоят на вершинах гор, то два колеса увязли в грязи, третье на вершине, а четвертое болтается в воздухе... Тысячи положений принимает коляска, вы же в это время хватаете себя то за голову, то за бока, кланяетесь во все стороны и прикусываете себе язык, а ваши чемоданы и ящики бунтуют и громоздятся друг на друга и на вас самих...» [33. С. 30–32].

О таком же состоянии дорог в Томской губернии свидетельствуют и архивные материалы. Так, сохранились копии жалоб, записанных на Воронихинской и Халдеевской почтовых станциях 13 и 16 июля 1896 г.: «Насколько прекрасны, почти близки к шоссевым дороги по Иркутской и Енисейской губерниям, настолько же безобразны по Томской губернии, в особенности на переходах от Мариинска до Томска. Говорят, что дороги по Иркутской губернии исправ-

ляются натуральной повинностью, а по Томской и крестьяне, и возчики обложены довольно солидной податью на этот предмет. Куда же расходуются собранные суммы? (подписал Агафонов)» [37. Л. 91]. «Почтовый тракт от Мариинска до Томска находится в самом, так сказать, свинском положении. Есть деньги, есть инженеры, а дорога скверна, почему это? (подписал барон Хруль)» [38. Л. 92]. «Енисейская губерния уже худа, а о Томской говорить нечего. Начиная с Мариинска “прелести” тракта доходят до таких ужасных размеров, что я даже затрудняюсь подыскать подходящее слово. Такого тракта тоже нет нигде, вероятно... Нет никакого средства обуздать дерзость обозных ямщиков. Едут как Бог на душу положит или куда глаза глядят. И при встрече или перегоняя их так измучаешься... Нередко рискуешь получить на просьбу задержать телегу ряд ругательных грубостей (подписал сын кяхтинского купца потомственный почетный гражданин Лушников)» [39. Л. 93–95об.]. Отмечалось также, что тракт в районе Мариинской конторы (между станциями Почитанка и Красная Речка) на всем протяжении был сплошь усеян глубокими выбоинами (в некоторых местах выше колес), особенно при проезде в деревню Тюменеву [40. Л. 135]. Таким образом, в 1896 г. тракты от Мариинска к Томску нуждались в ремонте. Неоднократно поступали жалобы проезжавших на плохие дороги и грубость ямщиков.

Несколько удивило англичанина А. Мичи то, что такое европейское явление, как жалобная книга, проникло и в Сибирь. Когда он не мог найти в Красноярске лошадей, то ему пришлось прибегнуть к черной жалобной книге. Она лежала в здании станции, прикрепленная цепочкой, в ней имела императорская печать. Один раз в год ее просматривал начальник почты. Правда, со слов путешественника, он рассматривал только жалобы государственных курьеров [28. С. 85]. Однако нельзя сказать, что жалобы проезжавших совсем не учитывались. Томским губернским управлением принимались меры для восстановления почтовых трактов в Мариинском, Каинском, Томском и некоторых других округах. Так, в архивных материалах есть указания на то, что к началу 1899 г. многие дороги были исправлены и восстановлены [41. Л. 1, 2, 8, 11, 16, 55, 58, 107]. Трудности восстановления дорог были еще связаны с тем, что почтовые тракты в Сибири поддерживались в исправном состоянии натуральной дорожной повинностью крестьян. Эта повинность ложилась на них тяжелым бременем и составляла одно из крупнейших зол сибирской деревни. Заведование дорогами находилось в руках местной администрации, мало вникавшей в интересы населения. Сплошь и рядом крестьяне принуждались выходить на исправление дорог в период полевых работ, где для них бесконечно дорог каждый час. Нередко они обязаны были чинить дороги за десятки верст от своих жилищ и терять массу времени на переходы [5. С. 36].

В Восточной Сибири условия путешествия были крайне изменчивы. Так, почтовая дорога от Верхнеудинска до Читы была в превосходном состоянии. Тогда как тракт от Иркутска до Якутска в основном

проходил вдоль реки Лены. Летом и зимой переезд осуществлялся по самой реке, а весной и осенью, а также во время ненастной погоды – берегом на верховых выючных лошадях. Плавание по Лене на небольших почтовых лодках было опасным, особенно в период половодья. Верховой тракт вдоль берега реки также представлял собой одну из сложнейших дорог в Сибири. Путь лежал через горные хребты, ущелья и крутые овраги. На некоторых спусках приходилось и груз, и даже лошадей спускать на веревках. Дорога здесь была в крайне запущенном состоянии. Из-за того что частым явлением были большие половодья, станции устраивались на возвышенных местах, не заливавшихся водой. Однако река постепенно меняла свое русло, поэтому станции, ранее поставленные возле берега, через несколько лет могли оказаться в нескольких верстах от нового течения реки [7. С. 56–57].

Описанные выше обстоятельства обусловили появление некоторых особенностей у *сибирских средств передвижения*, а ямщикам пришлось выработать ряд *навыков*, которые позволяли их обозам перемещаться на большие расстояния зачастую в неблагоприятных природно-климатических условиях. Так, купец Н.М. Чукмалдин отметил, что сибирская зимняя повозка была длиннее русской почтовой кибитки. У повозки были более косые изгибы бортов, она лучше защищала седока от холода и ветра специальным фартуком и козырьком. Кроме того, у нее имелись «отводы», которые эффективнее помогали избежать опрокидывания на бок. Внутри повозка обшивалась киргизской кошмой для защиты от холода [35. С. 169]. В свою очередь, Р. Андрэ подчеркнул, что в Иркутске были очень хорошие дрожки, а «лошадки в них лучше их загнанных сородичей в больших европейских городах» [28. S. 72].

Американец Дж. Кеннан описал тарантас, использовавшийся в летнее время. Он представлял собой большой громоздкий четырехколесный экипаж, напоминавший лодку без сидений, с толстым кожаным верхом и занавеской, которая защищала от дождя. Корпус тарантаса покоился на двух или более крепких жердях, которые соединяли переднюю ось с задней и служили рессорами, смягчавшими силу толчков во время езды по ухабистой дороге. Путешественники обычно помещали багаж на дно тарантаса, накрывали его соломой и одеялами и прислонялись к нему спиной, обложившись подушками. Кучер усаживался с краю, перед пассажирами и правил чetyрьмя вожжами тройкой лошадей [32. С. 108].

По данным Е.Н. Соловьевой, на публичной выставке в Тюмени в 1871 г. за особую чистоту, легкость и прочность получили одобрение скат березовых колес, телега, зимняя повозка, сани, тележный и тарантасный ящики, сделанные крестьянами Тюменского округа. Беговые санки, кошевки, тележки на деревянных и железных осях оковывали, окрашивали, обивали. На обивку зимних экипажей употребляли тюменские ковры. Цена лучших выездных экипажей тюменской оковки достигала 100 руб. Особой известностью пользовались санки-кошевки деревень Молчановой и Салаирки Каменской волости Тюменского округа. В Салаирке изготавливали экипажи, а в Мол-

чановой производили их оковку, покраску и обивку. «Праздничные выезды кошевки с золочеными дугами, тяжелыми бляхами и шлеями вошли в быт сельской буржуазии пригородных и притрактовых районов» [42. С. 275–276].

Как некоторые средства транспорта в Сибири имели свою специфику, так и *приготовление ямщиков к долгому пути* несколько отличались от того, к чему привык европеец второй половины XIX в. Многое зависело от того, как ямщики готовили своих лошадей к длительному пути. В 1865 г. И. Завалишин писал, что сибирская лошадь обычно проходила до ста верст в день с возом. На выкормку лошадей, как правило, не тратилось много времени. На пряжках (станциях) лошадей выпрягали из возов, они пили и отдыхали, а кормились уже во время пути. На каждом возе находилась «кормушка» – ведро с овсом и снегом (зимой) – и «волокушка» (небольшая копна) сена. Летом корм смачивался. Шедшая сзади лошадь ела в пути корм, лежавший на передней телеге или санях. Эти ухищрения применялись для того, чтобы обозы шли быстрее [34. С. 58–59]. Н.М. Чукмалдин отметил существенный факт относительно пищи ямщиков в пути в зимний период – в дороге использовались своеобразные «консервы»: замороженные щи и замороженные пельмени [35. С. 169].

Иностранцы поражались необыкновенной скорости, с которой ездили сибирские ямщики. Расстояние в 1 500 верст между Томском и Тюменью Н.М. Чукмалдин преодолевал за 5,5 суток, а путь в 1 707 верст из Томска в Ирбит А.А. Ауэрбах проделал за 5 суток при средней скорости 20 верст в час [11. С. 203]. Р. Андрэ писал, что «на крутых склонах лошади, нередко запряженные в тяжелые повозки, скачут вихрем вниз, так как тормозные приспособления плохи и несовершенны» [28. S. 82]. В то же время других путешественников, в том числе приезжавших из европейской части России, удивляло, что в Сибири обычно мчали не под гору, а в гору. Так ямщики спасались от грабителей, которым было легче остановить их в логу или овраге. Ямщик в таких случаях обычно кричал: «Грабят!». Ему достаточно было подняться на облучке, как лошади понимали, что от них требуется мчать во весь дух. Лошади этому обучались заранее. Обозы могли представлять собой что-то вроде военного отряда. Объездные всегда имели оружие. Они ездили вокруг обоза, а возчики кричали, аукали, чтобы показать, что не спят [43. С. 35]. Для защиты от разбойников ямщики применяли кистень. В телеге или в санях находились вилы и топор, которые также можно было применять для обороны от «лихих людей». Кроме того, с помощью вил давали корм лошадям, а топор был необходим для ремонта транспортного средства в случае неисправности или поломки [17. С. 142].

В северных районах – между Якутском и Охотском – зимой ездили в повозках и нартах, запряженных оленями, которые сами добывали себе корм, выгребая мох из-под снега. Кроме того, олени, в отличие от лошадей, гораздо легче шли по глубокому снегу. Поэтому не приходилось делать частых остановок. Иногда нарты с почтой тащили ездовые собаки. Почта

от Якутска до Охотска летом доставлялась за 18–26 дней, а зимой быстрее – за 12–16 дней [7. С. 58].

Заслуживают внимания и условия для отдыха на почтовых станциях Сибири. Вот как описывая тракт Тобольск – Березов специалист по истории почты К.В. Базилевич: «В пути, за исключением остяцких юрт, да кое-где редко разбросанных русских деревень, не было никаких других мест, где можно было бы найти приют и переждать буран. Почтари, застигнутые бурей, должны были укрываться в холодных и грязных юртах, греясь около огня, разведенного в чувале (камине). С собою приходилось брать съестные припасы, не исключая хлеба, так как у остяков, не имевших собственной запашки, ничего нельзя было достать» [7. С. 55]. Что касается Восточной Сибири, то англичанин А. Мичи отметил и положительные, и отрицательные стороны своего путешествия. С одной стороны, его приятно поразило живописно раскинувшееся село Усть-Кяхтинское, состоявшее из деревянных домов и одной церквушки. «Вместо полудивилизованной почтовой станции со всеми ее ужасами перед ними предстал новый, чистый и хорошо обустроенный дом» [28. С. 66]. Зато в другом случае отмечено, что после выхода путешественников к Байкалу на следующее утро должен был отходить пароход. Это привело к тому, что почтовый дом, в котором нельзя было получить ни кровать, ни стул, был переполнен людьми, спящими на полу вместе со своим багажом [28. С. 67]. Находясь в другом населенном пункте и описывая похожую ситуацию, путешественник пришел к выводу, что «удаление воздуха» (а вместе с ним и холода) было главным принципом, соблюдавшимся при строительстве таких почтовых домов. Весь день большая печь поддерживала тепло, а ночью тепло давали лежавшие на полу тела, включая начальника почты, его семью, ямщиков и путешественников [28. С. 88]. Подводя итог путешествию

А. Мичи вдоль Сибирского тракта, Р. Андрэ сделал вывод о том, что российские почтовые учреждения сильно отставали от западноевропейских. В то же время автор признавал значимость этого тракта как одного из важнейших торговых путей в мире и вообще единственного значительного в Сибири, к которому сходились остальные дороги. Кроме того, вдоль Сибирского тракта шла телеграфная линия [28. С. 81].

Таким образом, состояние дорог в основном не вызывало восторга у путешественников, проезжавших по сибирским губерниям. Особенно это касалось периодов межсезонья, когда дороги сильно заливало и размывало дождевой или талой водой. Негативные отзывы наших соотечественников о сибирских дорогах в целом сливаются в общем хоре с жалобами иностранных путешественников. Хотя были и исключения, когда и русские проезжавшие, и иностранцы хвалили состояние дорог в отдельных губерниях Сибири, что нашло отражение в архивных делах и в путевых заметках. Зимой скорость передвижения возрастала, поскольку по засыпанным снегом дорогам было легче передвигаться на санях. Однако в период сильных морозов был велик риск замерзнуть на дороге. Из-за более сурового климата и необходимости находиться в пути дольше (в том числе по причине малочисленности почтовых станций), чем в европейской части России, в Сибири необходимо было использовать экипажи, имевшие особенности конструкции, позволявшие им быть более устойчивыми. На успешный исход путешествия влияло и то, как ямщики готовились сами и подготавливали своих лошадей к долгому пути. От них требовались большие физические затраты и выносливость. Сибирские ямщики достигали высокой скорости передвижения с помощью своих лошадей, что удивляло и русских, ехавших из европейской части России, и, тем более, иностранцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога с приложением карты Сибири / Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов. СПб. : Типография Киришбаума, 1893. 309 с.
2. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога с приложением карты Сибири / Департамент торговли и мануфактур. СПб. : [б. и.], 1896. 283 с.
3. Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб. : Издание редакции период. изданий Министерства финансов, 1902. 221 с.
4. Сибирь и Дальний Восток. СПб. : [б. и.], 1907. 125 с.
5. Соболев М.Н. Пути сообщения в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды : сб. статей / под ред. И.С. Мельника. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 24–36.
6. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия Института исследования Сибири. Томск, 1921. № 6.
7. Базилевич К.В. Почта в России в XIX веке. М. : Связь, 1927. Ч. 1, 2. 176 с.
8. Виташевская А.М. Старинная русская почта. М. : Связьиздат, 1969. 80 с.
9. Казимиров В.Н. Великий Сибирский путь. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 144 с.
10. Вигилев А.Н. История отечественной почты. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Радио и связь, 1990. 312 с.
11. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск : Водолей, 1996. 320 с.
12. Бойко В.П. Роль Московско-Сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 45–48.
13. Катионов О.Н. Роль Московско-Сибирского тракта в развитии грузоперевозок в XIX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. материалов конф. / под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. С. 204–211.
14. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. 567 с.
15. Морев В.А. Извоз и почтовая гоньба – градообразующие факторы Томска // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) // Труды Томского государственного университета. Серия историческая. Томск : Изд-во Томского университета, 2005. С. 51–53.
16. Морев В.А. Гужевая перевозка почты в Томской губернии в первой половине 1920-х гг. // XX век в истории России: актуальные проблемы : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : РИО ПГСХА, 2007. С. 107–109.
17. Морев В.А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 140–145.
18. Завьялов А.А., Модоров Н.С. Из истории почтовых трактов Алтайского округа в конце XIX – начале XX века // Мир Евразии. 2012. № 2–4 (17–19). С. 78–83.

19. История дорожного дела в Томской области / Б.К. Андрищенко, В.А. Бузанова, В.П. Зиновьев, В.Г. Зыкова, П.С. Коновалов ; под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 284 с.
20. Яковлев Я.А., Рассамыхин Ю.К. Рассказы о томской почте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 780 с.
21. Дегальцева Е.А. Холод как метафора Сибири (на примере репрезентаций XIX века) // Российский гуманитарный журнал. 2012. Т. 1, № 1. С. 84–94.
22. Родигина Н.Н., Ледовских А.Ю. «Зависть к “этому русскому”, которому Господь отдал всю такую прекрасную страну»: компаративный анализ репрезентаций Сибири в путевых заметках иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 98–105.
23. Новикова Е.Г. Образ Сибири в контексте кругосветных путешествий русских писателей второй половины XIX века: «чужое» и «свое» // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы IV Междунар. науч. конф. (09–12 сентября 2014 г.) / под ред. П.В. Алексеева. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014. С. 166–173.
24. Morev V.A., Moreva A.V. Russian Nationally-biased Units in the Sphere of Transportation in German Travel Notes of the XIX Century // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 200. P. 324–329.
25. Почеревин Е.В. Обязанности содержателя земской станции в Алтайском округе в начале XX в. // Омские социально-гуманитарные чтения–2016 : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (19–21 апреля 2016 г.) / Министерство образования Омской области; Омское отделение Российского общества социологов; Омский государственный технический университет. Омск : Омский гос. техн. ун-т, 2016. С. 280–285.
26. Затесова О.М. Придорожный сервис на сибирских трактах // Индустрия туризма и гостеприимства в контексте межкультурной коммуникации : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию ДВГУПС и 15-летию кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» (02–04 марта 2018 г.) / под ред. В.А. Чернова. Хабаровск : Дальневост. гос. ун-т путей сообщения, 2018. С. 41–46.
27. Скрыбина Л.А. К истории Московско-Сибирского почтового тракта на территории современной Кемеровской области // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 7. С. 55–69.
28. Andree R. Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung. Reisen in Theilen der Mongolei, den angrenzenden Gegenden Ostsibiriens, am Amur und seinen Nebenflüssen. Nach den neuesten Berichten, vornehmlich nach Aufzeichnungen von A. Michie, G. Radde, R. Maack u. A. Leipzig : Verlag von Otto Spamer, 1867. 268 S.
29. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи с прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. / пер. с нем. П. Ольхина. СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868. 352 с.
30. The Siberian Overland Route From Peking To Petersburg, Through The Deserts And Steppes Of Mongolia, Tartary, etc. By Alexander Michie. London : John Murray, Albemarle Street, 1864. 450 p.
31. Кеннан Д. Сибирь! СПб. : [б. и.], 1906. 398 с.
32. Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). СПб. : Русско-Балтийский инф. центр БЛИЦ, 1999. Т. 1. 392 с.
33. Чехов А.П. Из Сибири // Сочинения. М. : Наука, 1987. Т. 14–15. С. 5–38.
34. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Томская губерния. М. : Изд. общества распространения полезных книг, 1865. Т. 2. 277 с.
35. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М. : [б. и.], 1902. 198 с.
36. Потанин Г.Н. Очерк XIII. Северные предгорья Алтая. II – Ближняя тайга // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении / под общ. ред. П.П. Семенова. Т. 11: Западная Сибирь. СПб. ; М. : Издание товарищества М.О. Вольф, 1884. С. 303–312.
37. Копия с жалобы, записанной на Халдеевской почтовой станции проезжающим г. Агафоновым 16 июля 1896 г. // Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 41. Д. 351.
38. Копия с жалобы, записанной на Халдеевской почтовой станции проезжающим г. Хрулем 16 июля 1896 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 351.
39. Копия с жалобы, записанной на Воронихинской почтовой станции проезжающим г. Лушниковым 13 июля 1896 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 351.
40. О состоянии почтового тракта между станциями в районе Мариинской конторы // ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 351.
41. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1376.
42. Соловьева Е.Н. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск : Наука, 1981. 329 с.
43. Катионов О.Н. Трудовые традиции в извозном промысле крестьян Сибири во второй половине XIX века // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конца XVIII – начала XX в.) : сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1982. С. 24–43.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2021 г.

“ ‘There Are No Roads Between Autumn and Snow’ in Tomsk Province”: Roads, Means of Transport, and Features of Travel in Siberia in the Second Half of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 146–153.

DOI: 10.17223/15617793/468/16

Vladimir A. Morev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: morevv@sibmail.com

Anastasiya V. Moreva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stasija@mail.ru

Keywords: Siberia; Siberian Route (Moscow Highway); travelers; travel notes; coachmen; horse-drawn transport; postal stations; roads.

The article examines the condition of roads in Siberia in the second half of the 19th century, identifies the related characteristics of the Siberian land vehicles and skills of coachmen obtained in the harsh climatic conditions, with enormous distances between stations and the need to spend long hours in transit. The sources for this article are travel notes and memoirs written at the end of trips. The work of the German geographer and ethnographer R. Andre, travel notes of the American J. Kennan deserve special attention. Among the works of domestic authors who passed through Siberia in the middle or at the end of the 19th century, the notes of the writer A.P. Chekhov, and of the merchants I. Zavalishin and N. Chukmaldin deserve attention. Documents of the State Archive of Tomsk Oblast (GATO), which contain information about the state of communication routes in Tomsk Province, are attracted for a more complete picture. Thus, the documents of the Fund “Tomsk Provincial Administration (1823–1916)” allow, in particular, tracking the passing travelers’ reaction to the unsatisfactory condition of roads in Tomsk Province at the end of the 19th century. This article aims to summarize the facts that relate to the state of Siberian roads, land vehicles, skills of Siberian coachmen, as well as to identify the features of travel in Siberia in the second half of the 19th century. In the course of the study, the authors come to the following conclusions. The condition of roads generally did not satisfy people traveling through Siberian provinces. This was especially true during the off-season when the roads were heavily flooded and washed away by rain or meltwater. Our compatriots’ negative comments on Siberian roads in general merge into the common chorus of complaints by foreign travelers. Although there were

exceptions when both Russian travelers and foreigners praised the state of the roads in some provinces of Siberia, which was reflected in the archives and travel notes. In winter, the moving speed increased because the snow-covered roads were easier to move along on a sled. However, during severe frosts, there was a great risk of freezing on the road. Because of the harsher climate and the need to stay on the road longer than in the European part of Russia, it was necessary to use vehicles with design features that made them more stable in Siberia. The preparations of the coachmen and the coachmen's preparation of their horses for a long journey influenced its successful outcome. Coachmen had large energy expenditure and were to have endurance. Siberian coachmen maintained a high moving speed with the help of their horses. This fact surprised both Russians coming from the European part of Russia and, especially, foreigners.

REFERENCES

1. Department of Trade and Manufactures of the Russian Empire. (1893) *Sibir' i Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga s prilozheniem karty Sibiri* [Siberia and the Great Siberian Railway with a Map of Siberia Attached]. Saint Petersburg: Tipografiya Kirshbauma.
2. Department of Trade and Manufactures of the Russian Empire. (1896) *Sibir' i Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga s prilozheniem karty Sibiri* [Siberia and the Great Siberian Railway with a Map of Siberia]. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Ministry of Finance. (1902) *Sibir' pod vliyaniem rel'sovogo puti* [Siberia under the Influence of the Rail Track]. Saint Petersburg: Izdanie redaktsii period. izdaniy Ministerstva finansov.
4. Anon. (1907) *Sibir' i Dal'niy Vostok* [Siberia and the Far East]. Saint Petersburg: [s.n.].
5. Sobolev, M.N. (1908) Puti soobshcheniya v Sibiri [Ways of communication in Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, Its Current State and Needs]. Saint Petersburg: Izdanie A.F. Devriena. pp. 24–36.
6. Grigor'ev, A. D. (1921) *Ustroystvo i zaselenie Moskovskogo trakta v Sibiri s tochki zreniya izucheniya russkikh govorov* [The Arrangement and Settlement of the Moscow Tract in Siberia from the Point of View of the Study of Russian Dialects]. Vol. 6. Tomsk: Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri.
7. Bazilevich, K.V. (1927) *Pochta v Rossii v XIX veke* [Mail in Russia in the 19th Century]. Vols 1–2. Moscow: Svyaz'.
8. Vitashevskaya, A.M. (1969) *Starinnaya russkaya pochta* [Old Russian Mail]. Moscow: Svyaz'izdat.
9. Kazimirov, V.N. (1984) *Velikiy Sibirskiy put'* [The Great Siberian Way]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Vigilev, A.N. (1990) *Istoriya otechestvennoy pochty* [History of Domestic Mail]. 2nd ed. Moscow: Radio i svyaz'.
11. Boyko, V.P. (1996) *Tomskoe kupechestvo v kontse XVIII–XX vv. Iz istorii formirovaniya sibirskoy burzhuzii* [Tomsk Merchants at the End of the 18th – 20th Centuries. From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk: Vodoley.
12. Boyko, V.P. (2012) The role of Moscow-Siberian tract in economic and cultural development of Siberia in the 19th century *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – Tomsk State University Journal of History*. 2 (18). pp. 45–48. (In Russian).
13. Kationov, O.N. (2003) Rol' Moskovsko-Sibirskogo trakta v razvitii gruzoperevozok v XIX v. [The role of the Moscow-Siberian tract in the development of cargo transportation in the 19th century]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.* [Siberian Society in the Context of Modernization of the 18th – 20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 204–211.
14. Kationov, O.N. (2004) *Moskovsko-Sibirskiy trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv.* [Moscow-Siberian Tract and Its Inhabitants in the 17th – 19th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
15. Morev, V.A. (2005) Izvoz i pochtovaya gon'ba – gradoobrazuyushchie faktory Tomsk [Carriage and postal chase are the city-forming factors of Tomsk]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaya*. 267. pp. 51–53.
16. Morev, V.A. (2007) Guzhevaya perevozka pochty v Tomskoy gubernii v pervoy polovine 1920-kh gg. [Animal-powered transportation of mail in the Tomsk province in the first half of the 1920s]. In: Zhiromskaya, V.B. & Morozov, S.D. (eds) *XX vek v istorii Rossii: aktual'nye problemy* [20th Century in the History of Russia: Topical problems]. Penza: RIO PGSKhA. pp. 107–109.
17. Morev, V.A. (2011) The postal technology and the peculiarities of post and goods transportation in Siberia in the 19th – at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – Tomsk State University Journal of History*. 3 (15). pp. 140–145. (In Russian).
18. Zav'yalov, A.A. & Modorov, N.S. (2012) History of postroads of Altai district in late 19th – early 20th century. *Mir Evrazii*. 2–4 (17–19). pp. 78–83. (In Russian).
19. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1999) *Istoriya dorozhnogo dela v Tomskoy oblasti* [History of the Road Business in the Tomsk Region]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Yakovlev, Ya.A. & Rassamakhin, Yu.K. (2003) *Rasskazy o tomskoy pochte* [Stories about the Tomsk Post]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Degal'tseva, E.A. (2012) Cold as metaphor of Siberia (19th century representations). *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Liberal Arts in Russia*. 1 (1). pp. 84–94. (In Russian).
22. Rodigina, N.N. & Ledovskikh, A.Yu. (2012) “The envy to “this Russian” whom the Lord gave all this beautiful country”: the comparative analysis of representations of Siberia in the foreign travellers' travelogs in the second half of 19th – the beginning of 20th centuries. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 1. pp. 98–105. (In Russian).
23. Novikova, E.G. (2014) [The image of Siberia in the context of the round-the-world travels of Russian writers of the second half of the 19th century: “alien” and “own”]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of the Local Text]. Proceedings of the 4th International Conference. Gorno-Altai. 9–12 September 2014. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University. pp. 166–173. (In Russian).
24. Morev, V.A. & Moreva, A.V. (2015) Russian Nationally-biased Units in the Sphere of Transportation in German Travel Notes of the XIX Century. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 324–329. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.08.073
25. Pocherevin, E.V. (2016) [Duties of the manager of a zemstvo station in the Altai District at the beginning of the 20th century]. *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya–2016* [Omsk Social and Humanitarian Readings – 2016]. Proceedings of the 9th International Conference. Omsk. 19–21 April 2016. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 280–285. (In Russian).
26. Zatesova, O.M. (2018) [Roadside service on Siberian highways]. *Industriya turizma i gostepriimstva v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Tourism and Hospitality Industry in the Context of Intercultural Communication]. Proceedings of the 5th All-Russian Conference. Khabarovsk. 2–4 March 2018. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University. pp. 41–46. (In Russian).
27. Skryabina, L.A. (2018) The history of Moscow-Siberia postal route on the territory of modern Kemerovo region. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya Pisanitsa”*. 7. pp. 55–69. (In Russian).
28. Andree, R. (1867) *Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung. Reisen in Theilen der Mongolei, den angrenzenden Gegenden Ostsibiriens, am Amur und seinen Nebenflüssen*. Leipzig: Verlag von Otto Spamer.
29. Michie, A. et al. (1868) *Puteshestvie po Amuru i Vostochnoy Sibiri A. Michi s pribavleniem statey iz puteshestviy G. Radde, R. Maaka i dr.* [Travel across the Amur and Eastern Siberia of A. Michie with the addition of articles from the travels of G. Radde, R. Maack and others]. Translated from German by P. Ol'khin. Saint Petersburg; Moscow: Izd. knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa.
30. Michie, A. (1864) *The Siberian Overland Route from Peking to Petersburg, through the Deserts and Steppes of Mongolia, Tartary, etc.* London: John Murray, Albemarle Street.
31. Kennan, D. (1906) *Sibir'!* [Siberia!] Saint Petersburg: [s.n.].

32. Kennan, D. (1999) *Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885–1886 gg.)* [Siberia and Exile. Travel notes (1885–1886)]. Vol. 1. Saint Petersburg: Russko-Baltiyskiy inf. tsentr BLITs.
33. Chekhov, A.P. (1987) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Nauka. Vols 14–15. pp. 5–38.
34. Zavalishin, I.I. (1865) *Opisanie Zapadnoy Sibiri. Tomskaya guberniya* [Description of Western Siberia. Tomsk province]. Vol. 2. Moscow: Izd. obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig.
35. Chukmaldin, N.M. (1902) *Zapiski o moyey zhizni* [Notes about My Life]. Moscow: [s.n.].
36. Potanin, G.N. (1884) Ocherk XIII. Severnye predgor'ya Altaya. II – Blizhnaya tayga [Essay 13. Northern foothills of Altai. II – Near Taiga]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom otmoshenii* [Picturesque Russia. Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday life]. Vol. 11. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f. pp. 303–312.
37. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 41. File 351. Anon. (1896) *Kopiya s zhaloby, zapisannoy na Khaldeevskoy pochtovoy stantsii proezhayushchim g. Agafonovym 16 iyulya 1896 g.* [A copy of the complaint recorded at the Khaldeev post station by a passing Mr. Agafonov on 16 July 1896].
38. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 41. File 351. Anon. (1896) *Kopiya s zhaloby, zapisannoy na Khaldeevskoy pochtovoy stantsii proezhayushchim g. Khrulem 16 iyulya 1896 g.* [A copy of the complaint recorded at the Khaldeev post station by a passing Mr. Khrul on 16 July 1896].
39. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 41. File 351. Anon. (1896) *Kopiya s zhaloby, zapisannoy na Voronikhinskoy pochtovoy stantsii proezhayushchim g. Lushnikovym 13 iyulya 1896 g.* [A copy of the complaint recorded at the Voronikhino post station by a passing Mr. Lushnikov on 13 July 1896].
40. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 41. File 351. Anon. (n.d.) *O sostoyanii pochtovogo trakta mezhd stantsiyami v rayone Mariinskoy kontory* [On the state of the postal route between stations in the area of the Mariinsk office].
41. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 19. File 1376. (In Russian).
42. Solov'eva, E.N. (1981) *Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformenny period* [Trades of the Siberian Peasantry in the Post-Reform Period]. Novosibirsk: Nauka.
43. Kationov, O.N. (1982) *Trudovye traditsii v izvoznom promysle krest'yan Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Labor traditions in the transport industry of Siberian peasants in the second half of the 19th century]. In: *Trudovye traditsii sibirskogo krest'yanstva (kontsa XVIII – nachala XX v.)* [Labor traditions of the Siberian peasantry (late 18th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. pp. 24–43.

Received: 15 March 2021

А.В. Печерин

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ РЕПРЕССИРОВАННОГО СВЯЩЕННИКА АНАТОЛИЯ МАСЛЕННИКОВА (1891–1921)

На основании широкого круга источников предпринята попытка составления биографии Анатолия Александровича Масленникова, священнослужителя с. Заводо-Успенского Тобольской губернии (ныне – Екатеринбургской митрополии), расстрелянного в Томске в мае 1921 г. по обвинению в принадлежности к белогвардейской организации. А. Масленников был канонизирован Русской православной церковью за рубежом в 1981 г., в 1994 г. реабилитирован как невинно осужденный.

Ключевые слова: Анатолий Масленников; Гражданская война; полковое священство; Тобольская епархия; репрессии.

До последнего времени о священнике Анатолии Масленникове, репрессированном в 1920 г. и канонизированном Русской православной церковью за рубежом в 1981 г., было известно очень немного. В книгу Михаила Польского «Новые мученики Российские», изданную в Джорданвилле (США), помещена одна строка: «Священник о. Анатолий Масленников, Успен[ский] зав[од] Тюмен[ского] уез[да], расстрелян в Томске в 1921 г.» [1. С. 212]. Источник информации не указан. В 2004 г. в книге, посвященной истории церковных репрессий в Томской области, содержатся следующие сведения: «Масленников Анатолий Александрович, священник. Родился в 1891 г. Проживал в дер. Батурино Спасской вол. Томского уезда. Арестован в 1920 г. Расстрелян» [2. С. 241]. В «Открытой православной энциклопедии», кроме перечисленного, помещены извлеченные из «Тобольских епархиальных ведомостей» сведения об обучении священника в Тобольской семинарии, а также даты дьяконской и пресвитерской хиротоний, указан год начала служения полковым священником в армии Колчака (1919), вновь приведена ошибочная дата расстрела [3]. В Книге памяти репрессированных, изданной в Томске, дополнительно указан факт реабилитации священника в 1994 г. [4]. Духовенству с. Заводо-Успенского (Тугулымский р-н Свердловской области), собиравшему с 1990-х гг. свидетельства о новомученике, из неустановленных источников было известно (в дополнение к вышеизложенному), что Анатолий Масленников служил полковым священником в белой армии в 1918 г., на что получил благословение от епископа Тобольского Ермогена, и то, что он был расстрелян красными «за монархизм».

Для реконструкции жизненного пути священника в настоящем исследовании использовались «Тобольские епархиальные ведомости» и метрические книги с. Заводо-Успенского с 1914 по 1918 г. [5, 6]. В Государственном архиве г. Тобольска были обнаружены клировые ведомости Заводо-Успенского прихода за 1914 г., содержащие краткую биографию священника [7]. Обстоятельства и причины ареста и расстрела священника изложены в справке, составленной УФСБ по Томской области на основании следственного дела, хранящегося в ведомственном архиве [8]. Наконец, крайне ценные сведения были получены от родной правнучки священномученика Екатерины Симпсон, ныне проживающей в Великобритании (воспоминания ее бабушки Виктории Анатольевны, в

девичестве Масленниковой, семейные фотографии Масленниковых и Карташевых, копии документов).

Анатолий Масленников в семинарском кителе.
Личный архив Е. Симпсон

Анатолий Александрович Масленников родился 17 (30) ноября 1891 г. [7. Л. 260; 9]. По воспоминаниям Виктории Анатольевны Масленниковой (переданым внучке Екатерине Симпсон), он был старшим ребенком в семье. Отметим, что его фамилия не характерна для духовенства Тобольской епархии. Известно, что его отец служил чиновником, по всей видимости, занимая одну из низших чиновничьих должностей (в списках чиновников, опубликованных в адрес-календарях Тобольской губернии, он не значится). Семья Масленниковых происходила, скорее всего, из южной части Тобольской губернии. Об этом свидетельствует и то, что сын был отдан на обучение в Курганское духовное училище, и то, что служивший в Тобольской епархии псаломщик Михаил Александрович Масленников (по всей видимости, родной брат Анатолия) родом из Омской епархии [10. Л. 496 об.–497 об.], а дочь титулярного советника девица Мария Николаевна Масленникова, продавщица казенной винной лавки, в с. Заводо-Успенском в начале XX в. (по свидетельству Л.Г. Рыбаковой, родная тетя по отцу) обучалась в Ишимской прогимназии [11. Л. 3, 5 об.–6, 9 об.]. Поскольку Анатолий после семинарии поступил в ветеринарный институт, можно выдвинуть

вольное предположение, что его отец был связан с ветеринарией.

В 1901 г. в Кургане было открыто духовное училище, и Анатолий стал одним из первых обучающихся. Учеба в духовном училище, а затем в семинарии позволяла молодым людям из малообеспеченных семей низших чиновнических классов получить относительно недорогое образование, которое давало возможность впоследствии поступить в светский институт. Также следует отметить, что родители, выбравшие духовное училище для ребенка, были, скорее всего, людьми верующими и церковными: родная тетка со стороны матери была матушкой священника, да и Анатолий оказался не единственным сыном в семье, избравшим церковную стезю. Учеба в духовном училище давалась ему нелегко. Срок обучения в училищах составлял четыре года, и после окончания желавшие продолжать обучение поступали в семинарию. Вместо четырех лет юноша проучился шесть лет. Списки Курганского училища сохранились только за 1903/04 и 1904/05 учебные годы. В первом из них Анатолий не значится. Согласно же второму в то время он учился в третьем классе духовного училища [12. С. 302]. Из этого можно сделать вывод, что юноша либо поступил сразу в третий класс, либо весь 1903/04 учебный год находился в академическом отпуске. Можно также предположить, что в дальнейшем он оставался в училище на второй год, поскольку окончил его не в 1906 г., а годом позже. По воспоминаниям В.А. Масленниковой, в это время юноша остался сиротой: и отец, и мать скоропостижно скончались (время их кончины, обстоятельства и причины смерти остаются неизвестными). Можно предположить, что именно со смертью родителей было связано оставление его на второй год. После смерти родителей Анатолий проживал у родной тети по отцовской линии Анны Николаевны, бывшей замужем за священником Стефаном Евгеньевичем Унжаковым [13. С. 61–62]. Последний служил в с. Заводо-Успенском Тюменского уезда – на том месте, которое в дальнейшем досталось племяннику [14. С. 44–45].

Летом 1907 г., по окончании Курганского училища, Анатолий отправился в губернский город Тобольск для поступления в духовную семинарию. В Тобольской семинарии способности к учебе и таланты юноши раскрылись. Первые четыре курса были окончены по второму разряду, но при этом Анатолий ни разу не оставался на переэкзаменовку [15. С. 127; 16. С. 277; 17. С. 150; 18. С. 166; 19. С. 168]. С пятого курса он смог войти в число учеников первого разряда [20. С. 149] и 15 июня 1913 г. окончил семинарию «со званием студента» [21. С. 237], которое присваивалось только отучившимся на «хорошо» и «отлично» и было пожизненным.

После окончания семинарии в 1913 г. юноша успешно поступил в Казанский ветеринарный институт, и 21 августа был зачислен в число его воспитанников. Однако в это время он стоял перед выбором: продолжить церковную жизнь или посвятить себя ветеринарии, и, не проучившись и двух месяцев, 17 октября 1913 г. оставил учебу [7. Л. 260 об.]. Вскоре Анатолий женился. С заключением брака при-

шлось поспешить, так как приближался Рождественский пост. В метрической книге Знаменской церкви г. Тюмени об этом событии осталась следующая запись: «1913 год, ноябрь 10. Жених – студент Тобольской духовной семинарии Анатолий Александров, православный, первым браком, 21 год. Невеста – крестьянская дочь, Пермской губернии, Екатеринбургского уезда, Полевской волости, Нина (внебрачная) Матвеева, православная, первым браком, 20 лет» [22. Л. 19 об.–20]. В дальнейшем во всех документах у Нины отчество указано как Константиновна. В числе поручителей был упоминавшийся ранее Михаил Александров Масленников, псаломщик села Ново-Заимского Богородице-Знаменской церкви Ялуторовского уезда. Известно, что в 1911 г., после окончания школы псаломщиков, он поступил на службу в духовное ведомство [23. С. 39], а в 1918 г., находясь на должности псаломщика, получил за добросовестное служение патриаршую грамоту [24. С. 149].

По свидетельству родственников, мать Нины считалась женой Константина Кокушкина, и дочь знали под этой фамилией. После смерти матери от туберкулеза девочку с тремя братьями и сестрой взяла к себе на воспитание бездетная тетя Елизавета Карташева (в воспоминаниях Е. Симпсон отчество Елизаветы – Егоровна, однако в подписи на фото указано иное – Александровна), проживавшая в г. Тюмени. Ее муж Михаил Яковлевич Карташев являлся гласным городской думы и казначеем городской управы. В Тюмени Нина училась в женской гимназии.

Иерей Анатолий Масленников с супругой и дочерью.
Предположительно конец 1915 г.
Личный архив Е. Симпсон

По всей видимости, Карташевы приняли участие в соединении новой пары. И юноша и девушка были сиротами, но воспитывались достойными людьми. Несмотря на незнатное происхождение, невеста, будучи падчерицей казначея уездной управы, имела не-

плохое приданое, была образована, отличалась привлекательной внешностью. В клировой ведомости супружеская пара охарактеризована так: сам «поведения весьма хорошего, жена скромная» [7. Л. 263]. По фотографиям легко представить Анатолия добрым и веселым человеком. Так, на фото, подаренном другу, он оставил надпись: «Новому папашке от Анатолия Масленникова». Также, судя по надписям, он любил общаться с родственниками Кокушкиными и Карташевыми: Елизавету Александровну, например, назвал в письме «богодарованной мамашей» [25], с нежностью и гордостью относился к дочке.

1 января 1914 г. 22-летний выпускник семинарии (в звании студента) Анатолий Масленников, согласно прошению, был назначен на священническую вакансию в приход Успения Божией Матери с. Заводо-Успенского Тюменского уезда (ныне в Свердловской области). Рукоположение совершил прибывший на Тобольскую кафедру архиепископ Варнава (Накропин). А.А. Масленников стал одним из первых, кто был рукоположен в сан новым архиепископом. Рукоположение в дьякона состоялось 24 декабря (ст. ст.) в кафедральном соборе г. Тобольска, там же 29 декабря состоялось рукоположение в священника [26. С. 22, 41–42].

В Тобольском архиве сохранилась клировая ведомость за 1914 г., отражающая состояние прихода на момент появления в нем нового священника. Церковь в селе была каменной, одноэтажной, освящена в 1835 г. В ней имелось два престола: летний Успенский и зимний, освященный в честь святителя Иоанна Златоуста. К приходу были приписаны 4 деревни с общей численностью населения в две тысячи человек. Имелись и старообрядцы-беспоповцы: 31 двор и 165 человек. В селе (с 1852 г.) и в деревне Цепошниковой (с 1911 г.) действовали школы на 100 и 25 учащихся соответственно, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения. В обеих школах о. Анатолий был поставлен преподавать Закон Божий. На сельском кладбище имелась часовня в честь пророка Божия Илии, построенная на церковные деньги в 1863 г. Приход в с. Заводо-Успенском являлся штатным, в нем полагалось иметь священника, дьякона и псаломщика [7. Л. 260–265; 27. С. 168]. Документов о служении о. Анатолия на приходе обнаружено мало. Оно началось накануне великих потрясений, приведших к исчезновению Российской империи. Многие пастыри трезво оценивали ситуацию у себя в приходах и искали способы ее исправления. Во втором благочинии Тюменского уезда, где служил о. Анатолий, в 1916 г. прошло открытое обсуждение возможности оживления приходской жизни. Перед духовенством был зачитан доклад священника Кроныда Олерского. В докладе отмечалось, что возрождение приходской жизни должно начинаться лично с каждого священника, современное же духовенство занимается только требоисполнительством. Настоятелям рекомендовалось формировать приходские советы. Был сформирован такой совет и в с. Заводо-Успенском. Помощниками о. Анатолия явились местные крестьяне, ставшие членами церковно-приходского попечительства (председателем которого

в 1914 г. был избран священник): Петр Константинов, Петр Ушаков, Владимир Лихачев и Петр Курягин [28. С. 403]. Старостой при церкви в первые годы служения батюшки состоял крестьянин Павел Петров(ич) Федосеев. Благодаря их помощи в южном Иоанно-Златоустовском приделе был устроен новый иконостас, деньги на который начали собирать до прихода о. Анатолия, при церкви была устроена библиотека из 200 книг [7. Л. 264 об, 261 об.].

В докладе также отмечалось, что первыми помощниками в возрождении приходской жизни должны стать второй священник и псаломщик. Псаломщик Иаков Симеонов Шмелев был примерно одного возраста с о. Анатолием (1887 г. р.) и служил в этом храме с 17 лет. На место дьякона при храме для борьбы с расколом и помощи настоятелю в окормлении прихода был принят (по-видимому, не без ходатайства о. Анатолия) единоверческий священник, бывший настоятель единоверческой церкви с. Крутиховского о. Василий Никифорович Можжев (1885 г. р.) [29. С. 191]. Последний впоследствии будет расстрелян в 1937 г. [30].

Одним из важных дел приходского служения, на которое обращали внимание в благочинии, было церковное пение, «совместное пение народом отдельных песнопений и вознесение священником совершения богослужения на должную высоту, без изменения при этом его сути и без внесения в него поправок». Примечательно, что в посвященном этому вопросу докладе, который был опубликован в «Тобольских епархиальных ведомостях» [31. С. 691–701], подпись о. Анатолия стояла второй, далее следовали подписи остальных священников благочиния. Возможно, это означает степень его участия в подготовке доклада.

Всего в Заводоуспенском приходе священник прослужил чуть больше четырех с половиной лет. Первая его роспись в метрической книге прихода была произведена накануне Крещения 5 (18) января 1914 г., последняя – 3 августа 1918 г. При просмотре метрик не было обнаружено ни одной записи, относящейся к рождению или смерти его детей. Однако удалось установить, что у о. Анатолия была дочь Виктория, родившаяся 28 марта 1915 г. и крещенная в Пророко-Илиинской церкви г. Тюмени [32. Л. 26 об.–27]. Очевидно, жена уезжала рожать к родственникам.

Одной из жертв начавшегося в Гражданскую войну террора стал архиерей Гермоген Долганов, арестованный весной 1918 г. в Тобольске и впоследствии утопленный в реке Туре. Следовательно, данные о благословении епископом Гермогеном о. Анатолия на служение в армии Колчака неверны.

В «Тобольских епархиальных ведомостях» за июнь 1919 г. приводятся сведения о переводе священника Анатолия Масленникова (и одного священника из с. Липчинского) в военное ведомство [33. С. 247]. В следственном деле отмечено, что с мая по июнь 1919 г. священник участвовал в работе съезда духовенства в г. Тюмени [9]. Видимо, именно там было принято решение о переходе клирика в штат полкового духовенства белой армии, на что, по всей вероятности, было получено благословение епископа Тобольского Иринарха (Синеокова-Андреевского).

Судя по тому, что с середины августа 1918 г. священник на приходе не служил, благословение было лишь официальным утверждением состоявшегося ранее поступления на военную службу. В следственном деле указывается армейская часть, в которой служил иерей: 16-й Ишимский полк под командованием полковника Н.Н. Казагранди. Последний возглавлял полк до апреля 1919 г., что косвенно подтверждает факт поступления священника в этот полк задолго до июля 1918 г. Судя по боевому пути полка, в конце июля 1918 г. он сражался под Тобольском и Тюменью, а в начале сентября – между Камышловом, Ирбитом и Алапаевском [34]. Проходить через Заводо-Успенское подразделения полка должны были как раз в августе 1918 г., когда записи священника в метрических книгах перестают появляться. По всей видимости, именно в это время иерей Анатолий и поступил на должность полкового священника в эту часть.

О положении полкового духовенства можно получить представление из косвенных источников. Главный священник белой армии и флота протоиерей Алексей Русецкий после посещения расположенных на фронте частей Сибирской армии в апреле 1919 г. высоко оценил деятельность полкового духовенства: «Авторитет полковых священников стоит очень высоко. Полковые священники переносят все тяжести походной жизни наравне с солдатами. Нередко полковые священники совершали переход с котомкой на плечах... Офицеры и солдаты прекрасно понимают, как истинно православные русские люди, какое громадное значение имеет пастырь Православной Русской Церкви для скорбного русского сердца... Все это вызывает у офицеров и солдат любовное и доверчивое отношение к своим пастырям, которые всегда своим примером и живым вдохновенным словом, подобно замученному поляками святителю Гермогену, Патриарху Московскому, зовут и ведут христоролюбивое русское воинство к спасению Москвы и Родины от кощунственного засилья интернационалистов-большевиков» [35. С. 150].

В обязанности армейских священников входили: обязательное чтение утренних и вечерних молитв, посещение мест расположения воинских частей (окопов и казарм) «со словом утешения, мира и любви», как можно более частое ведение бесед с офицерами и солдатами, а также совершение богослужений (всенощных, литургий, молебнов, акафистов), «не стесняясь ни местом, ни временем, ни количеством молящихся» [34. С. 150]. Полковые священники в Белой армии, кроме совершения служб, исправления треб, поддержания религиозности и силы духа солдат, часто привлекались к работе на «идеологическом фронте»: «В борьбе с распространением коммунистической идеологии православное духовенство Сибири задействовало свое влияние на население, использовало религиозные обряды и ритуалы (молитвы, проповеди, крестные ходы, освящение знамен). Высшее церковное управление обязало священников “вести с большевизмом упорную и самоотверженную борьбу, какую ведет с ним наша армия на поле брани”» [35. С. 146]. В газетах, выпущенных как раз в момент прихода о. Анатолия на фронт, печатались, например,

такие обращения духовенства к верующим: «Идя на брань с врагами мира и порядка, мучителями и убийцами невинных и беззащитных людей, воин Христов исполняет именно то, что заповедал нам Христос, то есть величайший подвиг самоотверженной христианской любви, где человек жертвует своей жизнью за спасение своего ближнего. На поле брани павший с верой во Христа воин есть христианский мученик... Церковь, пользуясь данной ей духовной властью, повелевает каждому встать на защиту Веры и Родины... Великий грех – непослушание церкви!» [35. С. 147].

Верховный орган церковной власти в Сибири возглавлял епископ Сильвестр (Ольшанский), также впоследствии пострадавший от большевиков и канонизированный Церковью в лике святых. С октября 1919 г. во главе духовенства Белой армии и флота встал епископ Борис (Шипулин), в прямом подчинении которого находился о. Анатолий. Прежде этот архиерей был преемником на Пермской кафедре известного монархиста Андроника (Никольского). В 1928 г. епископ Борис был осужден за поминовение на панихиде убиенных «Николая и Александра Романовых и воина Александра (Колчака)» [36].

«Формулой выражения национально-государственной идеи для лидеров Белого движения стал лозунг о единой и неделимой России, воплощавший, по их мнению, “пробуждение когда-то мощной, но давно задавленной русской стихии <...>, пробуждение русской народной гордости, русского патриотизма, русской любви к прошлому, русского самосознания”» [35. С. 173]. Однако этот лозунг не стал объединяющим, к тому же большевики Россию фактически тоже не делили, а собирали. Последовавшие в 1919 г. внутреннее брожение в верхушке «белой» власти, разложение в низах, поражения на фронтах и недовольство населения привели к ее падению.

К осени 1919 г. город Томск стал прибежищем для тысяч беженцев с Урала и Поволжья. По подсчетам специалистов, в Восточной Сибири тогда сконцентрировалось более трех тысяч представителей духовенства и их семей. Это были беженцы, но иерей Масленников к ним не относился, он являлся полковым священником действующей армии, хотя и отступавшей. К началу зимы начался массовый исход из Томска военных и мирных жителей, которые могли бы пострадать от наступающих большевиков.

В следственном деле 1921 г. указывается, что священник уехал из Тюмени в июне 1919 г. вместе с беженцами, потому что боялся репрессий со стороны советской власти, и пробыл в Томске с июня по 15 декабря 1919 г. 15 декабря Томским епархиальным советом он был назначен священником в с. Батурино Спасской волости Томского уезда [9]. Дата назначения в приход и тот факт, что оно сделано епархиальным советом, надо полагать, соответствуют действительности. Однако информация об уходе с беженцами не подтверждается другими материалами дела и «Тобольскими епархиальными ведомостями», согласно которым священник служил в военном ведомстве. По видимому, сведения о беженстве священника были ложные, чтобы скрыть факт добровольного поступления на должность полкового священника. Распреде-

ление священника епархиальным советом также подтверждает то, что он не был беженцем, а находился на особом положении (в клире Томской епархии или в рядах полкового духовенства). А факт его назначения в приход накануне падения города свидетельствует о том, что священник осознанно решил остаться и не присоединяться к беженцам.

Село Батуриновское располагалось в 17 верстах южнее города Томска, в нем имелся храм святого Георгия Победоносца, покровителя русского воинства. Именно этот храм стал последним местом служения о. Анатолия.

В ночь на 18 декабря 1919 г. белая власть в Томске в результате красного восстания, была свергнута. Естественно, что с приходом новой власти в городе установилась и большевистская диктатура. До сих пор не выяснено точное количество убитых, масштабы массовых убийств сравнимы с подобными при установлении советской власти в Крыму.

Священник Анатолий Масленников, прослуживший в с. Батуриновском полгода, был арестован 14 мая 1920 г. Томской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности и обвинен в принадлежности к белогвардейской организации [9]. Приводим выписку из протокола заседания Томской чрезвычайной комиссии от 24 июня 1920 г. № 27: «Масленников в 1919 г., будучи священником, служил в знаменитом 16-ом Ишимском полку Казагранди и принимал деятельное участие в борьбе с советской властью. В селе Батурино Масленников вел агитацию против советской власти и все время держал через Хомякова самую тесную связь с организацией Гавриловича. Считая факт принадлежности к белогвардейской организации установленным, применить к Масленникову высшую меру наказания – расстрел». Приговор был приведен в исполнение 25 июня 1920 г. [9].

Новость о мученической кончине священника стала известна его прихожанам и священникам соседних сел. Сохранился документ, в котором священник Герасим Шорец, служивший полковым священником с лета 1919 г. до апреля 1920 г., писал 25 апреля 1922 г. епархиальному архиерею, архиепископу Тобольскому и Сибирскому Николаю о смерти сослужителя: «Считаю необходимым довести до Вашего Высокопреосвященства, что в разосланном церквам для поминовения синодике пропущено имя священника

о. Анатолия Масленникова, воспринявшего мученическую кончину в мае 1920 г. в гор. Томске (бывший священник села Заводо-Успенского Тюменского уезда)» [37. Л. 8]. Сведения о гибели о. Анатолия (по видимому, через того же протоиерея Герасима Шорца, впоследствии эмигрировавшего в Германию) стали известны протоиерею Михаилу Польскому (США) и были опубликованы в 1949 г. в книге «Новые мученики Российские». Благодаря этим сведениям в ноябре 1981 г. пресвитер Анатолий Масленников был причислен Русской православной церковью за границей к лику новомучеников.

По свидетельству родственников, после гибели о. Анатолия его супруга и дочь вернулись в Тюмень, где их приютил Иннокентий Михайлович Дементьев (сын бывшего управляющего пароходством Михаила Ефимовича Дементьева). Нина и ее дочь стали Дементьевыми, при этом Виктория сменила не только фамилию, но и отчество – на Иннокентьевну [25]. С тех пор об Анатолии Масленникове в этой семье старались лишний раз не вспоминать вплоть до 1990-х гг. Реабилитация А.А. Масленникова состоялась 18 апреля 1994 г. на основании заключения прокуратуры Томской области.

Нами осуществлен первый опыт составления биографии репрессированного в 1920 г. священника Анатолия Масленникова. В ходе исследования широкого круга источников собран материал для составления социокультурного портрета представителя православного духовенства, принявшего участие в Гражданской войне: социальное происхождение, образование, семейное положение. Обнаружены новые биографические данные и уточнены известные, в том числе периоды служения священника на должности настоятеля Заводо-Успенского прихода в Тюменском уезде, на должности полкового священника и священника в с. Батуриновском Томской губернии.

В заключение отметим, что введение в научный оборот новых источников, изучение биографий отдельных личностей в контексте эпохи позволяют расширить возможности написания просопографий (динамических коллективных биографий социальных групп) с целью выявления социокультурных особенностей духовенства Русской православной церкви в период мощнейшей социальной трансформации общества в XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые мученики Российские / сост. М. Польских. М.: Светлячок, 1994. Ч. 1. 288 с.
2. Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская Голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; Москва: Водолей Publishers, 2004. 560 с.
3. Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13672664.html> (дата обращения: 03.06.2019).
4. Бессмертный барак: Единая база данных жертв репрессий в СССР. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/729389> (дата обращения: 03.06.2019).
5. Метрические книги церкви Заводо-Успенского села Тюменского уезда, 1913–1915 гг. // Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 6. Оп. 15. Д. 332.
6. Метрические книги церкви Заводо-Успенского села Тюменского уезда, 1916–1918 гг. // ГАСО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 338.
7. Ведомость о церкви Успенской, состоящей Тюменского уезда Тобольской епархии в селе Заводо-Успенском, за 1914 год // Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ). Ф. И-156. Оп. 19. Д. 453.
8. Архив УФСБ России по Томской области. Д. П-11799.
9. Справка УФСБ по Томской области 09.04.2019 № П-218/124/10-9139 по уголовному делу священника А.А. Масленникова // Личный архив Е. Симпсон.
10. Ведомость о церкви Николаевской, состоящей Тобольского уезда Тобольской епархии в селе Салинском, за 1911 год // ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 328.

11. ГАТ. Ф. И-582. Оп. 1. Д. 181.
12. Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1904. № 19, 1 окт., офиц. отд.
13. Рыбакова Л.Г. Родословия и краеведение Тюменского уезда. Завод-Успенский: Летопись села. Кн. 1. Тюмень : Издательские решения, 2018. 110 с.
14. Справочная книга Тобольской епархии на 1908 год. Тобольск, 1908. 218 с.
15. ТЕВ. 1907. № 18, 16 сент.
16. ТЕВ. 1908. № 14, 16 июля.
17. ТЕВ. 1909. № 13, 1 июля.
18. ТЕВ. 1910. № 14, 16 июля.
19. ТЕВ. 1911. № 13, 1 июля.
20. ТЕВ. 1912. № 12, 16 июня.
21. ТЕВ. 1913. № 12, 16 июня.
22. Метрическая книга Знаменской церкви г. Тюмени на 1913 год // Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. И-254. Оп. 1. Д. 127.
23. ТЕВ. 1911. № 12, офиц. отд.
24. ТЕВ. 1918. № 9/10, офиц. отд.
25. Личный архив Е. Симпсон.
26. ТЕВ. 1914. № 2.
27. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сент. 1913 г. Тобольск, 1913.
28. ТЕВ. 1914. № 28, 24 окт., офиц. отд.
29. ТЕВ. 1914. № 10, 16 мая, офиц. отд.
30. Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13671129.html> (дата обращения: 03.06.2019).
31. ТЕВ. 1916. № 33, неофиц. отд.
32. Метрическая книга Ильинской церкви г. Тюмени на 1915 год // ГАТО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 146.
33. ТЕВ. 1919. № 17, офиц. отд.
34. Телицын В. 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк и его командир Николай Казагранди: нереализованные возможности 1919 года // Белое дело : материалы науч. конф. «Белое дело в гражданской войне в России 1917–1922 гг.». М. : Посев, 2005.
35. Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 182 с.
36. Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/20958.html> (дата обращения: 03.06.2019).
37. ГАТ. Ф. И-57. Оп. 2. Д. 204.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 декабря 2019 г.

The Repressed Priest Anatoly Maslennikov (1891–1921): A Biography Reconstruction Experience

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 154–160.

DOI: 10.17223/15617793/468/17

Andrey V. Pecherin, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: epds_arhiv@mail.ru

Keywords: Anatoly Maslennikov; Civil War; regimental priests; Tobolsk eparchy; repression.

The article presents the first experiment in compiling a biography of the priest Anatoly Aleksandrovich Maslennikov, who was shot in Tomsk in 1920 on charges of belonging to the White Guard organization and canonized by the Russian Orthodox Church Abroad in 1981. During the study, a huge number of documentary sources stored in state and departmental archives of Sverdlovsk, Tyumen and Tomsk Oblasts, as well as church periodicals, reference and scientific literature, and also the personal archive of E. Simpson (Great Britain) have been examined. This study provides materials for compiling a socio-cultural portrait of an Orthodox clergy representative who became a participant of the Civil War: his social background, education, and marital status. Some new biographical details have been discovered and the known data clarified, including the periods of his ministry as the prior of Zavodo-Uspensky parish in Tyumen District of Tobolsk Province (now Tugulymsky District of Sverdlovsk Oblast), the regimental priest in the White Army, and the priest in the Baturinskoe village of Tomsk Province (now Tomsk District of Tomsk Oblast). The fact of Maslennikov's training at Kurgan Theological School is published for the first time; his study at Tobolsk Theological Seminary is also considered. The circle of the priest's relatives has been determined. After the successful graduation from Tobolsk Theological Academy in 1913, Maslennikov married, was ordained to the priesthood and appointed Prior of Church of the Assumption of the Mother of God in the village of Zavodo-Uspenskoye. Before the Civil War, he served in the parish, educating peasants in addition to the church service. Father Anatoly did not share revolutionary ideas, and with the outbreak of the Civil War in the Urals he transferred to the military department and was sent to the 16th Ishim Regiment under the command of Colonel N.N. Kazagrandi. With the retreating army of Admiral Kolchak, the priest and his family arrived to Tomsk, and here, after the defeat of the Whites, he was appointed priest of the Church of St. George the Victorious in the Baturinskoe village near Tomsk in December 1919. On May 14, 1920, he was arrested on charges of belonging to the White Guard organization, and, after a short-term investigation, priest Anatoly was shot on June 25, among many other victims of the fierce civil confrontation. In 1994 Anatoly Maslennikov was rehabilitated. The study of individual biographies within the context of the era allows expanding the possibilities of compiling prosopographies (dynamic collective biographies of social groups) and revealing the socio-cultural characteristics of the clergy of the Russian Orthodox Church during the period of the most powerful social transformation of society in the 20th century.

REFERENCES

1. Pol'skikh, M. (1994) *Novye mucheniki Rossiyskie* [New Russian Martyrs]. Pt. 1. Moscow: Svetlyachok.
2. Fast, M.V. & Fast, N.P. (2004) *Narymskaya Golgofa: Materialy k istorii tserkovnykh repressiy v Tomskoy oblasti v sovetskiy period* [The Narym Golgotha: Materials for the history of church repressions in Tomsk Oblast during the Soviet period]. Tomsk; Moskva: Vodoley Publishers.
3. *Drevo: otkrytaya pravoslavnaya entsiklopediya* [Drevo: an open Orthodox encyclopedia]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/13672664.html> (Accessed: 03.06.2019).
4. *Bessmertnyy barak: Edinaya baza dannykh zhertv repressiy v SSSR* [The immortal barrack: Unified database of victims of repression in the USSR]. [Online] Available from: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/729389> (Accessed: 03.06.2019).
5. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 6. List 15. File 332. *Metricheskie knigi tserkvi Zavodo-Uspenskogo sela Tyumenskogo uezda, 1913–1915 gg.* [Metric books of the church of the Zavodo-Uspensky village of Tyumen Uezd, 1913–1915].

6. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 6. List 15. File 338. *Metricheskie knigi tserkvi Zavodo-Uspenskogo sela Tyumenskogo uyezda, 1916–1918 gg.* [Metric books of the church of the Zavod-Uspensky village of Tyumen Uezd, 1916–1918].
7. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-156. List 19. File 453. *Vedomost' o tserkvi Uspenskoy, sostoyashchey Tyumenskogo uyezda Tobol'skoy eparkhii v sele Zavodo-Uspenskom, za 1914 god* [Bulletin of the Church of the Assumption of Tyumen Uezd of Tobolsk eparchy in the Zavod-Uspensky village for 1914].
8. Archive of the FSB Directorate for Tomsk Oblast. File P-11799.
9. Personal archive of E. Simpson. (2019) *Spravka UFSB po Tomskoy oblasti 09.04.2019 № P-218/124/10-9139 po ugovnomu delu svyashchennika A.A. Maslennikova* [Certificate of the FSB Directorate for Tomsk Oblast of 09.04.2019 No. P-218/124/10-9139 on the criminal case of the priest A.A. Maslennikov].
10. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-156. List 19. File 328. *Vedomost' o tserkvi Nikolaevskoy, sostoyashchey Tobol'skogo uyezda Tobol'skoy eparkhii v sele Salinskom, za 1911 god* [Bulletin of the Nikolaevskaya church of Tobolsk Uezd of Tobolsk eparchy in the Salinskoe village for 1911].
11. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-582. List 1. File 181.
12. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1904) 19. 1 October. Official Part.
13. Rybakova, L.G. (2018) *Rodosloviya i kraevedenie Tyumenskogo uyezda. Zavod-Uspenskiy: Letopis' sela* [Genealogies and regional studies of Tyumen Uezd. Zavod-Uspensky: Chronicle of the village]. Book 1. Tyumen: Izdatel'skie resheniya.
14. Anon. (1908) *Spravochnaya kniga Tobol'skoy eparkhii na 1908 god* [Reference book of Tobolsk eparchy for 1908]. Tobolsk: [s.n.].
15. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1907) 18. 16 September.
16. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1908) 14. 16 July.
17. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1909) 13. 1 July.
18. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1910) 14. 16 July.
19. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1911) 13. 1 July.
20. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1912) 12. 16 June.
21. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1913) 12. 16 June.
22. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund I-254. List 1. File 127. *Metricheskaya kniga Znamenskoy tserkvi g. Tyumeni na 1913 god* [Metric book of the Znamenskaya Church of Tyumen for 1913].
23. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1911) 12. Official Part.
24. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1918) 9/10. Official Part.
25. Personal archive of E. Simpson.
26. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1914) 2.
27. Anon. (1913) *Spravochnaya kniga Tobol'skoy eparkhii k 1 sent. 1913 g.* [Reference book of Tobolsk eparchy by 1 Sept. 1913]. Tobolsk: [s.n.].
28. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1914) 28. 24 October. Official Part.
29. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1914) 10. 16 May. Official Part.
30. *Drevo: otkrytaya pravoslavnyaya entsiklopediya* [Drevo: an open Orthodox encyclopedia]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/13671129.html> (Accessed: 03.06.2019).
31. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1916) 33. Unofficial Part.
32. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund I-254. List 1. File 146. *Metricheskaya kniga Il'inskoy tserkvi g. Tyumeni na 1915 god* [Metric book of the Ilyinskaya Church in Tyumen for 1915].
33. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* (1919) 17. Official Part.
34. Telitsyn, V. (2005) [16th Ishim Siberian Rifle Regiment and its commander Nikolai Kazagrandi: unrealized opportunities in 1919]. *Beloe delo v grazhdanskoy voyne v Rossii 1917–1922 gg.* [The White case in the Civil War in Russia in 1917–1922]. Conference Proceedings. Moscow: Po-sev. (In Russian).
35. Lukov, E.V. & Shevelev, D.N. (2007) *Osvedomitel'nyy apparat beloy Sibiri: struktura, funktsii, deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1920)* [The informing apparatus of White Siberia: structure, functions, activity (June 1918 – January 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
36. *Drevo: otkrytaya pravoslavnyaya entsiklopediya* [Drevo: an open Orthodox encyclopedia]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/13671129.html> (Accessed: 03.06.2019).
37. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-57. List 2. File 204.

Received: 11 December 2019

К.В. Сероштанов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ

Анализируется текущее состояние военно-технического сотрудничества между Россией и Саудовской Аравией в условиях активизации политики России на Ближнем Востоке. Рассматриваются предпосылки сотрудничества с учетом положения стран как импортера и экспортера вооружений и военной техники; технические и экономические факторы, влияющие на него, а также возможные ограничения. На основании приведенных аргументов делается вывод о политической обусловленности военно-технического сотрудничества между государствами.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество; торговля оружием; Россия; Саудовская Аравия; Ближний Восток.

Политика России на Ближнем Востоке долгое время ограничивалась тесным взаимодействием с Сирией, Ираном и Ираком, однако события «арабской весны» привели к повышению ее роли в данном регионе. Соответственно, возникла необходимость выстраивания отношений и с другими странами Ближнего Востока, в том числе с Саудовской Аравией – одним из его лидеров.

Саудовская Аравия является одним из мировых лидеров по уровню военных расходов. По данным SIPRI в 2019 г., военные расходы Саудовской Аравии составили 61,9 млрд долл. США, это пятый показатель в мире. Подобный уровень расходов сохраняется с 2013 г., до этого расходы также были стабильно высокими [1]. В связи с тем что оборонная промышленность Саудовской Аравии развита на недостаточном для удовлетворения внутренних потребностей в вооружениях и военной технике (ВВТ) уровне, это государство вынуждено иметь значительную долю импорта.

Россия и Саудовская Аравия являются важными акторами на мировом рынке ВВТ: по данным SIPRI, первая стабильно и с весомым отрывом занимает второе место в рейтинге крупнейших экспортеров ВВТ, а вторая в последние годы вышла на второе место среди импортеров ВВТ [2].

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) является важным инструментом дипломатии для России, что закреплено в ст. 3 Федерального закона от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 01.05.2019), более того, «укрепление военно-политических позиций Российской Федерации в различных регионах мира» указано первым из всех целей ВТС России [3]. Саудовская Аравия также активно использует ВТС для достижения своих политических целей в отношениях с другими государствами. Так, одной из причин высоких военных расходов Саудовской Аравии Д. Соренсон выделяет налаживание отношений с другими странами за счет закупки ВВТ у них [4]. Соответственно, в текущих условиях необходимости налаживания отношений между двумя государствами, а также роли государств на мировом рынке ВВТ ВТС должно быть одной из важных составляющих межгосударственных отношений России и Саудовской Аравии.

В подобных условиях кажется закономерной активизация ВТС между государствами, которая произошла в последние годы и характеризуется большими объемами и возможностями дальнейшего развития, в

том числе и за счет поставок новейших видов ВВТ. Таким образом, возникает вопрос о том, насколько ВТС между Россией и Саудовской Аравией обусловлено политическими факторами, что влечет за собой рассмотрение основных предпосылок развития ВТС; факторов, влияющих на ВТС в настоящее время, а также выгоды, которую извлекают государства.

Непосредственно ВТС России и Саудовской Аравии практически не описано как в зарубежной, так и в отечественной литературе. В связи с этим в качестве основы данной работы служат статьи, которые посвящены отдельным аспектам ВТС обоих государств. К первой группе относятся работы, в центре внимания которых находится ВТС России с государствами Ближнего Востока. Например, М. Волков [5] в своей работе рассматривает тенденции в ВТС России с государствами Ближнего Востока и Северной Африки, отмечая, что в этом компоненте, как и дипломатии России в данных регионах, в последние годы произошел качественный сдвиг в сторону дальнейшего развития. В работе Э. Кобылко и Х. Хаддада [6] анализируется изменение стратегии России на Ближнем Востоке после «арабской весны», изменение роли России в этом регионе показывает ее стремление заменить США, в том числе и в области поставок ВВТ. Ко второй группе относятся статьи, посвященные вопросам ВТС Саудовской Аравии, включая существующие проблемы во взаимодействии со странами Запада, как, например, в статье А. Ставрианакис [7]. В этой работе акцент сделан на проблемы ВТС Саудовской Аравии в связи с ее участием в конфликте в Йемене. Кроме того, отдельные авторы, например Д. Соренсон [4], анализируют ВТС Саудовской Аравии как компонент ее политики в отношении других государств, в частности США, направленной на реализацию собственных интересов. Третья группа статей посвящена проблематике оборонной промышленности Саудовской Аравии. Ш. Шай [8] рассматривает перспективы развития оборонной промышленности, реализуемого Saudi Arabian Military Industries (SAMI) и направленного на локализацию военных расходов.

В связи с ограниченным количеством литературы по рассматриваемой проблематике необходимо привлечение большого спектра источников для более детального понимания вопроса. В первую очередь в работе используются статистические данные по военным расходам и продажам ВВТ, подготовленные

SIPRI. Однако этих данных недостаточно для детального анализа, так как они основаны на официальной статистике государств, а Россия и Саудовская Аравия подобную статистику практически не публикуют. Кроме того, развитие ВТС пришлось на последние годы, и осуществленные поставки не всегда учитываются в подобных данных. Поэтому второй группой источников служат материалы СМИ, в которых можно найти информацию о текущих поставках, а также анализ состояния и перспектив сотрудничества государств.

С недавнего времени, несмотря на традиционную направленность Саудовской Аравии на США и страны ЕС, наметилась тенденция на развитие ВТС с Россией. Для понимания контекста текущей активизации ВТС между Россией и Саудовской Аравией рассмотрим историю отношений между государствами, в том числе проекты в области ВТС.

С возобновления дипломатических отношений между КСА и РФ в 1991 г. ВТС между странами не осуществлялось, при этом развивалось сотрудничество в других сферах: в области нефти и газа, культуры и спорта, научных исследований, сельского хозяйства, атомной энергии и т.д. Официально сотрудничество было закреплено рядом документов, например, Соглашением о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, Дорожной картой торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, программами сотрудничества в области культуры, по вопросам сельскохозяйственного сотрудничества, а также программами реализации сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях и др. [9].

За это время также предпринимались попытки развития ВТС. В 2007 г. по результатам визитов саудовских военных делегаций в РФ был подписан меморандум о взаимопонимании. В 2008 г. РФ и КСА подписали договор о военном сотрудничестве, а в 2009 г. король Саудовской Аравии Абдалла принял делегацию, в составе которой были представители АО «Рособоронэкспорт». Также в 2009 г. проводились переговоры по поставкам в Саудовскую Аравию 150 вертолетов (30 Ми-35 и до 120 вертолетов Ми-17 различных модификаций), более 150 танков Т-90С, порядка 250 боевых машин пехоты БМП-3, нескольких десятков зенитных ракетных комплексов [10]. Сообщалось, что технические и экономические детали поставки были согласованы, однако она так и не была осуществлена.

Первый реальный контракт был заключен в 2017 г. на общую сумму 3,5 млрд долл. США, который включает поставки зенитно-ракетных систем С-400 «Фаворит», противотанковых ракетных комплексов «Корнет-ЭМ», тяжелых реактивных огнеметных систем ТОС-1А, автоматических гранатометов АГС-30 и автоматов АК-103. В дальнейшем предполагается передача Саудовской Аравии технологий производства ПТУР «Корнет-ЭМ», тяжелой огнеметной системы ТОС-1А «Буратино», гранатометов АГС-30 и автоматов АК-103 [11]. Этот контракт успешно реализуется, в 2019 г. начаты поставки АК-103 [12] и осуществлена поставка ТОС-1А «Солнцепек» [13]. Вопросы переда-

чи технологий производства ВВТ пока еще находятся в стадии проработки, наиболее близким к реализации является проект лицензионного производства автоматов АК-103. По словам генерального директора АО «Рособоронэкспорт» А. Михеева, в ближайшее время государства намерены согласовать проект производства и в перспективе согласовать карту трансфера технологий с программой поэтапной локализации производства АК-103 на территории Саудовской Аравии [14]. Также в настоящее время ведется работа по обсуждению взаимоприемлемых условий для вступления в силу контракта на поставку ЗРС С-400 «Триумф».

В ФСВТС России отмечают, что между Россией и Саудовской Аравией заключено несколько контрактов на поставку ВВТ, при этом в ведомстве не комментируют, какая именно продукция планируется к поставке, что дает основания предполагать, что помимо реализуемого контракта есть и другие, которые находятся в стадии проработки [15]. Одной из перспективных позиций для поставки в Саудовскую Аравию можно считать истребители СУ-57. Саудовская Аравия не проявляла интереса к F-35, отдавая предпочтение более тяжелым самолетам с двумя двигателями, таким как F-15SA. Су-57 может заинтересовать саудовских военных, ведь он может обеспечить им превосходство над современными истребителями соседних стран: турецкими F-35, катарскими F-15QA и даже Су-30 российского производства, которыми интересуется Иран [16].

Таким образом, несмотря на длительное отсутствие каких-либо реальных реализуемых проектов в сфере ВТС между Россией и Саудовской Аравией, в последние годы наметилась тенденция к развитию такого сотрудничества, что подтверждается осуществляемыми поставками российских ВВТ, планами по локализации их производства, а также наличием перспективных проектов. На основании этого вывода перейдем к рассмотрению причин активизации ВТС между Россией и Саудовской Аравией.

Долгое время главными партнерами Саудовской Аравии в сфере ВТС были США и государства ЕС, их связывала долгая история сотрудничества и наличие крупных совместных проектов. Однако в связи с активным участием Саудовской Аравии в составе Лиги арабских государств в конфликте в Йемене поставки ВВТ из ЕС находятся под угрозой из-за ограничений, накладываемых Договором о торговле оружием (ДТО), вступившим в силу в 2014 г. Для ЕС соблюдение этого договора является крайне важным, так как именно его государства активно участвовали в разработке и продвижении ДТО, а также одними из первых подписали и ратифицировали его. В связи с этим некоторые государства начинают вести более осторожную политику в отношении продаж ВВТ в Саудовскую Аравию. Так, например, Германия в октябре 2018 г. наложила запрет на экспорт ВВТ в Саудовскую Аравию, который был продлен, и будет действовать до 30 сентября 2019 г. [17].

Для США ДТО также мог стать возможной преградой к дальнейшим поставкам ВВТ, но он не является ограничением, так как США хоть и подписали

его в 2013 г., но он так и не был ратифицирован. Более того, в 2019 г. Д. Трамп объявил о выходе из него [18]. Однако, даже несмотря на отсутствие подобных ограничений, действия Саудовской Аравии в Йемене вызывают вопросы, как у общества, так и у политических кругов. Так, в 2016 г. администрацией Обамы была заблокирована сделка по продаже высокоточных ракет [19]. Важное влияние на отношение к поставкам ВВТ из ЕС и США оказало убийство журналиста Джамаля Хашогджи в посольстве Саудовской Аравии в Турции, что повлекло за собой призывы остановить торговлю ВВТ с Саудовской Аравией. С учетом возможного запрета на поставки ВВТ из США и ЕС в Саудовскую Аравию, закупка ВВТ у России позволит продемонстрировать независимость от США и ЕС в военной сфере, а также снизить риски от возможного запрета западных стран на продажу ВВТ в Саудовскую Аравию.

В настоящее время оборонная промышленность Саудовской Аравии не отвечает потребностям государства по обеспечению собственной армии в области поставок ВВТ. Долгое время оборонная промышленность Саудовской Аравии была ориентирована в первую очередь на обслуживание и ремонт техники, закупленной у иностранных поставщиков. Например, компаниями ВАЕ и Boeing были организованы предприятия по обслуживанию и ремонту своих самолетов, находящихся в эксплуатации у Королевских ВВС Саудовской Аравии [20]. В дальнейшем развитие получило создание предприятий по совместному производству ВВТ на территории Саудовской Аравии. Это должно было уменьшить зависимость от импорта и обеспечить автономность военной сфере. Однако несмотря на то что подобные совместные предприятия получали определенные привилегии, такие как займы на развитие, налоговые каникулы и другие субсидии, недостаток квалифицированных кадров и небольшое количество подобных предприятий стали преградой для полноценного развития военной промышленности Саудовской Аравии. Так, по состоянию на 2016 г., при военных расходах, составляющих 21% от общих государственных расходов, только 5% расходов на ВВТ, их обслуживание и запасные части для них являются локализованными [21].

Подобное состояние оборонной промышленности государства говорит о том, что для обеспечения вооруженных сил необходимыми ВВТ в краткосрочной перспективе требуется опираться на их импорт, что в условиях напряженности в отношениях с западными государствами ставит вопрос о необходимости диверсификации поставок ВВТ. В таких условиях наиболее очевидным поставщиком, в силу ее положения на мировом рынке вооружений, обусловленного развитой оборонной промышленностью и статусом одного из мировых лидеров в области разработки и производства бронетанковой техники, стрелкового оружия, авиационной техники, а также ракетных систем, является Россия. Как отмечают многие исследователи, наряду с Россией только США обладает такими же возможностями по производству широкого спектра ВВТ, поэтому она считается надежным поставщиком ВВТ для тех стран, у которых сложные отношения с США.

Немаловажным фактором является то, что российские ВВТ зачастую дешевле своих зарубежных аналогов. Например, стоимость уже упоминавшихся ранее систем С-400, при сопоставимых с конкурентами характеристиках, составляет ориентировочно 500 млн долл. США, тогда как стоимость систем Patriot Pac-2 – 1 млрд долл. США, а THAAD – 3 млрд долл. США [13]. К тому же глава командования вооруженных сил США на Ближнем Востоке Джозеф Вотел в докладе комитету палаты представителей по Вооруженным силам отметил: «Однако из-за политических соображений, стоимости и оперативности поставок, некоторые из наших партнеров ищут альтернативных поставщиков ВВТ у наших ближайших конкурентов, таких как Россия и Китай» [22].

Тем не менее главной причиной, вероятно, является возросшая роль России на Ближнем Востоке. Появление нового значимого актора в регионе поставило перед Саудовской Аравией задачу поиска путей развития отношений с ним. Для России из-за ее роли в регионе также важны нормальные отношения с одним из его лидеров, поэтому сотрудничество можно считать обоюдным. Как уже упоминалось ранее, и Россия, и Саудовская Аравия активно используют ВТС в дипломатии, поэтому закрепление договоренностей между государствами через поставки ВВТ выглядит резонным.

Развитие ВТС с Саудовской Аравией дает России возможность расширить рынок сбыта российских ВВТ, что с учетом сложностей, связанных с угрозой санкций на покупателей со стороны США, может позволить снизить потери от них. Продажа ВВТ в Саудовскую Аравию, как показывает опыт западных стран, это большая прибыль для оборонной промышленности, устойчивое развитие которого зависит в том числе и от экспорта. Кроме того, поставки продукции одному из лидеров Ближнего Востока могут подтолкнуть другие государства региона к закупке российских ВВТ. Катар, например, в 2019 г. начал переговоры о поставке российских систем С-400 [23]. Кроме того, курс Саудовской Аравии на локализацию военных расходов путем развития собственной оборонной промышленности невозможен без привлечения иностранных компаний, которые могли бы организовать производство, в первую очередь лицензионное. Как уже упоминалось выше, часть действующих контрактов между государствами включает локализацию производства. Такой формат сотрудничества хоть и снижает перспективы поставки конечных изделий, но при этом дает возможность развивать поставки запасных частей, компонентов и оборудования, необходимых для освоения производства и его функционирования. Таким образом, в долгосрочной перспективе за счет локализации производства в Саудовской Аравии Россия может получить постоянного партнера в области ВТС.

Даже с учетом наличия объективных причин начала ВТС, а также предпосылок к его развитию, существует ряд факторов, которые ограничивают его перспективы.

Напряженность в отношениях Саудовской Аравии и стран Запада хоть в определенной степени и является

ся преградой для реализации их совместных проектов в области ВТС, но с учетом экономического значения ВТС с Саудовской Аравией для США и стран ЕС она не может считаться критической для его осуществления. Несмотря на сложности, США и государства ЕС сохраняют свое присутствие на рынке ВВТ Саудовской Аравии. После вопросов об отмене поставок ВВТ в Саудовскую Аравию после убийства Джамала Хашогджи Д. Трамп заявил: «Мне не нравится, что в Соединённые Штаты могут перестать поступать инвестиции в размере \$110 млрд. Знаете, что они сделают? Они возьмут эти деньги и потратят в России, Китае или где-то еще» [24]. Также, учитывая устойчивые связи между Саудовской Аравией США и историю преодоления различных кризисов, отказ от поставок ВВТ в Саудовскую Аравию видится маловероятным. Другой пример, несмотря на первоначальную отмену сделки по поставке 400 бомб с лазерным наведением, за которые уже была получена оплата в размере 10 млн долл. США, Испания все же не отказалась от ее исполнения, так как Саудовская Аравия пригрозила отменить сделку на закупку кораблей на общую сумму 2 млн долл. США [25]. Один из ключевых партнеров Саудовской Аравии в Европе – Франция, также не планирует останавливать продажи ВВТ в эту страну. На обвинения в том, что ВВТ французского производства используются Саудовской Аравией в Йемене, премьер-министр Франции Эдуард Филипп заявил, что французские ВВТ, используемые войсками коалиции, находятся на оборонительных позициях за территорией Йемена. Подобная позиция Франции говорит о том, что отказываться от ВТС с Саудовской Аравией она не планирует. О важности сохранения поставок ВВТ в Саудовскую Аравию свидетельствует и тот факт, что Великобритания, Франция и Испания добиваются от Германии, которая ввела полное эмбарго на экспорт оружия в Саудовскую Аравию, снятия запрета на такие поставки, так как он распространяется также на поставки комплектующих немецкого производства для совместных оружейных проектов. Соответственно, высокая конкуренция на данном рынке будет сохраняться, что, с учетом существующих связей западных государств с Саудовской Аравией, осложняет для России работу на этом рынке. Хотя нельзя не отметить, что в сложившейся ситуации Саудовская Аравия стремится к диверсификации поставок ВВТ для обеспечения национальной безопасности.

Сохранение связей с западными странами также важно и для самой Саудовской Аравии, поскольку Запад обеспечивает ей необходимую поддержку на международной арене, а также военную поддержку. США рассматривают Саудовскую Аравию как стратегического партнера в регионе. На протяжении долгого времени государства выстраивали сотрудничество во многих областях, главным образом в нефтяной и обороне и безопасности. Поставки ВВТ в Саудовскую Аравию были важной частью сотрудничества, которое пережило целый ряд кризисов, начиная от нефтяного эмбарго 1973 г. и заканчивая событиями 11 сентября 2001 г.

С технической точки зрения поставки ВВТ в Россию в Саудовскую Аравию сопряжены с рядом сложностей.

Несмотря на то что ВВТ, производимые российской оборонной промышленностью, потенциально покрывают весь спектр потребностей Саудовской Аравии, их интеграция в общую систему материально-технического оснащения вооруженных сил Саудовской Аравии проблематична, так как она базируется на системах натовского образца. И если для стрелкового оружия и бронетанковой техники этот вопрос не является критически важным, то для сложных систем, например С-400, которые необходимо интегрировать в общую систему ПРО, он стоит довольно остро. Кроме того, неспособность России обеспечить тот же уровень некоторых технологий, например в области электроники, ведет к тому, что Россия может рассчитывать только на экспорт бронетехники, стрелкового оружия авиационной техники и ракетных систем. В связи с этим целесообразность их закупки, даже с учетом диверсификации поставок, вызывает вопросы.

В Саудовской Аравии реализуется программа «Видение Саудовской Аравии 2030», которая направлена, в том числе, и на локализацию военных расходов. Эта программа способствует развитию собственной оборонной промышленности Саудовской Аравии. Таким образом, предполагается, что Саудовская Аравия будет заинтересована не в поставках ВВТ, а в локализации производства, а значит, потребность в готовых системах будет снижаться.

Взаимодействие в сфере поставок ВВТ с Россией может повлечь за собой американские санкции в отношении Саудовской Аравии. За относительно недолгое время действия закона «О противостоянии противникам Америки посредством санкций» под санкции США уже попало Управление вооружений Объединенного штаба Центрального военного совета КНР и его руководитель Ли Шангфу из-за закупки российских систем С-400 и истребителей Су-35. Эти санкции включают в себя: отказ в экспортных лицензиях, запрет на валютные операции под юрисдикцией США, запрет на операции с финансовой системой США, блокировку всей собственности, находящейся в юрисдикции США [26]. Возможно, угроза подобных санкций является причиной того, что контракт по С-400 между Россией и Саудовской Аравией так и не вступил в силу. С-400 является конкурентом американской системы Patriot, поэтому США не заинтересованы в развитии ВТС между Саудовской Аравией и Россией и за счет существующих связей в сфере поставок ВВТ и санкционных инструментов могут оказывать давление на Саудовскую Аравию. С локализацией производства АК-103 на территории Саудовской Аравии уже возникают подобные проблемы. Подписание контракта о совместном производстве откладывается, так как изначально партнером должна была стать SAMI, но сейчас вместо нее рассматриваются другие компании. Не исключено, что участие SAMI запретили власти Саудовской Аравии из-за риска санкций, так как компания связана с местным министерством обороны [27].

Россия – один из основных поставщиков ВВТ в Иран, который является одним из главных оппонентов Саудовской Аравии в регионе, и эти поставки могут стать преградой в отношениях с Саудовской Аравией, которая не готова допускать усиление Ирана.

Поэтому для наращивания сотрудничества с Саудовской Аравией необходимо найти правильный баланс отношений с Ираном. Россия имеет устойчивые связи с Ираном, а президент Ирана Хасан Роухани даже заявил, что отношения Москвы и Тегерана приближаются к стратегическому уровню [28].

Сохранение тесных связей с западными странами также может стать препятствием для дальнейшего развития ВТС. Поставка новейших образцов ВВТ, например С-400, государству, которое имеет сильные связи, в том числе в военной сфере, с США может быть сопряжена с существенными рисками передачи этих технологий американской стороне. Подобные риски могут вынудить Россию вести более осторожное сотрудничество с Саудовской Аравией. В такой ситуации экономические аспекты могут отойти на второй план, так как защита собственного военного потенциала является более важной задачей. Объем текущих поставок хоть и является значительным, но при этом нельзя утверждать, что ВТС с Саудовской Аравией имеет критическое значение для России. Даже без поставок ВВТ в данное государство Россия способна поддерживать свой статус ключевого игрока на мировом рынке вооружений за счет сотрудничества со своими традиционными партнерами, например Китаем, Индией и Алжиром, для которых санкции США не будут иметь ключевого значения.

С учетом информации о причинах развития ВТС между Россией и Саудовской Аравией, а также существующих ограничениях для дальнейшего сотрудничества можно сделать следующие выводы:

1. Задачи по обеспечению собственной армии, а также развитию оборонной промышленности за счет локализации производства Саудовская Аравия решала и могла бы решать за счет сотрудничества с западными странами, даже несмотря на существующие сложности в отношениях с ними.

2. Диверсификация поставок ВВТ за счет их закупки у России сопряжена с целым рядом сложностей из-за необходимости включения этих ВВТ в общую систему, которая базируется на ВВТ натовского образца.

3. Поставки ВВТ из России могут повлечь за собой санкции западных стран, а значит, проблемы в отношениях с ними, в том числе ограничение поставок ВВТ.

4. Расширение рынка сбыта российских ВВТ за счет Саудовской Аравии ограничено из-за ее тесных связей с западными странами.

На основании этого можно сделать вывод, что ни экономические, ни технические факторы нельзя считать ключевыми для развития ВТС между Россией и Саудовской Аравией, оно обусловлено в первую очередь политическими причинами.

Саудовская Аравия играет одну из основных ролей в регионе, поэтому налаживание сотрудничества с ней

для России необходимо в условиях ее активности на Ближнем Востоке, к тому же это шанс ослабить влияние США, которое реализуется в том числе через Саудовскую Аравию. При этом показательным может считаться тот факт, что Россия готова поставлять Саудовской Аравии новейшие образцы своих ВВТ, доступные лишь ключевым партнерам, как, например, в ситуации с обсуждаемой поставкой систем С-400, которые в настоящее время находятся в эксплуатации только в России, Республике Беларусь, Китае и Турции. Все это говорит о намерениях России развивать отношения с Саудовской Аравией, одним из лидеров Ближнего Востока и мусульманского мира. Только при условиях сотрудничества с ней и сохранения баланса в отношениях с другими региональными лидерами, в первую очередь с Ираном, Россия сможет обеспечить себе одну из лидирующих позиций в регионе.

С другой стороны, растущее влияние России на Ближнем Востоке, которая имеет в союзниках Сирию и Иран, позволяет ей реализовывать свою политику так, что это будет идти вразрез с интересами Саудовской Аравии в регионе. Развитие ВТС между Россией также ограничивает влияние России на конфликт в Йемене, подталкивая ее к более сдержанной позиции, потому что Россия не может занять чью-либо сторону, так как это испортило бы отношения с Ираном (поддерживает хуситов) или Саудовской Аравией. Возможность сдерживания Ирана также важна для Саудовской Аравии, и это может быть реализовано через развитие отношений с Россией. Подобные попытки Саудовская Аравия уже предпринимала. В 2009 г. в СМИ даже проходила информация о том, что Москва тогда получила от Эр-Рияда предложение о закупке крупной партии оружия в обмен на отказ России от сотрудничества с Ираном в военной и ядерной области [10]. Кроме того, укрепление политических связей с Россией позволяет Саудовской Аравии в ее лице получить дополнительную поддержку на международной арене. Также в условиях ухудшения отношений с США и ЕС для Саудовской Аравии сотрудничество с Россией, в том числе и в сфере ВТС, дает возможность продемонстрировать самостоятельность и независимость от США и ЕС.

Оба государства имеют свои интересы на Ближнем Востоке, а также могут считаться важными акторами в этом регионе, что вынуждает их, для успешной реализации своей политики, к сотрудничеству. В подобных условиях в полной мере нельзя расценивать ВТС между Россией и Саудовской Аравией как самостоятельный процесс: оно является лишь инструментом для дальнейшего развития политических отношений между государствами, закрепляя те шаги, которые предпринимает руководство России и Саудовской Аравии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trends in World Military Expenditures, 2019 // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-04/sipri_fs_1805_milex_2017.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
2. Trends in International Arms Transfers, 2019 // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
3. Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СПС Консультант Плюс.

4. Sorenson D. "Why the Saudi Arabian Defence Binge?" // *Contemporary Security Policy*. 2014. Vol. 35, is. 1. P. 116–137.
5. Волков М.Н. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2012–2017 гг. : Прорыв в новых геополитических условиях // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2018. № 53. С. 93–98.
6. Корибко Э., Хаддад Х. Революционные перемены в российской стратегии на Ближнем Востоке // *Сравнительная политика*. 2017. № 8 (3). С. 38–44.
7. Stavrianakis A. Legitimizing liberal militarism: politics, law and war in the Arms Trade Treaty // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37 (5). P. 840–865.
8. Shay S. The Saudi Arabian Military Industries (SAMI) // *Herzliya Conference Papers*. 2018. 11 p.
9. Межгосударственные отношения России и Саудовской Аравии // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20180614/1522622064.html> (дата обращения: 21.09.2020).
10. Саудовская Аравия закупит оружие // *Актуальные комментарии*. URL: http://actualcomment.ru/saudovskaya_araviya_zakupit_oruzhie.html (дата обращения: 21.09.2020).
11. Первым делом – огнеметы // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2017/10/09/rossiia-postavit-v-saudovskuiu-araviyu-oruzhie-na-35-mlrd-dollarov.html> (дата обращения: 21.09.2020).
12. Россия начала поставки АК-103 в Саудовскую Аравию // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2019/02/17/rossiia-nachala-postavki-ak-103-v-saudovskuiu-araviyu.html> (дата обращения: 21.09.2020).
13. Россия начала поставки в Саудовскую Аравию огнеметов «Солнцек» // *Вести*. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/117625> (дата обращения: 21.09.2020).
14. Концерн «Калашников» встал на путь локализации // *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3888976> (дата обращения: 21.09.2020).
15. В ФCBTC заявили об обсуждении с Саудовской Аравией условий контракта на поставку С-400 // *TACC*. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/6133990> (дата обращения: 21.09.2020).
16. Пятое поколение для всех: почему Су-57 может стать хитом на рынке оружия // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2019/04/01/piatoe-pokolenie-dlia-vseh-pochemu-su-57-mozhet-stat-hitom-na-rynke-oruzhiia.html> (дата обращения: 21.09.2020).
17. Germany extends ban on arms sales to Saudi Arabia // *DW*. URL: <https://www.dw.com/en/germany-extends-ban-on-arms-sales-to-saudi-arabia/a-48107734> (дата обращения: 21.09.2020).
18. Вашингтон объявил о выходе из Международного договора о торговле оружием // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2019/04/26/vashington-obiavil-o-vyhode-iz-mezhdunarodnogo-dogovora-o-torgovle-oruzhiem.html> (дата обращения: 21.09.2020).
19. U.S. Blocks Arms Sale to Saudi Arabia Amid Concerns Over Yemen War // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/13/us/politics/saudi-arabia-arms-sale-yemen-war.html> (дата обращения: 21.09.2020).
20. Domestic Arms Production // *Global Security*. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/gulf/sa-production.html> (дата обращения: 21.09.2020).
21. IN NUMBERS: The Saudi Arabian Military Industries' plan for 2020 // *Al Arabiya*. URL: english.alarabiya.net/en/business/economy/2018/02/26/IN-NUMBERS-The-Saudi-Arabian-Military-Industries-plan-for-2020.html (дата обращения: 21.09.2020).
22. Russia and China are Seducing U.S. Allies With Cheap Weapons, Warns General Joseph Votel // *Newsweek*. URL: <https://www.newsweek.com/general-joseph-votel-us-allies-actively-seeking-cheaper-weapons-russia-and-823325> (дата обращения: 21.09.2020).
23. Россия и Катар начали переговоры о поставках ЗРС С-400 «Триумф» // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2019/02/19/rossiia-i-katar-nachali-peregovory-o-postavkah-zrs-s-400-triumf.html> (дата обращения: 21.09.2020).
24. Элемент двойной игры: возможны ли санкции США против Саудовской Аравии из-за пропавшего журналиста // *RT*. URL: <https://russian.rt.com/world/article/564106-ssha-saudovskaya-araviya-sanktsii> (дата обращения: 21.09.2020).
25. Spain's parliament backs arms sales to Saudi Arabia // *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-khashoggi-spain-arms/spains-parliament-backs-arms-sales-to-saudi-arabia-idUSKCN1MX2M5> (дата обращения: 21.09.2020).
26. US Expands Russian Defense and Intelligence Sanctions, Targets Chinese Parties // *White Case*. Sep. 26, 2018. URL: <https://www.whitecase.com/publications/alert/us-expands-russian-defense-and-intelligence-sanctions-targets-chinese-parties> (дата обращения: 21.09.2020).
27. Джорджевич А. Концерн «Калашников» встал на путь локализации // *Коммерсантъ*. 2019. 19 фев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3888976> (дата обращения: 21.09.2020).
28. Отношения России и Ирана движутся к стратегическому уровню, заявил Роухани // *РИА Новости*. 2019. 14 фев. URL: <https://ria.ru/20190214/1550862821.html> (дата обращения: 21.09.2020).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 сентября 2020 г.

Political Dimensions of Military Technical Cooperation Between Russia and Saudi Arabia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 161–167.

DOI: 10.17223/15617793/468/18

Kirill V. Seroshtanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: seroshtanov.kirill@gmail.com

Keywords: military technical cooperation; arms trade; Saudi Arabia; Russia; Middle East.

The role of Russia in the Middle East region has been increasing since the start of operation in Syria. This forces not only Russia, but also the Middle East countries including Saudi Arabia to adjust their politics according to the current situation. Both Russia and Saudi Arabia actively use military technical cooperation to develop relations with other countries, so it is essential that in their interstate relations this instrument should be applied. In this article, the military technical cooperation between Russia and Saudi Arabia is under consideration. The article aims to determine the dependence of military technical cooperation between the countries on politics. There is a lack of literature on the issue; the main part of it covers military technical cooperation between Russia and the Middle East countries and also the interstate relations with them in general. Due to the specific character of the arms trade sphere, the volume of sources is also insufficient. However, it is possible to carry out an analysis that allows forming the general image of the military technical cooperation between Russia and Saudi Arabia and its reason on the basis of related mass media publications and SIPRI data. The analysis of the Russia–Saudi Arabia military technical cooperation development shows that its expansion is in correlation with the growing role of Russia in the Middle East. In the middle of the 2010s, a number of contracts were concluded and performed. The following reasons of this expansion can be mentioned: problems in interstate relations between Saudi Arabia and the Western countries caused by the conflict in Yemen and Jamal Khashoggi's killing, the Arms Trade Treaty limitations for trade with Saudi Arabia for Western countries, Saudi Arabia's diversification of arms suppliers, search of Russia for new arms markets, etc. Nevertheless, these reasons cannot be assumed as reasons of crucial importance: the Western countries maintain their positions on the Saudi Arabia arms market despite all the limitations and issues in interstate relations, Saudi Arabia is not the key arms market for Russia; moreover, the integration of Russian arms systems into Saudi Arabia's armed forces formed by the Western military standard is quite

complicated. Taking into account all the limitations related to the military technical cooperation between the countries, it can be stated that neither Russia nor Saudi Arabia has crucial economical or technical reasons for its start. Therefore, the following conclusion can be made: military technical cooperation between these countries is not a single process; it is caused by a whole direction of interstate relations, and it is only an instrument to boost them.

REFERENCES

1. SIPRI. (2019) *Trends in World Military Expenditures, 2019*. [Online] Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-04/sipri_fs_1805_milex_2017.pdf (Accessed: 21.09.2020).
2. SIPRI. (2019) *Trends in International Arms Transfers, 2019*. [Online] Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (Accessed: 21.09.2020).
3. Consultant Plus. (2019) *Federal Law of 19.07.1998 No. 114-FZ (as amended on 01.05.2019) "On military technical cooperation of the Russian Federation with foreign states"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19457/ (In Russian).
4. Sorenson, D. (2014) Why the Saudi Arabian Defence Binge? *Contemporary Security Policy*. 35 (1). pp. 116–137.
5. Volkov, M.N. (2018) Military and Technical Cooperation of the Russian Federation on the Middle East and in the North Africa in 2012–2017: The Breakthrough in the New Geopolitical Situation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – Tomsk State University Journal of History*. 53. pp. 93–98. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/18
6. Korybko, E. & Khaddad, Kh. (2017) The Revolution in Russia's Mideast Strategy. *Sravnitel'naya politika – Comparative politics*. 8 (3). pp. 38–44. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-38-44
7. Stavrianakis, A. (2016) Legitimizing liberal militarism: politics, law and war in the Arms Trade Treaty. *Third World Quarterly*. 37 (5). pp. 840–865.
8. Shay, S. (2018) The Saudi Arabian Military Industries (SAMI). *Herzliya Conference Papers*.
9. RIA Novosti. (2018) *Mezhgosudarstvennye otnosheniya Rossii i Saudovskoy Aravii* [Interstate relations between Russia and Saudi Arabia]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20180614/1522622064.html> (Accessed: 21.09.2020).
10. Aktual'nye komentarii. (2009) *Saudovskaya Araviya zakupit oruzhie* [Saudi Arabia will buy weapons]. [Online] Available from: <http://actualcomment.ru/saudovskaya-araviya-zakupit-oruzhie.html> (Accessed: 21.09.2020).
11. *Rossiyskaya gazeta*. (2017) Pervym delom – ognemety [Flamethrowers come first]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/10/09/rossiia-postavit-v-saudovskuiu-araviyu-oruzhie-na-35-mlrd-dollarov.html> (Accessed: 21.09.2020).
12. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) Rossiya nachala postavki AK-103 v Saudovskuyu Araviyu [Russia began deliveries of AK-103 to Saudi Arabia]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/02/17/rossiia-nachala-postavki-ak-103-v-saudovskuiu-araviyu.html> (Accessed: 21.09.2020).
13. Vesti Ekonomika. (2019) *Rossiia nachala postavki v Saudovskuyu Araviyu ognemetov "Solntsepek"* [Russia has begun deliveries of the Solntsepek]. [Online] Available from: <https://www.vestifinance.ru/articles/117625> (Accessed: 21.09.2020).
14. *Kommersant*. (2019) Kontsern "Kalashnikov" vstal na put' lokalizatsii [The Kalashnikov Concern embarked on the path of localization]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3888976> (Accessed: 21.09.2020).
15. TASS. (2019) *V FSVTS zayavili ob obsuzhdenii s Saudovskoy Araviyey usloviy kontrakta na postavku S-400* [The FSVTC announced the discussion with Saudi Arabia of the terms of the contract for the supply of S-400]. [Online] Available from: <https://tass.ru/armiya-i-opk/6133990> (Accessed: 21.09.2020).
16. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) Pyatoe pokolenie dlya vsekh: pochemu Su-57 mozhet stat' khitom na rynke oruzhiya [The fifth generation for everyone: why the Su-57 can become a hit on the arms market]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/04/01/piatoe-pokolenie-dlia-vseh-pochemu-su-57-mozhet-stat-hitom-na-rynke-oruzhiia.html> (Accessed: 21.09.2020).
17. DW. (2019) *Germany extends ban on arms sales to Saudi Arabia*. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/germany-extends-ban-on-arms-sales-to-saudi-arabia/a-48107734> (Accessed: 21.09.2020).
18. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) Vashington ob'yavil o vykhode iz Mezhdunarodnogo dogovora o torgovle oruzhiem [Washington announced its withdrawal from the International Arms Trade Treaty]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/04/26/vashington-obiavil-o-vyhode-iz-mezhdunarodnogo-dogovora-o-torgovle-oruzhiem.html> (Accessed: 21.09.2020).
19. *The New York Times*. (2016) U.S. Blocks Arms Sale to Saudi Arabia Amid Concerns Over Yemen War. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2016/12/13/us/politics/saudi-arabia-arms-sale-yemen-war.html> (Accessed: 21.09.2020).
20. Global Security. (2020) *Domestic Arms Production*. [Online] Available from: <https://www.globalsecurity.org/military/world/gulf/sa-production.html> (Accessed: 21.09.2020).
21. *Al Arabiya*. (2018) IN NUMBERS: The Saudi Arabian Military Industries' plan for 2020. [Online] Available from: <https://english.alarabiya.net/en/business/economy/2018/02/26/TN-NUMBERS-The-Saudi-Arabian-Military-Industries-plan-for-2020.html> (Accessed: 21.09.2020).
22. *Newsweek*. (2018) Russia and China are Seducing U.S. Allies With Cheap Weapons, Warns General Joseph Votel. [Online] Available from: <https://www.newsweek.com/general-joseph-votel-us-allies-actively-seeking-cheaper-weapons-russia-and-823325> (Accessed: 21.09.2020).
23. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) Rossiya i Katar nachali peregovory o postavkakh ZRS S-400 "Triumf" [Russia and Qatar have begun negotiations on the supply of S-400 Triumph air defense systems]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/02/19/rossiia-i-katar-nachali-peregovory-o-postavkah-zrs-s-400-triumf.html> (Accessed: 21.09.2020).
24. RT. (2018) *Element dvoynoy igry: vozmozhny li sanktsii SShA protiv Saudovskoy Aravii iz-za propavshogo zhurnalista* [Element of a double game: are US sanctions against Saudi Arabia possible because of the missing journalist]. [Online] Available from: <https://russian.rt.com/world/article/564106-ssha-saudovskaya-araviya-sanktsii> (Accessed: 21.09.2020).
25. Reuters. (2018) *Spain's parliament backs arms sales to Saudi Arabia*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-khashoggi-spain-arms/spains-parliament-backs-arms-sales-to-saudi-arabia-idUSKCN1MX2M5> (Accessed: 21.09.2020).
26. White Case. (2018) *US Expands Russian Defense and Intelligence Sanctions, Targets Chinese Parties*. Sep. 26, 2018. [Online] Available from: <https://www.whitecase.com/publications/alert/us-expands-russian-defense-and-intelligence-sanctions-targets-chinese-parties> (Accessed: 21.09.2020).
27. Dzhordzhevich, A. (2019) Kontsern "Kalashnikov" vstal na put' lokalizatsii [The Kalashnikov Concern took the path of localization]. *Kommersant*. 19 February. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3888976> (Accessed: 21.09.2020).
28. RIA Novosti. (2019) *Otnosheniya Rossii i Irana dvizhutsya k strategicheskoy urovnyu, zayavil Roukhani* [Relations between Russia and Iran are moving towards a strategic level, Rouhani said]. 14 February. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190214/1550862821.html> (Accessed: 21.09.2020).

Received: 28 September 2020

М.А. Симонов

МЕСТО УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПЛАНИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР В 1920–1927 гг.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»).

Анализируются основные положения планов долгосрочного развития СССР, разрабатывавшиеся в 1920–1927 гг. – плана ГОЭЛРО, генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР и генерального плана хозяйства Урала. Особое внимание уделено месту уральского региона и его конкуренции с донецким промышленным районом в рамках советского стратегического планирования. Делается вывод о постепенном возрастании значения Урала в советских экономических планах. Констатируется, что в период 1920–1927 гг. были заложены основы приоритетного развития уральской промышленности в годы первых пятилеток.

Ключевые слова: СССР; Урал; экономика; планирование; индустриализация; 1920-е гг.

Таблица 1

**Доля основных экономических районов Российской империи
в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности
в 1900 г., %***

Район	Стоимость валовой продукции	Количество рабочих
Северо-Западный	8,3	7,2
Центральный промышленный	22,6	26,9
Урал	4,1	8,4
Восточная Украина (Донецкий район)	9,6	8
Закавказье	5,8	2,6
Польша	10,5	10,4

*Рассчитано по: [16. С. 98–99].

Проблемам советского экономического планирования посвящена обширная историография. До распада СССР отечественные исследователи большое внимание уделяли изучению различных аспектов планирования. Соответствующую исследовательскую работу прежде всего вели сами плановые работники [1], а также профессиональные ученые-экономисты [2–4]. Параллельно с ними над исследованием проблем советского планирования работали зарубежные ученые, объединенные в рамках комплексной дисциплины – советологии [5]. После 1991 г. два указанных направления историографии начали постепенное сближение в единую научную отрасль – изучение социалистического планирования [6; 7; 8. С. 101–121]. Ее главной характеристикой стало расширенное понимание процессов планирования в СССР, включавшее в себя не только анализ экономических показателей, но и учет политических обстоятельств, сопутствовавших разработке советских планов многолетнего развития [9, 10].

Сравнительно меньшее количество работ было посвящено процессам планирования в рамках отдельных регионов [11], так как основная масса исследователей, которая занималась региональными проблемами, изучала в первую очередь ретроспективное развитие конкретных территорий. В частности, в рамках этого подхода подготовлены работы по истории развития тяжелой промышленности уральского региона в 1920–1930-е гг. [12; 13. С. 70–92; 14. С. 287–303]. Лишь небольшая часть из них посвящена проблемам планирования ряда крупных инфраструктурных проектов [15. С. 172–183].

В этой связи изучение стратегии развития Уральского региона в рамках советского планирования требует дальнейшего уточнения, поскольку прочно закрепившаяся за Уралом после Великой Отечественной войны характеристика «опорного края державы», данная А.Т. Твардовским, не соответствовала положению дел в начале XX в. (табл. 1). Логика принятия решений и расчеты центральной и местной власти относительно характера трансформации региона на сегодняшний момент не в полной мере объяснены. Для их прояснения необходимо рассмотреть положение уральской промышленности среди других регионов Российской империи.

Из приведенных данных в табл. 1 видно, что экономическая география России того времени страдала от диспропорций. Перед революцией наиболее крупным в промышленном отношении являлся Центральный промышленный район, сложившийся вокруг Москвы. Затем следовали районы с примерно равным экономическим потенциалом – Северо-Западный вокруг Санкт-Петербурга, Донецкий и Польша. Урал по совокупной стоимости произведенной продукции был сопоставим с Закавказьем (где основную роль играли нефтяные промыслы Баку), но отличался от него низкой эффективностью своего хозяйственного комплекса. Об этом говорит двукратное превышение доли общеимперской рабочей силы, сконцентрированной в этом регионе, над долей стоимости произведенной продукции. В остальных приведенных районах эти показатели были примерно равны, а в Закавказье доля произведенной продукции была даже существенно выше доли рабочей силы. Иными словами, Урал концентрировал примерно столько же рабочих рук, сколько и Донбасс, но стоимость уральской продукции была вдвое ниже.

Быстрый экономический рост южных регионов был обусловлен общей географической тенденцией в социально-экономическом развитии России на рубеже XIX–XX вв. Так, В.П. Семенов-Тянь-Шанский считал, что демографический центр тяжести России должен окончательно переместиться в Причерноморье, охва-

таявая его полукругом от Днепра до Кавказа. Ресурсное изобилие этого макрорегиона – донецкий уголь, криворожская железная руда, кубанский и придонский хлеб – дополнялось идеальным положением в отношении коммуникаций. Волга в качестве естественной транспортной артерии связывала его с экономическими районами севера страны, а Черное море давало выход на мировые рынки, открывая широкие возможности для экспорта [17]. Это, в свою очередь, отвечало глобальному географическому тренду. Крупнейшие мировые индустриальные очаги, возникшие во второй половине XIX – первой половине XX в. тяготели к водным артериям и морским путям, позволявшим легко вывозить продукцию металлургии и металлообработки.

Так, мощнейший в мире металлургический район – «Стальной пояс» на северо-востоке США – тяготел к Великим озерам, которые соединялись с Атлантическим океаном через специально построенный судоходный канал Эри. Германская и бельгийская металлургия тяготела к Рейну, металлургические производства испанской Страны басков – к южному берегу Бискайского залива. В это логику вписывалось и развитие индустрии Донбасса, тяготевшей к Черному морю; вывоз продукции осуществлялся по Дону, Кальмиусу, Днепру. Урал, значительно удаленный от морских торговых путей, был в этой географии глубокой периферией.

Проблема снижающейся эффективности экономики является характерной для регионов старопромышленного освоения, и ее решение заключалось в реструктуризации индустриальной инфраструктуры. Рассуждая в 1915 г. о «могущественном территориальном владении» России, В.П. Семенов-Тянь-Шанский полагал, что необходимо отказаться от взгляда на восточные районы страны как на периферию, и предлагал создать четыре «колониационные базы будущего – Уральскую, Алтайскую, Туркестанскую и Прибайкальскую», соединенные между собой мощными железными дорогами [18. С. 84–85]. Уральские областники в начале XX в. подчеркивали уральскую специфику – традиция, восходящая еще к «горному царству» XVIII в. с его административно-хозяйственными практиками [19. Р. 7–36] – и считали Урал промышленной базой, призванной экономически господствовать над аграрной Сибирью на основе торгового обмена [20. С. 165–175; 21. С. 46–52; 22. С. 39–40]. Однако конкретного пути решения проблемы ни Семенов-Тянь-Шанский, ни областники не предлагали.

В практической плоскости вопрос о новом импульсе для развития Урала был поставлен только во время Гражданской войны в 1920 г. В это время началась разработка первого комплексного плана развития экономики Советской России. Для этого была создана специальная государственная комиссия, которая подготовила рассчитанный на 10 лет план ГОЭЛРО. Презентуя его на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г., В.И. Ленин отметил, что «у нас есть программа партии... это... программа политическая... она должна дополниться второй программой партии... показывающий, как перевести Россию на

настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма» [23. С. 158].

Какой экономический рецепт для России предлагал план ГОЭЛРО? Основные направления экономического развития и наиболее значимые показатели, которые необходимо было выполнить в течение 10 лет, изложил в своем докладе председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский. Он обозначил главную задачу ГОЭЛРО как «подъем производительности народного труда за счет интенсификации и механизации ручного труда с помощью использования большого количества электроэнергии» [24. С. 64–66]. Предполагаемая планом ГОЭЛРО масштабная электрификация страны рассматривалась Г.М. Кржижановским не просто как способ развития экономики, но и как возможность быстро сократить отставание от мировых лидеров промышленного развития. В этой связи большое внимание в плане ГОЭЛРО было уделено ряду отраслей народного хозяйства – электроэнергетике, топливоснабжению, промышленности, транспорту.

Задания по отдельным районам в плане ГОЭЛРО не были обозначены специально. Скорее всего это было связано с трудностями определения приоритетов развития регионов при крайней подвижности границ в условиях военных действий. Однако из доклада Г.М. Кржижановского можно составить представление о стратегии территориального развития советского руководства. В рамках ее реализации предполагалось разделить страну на ряд районов – Центральный промышленный вокруг Москвы, Северо-Западный вокруг Петрограда, Юго-Западный вокруг Юзовки (Донецка), а также Западную Сибирь и Урал. В условиях, когда территория важного Польского экономического района оказалась за пределами Советской России, значение оставшихся экономических районов возросло, а задача по развитию восточных территорий страны стала более острой, чем раньше.

С целью быстрого восстановления и развития экономики Советской России разработчики плана ГОЭЛРО предполагали строительство электростанций большой мощности во всех экономических районах (табл. 2). В последующем они должны были стать основой для строительства крупных современных промышленных производств [25. С. 92].

Таблица 2
Мощность первой очереди строительства электростанций по плану ГОЭЛРО

Район	Установленная мощность паровых и гидроэлектростанций, кВт	Доля от общей мощности, %
Северо-Западный	195 000	12
Центральный промышленный район	360 000	22
Юго-Западный	560 000	35
Волжский	120 000	7
Урал	210 000	13
Кавказ	30 000	2
Сибирь и Туркестан	150 000	9
Всего	1 625 000*	100

*Рассчитано по: [25. С. 218].

Как видно из табл. 2, наиболее мощные электростанции должны были строиться в развитых в промышленном отношении регионах без привязки к энергетическому потенциалу имеющихся в них рек. Особенно показательным в этом отношении является Урал, совокупная мощность рек которого оценивалась примерно в 217 тыс. л. с. (160 тыс. кВт), что составляло около 1% от совокупной мощности всех рек Советской России². Такая ситуация подталкивала к размещению электростанций по плану ГОЭЛРО лишь на наиболее полноводных реках, например Чусовой и Белой. Однако этого было явно недостаточно, поэтому большая часть энергии на Урале должна была вырабатываться за счет разработки минеральных ресурсов. Предполагалось, что к 1930 г., на который должно было прийти завершение реализации плана ГОЭЛРО, для этих нужд будет добываться до 300 млн пудов (5 млн т.) угля в год [25. С. 57]. Достичь этих показателей предполагалось за счет разработки Кизеловского угольного бассейна и Егоршинских антрацитовых копей, в этих районах также планировалось строительство работающих на угле электростанций.

Большое внимание в плане ГОЭЛРО уделялось добыче сырья для нужд тяжелой промышленности, поэтому, исходя из объема разведанных запасов, предполагалось довести долю Урала в объеме общей добычи железной руды в стране до 25 и 55–60% для медной руды соответственно [25. С. 172]. На основе добытого сырья уральские заводы должны были выплавлять до 150 млн пудов (2,5 млн т) чугуна в год [25. С. 174], в то время как на рубеже веков совокупное производство литейного, передельного, специального чугуна и чугуна лома составляло около 1,3 млн пудов (21,3 тыс. т) [16. С. 136–137]. При этом намечалось, что Юго-Западный промышленный район будет выплавлять до 300 млн (5 млн т) пудов чугуна в год [25. С. 174], при том, что в 1900 г. этот район производил 6,5 млн пудов (около 107 тыс. т) [16. С. 136–137].

Важным выводом из анализа приведенных данных является констатация колоссального (50–100 раз) по сравнению с возможностями Российской империи запроектированного роста производства чугуна, который являлся базовым материалом для большинства предприятий тяжелой промышленности. Помимо этого, следует выделить тенденцию к постепенному сближению объемов производства Южного (Донецкого) и Уральского промышленных районов, разница в производственных потенциалах которых до революции достигала 300 раз, а к концу выполнения плана ГОЭЛРО должна была сократиться до 2 раз. Помимо этого, в плане ГОЭЛРО предполагалось углубление специализации продукции тяжелого машиностроения районов страны. Так, на Урале должно было производиться горнозаводское оборудование и металлопрокат, а в Юго-Западном, Центральном и Волжском районах – продукция судостроения, сельскохозяйственные орудия, станки для легкой промышленности [25. С. 175–176].

Кроме развития электроэнергетики и тяжелой промышленности в ГОЭЛРО освещались планы по лесозаготовкам, так как лес в начале 1920-х гг. являлся важ-

ным сырьем для промышленности и строительства. На Урале вырубка леса должна была вестись вдоль полноводных рек Западного и Северного Урала [25. С. 182], по которым лес можно было легко сплавлять. Перспективным направлением для развития народного хозяйства экономического района считалась разработка торфяных месторождений, легко поддающихся добыче открытым способом, и последующая газификация и коксование этой породы [25. С. 186].

Важной народно-хозяйственной задачей, поставленной в плане ГОЭЛРО, являлось развитие транспорта. В своем докладе Г.М. Кржижановский предлагал кардинально решить проблему транспортной доступности регионов за счет создания сети связанных между собой судоходных водных путей и электрифицированных железных дорог [25. С. 214–215], получивших название *сверхмагистралей*. Ряд таких сверхмагистралей должен был связать центральные регионы страны, где была сосредоточена основная масса населения, с промышленными районами на окраинах. По сверхмагистралям предполагалось осуществлять более быструю транспортировку готовой промышленной продукции и продовольствия, а рост транспортной связности и доступности должен был вести к постепенному преодолению диспропорции развития регионов.

Говоря об Урале, Г.М. Кржижановский подчеркивал недостаточность путей, связывавших его с европейской частью России. Решить эту проблему он предлагал за счет строительства восточной сверхмагистрали, которая должна была соединить Москву с текстильным производством Поволжья, металлургической промышленностью Урала и Кузнецким угольным бассейном в Западной Сибири. Этот транспортный путь должен был стать основой для создания в будущем высокоинтегрированного народно-хозяйственного комплекса на востоке страны, основу которого составляли бы предприятия уральской промышленности, работающие на кузнецком угле [25. С. 147–148]. При этом в докладе VIII съезду был отражен и альтернативный взгляд на развитие уральской экономики. Кржижановский заявлял, что даже в случае максимально успешного развития уральской промышленности она не сможет конкурировать по себестоимости продукции с предприятиями донецкого промышленного района [25. С. 214–215], поэтому предлагал альтернативную идею создания в районе Уфы крупного металлургического комбината, который бы работал на коксе и антраците из донецкого угольного бассейна [25. С. 202]³. Таким образом, в плане ГОЭЛРО был обозначен стратегический выбор развития уральского региона – интеграция в крупный межтерриториальный комплекс на востоке страны или ориентация на юго-запад, на индустриальный Донбасс.

Выбор того или иного варианта должен был повлечь за собой корректировку всей стратегии развития страны. Первый (восточный) вариант подразумевал создание крупного независимого индустриального центра, «сдвиг» части производительных сил на восток и обострение конкуренции между Донбассом и Уралом. Второй (западный) вариант подразумевал

создание на производственной базе Донбасса и Урала единого промышленного комплекса, опоясывающего центр Советской России. В 1920 г. вопрос о выборе стратегии территориального развития оставался открытым.

Важной частью плана ГОЭЛРО была ориентация на экспорт советских товаров, конкурентноспособных на мировых рынках, с целью получения твердой валюты [24. С. 61]. Это отвечало и общей стратегии советского руководства на протяжении большей части 1920-х гг., о чем свидетельствуют действия председателя ВСНХ и заместителя председателя СНК СССР А.И. Рыкова. В 1923 г. он разъяснял руководителям промышленности, что залогом индустриального развития СССР является удовлетворение спроса крестьянства, которое, в свою очередь, должно наращивать экспорт хлеба на мировые рынки [30. С. 253–262]. Поэтому основой советского экспорта по плану ГОЭЛРО должны были быть, как и до революции, зерно и руда Юго-Западного промышленного района. Также предполагалось увеличить экспортную географию Советской России за счет связи черноморских портов с экономическими районами в бассейнах Волги и Днепра. При реализации этой стратегии уральский район остался бы в стороне от экспортных операций, что являлось фактором в пользу выбора его экономической интеграции с соседними регионами и создания автономного хозяйственного комплекса.

В историографии план ГОЭЛРО часто оценивают восторженно, как стратегический проект, обладавший выдающейся методологией и комплексным охватом [31. С. 30–39; 32. С. 151–153; 33. С. 348]. В целом стоит отметить, что план ГОЭЛРО имел ряд слабых мест. Прежде всего он был сосредоточен на развитии отдельных отраслей народного хозяйства и ряда регионов страны, которые должны были выступать в качестве точек роста, и практически ничего не говорил о других регионах. Так, в нем отсутствует информация о развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока. При этом вопросы хозяйственной кооперации регионов в выступлении Г.М. Кржижановского на VIII съезде Советов были освещены непоследовательно; руководитель комиссии ГОЭЛРО порой предлагал взаимоисключающие варианты развития этой кооперации. О модернизации промышленности план ГОЭЛРО говорил весьма избирательно, делая акцент преимущественно на развитии электрификации, транспорта и добычи минеральных ископаемых. Визионерская уверенность во всемогуществе электричества подпитывалась марксистской ортодоксией: «Базируясь на тезисе Маркса о капитализме как эпохе пара, Ленин считал, что эпохой электричества станет социализм» [33. С. 345]. План ГОЭЛРО был эффектно презентован на VIII съезде Советов (знаменитая карта электрификации, на которой вспыхивали отмечаемые докладчиком огоньки-эмблемы проектируемых электростанций) и вскоре стал неотъемлемой частью советской культуры, настоящим культурным мифом [34. С. 164–176]. Но предлагавшиеся творцами плана ГОЭЛРО меры могли дать экономический результат только в совокупности с развитием предприятий тяжелой промышленности и машиностроения, планы по

которым в тексте доклада были представлены в меньшей степени. Например, на Урале фактически реализована была только «прагматичная» часть плана ГОЭЛРО, тогда как основная, предполагавшая возведение мощных ГРЭС и сверхмагистралей, не была выполнена даже в 1930-е гг., а показатели роста выработки электричества в основном давали выстроенные в рамках первой пятилетки новые электростанции (такие как Березниковская ТЭЦ или Магнитогорская ЦЭС), не предусмотренные планом ГОЭЛРО [35. С. 70]. Слабые места плана ГОЭЛРО предопределяли необходимость его последующей корректировки в новый более сбалансированный экономический план.

Началом работы в этом направлении можно считать решение о переработке плана ГОЭЛРО, принятое на заседании Президиума Госплана СССР 21 июня 1924 г. [36. Л. 3]. С этой целью при Президиуме была создана комиссия по пересмотру плана электрификации в генеральный план реконструкции народного хозяйства. Первые результаты работы комиссии по пересмотру плана ГОЭЛРО Г.М. Кржижановский представил на пленарном заседании Президиума 23 июня 1925 г. Он предложил выделить на территории СССР семь крупных экономических районов: Северо-Западный, Центрально-Промышленный, Южно-Горно-Промышленный, Юго-Восточный, Уральский, Туркестанский и Сибирский [37. С. 26]. Производственной основой каждого такого района должна была стать сеть мощных электростанций, которая бы обеспечивала работу возводимых крупных промышленных предприятий. Также для каждого района предполагалось заранее определить основные экономические показатели не в валовом, а подушевом исчислении [37. С. 18]. Конечной целью проекта разработки генерального плана должно было стать создание экономических условий для построения в СССР социалистического общества [37. С. 11].

Ко второй половине 1925 г. сложились благоприятные условия для разработки и реализации генерального плана реконструкции народного хозяйства, поскольку летом того же года И.В. Сталин публично называл электрификацию средством «сближения деревни с городом и уничтожения противоположности между ними» [38. С. 157]. Альтернативная сталинскому курсу теория Л.Д. Троцкого о «перманентной революции», которая не предполагала планов долгосрочного развития СССР, была осуждена еще 17 января 1925 г. на совместном пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) [39. С. 7–10]. Таким образом, было закреплено лидерство в партийном и государственном аппарате коалиции политических деятелей во главе с И.В. Сталиным, которая отстаивала тезис о построении социализма в отдельно взятой стране. Этот курс был официально закреплён в декабре 1925 г. в резолюции XIV съезда ВКП(б), в которой указывалось: «Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии» [40. С. 515].

Поэтому уже на I съезде Президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик в марте 1926 г. Г.М. Кржижановский высказал идею о создании целой *системы* народно-хозяйственных планов:

контрольные цифры, рассчитанные на один год; перспективный план, задающий ориентиры для развития экономики на пять лет; и генеральный план, охватывающий несколько перспективных планов, т.е. рассчитанный на 10–15 лет [40. С. 180; 41]. В связи с этим было принято решение о разработке новой редакции генерального плана реконструкции народного хозяйства, отличительной чертой которой должна была стать проработка как отраслевого, так и регионального разреза плана. Также был обновлен состав комиссии по разработке генерального плана реконструкции – во главе ее встал первый заместитель Председателя Госплана СССР П.С. Осадчий [42. С. 42], чей статус подчеркивал важность проводившейся комиссией работы.

П.С. Осадчий, как руководитель комиссии, исходил из того, что в течение 15 лет в СССР будет построен социалистический строй, а главным показателем его достижения должно будет стать удвоение среднего дохода на душу населения [42. С. 3.]. Добиться этого предполагалось с помощью улучшения положения крестьян, поскольку они составляли подавляющую часть населения СССР. Для этого П.С. Осадчий предлагал предоставить крестьянам больше экономической инициативы и создать условия для рационального использования имеющихся у них сельскохозяйственных земель [43. С. 4]. Также, как и в плане ГОЭЛРО, П.С. Осадчий в проекте генерального плана ориентировал экономику страны на расширение экспортных операций, главным стимулом для увеличения которых должно было стать строительство новых сверхмагистралей. Однако в подготовленном под его началом проекте генерального плана реконструкции было несколько изменено это понятие. Сверхмагистралью стали пониматься не просто как сети водных и железнодорожных путей, а как развитая логистическая система, оснащенная «механическим перегрузочным оборудованием в узлах пересечения водных и железных путей» [44. С. 13–14]. При этом, как и в плане ГОЭЛРО, наиболее важными для страны, во время реализации генерального плана, должны были стать Волго-Донская и Днепровская сверхмагистраль, по которым намечались перевозки к черноморским портам для экспорта свыше 100 млн пудов (1,5 млн т) угля [44. С. 19]. Важным значением развития указанных транспортных путей в генеральном плане являлось то, что восточные регионы страны, в частности Урал, оставались за пределами главных экспортных путей.

В региональном разрезе генерального плана были внесены существенные коррективы, связанные с начавшейся реформой административного деления СССР, которая позволила четко определить границы экономических районов. Первым эта реформа коснулась Урала, так как 3 ноября 1923 г. были упразднены Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии, а на их территориях была учреждена обширная Уральская область. Реформа позволила консолидировать ресурсы и централизованно проводить преобразования на обширных пространствах нового административного образования. Исходя из этого П.С. Осадчий предлагал комплексно развивать хозяйство Уральской области, т.е. одновременно решать

сырьевую, энергетическую и транспортную проблемы, стоящие перед ней [44. С. 23–24].

Прежде всего, в генеральном плане Урал рассматривался как база для добычи полезных ископаемых. Поэтому на работы, связанные с разведкой железных руд на Урале, предполагалось потратить почти половину запланированной для всего СССР суммы – 12 из 25 млн руб. При том, что по разведанным на тот момент запасам меди Урал занимал первое место, и за 15 лет реализации генерального плана ее выплавка должна была вырасти с 600 тыс. до 20 млн пудов (с 10 до 328 т) в год [45. С. 4]. Но наиболее важным для дальнейшего промышленного развития региона являлся уголь. Предполагалось увеличение его добычи за 15 лет в 3,6 раза: с 1,6 до 5,5 млрд пудов (с 26 до 90 млн т), однако на районы Урала и Кузнецкого бассейна совокупно должно было приходиться 21% добычи угля всего СССР, в то время как на Донецкий бассейн 123 360% [46. С. 4].

Таким образом, удаленность от экспортных путей, наличие минеральных ресурсов, большого количество предприятий тяжелой промышленности и значительный разрыв в экономическом потенциале с западными районами страны, прежде всего районом Донецкого бассейна, вновь актуализировал перед П.С. Осадчим и возглавляемой им комиссией вопрос о развитии кооперации Урала с соседними регионами. В итоге в генеральном плане был окончательно сделан выбор в пользу связи уральского региона с предприятиями Кузнецкого угольного бассейна.

Первым шагом на пути к экономической интеграции регионов стало уточнение проекта Восточной сверхмагистрали, предусмотренной планом ГОЭЛРО. В генеральном плане она получила название Сибирской и предполагала протяженность 2 тыс. верст (2,1 тыс. км). Специально для перевозки грузов по ней предусматривалось введение льготных транспортных тарифов [44. С. 12–13]. Это решение стало первым шагом к реализации проекта масштабного производственного Урало-Кузнецкого комбината, который должен был представлять из себя комплекс из множества предприятий тяжелой промышленности в Урало-Сибирском регионе. Главным показателем успешности Урало-Кузнецкого комбината должно было стать значительное увеличение выпуска продукции черной металлургии (табл. 3).

Таблица 3
Предполагаемый по генеральному плану выпуск продукции черной металлургии в 1931–1941 гг. *

Продукция	Годы	Юг		Урал		Центр и Сев.-Запад		Зап. Сиб.		Прочие районы	
		млн п.	%	млн п.	%	млн п.	%	млн п.	%	млн п.	%
Чугун	1931	240	75	65	20	6	3	7	2	–	–
	1936	345	68	110	21	13	3	35	7	6	1
	1941	450	64	150	21	15	2,5	70	10	16	2,5
Сталь	1931	250	68	70	19	33	12	8	1	–	–
	1936	332	62	130	25	38	7	30	5,5	7	0,5
	1941	400	57	100	23	40	6	55	12	15	2
Прокат	1931	192	70	54	20	25	9	2	1	–	0
	1936	265	62	104	24	28	6	24	5	5	3
	1941	335	58	135	23	30	5	70	12	10	2

Примечание. Млн п. – миллион пудов. *Рассчитано по: [47. С. 2].

Из материалов табл. 3 видно, что генеральный план, подготовленный комиссией П.С. Осадчего, подразумевал определенную коррекцию территориального развития и выравнивание экономического баланса между регионами страны. В восточных районах, на Урале и в Западной Сибири, предполагалось в течение 10 лет создать мощный металлургический центр, доля которого в общесоюзном производстве должна была постепенно повышаться (с 20–22 до 31–35%), а доля южного района, т.е. Донбасса, падать (с 68–75 до 57–64%). Но несмотря на это генеральный план не предполагал утраты Донбассом лидерства в черной металлургии.

Помимо разработки генерального плана из центра, Госплан СССР 9 апреля 1926 г. призвал к активизации работы по составлению генеральных планов местными плановыми органами для своих регионов [48. Л. 8]. Возможно, такое решение было связано с желанием переложить часть работы на нижестоящие организации из-за сокращения бюджета Госплана СССР на 1926 г. [48. Л. 5]. Это предложение было активно поддержано региональными плановыми комиссиями. В частности, еще на I съезде Госпланов в марте 1926 г. председатель Уралплана Л.Е. Гольдич обосновывал необходимость форсированного развития промышленности Уральской области большим объемом неудовлетворенного спроса на металл и металлические изделия в СССР. По его словам, «при... нищенском металлическом пайке в Союзе не может быть вопроса о какой-то конкуренции двух основных металлургических районов Союза – Урала и Украины» [49. С. 140]. Для развития и обоснования этих слов Уралпланом к 1927 г. был подготовлен генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. Основные показатели развития региона, заложенные в него, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Основные показатели развития Урала в 1927–1941 гг.
в млн руб. в ценах 1926–1927 гг. *

Показатель	1926–1927 гг.	1940–1941 гг.	Рост за 15 лет, %
Вложения в основной капитал и оборотные средства промышленности	854,1	650,5	–24
Товарная продукция промышленности	300,5	1833,2	610
Вложения в основной капитал сельского хозяйства	77,5	58,2	–25
Валовая продукция с/х	765,7	1196,7	156
Товарная масса	329	1 086	330
Товарооборот	1 280	3 588	280
Доход на душу населения	48,9	108,2	221
Вложения в основной капитал городского жилищного строительства	63,9	86,5	135

*Рассчитано по: [50. С. 80, 83].

Из табл. 4 видно, что Уралплан предусматривал интенсивный путь развития уральской экономики, поскольку за 15 лет предполагалось снижение вложений в основной капитал ведущих отраслей – промышленности и сельского хозяйства на 25%, в то время как в денежном выражении предполагался рост вы-

пуска продукции в 1,5 раза для сельского хозяйства и в 6 раз – для промышленности. Такая пропорция выпуска была обусловлена структурой региональной экономики.

Также предполагалось улучшение гражданского потребления за счет увеличения объема товарной массы в 3,3 раза, которая в денежном выражении должна была быть сопоставимой с продукцией промышленности и сельского хозяйства. Наряду с этим предполагалось увеличить товарооборот в 2,8 раза, а доходы на душу населения – лишь в 2,2 раза. В перспективе эта ситуация могла вызвать диспропорции в хозяйстве Урала, которые можно было устранить с помощью увеличения вывоза произведенных на Урале товаров или активного привлечения населения в регион, прежде всего в города. Для чего предполагалось создать материальный ресурс в виде увеличения вложений в основной капитал жилищного строительства на 35 %, в то время как предполагалось увеличение городского населения за 15 лет на 7,5% (с 20,9% в 1926–1927 гг. до 28,4% в 1940/41 г.) [50. С. 82].

Натуральные показатели развития уральского региона также предполагали существенный рост. Например, производство меди должно было увеличиться в 6,6 раза (с 10 до 66 тыс. т), чугуна в 4,5 раза (с 621 до 2 802 тыс. т). Меньшими темпами предполагалось увеличить выработку электроэнергии в 1,4 раза (с 200 тыс. до 290 тыс. кВт), это определялось тем, что главным источником энергии для уральской промышленности был уголь. На такую же величину – 1,4 раза, предполагалось увеличить сбор зерновых: с 59 до 85,8 пудов (с 1 до 1,5 т) с десятины (1,09 га) [50. С. 80].

Помимо простого увеличения выпуска продукции генеральный план хозяйства Урала содержал в себе стратегию по реализации продукции региона, прежде всего коксового чугуна, в прилегающих регионах Сибири и Казахстана с помощью строительства железных дорог в направлении Орска, Оренбурга, Актюбинска, Кустаная и т.д. [50. С. 67–68]. Помимо этого, Уралплан поддерживал создание на Урале базы для дальнейшего хозяйственного освоения природных богатств восточных территорий СССР – Восточной Сибири и Дальнего Востока. Под эту идею Уралплан подводил следующее экономическое обоснование. Поскольку активизация хозяйственной деятельности потребует создания промышленности и увеличения потребления металлической продукции на указанных территориях, то в первое время необходимо будет осуществлять поставки металла в эти регионы. Стоимость чугуна при перевозке по железной дороге на расстояния свыше 3 тыс. км увеличивается почти на 40%, что делало нерентабельным и убыточной транспортировку металлов из Донбасса в Сибирь [50. С. 73], поэтому поставки металла, следовательно, и перспективы хозяйственного освоения были возможны только из района Урала и Западной Сибири. А это значило, что Урал должен был превратиться из удаленного от экспортных путей региона в базу для освоения восточных районов СССР, из экономического «закулисья» выдвинуться на «авансцену».

Таким образом, экономисты Уралплана подошли к реализации общих установок комиссии П.С. Осадчего максимально в пользу Уральского региона и интерпретировали географическое положение Урала как фактор его потенциального устойчивого роста.

В целом предложения комиссии генерального плана под руководством П.С. Осадчего и их детализация для Урала, подготовленная Уралпланом, представляли вариант относительно высоких темпов индустриализации в целом для СССР и в частности для Урала. Однако предложенные хозяйственными органами темпы индустриализации, а также тот факт, что их осуществление планировалось в условиях НЭП, не устраивало высшее политическое руководство страны, так как в первой половине 1927 г. случился кризис в отношениях между СССР и Великобританией, приведший к так называемой большой военной тревоге. Уже в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) была утверждена директива о составлении первого пятилетнего плана, в которой военная опасность была использована в качестве предлога для радикализации экономической политики. В ней констатировалось, что «учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств... необходимо... уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны» [51. С. 1292]. Также отдельно отмечалось, что в области сельского хозяйства «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» [52. С. 1308]. Таким образом, сталинское партийное большинство ориентировало весь хозяйственный механизм страны на форсированную индустриализацию, источником средств для которой должно было выступать сельское хозяйство.

В 1927 г. заведующий Конъюнктурным институтом при Наркомате финансов СССР Н.Д. Кондратьев критиковал концепцию плана, разработанную Г.М. Кржижановским и С. Г. Струмилиным, за отсутствие сведений по вопросу об экспорте, и с тревогой замечал: «Не обеспечивая программы накоплений и вложений, не обеспечивая достаточного экспорта, а следовательно, и импорта, она не обеспечивает и принятой программы индустриализации и реконструкции» [53. С. 127]. Но вопросы экспорта утрачивали свое значение по мере того, как советское руководство все в большей степени трактовало политику построения социализма в одной стране как политику автаркии.

В целях реализации установки, заданной И.В. Сталиным в конце 1927 – начале 1928 гг., П.С. Осадчего на посту руководителя комиссии по разработке генерального плана реконструкции народного хозяйства сменил член Президиума Госплана СССР Н.А. Ковалевский. Он придерживался телеологического подхода к планированию, предполагавшего более высокие темпы развития эконо-

мики и опиравшегося на «примат целевых установок в плане, на директивные методы управления» [54. С. 7]. После чего работа по подготовке региональных версий генерального плана в местных плановых комиссиях была переформатирована и разрабатывавшиеся в последующем планы исходили из смены курса в планировании [55].

Таким образом, большевистское руководство на протяжении большей половины 1920-х гг. продвигало идею быстрого преодоления экономического отставания страны от ведущих капиталистических держав. Впервые эта идея развернуто была сформулирована в плане ГОЭЛРО в 1920 г., а затем развита в готовившемся в 1925–1927 гг. генеральном плане реконструкции народного хозяйства СССР. Территориальная стратегия в рамках плана ГОЭЛРО и генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР заключалась в постепенном выравнивании уровня развития регионов страны.

В частности, для Урала это означало постепенное приближение его производственного потенциала к уровню промышленного производства Донбасса. Однако отдаленность транспортных путей, ориентированных на вывоз произведенных товаров за рубеж, определяла хозяйственную замкнутость уральского региона. Экономическая стратегия, предполагавшая наращивание экспорта из СССР, неизбежно оставляла Урал на периферии развития, сохраняя ведущую роль за Южным промышленным регионом и следуя сложившемуся еще до революционной тенденции.

Решением этой проблемы стала интеграция с Западно-Сибирским регионом. Это решение не было простым и готовым, и его выработка потребовала немало времени и интеллектуальных сил; оно было лишь намечено в плане ГОЭЛРО, а затем закреплено в проекте генерального плана и подтверждено в генеральном плане хозяйства Урала в 1920–1927 гг. На заключительном этапе этого исторического периода, в 1925–1927 гг., указанная тенденция трансформировалась в амбициозный проект Урало-Кузнецкого комбината, строительство которого, начиная с 1930 г., стало рассматриваться как одна из наиболее важных задач развития всей страны. Ее решение позволило бы получить от «второй угольно-металлургической базы на Урале» [56. С. 255] сталь и топливо для работы предприятий в центре СССР и дальнейшего хозяйственного освоения восточных территорий.

Работа по развитию промышленного потенциала Урала и Западной Сибири имела еще одно важное последствие – возведенные в 1920–1930-е гг. промышленные объекты стали базой для эвакуированных из западных областей промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны [57. С. 108–118]. Таким образом, в 1920-е гг. была переосмыслена экономическая роль Уральского региона, был заложен фундамент для масштабной модернизации уральского хозяйства и созданы предпосылки для его трансформации в один из главных промышленных регионов СССР, тот самый «опорный край державы», о котором писал Твардовский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Предполагаемая совокупная мощность всех электростанций, которые предполагалось ввести в строй по первой очереди ГОЭЛРО, была чуть больше мощности одной Днепровской гидроэлектростанции, построенной во время первой пятилетки.
- ² Для сравнения: доля рек Сибири в совокупной мощности рек составляла около 53%. Рассчитано по: [25. С. 77].
- ³ С большой долей вероятности можно утверждать, что в последующем идея создания в Башкирии крупного металлургического завода трансформировалась в нереализованный, но широко обсуждавшийся проект Комарово-Зигазинского металлургического комбината. См.: [27. С. 6; 28. С. 37; 29. С. 13–14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин Г.М. Планирование народного хозяйства СССР. Вопросы теории и организации. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1961. 460 с.
2. Омаров А.М. Научные основы планирования народного хозяйства. М. : Мысль, 1966. 76 с.
3. Рубин А.М. Организация управления промышленностью в СССР (1917–1967 гг.). М. : Экономика, 1969. 236 с.
4. Залкинд А.И., Мирошников Б.П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М. : Экономика, 1980. 256 с.
5. Nove A. The Soviet economic system. London : Unwin Hyman, 1986. 406 p.
6. Jan A. Planning and Market in Soviet and East European Thought, 1960s–1992. New York : St. Martin's Press, 1993. 320 p.
7. Ellman M. Socialist Planning. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 421 p.
8. Коссов В.В. О планировании социального и экономического развития России – платформа для консолидации общества. Выводы из опыта Госплана СССР // Экономическая наука современной России. 2013. № 3 (62). С. 101–121.
9. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. 400 с.
10. Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 392 с.
11. Анализ и прогнозирование экономики региона / отв. ред. В.П. Чичканов, П.А. Минакир. М. : Мысль, 1984. 271 с.
12. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск : Энциклопедия, 2012. 328 с.
13. Тимошенко А.И. Урало-Кузбасс: Создание второй угольно-металлургической базы экономики СССР в 1930-е гг. // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 1. С. 70–92.
14. Корнилов Г.Е. Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 287–303.
15. Михеев М.В. Урал – Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики // ЭКО. 2015. № 10. С. 172–183.
16. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.) / под ред. В.А. Базарова, В.Е. Варзара, В.Г. Громана и др. Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год. Ч. 1. Промышленность 1900 года. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 325 с.
17. Россия. Полное географическое описание нашего отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей : в 19 т. / под общ. ред. В.П. Семенова. СПб. : Тип. Императорской академии наук. 1899–1914. Т. 14 : Новороссия и Крым : [Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губ., Обл. Войска Донского, Ставропольская губ.]. 983 с.
18. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк по политической географии) // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 74–91.
19. Kiselev M.A., Graber A. State metallurgy factories and direct taxes in the Urals, 1700-50: Paths to state building in early modern Russia // Kritika. 2015. № 16. P. 7–36. DOI: 10.1353/kri.2015.0012
20. Голикова С.В. Горнозаводской субстрат уральского областничества // Studia Culturae. 2016. Т. 1, № 27. С. 165–175.
21. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. С. 46–52.
22. Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.
23. Ленин В.И. Доклад всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 42. Ноябрь 1920 – март 1921. М. : Изд-во политической литературы, 1970. С. 128–162.
24. Восьмой Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 г.) М. : Гос. изд-во, 1921. 299 с.
25. План электрификации Р.С.Ф.С.Р. Введение к докладу 8-му Съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М. : Гос. техн. изд-во, 1920. 230 с.
26. Промышленность 1900 года. В связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 328 с.
27. Пятилетний план БАССР (Материалы и постановления VIII Всебашкирского Съезда Советов). Уфа : Хозяйство Башкирии, 1931. 184 с.
28. Гинзбург М.Я. Опыт районной планировки // Советская архитектура. 1933. № 4. С. 34–50.
29. Из отчетного доклада т. Быкина о работе Башобкома ВКП(б) на XVI областной партконференции // Путь Ленина. № 1–2 от 5 февраля 1934 г. С. 1–26.
30. Рыков А.И. Кризис и очередные хозяйственные задачи (Речь на собрании красных директоров Московской губернии 18 ноября 1923 г.) // Рыков А.И. Избранные произведения. М. : Экономика, 1990. С. 253–262.
31. Бушуев В.В., Воропай Н.И. План ГОЭЛРО: итоги и уроки // Энергетическая политика. 2019. № 4 (142). С. 30–39.
32. Козенко Н.В. План ГОЭЛРО: актуальный опыт советской индустриализации // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2018. С. 151–153.
33. Марков Н.В. План ГОЭЛРО в оценках современников // Документ в современном обществе: между прошлым и будущим : тез. X Всерос. студ. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 340–352.
34. Соловьева Т.В. План ГОЭЛРО как миф // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 164–176.
35. Баканов С.А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е – начале 1930-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 65–70.
36. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 22. Д. 34.
37. Кржижановский Г.М. К пересмотру плана ГОЭЛРО // Плановое хозяйство. 1925. № 7. С. 7–28.
38. Сталин И.В. Вопросы и ответы : Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М., 1946–2006. Т. 7. С. 156–400.
39. Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 17 января 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М., 1946–2006. Т. 7. С. 6–10.
40. Резолюция по отчету ЦК : (По докладом тт. Сталина и Молотова) // XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стенографический отчет. М. : Гос. изд-во, 1926. С. 515.
41. Май В.А. Реформы и догмы. 1914–1929 : Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993. 256 с.

42. Сорокин Г.М. Первый генеральный план развития народного хозяйства (Из истории разработки перспективных планов) // Плановое хозяйство. 1961. № 2. С. 36–48.
43. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 3. Предпосылки для планирования в сельском хозяйстве // Правда. 1927. № 154. 10 июля. С. 4.
44. Осадчий П.С. Генеральный план реконструкции народного хозяйства и крупное строительство // Плановое хозяйство. 1926. № 11. С. 13–14.
45. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 5. Обеспечение производства ископаемым сырьем // Правда. 1927. № 166. 24 июля. С. 4.
46. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 7. Топливо // Правда. 1927. № 178. 7 августа. С. 4.
47. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 8. Металлопромышленность // Правда. 1927. № 184. 14 августа. С. 2.
48. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 22. Д. 5.
49. Гольдич Л.Е. О работе Уралплана // Проблемы планирования (итоги и перспективы). Стенографический отчет I съезда президиумов Госплана СССР и госпланов союзных республик с участием представителей местных плановых органов в Москве 10–17 марта 1926 г. С. 134–152.
50. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927. 845 с.
51. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М. ; Л., 1928. С. 1292.
52. О работе в деревне // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. С. 1308.
53. Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л. : Лениздат, 1989. С. 95–135.
54. Возвращение к истокам // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л. : Лениздат, 1989. С. 3–9.
55. Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 764 с.
56. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Полное собрание сочинений : в 18 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 12. С. 235–372.
57. Бугров К.Д., Запарий В.В. Танкостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 108–118.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2020 г.

The Place of the Ural Region in the Planning of the USSR's Economic Development in 1920–1927

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 168–178.

DOI: 10.17223/15617793/468/19

Maxim A. Simonov, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

Keywords: USSR; Ural; economy; planning; industrialization; 1920s.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10095.

The relevance of the topic lies in the study of factors that contribute to overcoming the backwardness and rapid development of individual economic regions. One important example of such a model of regional development is the Urals, which in a short time turned from a losing region into one of the pillars of the Soviet economic model. In this regard, the research object is the economic complex of the Ural region with the focus on the planning of the economic development of the Urals and the external economic and political factors that affected it. The chronological framework of the study is determined by the period from the presentation of the GOELRO (State Commission for Electrification of Russia) plan at the VIII Congress of Soviets in 1920 to the approval of the directive on the development of the first five-year plan at the XIV Congress of the CPSU(b) in 1927. It was at this time that the basic principles and proportions of territorial development of the USSR and the Urals were elaborated; they were only strengthened and developed during the first five-year plans. The source base for the study is the long-term development plans of Soviet Russia and the Soviet Union, the GOELRO plan, the general plan of the reconstruction of the national economy of the USSR for 15 years, and the general plan of the economy of the Urals for the period from 1927 till 1941. Detailed information about the first two plans was published in the open Soviet press, and the last, the general plan of the economy of the Urals, was fully published. For a more detailed disclosure of the topic, materials from the meeting of the Presidium of the State Planning Committee of the USSR were also involved. The presentation of the results is arranged in chronological order, which allows tracing the evolution of planning authorities' ideas about the ways of development of the Ural economy. The main results of the study are: the idea of a rapid economic development of the country proposed in the GOELRO plan meant for the Urals the creation of new industrial capacities and the gradual approximation of its economic potential to the potential of the Donetsk region. At the same time, the remoteness of the Urals from export-oriented transport routes pushed the central leadership to integrate the Urals with Western Siberia and create a second major industrial base in the East of the country. This vector of development was enshrined in the general plan for the reconstruction of the national economy and the economy of the Urals, and this idea gained a complete form of an inter-territorial project of the Ural-Kuznetsk combine. The development of this vector took place in the conditions of the NEP: however, after the beginning of the transition to a single-person dictatorship and command-based administrative system, the country's top leadership did not abandon this course: on the contrary, it began to implement it in a more hypertrophied form than the developers of the 1920s had anticipated.

REFERENCES

1. Sorokin, G.M. (1961) *Planirovanie narodnogo khozyaystva SSSR. Voprosy teorii i organizatsii* [Planning of the National Economy of the USSR. Questions of theory and organization]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
2. Omarov, A.M. (1966) *Nauchnye osnovy planirovaniya narodnogo khozyaystva* [Scientific Foundations of Planning the National Economy]. Moscow: Mysl'.
3. Rubin, A.M. (1969) *Organizatsiya upravleniya promyshlennost'yu v SSSR (1917–1967 gg.)* [Organization of Industrial Management in the USSR (1917–1967)]. Moscow: Ekonomika.

4. Zalkind, A.I. & Miroshnichenko, B.P. (1980) *Ocherki razvitiya narodnokhozyaystvennogo planirovaniya* [Essays on the Development of National Economic Planning]. Moscow: Ekonomika.
5. Nove, A. (1986) *The Soviet Economic System*. London: Unwin Hyman.
6. Jan, A. (1993) *Planning and Market in Soviet and East European Thought, 1960s – 1992*. New York: St. Martin's Press.
7. Ellman, M. (2014) *Socialist Planning*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kossov, V.V. (2013) On the design of social and economic development of Russia as a platform for consolidation of society. The conclusions from the experience of the USSR state planning. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii – Economics of Contemporary Russia*. 3 (62). pp. 101–121. (In Russian).
9. Gregori, P. (2008) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
10. Allen, R. (2013) *Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [From Farm to Factory: A new interpretation of the Soviet industrial revolution]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
11. Chichkanov, V.P. & Minakir, P.A. (eds) (1984) *Analiz i prognozirovaniye ekonomiki regiona* [Analysis and Forecasting of the Regional Economy]. Moscow: Mysl'.
12. Bakanov, S.A. (2012) *Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyy tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka* [The Coal Industry of the Urals: The life cycle of the industry from inception to decline]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
13. Timoshenko, A.I. (2011) Uralo-Kuzbass: Sozdanie vtoroy ugol'no-metallurgicheskoy bazy ekonomiki SSSR v 1930-e gg. [Ural-Kuzbass: Creation of the second coal and metallurgical base of the USSR economy in the 1930s]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya – Journal of Economic History & History of Economics*. 1 (12). pp. 70–92.
14. Kornilov, G.E. (2013) Historiographical approach to ural-kuzbass in the soviet economic strategy. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological And Cultural Studies*. 4 (42). pp. 287–303. (In Russian).
15. Mikheev, M.V. (2015) The Urals – Pechora: failed project of territorial reorganization of the Soviet economy. *EKO – ECO*. 10. pp. 172–183. (In Russian).
16. Bazarov, V.A. et al. (eds) (1929) *Dinamika rossiyskoy i sovetskoy promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozyaystva za sorok let (1887–1926 gg.)* [Dynamics of Russian and Soviet industry in connection with the development of the national economy for forty years (1887–1926)]. Vol. 1. Pt. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
17. Semenov, V.P. (ed.) (1899–1914) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey* [Russia. Full geographical description of our fatherland: Handbook and road book for Russian people]. Vol. 14. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
18. Semenov-Tyan-Shanskiy, V.P. (2002) On the powerful territorial possession as it can be applied to Russia (essay on political geography). *Regional'nye issledovaniya*. 1. pp. 74–91. (In Russian).
19. Kiselev, M.A. & Graber, A. (2015) State metallurgy factories and direct taxes in the Urals, 1700–50: Paths to state building in early modern Russia. *Kritika*. 16. pp. 7–36. DOI: 10.1353/kri.2015.0012
20. Golikova, S.V. (2016) Miming ad metallurgical substrate of the Urals Regionalism. *Studia Culturae*. 27 (1). pp. 165–175. (In Russian).
21. Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2014) Ideology of regionalism as a factor of formation of regional identity (Siberia and the Urals case). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12. pp. 46–52. (In Russian).
22. Bugrov, K. D. (2018) *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [Social City of the Big Urals]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
23. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 42. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. pp. 128–162.
24. Eighth All-Russian Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army and Cossack Deputies. (1921) *Vos'moy Vserossiyskiy S'ezd Sovetov Rabochikh, Krest'yanskikh, Krasnoarmeyskikh i Kazach'ikh Deputatov: stenograficheskiy otchet (22–29 dekabrya 1920 g.)* [Eighth All-Russian Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army and Cossack Deputies: Verbatim report (22–29 December 1920)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
25. GOELRO. (1920) *Plan elektrifikatsii R.S.F.S.R. Vvedenie k dokladu 8-mu S'ezdu Sovetov Gosudarstvennoy komissii po elektrifikatsii Rossii* [Plan for the electrification of RSFSR. Introduction to the report of the 8th Congress of Soviets of the State Commission for the Electrification of Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe tekhnicheskoye izdatel'stvo.
26. Groman, V.G. (ed.) (1929) *Promyshlennost' 1900 goda. V svyazi s razvitiem narodnogo khozyaystva za sorok let (1887–1926 gg.)* [Industry of 1900. In connection with the development of the national economy for forty years (1887–1926)]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
27. VIII Vsebashkirskiy S'ezd Sovetov [Eighth All-Bashkir Congress of the Soviets]. (1931) *Pyatiletniy plan BASSR* [Five-Year Plan of the BASSR]. Ufa: Khozyaystvo Bashkirii.
28. Ginzburg, M.Ya. (1933) Opyt rayonnoy planirovki [Experience of regional planning]. *Sovetskaya arkhitektura*. 4. pp. 34–50.
29. *Put' Lenina*. (1934) Iz otchetnogo doklada t. Bykina o rabote Bashobkoma VKP(b) na XVI oblastnoy partkonferentsii [From the report of comrade Bykin on the work of the Bashobkom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) at the 16th regional party conference]. 1–2. 5 February. pp. 1–26.
30. Rykov, A.I. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Ekonomika. pp. 253–262.
31. Bushuev, V.V. & Voropay, N.I. (2019) GOELRO plan: results and lessons. *Energeticheskaya politika – Energy Policy*. 4 (142). pp. 30–39. (In Russian).
32. Kozenko, N.V. (2018) Plan GOELRO: aktual'nyy opyt sovetskoy industrializatsii [GOELRO plan: current experience of Soviet industrialization]. In: *Novaya industrializatsiya Rossii: strategicheskie priorityety strany i vozmozhnosti Urala* [New Industrialization of Russia: Strategic priorities of the country and the possibilities of the Urals]. Yekaterinburg: Ural State University of Economics. pp. 151–153.
33. Markov, N.V. (2017) [The GOELRO plan as assessed by contemporaries]. *Dokument v sovremennom obshchestve: mezhdru proshlym i budushchim* [Document in Modern Society: Between the past and the future]. Abstracts of the 10th All-Russian Conference. Yekaterinburg. 7–8 April 2017. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 340–352. (In Russian).
34. Solov'eva, T.V. (2018) Plan GOELRO kak mif [The GOELRO plan as a myth]. In: Gorbacheva O.V. & Mazur, L.N. (eds) *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii* [Soviet Project. 1917–1930s: Stages and mechanisms of implementation]. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 164–176.
35. Bakanov, S.A. (2009) Stroitel'stvo rayonnykh elektrostantsiy po planu GOELRO na Urale v 1920-e – nachale 1930-kh godov [Construction of regional power plants according to the GOELRO plan in the Urals in the 1920s – early 1930s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 32 (170). pp. 65–70.
36. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 22. File 34. (In Russian).
37. Krzhizhanovskiy, G.M. (1925) K peresmotru plana GOELRO [To the revision of the GOELRO plan]. *Planovoe khozyaystvo*. 7. pp. 7–28.
38. Stalin, I.V. (1946–2006) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 156–400.
39. Stalin, I.V. (1946–2006) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 6–10.
40. Fourteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1925) Rezolyutsiya po otchetu TsK: (Po dokladam tt. Stalina i Molotova) [Resolution on the report of the Central Committee: (According to the reports of Comrades Stalin and Molotov)]. In: *XIV s'ezd Vsesoyuznoy*

- Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [Fourteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
41. Mau, V.A. (1993) *Reformy i dogmy. 1914–1929: Ocherki istorii stanovleniya khozyaystvennoy sistemy sovetskogo totalitarizma* [Reforms and Dogmas. 1914–1929: Essays on the history of the formation of the economic system of Soviet totalitarianism]. Moscow: Delo.
 42. Sorokin, G.M. (1961) Pervyy general'nyy plan razvitiya narodnogo khozyaystva (Iz istorii razrabotki perspektivnykh planov) [The first general plan for the development of the national economy (From the history of the development of long-term plans)]. *Planovoe khozyaystvo*. 2. pp. 36–48.
 43. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 3. Predposylki dlya planirovaniya v sel'skom khozyaystve [Essays on the economics of the general plan. 3. Prerequisites for planning in agriculture]. *Pravda*. 154. 10 July.
 44. Osadchiy, P.S. (1926) General'nyy plan rekonstruktsii narodnogo khozyaystva i krupnoe stroitel'stvo [General plan for the reconstruction of the national economy and large-scale construction]. *Planovoe khozyaystvo*. 11. pp. 13–14.
 45. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 5. Obespechenie proizvodstva iskopaemykh syr'em [Essays on the economics of the general plan. 5. Provision of production with fossil raw materials]. *Pravda*. 166. 24 July.
 46. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 7. Topливо [Essays on the economics of the general plan. 7. Fuel]. *Pravda*. 178. 7 August.
 47. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 8. Metallopromyshlennost' [Essays on the economics of the general plan. 8. Metal industry]. *Pravda*. 184. 14 August.
 48. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 22. File 5. (In Russian).
 49. Gol'dich, L.E. (1926) O rabote Uralplana [On the work of Uralplan]. *Problemy planirovaniya (itogi i perspektivy)* [Problems of Planning (Results and prospects)]. Verbatim Report of the 1st Congress of Presidium of the USSR State Planning Committee and the State Planning Commissions of the Union Republics with the participation of representatives of local planning authorities in Moscow. Moscow. 10–17 March 1926. Moscow: Planovoe khozyaystvo. pp. 134–152.
 50. Antonov, D.A. et al. (1927) *General'nyy plan khozyaystva Urala na period 1927–1941 gg. i perspektivy pervogo pyatiletiya (Materialy k general'nomu planu RSFSR i SSSR)* [General plan of the economy of the Urals for the period 1927–1941 and the prospects for the first five years (Materials for the general plan of the RSFSR and the USSR)]. Sverdlovsk: Uralplan.
 51. Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1928) O direktivakh po sostavleniyu pyatiletnego plana narodnogo khozyaystva [On the directives for drawing up a five-year plan of the national economy]. In: *XV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
 52. Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1928) O rabote v derevne [On work in the countryside]. In: *XV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
 53. Kondrat'ev, N. D. (1989) Kriticheskie zametki o plane razvitiya narodnogo khozyaystva [Critical notes on the plan for the development of the national economy]. In: Krzhizhanovskiy, G.M. et al. *Kakim byt' planu: diskussii 20-kh godov* [What the Plan Should Be: Discussions of the 1920s]. Leningrad: Lenizdat. pp. 95–135.
 54. Krzhizhanovskiy, G.M. et al. (1989) *Kakim byt' planu: diskussii 20-kh godov* [What the Plan Should Be: Discussions of the 1920s]. Leningrad: Lenizdat. pp. 3–9.
 55. Sibirskaya kraevaya planovaya komissiya [Siberian Regional Planning Commission]. (1930) *Materialy k general'nomu planu razvitiya narodnogo khozyaystva Sibirskogo kraya* [Materials for the general plan for the development of the national economy of the Siberian region]. Novosibirsk: Sibkrazdat.
 56. Stalin, I.V. (1949) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 235–372.
 57. Bugrov, K. D. & Zapariy, V.V. (2019) Tank Production in the Context of the USSR Military-Economic Strategy in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 108–118. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/14

Received: 15 April 2020

А.В. Скочин, Е.В. Бородулина

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ТЮМЕНИ В СЕРЕДИНЕ 1950-х – СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07568.

Рассматривается комплекс учебных заведений в городской среде Тюмени в наиболее динамичный период истории областного центра – в середине 1950-х – середине 1960-х гг. Создание сети школ, техникумов, вузов на территории города рассматривается в тесной связи с характером застройки Тюмени, формированием в ее пределах жилого комплекса, учитывающего особенности развития конкретных городских районов. Авторы обращают внимание на эволюцию планировки и внешнего облика учебных заведений.

Ключевые слова: учебные заведения; средние школы; образование; городская среда; Тюмень.

Активный процесс модернизации, наиболее заметно проявившийся на территории Сибирского региона с 1956 по 1965 г., оказал существенное влияние на условия жизни городского населения. Под воздействием урбанизации происходила трансформация среды сибирских городов. Одно из ключевых проявлений урбанизации – рост культурного потенциала городской среды, появление особого, городского образа жизни населения. Интенсивному формированию новых культурных ценностей способствует повышение уровня образования горожан. Наличие в городском пространстве разветвленной сети общеобразовательных школ, техникумов, вузов, предоставляющих населению широкую возможность доступа к образованию, выступает важнейшим условием культурного развития городов. Изучение процесса формирования комплекса учебных заведений на территории города в тесной связи с обновлением городского пространства позволит расширить представление о качестве городской среды, соотнести ее возможности с потребностями жителей.

Интересным представляется обращение к данной проблематике на материалах г. Тюмень. Развитие города в исследуемый период происходило под воздействием ряда стимулирующих факторов, связанных с политикой государства по формированию в Западной Сибири крупной промышленной базы и подготовке квалифицированных кадров. Обнаружение здесь значительных запасов углеводородов стало важнейшей причиной для дальнейшего развития городов региона [1. С. 156].

Энергичная государственная политика сопровождалась быстрым ростом численности городского населения. Стоит отметить, что увеличение числа горожан в областном центре происходило и ранее. Так, за 1945–1953 гг. количество тюменцев выросло более чем на 45,1 тыс. человек, т.е. примерно на одну треть [2. С. 49]. В 1956–1965 гг. процесс роста численности городского населения становится еще более интенсивным. Если в январе 1956 г. в Тюмени проживало 125 513 жителей, то к началу 1966 г. количество горожан выросло до 213 130 человек [3. Л. 76а, 80; 4. Л. 68, 70, 81–82]. Основным источником роста числа городских жителей стала миграция населения из сел и других городов. Количество горожан пополнялось

также и за счет вхождения в черту города пригородных населенных пунктов. Например, в мае 1958 г., после включения в пределы Тюмени двух поселков – Водников и Дачного, расширилась северо-восточная часть города. В июне 1960 г. за счет деревень Парфенова и Новые Юрты раздвинулись административные границы Тюмени на юго-востоке. В феврале 1963 г. продолжилось расширение территории областного центра в восточном направлении: в городскую черту вошли поселки Войновка и Букино [5. С. 117].

Благоприятные экономические условия и выгодное географическое положение областного центра, обусловившие рост численности населения, стали стимулом для активной застройки Тюмени. Однако в середине 1950-х гг. средствами для быстрого и масштабного строительства жилья городские власти не располагали. В подавляющем большинстве горожане сами занимались решением жилищной проблемы, так как немногие тюменские предприятия имели возможность предоставлять служебное жилье своим работникам. Индивидуальная, нередко хаотичная застройка приводила к появлению на территории города большого числа малоэтажных деревянных зданий. Подобная застройка была характерна как для городских окраин, так и для центра Тюмени. Даже там, где строительством занимались не частники, а ведущие промышленные предприятия города, например, деревообрабатывающий комбинат (ДОК) «Красный Октябрь» и фанерный комбинат, которые в исследуемый период начали быстрыми темпами строить для своих рабочих четырехквартирные щитовые одноэтажные дома на «Лесобазе», в поселке им. Андреева и в районе ДОКа, ситуация кардинально не меняется. Анализ статистических данных позволяет считать «пиком» индивидуального жилищного строительства в областном центре 1960 г. К этому времени в городе располагалось 17 994 жилых здания, 14 881 из которых принадлежало индивидуальным домовладельцам [6. Л. 9, 47; 7. Л. 1, 156, 175а].

Продолжающийся из года в год рост одноэтажной застройки и малоэтажного жилого фонда не только обострял уже имеющиеся проблемы в развитии городской среды, но и создавал новые. Стремительное увеличение числа небольших, деревянных зданий придавало городскому пространству определенную

беспорядочность, разделяло его на ряд обособленных районов. Большая протяженность индивидуальной застройки препятствовала строительству новых социальных и культурных объектов: учебных заведений, детских садов, поликлиник, магазинов, кинотеатров и других, что снижало качество жизненной среды горожан. В этой связи все более острой становилась потребность в модернизации городской инфраструктуры [8. С. 165].

Начало такой модернизации связано с разработкой в 1959 г. проекта нового генерального плана Тюмени. Проект стал основой для формирования и благоустройства новых городских районов. Его приоритетом являлось высотное развитие областного центра. В результате к середине 1960-х гг. все государственное строительство на территории Тюмени стало осуществляться типовыми 4–5-этажными кирпичными или панельными домами. Новостройки размещались в строгом соответствии с детальными планами конкретных районов и способствовали преодолению хаотичности малоэтажной застройки города. В то же время строительство однотипных, серых «коробок» жилых домов не придавало Тюмени архитектурной выразительности [8. С. 168].

Основной комплекс многоэтажной жилой застройки стал размещаться на свободных территориях в юго-восточной и западной частях города. Здесь началось создание микрорайонов, проекты которых, наряду с жилыми зданиями, стали включать в себя необходимые социальные и культурные учреждения. Появилась реальная возможность сформировать достаточное социальное наполнение городской среды, позволяющее повысить качество жизни населения. Важнейшим компонентом новой структуры городского пространства стала широкая сеть учебных заведений.

Сфера образования традиционно составляет основу общественной жизни, оказывая значительное влияние на формирование культурных норм и ценностей людей. В СССР эта сфера неоднократно подвергалась серьезным преобразованиям, которые должны были выработать эффективную систему обучения и воспитания. Большую роль в развитии системы образования в стране сыграли реформы 1940–1950-х гг. В 1949 г. для советских школьников было введено обязательное семилетнее обучение. На XIX съезде ВКП(б) в октябре 1952 г. было принято решение о постепенном переходе к среднему образованию [9. С. 44–45]. Пристальное внимание в этот период уделялось и профессиональной подготовке учащихся, закончивших школу-семилетку. В 1940 г. для молодежи были созданы профессиональные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), в которых готовились квалифицированные кадры для промышленности, транспорта, строительства. Поступить в них молодые люди могли после получения семилетнего образования. Срок подготовки в училищах составлял от шести месяцев до двух лет [10].

Ко второй половине 1950-х гг. руководство страны столкнулось с новой проблемой: оканчивая среднюю школу, выпускники выходили из нее без профессиональной подготовки, т.е. имели только базовые теоретические знания по предметам, а к практической дея-

тельности готовы не были. Об этом было заявлено в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС, когда Первый секретарь ЦК партии Н.С. Хрущев в своем докладе подчеркнул «серьезные недостатки школы» [11. С. 457]. На XIII съезде ВЛКСМ, состоявшемся в апреле 1958 г., уже были обозначены черты будущих изменений системы школьного образования. Именно тогда Н.С. Хрущев заявил об отрыве школы от жизни общества и сделал акцент на воспитании молодежи, хорошо знающей основы наук и одновременно готовой к профессиональному труду [12. С. 11–13]. Позднее в записке в Президиум ЦК КПСС предстоящая реформа образования была описана более подробно. В результате 24 декабря 1958 г. был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В соответствии с ним на смену всеобщему обязательному семилетнему обучению приходило восьмилетнее, а средние десятилетние школы заменялись средними общеобразовательными трудовыми политехническими школами с производственным обучением. После окончания восьмилетки учащиеся в течение трех лет могли получить в них среднее образование и профессиональную подготовку. Школы ФЗО, ремесленные, железнодорожные училища и другие профессиональные учебные заведения были преобразованы в дневные и вечерние городские профессионально-технические училища (ГПТУ) со сроком обучения от одного года до трех лет [13. Л. 97–101]. Молодые люди, окончившие одно из этих учебных заведений, имели возможность получить высшее образование, поступив в вуз. Таким образом, реформы в сфере образования способствовали трансформации системы учебных заведений страны. Увеличение сроков обучения и политехнизация школ привели к необходимости создания дополнительных учебных помещений и открытия новых школьных зданий.

В середине 1950-х гг. для жителей страны также стали доступны учебные заведения нового типа – школы-интернаты. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об организации школ-интернатов», принятое в сентябре 1956 г., предусматривало создание семи-, восьми- и десятиклассных учебных заведений, в которые стали принимать детей от 7 до 18 лет. Большая часть учащихся поступала в них на постоянное проживание, однако вместе с ними обучались и дети, жившие с родителями. Здания, где размещались школы-интернаты, должны были включать в себя множество разнообразных помещений. Наряду с классными комнатами в них должны были располагаться учебные кабинеты и учебно-производственные мастерские, актовый и физкультурный залы, библиотеки, радиоузлы, комнаты для музыкальных занятий и др. Такие условия должны были не только способствовать общему образованию детей, но и обеспечить усвоение ими первичных профессиональных навыков, создать возможности для полноценного досуга. За содержание учащихся в школах-интернатах взималась плата, размеры которой зависели от заработка родителей [9. С. 247–250]. Появление подобных учебных заведений было позитивно воспринято населением [14. С. 367].

19 мая 1959 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по развитию школ-интернатов в 1959–1965 гг.», которое предусматривало существенное развитие сети школ-интернатов [9. С. 254–255], однако из-за низких темпов строительства школьных зданий этот план так и не был выполнен.

В Тюмени первая школа-интернат для обучающихся с первого по восьмой класс открылась в сентябре 1957 г. в здании бывшего коммерческого училища по ул. Луначарского, 2 [15]. В первый год работы учебного заведения около 550 заявлений о зачислении детей осталось не удовлетворено, что говорило не только о востребованности школ-интернатов среди горожан, но и о недостатке ресурсов для их организации. К середине 1960-х гг. в городе действовало уже 4 учебных заведения такого типа [16. Л. 56; 17. Л. 155].

К 1965 г. школы-интернаты составляли лишь небольшую часть от общего количества учебных заведений города, число и разнообразие которых в исследуемый период существенно выросло. Так, если в 1956 г. в Тюмени располагались 33 общеобразовательные школы (14 – начальных, 6 – семилетних и 13 – средних), в которых обучалось около 16 тыс. детей, то к 1965 г. количество городских школ увеличилось до 41 (10 – начальных, 11 – восьмилетних и 20 – средних), при этом численность учащихся возросла до 35 660 человек [18. Л. 16].

Столь стремительный рост численности обучающихся – более чем в 2 раза за десять лет – провоцировал обострение ситуации с недостатком общеобразовательных учреждений в городе, причем, положение в Тюмени было сложнее, чем в ряде других крупных сибирских и уральских городов. Так, если в 1965 г. на каждую тюменскую школу в среднем приходилось по 926 учащихся, то в Свердловске – около 880 человек, в Омске – 830, в Кургане – 748, в Томске – 729. Чуть более сложным положение было лишь в Новосибирске, где в каждой школе обучалось в среднем 945 человек [19. Л. 43, 51, 52, 56, 65, 67].

Наряду со школами всеобщего обучения в 1956 г. в областном центре располагались 3 училища, 5 техникумов, а также 8 школ рабочей молодежи. К 1965 г. в Тюмени действовало уже 9 средних специальных учебных заведений – техникум советской торговли, машиностроительный, лесотехнический, сельскохозяйственный, кооперативный, фельдшерско-акушерская школа, педагогическое, торгово-кулинарное и музыкальное училища, а также 10 ГПТУ и 16 школ рабочей молодежи. За исследуемый период в областном центре увеличилось и количество высших учебных заведений. Наряду с тюменским пединститутом в 1959 г. в городе стал действовать Сельскохозяйственный, в 1963 г. – медицинский, а в 1964 г. – Индустриальный институт [20. С. 126–136]. Новые учебные заведения стали центрами по подготовке квалифицированных кадров, необходимость в которых наиболее остро ощущалась в связи с быстрым расширением индустриальной базы города и ростом населения.

Многие средние специальные и высшие учебные заведения, кроме учебных корпусов, имели постоянные базы практик и общежития, что отражалось на качестве, доступности и привлекательности образования. Так, базами практик для учащихся машиностроительного техникума были крупные тюменские заводы «Строймашин» и «Механик», инженерно-технические работники которых нередко выступали в качестве научных руководителей дипломных проектов выпускников этого учебного заведения [21].

Однако если базы для производственной практики имели все городские учебные заведения профессионального образования, то проблема наличия общежитий для учащихся в них стояла гораздо более остро. Так, торгово-кулинарное училище, принимавшее на обучение юношей и девушек в возрасте от 15 до 20 лет без вступительных экзаменов, в качестве обязательного условия ставило наличие у абитуриентов прописки в Тюмени, так как собственным общежитием училище не располагало [22]. Машиностроительный техникум имел одно небольшое общежитие, находившееся рядом с учебным корпусом, на пересечении ул. Республики и Орджоникидзе. На первом этаже этого здания располагалась столовая, где питались учащиеся техникума. Первый вуз Тюмени – пединститут – в 1958 г. имел только два общежития на ул. Казанской, 14 и на ул. Семакова, 18, которых катастрофически не хватало.

Как уже отмечалось, быстрый рост числа учащихся за второе послевоенное десятилетие превысил возможности учебных заведений города, по причине чего они оказались переполнены. Существенно обострило проблему нехватки учебных помещений принятие закона «Об укреплении связи школы с жизнью...» [13. Л. 97–101]. Введение восьмилетнего и одиннадцатилетнего образования и особенно переход к политехническому обучению потребовали дополнительных помещений не только для традиционных классно-урочных занятий, но и для практической деятельности. Закон предполагал также организацию рядом с каждой школой учебно-опытных участков. Однако реализация и этих задач на практике вызвала затруднения. Школьные здания обычно располагались в пределах жилой застройки, поэтому для создания таких участков не хватало места. По этой причине земельные площади для практических занятий стали отводиться школам за чертой города, что способствовало росту нагрузки на общественный транспорт, увеличивало время учащихся, которое они тратили на дорогу до места занятий.

Единственной возможностью обеспечить реализацию закона о всеобщем обучении в школах города, в условиях нехватки учебных помещений стало увеличение количества смен. Если в 1956 г. во всех тюменских школах занятия проводились в две смены, то уже к концу 1958 г. 13 школ города работали в три смены, а в отдельных школах была введена и четвертая смена занятий [13. Л. 119]. Как правило, вечерние смены в общеобразовательных учреждениях предоставлялись учащимся школ рабочей молодежи, но отмечались случаи, когда до вечера оставались и ребята младших классов [23]. К 1965 г., благодаря строительству новых

школьных зданий, ситуацию с увеличением количества смен занятий в Тюмени удалось нормализовать. На работу в две смены вновь перевели 35 школ, еще 4 учебных заведения занимались в одну смену, а трехсменность занятий сохранилась только в двух школах города. Нехватка зданий коснулась не только средних школ, но также техникумов, школ рабочей молодежи и вузов [24. Л. 117, 121, 136]. Так, в декабре 1958 г. на сессии горисполкома директор кооперативного техникума Бот сообщал, что здание техникума перегружено и консультации преподаватели вынуждены проводить в общежитии [24. Л. 136]. Об аналогичной ситуации в педагогическом институте говорил заведующий горно Киберев [24. Л. 121]. В тяжелом положении оказались и школы рабочей молодежи, которые не имели постоянных помещений и часто занимали сразу несколько школьных зданий [24. Л. 117].

Недостаток зданий для образовательных учреждений нередко был связан с тем, что многие из них еще с военных лет были заселены жильцами и отданы под другие ведомства. Например, в середине 1950-х гг. несколько семей проживало в здании машиностроительного техникума, в школах № 1, 14, 18, 20, 26 [25. Л. 9–10]. В середине 1950-х – середине 1960-х гг. городские власти неоднократно принимали решения об освобождении от жильцов учебных заведений и других организаций, однако сделать это им так и не удалось. Более того, в школах-новостройках иногда временно выделяли один из классов под общежитие молодым специалистам, например в школе № 16 [22, 26].

Вместе с тем причиной недостатка учебных заведений являлась не только заселение школьных зданий жильцами. Более важным фактором нехватки учебных помещений было то, что значительная часть общеобразовательных учреждений города в середине 1950-х гг. размещалась в зданиях, непригодных для обучения. Например, из 33 тюменских школ лишь 7 располагались в типовых строениях [27. Л. 258]. В середине 1950-х гг. они представляли собой различные в плане трехэтажные кирпичные сооружения, обладавшие привлекательным архитектурным обликом. Кроме того, многие учебные заведения размещались в двухэтажных деревянных и каменных зданиях-памятниках в историческом центре города [28. Л. 87]. Эти здания, изначально не приспособленные для учебных целей, сложно было оборудовать для пребывания в них детей и организации качественного учебного процесса.

С одной стороны, низкие темпы строительства школьных зданий, с другой, быстрый рост числа учащихся способствовали тому, что в отдельных городских районах школы стали располагаться в небольших щитовых строениях [24. Л. 137, 138]. Городские власти, добиваясь выполнения закона о всеобщем обучении, рассчитывали с помощью таких зданий на какое-то время снизить нехватку учебных заведений. Подобные щитовые школы-«временки» появились на «Лесобазе», в «Крестьянских местах», в поселке им. Андреева и Заречной части города [25. Л. 9–10].

Быстрое расширение территории малоэтажной, деревянной жилой застройки в 1940–1950-е гг. создавало

серьезные трудности для формирования новых учебных заведений. К середине 1950-х гг. в результате активного малоэтажного строительства многие образовательные учреждения оказались сосредоточены в пределах городского центра – небольшого участка земель в границах набережной правого берега р. Туры – ул. Профсоюзной – ул. Герцена – ул. Перекопской. На этом участке, составлявшем очень малую часть от застроенной к тому времени территории города, расположилось 15 школьных зданий, 4 техникума и пединститут [29. Л. 114, 166]. Учащиеся из различных районов Тюмени для того, чтобы их посещать, вынуждены были регулярно преодолевать значительные расстояния, что, с расширением территории города, обостряло проблему доступности учебных заведений.

В Затюменской части города к середине 1950-х гг. в пределах нескольких кварталов, ограниченных улицами Ямская, Нагорная, Ирбитская, Республики, располагалось лишь две школы и лесотехнический техникум. Недалеко от них, на перекрестке ул. Луначарского и Л. Толстого, размещалась еще одна средняя школа [28. Л. 88]. Таким образом, на значительной территории данного района отсутствовали учебные заведения, расположенные близ жилых домов.

В сложной ситуации оказались и жители южной части Тюмени – поселка им. Андреева и «Крестьянских мест». Именно в этом направлении в 1950-е гг. происходило наиболее активное расширение территории города. В поселке им. Андреева, в пределах небольшого участка двух-трехэтажной типовой застройки, ограниченного ул. Андреева (с 7.12.1957 г. – ул. Калинина) – П. Кривоноса (с 7.12.1957 г. – ул. Мира) – ул. Завод «Большевик» (с 7.12.1957 г. – Большевиков), к середине 1950-х гг. располагалась лишь одна школа. Еще два учебных заведения размещались в районе «Крестьянских мест».

На левом берегу реки Туры имелось еще три городские школы, которые могли посещать учащиеся заречной части Тюмени [28. Л. 87, 94]. Вместе с тем активная самовольная застройка, которая велась в этом районе, также серьезно ограничивала возможности для создания здесь новых учебных заведений.

В июле 1960 г. было опубликовано Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О школьном строительстве и мерах по укреплению материальной базы школ», в котором говорилось о необходимости сооружения школьных зданий по новым типовым проектам [9. С. 528–530]. Публикация документа оказала влияние на активизацию школьного строительства в областном центре. За период 1961–1965 гг. в Тюмени появилось 14 новых школ [16. Л. 67, 71; 17. Л. 94, 115, 119, 155; 30. Л. 42, 91; 31. Л. 8, 47, 57; 32. Л. 56]. Они представляли собой 3–4-этажные кирпичные здания, рассчитанные на 920–960 учащихся. Например, в 1961 г. открыла двери ученикам трехэтажная школа № 34 с хорошо оборудованными мастерскими для старшеклассников, в 1962 г. – трехэтажная школа № 23 с одним из лучших спортивных залов среди образовательных учреждений города и спортивной площадкой на пришкольной территории, а в 1964 г. начали работу четырехэтажная школа № 38 и трехэтажная школа № 16, которые ранее создава-

лись с кабинетами, оборудованными под различные учебные предметы. Именно по этим типовым проектам в городе до конца 1960-х гг. построят еще 8 школ. Кстати, первое школьное здание в истории Тюмени было сдано в 1965 г. с оценкой «отлично» – школа № 14 по ул. Ялуторовская, 13, которая возводилась как образцово-показательное учебное заведение.

Скорость строительства школьных зданий, в среднем, составляла около 1,5 лет, что превосходило темпы сооружения детских дошкольных учреждений на 6–12 месяцев, несмотря на то что последние были менее сложными по своей конструкции. Вероятнее всего, такая ситуация была связана с приоритетами местных органов власти, стремившихся к исполнению закона о всеобщем обязательном школьном обучении, для чего задействовались все имеющиеся ресурсы.

С декабря 1958 г., т.е. после публикации нового закона об образовании, для расширения пропускной возможности уже существующих в городе общеобразовательных учреждений, распространяется практика сооружения к ним дополнительных пристроек. К середине 1960-х гг. в Тюмени были сооружены пристройки к 7 школам [33. Л. 110]. Проекты пристроек продумывались не менее тщательно, чем новые здания школ, так как необходимо было не только увеличить вместимость постройки, но и сохранить единообразие обновленного сооружения. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим эту тенденцию, является школа № 26, у которой, помимо дополнительной площади для новых учебных классов, появилась собственная котельная, заменившая печное отопление, а чуть позднее, в 1967 г., к зданию школы была пристроена столовая. Интересной с этой точки зрения является и двухэтажная школа № 40, построенная в 1962 г. в центральной части города по ул. Пароходская. Первоначальный проект пристройки к школьному зданию здесь вскоре сменился на возведение нового корпуса на старом фундаменте школы № 18, что позволило превратить бывшую начальную школу в восьмилетнюю [34].

Таким образом, к сентябрю 1964 г. 23 городские школы располагались в типовых зданиях, однако 18 учебных заведений продолжали находиться в непригодных строениях, которые не могли вместить в себя всех учащихся [35. Л. 137]. Следовательно, многие дети были вынуждены посещать школы, расположенные в других районах Тюмени, что, в свою очередь, приводило к тому, что и эти учебные заведения оказывались переполненными [36. Л. 221].

Активная государственная политика в сфере образования и реализация новых подходов в застройке городов способствовали тому, что в первой половине 1960-х гг. дисбаланс в размещении учебных заведений в центральной части Тюмени и других районах областного центра начинает постепенно преодолеваться. С развитием типового, индустриального строительства в различных частях города происходит увеличение числа учебных заведений. Так, за период с

1961 по 1965 г. 10 школ открылось в поселке им. Андреева и «Крестьянских местах», 2 новые школы были построены в Затюменской части города, одно учебное заведение появилось в Заречном районе [16. Л. 71, 115, 129; 17. Л. 141, 155, 168; 30. Л. 6, 26, 42; 31. Л. 8; 37. Л. 73; 38. Л. 37; 39. Л. 102, 126, 153; 40. Л. 30; 41. Л. 121, 135; 42. Л. 65; 43. Л. 24].

Комплекс новых учебных заведений в середине 1960-х гг. начинает формироваться и в юго-восточной части города, застройка которой стала приоритетным направлением в развитии областного центра. В жилых кварталах, строительство которых происходило на свободных участках городских земель, началось создание социальной инфраструктуры. Сооружение социальных объектов, спроектированных заранее, происходило одновременно с формированием жилого фонда. Такой принцип застройки стал новым для города и существенно отличался от «догоняющего» характера создания социальной инфраструктуры в предшествующий период. В 1961–1965 гг. в многоэтажных кварталах новой части Тюмени, к востоку от ул. Мельникайте, были построены четыре школы, открылся Тюменский медицинский институт [31. Л. 47, 57; 42. Л. 47; 44. Л. 112; 45. Л. 9]. Среди учебных заведений, созданных в этом районе по новым типовым проектам, особенно стоит отметить новый корпус музыкального училища на 350 учащихся с концертным залом на 600 мест [46. Л. 73, 77].

Таким образом, целенаправленная государственная политика в сфере образования в период с 1956 по 1965 г. значительно снизила остроту проблемы нехватки учебных заведений в Тюмени. Возможности получения образования для жителей города значительно расширились. Увеличение количества и расширение разнообразия учебных заведений позволили создать условия для привлечения в город молодежи, которая оказывала серьезное влияние на процессы трансформации городской среды, выступала важным фактором, определяющим дальнейшее развитие города.

Интенсивное строительство новых зданий по современным типовым проектам облегчало доступ к образованию жителям различных районов областного центра. Вместе с тем в условиях быстрого притока новых людей, существующей в городе сети учебных заведений в середине 1960-х гг. оказалось недостаточно для удовлетворения запросов населения. Учебные заведения, созданные по новым типовым проектам, характеризовались простым, однообразным внешним обликом, утратив архитектурное своеобразие, присущее зданиям городских учебных заведений предшествующего периода. Появление в городской среде зданий нового типа обозначало начало периода «индустриальной» застройки Тюмени, в течение которого будет происходить поиск оптимального решения проблемы создания привлекательного облика города и формирования комфортного городского пространства, позволяющего удовлетворять разнообразные потребности жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стась И.Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960–1990-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33). С. 156–158.
2. Мордвинцева А.В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 286 с.

3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (далее – ГБУТО ГАТО). Ф. 698. Оп. 1. Д. 225.
4. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 345.
5. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В.П. Петровой [и др.]. Тюмень : ТюменНИИ-Гипрогаз; Тюмень, 2003. 304 с.
6. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 265.
7. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 332.
8. Скочин А.В. Роль жилищного строительства в формировании жизненного пространства тюменцев в середине 1950 – середине 1960-х гг. // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 162–172.
9. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. М. : Педагогика, 1974. 560 с.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.10.1940 «О государственных трудовых резервах СССР» // Бизнес-издание Сейчас.ру. URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/7075
11. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М. : Изд-во полит. лит., 1956.
12. Хрущев Н.С. Воспитание активных и сознательных строителей коммунистического общества. Речь на XIII съезде ВЛКСМ 18 апреля 1958 г. // Документы и материалы по перестройке школы. М., 1960.
13. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1940.
14. Иванова Г.М. Мегапроект Хрущева – школы-интернаты: от утопии к реальности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3–2 (83). С. 365–373.
15. Это дала нам Советская власть! // Тюменская правда. 1957. № 224 (3417).
16. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 102.
17. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 163.
18. ГБУТО ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 193.
19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 76. Д. 246.
20. Тюмень. Справочник-путеводитель / под ред. П.Д. Дубровина [и др.]. Свердловск, 1970. 175 с.
21. Воспоминания Мухиной Людмилы Ивановны, 1947 г. р., получены авторами в процессе беседы в 2020 г. // Личный архив автора.
22. Воспоминания Середкиной Татьяны Васильевны, 1945 г. р., получены авторами в процессе беседы в 2019 г. // Личный архив автора.
23. В четыре смены // Тюменская правда. 1961. № 224 (4639).
24. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 739.
25. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 719.
26. Воспоминания Сырьевой Екатерины Степановны, 1933 г. р., получены авторами в процессе беседы в 2020 г. // Личный архив автора.
27. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 666.
28. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 272.
29. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 318.
30. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 168.
31. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 266.
32. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 355.
33. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 878.
34. Воспоминания Гончаренко Нины Юрьевны, 1939 г. р., получены авторами в процессе беседы в 2019 г. // Личный архив автора.
35. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 468.
36. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 761.
37. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 26.
38. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 62.
39. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 103.
40. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 164.
41. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 209.
42. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 267.
43. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 357.
44. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 162.
45. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 353.
46. ГБУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 447.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 декабря 2020 г.

Educational Institutions in the Urban Environment of Tyumen in the Mid-1950s – Mid-1960s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 179–185.

DOI: 10.17223/15617793/468/20

Artem V. Skochin, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: A.V.Skochin@utmn.ru

Elena V. Borodulina, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: E.V.Borodulina@utmn.ru

Keywords: educational institutions; secondary schools; education; urban environment; Tyumen.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-07568.

The article examines the network of educational institutions in the urban environment of Tyumen within the most dynamic period in the regional center's history – from the mid-1950s till the mid-1960s. We explore the establishment of educational institutions in the city as closely connected to real estate and residential development. We also take the peculiarities of the development of the specific city districts into consideration and focus on the evolution of the interior and exterior design of the educational institutions. A number of specific methods of historical research were applied. Thus, we used the concrete-historical method that allowed us to find out basic features of the state policy in the field of education. Having studied a wide range of different sources, we analyzed the ways this policy used to influence the local formation of the educational institutions network in the territory of the city. The comparative historical method allowed us to evaluate and compare some aspects of urban development (number of population, ways of real estate development) and different characteristics of educational institutions in Tyumen in the mid-1950s – mid-1960s (their number, facilities, architecture, etc.). The analysis of the issue under consideration allowed us to conclude that by the mid-1960s the main complex of high-rise residential buildings was located on the vacant territories in the south-eastern and western parts of the city, not far from plants and factories. New residential areas (microdistricts) were created there. The projects of these areas included not only residential units but also all the necessary social and cultural institutions. It was a real opportunity to form a relevant social environment in the city that allowed raising the living standards of the population. A wide network of educa-

tional institutions became one of the most important components of this new structure of urban environment. In the mid-1950s – mid-1960s, the number of educational institutions in the city and their diversity substantially increased. For instance, in 1956 the regional center had thirty-three comprehensive schools, three colleges, five vocational-technical schools, and a few part-time schools. By 1965 the number of comprehensive schools increased to forty-one, there were also nine vocational secondary schools, ten vocational-technical schools, and sixteen part-time schools. Within the period of time we researched, three institutions of higher education were founded in the regional center. New educational institutions became training centers to provide qualified workers that were highly demanded due to the quick industrial development of the city and due to the population growth. Intense construction of new buildings in accordance with all the contemporary standard projects granted residents of different districts a better access to education; it also contributed to the quality of the educational process. However, due to a big influx of new residents to the city, the educational institutions network that had been formed by the mid-1960s failed to satisfy all the demands of the population.

REFERENCES

1. Stas', I.N. (2013) Etapy razvitiya sistemy gorodskogo rasseleniya Khanty-Mansiyskogo okruga (1960–1990-e gg.) [Stages of development of the system of urban settlement of Khanty-Mansiysk Okrug (1960–1990s)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (33). pp. 156–158.
2. Mordvintseva, A.V. (2010) *Poslevoennaya gorodskaya povsednevnost': Tyumen' i tyumentsy v 1945–1953 gg.* [Post-war urban everyday life: Tyumen and Tyumen people in 1945–1953]. History Cand. Diss. Tyumen.
3. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 698. List 1. File 225.
4. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 698. List 1. File 345.
5. Petrova, V.P. et al. (eds) (2003) *Administrativno-territorial'noe delenie Tyumenskoy oblasti (XVII–XX vv.)* [Administrative-territorial division of Tyumen Oblast (17th–20th centuries)]. Tyumen: TyumenNIIGiprogez; Tyumen.
6. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 698. List 1. File 265.
7. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 698. List 1. File 332.
8. Skochin, A.V. (2013) Rol' zhilishchnogo stroitel'stva v formirovani zhiznennogo prostranstva tyumentsev v seredine 1950 – seredine 1960-kh gg. [The role of housing construction in the formation of the living space of Tyumen residents in the mid-1950s – mid-1960s]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – UT Research Journal*. 2. pp. 162–172.
9. Abakumov, A.A. et al. (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sbornik dokumentov 1917–1973 gg.* [Public education in the USSR. Collection of documents of 1917–1973]. Moscow: Pedagogika.
10. Seychas.ru. (1940) *Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 02.10.1940 "O gosudarstvennykh trudovykh rezervakh SSSR"* [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 02 October 1940 "On state labor reserves of the USSR"]. [Online] Available from: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/7075
11. CPSU. (1956) XX s"ezd KPSS. Stenograficheskiy otchet [CPSU's XX Congress. Stenographic report]. Moscow: Izd-vo polit. lit.
12. Khrushchev, N.S. (1960) Vospitanie aktivnykh i soznatel'nykh stroiteley kommunisticheskogo obshchestva. Rech' na XIII s"ezde VLKSM 18 aprelya 1958 g. [Education of active and conscientious builders of a communist society. Speech at the XIII Congress of the Komsomol on April 18, 1958]. In: *Dokumenty i materialy po perestroymke shkoly* [Documents and materials on the restructuring of the school]. Moscow: Uchpedizd.
13. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 814. List 5. File 1940.
14. Ivanova, G.M. (2018) Khrushchev's Megaproject of Boarding Schools: From Utopia to Reality. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 20:3–2 (83). pp. 365–373. (In Russian).
15. *Tyumenskaya pravda*. (1957) Eto dala nam Sovetskaya vlast'! [The Soviet government gave it to us!]. 224 (3417).
16. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 102.
17. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 163.
18. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 86. List 1. File 193.
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. Fund A-2306. List 76. File 246.
20. Dubrovin, P.D. et al. (eds) (1970) *Tyumen'. Spravochnik-putevoditel'* [Tyumen. Guidebook]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
21. Authors' Archive. (2020) *Vospominaniya Mukhinoy Lyudmily Ivanovny, 1947 g. r., polucheny avtorami v protsesse besedy v 2020 g.* [Memories of Lyudmila Ivanovna Mukhina, born in 1947, the authors collected during a conversation in 2020].
22. Authors' Archive. (2019) *Vospominaniya Seredkinoy Tat'yany Vasil'evny, 1945 g. r., polucheny avtorami v protsesse besedy v 2019 g.* [Memories of Tatiana Vasilievna Seredkina, born in 1945, the authors collected during a conversation in 2019].
23. *Tyumenskaya pravda*. (1961) V chetyre smeny [In four shifts]. 224 (4639).
24. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 5. List 1. File 739.
25. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 5. List 1. File 719.
26. Authors' Archive. (2020) *Vospominaniya Syr'evoy Ekateriny Stepanovny, 1933 g. r., polucheny avtorami v protsesse besedy v 2020 g.* [Memories of Ekaterina Stepanovna Syrieva, born in 1933, the authors collected during a conversation in 2020].
27. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 5. List 1. File 666.
28. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 698. List 1. File 272.
29. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 698. List 1. File 318.
30. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 168.
31. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 266.
32. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 355.
33. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 5. List 1. File 878.
34. Authors' Archive. (2019) *Vospominaniya Goncharenko Niny Yur'evny, 1939 g. r., polucheny avtorami v protsesse besedy v 2019 g.* [Memories of Nina Yuryevna Goncharenko, born in 1939, the authors collected during a conversation in 2019].
35. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 5. List 1. File 468.
36. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 5. List 1. File 761.
37. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 26.
38. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 62.
39. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 103.
40. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 164.
41. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 209.
42. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 267.
43. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 357.
44. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 162.
45. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1888. List 1. File 353.
46. State Archive of Tyumen Oblast (GBUTO GATO). Fund 1731. List 1. File 447.

Received: 20 December 2020

Д.Ю. Хоменко

«ВО ИЗБЕЖАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ С ТАМОШНИМИ ФИННАМИ»: ОРГАНИЗАЦИЯ ДУХОВНОГО ПРИЗРЕНИЯ ЛЮТЕРАН ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматриваются особенности создания в начале 1860-х гг. и реорганизации в начале 1880-х гг. лютеранского прихода на юге Енисейской губернии. Выявлены акторы, участвовавшие в данном процессе: имперские власти, сибирские власти, местное население, общественность на исторической родине (Финляндия и Прибалтика) и др. Созданная в начале 1880-х гг. система духовного призрения лютеран оценивается как эффективная. Имперская политика в отношении лютеран оценивается как гибкая.

Ключевые слова: лютеране; Енисейская губерния; Верхний Суэдук; Нижняя Буланка; Верхняя Буланка; финны; эстонцы; латыши.

Одним из источников роста населения Сибири была ссылка. Данному наказанию подвергались представители различных конфессий и национальностей. Среди прочих прибывали финны, латыши, эстонцы, и немцы, которые исповедовали лютеранство.

Современники оставили описания заселения лютеранских колоний Енисейской губернии в середине XIX в. [1] и положения колоний в конце XIX в. [2]. В советский период данная тема практически не вызывала внимания историков. 1990-е гг. стали временем появления работ, посвященных религиозной истории лютеранских общин России и Сибири. Прежде всего следует отметить монографию О.В. Курило [3] и работы О.А. Лиценбергер [4, 5], которые посвящены истории лютеранской и римско-католической церквей в Российской империи. На региональном уровне проблемы конфессиональной политики империи решаются в работах А.П. Дворецкой [6, 7]. Касательно лютеран автор отмечает снижение степени религиозности в начале XX в., наличие значительных трудностей в организации религиозной жизни.

Работы Н.А. Баранцевой посвящены реконструкции этносоциальных процессов среди населения юга Средней Сибири, в том числе лютеранского [8]. Существуют работы, посвященные истории диаспор отдельных народов в Енисейской губернии, исповедовавших лютеранство [9–12]. В настоящей статье кратко описаны различные стороны жизни лютеранского населения губернии [13].

В 2014 г. вышла в свет книга И.М. Эспер и С.С. Сярг [14]. Ее авторы не являются профессиональными историками, поэтому не решают в своей работе научных проблем. Однако книга представляет значительную ценность за счет имеющегося в ней богатого фактического материала. Вместе с тем книга посвящена финской лютеранской церковной организации в Сибири, поэтому жизнь латышей, эстонцев и немцев в ней только упоминается.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей процесса формирования лютеранского прихода в Енисейской губернии в указанный период, в том числе выявление акторов, принявших участие в данном процессе. Исследование основано на материалах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Красноярского края.

В 1850–1851 гг. поселенцы из западносибирской лютеранской колонии Рыжково основали деревню Верхний Суэдук в Минусинском округе Енисейской губернии. Этот населенный пункт стал местом водворения всех вновь прибывавших ссыльных лютеранского вероисповедания. В течение 1850-х гг. по соседству были основаны еще две деревни: латыши основали колонию Нижняя Буланка, а эстонцы – Верхнюю Буланку [1]. Отмечается, что сделано это было «во избежание национальной розни с тамошними финнами», которые населяли Верхний Суэдук [15. С. 28].

В конце 1850-х гг. власти озаботились необходимостью создания лютеранского прихода для окормления жителей означенных поселков. В 1858 г. Генеральная евангелическо-лютеранская консистория обратилась в министерство внутренних дел с предложениями по устройству «духовного призрения ссыльных поселенцев сего исповедания в Восточной Сибири» [16. Л. 66]. В 1861 г. к решению вопроса подключилась администрация Великого княжества Финляндского в лице его статс-секретаря, который предложил министру внутренних дел 15 апреля 1861 г. назначить в Восточную Сибирь «одного финского пастора и одного катихизатора... с производством им содержания из финляндских статных сумм». Местом пребывания означенных лиц предлагалось сделать Верхний Суэдук [16. Л. 1–3].

Финские власти предполагали распространить духовное влияние будущего пастора только на «финляндских уроженцев». Сибирская администрация видела будущее устройство прихода иначе. Генерал-губернатор Восточной Сибири предлагал 1 декабря 1861 г. министру внутренних дел, по назначении пастора в Верхний Суэдук, подчинить его духовному попечению всех лютеран Енисейской губернии, без учета национальной принадлежности. Прежде всего это предложение касалось ссыльных латышей и эстонцев из Нижней и Верхней Буланок [16. Л. 13–15 об.].

Таким образом, можно выделить трех акторов, участвовавших в процессе создания лютеранского прихода в Енисейской губернии: руководство Евангелической церкви, финские власти и сибирские власти. Однако мнения двух последних акторов о путях решения вопроса отличались. Подход администрации Финляндии предлагается охарактеризовать как экстерриториально-национальный: пастор должен был

окормлять только финнов, а территория прихода не должна была ограничиваться только одной губернией. Сибирская администрация стояла на конфессионально-территориальной позиции: будущий лютеранский приход должен был быть четко ограничен территорией Енисейской губернии, а прихожанами должны были стать все лютеране, любой национальности. Центральные власти, в лице министра внутренних дел, поддержали в итоге сибирскую администрацию.

Указ Александра II от 21 марта 1863 г. о создании лютеранского прихода с центром в Верхнем Суэтуке следует признать компромиссным. С одной стороны, будущий пастор должен был окормлять всех лютеран (конфессиональный подход) независимо от национальности. С другой – предполагалось, что он будет финном по происхождению, ему предписывалось знать финский язык (но не латышский и эстонский), и преимущества по службе он мог получить только в Финляндии (национальный подход) [17. С. 247–249; 18. Л. 3 об.–4].

Представляется неслучайным тот факт, что назначение лютеранского пастора совпало с расширением автономии Великого княжества Финляндского: в том же 1863 г. была возобновлена работа законодательного органа – Сейма [19. С. 343]. Традиционно подъем финляндской автономии объясняется либеральными намерениями Александра II. В современной финской историографии восстановление и расширение автономии предлагается рассматривать как своеобразную благодарность финнам со стороны империи за про-российскую позицию в Крымской войне и как компенсацию за потери от действий англо-французского флота [20. С. 212–213]. Благожелательное отношение имперского центра к нуждам финского населения по всей империи может рассматриваться как часть общей либерализации политики по отношению к финскому населению.

Во второй половине 1870-х гг. выявилась неспособность созданной системы духовного попечения лютеранского населения Енисейской губернии. В результате инспекции лютеранских колоний в Минусинском округе, проведенной генерал-суперинтендантом московской евангелическо-лютеранской консистории А. Юргенсоном в 1880 г., был выявлен «упадок церковной и нравственной жизни, особенно в латышском поселении Нижней Буланке, вызванный тем обстоятельством, что ни один из прежних проповедников не владел латышским языком» [21. Л. 1 об.]. Ранее, в 1877 г., представители Лифляндской дворянской корпорации обращались в Генеральную евангелическо-лютеранскую консисторию с предложением «об определении в поселении Нижней Буланки особого проповедника, владеющего латышским языком» [21. Л. 2]. А. Юргенсон поддерживал данное предложение, полагая, что его реализация улучшит духовную жизнь латышей. Кроме того, генерал-суперинтендант предложил перенести «штаб-квартиру» финского пастора из Верхнего Суэтука в другое место, «откуда он имел бы возможность посещать ежегодно многочисленных поселенных в Западной Сибири финляндских уроженцев и оказывать им духовное призрение» [21. Л. 1–1 об.]. Следует от-

метить, что в отчете А. Юргенсона указывалось, что само местное население в лице «старшин» просило «о назначении к ним в возможной скорости владеющего латышским языком проповедника» [21. Л. 1 об.].

Следовательно, на рубеже 1870–1880-х гг. три актора (местное население, соплеменники на исторической родине и администрация Евангелической церкви) пришли к выводу о необходимости реформировать систему духовного попечения лютеран Енисейской губернии путем назначения отдельного пастора для латышского населения. При этом все акторы называли одинаковую причину фактического отсутствия духовного влияния на латышское население финляндского пастора – незнание последним латышского языка.

Поддержка сибирских латышей и эстонцев со стороны населения Прибалтики не ограничивалась только обращениями представителей дворянства. Были собраны финансовые средства: «со стороны Лифляндского дворянства... в размере 500 руб., со стороны города Риги и Лифляндского окружного комитета, Вспомогательной кассы по 300 руб., и со стороны Центрального комитета вспомогательной кассы 900 руб. в год» [21. Л. 2]. То же касается и Финляндии – как было указано выше, жалование пастору и катихизатору выплачивалось из «финляндских штатных сумм».

Финляндский сенат ожидаемо поддержал мнение А. Юргенсона о необходимости переноса «штаб-квартиры» финляндского пастора. Предлагалось разместить ее в г. Омске. Сенат предполагал вменить новому пастору в обязанность «ежегодно посещать все населенные финляндцами места в Западной Сибири до Верхнего Суэтука» [21. Л. 7 об.–8 об.]. Таким образом, позиция Финляндского сената представляется последовательной: как и в начале 1860-х гг., финская администрация добивалась создания экстерриториально-национального прихода.

В результате усилий по реформированию системы духовного попечения восточно-сибирских лютеран 23 декабря 1884 г. в Гельсингфорсе было сделано Высочайшее объявление. Александр III распорядился «по назначении особого эстонско-латышского проповедника для поселений в окрестностях Верхнего Суэтука, постоянное местопребывание финляндского проповедника впредь до времени перенести в Омск» [21. Л. 81 об.]. Данное объявление не вошло в Полное собрание законов Российской империи, и его текст известен исследователю из архивной копии.

Указанное объявление касалось только переноса «штаб-квартиры» финляндского пастора. Вероятно, эстонско-латышский приход в Нижней Буланке был создан другим нормативно-правовым актом. В составленном летом 1888 г. Московской консисторией списке всех евангелическо-лютеранских приходов Сибири указано, что приход Нижней и Верхней Буланки существует с 1881 г. [21. Л. 157]. Однако акт о создании данного прихода пока не обнаружен.

Таким образом, в начале 1880-х гг. была создана новая система духовного попечения лютеран Енисейской губернии. Она представляла собой сосуществование двух приходов: один – территориальный, для

лютеран разных национальностей (преимущественно латышей, эстонцев и немцев), второй – экстерриториальный, только для финского населения. Эта система просуществовала до революции 1917 г.

Как отмечалось, жизнь эстонских и латышских колонистов в Восточной Сибири на рубеже 1870–1880-х гг. являлась объектом внимания со стороны Прибалтийской общественности. То же можно сказать и о финских колонистах. Например, в 1884 г. «некоторые частные лица в Гельсингфорсе приобрели на собранные ими средства орган для употребления при богослужении и школе для сказанных колонистов (жителей Верхнего Суэтука. – Д.Х.)». Это приобретение состоялось по ходатайству учителя из Верхнего Суэтука [21. Л. 73].

После приобретения встал вопрос о доставке органа в Восточную Сибирь. До г. Санкт-Петербург орган был доставлен за счёт жертвователей. Доставку от столицы империи до г. Томск оплатила Генеральная евангелическо-лютеранская консистория [21. Л. 94 об.]. За доставку от г. Томск до пос. Верхний Суэтук вновь платили жертвователи. Орган был отправлен в г. Томск на рубеже июня-июля 1885 г. [21. Л. 121]. К сожалению, не известно, был ли орган доставлен по месту назначения.

Данный случай показывает, во-первых, что Генеральная евангелическо-лютеранская консистория продолжала заботиться о духовном призрении ссыльных финнов, несмотря на стремление финской администрации создать национальный финский лютеранский приход. Во-вторых, если в 1860-х гг. интересы ссыльных финнов отстаивали государственные национальные структуры в лице Финляндского сената, то в 1880-х гг. фиксируется внимание общественности к жизни и судьбам соплеменников. Таким образом, общественные силы как в Прибалтике, так и в Финляндии заинтересовались судьбами ссыльных соплеменников примерно в одинаковое время. Этот интерес может быть расценен как показатель развитости национального самосознания.

Несмотря на произошедшее еще в 1850-х гг. национальное размежевание, в Верхнем Суэтуке продолжали проживать эстонцы, духовное попечение которых, согласно реорганизации 1880-х гг., было заботой нижебуланского пастора. Такое положение дел приводило к конфликтам: в 1898 г. пастор Н. Буш подал жалобу на финского катехизатора П. Тойкку, указывая, что последний мешает проведению эстонских богослужений в церкви в Верхнем Суэтуке. Консистория приняла «соломоново решение», назначив точное время для финской и эстонской службы: первую было указано начинать в 10 часов, а вторую – в 8 [14. С. 199].

Финские священники отмечали, что национальный состав жителей Верхнего Суэтука изменился к началу XX в.: доля финнов уменьшалась, а доля эстонцев – значительно возрастала [14. С. 214]. Вероятно, это положение спровоцировало очередной конфликт. В 1915 г. Верхне-Суэтуцкий евангелическо-лютеранский церковный совет в Енисейской губернии обратился к Енисейскому губернатору с просьбой упразднить финский приход в колониях. Это было связано с тем, что «фин-

ский же катизатор (так в тексте, имеется в виду катехизатор. – Д.Х.) подстрекает наших прихожан от обязанностей» по содержанию эстонского училища. При этом в донесении совета национальная составляющая прослеживается очень четко: прихожане лютеранского прихода Енисейской губернии подчеркнута именуются эстонцами [22. Л. 1].

Пастор В. Рейхвальд в своем донесении от 17 июля 1915 г. признал, что так как «финский язык похож на эстонский язык, нередко бывают случаи, что члены эстонского прихода переходят в финский приход для достижения некоторых удобств по отношению к школьному вопросу. Кроме того, вновь приписывающиеся к деревне во многих случаях обращаются к финскому приходу, так как... их легче принимают». Далее пастор признал, что такая ситуация приводила к соперничеству и несогласию между двумя приходами, но вместе с тем считал жалобу малообоснованной. По его мнению, в исключительно религиозном отношении «никаких несогласий быть не может, потому что те и другие – лютеране». В целом же позиция В. Рейхвальда была следующая: «Я со своей стороны против перехода эстонцев в финский приход никаких препятствий не имею и вообще доволен, что финский приход обслуживается финским пастором» [22. Л. 3–3 об.].

Параллельно с прошением Енисейскому губернатору заместитель Председателя эстонского Церковного совета О. Петлем обратился в Финляндский сенат с просьбой как минимум отстранить А. Куисманена от работы, а как максимум – ликвидировать финский приход в Верхнем Суэтуке. Мотивировка была та же, что и в прошении губернским властям. Однако финляндская администрация отклонила прошение [14. С. 214]. Таким образом, указанные конфликты не спровоцировали каких-либо преобразований в созданной в начале 1880-х гг. системе двух приходов, что говорит о ее эффективности.

Таким образом, можно выделить следующих акторов, участвовавших в процессе организации духовной жизни лютеран Енисейской губернии: администрация Евангелическо-лютеранской церкви России (в лице Генеральной и Московской консисторий), имперские центральные власти (в лице министерства внутренних дел), сибирские власти (в лице Енисейского губернатора и Генерал-губернатора Восточной Сибири), финские власти (в лице Финляндского сената), прибалтийская общественность и само население лютеранских колоний (в лице старшин). Предлагалось два подхода к организации лютеранского прихода: экстерриториально-национальный и конфессионально-территориальный. За первый выступали финские власти, за второй – сибирская администрация и руководство Евангелической церковью. Изначально приход был создан по второму варианту, с элементами компромисса. После реорганизации в начале 1880-х гг. финский приход стал экстерриториально-национальным. Имперская политика (как местных властей, так и центральных) представляется достаточно гибкой, способной учитывать потребности различных групп лютеранского населения.

Участие общественности Прибалтики и Финляндии в жизни своих соотечественников в Сибири может быть следствием наличия относительно высокого уровня национального самосознания. Им же могут объясняться и конфликты между жителями лютеранских колоний Енисейской губернии (финнами, с одной стороны, и латышами и эстонцами – с другой).

Финляндские власти принимали деятельное участие в жизни колонистов с начала 1860-х гг. Пока не

обнаружены данные, которые бы свидетельствовали об участии жителей Прибалтики в жизни лютеранских колоний Енисейской губернии до конца 1870-х гг. Вероятно, это было следствием того, что Финляндия обладала автономией в составе империи. С одной стороны, она способствовала формированию национального самосознания финнов, с другой – обеспечивала наличие административных структур, способных отстаивать интересы соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850–1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 гг. СПб. : Типография К. Вульфа, 1865. С. 58–78.
2. Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций Минусинского музея // Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск, 1900. 212 с.
3. Курило О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). М. : Лютеранское наследие, 2002. 400 с.
4. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М. : Готика, 1999. 432 с.
5. Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России : сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005.
6. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск : СФУ, 2015. 188 с.
7. Дворецкая А.П. Конфессиональная история России XX–XXI вв. : учеб. пособие / А.П. Дворецкая, А.А. Ипеева, О.В. Коновалова. Красноярск : СФУ, 2017. 192 с.
8. Баранцева Н.А. Этносоциальные процессы среди прибалтийских и немецких народов Енисейской губернии как отражение государственной политики в кон. XIX – перв. тр. XX вв. // Мартыановские краеведческие чтения. Вып. VI. Минусинск : Минусинский регион. краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, 2010. С. 78–84.
9. Иванова И.П. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур на юге Красноярского края // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск : Кларетианум, 2004. С. 173–179.
10. Ойнец-Николаева В.А. Эстонцы в Сибири в XXI веке. Музейный проект как символ сохранения и развития // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск : Кларетианум, 2004. С. 159–165.
11. Дятлова В.А. Немецкие поселения на юге Красноярского края (по архивным материалам ГАКК, Минусинского краеведческого музея и МГГА) // Научный ежегодник КГПУ. Т. 2, вып. 2. Красноярск : РИО КГПУ, 2001. С. 64–69.
12. Чернышова В.Г. Немецкое население Минусинского округа в XIX – начале XX веков // Немцы в Сибири: история, язык, культура. Красноярск, 2004. С. 104–108.
13. Хоменко Д.Ю. Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : межэтнические отношения // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Междунар. молодежной науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 104–111.
14. Эспер И.М., Сярг С.С. Рыжково (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь. СПб. : Гйоль, 2013. 390 с.
15. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4, вып. 2. Иркутск : Типография К.И. Витковской, 1893. 176, 55, 129 с.
16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 1218.
17. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание (ПСЗ-2). Т. 38-1. № 39400.
18. РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. № 57.
19. Витхновская-Кауппала М.А. С.Ю. Витте, Н.Н. Герард и парламентская реформа Финляндии // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2018. С. 343–364.
20. Кауппала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора : люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2012. С. 195–213.
21. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159.
22. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1042.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

“To Avoid Ethnic Hatred to Local Finns”: Organization of Spiritual Charity of Lutherans of Yenisei Province in the Second Half of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 186–190.

DOI: 10.17223/15617793/468/21

Denis Yu. Khomenko, Krasnoyarsk Medical Vocational School (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Keywords: Lutherans; Yenisei Province; Verkhniy Suetuk; Nizhnyaya Bulanka; Verkhnyaya Bulanka; Finns; Estonians; Latvians.

In the article, the author researches the creation in 1863 and reorganization in the early 1880s of the Lutheran parish in Yenisei Province. Until the end of the 19th century, the Lutheran population of the region was mainly replenished due to criminal exile. The exiled were placed in three colonies purposely established in the 1850s in the south of the province: Verkhniy Suetuk, Nizhnyaya Bulanka, Verkhnyaya Bulanka. Finns and Estonians lived in the first, Estonians in the second, and Latvians and Germans in the third. The author draws attention to the fact that this demarcation of the Lutheran population on a national basis was an initiative of the exiled themselves. The author identified the actors who participated in the creation and reorganization of the parishes: the administration of the Evangelical Lutheran Church of Russia, the authorities of the autonomous Grand Duchy of Finland, the central imperial authorities, Siberian authorities, the population of the Lutheran colonies of Yenisei Province, the public in the Baltic states and Finland. Finnish authorities advocated the creation of a national parish, only for the Finnish population. Other actors proposed to organize a territorial parish for all Lutherans of the province. The second approach prevailed in 1863: the Lutheran pastor appointed to

Verkhniy Suetuk was to guide all Lutherans of Yenisei Province. At the turn of the 1880s, the incapacity of this system became clear: residents of Verkhnyaya Bulanka and Nizhnyaya Bulanka were virtually without the care of a pastor because the latter did not know the languages of their inhabitants (Latvian and Estonian), and they did not know Finnish. This situation led to the revision of the decree of 1863, which resulted in decisions to transfer the center of the parish to Nizhnyaya Bulanka, to impose an obligation of knowing Estonian and Latvian on the future pastor, and to create a new parish with the center in Omsk exclusively for the Finnish population. The author suggests calling this Lutheran parish extraterritorially national because, on the one hand, it was intended only for the Finnish population; on the other, its territory did not coincide with any administrative-territorial formation in Siberia. Besides state structures, the population of the colonies and inhabitants of the Baltic states, who raised money to organize a new parish, participated in the reorganization of the spiritual life of Lutherans in the late 1870s. The Finnish public's participation was not direct; however, the author of the article cites facts of organizing assistance to Siberian Finns from their compatriots. The author evaluates the system created as a result of the reorganization as effective: despite a number of conflict situations between the parishioners of the two parishes, the question of its reform was not raised. The author evaluates the imperial policy regarding the Lutheran population of Yenisei Province (of both Siberian and central authorities, as well as the administration of the Evangelical Lutheran Church) as flexible, able to take into account spiritual needs.

REFERENCES

1. Gaup, V. (1865) Sostoyaniye koloniy ssyl'nykh lyuteranskogo veroispovedaniya v Shushenskoy volosti Minusinskogo okruga, 1850–1863 g. [The state of the colonies of exiled Lutheran faith in Shushenskaya Volost of Minusinsk District, 1850–1863]. In: *Vtoraya pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1865–1866 gg.* [The second memorable book of Yenisei Province for 1865–1866]. St. Petersburg: Tipografiya K. Vul'fa. pp. 58–78.
2. Yakovlev, E.K. (1900) Opisanie etnograficheskikh kollektsiy Minusinskogo muzeya [Description of ethnographic collections of the Minusinsk Museum]. In: *Opisanie Minusinskogo muzeya* [Description of the Minusinsk Museum]. Vol. 4. Minusinsk: [s.n.].
3. Kurilo, O.V. (2002) *Lyuterane v Rossii (XVI–XX vv.)* [Lutherans in Russia (16th–20th centuries)]. Moscow: Lyuteranskoe nasledie.
4. Litsenberger, O.A. (1999) *Evangelicheskoye lyuteranskoye tserkov' i sovetskoye gosudarstvo (1917–1938)* [Evangelical Lutheran Church and the Soviet State (1917–1938)]. Moscow: Gotika.
5. Litsenberger, O.A. (2005) *Rimskokatolicheskaya i Evangelicheskoye lyuteranskoye tserkvi v Rossii: sravnitel'nyy analiz vzaimootnosheniy s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII – nachalo XX v.)* [Roman Catholic and Evangelical Lutheran Churches in Russia: Comparative Analysis of Relations with the State and Society (17th – early 20th centuries)]. History Dr. Diss. Saratov.
6. Dvoretzskaya, A.P. (2015) *Religioznaya zhizn' naseleniya Prieniseyskogo regiona v pervoy treti XX v. (1900–1930-e gg.)* [Religious life of the population of the Yenisei region in the first third of the 20th century (1900–1930s)]. Krasnoyarsk: SFU.
7. Dvoretzskaya, A.P. (2017) *Konfessional'naya istoriya Rossii XX–XXI vv.: ucheb. posobie* [Confessional history of Russia of the 20th–21st centuries: textbook]. Krasnoyarsk: SFU.
8. Barantseva, N.A. (2010) Etnotsial'nye protsessy sredi pribaltijskikh i nemetskikh narodov Eniseyskoy gubernii kak otrazhenie gosudarstvennoy politiki v kon. XIX – perv. tr. XX vv. [Ethnosocial processes among the Baltic and German peoples of Yenisei Province as a reflection of state policy in the end of the 19th – first third of the 20th centuries]. In: *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya* [Martyanov readings on local lore]. Vol. VI. Minusinsk: Minusinskiy region. kraevedcheskiy muzey im. N.M. Mart'yanova. pp. 78–84.
9. Ivanova, I.P. (2004) Vzaimodeystvie i vzaimoproniknovenie kontaktiruyushchikh etnicheskikh kul'tur na yuge Krasnoyarskogo kraya [Interaction and interpenetration of contacting ethnic cultures in the south of Krasnoyarsk Krai]. In: *Sokhraneniye i vzaimoproniknoveniye natsional'nykh kul'tur kak faktor ustoychivogo razvitiya Prieniseyskogo kraya* [Preservation and interpenetration of national cultures as a factor of sustainable development of the Yenisei region]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 173–179.
10. Oynets-Nikolaeva, V.A. (2004) Estontsy v Sibiri v XXI veke. Muzeynyy proekt kak simvol sokhraneniya i razvitiya [Estonians in Siberia in the 21st century. Museum project as a symbol of preservation and development]. In: *Sokhraneniye i vzaimoproniknoveniye natsional'nykh kul'tur kak faktor ustoychivogo razvitiya Prieniseyskogo kraya* [Preservation and interpenetration of national cultures as a factor of sustainable development of the Yenisei region]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 159–165.
11. Dyatlova, V.A. (2001) Nemetskie poseleniya na yuge Krasnoyarskogo kraya (po arkhivnym materialam GAKK, Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya i MGGA) [German settlements in the south of Krasnoyarsk Krai (based on archival materials of the State Archive of Krasnoyarsk Krai, the Minusinsk Museum of Local Lore, and the Moscow City State Administration)]. In: *Nauchnyy ezhegodnik KGPU* [Scientific Yearbook of Krasnoyarsk State Pedagogical University]. Vol. 2 (2). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 64–69.
12. Chernysheva, V.G. (2004) [The German population of Minusinsk District in the 19th – early 20th centuries]. *Nemtsy v Sibiri: istoriya, yazyk, kul'tura* [Germans in Siberia: history, language, culture]. Proceedings of the International Conference. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 104–108.
13. Khomenko, D.Yu. (2014) [Lutherans in Yenisei Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: interethnic relations]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of historical research: the view of young researchers]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk: Parallel'. pp. 104–111. (In Russian).
14. Esper, I.M. & Syarg, S.S. (2013) *Ryzhkovoye (pervoye lyuteranskoye poseleniye v Sibiri) i lyuteranskoye tserkov'* [Ryzhkovoye (the first Lutheran settlement in Siberia) and the Lutheran church]. St. Petersburg: Gyo!, 390 s.
15. Anon. (1893) *Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaystvennogo byta sel'skogo naseleniya Irkutskoy i Eniseyskoy guberniy.* *Eniseyskaya guberniya* [Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei Provinces. Yenisei Province]. Vol. 4 (2). Irkutsk: Tipografiya K.I. Vitkovskoy.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 5. File 1218.
17. Russian Empire. (1863) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 38–1. No. 39400. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kantselyarii.
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 12. No. 57.
19. Vitukhnovskaya-Kauppal, M.A. (2018) S.Yu. Vitte, N.N. Gerard i parlamentskaya reforma Finlyandii [S.Yu. Witte, N.N. Gerard, and Finland's parliamentary reform]. In: *Problemy reformirovaniya Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: k stoletiyu so dnya smerti S.Yu. Vitte: sb. st.* [Problems of reforming Russia at the turn of the 19th–20th centuries: to the centenary of the death of S.Yu. Witte: collection of articles]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 343–364.
20. Kauppal, P. (2012) Aleksandr II i pod'em finlyandskoy avtonomii: otzvuki Krymskoy voyny [Alexander II and the rise of Finnish autonomy: echoes of the Crimean War]. In: *Aleksandr II. Tragediya reformatora: lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudey: sb. st.* [Alexander II. The tragedy of the reformer: people in the fate of reforms, reforms in the fate of people: collection of articles]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 195–213.
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 5. File 159.
22. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 595. List 48. File 1042.

Received: 11 February 2021

А.Н. Чистякова

ЗЕРКАЛА С ОРНАМЕНТОМ БОЦЗЮЙ 博局纹: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И СЕМАНТИКА

Рассмотрены древние китайские зеркала с орнаментом TLV (боцзюй). Автор проследил эволюцию названий орнамента; выделил варианты композиции, сделал их хронологическую классификацию; установил, что орнамент многослойный; дал семантическую интерпретацию сюжета. Определено, что разнообразие названий связано как с отсутствием унифицированной классификации китайских зеркал, так и с различными трактовками изображенного. Статья способствует более детальной временной и орнаментальной классификации зеркал ханьского времени.

Ключевые слова: Китай; древние бронзовые зеркала; династия Хань; орнамент TLV; боцзюй; четыре духа сы шэнь; циркуль и угольник; Земля; Небо; Си Ванму.

Введение

Орнамент древних китайских бронзовых зеркал является важным источником информации о времени их изготовления и верованиях древних китайцев. Одним из самых известных, но в то же время спорных мотивов считается так называемый TLV (TLV 纹). Существует много вариантов названия орнамента: боцзюй 博局纹, четыре духа 四神纹, солнечные часы 日晷纹, циркули и угольники 规矩纹 и др.

Зеркала такого типа, как правило, круглые с полукруглым держателем¹. Место крепления держателя в виде четырехлистника либо круглое. Оно обрамлено квадратом в виде так называемых 12 «жемчужин»², а между ними двенадцать иероглифов, обозначающих «земные ветви» (地支): 子、丑、寅、卯、辰、巳、午、未、申、酉、戌、亥³. По центру каждой стороны квадрата выполнен знак, напоминающий T, напротив – L, во внешнем орнаментальном круге напротив углов квадрата – V, делящие орнамент на четыре стороны и восемь частей (рис. 1). Как правило, по четырем сторонам света или во всех восьми частях изображены четыре или восемь зверей соответственно.

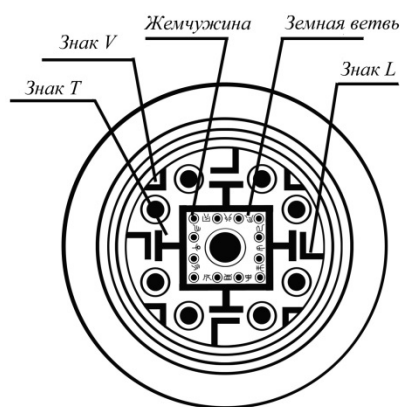

Рис. 1. Общий вид зеркала с орнаментом боцзюй

Чаще всего атрибутом такого вида зеркал является иероглифическая надпись. Нередко в надписи присутствует сочетание «восемь сыновей и двенадцать внуков» 八子十二孙. Считается, что указываются восемь «жемчужин», расположенных по две на каждой сто-

роне квадрата, и двенадцать, расположенных внутри квадрата и разделяющих двенадцать знаков «земных ветвей». Если количество «жемчужин», отлитых на зеркале, меняется, то и количество «сыновей и внуков» в надписи меняется [1. С. 76; 2. С. 53].

По надписям и виду зеркала можно разделить на два типа:

1) ранний тип. Зеркала тонкие, с небольшим держателем и короткой простой надписью. Орнамент выделен нечетко (низкий рельеф отливки), чаще всего с геометрическими или стилизованными узорами, без животных;

2) поздний тип. Зеркала тоньше, чем тип А, с массивным ободком и выступающим держателем по середине. На таких зеркалах несколько надписей. Орнамент выделен четко, включает в себя небожителей, людей, животных, а также предметы, например, повозки [3. С. 66].

Период обращения зеркал с боцзюй довольно длительный: династия Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.)⁴. Некоторые исследователи расширяют его начиная с династии Цинь и продляя до Северных и Южных династий (с 221 г. до н. э. до 589 г. н. э.) [4. С. 52]. Однако, судя по коллекциям музеев и каталогам, уже в конце династии Восточная Хань зеркала становятся меньше, орнамент упрощается, их количество уменьшается, производство постепенно прекращается.

Данных зеркал найдено много⁵ как на территории Китая, так и за его пределами. Об их популярности свидетельствуют многочисленные подделки и реплики в более поздние периоды.

Некоторые данные стали известны по результатам исследования музейных коллекций. М. Лоеви (Лёве), было изучено 89 зеркал из Музея Ашмола в Оксфорде, Британского музея, Музея Фитцвильяма в Кембридже, Музея древностей Дальнего Востока в Стокгольме и Музея Виктории и Альберта. Им было установлено, что диаметр зеркал варьировался от 5,9 до 23,3 см [3. С. 64]. Зеркала боцзюй хранятся в Русском музее, Красноярском краевом краеведческом музее, Национальном музее в Копенгагене и др.

Исследованием назначения и применения китайских зеркал в российской науке занимались Г.Г. Стратанович [5], Э.В. Шавкунов [6], однако они не уделяли внимания так называемым зеркалам TLV. Е.И. Лубо-Лесниченко, описывая фрагмент и зеркало данной ка-

тегории, датирует их концом Западной Хань и началом Восточной (I в), ссылается на С. Камманна, связывает знаки TLV с космогоническими представлениями и обозначением стран света, границ четырех частей мироздания и пределами Земли [7. С. 12]. М.П. Лаврова предлагает классифицировать зеркала по стилю, отрицая вслед за В.П. Йетсом классификацию по династийному принципу. Она рассматривает три интересующих нас экземпляра, выделяет единую композиционную схему, которую можно назвать рабочей. Считает, что она означает небо, выражение великого мирового порядка и гармонии [8. С. 2–7]. Однако в коллекции Русского музея представлен лишь частный случай изучаемой нами композиции – «четыре духа».

В связи с наличием данного типа зеркал в коллекциях российских музеев, недостаточной разработанностью датировки и классификации для проведения их каталогизации автор выделил следующие задачи: 1) проследить эволюцию названий и причины; 2) выделить варианты композиции, сделать их временную классификацию; 3) дать интерпретацию орнаментального сюжета.

К вопросу о происхождении и наименовании орнамента *боцзюй*

Существуют различные версии наименования орнамента, связанные с его происхождением и толкованием.

1. «Рабочая версия». В 1924 г. А. Дж. Копо (A.J. Koro) впервые назвал орнамент TLV за наличие на оборотной стороне зеркала знаков, похожих на эти латинские буквы, его так же стали называть в Китае [1. С. 73]. Этот термин используется у европейских и российских ученых. Наименование дано было услов-

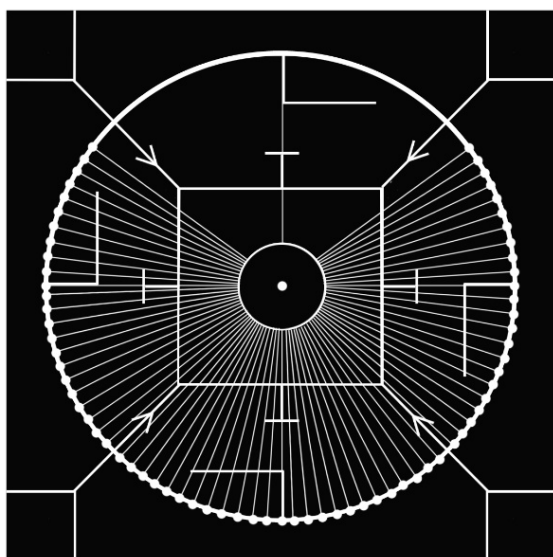
но, считалось «рабочим», так как исследователи долгое время не могли найти объяснение этим знакам, потому что китайцы латиницу не использовали.

2. Прототип «солнечные часы». Британский исследователь В.П. Йетс (W.P. Yetts) в 1939 г. предположил, что орнамент TLV – это карта вселенной и предложил называть его «солнечные часы» (дословно – тень от солнца 日晷纹) [1. С. 74; 9. С. 2]. На сегодняшний день в погребениях на территории Китая найдено несколько экземпляров солнечных часов, вид которых идентичен орнаменту на зеркалах TLV [2. С. 51]: в уезде Токэто (Тогтох) в АР Внутренняя Монголия, у села Цзиньцунь г. Лояна, в уезде Ююй пров. Шаньси (рис. 2, а, б) [10. С. 334–339].

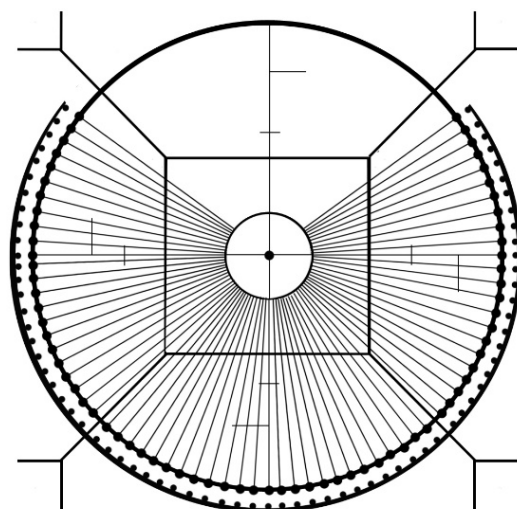
3. Прототип «монета-амулет со счастливыми надписями» (压胜钱/厌胜钱) (рис. 3). Надписи на монетах схожи с надписями на зеркалах: «长宜子孙» (пожелание множества детей и внуков) «长乐未央» (вечной радости) [2. С. 52–53].

4. Прототип доска для гадания. Японский ученый У. Суэдзи в 1925 г. после находки в Северной Корее, недалеко от Пхеньяна в погребении Ван Сюйя, доски для гадания по звездам считал ее прототипом орнамента на зеркалах, обсуждаемых в статье [9. С. 2].

5. «Доугуны» 斗拱. Орнамент TVL сравнивается с архитектурными деталями пещер в Дуньхуане и могил Когуре. Квадрат из орнамента – балки потолка, знак Т – верхняя часть крестообразной балки, сходящейся в центральной части кессона, знаки V и L – доугуны⁶. Держатель зеркала – центральная колонна, символизирующая космическую ось. 12 «жемчужин» в квадрате рассматриваются как маленькие колонны, а 8 «жемчужин» во внешнем квадрате – как двери по четырем сторонам света [1. С. 74].

а

б

Рис. 2. Солнечные часы: а – из уезда Токэто (Тогтох) в АР Внутренняя Монголия (составлено по: [10. С. 336]); б – найденные у села Цзиньцунь г. Лояна (составлено по: [2. С. 52])

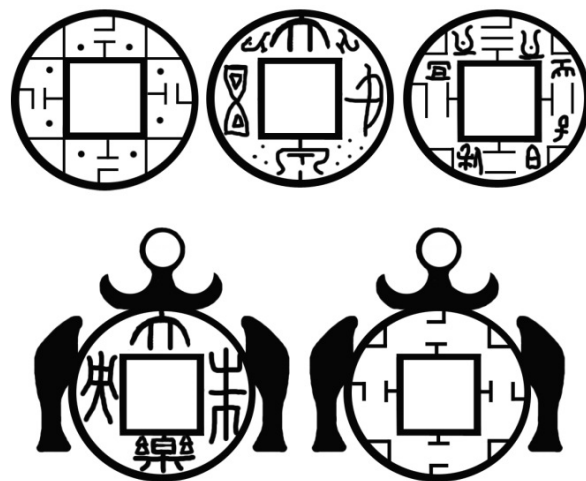

Рис. 3. Монеты-амулеты

6. «Циркули и угольники» 规矩纹. Китайские и японские ученые считали, что знаки T, V и L – это изображения циркулей и угольников [11. С. 40; 12. С. 31–40]. В китайском языке *зуй* 规 (L) – это: а) циркуль, круг; б) в философском значении Небо. Цзюй 矩 (T) – это: а) [плотничий] угольник; б) квадрат, обозначающий Землю. Поэтому вариант перевода названия орнамента «циркули и угольники» 规矩纹 – «орнамент Неба и Земли». В ханьских погребальных изображениях часто демиурги Фу Си и Нюй Ва изображаются держащими в руках циркуль и угольник. Это отражение божественной работы. Для знака V, изображенного по углам, нет объяснения, возможно, он появился как разделитель композиции [11. С. 40, 41]. Японский исследователь Комай Казутика считал, что земля квадратная, небо – круглое, а их сочетание дает циркули и угольники, T, L – четыре стороны света на небе и на земле, а V – четыре промежуточные стороны света (северо-восток, северо-запад, юго-восток и юго-запад) [1. С. 74]. Некоторые исследователи считают, что знаки T, L, V – это изображения разных видов угольников. В «Математическом трактате о небе как о сфере» (周髀算经) говорится, что всего угольников существует шесть видов [12. С. 20, 31, 40].

7. «Восемь стран света» или «восемь пределов» 八极纹 (четыре основных и четыре промежуточных. Название получено по восьми полям между разделителями-угольниками [1. С. 74; 12. С. 33].

8. TLV – это «двери солнца» или «небесные врата». Орнамент связан со вселенной и космическим началом [13. Р. 1].

9. Прототип – орнамент «в виде горы» 山字纹 периода Чжаньго. Следуя этой точке зрения, на таких зеркалах изображены вовсе не горы 山, а видоизмененные угольники T, V, L. У многих зеркал вокруг держателя изображен квадрат, что отражает концепцию «круглого неба и квадратной земли» (рис. 4) [12. С. 39].

10. «Боцзюй». Сейчас среди китайских ученых преобладает версия, что изображение на зеркале – уменьшенная копия доски для игры *боцзюй* [1. С. 74]. В начале XX в. японский ученый Накаяма Хэйциро в

работе «Эволюция древних китайских зеркал» (古代支那鏡鑑沿革) предположил, что доска для игры в *любо* (六博) является прообразом орнамента «циркули и угольники», и он должен называться «боцзюй».

Американец Ян Ляньшэн с 1945 по 1952 г. опубликовал в журнале «Исследования штата Гавайи» статьи «Исследование так называемых зеркал с орнаментом TLV и *любо*» и «Еще одно рассуждение о древней игре *любо*» [9. С. 2]. Доказательствами этой точки зрения служит, во-первых, все 12 «циркулей и угольников» расположены в строгом порядке, как и на доске для игры в *любо*. Если наложить орнамент зеркала на доску для игры в *боцзюй*, их расположение полностью совпадет (рис. 5). Во-вторых, возникновение, развитие и исчезновение орнамента TLV тесно связано с появлением, популярностью и потерей популярности игры *боцзюй* [14. С. 37].

В результате исследований китайские ученые изменили название «циркули и угольники» 规矩纹 на «боцзюй» 博局纹, т.е. «доска для игры в шахматы/шашки *боцзюй*» [4. С. 52].

Для подтверждения этой теории есть весомый аргумент: в «Музее истории Китая» хранится эстамп зеркала с орнаментом «четыре духа и *боцзюй*» периода династии Синь. Часть его надписи 刻具博局去不羊 (祥) означает: «выгравированное [поле] *боцзюй* избавляет от несчастья». Здесь не только прописан «боцзюй», но и указывается, что *боцзюй* «вырезается», чтобы «изгнать несчастье».

Поля (доски) для игры в *любо* были обнаружены в циньских и ханьских погребениях, а изображения игры известны по ханьским кирпичам и фрескам, что дало право ученым назвать аналогичный орнамент на зеркалах так же, как и доску для игры – *боцзюй* 博局.

Эволюция орнамента *боцзюй*

Изначально по изображениям в восьми частях орнаментального поля зеркала разделяли: с изображением четырех духов хранителей могил *сы шэнь* 四神, с изображением птиц и зверей-шоу, с геометрическим узором и упрощенные зеркала [15. С. 19–21].

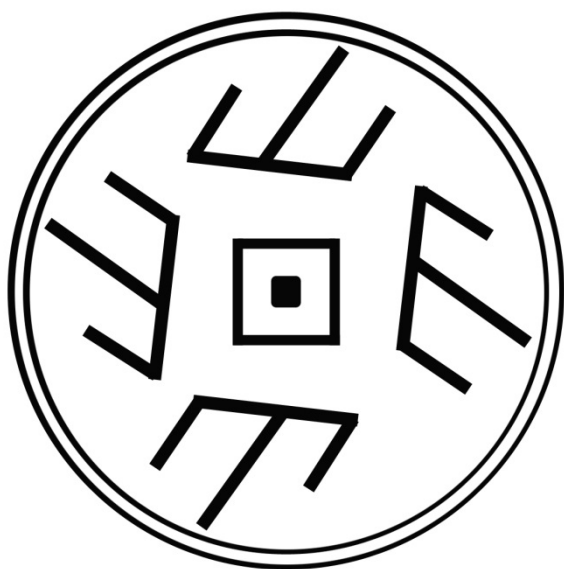

Рис. 4. Орнамент «в виде горы»

Фу Цзюйю разделил их в зависимости от периода популярности на семь типов: 1) боцзой – свернувшийся дракон *чи* (博局蟠螭纹); 2) боцзой – трава и листья (博局草叶纹); 3) боцзой – четыре змеи *хуэй* (博局四虺纹); 4) боцзой – четыре духа *сы шэнь* (博局四神纹); 5) боцзой – птицы и звери *шоу* (博局禽兽纹); 6) боцзой – геометрический орнамент (博局几何纹); 7) видоизмененный боцзой/упрощенный (变形(简化)博局纹).

Самый ранний тип зеркал боцзой – это свернувшийся дракон *чи*. Основной мотив – это драконы *чи* и поле боцзой. Держатель выполнен в виде трех/четырех полукруглых валиков. Бортик не орнаментирован, зеркала тонкие. Вокруг держателя могут быть изображены звери-*шоу*, вписанные в квадрат. Распространены в конце династии Цинь – до ханьского императора Уди (рис. 6).

Основной мотив зеркал – боцзой-трава и листья. Держатель – полукруг, реже – три полукруглых валика или жаба/лягушка. Место крепления держателя выполнено в виде круга или четырехлистника. Как правило, вокруг держателя изображен квадрат и присутствуют благопожелательные иероглифические надписи: «Никогда не забывать друг друга. Вечная радость» 长毋相忘, 长乐未央 и «Человек с высокими помыслами. Не забывает дела великих государей» «心思美人, 毋忘大王» (рис. 7). Распространены на раннем этапе Западная Хань, чуть позднее мотива боцзой-свернувшийся дракон *чи*.

Основной мотив зеркал боцзой – четыре змеи *хуэй* – это боцзой и змеи. Держатель круглый, место крепления держателя – круг, вписанный в квадрат. В орнаментальном поле четыре змеи и четыре «жемчужины». Бортик у зеркал широкий, толстый и неорнаментированный. По размеру зеркала сравнительно маленькие. Распространены в позднем периоде Западной Хань – раннем периоде Восточной Хань (рис. 8).

Основной мотив зеркал боцзой – четыре духа *сы шэнь* – это четыре духа-хранителя, которые распола-

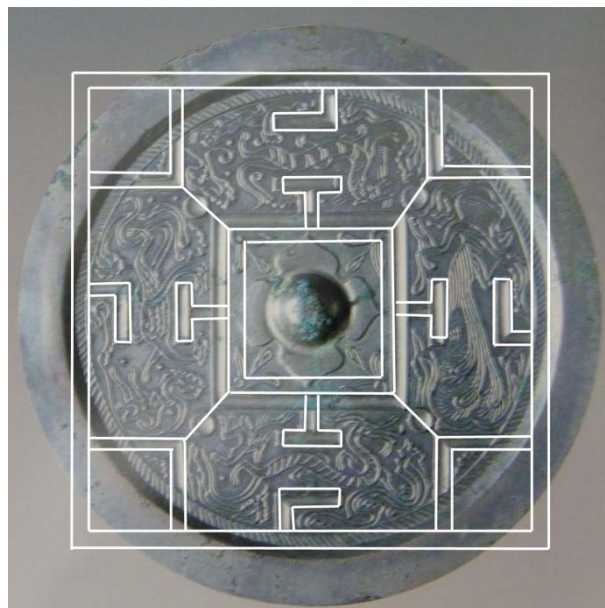

Рис. 5. Наложение доски для игры в боцзой на орнамент зеркала

гаются по четырем сторонам света, каждый в своей части. Распространен в поздний период Западной Хань и до раннего периода Восточной Хань (рис. 9).

Зеркала боцзой – птицы и звери *шоу* (или животные, приносящие счастье *жуйшоу*) – это зеркала, подобные предыдущим, но на них нет духов-хранителей в полном составе. В основном изображались звери и птицы (или только птицы). Например, могут быть изображены только тигры/львы и птицы. Распространены в поздний период Западной Хань и до позднего периода Восточной Хань (рис. 10).

Зеркала боцзой – геометрический орнамент (или другое название боцзой и облака) считается стилизацией предыдущих двух вариантов: вместо животных и птиц – геометрические узоры. Распространены при династии Синь и до позднего периода Восточной Хань (рис. 11) [14. С. 37–41].

Зеркала видоизмененный/сокращенный боцзой существовали довольно продолжительный период. Их особенность – сокращение элементов орнамента: например, из 12 знаков TLV отлиты только восемь или четыре. Квадрат изменялся на круг. Строго говоря, нельзя их называть зеркалами боцзой. Распространены с позднего периода Восточной Хань до Троецарствия и Цзинь. Ван Чэньи предполагает, что упрощенный вариант орнамента «в виде иероглифа один-и» 一字形纹 – упрощенный орнамент угольников (рис. 12) [12. С. 38].

К вышеприведенной классификации автор статьи считает необходимым добавить еще два варианта.

«Чистый орнамент боцзой» 纯博局纹. Установить временные рамки его существования трудно, так как подобных зеркал насчитывается единицы (рис. 13).

В каталогах приведено только одно зеркало из личной коллекции Ван Чэньи, и датировано оно династией Западная Хань [12. С. 39, 95]. Зеркало, покрытое позолотой, было найдено в 1954 г. при раскопках в Чанша. Еще один образец, покрытый позолотой, представлен аукционным домом предметов искусства в Сянгане в 2011 г. Однако датировки зеркал отсутствуют.

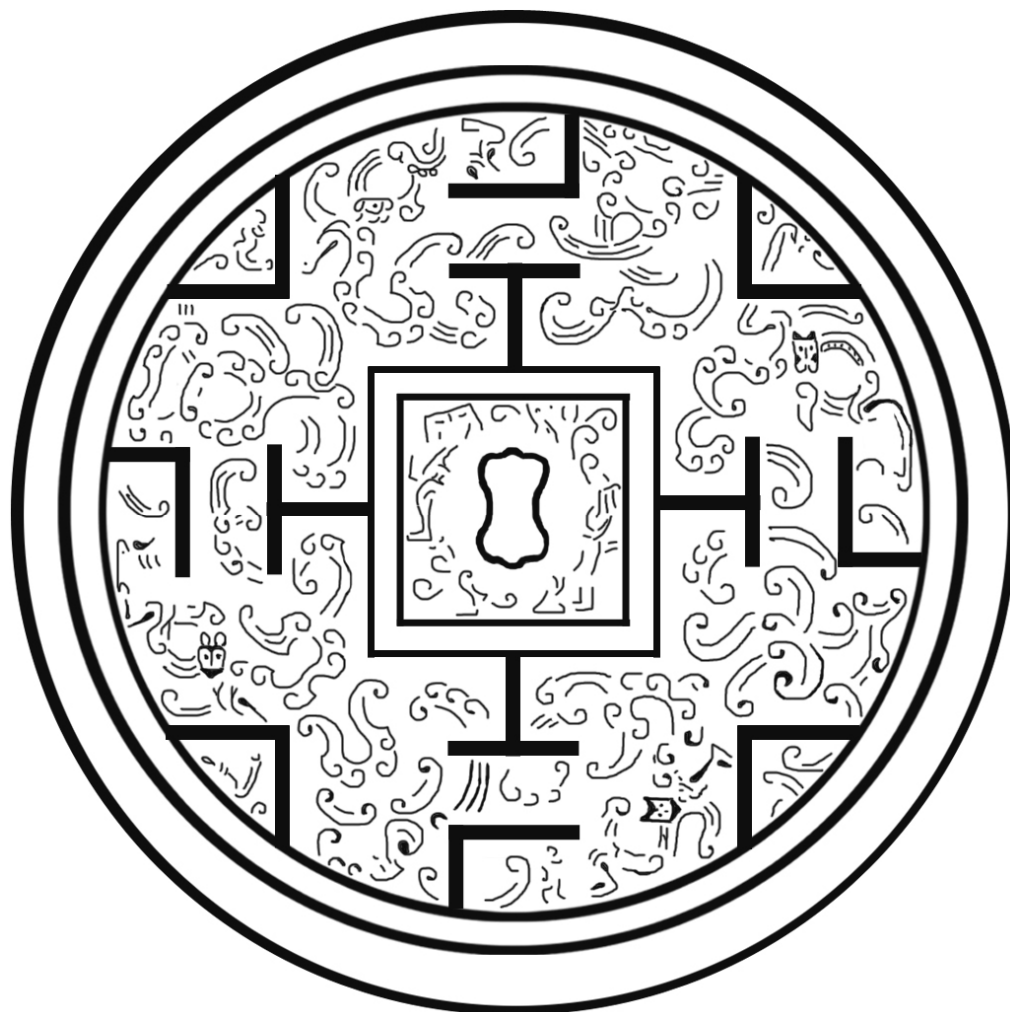

Рис. 6. Боцзюй – свернувшийся дракон чи

Рис. 7. Боцзюй – трава и листья

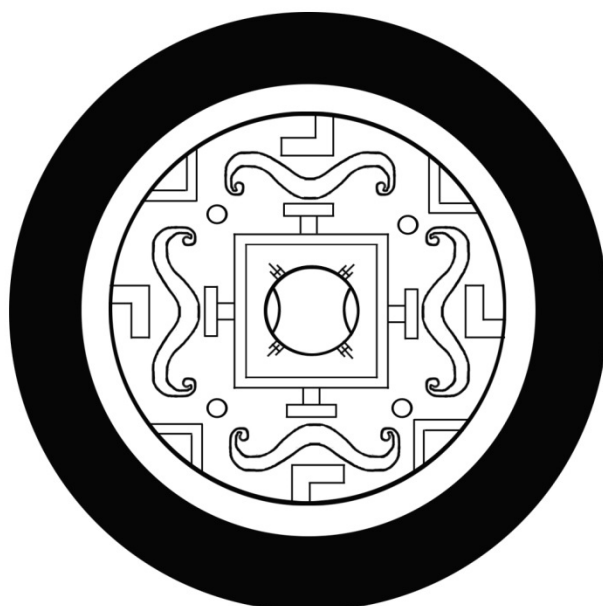

Рис. 8. Боцзюй – четыре змеи хуэй

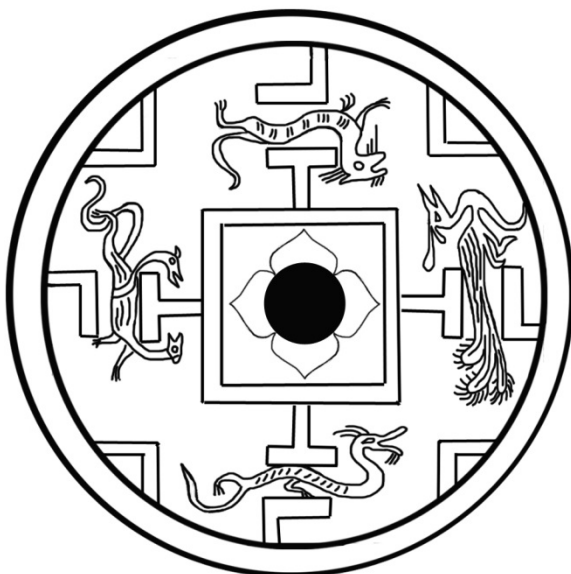

Рис. 9. Боцзюй – четыре духа сы шэнь

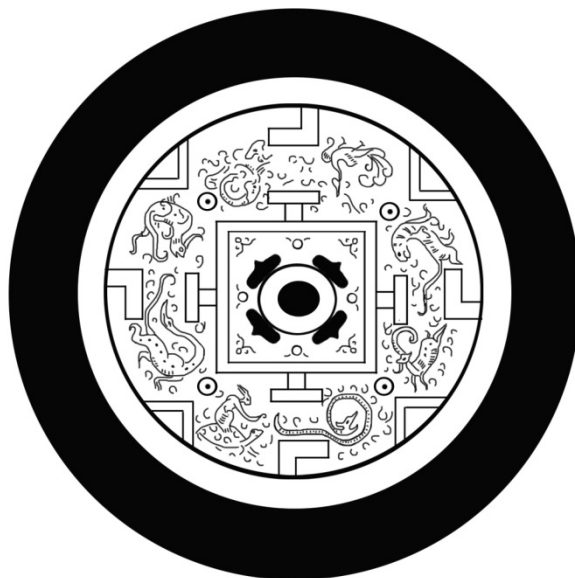

Рис. 10. Боцзюй – птицы и звери шоу

Рис. 11. Боцзюй – геометрический орнамент

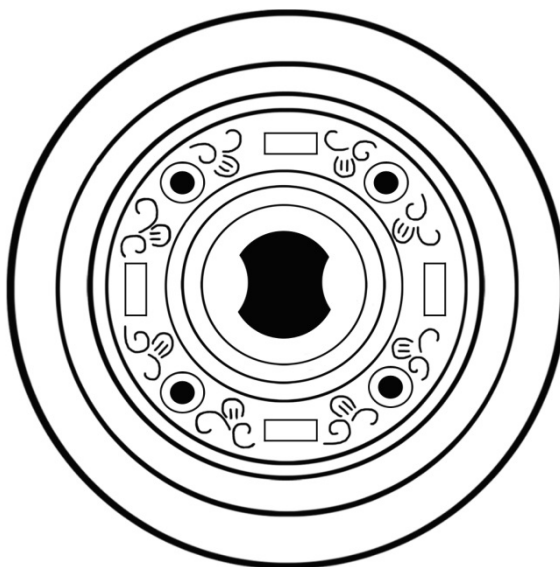

Рис. 12. Упрощенный вариант орнамента боцзюй
«в виде иероглифа один – и»

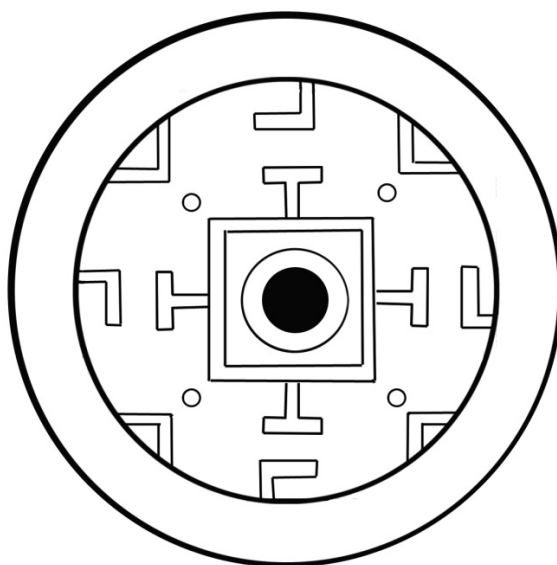

Рис. 13. Чистый» орнамент боцзюй

Зеркала «боцзюй – люди или небожители/сцены охоты и рыбной ловли/боцзюй, крылатые люди, звери и птицы» (博局人物画像纹镜/博局升仙画像镜纹镜/渔畋文规矩镜/羽人禽兽博局纹镜). Датируются Восточной Хань. Считается, что помимо боцзюй изображены четыре группы разных сюжетов, разделенные «жемчужинами». В первой группе показана сцена охоты: рычащий тигр и охотник, стоящий одним коленом на земле и держащий лук наготове. Вторая группа – очертания лунного дворца, богиня Чан Э, а позади – лунный заяц, толкущий в ступке лекарство. В центре присутствует коричневое дерево, справа прыгают звери шоу, сверху летит птица (рис. 14). По другой версии,

это сцена царства Си Ванму: изображена сама Царица Запада, лунный заяц, трехлапый ворон, девятихвостая лиса и коричневое дерево. Третья сцена – ловля рыбы: рыбак закидывает сеть, а на другом конце сети три рыбки. Над рыбами находятся четыре летящие птицы. Объяснение этой сцены находим в «Каталоге гор и морей. Каталоге Великих пустынь Юга», где сказано: «Есть люди, называются Чжанхун, живут на море. Ловят в море рыбу. Есть царство Чжанхун, [где] питаются рыбой, приручают четырех птиц» (цит. по: [16. С. 116]). Четвертая сцена – это птицы с расправленными крыльями, на них накинута сеть, другой конец сети в руках у крылатого возницы.

Рис. 14. Боцзюй – люди или небожители/
сцены охоты и рыбной ловли/боцзюй, крылатые люди звери и птицы

Семантика орнамента боцзюй

Сюжет зеркал «боцзюй» имеет много толкований. Китайские исследователи считают, что он связан с картой звездного неба. Эта концепция распространена и среди западных исследователей. Известно, что с конца Западной Хань гадательные книги, вера в небожителей, теория инь-ян, теория пяти элементов у-син были очень популярны, так что связь орнамента зеркал с космическими картами имеет все основания. В древнем Китае небо считали круглым, а землю квадратной, поэтому квадрат на зеркале рассматривается как земля, а внешний круг зеркала – как небо. Все, что изображено посередине, – это наложение и сочетание небесных явлений и мира земного (четырех морей и стран света).

Основным мотивом зеркала являются четыре духа сы шэнь. В «Ли Цзи» («Книге установлений»), памятнике, сложившемся в IV- I вв. до н.э., записано: «Кого называют четырьмя божественными? Ими называют единорога, феникса, [священную] черепаху (сюань⁸) и дракона. Если приручают дракона, то рыбы не

уплывают; если приручают феникса, то птицы не улетают; если приручают единорога, то звери не разбегаются; если приручают [священную] черепаху, то не растрачиваются человеческие чувства» [17. С. 107]. Вариантом данного изображения может считаться орнамент, где вместо священной черепахи изображен *цилин*.

Расположенные по сторонам света животные сочетаются с небесными созвездиями, летящими птицами, могущими обитать и в воде, и на небе мифическим животными. На многих зеркалах по бортику изображаются драгоценные облака *баюнь* 宝云, которые являются символом неба и несут благожелательное значение. Фактически это та же композиция. Иногда китайские исследователи называют ее не «сы шэнь» (四神), а «сы лин» (四灵) [18. С. 15].

Автор считает, что в орнаменте присутствует мотив пяти священных даосских гор / пиков 五岳: восточный пик – г. Тайшань 泰山, западный пик – г. Хуашань 华山, южный пик – г. Хэншань 衡山, северный пик – г. Хэшань 恒山 и центральный пик – г. Суншань 嵩山. Считалось, что Владыка Тайшань

ведает рождением и смертью людей, распределением богатства и почестей; божество Южного пика – звездами и водными животными; божество Суншань – землями, водами и растительностью; божество Хуашань – металлами, а божество Северного пика – животными [19. С. 402]. В качестве гор предлагается рассматривать символы Δ , расположенные по сторонам света, а в качестве центрального пика – держатель зеркала. По мнению автора, пара животных, между которой изображен символ Δ , – это не что иное, как мировая гора или мировое дерево. Считается, что в горах обитают бессмертные, а изображение четырех духов в круге – это изображение мирового дерева и всей Вселенной [20. С. 54].

Подтверждение того, что изображены четыре духа, находим в надписях на зеркалах «слева дракон, справа тигр оберегают от несчастий; птица и сюаньу благоприятствуют инь и ян» (左龙右虎避不祥, 昭爵玄武利阴阳). Конечно, на зеркалах нет цвета, но считается, что Белый тигр почитался как символ запада, осени. Лазоревый дракон – символ востока, весны. Киноварная птица – символ юга, лета, располагается на вершине дерева. Темный воин (темная воинственность) – символ севера, зимы [21. С. 375].

Семантика орнамента «четыре духа» объясняется также с помощью благопожелательных надписей на зеркалах-*минвэнь*. Сочетание символов – птица и черепаха, перевитая змеей – это отражение принципа *инь-ян*. Предположение подтверждает факт, что четыре духа составляют единый годовой цикл и соответствуют четырем элементам (дереву, огню, воде и металлу) из пяти первоэлементов (у-син). Упоминание в некоторых надписях бессмертных позволяет предположить, что четыре духа – это символ бессмертия.

Таким образом, можно объяснить популярность данного орнамента. Функции таких изображений – во-первых, охранять вход в могилу умершего или во дворец правителя от проникновения злых духов; во-вторых, помочь душе умершего переправиться в другой мир (в даосизме, например, в страну бессмертных).

На некоторых зеркалах четырех духов окружают облака, небожители (крылатые люди), а также различные звери и птицы. Смена животных, независимо от того, кто это – змеи, четыре духа или птицы, представляет собой смену времен года, бесконечность жизненного цикла и бессмертие. Эти изображения связаны с пятью первоэлементами и представляют модель вселенной. Все животные изображаются за пределами «земного квадрата», т.е. в круге небесном. Еще одним подтверждением связи орнамента с завершенным циклом и бессмертием служит изображение в земном квадрате полного цикла из двенадцати знаков «земных ветвей» 地支, которые используются в Китае для летоисчисления. Почему в «небесном круге» зеркала никогда не изображались знаки небесных стволов⁹, неизвестно.

Однако в пров. Цзянсу у села Иньвань в ханьском погребении была найдена деревянная доска боцзюй, предназначенная не только для игры, но и для гада-

ния, с изображением сочетания всех знаков земных ветвей и небесных столбов от цзяцзы 甲子 до гуйхай 癸亥, т.е. все сочетания 60-летнего цикла. Доска ориентирована на юг, так как по центру одной из сторон стояла метка «юг». Считается, что с помощью этой доски можно было задать вопрос и получить ответ [2. С. 52].

Хотя был найден «Канон боцзюй», правила гадания или игры остались неизвестны: никто не знает, как передвигать фишки и для чего нужны «кривые».

Символическое значение зеркала, на наш взгляд, безусловно, имеет отношение к игре любо. Обычно на ханьских фресках или кирпичах изображается пара сидящих напротив друг друга игроков, между ними доска. Считается, что это небожители. Кроме того, в погребениях стали находить сами принадлежности для игры в любо. В толковых словарях она описывается как древняя азартная игра, для которой необходимо 12 костей: шесть белых и шесть черных. Обычно играли два человека, на каждого по шесть костей, поэтому игра получила название «шесть костей». Основными аксессуарами считались: 12 шашек, доска, бамбуковые бирки. В игре лю-по, например, участвовало двое или четверо игроков. В чашу помещали шесть бамбуковых дощечек, на каждой из которых определенное количество линий. По количеству очков, выпавших при броске, игрок передвигал свою фишку по доске на определенную позицию. Эту игру считали не только развлечением людей, но и досугом бессмертных [22. С. 159, 160]. Неслучайно игру любо во время «сакральной трапезы» описывает в «Призвании души» поэт Цюй Юань:

А там играют в «шесть костей».

Все разделились. Ставят гости
За ставкой ставку. Кто смелей,
Тот победит, воскликнув звонко;
«Пять белых», но опять зовут
Гостей к столу удары гонга... [23].

В поэме дается полное описание обряда призыва души чусцами. Этот обряд совершался обращением к четырем сторонам света, затем следовало обращение к небу и земле [24. С. 132].

М.Е. Кравцова, изучая творчество Цюй Юаня и чуские верования, связывает путешествие-ю с погребальным культом и странствием не живого человека, а души усопшего. Она отмечает, что Запад в чуских верованиях мыслился одновременно страной смерти и источником бессмертия [25. С. 171, 177].

У Хань Юя в «Провожая дух учителя» записано: в шашках сражаются черные и белые. Жизнь и смерть приходят вслед за властью. В лю бо еще один ход (бросок), получается выигрышная комбинация и все возвращается...

В своей работе Тан Юй связывает орнамент боцзюй с царицей Запада Си Ванму, культ которой был популярен при обеих династиях Хань. Главным аргументом служит то, что в поздний период Западной Хань и при династии Синь на территории южнее пров. Шаньдун и севернее пров. Цзянсу в каменных саркофагах часто находят изображения игры в любо, сочетающиеся с изображениями игры на барабанах, танцами, колесницами, сценами охоты и изображени-

ями Си Ванму. В «Ханьшу. Записи об У-син» сказано, что в 4-й год правления императора Ай ди (3 г. до н.э.) в столицу собрались жители со всей страны, они играли в боцзюй, пели, плясали и совершали жертвоприношения Си Ванму (Богине Запада) [26].

Заключение

Таким образом, изучаемый нами орнамент на зеркале является многослойным и вбирает в себя несколько культов и верований того времени: поклонение Небу и Земле, циркули и угольники, поклонение пяти священным пикам/горам, концепцию пяти элементов у-син, культ четырех духов сы шэнь – хранителей могил, богини Запада Си Ванму, доски для гадания и игры бессмертных – боцзюй. Такая комплексность неслучайна. Период популярности таких зеркал – период династии Хань – время формирования

единой империи, вобравшей в себя все архаико-религиозные традиции, объединившей «центрально» (конфуцианскую) и «южную» (чускую) культурные субтрадиции.

Несомненна единая универсальная концепция, прослеживаемая во всех мотивах: бессмертие, точнее, непрерывность жизненного цикла. Новое базовое наименование орнамента рассматриваемого типа зеркал «боцзюй» (поле для игры в любо) мы считаем обоснованным. К этому основному сюжету в результате его развития добавлялись новые элементы: свернувшиеся драконы, трава и листья, четыре духа и т.д. Изображение на зеркале представляет собой игровое поле или поле для гадания. Как видно из исследования, игра связана с небожителями и бессмертием.

Вопрос, который остается разрешить исследователям, – зачем поле игры любо (гадательной доски) необходимо было переносить на зеркало?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зеркала отливались в формах, поэтому автор описывает отливку орнамента.

² Существует несколько названий этого элемента. По-китайски термин называется 乳 冑 – «сосок, грудь». В российской литературе элемент называют «шишечки».

³ Под «земными ветвями» понимаются циклические знаки двенадцатеричного цикла, используемые в Китае и странах юго-восточной Азии для летоисчисления. Это хронометрическая матрица: 12 месяцев, 12 суточных двучасий, 12 внутренних органов и 12 основных акупунктурных меридианов [27. С. 116, 417, 418].

⁴ Согласно китайской хронологической традиции: Династия Цинь с 221 г. до н.э. до 206 г. до н.э. Ранний период Западной Хань датируется с 206 г. до н.э. до 141 г. до н.э. (первый год правления Гао Цзю – третий год под девизом правления Хоуяоань императора Цзин-ди). Средний период Западной Хань: с 140 г. до н.э. до 49 г. до н.э. (первый год правления Цяньюань императора У-ди – первый год под девизом правления Хуанлун императора Сюаньди). Поздний период Западной Хань: с 48 г. до н.э. (первый год под девизом правления Юаньчу императора Юаньди до падения династии Западная Хань в 8 г. н.э.). Династия Синь: с 9 г. по 23 г. Ранний период династии Восточная Хань: с 25 по 88 г. (от правления императора Гуань У-ди до конца правления Чжан-ди). Средний период: с 89 по 146 г. (первый год под девизом правления Юньюань императора Хэ-ди – первый год под девизом правления Бэньчу императора Чжи-ди). Поздний период династии Восточная Хань с 147 по 220 г. (первый год под девизом правления Цзяньхэ императора Хуань-ди – до конца правления династии Восточная Хань).

⁵ Точное количество с таким орнаментом в литературе не указано, но китайские поисковые системы выдают более 1000.

⁶ Система деревянных кронштейнов и балок, поддерживающая кровлю в китайском дворцовом и храмовом зодчестве.

⁷ Любо/лубо/любо 六博/陆博/六簿, или шестерка, – древняя китайская игра, популярная в периоды Цинь и Хань.

⁸ Темный воин сюаньчу – это зооморфная эмблема, представляющая собой черепаху в объятиях змеи (совокупляющуюся с ней).

⁹ Небесными стволами называются циклические знаки десятичного цикла, которые используются в сочетании со знаками двенадцатеричного цикла – земными ветвями. Вместе составляют единый 60-летний цикл, называемый «стволы и ветви» [27. С. 417].

ЛИТЕРАТУРА

1. У Гэн 武耕. Символическое значение орнамента боцзюй ханьских зеркал [汉代博局纹镜的图像象征意义] // Сучжоу сюэюань сюэбао. 2014. Вып. 29, № 2. С. 73–77 (на кит. яз.).
2. Лю Сяо 刘晓. Обсуждение культурного контекста орнамента боцзюй [试论博局纹饰的文化内涵] // Сычуань вэнь. 2015. № 6 (184). С. 51–55 (на кит. яз.).
3. Loewe M. Ways to Paradise: The Chinese Quest for Immortality. London, 1979. 270 с.
4. Тунцзин шоуцзан шиюань цзеси 铜镜收藏使用解析 [Бронзовые зеркала. Практический анализ коллекций]. Пекин : Чжунго цингунь чубаньшэ, 2007. 198 с. (на кит. яз.).
5. Стратанович Г.Г. Китайские зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский этнографический сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Вып. II. С. 47–78.
6. Шавкунов Э.В. Тайны древних зеркал. Владивосток : Дальпресс, 1993. 64 с.
7. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины [К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири]. М. : Наука, 1975. 165 с.; ил.
8. Лаврова М.П. Китайские зеркала Ханьского времени [из собрания Русского музея] // Этнографический отдел Государственного Русского музея : материалы по этнографии. Л. : Изд-во Гос. Рус. музея, 1927. Т. IV, вып. I. С. 1–14.
9. Чэнь Цзин 陈静. Краткий анализ зеркал с орнаментом боцзюй из двух столиц двух династий Хань [汉代两京地区出土博局纹镜浅析]. Чжэнчжоу : Ун-т Чжэнчжоу, 2006. 88 с. (на кит. яз.).
10. Ханьдай учжи вэньхуа цзыляо тушо 汉代物质文化资料图说 [Сведения о материальной культуре эпохи Хань с иллюстрациями и пояснениями]. Шанхай : Гуцзи чубаньшэ, 2008. 641 с. (на кит. яз.).
11. Гудай тунцзин. Древние бронзовые зеркала [古代铜镜]. Пекин : Чжунго шудянь, 1997. 181 с. (на кит. яз.).
12. Ван Чэньи 王趁意. Собрание лучших зеркал с Центральной равнины [中原藏镜聚英]. Чжэнчжоу : Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2011. 247 с. (на кит. яз.).
13. Cammann S. The Symbolism of the Cloud Collar Motif // The Art Bulletin. 1951. Vol. 33, № 1. P. 1–9.
14. Фу Цзюйю 傅举有. Обсуждение атрибутов игры боцзюй, правил игры и одноименного орнамента на зеркалах при династиях Цинь и Хань [论秦汉时期的博具、博戏兼及博局纹镜] // Каогу сюэбао. 1986. № 1. С. 21–42 (на кит. яз.).

15. Ли Сюэмэй 李雪梅, Сяо Бинъи 晓冰. Бронзовые зеркала [铜镜]. Гуйян : Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1998. 157 с. (на кит. яз.).
16. Каталог гор и морей (Шанхайцзин). М. : Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977. 235 с.
17. Древнекитайская философия. Собрание текстов : в 2 т. М. : Мысль, 1973. Т. 2. 384 с.
18. Чистякова А.Н. Образ феникса в культуре Китая (по данным археологии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 26 с.
19. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М. : Вост. лит., 2001. 488 с.
20. Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск : Наука, 1988. 128 с.
21. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М. : Наука, 1987. 527 с.
22. Лебе М. Китай династии Хань. Быт, религия. Культура. М. : Центрполиграф, 2005. 224 с.
23. Призвание души. URL: http://uan-china.odn.org.ua/uan1_1_13.html (дата обращения: 22.02.2019).
24. Федоренко Н.Т. Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. М. : Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1986. 156 с.
25. Кравцова М.Е. Поэзия древнего Китая. СПб. : Наука, 1994. 544 с.
26. Тан Юй 唐宇. Исследование изображений игры любо эпохи Хань, основываясь на материалах погребений [汉代六博图像研究——以墓葬材料为中心]. URL: <http://www.cafa.com.cn/comments/?N=4994> (дата обращения: 19.02.2017).
27. Духовная культура Китая. Т. 2: Мифология. Религия. М. : Ин-т Дальнего Востока, 2007. 869 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2021 г.

Mirrors With the Boju Pattern 博局纹: Origin, Evolution, and Meaning

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 191–201.

DOI: 10.17223/15617793/468/22

Agniya N. Chistyakova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feng@yandex.ru

Keywords: China; ancient bronze mirrors; Han dynasty; TLV; Boju pattern; Liu bo; Four spirits (Si Shen); caliper and triangle; Earth; Sky; Queen Mother of the West (Xi Wang Mu).

The article presents an investigation of the ancient Chinese mirrors with the TLV or Boju pattern 博局纹. In the course of the research, the author 1) identified the evolution of the pattern names, 2) summarized and outlined composition versions, performed their time-based classification, and 3) represented the semantic interpretation of the subject. The author also discovered that the period of such mirrors' popularity coincides with the Han dynasty period, which incorporated all religious traditions of the previous periods and experienced the joining of the 'Central' (Confucian) and the 'Southern' (Chu state's) cultural subtraditions. This article presents the "classical diagram of the Boju mirrors". In general, the support is surrounded with a square with "pearls" as well as various hieroglyphic signs containing the following: "Never forget each other. Eternal Joy" 长毋相忘, 长乐未央 and "A person with pure thoughts. Never forgets affairs of the great kings" (心思美人, 毋忘大王). Another variant of signs is: "Dragon leftwards and tiger rightwards protect against disasters, the bird and Xuanwu favor yin and yang" (左龙右虎, 辟不祥, 昭灵玄武, 利阴阳). All the signs are bless wishing. The author has established that the wide variety of names of this plot is not related to absence of any clear and unified classification of Chinese mirrors only, but also to the presence of various interpretations of designs and their origin. The compositions vary. The author has discovered that the pattern on mirrors is multilayered; includes such religions and beliefs as worshipping the Sky and the Earth, worshipping the five sacred peaks/mountains, the cult of Four Spirits (Si Shen) – tomb guards; and correlates with the concept of five elements Wu Xing, with Xi Wang Mu, the Queen Mother of the West, the astromancy board, and the Boju, a game of immortals. The pattern in the form of calipers and triangles is related to mythological plots about deities – World Creators – Fu-Xi and Nüwa. Immortality, continuity of a life cycle form a unified universal concept that can be observed in all depictions of the pattern on mirrors of this kind. Moreover, the author has discovered that the earliest and the most widely known name of the pattern is TLV, which is commonly used by European researchers up to today. Chinese scientists supported this concept until a version appeared that all images are similar to the Ludo board game. Today, this pattern is called Boju. However, the Boju pattern displays its non-homogeneity and variety. Following the Chinese researcher Fu Juyi, the author classified patterns into seven typed based on their popularity: 1) Boju – huddled dragon Chi (博局蟠龙纹), 2) Boju – grass and leaves (博局草叶纹), 3) Boju – four snakes Hui (博局四蛇纹), 4) Boju – four deities Sishen (博局四神纹), 5) Boju – Shou birds and animals (博局禽兽纹), 6) Boju – geometric pattern (博局几何纹), 7) modified or simplified Boju (变形简化博局纹). This classification allowed reviewing pattern evolution and plots development. The author considers that this article can contribute to a more detailed time- and pattern-based classification of mirrors related to the Han dynasty period.

REFERENCES

1. Wu Geng. (2014) Symbolic Meaning of the Han Boju Mirrors Patterns. *Suzhou Xueyuan Xuebao*. 29 (2). pp. 73–77 (In Chinese).
2. Liu Xiao. (2015) Discussing Cultural Aspects of the Boju Pattern. *Sichuan wen wu*. 6 (184). pp. 51–55 (In Chinese).
3. Loewe, M. (1979) *Ways to Paradise: The Chinese Quest for Immortality*. London: Unwin Hyman.
4. Zhongguo qingongye chubanshe. (2007) *Bronze Mirrors. Case Study of the Collections*. Beijing: Zhongguo qingongye chubanshe. (In Chinese).
5. Stratanovich, G.G. (1961) Kitayskie bronzovye zerkala: ikh tipy, ornamentatsiya i ispol'zovanie [Chinese bronze mirrors: their types, ornamentation, and usage]. In: *Vostochno-aziatskiy etnograficheskiy sbornik* [East Asian ethnographic collection]. Vol. II. Moscow: USSR AS. pp. 47–78.
6. Shavkunov, E.V. (1993) *Tayny drevnikh zerkal* [Secrets of ancient mirrors]. Vladivostok: Dal'press.
7. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1975) *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny* [K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri] [Imported Mirrors of the Minusa Basin. [Revisiting external relations of the ancient population of the Southern Siberia]]. Moscow: Nauka.
8. Lavrova, M.P. (1927) Kitayskie zerkala Khan'skogo vremeni [iz sobraniya Russkogo muzeya] [Chinese Han Dynasty Mirrors [From the Collection of the Russian Museum]]. In: *Etnograficheskiy otdel Gosudarstvennogo Russkogo muzeya: materialy po etnografii* [Ethnographic Department of the State Russian Museum: materials on ethnography]. Vol. 4 (1). Leningrad: Russian Museum. pp. 1–14.
9. Chen Jing. (2006) *Brief Review of the Boju Patterned Mirrors from Two Capitals of the Two Han Dynasties*. Zhengzhou: Zhengzhou University. (In Chinese).
10. Guji chubanshe. (2008) *Information Concerning Material Culture of the Han Dynasty; With Illustrations and Explanations*. Shanghai: Guji chubanshe. (In Chinese).
11. Gudai Tong Jing. (1997) *Ancient Bronze Mirrors*. Beijing: Zhongguo shudian. (In Chinese).
12. Wang Chenyi. (2011) *Collection of the Best Mirrors from the Central Valley*. Zhengzhou: Zhongzhou guji chubanshe. (In Chinese).
13. Cammann, S. (1951) The Symbolism of the Cloud Collar Motif. *The Art Bulletin*. 33 (1). pp. 1–9.

14. Fu Juyu. (1986) Discussing attributes of the Boju game, game rules, and the same-name pattern on the Qin and Han dynasties mirrors. *Kaogu Xuebao*. 1. pp. 21–42.
15. Li Xuemei. (1998) *Bronze Mirrors*. Guiyang: Guizhou renmin chubanshe. (In Chinese).
16. Anon. (1977) *Katalog gor i morey (Shan'khaytszin)* [The Classic of Mountains and Seas, Shan Hai Jing]. Translated from Chinese. Moscow: Glav. red. vost. lit. izd-va "Nauka".
17. Litvinova, L.V. (ed.) (1973) *Drevnekitayskaya filosofiya. Sobranie tekstov: v 2 t.* [Ancient Chinese philosophy. Collected texts: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
18. Chistyakova, A.N. (2008) *Obraz feniksa v kul'ture Kitaya (po dannym arkheologii)* [The image of the phoenix in the culture of China (according to archeology)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
19. Vasil'ev, L.S. (2001) *Kul'ty, religii, traditsii v Kitae* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Vost. lit.
20. Evsyukov, V.V. (1988) *Mifologiya kitayskogo neolita. Po materialam rospisey na keramiki kul'tury yanshao* [Chinese Neolithic mythology. Based on the materials of paintings on ceramics of the Yangshao culture]. Novosibirsk: Nauka.
21. Yuan, Ke. (1987) *Mify drevnego Kitaya* [The myths of ancient China]. Moscow: Nauka.
22. Leve, M. (2005) *Kitay dinastii Khan'. Byt, religiya. Kul'tura* [China of the Han dynasty. Life, religion. Culture]. Moscow: Tsentrpoligraf.
23. Uan-china.odn.org.ua. (2019) *Prizvanie dushi* [The calling of the soul]. [Online] Available from: http://uan-china.odn.org.ua/uan1_1_13.html (Accessed: 22.02.2019).
24. Fedorenko, N.T. (1986) *Tsyuy Yuan': istoki i problemy tvorchestva* [Qu Yuan: the origins and problems of creativity]. Moscow: Glav. red. vost. lit. izd-va "Nauka".
25. Kravtsova, M.E. (1994) *Poeziya drevnego Kitaya* [Poetry of Ancient China]. St. Petersburg: Nauka.
26. Tang Yu. (2017) *Investigation of Depictions on the Han Dynastury Lubo Board Game, Based on the Burial Materials*. [Online] Available from: <http://www.cafa.com.cn/comments/?N=4994> (Accessed: 19.02.2017). (In Chinese).
27. Titarenko, M.L. (ed.) (2007) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [The spiritual culture of China]. Vol. 2. Moscow: Institute of the Far East.

Received: 05 March 2021

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.064.2

Н.Л. Байдикова

МНОГОМЕРНОСТЬ СТИЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Предложена многомерная модель стилей педагогического общения. Выделены шесть параметров с биполярными характеристиками: 1) постановка учебных задач (имплицитность – эксплицитность); 2) стимулирование самостоятельности обучающихся (директивность – делегирование); 3) вариативность содержания (заданность – выбор); 4) взаимодействие с обучающимися (отстраненность – вовлеченность); 5) интенсивность контроля (непрерывность – точечность); 6) виды оценивания (эталонное – значимостное).

Ключевые слова: педагогическое общение; многомерность; авторитарный стиль; демократический стиль; биполярная характеристика.

Проблемы взаимодействия и взаимоотношения учителя и учеников в педагогике всегда приковывали к себе внимание исследователей и практиков, и в настоящее время интерес к теме педагогического общения не угасает. Работ, посвященных исследованию различных сторон педагогического общения, и в частности такого понятия, как «стиль педагогического общения», достаточно много как в нашей стране, так и за рубежом. Ряд исследователей рассматривают стили педагогического общения с технологической точки зрения, как совокупность приемов, способов и техник межличностного взаимодействия педагога и обучающегося [1], причем некоторые ученые считают необходимым принимать во внимание наряду с системами «педагог» и «ребенок» еще и систему «общество» [2].

Другие исследователи связывают стиль педагогического общения с личностными свойствами и качествами педагога [3–5].

В данной работе мы рассматриваем стили педагогического общения с технологической точки зрения, а именно с точки зрения осуществления педагогом организаторских функций. Цель статьи – выделить параметры многомерной модели стилей педагогического общения в процессе осуществления педагогом управленческой педагогической деятельности.

Ставя акцент на организационной стороне стилей педагогического общения, мы будем пользоваться при этом определением И.А. Зимней: «Стиль общения есть устойчивая форма способов и средств взаимодействия людей друг с другом, в данном случае – педагогического» [6. С. 312].

Пожалуй, самой известной классификацией стилей педагогического общения является классификация, предложенная еще в 30-х гг. прошлого века американскими психологами Куртом Левином (Kurt Lewin), Рональдом Липпитом (Ronald Lippitt) и Ральфом Уайтом (Ralf White) [7]. Они выделили авторитарную (authoritarian), демократическую (democratic) и попустительскую (laissez-faire) модели поведения педагога при проведении серии экспериментов по выявлению факторов, влияющих на психологический климат в детском коллективе, в том числе на проявление агрессии членами группы. Педагоги с авторитарным, демократическим и попустительским стилями поведения через каждые полтора месяца сменяли друг друга и

брали руководство одним из детских клубов, занимавшихся изготовлением инвентаря для театральных постановок и другими видами кружковой работы. Педагоги принимали на себя модели поведения в соответствии со следующими характеристиками стилей [7. Р. 273].

Авторитарный педагог единолично определял всю деятельность детского коллектива: он устанавливал цели, сроки и способы выполнения работы, назначал задания детям и распределял их по группам, но сам в работе малых групп участие не принимал. Похвала или критические замечания со стороны авторитарного педагога касались не только действий, но и личностных качеств детей, однако в целом руководитель проявлял дружелюбность, а не открытую враждебность по отношению к воспитанникам.

Педагог с *демократическим* стилем руководства позволял детям принимать все решения по поводу деятельности клуба самими. Руководитель клуба предлагал на выбор несколько вариантов задач и средств их выполнения, а дети сами распределяли задачи между собой и выбирали партнеров для их выполнения. Педагог принимал активное участие в работе малых групп, поддерживая детей советом, но не выполняя работу за них. Похвала или критика со стороны демократического педагога касалась факта выполнения заданий, а не личностных качеств ребенка.

Руководитель группы с *попустительским* стилем давал членам детского коллектива полную свободу и не вмешивался в его деятельность. Такой педагог предоставлял нужный материал и помогал советом, если ученики его об этом просили, все остальные аспекты работы определялись и осуществлялись детьми. Комментарии по поводу их деятельности педагог с попустительской моделью руководства давал только в том случае, если члены клуба просили его дать оценку их работе.

К. Левин, Р. Липпит и Р. Уайт в своей статье при описании деятельности педагога пользуются такими терминами, как «модель поведения» и «модель руководства». Однако в отечественной педагогической науке выделенные ими авторитарный, демократический и попустительский типы взаимодействия педагога с детьми рассматриваются в категории стилей педагогического общения. Такой перенос стал, очевидно, возможен из-за того, что общение между педаго-

гом и воспитанниками выступает необходимым условием и средством осуществления руководства детским коллективом. В работах на русском языке в названиях стилей педагогического общения можно встретить варианты, например, авторитарный, демократический, либеральный [8], суть стилей при этом не меняется.

Классификация К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта является простой и понятной и поэтому давно пользуется широкой популярностью среди исследователей. Однако она не лишена определенных недостатков. К. Левин и его соавторы для характеристики трех моделей поведения педагога используют, по крайней мере, три критерия, степень проявления которых жестко привязана к определенному стилю, это директивность руководства, участие в групповой работе, подход к оцениванию деятельности воспитанников. Согласно данной классификации стилей управления коллективом авторитарный педагог не может помогать советами в групповой работе, как это делает педагог с демократическим стилем общения, а последний, в свою очередь, не может, к примеру, позволить себе совсем не участвовать в распределении заданий между детьми.

Как видно из приведенного выше описания, авторитарный и попустительский стили взаимодействия включают в себя экстремальные проявления выбранных авторами классификации критериев и представляют оппозицию. Используя авторитарный стиль, педагог «диктует и навязывает» свои идеи, а при попустительском стиле – не принимает никакого участия в деятельности группы. При описании демократического педагога используется лексика с положительной коннотацией («помогает», «поощряет»). При таком противопоставлении крайних негативных характеристик демократический стиль, безусловно, оказывается в более выгодном положении с точки зрения его педагогической целесообразности. Именно этот стиль по контрасту с двумя другими исследователи называют наиболее адекватным и эффективным [6. С. 313; 9. С. 55; 10. С. 218], хотя в виде исключения признают необходимость использования в некоторых педагогических ситуациях авторитарного стиля [11. С. 154].

Для педагогической теории и практики классификация, выделяющая авторитарный, демократический и попустительский стили педагогического общения, оказывается не совсем продуктивной. Она выстраивает в одну линию стили со строго определенными характеристиками и не допускает их варьирования, что ограничивает научный поиск моделей педагогического взаимодействия.

Многие исследователи пытались усовершенствовать классификацию К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта. Например, О.Л. Подлинная критикует названия демократического и либерального стилей педагогического общения и предлагает классификацию, включающую *авторитарный*, *манипулятивный* и *диалогический* стили. При этом используются три критерия – коммуникативная симметрия/асимметрия участников общения, понимание/непонимание партнеров по общению, разви-

тие/отсутствие развития участников педагогического взаимодействия [12].

Хотя эти критерии отличаются от критериев, использованных К. Левином и его коллегами, классификация О.Л. Подлинной также остается в рамках жесткой упорядоченности, когда каждый стиль наделяется определенным набором свойств, причем количество стилей ограничено всего тремя разновидностями. В реальности многообразие взаимоотношений педагогов с детьми невозможно свести к такому малому количеству типовых проявлений.

Для преодоления этой ограниченности некоторые исследователи пошли по пути увеличения количества выделяемых стилей, что приводит к их большому разнообразию. Например, в классификации Энтони Граша (Anthony Grasha) – пять стилей взаимодействия учителя с учащимися. *Учитель-эксперт* (Expert) определяет в качестве приоритета передачу своих знаний и опыта обучающимся. *Учитель с формальным авторитетом* (Formal authority) устанавливает учебные цели и предлагает способы их достижения, чутко реагируя на корректность действий учащихся. *Стиль личного примера* (Personal model), как следует из названия, предполагает обучение на основе моделей и образцов, представленных учителем. *Учитель-помощник* (Facilitator) своей конечной целью видит развитие в учащихся способности к самостоятельности, инициативы и ответственности путем предоставления им свободы выбора. *Учитель делегирующий* (Delegator) стремится воспитать учащихся, умеющих работать самостоятельно над различными проектами, и готов обеспечить их всем необходимым, если потребуется [13. Р. 154].

Несмотря на большую дробность стилей, классификация Э. Граша не решает проблему одномерности стилей педагогического общения К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта. Последовательность перечисления стилей обучения Энтони Граша повторяет логику расположения авторитарного, демократического и попустительского стилей по убыванию степени контроля и управления учебным процессом. Однако стоит отметить, что Э. Граша не окрашивает оценочной коннотацией ни один из стилей, описывая как положительные, так и отрицательные стороны каждого из них. Кроме того, он рекомендует учитывать стили учения учеников, а также некоторые другие факторы для того, чтобы варьировать педагогические стили и комбинировать их в зависимости от конкретной ситуации [13. Р. 180].

Рассматривая стили педагогического общения с точки зрения осуществления педагогом организаторских функций, мы можем сравнить его профессиональную деятельность с деятельностью управленца, менеджера, руководителя, лидера. На общие черты педагогической и управленческой деятельности указывают многие исследователи. И.Д. Егорычева считает, что педагог и руководитель выполняют подобные управленческие функции, поэтому предлагает стили управленческой деятельности рассматривать в преломлении к деятельности педагогической [14]. Другие авторы указывают на то, что и педагог, и руководитель коллектива с точки зрения психологии являются формальными лидерами группы, поэтому к образова-

тельному процессу можно применять управленческие теории лидерства [15, 16].

С другой стороны, как утверждает В.А. Заставенко, «управленческое общение руководителя может и должно содержать педагогическое начало» [17. С. 156] и быть направленным не только на решение производственных, но и воспитательных задач трудового коллектива, включающих развитие профессионально-ценностных ориентаций и трудовых мотивов [17. С. 158]. Т.И. Власова, А.П. Шарухин и М.М. Данилова также рассматривают педагогическое общение в качестве формы профессионального общения (на примере профессии менеджера туристической отрасли), как «процесс установления и развития педагогически целесообразного контакта между менеджерами и подчиненными сотрудниками» [18. С. 217].

Таким образом, педагогическое общение в определенной степени сходно с управленческим общением. Несомненно, каждый из этих видов общения обладает своей спецификой, но аналогичность организационно-управленческих функций педагога и руководителя позволяет нам привлекать данные, полученные при исследовании проблемы эффективного руководства и менеджмента в бизнесе для исследования стилей педагогического общения.

Так, американский психолог и специалист по лидерству Дэниел Гоулман (Daniel Goleman) описывает шесть стилей поведения руководителя [19]. *Принудительный* (coercive) стиль Д. Гоулман суммирует фразой «Делайте, как я сказал», *авторитарный* стиль характеризуется позицией «Следуйте за мной», *аффилиативный* стиль (affiliative) утверждает: «Люди – прежде всего», *демократический* стиль предоставляет членам команды право голоса в принятии решений, стиль *личного примера* (pacesetting) устанавливает высокую планку достижения результатов, стиль *наставничества* (coaching) фокусируется на личностном развитии членов команды более чем на результатах их работы. Д. Гоулман связывает типы лидерства с проявлением компетенций эмоционального интеллекта руководителя, к которым относит самосознание,

саморегуляцию, мотивацию, эмпатию и социальные навыки [19. Р. 1]. Кроме того, он утверждает, что эффективность стиля зависит от ситуации, личностных и профессиональных качеств подчиненных, и, следовательно, каждый лидер должен владеть всеми стилями взаимодействия, знать их сильные и слабые стороны.

В теории Д. Гоулмана, как и в модели Э. Граша, разнообразие и вариативность взаимоотношений руководителя и членов его команды реализуются путем допущения возможности выбора стилей. При этом сами стили остаются ригидными, как и в классификации К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта.

Другой подход в исследованиях стилей педагогического общения заключается в выделении нескольких критериев, которые могут сочетаться между собой в различных комбинациях. При этом поведенческое разнообразие достигается не за счет использования различных стилей с жестко заданными характеристиками, а за счет многомерности самих стилей.

В качестве примера можно привести теорию ситуационного лидерства, параметры которой затем использовались и для описания стилей педагогического общения. Первоначально эта теория была разработана Кеннетом Бланшаром (Kenneth Blanchard) и Полом Херси (Paul Hersey). В ней используется двумерный подход к определению стилей руководителя, выбор которых зависит от профессиональной ситуации. Впоследствии Бланшар уже с другими коллегами доработал концепцию и представил ее под названием «Теория ситуационного лидерства-2». В усовершенствованной модели вместо прежних измерений поведения руководителя (фокус на задаче и фокус на взаимоотношениях) Бланшар с соавторами предлагают критерии директивности и поддержки. В зависимости от уровня их проявления – низкого или высокого – руководитель может проявлять четыре стиля поведения: *делегировующий* (delegating), *поддерживающий* (supporting), *директивный* (directing) и *наставнический* (coaching) [20. Р. 26]. В табл. 1 схематично показано распределение стилей общения руководителя с подчиненными согласно модели ситуационного лидерства-2.

Таблица 1

Стили руководителя в теории ситуационного лидерства-2

Высокая ↑ Низкая	Степень поддержки	Поддерживающий	Наставнический
		Делегирующий	Директивный
		Степень директивности Низкая → Высокая	

Согласно авторам ситуационной теории, мастерство руководителя заключается в правильном выборе управленческого стиля, который должен соотноситься с уровнем развития членов группы, а именно с их мотивацией, желанием выполнять задачу и их способностью делать это.

Дж. Гроу перенес теорию ситуационного лидерства из сферы менеджмента в область образования, так как характеристики директивности и поддержки не являются специфичными для руководителя компа-

нии, но применимы и к педагогу как организатору педагогического процесса. Дж. Гроу сконцентрировал свое внимание на выборе стилей педагогического взаимодействия, последовательность которых способствовала бы развитию самостоятельности обучающихся [21].

Бизнес-модели лидерства могут обогатить теории о педагогическом общении и другими параметрами. В классификации индивидуальных стилей учителя А.К. Марковой и А.Я. Никоновой одним из критериев

является ориентация учителя на процесс или результат труда. Другие два критерия в их классификации стилей педагогического общения – динамические характеристики стиля (гибкость, устойчивость, переключаемость) и результативность (уровень знаний и навыков, интерес учащихся к предмету). По преобладанию в педагогическом общении учителя тех или иных характеристик авторы выделили четыре индивидуальных педагогических стиля: *эмоционально-импровизационный*, *эмоционально-методичный*, *рассуждающе-импровизационный* и *рассуждающе-методичный* [22. С. 180–190].

Несмотря на то что авторы заявляют о выделении трех критериев для классификации стилей, по сути, они используют два критерия с двумя оппозициями, которые дают в результате четыре комбинации стилей. Как можно заметить, в классификации А.К. Марковой и А.Я. Никоновой отсутствует критерий директивности, который фигурирует во всех других вышеупомянутых классификациях, но уделяется внимание эмоциональной сфере педагога.

В рамках управленческого подхода к стилям педагогического общения критерий директивности или доминирования представляется важным. В этой связи рассмотрим еще одну классификацию стилей, которая была разработана для определения типов межличностного взаимодействия американским психологом Тимоти Лири (Timothy Leary) в середине прошлого столетия.

В основу классификации Т. Лири положено два фактора, которые ранжируются по степени их проявления в поведении, распределяя стили взаимоотношения по противоположным октантам круга. Кроме фактора доминирования-подчинения Т. Лири использует фактор, который противопоставляет агрессивность и дружелюбие (аффилиацию).

Т. Лири выделяет восемь стилей межличностного поведения, которые образуют четыре пары оппозиций. Интерес представляет графическая модель, иллюстрирующая эту типологию: Т. Лири изображает свою классификацию в виде круга, разделенного на восемь противопоставленных октантов. Т. Лири проводил свои исследования в рамках клинической психотерапии, что отразилось на выборе названий для стилей поведения. Например, Т. Лири выделяет такие стили, как конкурентно-самовлюбленный (*competitive-narcissistic*), патологически ответственный (*responsible-hypernormal*), скромно-мазохистский (*self-effacing-masochistic*) [23. Р. 135].

В нашей стране опросник Т. Лири был переработан для использования в практической психологии, в частности в школьных учреждениях с целью определения не только типа межличностного взаимодействия учащихся, но и их личностных свойств, самооценки, а также оценки учащимися своих учителей. Л. Собчик дала четырем парам поведенческих оппозиций, выделенных Т. Лири, следующие названия: властно-лидирующий и покорно-застенчивый, независимо-доминирующий и зависимо-покорный, прямолинейно-агрессивный и сотрудничающе-конвенциональный, недоверчиво-скептический и ответственно-великодушный [24].

Зарубежные исследователи также обратили внимание на классификацию Т. Лири при изучении стилей взаимодействия учителя и обучающихся. В частности, нидерландский коллектив ученых опирается на круговую схему межличностных отношений Т. Лири, выделяя восемь стилей поведения педагога: *директивный* (*directing*), *содействующий* (*helping*), *понимающий* (*understanding*), *уступчивый* (*compliant*), *неуверенный* (*uncertain*), *недовольный* (*dissatisfied*), *конфронтационный* (*confrontational*), *довлеющий* (*imposing*) [25, 26]. Интересно, что стили педагогического общения рассматриваются как единство взаимных реакций участников учебного процесса: определенное действие учителя вызывает соответствующую ответную реакцию обучающихся и наоборот [27]. При этом согласно так называемому принципу комплементарности действие педагога, с большой долей вероятности, приведет к реакции ученика, которая в круговой схеме будет находиться в том же секторе по шкале «дружелюбность – агрессивность», но в противоположном октанте – по шкале «доминирование – подчинение» [28. Р. 76].

Классификацию межличностных отношений Т. Лири и созданные на ее основе классификации стилей педагогического общения отличает количественная детализация стилей: на основании опросника выявляется степень проявления характеристик и отмечается в баллах в восьми соответствующих секторах круга-диаграммы. При этом восемь получившихся стилей – не результат введения в классификацию дополнительных параметров, а результат более дробного представления стилей. Эти классификации опираются на два критерия (доминирование и агрессивность) и, значит, являются двумерными. В этом плане они подобны ситуационной модели К. Бланшара и классификации А.К. Марковой.

Итак, одномерность стилей взаимодействия педагога с воспитанниками в исследовании К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта сохраняется и в некоторых других классификациях (Э. Граша, Д. Гоулман). Нелинейные модели добавляют еще одно измерение, что приводит к двумерности получаемых стилей. При этом авторы вынуждены остановить свой выбор на двух, по их мнению, существенных характеристиках, не принимая во внимание другие критерии.

Однако сложность и многослойность стиливых проявлений в педагогическом взаимодействии такова, что двух критериев для их описания явно недостаточно. Выход за пределы одномерности следует продолжить в сторону увеличения измерений, в рамках которых реализуются стили педагогического общения.

Ограничиваясь организационной стороной деятельности педагога, мы не учитываем личностный аспект стилей, а также характеристики ситуации общения (участники взаимодействия, типы задач и др.). Для определения параметров стилей педагогического общения считаем целесообразным опираться на компоненты организационной деятельности педагога, которые совпадают со структурными элементами педагогической деятельности в целом. Традиционно в педагогической деятельности выделяют шесть компонентов: целевой, стимулирующе-мотивационный, содержательный, опе-

рационно-деятельностный, контрольно-регулирующий, оценочно-результативный [29. С. 85].

В соответствии с компонентами организационной деятельности педагога нами выделяются шесть параметров стилей педагогического общения, каждый из которых может проявляться в профессиональной деятельности конкретного педагога в разной степени. Полярные проявления параметров образуют оппозиции, члены которых можно графически разнести по противоположным направлениям оси. Параметры являются независимыми друг от друга измерениями, т.е. значение одного не связано со значениями других параметров, что приводит к многомерности такой модели. Рассмотрим подробнее ее структуру и содержание.

В предлагаемой модели стилей педагогического общения *целевой* компонент соотносится с параметром **постановки учебных задач** перед обучающимися. Одно из крайних проявлений этого параметра – имплицитность целевых установок, когда педагог не доносит до обучающихся, какие учебные задачи им предстоит решать и какова их роль в достижении более глобальных целей. Полярная целевая характеристика – эксплицитность – подразумевает полную осведомленность учащихся или студентов об иерархии учебных задач и осмысленность процесса их решения.

Второй компонент в структуре деятельности педагога – стимулирующе-мотивационный. Из всего многообразия задач по развитию мотивации обучающихся в ракурсе данного исследования мы выделяем задачу *стимулирования самостоятельности* в обучении. Данный параметр стилей педагогического общения демонстрируется биполярной парой характеристик деятельности педагога «директивность управления – делегирование функций». Полагаем, эта оппозиция не требует детального описания, так как в той или иной степени используется во всех работах, посвященных стилям общения. Отметим лишь, что мы понимаем под директивностью концентрацию в руках педагога руководящих и управленческих функций, а не оказание давления или принуждение к выполнению инструкций.

Содержательный компонент организационной деятельности педагога представлен параметром *вариативность содержания* обучения. Педагог, предпочитающий строгую определенность и заданность учебного материала, на занятии стремится к максимальной актуализации запланированного содержания и не допускает возможности его варьирования. В соответствии с противоположной позицией обучающимся

предоставляется определенный выбор содержания, который может затрагивать как объем учебного материала, так и его компонентный состав.

С операционно-деятельностным компонентом педагогической деятельности соотнесен параметр, отражающий характер *взаимодействия педагога с обучающимися*, а именно степень его отстраненности – вовлеченности в совместную деятельность. Совместная деятельность предполагает не только участие педагога в работе малых групп, но и сопричастность деятельности отдельных воспитанников.

Контрольно-регулирующий компонент деятельности педагога связан с осуществлением им контроля над образовательным процессом. Выбранный нами параметр *интенсивности контроля* распределяет стили педагогического общения между двумя крайностями «непрерывность контроля – точность контроля». Полнос непрерывности контроля означает, что педагог контролирует каждый этап обучения и его составляющие, а на противоположном полюсе контроль имеет точечный характер, т.е. применяется на отдельных участках учебного процесса.

Последний компонент организационной деятельности педагога – оценочно-результативный. В зависимости от характера оценивания мы выделяем две противоположные характеристики, которые соответствуют двум *видам оценивания* – эталонному и значимому. Эталонное оценивание означает использование обобщенного безукоризненного образца, с которым сравниваются учебные результаты учащегося или студента. Значимостное оценивание ориентировано, прежде всего, на важность результатов обучения для самого обучающегося, приращение в учебный продукт личностных смыслов, приращение знаний, а не их абсолютный объем. Следует подчеркнуть, что психолого-педагогические науки требуют оценивать не личность обучающегося, а только деятельность и ее результаты, поэтому как при эталонном, так и при значимостном оценивании объектом выступают только учебные результаты.

Таким образом, индивидуальный стиль педагогического общения складывается в зависимости от степени проявления биполярных характеристик в шести измерениях, соответствующих компонентам организационной деятельности педагога. Так как такое количество измерений сложно изобразить графически на плоскости, мы представляем многомерную модель стилей педагогического общения в табличном виде (табл. 2).

Таблица 2

Многомерная модель стилей педагогического общения

№	Компонент организационной деятельности	Параметр стиля педагогического общения	Биполярная характеристика	
1	Целевой	Постановка учебных задач	Имплицитность	Эксплицитность
2	Стимулирующе-мотивационный	Стимулирование самостоятельности обучающихся	Директивность управления	Делегирование
3	Содержательный	Вариативность содержания	Заданность	Возможность выбора
4	Операционно-деятельностный	Характер взаимодействия с обучающимися	Отстраненность	Вовлеченность
5	Контрольно-регулирующий	Интенсивность контроля	Непрерывность	Точечность
6	Оценочно-результативный	Виды оценивания	Эталонное	Значимостное

В предлагаемой многомерной модели стилей педагогического общения шесть пар характеристик расположены таким образом, что они образуют две полярные группы. Первая группа включает в себя характеристики: имплицитность постановки учебных задач, директивность управления, заданность содержания, отстраненность педагога при взаимодействии с обучающимися, непрерывность контроля и эталонный вид оценивания. Как можно заметить, все эти характеристики в классификации К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта присущи авторитарному стилю. Во вторую группу характеристик разработанной нами многомерной модели стилей педагогического общения входят противоположные характеристики: эксплицитность постановки учебных задач, делегирование функций педагогом учащимся, возможность выбора обучающимися содержания обучения, вовлеченность педагога во взаимодействие с воспитанниками, точечность контроля, значимостное оценивание. Эти характеристики в большой степени отражают демократический стиль в понимании К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта. В отличие от подхода К. Левина и его коллег мы полагаем, что указанные характеристики стилей не являются взаимообусловленными и связанными с другими характеристиками той группы,

в которую они входят. В профессиональной деятельности конкретного педагога могут проявляться характеристики из обеих полярных групп.

Для эмпирической проверки данной гипотезы нами был разработан опросник, состоящий из 18 утверждений, по три утверждения на каждый параметр стиля. Например, одно из утверждений по параметру вариативности содержания сформулировано так: «Я даю возможность учащимся выбирать материал для усвоения». Утверждения в опроснике были расположены в произвольном порядке для повышения достоверности результатов опроса. Респондентам нужно было выбрать из предложенного списка к каждому утверждению один вариант, который наилучшим образом описывает проявление данной характеристики в педагогической деятельности респондента. Степень проявления характеристики фиксировалась пятью значениями: никогда; чаще нет, чем да; иногда; чаще да, чем нет; всегда.

Нами было опрошено 29 учителей английского языка, работающих в общеобразовательных школах Зеленограда (г. Москва). Опрос проходил в электронном виде с помощью сервиса Google-формы. Фрагмент опросника, содержащий по одному утверждению для каждого из шести параметров стилей педагогического общения, приведен в табл. 3.

Таблица 3

Фрагмент опросника для определения индивидуального стиля педагогического общения

№ п/п	Утверждение	Никогда	Чаше нет, чем да	Иногда	Чаше да, чем нет	Всегда
1	В начале урока я сообщаю учащимся, чему они научатся к концу урока					
2	Я спрашиваю у учащихся, чем они хотели бы заниматься на уроке					
3	Я даю возможность учащимся выбирать материал для усвоения					
4	Я участвую в групповой работе учащихся.					
5	Когда есть возможность, я ослабляю свой контроль над процессом выполнения заданий учащимися					
6	Я ставлю оценки за активность на уроке, не учитывая ошибки при говорении на ИЯ					

При обработке результатов анкетирования значениям шкалы были присвоены условные цифровые значения: «Никогда» –2, «Чаше нет, чем да» –1, «Иногда» – 0, «Чаше да, чем нет» – +1, «Всегда» – +2. Значения –2 и +2 показывают крайние проявления характеристик параметров стиля, при этом отрицательные значения соответствуют авторитарному стилю в классификации К. Левина, Р. Липпитта и Р. Уайта, а положительные значения отражают демократические черты стиля. Из трех значений ответов респондентов по каждому параметру вычислялось среднее арифметическое. Результаты вычислений по одному из респондентов приведены в табл. 4.

В табл. 4 убедительно показано, что в индивидуальном стиле педагогического общения проявляются характеристики разной направленности: при

крайней степени директивности (–2), средней степени отстраненности (–1) и склонности к эталонности оценивания (–1) респондент № 1 проявляет среднюю степень характеристик противоположной полярности, таких как эксплицитность постановки учебных задач (+1) и точечность контроля (+1) при нейтральном значении характеристики «взаимодействие с обучающимися» (0).

Характеристики как с отрицательными, так и с положительными значениями присутствовали у всех опрошенных, хотя три учителя только один раз дали ответ с отрицательным значением –2 или –1, показав значительный перевес ответов с положительным значением. В табл. 5 отражены количественные результаты десяти респондентов по каждой из характеристик стиля педагогического общения (один ответ равен одному баллу).

Диаграмма индивидуального стиля педагогического общения респондента № 1

№	Параметр стиля педагогического общения	Степень проявления параметра				
		Авторитарность		Демократичность		
		Никогда -2	Чаше нет, чем да -1	Иногда 0	Чаше да, чем нет +1	Всегда +2
1	Постановка учебных задач	Имплицитность ↔ Эксплицитность				
					+1	
2	Стимулирование самостоятельности обучающихся	Директивность ↔ Делегирование				
		-2				
3	Вариативность содержания	Заданность ↔ Выбор				
			-1			
4	Характер взаимодействия с обучающимися	Отстраненность ↔ Вовлеченность				
				0		
5	Интенсивность контроля	Непрерывность ↔ Точечность				
					+1	
6	Виды оценивания	Эталонное ↔ Значимостное				
			-1			

Таблица 5

Количественное распределение характеристик стиля педагогического общения (на примере 10 респондентов)

№ п/п	Респонденты	Количество баллов по характеристикам стиля педагогического общения (из 18 вопросов)				
		Авторитарность		Демократичность		
		Никогда -2	Чаше нет, чем да -1	Иногда 0	Чаше да, чем нет +1	Всегда +2
1	Респондент № 1	3	5	5	5	0
2	Респондент № 2	0	3	8	1	6
3	Респондент № 3	2	5	4	7	0
4	Респондент № 4	3	3	7	2	3
5	Респондент № 5	2	5	5	4	2
6	Респондент № 6	1	0	3	5	9
7	Респондент № 7	0	1	8	5	4
8	Респондент № 8	5	6	2	4	1
9	Респондент № 9	5	6	0	2	5
10	Респондент № 10	7	3	2	1	5

Предложенная модель индивидуального стиля педагогического общения требует дальнейшей эмпирической проверки. Однако полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о самостоятельности предложенных характеристик, принадлежащих разным измерениям.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Стиль педагогического общения не является линейным, одномерным феноменом, а представляет собой сложную систему отношений между педагогом и обучающимися.

2. В педагогическом общении с точки зрения осуществления педагогом организаторских функций можно выделить компоненты, присутствующие в любой человеческой деятельности: целевой, стимулирующе-мотивационный, содержательный, операционно-деятельностный, контрольно-регулирующий, оценочно-результативный. В соответствии с компонентами деятельности мы определяем шесть параметров стилей педагогического общения, каждый из которых может проявляться в индивидуальном стиле педагога

в разной степени, в пределах двух полюсов, обозначенных в виде противоположных характеристик: 1) постановка учебных задач (имплицитность – эксплицитность); 2) стимулирование самостоятельности обучающихся (директивность – делегирование); 3) вариативность содержания (заданность – выбор); 4) характер взаимодействия с обучающимися (отстраненность – вовлеченность); 5) интенсивность контроля (непрерывность – точечность); 6) виды оценивания (эталонное – значимостное).

3. Все выделенные параметры являются независимыми друг от друга и представляют собой самостоятельные измерения индивидуального стиля педагогического общения. Анкетирование учителей общеобразовательных школ подтвердило, что в практической деятельности педагога могут проявляться характеристики разной направленности. При этом отрицательное или положительное значение полярности не означает наличие соответствующей оценочной коннотации данной характеристики. Каждый полюс характеристики имеет свои преимущества и недостатки.

Предложенная многомерная модель стилей педагогического общения позволяет гибко учитывать шесть параметров организационной деятельности педагога для описания многообразных индивидуальных проявлений стилей общения педагога. Если брать в расчет пять степеней проявления (от –2 до +2) каждого из шести параметров модели, то, согласно основ-

ному правилу комбинаторики, количество возможных вариантов равно пяти в шестой степени, т.е. 15 625. Кроме того, модель открыта для внесения корректировок: при необходимости возможно изменение или добавление параметров в зависимости от фокусирования внимания исследователя на определенных аспектах стилей педагогического общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подлинный О.Л., Иванов С.Е. Стиль педагогического общения. Его влияние на психологическое благополучие школьников // Проблемы педагогики. 2018. № 3 (35). С. 20–22.
2. Исмаилова А.Г. Проявление разных форм активности педагога в стиле общения // Вестник Пермского университета. 2010. № 3 (3). С. 59–64.
3. Арендачук И.В. Психологические факторы проявления стилевых особенностей педагогического общения // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 3. С. 80–88.
4. Зверькова С.В. Влияние индивидуальных особенностей учителя на характер педагогического общения с учащимися // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2011. № 1. С. 174–177.
5. Габдулина Л.И. Личностный и ролевой аспекты профессионального общения педагога // Психология обучения. 2015. № 1. С. 90–104.
6. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. 480 с.
7. Lewin K., Lippitt R., White R.K. Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates // Journal of Social Psychology. 1939. № 10. Р. 271–301.
8. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов В.Н. Педагогика : учебник. М. : Академия, 2011. 496 с.
9. Байдинова Н.Л. Формирование готовности будущего учителя иностранного языка к педагогическому общению : дис. ... канд. пед. наук. Курган, 2000. 177 с.
10. Алимсакаева Р.К. Методологические условия эффективности педагогического общения в системе профессиональной подготовки будущих учителей // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 217–219.
11. Бордовская И.В., Реан А.А. Педагогика : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2000. 304 с.
12. Подлинный О.Л. Стили педагогического взаимодействия и их психологические основания // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 19. С. 87–95.
13. Grasha A.F. Teaching with Style: A Practical Guide to Enhancing Learning by Understanding Teaching and Learning Styles. Pittsburgh: Alliance Publishers, 1996. 372 p.
14. Егорычева И.Д. Стили педагогической деятельности: личностный аспект // Актуальные проблемы психологического знания. 2011. № 4 (21). С. 75–86.
15. Ковалева А.Л. Лидерство в образовательном процессе // Вестник ГГУ. 2012. № 3. С. 136–139.
16. Панфилова А.П. Лидерство и профессиональное мастерство учителя // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 1. С. 32–37.
17. Заставенко В.А. Педагогическое общение в управленческой деятельности руководителя // Петербургский экономический журнал. 2016. № 4. С. 154–160.
18. Власова Т.И., Шарухин А.П., Данилова М.М. Профессиональное и деловое общение в сфере туризма. М. : Издательский центр «Академия», 2007. 256 с.
19. Goleman D. Leadership That Gets Results. Harvard Business Review. 2000. March–April. 15 p. URL: <https://hbr.org/2000/03/leadership-that-gets-results> (accessed: 19.06.2020).
20. Blanchard K.H., Zigarmi D., Nelson R.B. Situational Leadership® After 25 Years: A Retrospective // Journal of Leadership & Organizational Studies. 1993. Vol. 1, № 1. Р. 22–36.
21. Grow G.O. Teaching Learners to be Self-Directed // Adult Education Quarterly. 1996. № 41 (3). Р. 125–149.
22. Маркова А.К. Психология труда учителя. М. : Просвещение, 1993. 192 с.
23. Leary T. Interpersonal Diagnosis of Personality: A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation. Eugene: Wipf and Stock Publishers, 2004. 538 p.
24. Собчик Л. Метод диагностики межличностных отношений (ДМО) // Школьный психолог. 2003. № 5 (125). URL: <https://psy.1sept.ru/article.php?id=200300509> (дата обращения: 20.06.2020).
25. Cremers J., Pennings H.J.M., Mainhard T., Klugkist I. Circular Modelling of Circumplex Measurements for Interpersonal Behavior // Assessment. 2019. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1073191119858407> (дата обращения: 20.08.2020).
26. Pennings H.J.M., Hollenstein T. Teacher-Student Interactions and Teacher Interpersonal Styles: A State Space Grid Analysis // The Journal of Experimental Education. 2020. Vol. 88, Is. 3. Р. 382–406. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00220973.2019.1578724> (дата обращения: 20.08.2020).
27. Pennings H.J.M., Brekelmans M., Sadler P., Claessens L.C.A., van der Want A.C., van Tartwijk J. Interpersonal adaptation in teacher-student interactions // Learning and Instruction. 2018. No 55. Р. 41–57. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2017.09.005
28. Wubbels T. A knowledge base for teachers on teacher-student relationships // In Teacher education for the changing demographics of schooling: Issues for research and practice / ed. by L. Florian, N. Pantić. Edinburgh, UK : Springer, 2017. Р. 67–81. DOI: 10.1007/978-3-319-54389-5_6
29. Харламов И.Ф. Педагогика : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1990. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 21 января 2021 г.

A Multidimensional Model of Teacher-Student Interaction Styles

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 202–210.

DOI: 10.17223/15617793/468/23

Natalia L. Baydikova, National Research University of Electronic Technology (MIET) (Moscow, Russian Federation). E-mail: nataleon22@list.ru

Keywords: teacher-student interaction; multidimensional model; authoritarian style; democratic style; bipolar characteristic.

The aim of the research is to identify the parameters for a multidimensional model of teacher-student interaction styles in the framework of the teacher's management activity. Literature analysis shows that all the models of teacher-student interaction styles can be divided into two groups according to the ways of classification criteria distribution. The first group comprises one-dimensional models which assign certain characteristics to the teacher leadership styles. The example of such an approach is the traditional classification of styles into authoritarian, democratic and laissez-faire modes of teacher's behavior. The other group of classi-

fications of teacher-student interaction styles includes two-dimensional models. They use two parameters in different combinations to result in four leadership styles. The author states that teacher-student interaction is so complex and multi-level that two criteria are not enough to describe teacher leadership styles. She proposes a multidimensional model of teacher-student interaction styles based on six components of teacher's organizational activities: target, stimulation and motivation, content, operation, control and regulation, assessment. According to these components, the author identified six parameters of teacher-student interaction styles which a teacher can exhibit to a different extent within the two opposite characteristics: 1) formulation of tasks to learners (implicitly – explicitly), 2) stimulation of learners' autonomy (directive behavior – delegating behavior), 3) variability of content (predetermined – available for choice), 4) interaction with students (detachment – involvement), 5) intensity of control (continuous – dispersed), 6) type of assessment (standard – essence-based). All the six parameters are independent dimensions of an individual teacher-student interaction style. To empirically verify the proposed multidimensional model of teacher leadership styles, a questionnaire was developed. It consists of 18 statements, three statements assessing each parameter. The display of characteristics was measured by values with assigned numbers: 'never' –2, 'no rather than yes' –1, 'sometimes' 0, 'yes rather than no' +1, 'always' +2. The values –2 and +2 are the extreme poles of the behavior characteristics. The arithmetic average was counted out of the three answers on each parameter. According to the survey of school teachers, individual teacher-student interaction styles comprise characteristics of different polarity. The proposed multidimensional model of teacher-student interaction styles is a flexible, variational and open system.

REFERENCES

- Podlinyaev, O.L. & Ivanov, S.E. (2018) Stil' pedagogicheskogo obshcheniya. Ego vliyaniye na psikhologicheskoe blagopoluchie shkol'nikov [The style of pedagogical communication. Its influence on the psychological well-being of schoolchildren]. *Problemy pedagogiki*. 3 (35). pp. 20–22.
- Ismagilova, A.G. (2010) Proyavleniye raznykh form aktivnosti pedagoga v stile obshcheniya [Manifestation of different forms of teacher activity in the style of communication]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. 3 (3). pp. 59–64.
- Arendachuk, I.V. (2016) Psychological Factors of Stylistic Features Manifestation in Pedagogical Communication. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 3. pp. 80–88. (In Russian).
- Zveryakova, S.V. (2011) Vliyaniye individual'nykh osobennostey uchitelya na kharakter pedagogicheskogo obshcheniya s uchashchimisya [The influence of the teacher's individual characteristics on the nature of pedagogical communication with students]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 1. pp. 174–177.
- Gabdulina, L.I. (2015) Lichnostnyy i rolevoy aspekty professional'nogo obshcheniya pedagoga [Personal and role aspects of professional communication of a teacher]. *Psikhologiya obucheniya*. 1. pp. 90–104.
- Zimnyaya, I.A. (1997) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Lewin, K., Lippitt, R. & White, R.K. (1939) Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates. *Journal of Social Psychology*. 10. pp. 271–301.
- Slavchenko, V.A., Isaev, I. F. & Shiyonov, V.N. (2011) *Pedagogika: uchebnik* [Pedagogy: a textbook]. Moscow: Akademiya.
- Baydikova, N.L. (2000) *Formirovaniye gotovnosti budushchego uchitelya inostrannogo yazyka k pedagogicheskomu obshcheniyu* [Formation of the future foreign language teacher's readiness for pedagogical communication]. Pedagogy Cand. Diss. Kurgan.
- Alimsakaeva, R.K. (2018) Methodological Conditions of Effectiveness of Pedagogical Communication in the System of Professional Training of Future Teachers. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. 3 (70). pp. 217–219. (In Russian).
- Bordovskaya, N.V. & Rean, A.A. (2000) *Pedagogika: uchebnik dlya vuzov* [Pedagogy: a textbook for universities]. St. Petersburg: Piter.
- Podlinyaev, O.L. (2017) Stili pedagogicheskogo vzaimodeystviya i ikh psikhologicheskie osnovaniya [Styles of pedagogical interaction and their psychological foundations]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*. 19. pp. 87–95.
- Grasha, A. F. (1996) *Teaching with Style: A Practical Guide to Enhancing Learning by Understanding Teaching and Learning Styles*. Pittsburgh: Alliance Publishers.
- Egorycheva, I. D. (2011) Stili pedagogicheskoy deyatel'nosti: lichnostnyy aspekt [Styles of pedagogical activity: the personal aspect]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*. 4 (21). pp. 75–86.
- Kovaleva, A.L. (2012) Liderstvo v obrazovatel'nom protsesse [Leadership in the educational process]. *Vestnik GUU*. 3. pp. 136–139.
- Panfilova, A.P. (2010) Liderstvo i professional'noye masterstvo uchitelya [Leadership and professional skill of a teacher]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta – Universum: Bulletin of the Herzen University*. 1. pp. 32–37.
- Zastavenko, V.A. (2016) Pedagogicheskoe obshcheniye v upravlencheskoy deyatel'nosti rukovoditelya [Pedagogical communication in the managerial activity of the head]. *Peterburgskiy ekonomicheskyy zhurnal*. 4. pp. 154–160.
- Vlasova, T.I., Sharukhin, A.P. & Danilova, M.M. (2007) *Professional'noye i delovoye obshcheniye v sfere turizma* [Professional and business communication in the field of tourism]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
- Goleman, D. (2000) Leadership That Gets Results. *Harvard Business Review*. March–April. [Online] Available from: <https://hbr.org/2000/03/leadership-that-gets-results> (Accessed: 19.06.2020).
- Blanchard, K.H., Zigarmi, D. & Nelson, R.B. (1993) Situational Leadership® After 25 Years: A Retrospective. *Journal of Leadership & Organizational Studies*. 1 (1). pp. 22–36.
- Grow, G.O. (1996) Teaching Learners to be Self-Directed. *Adult Education Quarterly*. 41 (3). pp. 125–149.
- Markova, A.K. (1993) *Psikhologiya truda uchitelya* [Psychology of teacher's work]. Moscow: Prosveshchenie.
- Leary, T. (2004) *Interpersonal Diagnosis of Personality: A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation*. Eugene: Wipf and Stock Publishers.
- Sobchik, L. (2003) *Metod diagnostiki mezhlichnostnykh otnosheniy (DMO)* [Diagnostics of interpersonal relations (DME)]. *Shkol'nyy psikholog*. 5 (125). [Online] Available from: <https://psy.1sept.ru/article.php?id=200300509> (Accessed: 20.06.2020).
- Cremers, J. et al. (2019) Circular Modelling of Circumplex Measurements for Interpersonal Behavior. *Assessment*. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1073191119858407> (Accessed: 20.08.2020).
- Pennings, H.J.M. & Hollenstein, T. (2020) Teacher-Student Interactions and Teacher Interpersonal Styles: A State Space Grid Analysis. *The Journal of Experimental Education*. 88 (3). pp. 382–406. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00220973.2019.1578724> (Accessed: 20.08.2020).
- Pennings, H.J.M. et al. (2018) Interpersonal adaptation in teacher-student interactions. *Learning and Instruction*. 55. pp. 41–57. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2017.09.005
- Wubbels, T. (2017) A knowledge base for teachers on teacher-student relationships. In: Florian, L. & Pantić, N. (eds) *Teacher education for the changing demographics of schooling: Issues for research and practice*. Edinburgh, UK: Springer. pp. 67–81. DOI: 10.1007/978-3-319-54389-5_6
- Kharlamov, I. F. (1990) *Pedagogika: ucheb. posobie* [Pedagogy: a textbook]. Moscow: Vysshaya shkola.

Received: 21 January 2021

С.С. Куклина, М.Н. Татарина

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В опоре на положения эмоционально-ценностного (аксиологического) подхода представлены принципы отбора и организации содержания малоизученного эмоционально-ценностного компонента иноязычного образования. Разработана схема отбора и организации субкомпонентного содержания данного компонента. Эти принципы отражают аксиологические акценты школьного иноязычного образования и способствуют становлению межкультурной языковой личности обучающегося с развитыми интеллектуальной и эмоционально-волевой сферами.

Ключевые слова: содержание иноязычного образования; принципы отбора и организации; эмоционально-ценностный компонент.

Введение

Среди сегодняшних образовательных приоритетов равноценное положение наряду с эффективностью формирования ключевых компетенций школьников занимают вопросы мотивации, аксиологических основ и личностных смыслов их обучения. Это отражено в основных положениях документов, отражающих образовательную политику нашего государства и стратегические направления развития отечественного образования: в законе «Об образовании в Российской Федерации», Приоритетном национальном проекте «Образование», Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», Федеральных государственных стандартах общего образования (ФГОСах), Национальной доктрине образования в Российской Федерации. Обозначенные приоритеты предопределили включение в систему компонентов содержания иноязычного образования эмоционально-ценностного компонента (ЭЦК). В одном из предыдущих номеров этого журнала мы пришли к выводу, что данный компонент содержания отличает «отношенческая» направленность, связанная с приобретением обучающимся опыта эмоционально-ценностного отношения к миру [1].

Присутствие в структуре содержания иноязычного образования эмоционально-ценностной составляющей акцентирует его аксиологическую основу. Это является предпосылкой формирования системы ценностей школьников в иноязычном образовании. В статье «Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования» (2005 г.) И.Л. Бим обозначает концептуальные требования, предъявляемые к системе его содержания: 1) акцентуация эмоционально-личностных аспектов знакомства учащихся с иностранной культурой; 2) сравнение опыта их общения с иной лингвокультурой, со знаниями, понятиями и ощущениями школьников, но без каких-либо радикальных малотолерантных оценок и оценочных суждений [2. С. 6]. Мы согласны с Н.Д. Гальсковой в том, что обозначенные тенденции способны изменить ценностные предпочтения не только формирующейся личности, но и всего социума [3. С. 5]. Вот почему весьма насущным сегодня становится вопрос разработки принципов отбора и организации содержания

ЭЦК. К решению этого вопроса мы и приступаем в данной статье.

Ведущий подход к исследованию

Поиск принципов отбора содержания ЭЦК производился с учетом усиления «антропоразмерности» или «человекомерности» сегодняшнего методического знания, на которые справедливо указывает Н.Д. Гальскова [4]. Это относительно новое для методики положение еще не осмыслено в полном объеме. Ведущим подходом к исследованию, представленному в данной статье, является *аксиологический (эмоционально-ценностный)* (И.Ф. Исаев, М.С. Каган, А.И. Мищенко, В.Н. Сагатовский, В.А. Сластенин, Г.И. Чижаква, Е.Н. Шиянов и др.). В соответствии с положениями данного подхода мир ценностей – это та социокультурная реальность, которая необходима развивающейся личности для удовлетворения ее духовных потребностей. Значительную роль в формировании ценностных ориентаций школьника играет иноязычное образование. Оно тесным образом связано со становлением мировоззрения обучающегося, основы которого заложены в языке как средстве общения носителей разных культур. Культурологический характер иноязычного образования тесно связан с ценностными основами учебно-воспитательного процесса, подчеркивающими инновационные аспекты лингводидактики. Включение культурных ценностей в иноязычный образовательный процесс дает возможность сохранить этническое самосознание нации, ее уникальные традиции и обычаи. Как уже было отмечено во введении, это является актуальной задачей российской школы, а также способствует развитию эмоционально-волевой сферы учащихся.

Исходя из этого, при характеристике принципов отбора содержания ЭЦК сделана попытка отследить наличие акцентов, отражающих ценностный характер и эмоциональные аспекты содержания иноязычного образования и имеющих отношение:

1) к субъективно-индивидуальным моментам рецепции и оценки учащимися чужой лингвокультуры и опыта общения с ней;

2) сопоставлению этого опыта с имеющимися у них знаниями и ощущениями;

3) становлению целостной личности и субъектности школьника содержанием предмета «иностранный язык» (И.Л. Бим, Е.В. Борзова, Н.Д. Гальскова, [2–5]; в зарубежной методике – R. Bañuls, A. Egan, P. Hyland, P. и R. Maguire, P. Viquer, M.J. Cantero [6–8]).

Логика изложения материала в статье предполагает решение ряда взаимосвязанных задач:

1) описать частно-методические принципы отбора содержания ЭЦК иноязычного образования;

2) представить принципы организации содержания ЭЦК иноязычного образования;

3) охарактеризовать целостную, иерархически организованную систему отбора и организации содержания ЭЦК иноязычного образования в общеобразовательной школе.

Принципы отбора содержания эмоционально-ценностного компонента иноязычного образования

Принципы отбора содержания ЭЦК – это частные методические принципы, которые отражают смещение целевых ориентиров иноязычного образования с результатов практического овладения школьниками иностранным языком на личность обучающегося во всей ее «тотальности»: и как субъекта речи и субъекта познания, и как субъекта культур и межкультурной коммуникации, и, что весьма актуально сегодня, как «субъекта нравственности» [4. С. 6]. Опираясь на определение понятия «содержание ЭЦК иноязычного образования», представленное в одном из наших ранних научных трудов [9. С. 61], нам предстоит охарактеризовать частную систему принципов отбора такого содержания, которое способствовало бы формированию и развитию:

1) мотивационно-ценностных ориентаций общенационального и общечеловеческого характера, значимых для личности и общества;

2) эмоционально-волевых отношений;

3) личностных универсальных учебных действий (УУД), реализуемых в процессе диалога родной культуры обучающихся с осваиваемой иноязычной культурой как субкомпонентов содержания ЭЦК иноязычного образования.

Охарактеризуем эти принципы.

Принцип целостного отражения в содержании речевого материала задач гармоничного развития личности и формирования ее базовой культуры. С учетом такого принципа классические аспекты содержания иноязычного образования сегодня исследуются с новаторских позиций, в частности с уклоном не только на предметные, метапредметные, но и на личностные результаты обучения. В условиях социокультурной/культуроведческой ориентации иноязычного образования важным моментом следует считать расширение системы ценностных установок, потребностей, эмоциональных впечатлений и креативности учащегося; воспитание его личности, в том числе стремление к самостоятельности и осуществлению рефлексивной деятельности (М.З. Биболетова, Н.Н. Трубанёва, А.В. Щепилова) [10. С. 6]. На уроках иностранного языка важными оказываются задачи:

сохранения русской самобытности; развития способностей общаться с разными людьми; воспитания доверия, дружелюбия и толерантности. Е.Н. Соловова и Е.С. Маркова предлагают взять перечисленные задачи за основу при отборе коммуникативных ситуаций, обеспечивающих формирование нравственных качеств и оценок школьников [11. С. 21].

Принцип эмоционально-ценностной значимости содержания речевого материала предусматривает представленность в иноязычном речевом материале, в частности в текстах опыта эмоционально-ценностного отношения учащегося к лингвистическому и культурному наследию человечества, а также к его постижению с целью развития и самосовершенствования личностных качеств каждого школьника; использование музыкальных и художественных произведений, отличающихся определенной силой эмоциогенного воздействия на обучающегося. С.В. Чернышов указывает, что такой учебный материал, как правило, вызывает у школьников разнообразные эмоции и чувства. Они должны фиксироваться в языковых и речевых единицах, используемых учениками в процессе построения иноязычных речевых высказываний [12. С. 241].

В конечном итоге данный принцип способен стать основой достижения глобальной цели современного иноязычного образования, гарантируя примат нравственной направленности урока, акцентируя его аксиологическую сущность и содействуя формированию этнического самосознания обучающегося и его вхождению в межкультурное и многоязычное пространство.

Принцип проблемности предполагает присутствие в содержании учебно-речевого материала проблем и задач, активизирующих эмоционально-волевою и мыслительную деятельность учащихся. В.Г. Апальков и П.В. Сысоев указывают, что при отборе проблемных культуроведческих текстовых материалов следует принимать во внимание степень их трудности, возрастные психологические характеристики обучающихся, а также уровень их поликультурного и билингвального развития [13. С. 256]. Важную роль при этом играет отбор учебного материала, содержащего противоречия, которые создают ситуацию интеллектуального затруднения (проблемную ситуацию), направленную на развитие интересов, потребностей и способностей школьника.

Чтобы избежать конфликта между когнитивно-коммуникативными потребностями школьников и их резервными возможностями, иноязычный текст должен макетировать ситуацию естественной повседневной коммуникации на родном учащемся языке. При таких обстоятельствах содержание речевого материала должно отражать жизненный опыт и сопутствующие знания личности и отвечать ряду требований:

1) содержать оттенки новизны с точки зрения содержания;

2) иметь некое препятствие на пути к достижению цели работы с текстом и включать неизвестное в структуру его содержания и смысл в зависимости от интересов и возможностей обучающихся;

3) охватывать проблемы, которые в сложных ситуациях лестничной структуры предъявляются поэтапно.

Вместе с тем речевой материал должен соответствовать возрастным возможностям и способностям школьников в разрешении проблемных ситуаций, а также индивидуально-психологическим особенностям группы обучающихся в целом и каждого, что отражается в последующих принципах.

Принцип соответствия сложности содержания реальным учебным возможностям учащихся. Установив потенциальные тематически-проблемные блоки, ориентированные на формирование у школьников основ осведомленности об этнокультурной самобытности стран мира, следует связать тематику и проблемы обсуждения в рамках коммуникативных ситуаций с психолого-педагогическими особенностями, интересами и потребностями обучающихся, их сопутствующими знаниями и уровнем развития иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности ее составляющих.

Получение каждым обучающимся социального опыта предполагает отбор ситуаций ежедневного пользования иностранным языком как средством общения, практического использования языка как инструмента повышения уровня собственной лингвокультурной осведомленности, расширения межкультурного общения в рамках сотрудничества с учителем и товарищами. Принцип соответствия сложности содержания реальным учебным возможностям учащихся предусматривает присутствие в речевом материале конкретной коммуникативной задачи, поставленной перед говорящим, пишущим, читающим, слушающим. Прерогативами применения данного принципа при конструировании содержания иноязычного образования являются его специфическая иерархичность и логичность (Е.И. Пассов, И.Н. Тутатчикова и др.) [14. С. 139; 15]:

1) составляется список обусловленных и необусловленных коммуникативных ситуаций в разных сферах иноязычного речевого общения;

2) в рамках сфер выявляются наиболее распространенные речевые единицы, которые входят в состав речевых моделей будущих высказываний школьников;

3) речевые модели рассредоточиваются по ситуациям;

4) формирование отрезков текста всех уровней нацелено на степень «коммуникативной ориентации» каждого из них, на речевой фон организации иноязычного общения, знание специфики которого требуется для построения целого текста;

5) в рамках коммуникативной ситуации отбираются адекватные целям общения лексические единицы.

Важно совершенствовать умения обучающихся усваивать иной стиль жизни / манеру себя держать в целях изменения сложившихся представлений и установленных стандартов, постижения чужой культуры, создания собственной оригинальной картины мира. Прежде всего, это должно быть осуществлено авторами-разработчиками учебно-методических комплексов (УМК). Однако Н.Д. Гальскова предполагает в таком случае выход за рамки УМК и урока иностранного языка, расширение параметров самостоятельно, креативно-когнитивного, деятельного использова-

ния иностранного языка как инструмента интеркультурного взаимодействия [16. С. 7].

Схожую мысль мы находим у авторов научно-методического исследования на тему «Психологическая безопасность в школьном и вузовском лингвистическом образовании» [17. С. 134], которые справедливо отмечают, что традиционные УМК в наши дни стремительно теряют свою популярность, поскольку сильно уступают глобальным источникам информации. Поэтому необходимо продумать, как дополнить содержание учебника, чтобы это, во-первых, не стало слишком трудозатратно для преподавателя; во-вторых, было бы поси́льно и увлекательно для учащихся разных возрастных групп и уровней владения иностранным языком. Более того, вновь изученный материал должен быть соотнесен с тем, что пройдено ранее, причем на межпредметной основе (Е.Н. Соловова и Е.С. Маркова) [11. С. 21–22].

Таким образом, современные тенденции модернизации содержания иноязычного образования предполагают проникновение во внутренний мир школьника (Н.Д. Гальскова), в контекст его деятельности и социального опыта, в том числе персонального, оказывающего немаловажное влияние на формирование чувства языка и национального сознания. Ценно, когда обучающийся воспринимает процесс освоения содержания иноязычного образования как сугубо личный, особенный. Результативность этого процесса зависит от степени напряженности когнитивной деятельности школьника, проявлений креативности и автономии [18. С. 6–7].

Принцип индивидуализации предусматривает интегративное использование на уроке иноязычного образования трех видов индивидуализации: индивидуальной, субъектной и личностной при ведущей роли последних. Усвоение материала обучающимися не будет успешным без соответствующих способностей, умения учиться, а главное, в условиях отсутствия мотивации, – познавательного интереса школьников. Важно дифференцировать характер учебно-речевых задач и используемых опор с учетом особенностей учеников, в том числе при организации фронтальной, индивидуальной и коллективной (парной, групповой) работы на уроке.

Принципы организации содержания эмоционально-ценностного компонента иноязычного образования

Чтобы содержание ЭЦК эффективно выполняло возложенные на него функции, оно должно быть не только соответствующим образом отобрано, но и организовано. В методике проблема организации содержания образования является весьма значимой, однако наименее исследованной. Для придания ЭЦК способности работать в любых условиях иноязычного образовательного процесса нами были приняты во внимание принципы организации функциональных систем [19]. К ним относятся принципы совместимости входящих в систему компонентов; актуализации тех их свойств, которые направлены на достижение цели системы; нейтрализации дисфункций, стоящих

на пути этого процесса; сосредоточения актуализированных функций всех компонентов на получение ожидаемого результата и одновременного придания им некоторой лабильности для обеспечения динамичности системы.

Центральным здесь является *принцип совместимости входящих в систему компонентов*. Он напрямую связан с достижением ее стратегической цели и продиктован превосходящим результатом работы (З.Н. Никитенко) [20. С. 182]. Направленность на конечный результат придает системе характер упорядоченной, устанавливает, по словам В.И. Загвязинского, уровень свободы ее составляющих; при их же интеграции структура становится потенциально способной к достижению желаемого эффекта [21. С. 39].

Принцип устанавливает, когда отдельные части в процессе взаимодействия могут быть организованы в систему. В нашем случае такой системой является ЭЦК иноязычного образования, природа которого предполагает, что комплекс средств организации его содержания отличается межпредметной интеграцией, иерархичностью, вариативностью, направленностью на межкультурный аспект овладения языком. В этом комплексе присутствуют концептуальная, содержательно-результативная и операционально-процессуальная составляющие (в данной статье мы представим первые две из них, а третью – в одной из следующих публикаций, где речь пойдет о деятельностной составляющей эмоционально-ценностного иноязычного образования):

1) концептуальная составляющая организации ЭЦК иноязычного образования отражает эмоционально-ценностный подход как ведущий подход к исследованию, представленному в данной статье, а также частную систему принципов отбора его содержания;

2) содержательно-результативная составляющая рассматривается как совокупность речевого материала эмоционально-ценностного содержания, используемого на различных ступенях школьного иноязычного образования для достижения его глобальной цели – формирования межкультурной языковой личности обучающегося. Составляющие этого результата имеют предметный, метапредметный и личностный характер;

3) операционально-процессуальная составляющая – адекватная эмоционально-ценностному содержанию речевого материала деятельностная составляющая иноязычного образования, о которой речь пойдет в перспективе.

В связи с этим современный учебник иностранного языка должен иметь оптимальное сочетание рациональности и эмоциональности, проблемности и занимательности, обязательности и факультативности в организации усвоения языкового и речевого материала. Как следствие, учебник и рабочая тетрадь должны содержать структуры, помогающие в реализации всех компонентов содержания, включая ЭЦК.

Принцип актуализации свойств компонентов, направленных на достижение цели системы отображает способ ее построения, обеспечивающий ее составляющие качеством функциональности. Причем в процессе развития системы прослеживаются два ключевых этапа:

1) приобретение содержательными субкомпонентами ЭЦК характеристик, обладающих потенциальной возможностью выполнения возложенных на них функций; их активизация;

2) поскольку функциональность каждого субкомпонента содержания находится в зависимости от условий иноязычного образовательного процесса, для повышения уровня согласованности целостной структуры важна демонстрация характеристик ее частей – ценностных, эмоциональных, волевого субкомпонента, личностных УУД.

Принцип нейтрализации дисфункций компонентов системы основан на понимании того, что при осуществлении внутренних и внешних воздействий на систему ряд ее составляющих утрачивает функциональный характер или даже приобретает характеристики дисфункциональности. Факторами воздействий на содержание ЭЦК иноязычного образования, способными повлиять на появление дисфункций его субкомпонентов, являются социальный заказ общества, отражающий его интересы и потребности; особенности учебного предмета; индивидуальные, субъектные и личностные характеристики обучающихся; резервы и потенциал преподавателя и др. В связи с этим с целью поддержания рабочего состояния системы ее части должны обладать совокупностью характеристик, нейтрализующих утерю функциональности или появление ненужных дисфункций.

Принцип сосредоточения актуализированных функций всех компонентов на получении ожидаемого результата и одновременного придания им некоторой лабильности для обеспечения динамичности системы ставит степень ее организации в зависимости от количества и качества субординационных функциональных составных частей в рамках иерархической лестницы. Их функциональное назначение относится и к системе вообще, и к любому уровню ее организации. Другими словами, при конструировании системы в ее отдельные компоненты следует привнести качества, которые обеспечивали бы нацеленность составляющих всех уровней на достижение цели системы. Так, функции взаимосвязанных и взаимообусловленных субкомпонентов содержания ЭЦК (ценностных, эмоциональных, волевого, личностных УУД), взаимодействуя с «интеллектуальным» блоком содержания иноязычного образования, а также в разных сочетаниях друг с другом, создают возможности для формирования межкультурной языковой личности школьника со всем набором присущих ему качеств. Это позволит преодолеть оторванность языковых знаний, которая вызывает индифферентное отношение, безразличие учащихся, становится причиной непонимания смысла и роли знаний о языке и культуре его носителей, от индивидуальных личностных ценностей школьника.

Схема процесса отбора и организации содержания эмоционально-ценностного компонента иноязычного образования в общеобразовательной школе

Представленные принципы являются основой процесса отбора и организации содержания ЭЦК иноязычного образования, который организован иерархически.

Его схема включает:

- 1) совокупность составляющих;
- 2) описание процесса их функционирования;
- 3) ключевую функцию;
- 4) характеристику (М.А. Гайдес) пространства функционирования (сферы реализации соответ-

ствующих процедур и операций) [22]. Итогом научных поисков в этом направлении стала разработанная нами в рамках системно-структурного и организационно-функционального подходов схема отбора и организации содержания ЭЦК школьного иноязычного образования (рис. 1).

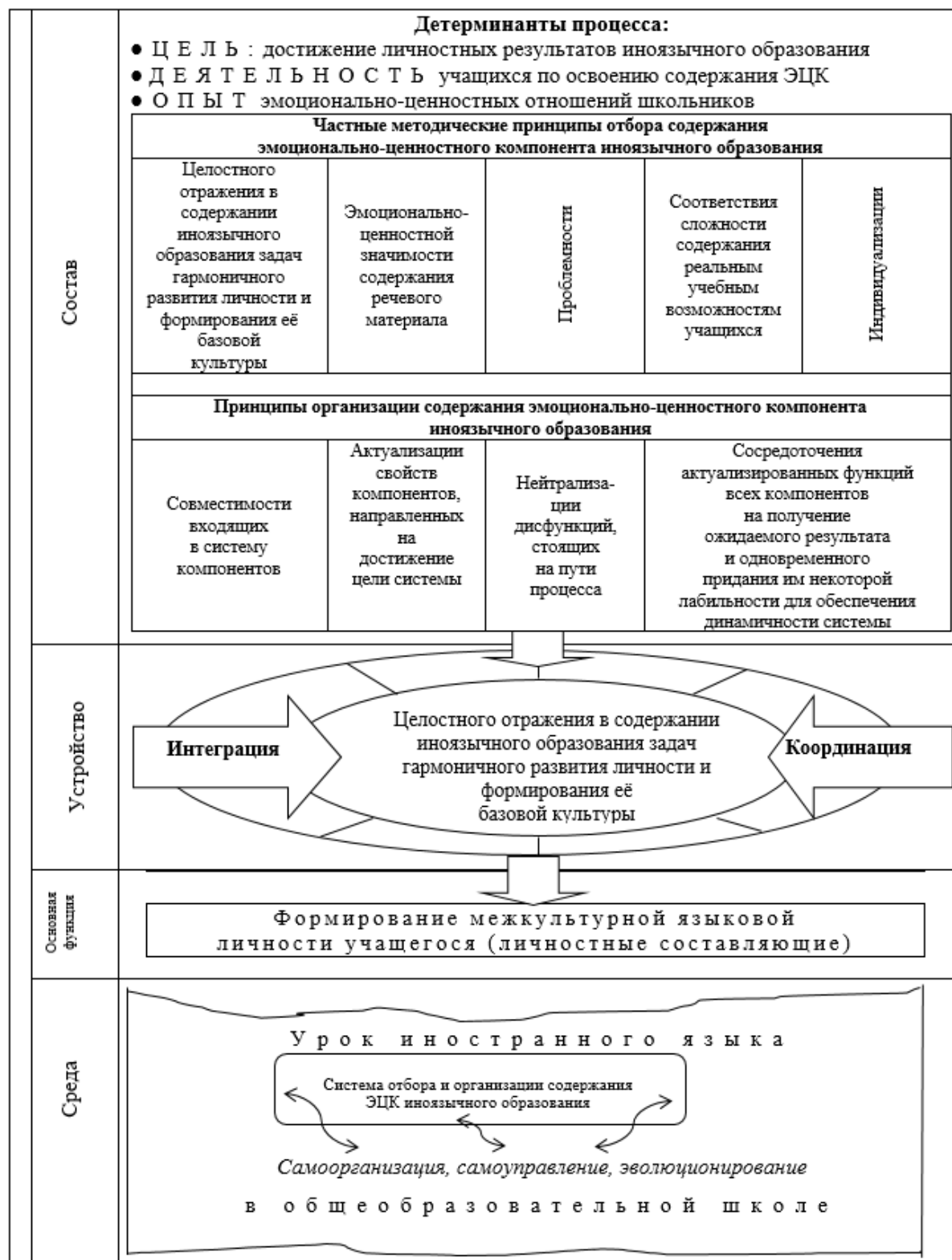

Рис. 1. Процесс отбора и организации содержания эмоционально-ценностного компонента иноязычного образования в общеобразовательной школе

Рассмотрим ее содержание.

1. Составляющими процесса отбора и организации содержания ЭЦК иноязычного образования в общеобразовательной школе являются:

а) детерминанты содержания компонента: его цель (достижение личностных результатов иноязычного образования), деятельность учащихся по освоению содержания ЭЦК и их опыт эмоционально-ценностных отношений (В.А. Сластёнин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов) [23. С. 183–184];

б) частные методические принципы отбора содержания ЭЦК иноязычного образования: целостного отражения в содержании иноязычного образования задач гармоничного развития личности и формирования ее базовой культуры; эмоционально-ценностной значимости содержания речевого материала; проблемности; соответствия сложности содержания реальным учебным возможностям учащихся того или иного возраста; индивидуализации;

в) принципы организации содержания ЭЦК иноязычного образования: совместимости входящих в систему компонентов; актуализации свойств компонентов, направленных на достижение цели системы; нейтрализации дисфункций, стоящих на пути процесса; сосредоточения актуализированных функций всех компонентов на получение ожидаемого результата и одновременного придания им некоторой лабильности для обеспечения динамичности системы.

2. Процесс отбора и организации содержания ЭЦК иноязычного образования обеспечивается согласованностью и взаимодействием его составляющих. Это гарантируется наличием в системе принципов основания (ядра) – самого важного компонента, выполняющего интегрирующую и организационную функции. Основу принципов отбора содержания ЭЦК иноязычного образования в условиях общеобразовательной школы представляет принцип целостного отражения в содержании иноязычного образования задач гармоничного развития личности и формирования ее базовой культуры. Он обеспечивает эффективное и гибкое рефлексирование всей сложной структуры на изменения и обновления всех ее составляющих.

3. Основной функцией процесса является формирование личностных составляющих межкультурной языковой личности учащегося как глобальной цели современного иноязычного образования, т.е.:

а) совокупности общенациональных и общечеловеческих ценностей;

б) развитой эмоциональной компетентности и эмоционального интеллекта;

в) воли как способности создавать систему ценностей и прикладывать усилия для овладения ценностями мировой культуры;

г) набора личностных УУД, которые позволяют сделать процесс овладения ценностями мировой культуры осмысленным и обеспечивают значимость решения учебной задачи.

4. Совокупность принципов является открытой, что подразумевает взаимодействие со средой, в которой она функционирует. Средой функционирования процесса отбора и организации иноязычного образования является урок иностранного языка.

Взаимодействие со средой предполагает взаимобусловленность и взаимоизменение среды и процесса отбора и организации содержания ЭЦК, позволяющие его структуре эффективно выполнять свои функции. Кроме того, благодаря этому компоненты процесса самоупорядочиваются, самореконструируются и самообновляются. Это свидетельствует о том, что схема отбора и организации содержания ЭЦК является самообъединяющей, самокоординирующейся и непрерывно эволюционирующей благодаря появлению современных сведений, новых эмоций, мнений и ресурсов.

Заключение

В статье в контексте положений эмоционально-ценностного подхода были представлены принципы отбора и организации содержания ЭЦК иноязычного образования. Это принципы, отражающие его аксиологические акценты и способствующие формированию целостной межкультурной языковой личности обучающегося, когда речь идет о развитии не только ее интеллектуальной, но и эмоционально-волевой сферы. Сказанное позволяет сделать ряд выводов.

1. Принципы отбора содержания ЭЦК носят частно-методический характер. Они ориентированы на аксиологические смыслы содержания речевого материала и нацелены на достижение личностных результатов иноязычного образования. Это принципы целостного отражения в содержании иноязычного образования задач гармоничного развития личности и формирования ее базовой культуры; эмоционально-ценностной значимости содержания речевого материала; проблемности; соответствия сложности содержания реальным учебным возможностям учащихся; индивидуализации.

2. Чтобы содержание ЭЦК иноязычного образования осуществляло свои функции, оно должно быть не только правильно отобрано, но и организовано. Для придания компоненту способности работать в любых условиях иноязычного образовательного процесса его содержательные субкомпоненты должны быть скоординированы с учетом принципов организации функциональных систем.

3. Представленные принципы являются основой процесса отбора и организации содержания ЭЦК иноязычного образования, схема которого:

а) включает детерминанты содержания компонента: его цель (достижение личностных результатов иноязычного образования), деятельность учащихся по освоению содержания ЭЦК и их опыт эмоционально-ценностных отношений, а также частные методические принципы отбора содержания ЭЦК иноязычного образования и принципы его организации;

б) характеризуется согласованностью и взаимодействием его составляющих; наличием в системе принципов ядра, в качестве которого выступает принцип целостного отражения в содержании иноязычного образования задач гармоничного развития личности и формирования ее базовой культуры;

в) содержит описание основной функции – формирования составляющих межкультурной языковой личности учащегося;

г) подразумевает взаимодействие со средой, которой является урок иностранного языка. Это предполагает взаимообусловленность и взаимоизменение среды и схемы отбора и организации содержания эмоционально-ценностного компонента, позволяющие последней эффективно выполнять свои функции.

Практическая значимость исследования, представленного в статье, заключается в том, что его результа-

ты могут быть положены в основу реформирования содержания современного иноязычного образования с целью усиления его аксиологических основ и личностных смыслов.

Представленная система отбора и организации содержания ЭЦК иноязычного образования предполагает, что освоение такого содержания реализуется в деятельности преподавателя и учащихся. Это требует деятельности составляющей иноязычного образования, адекватной содержанию ЭЦК. Ее характеристика относится к числу перспективных задач нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куклина С.С., Татаринова М.Н. Системно-структурный анализ компонентного состава содержания иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 190–201.
2. Бим И.Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования (ИЯ) // Иностранные языки в школе. 2005. № 2. С. 2–6.
3. Гальскова Н.Д. Современная образовательная модель в области иностранных языков: структура и содержание // Иностранные языки в школе. 2015. № 8. С. 2–8.
4. Гальскова Н.Д. Современная цель обучения иностранным языкам: от комплексного подхода к интеграции // Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и инновации : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. памяти академика И.Л. Бим. М. : ТЕЗАУРУС, 2013. С. 25–34.
5. Borzova E. Teachers as change agents: critical thinking tasks in a foreign language classroom and reflections on printed materials – from Brawn to Brain: strong signals in foreign language education // Proceedings of the ViKiPeda – 2007 Conference in Helsinki, May 21–22, 2007. Helsinki Yliopisto, 2008 (ed. Seppo Tella). P. 29–54.
6. Gardner H. Multiple intelligences: new horizons in theory and practice. Basic books; reprint edition, 2006. 320 p.
7. Maguire R., Egan A., Hyland P., Maguire P. Engaging students emotionally: the role of emotional intelligence in predicting cognitive and affective engagement in higher education // Higher Education Research & Development. 2017. № 36 (2). P. 343–357.
8. Vigner P., Cantero M.J., Bañuls R. Enhancing emotional intelligence at school: Evaluation of the effectiveness of a two-year intervention program in Spanish pre-adolescents // Personality and Individual Differences. 2017. № 113. P. 193–200.
9. Татаринова М.Н. Эмоционально-ценностный компонент содержания иноязычного образования с позиций системно-структурного и структурно-функционального подходов. Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2016. 121 с.
10. Биболетова М.З., Трубанёва Н.Н., Щепилова А.В. Концепция учебного предмета «иностранный язык» // Иностранные языки в школе. 2013. № 9. С. 2–9.
11. Соловова Е.Н., Маркова Е.С. Формирование базовых национальных ценностей с учетом предметных и метапредметных знаний и умений // Иностранные языки в школе. 2013. № 9. С. 21–25.
12. Чернышов С.В. Эмоционально-когнитивный подход в обучении иностранным языкам (лингвopsихологические основы). Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2014. 334 с.
13. Апальков В.Г., Сысоев П.В. Методические принципы формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 7 (63). С. 254–260.
14. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. М. : Русский язык, 1977. 288 с.
15. Тутатчикова И.Н. Принципы отбора текстов-образцов для обучения письменной речи как средству общения. 2014. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/june-2014>
16. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2004. № 1. С. 3–8.
17. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Жигалев Б.А., Сорокоумова С.Н., Егорова П.А. Психологическая безопасность в школьном и вузовском лингвистическом образовании // Язык и культура. 2018. № 22. С. 134–151.
18. Гальскова Н.Д. Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты // Иностранные языки в школе. 2008. № 5. С. 2–7.
19. Принципы организации социальных систем: Теория и практика / под ред. М.И. Сетрова. Киев; Одесса : Высшая школа; Головное изд-во, 1988. 242 с.
20. Никитенко З.Н. Методика овладения иностранным языком на начальной ступени иноязычного образования : учеб. пособие. М. : Прометей, 2013. 288 с.
21. Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 192 с.
22. Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). М. : ГЛОБУС-ПРЕСС, 2005. 201 с.
23. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластёнин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластёнина. М. : Академия, 2011. 608 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 28 марта 2021 г.

The Content of the Emotional Component of Foreign-Language Education: Principles of Selection and Organization

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 211–218.

DOI: 10.17223/15617793/468/24

Svetlana S. Kuklina, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: svstkuk47@gmail.com

Maya N. Tatarinova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: mayya.tatarinova@mail.ru

Keywords: content of foreign-language education; principles of selection and organization; emotional component.

Today, the issue of developing the principles of selection and organization of the content of the emotional component of foreign-language education, which can change the value preferences not only of the individual, but also of society, is becoming urgent. The leading approach to research in this article is axiological (emotion- and value-based). The culturological nature of foreign-language

education is closely related to the educational process's value foundations, which emphasize innovative aspects of linguodidactics. The inclusion of cultural values in the foreign-language educational process contributes to the development of students' value orientations, as well as their emotional and volitional sphere. The logic of the presentation of the material in the article suggests solving a number of interrelated tasks: to describe private methodological principles of selecting the content for this component, to present the principles of its organization, to describe the holistic system of selection and organization of the content of the emotional component of foreign language education in secondary school. The described principles of selecting the content of the component in question are focused on the motivational personal aspects and value-based senses of foreign-language education, and are aimed at achieving its personal results. These are the principles of holistic reflection in the content of foreign-language education of the objectives for a harmonious development of personality and formation of a student's basic culture, emotional significance of the content of speech material, its problematic nature, relevance of the complexity of the content to learners' actual learning opportunities, individualization. To give the component the ability to work in any conditions of the foreign-language educational process, its sub-components should be built in accordance with the principles of functional systems organization: actualization of characteristics aimed at achieving the goal of the system; neutralization of dysfunctions in the process; concentration of actualized functions of all sub-components to obtain the result while giving them some lability to ensure the dynamism of the system. The principles of selection and organization of the content of the emotional component are presented as a hierarchical whole. It has a specific composition and contains the description of their functioning, the key function, and the functioning environment. This system requires an activity component of foreign-language education that is adequate to the content of the emotional component. Its characteristics will be presented in the authors' further studies.

REFERENCES

1. Kuklina, S.S. & Tatarinova, M.N. (2020) A Systemic and Structural Analysis of the Component Composition of the Content of Foreign-Language Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 190–201. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/460/23
2. Bim, I.L. (2005) Modernizatsiya struktury i soderzhaniya shkol'nogo yazykovogo obrazovaniya (IYa) [Modernization of the structure and content of school language education (FL)]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 2. pp. 2–6.
3. Gal'skova, N. D. (2015) Modern model of foreign language education: structure and content. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 8. pp. 2–8. (In Russian).
4. Gal'skova, N. D. (2013) Sovremennaya tsel' obucheniya inostrannym yazykam: ot kompleksnogo podkhoda k integratsii [The modern goal of teaching foreign languages: from an integrated approach to integration]. In: Shchepilova, A.V. & Vikulova, L.G. (eds) *Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam: traditsii i innovatsii* [Theory and Practice of Teaching Foreign Languages: Traditions and innovations]. Moscow: TEZAVRUS. pp. 25–34.
5. Borzova, E. (2008) [Teachers as change agents: critical thinking tasks in a foreign language classroom and reflections on printed materials – from Brawn to Brain: strong signals in foreign language education]. Proceedings of the ViKiPeda–2007 Conference. Helsinki. 21–22 May 2007. Helsinki: Helsinki Yliopisto. pp. 29–54.
6. Gardner, H. (2006) *Multiple Intelligences: New horizons in theory and practice*. New York: Basic Books.
7. Maguire, R. et al. (2017) Engaging students emotionally: the role of emotional intelligence in predicting cognitive and affective engagement in higher education. *Higher Education Research & Development*. 36 (2). pp. 343–357. DOI: 10.1080/07294360.2016.1185396
8. Vigue, P., Cantero, M.J. & Bañuls, R. (2017) Enhancing emotional intelligence at school: Evaluation of the effectiveness of a two-year intervention program in Spanish pre-adolescents. *Personality and Individual Differences*. 113. pp. 193–200. DOI: 10.1016/j.paid.2017.03.036
9. Tatarinova, M.N. (2016) *Emotsional'no-tsennostnyy komponent soderzhaniya inoyazychnogo obrazovaniya s pozitivnyy sistemno-strukturnoy i strukturno-funktsional'noy podkhodov* [Emotional-Value Component of the Content of Foreign Language Education from the Standpoint of System-Structural and Structural-Functional Approaches]. Kirov: Vyatka State University.
10. Biboletova, M.Z., Trubaneva, N.N. & Shchepilova, A.V. (2013) Kontseptsiya uchebnogo predmeta "inostranny yazyk" [The concept of the "Foreign Language" subject]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 9. pp. 2–9.
11. Solovova, E.N. & Markova, E.S. (2013) Formirovaniye bazovykh natsional'nykh tsennostey s ucheto predmetnykh i metapredmetnykh znaniy i umeniy [Formation of basic national values taking into account subject and metasubject knowledge and skills]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 9. pp. 21–25.
12. Chernyshov, S.V. (2014) *Emotsional'no-kontseptnyy podkhod v obuchenii inostrannym yazykam (lingvopsikhologicheskie osnovy)* [Emotional-Conceptual Approach in Teaching Foreign Languages (Linguo-psychological foundations)]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University.
13. Apal'kov, V.G. & Sysoev, P.V. (2008) Methodological principles of the development of intercultural competence via foreign language teaching. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*. 7 (63). pp. 254–260. (In Russian).
14. Passov, E.I. (1977) *Osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam* [Fundamentals of Methods of Teaching Foreign Languages]. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Tutatchikova, I.N. (2014) [The principles of selection of texts – samples for training of written language as to the means of communication]. *Modern Problems and Ways of Their Solution in Science, Transport, Production and Education*. Proceedings of the International Conference. 17–28 June 2014. [Online]. Available from: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/june-2014>. (In Russian).
16. Gal'skova, N.D. (2004) Mezkhul'turnoe obuchenie: problema tseley i soderzhaniya obucheniya inostrannym yazykam [Intercultural education: the problem of goals and content of teaching foreign languages]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 1. pp. 3–8.
17. Bezukladnikov, K.E. et al. (2018) Psychological safety in the school and university linguistic education. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 134–151. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/9
18. Gal'skova, N.D. (2008) Obrazovanie v oblasti inostrannykh yazykov: novye vyzovy i priorityty [Education in the field of foreign languages: new challenges and priorities]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 5. pp. 2–7.
19. Setrov, M.I. (ed.) (1988) *Printsipy organizatsii sotsial'nykh sistem: Teoriya i praktika* [Principles of the Organization of Social Systems: Theory and practice]. Kiev, Odessa: Vysshaya shkola; Golovnoe izd-vo.
20. Nikitenko, Z.N. (2013) *Metodika ovladeniya inostrannym yazykom na nachal'noy stupeni inoyazychnogo obrazovaniya* [Methods of Mastering a Foreign Language at the Initial Stage of Foreign Language Education]. Moscow: Prometey.
21. Zagvyazinskiy, V.I. (2008) *Teoriya obucheniya: Sovremennaya interpretatsiya* [Theory of Teaching: Modern interpretation]. Moscow: Akademiya.
22. Gaydes, M.A. (2005) *Obshchaya teoriya sistem (sistemy i sistemnyy analiz)* [General Systems Theory (Systems and systems analysis)]. Moscow: GLOBUS-PRESS.
23. Slavenin, V.A. (ed.) (2011) *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow: Akademiya.

Received: 28 March 2021

Е.Д. Платова

ВОЗМОЖНОСТИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ SOFT SKILLS БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Обоснована необходимость развития soft skills будущих специалистов. Приведен анализ отечественных и зарубежных исследований по данному вопросу. Уточнено определение и конкретизирована структура soft skills. Описаны возможности цикла языковых дисциплин в развитии soft skills в вузе, заключающиеся в использовании в учебном процессе интерактивных методов обучения на основе коммуникативно-интерактивных задач и подтвержденные экспериментом. Представлена классификация и приведены примеры задач. Даны рекомендации по развитию soft skills будущих специалистов.

Ключевые слова: soft skills; коммуникативно-интерактивные задачи; креативные умения; рефлексия; критическое мышление; эмоциональный интеллект; деловое взаимодействие; иностранный язык.

Актуальность изучения soft skills (гибких навыков) и путей их развития продиктована изменениями на мировом рынке труда, происходящими с 2000 г. Эти изменения связаны с падением числа занятых в научной, технической, инженерной и математической деятельности и общим ростом популярности таких профессий, как менеджер, медицинская сестра, врач-терапевт, финансовый консультант, бизнес-консультант, предприниматель, требующих высокого уровня развития аналитических навыков и умений межличностного взаимодействия [1]. Согласно результатам исследования, проведенного на базе Гарвардского университета (Harvard University) и Стенфордского исследовательского института (Stanford Research Institute), профессиональный успех сотрудника на 85% зависит от уровня развития у него гибких навыков [2]. Однако данный факт не означает снижения значимости когнитивных умений и навыков, скорее наоборот, «необходимость их наличия является все более весомым, но не достаточным условием для получения контролируемой, высокооплачиваемой работы» [1]. В сложившейся экономической ситуации, работники должны быть способны решать сложные проблемы в нестабильных, изменяющихся корпоративных условиях [3].

Реалии современной политической, экономической и социальной жизни общества определили смену парадигмы высшего образования. Междисциплинарный характер современного рынка труда подтверждает несостоятельность «квалификационной модели» подготовки специалиста, жестко привязанной к предмету и объекту труда [4. С. 331], и требует пересмотра содержания образования, технологий обучения и воспитания.

Современный высококвалифицированный специалист, соответствующий международным стандартам, кроме ряда профессиональных компетенций, должен обладать набором универсальных компетентностей [5], определенными личностными характеристиками и умениями, необходимыми для успешной работы и жизнедеятельности в современном обществе и определяющими его конкурентоспособность. Учитывая результаты Ганноверского исследования soft skills (март 2014 г.) [6], полагаем, что к таким умениям и характеристикам личности, позволяющим преодолевать «инерцию обстоятельств», можно отнести:

- коммуникативные навыки (особо выделяется умение активно слушать и слышать);
- владение культурой мышления;

– способность воспринимать и анализировать информацию, критически мыслить; ставить цель и определять пути ее достижения; принимать организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях; быстро реагировать на изменяющиеся обстоятельства окружающей действительности, сохраняя при этом эмоциональное равновесие;

– готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе; стремление к саморазвитию, мобильности и профессиональному росту;

– способность к самокритике, адекватной оценке деятельности окружающих людей и социально-значимых процессов;

– готовность к конструктивному диалогу, в том числе на иностранном языке, в сфере профессиональной коммуникации и др.

Термин «soft skills» (в переводе с английского языка – «гибкие навыки») в зарубежных источниках связывается с умениями (способностями) личности взаимодействовать с другими людьми [7–9]. Как правило, к ним относят умения работать в команде, в сотрудничестве [1].

Однако в отечественных исследованиях данный термин имеет более широкую трактовку, обозначая характеристику личности (О.Л. Чуланова, М.Д. Мартынова, О. Абашкина); совокупность определенных умений и навыков (О.Л. Чуланова, Д.Н. Девятловский, Т.А. Яковлева, Е.Г. Дорошенко, Р.И. Платонова, Г.Б. Михина, О.Я. Пономарева, Д. Татаурщикова, Е. Гайдученко, А. Марушев); надпрофессиональные социально-личностные компетенции (О.Я. Пономарева, О.С. Осипчук). Soft skills связывают с «готовностью персонала к эффективному труду в заданной ситуации на рабочем месте в трудовом коллективе» [9], воплощением своих возможностей, а именно самоактуализацией и самопроявлением (Абрахам Маслоу); постановкой и достижением целей [10]; развитием профессионального потенциала личности и ее социальной адаптацией [11]; формированием инновационного организационного климата.

Осуществляя контент-анализ soft skills, исследователи предлагают разные их типологии в контексте профессионального развития специалистов. Так, Е.Н. Новицкая и В.М. Таллер выделяют три группы навыков, входящих в soft skills: лидерские, интеллектуальные и волевые [12. С. 234]. С.Н. Бацунов, И.И. Дереча, И.М. Кунгурова и Е.В. Слизкова делят

soft skills на четыре группы: «базовые коммуникативные навыки», «навыки self-менеджмента», «навыки эффективного мышления», «управленческие навыки» [13. С. 202]. Анализ психолого-педагогической и социологической литературы, синтез знаний по проблеме исследования позволили выделить в структуре soft skills успешного специалиста следующие составляющие: коммуникативный, креативный, рефлексивный и когнитивный компоненты, а также эмоциональный интеллект.

Основу soft skills составляет коммуникативный компонент, включающий следующие умения взаимодействия [14]:

- осуществлять взаимодействие средствами родного или иностранного языка, вербальной и невербальной коммуникации;
- слушать и слышать; адекватно реагировать на вопросы и высказывания собеседника;
- планировать и прогнозировать коммуникативное взаимодействие, определять информационное и композиционное построение высказывания;
- обдуманно отбирать языковые средства для речевого воздействия, обеспечивающие решение конкретных задач, и правильно употреблять их;
- осуществлять поиск и извлечение необходимой информации и обмениваться ею;
- определять и последовательно, аргументированно отстаивать собственную позицию;
- контролировать и адекватно использовать дикцию, интонацию, акцентирование, темп речи, силу и эмоциональную окраску голоса, жестикуляцию, пантомиму в условиях конкретного взаимодействия;
- выбирать и реализовывать наиболее оптимальную линию поведения (особенно в отношениях с партнерами – представителями иной культуры);
- осуществлять публичные выступления, бизнес-презентации.

Однако многие исследователи сходятся во мнении, что для осуществления успешной профессиональной коммуникации работникам необходимы креативные и рефлексивные умения и навыки, «помогающие управлять ситуациями личного и социального характера» [15. С. 179], в связи с чем в структуре soft skills успешного специалиста были выделены креативный и рефлексивный компоненты.

Креативный компонент способствует созданию в общении эмоционального комфорта, помогает субъекту уверенно действовать в новых условиях, находить подход к каждому собеседнику. Среди креативных умений выделяют умения [14]:

- адаптироваться к новым условиям и людям;
- работать в команде;
- принимать решения в нестандартной ситуации;
- планировать и перестраивать действия в контексте конкретной ситуации;
- улаживать конфликты;
- сохранять отношения, препятствуя их разрыву.

Рефлексивный компонент касается проявления объективного отношения субъекта к собеседнику и ситуации и включает [14]:

- умение понимать и принимать позицию собеседника;

– умение толерантно относиться к партнерам по взаимодействию;

– умение прогнозировать направление и характер развития отношений с партнером;

– адекватно оценивать себя и партнера во взаимодействии.

Перечисленные умения составляют основу эффективного межличностного и межкультурного взаимодействия. В связи с этим вслед за О.М. Осияновой и М.С. Вдовиченко мы относим эти умения к интерактивным [16].

Одним из центральных понятий психолого-педагогической концепции «soft skills», впервые предложенной П. Сэловей, Д. Карузо и Дж. Майер, выступает эмоциональный интеллект – определенная группа способностей, которая приводит к пониманию как собственных эмоций, так и эмоций окружающих, таких как самоконтроль, самосознание, чуткость и пр. [17, 18]. Говоря об эмоциональной компетентности, О.Л. Чуланова также выделяет эмпатию, уверенность в себе, управление стрессом, готовность воспринимать критику и адекватно реагировать на нее, умение создать комфортную эмоциональную атмосферу [9].

Кроме того, большинство исследователей сходятся во мнении, что успешный специалист должен обладать рядом личностных качеств, таких как гибкость, дружелюбность, обучаемость, пунктуальность, тайм-менеджмент, лидерские качества [9, 19, 20].

Говоря о структуре soft skills, не следует также забывать о значении когнитивной составляющей в развитии soft skills будущего специалиста, включающей не только комплекс знаний, необходимых в конкретной профессиональной деятельности, но и умения критического мышления, которые связывают как с анализом и отбором информации, оценкой ее значимости, структурированием, синтезированием, так и с последующим ее использованием в формировании аргументации собственной точки зрения [21. С. 54], обосновании собственных суждений [22].

Таким образом, мы будем понимать под soft skills интегративное качество личности, представляющее собой совокупность коммуникативно-интерактивных и когнитивных умений и навыков, личностных качеств и эмоционального интеллекта, позволяющих осуществлять эффективную профессиональную деятельность, в том числе в условиях междисциплинарности.

Soft skills не являются врожденной характеристикой личности и требуют системного развития. Несмотря на необходимость наличия soft skills у специалистов, подтвержденную социальным заказом и крупнейшими частными, государственными и некоммерческими организациями во всех отраслях и регионах мира [19, 23], система высшего образования не предусматривает их целенаправленного развития. Однако развитие soft skills возможно на предметном содержании дисциплин языкового и гуманитарного циклов (В.Д. Береснев, Н.И. Береснева, М.Д. Мартынова), что подтверждают наши наблюдения за образовательным процессом в вузе. Особая роль отводится иностранному языку (Л.К. Сальная, Л.В. Шаульская, Г.В. Середа, Л.К. Раицкая, Е.В. Тихонова), поскольку

в основе его преподавания лежит межличностная коммуникация, взаимодействие в кросскультурном контексте. Кроме того, сама способность взаимодействовать и решать задачи делового характера на иностранном языке, как правило, включается в список soft skills, необходимых успешному специалисту. Содержание данной дисциплины позволяет целенаправленно развивать коммуникативно-интерактивные умения и навыки студентов путем актуализации парных и групповых форм совместной интерактивной деятельности, современных технологий коллективного взаимодействия, «проживания» проблемных ситуаций. В свою очередь, обсуждение личностно значимых для студентов вопросов позволяет учить их «выражать свое отношение к происходящему, формировать ценностные ориентации, отношение к жизни, труду, себе и другим» [24. С. 82].

Говоря о способах, инструментах и методах развития soft skills в учебных заведениях профессионального образования, исследователи выделяют «наличие индивидуальной траектории самостоятельного становления» [12. С. 231; 13. С. 203]; тренинги, направленные на развитие определенных компетенций и качеств личности; решение кейсов; получение и обработку обратной связи; привлечение и анализ опыта других; проектную деятельность; работу в команде; межличностное взаимодействие в образовательном процессе; ситуацию конкуренции [25. С. 122]. Среди

технологий, позволяющих целенаправленно развивать soft skills, называют проектные, исследовательские, кейсовые, игровые, технологии развития критического мышления, технологии решения изобретательских задач [25. С. 126–127].

Соглашаясь с вышесказанным, полагаем, что наибольший интерес для развития гибких навыков представляет обучение деловому взаимодействию на иностранном языке. Это обусловлено тем, что обучение деловому иностранному языку осуществляется, как правило, с помощью интерактивных методов обучения деловому взаимодействию (методы кейсов (case-study), инцидента (анализ и синтез инцидентов), «ажурной пилы» (jigsaw), информационный лабиринт («баскет-метод»), мозговой штурм, ролевые и аналитические игры). В основе каждого интерактивного метода обучения лежит коммуникативно-интерактивная задача [26, 27], предполагающая создание ситуации интеллектуального затруднения [27. С. 141] для обучающихся с целью последующего ее разрешения. Условие задачи может меняться преподавателем в контексте будущей сферы деятельности обучающихся и в зависимости от конкретных «гибких» умений, требующих целенаправленного развития. Так, задачи могут варьироваться от простых, заключающих в себе одну проблему, до комплексных; от бытовых до профессиональных; от монологичных до групповых; от монокультурных до кросскультурных (таблица).

Типы и примеры коммуникативно-интерактивных задач

Тип задачи		Пример
По сложности	Простая	Phone a computer repair company to get your computer fixed Ask to pay your service bill via bank online
	Комплексная	You arrive at a hotel where you have made a reservation for two nights. Ask whether the room is ready. You also want to park your car in a hotel car park and pay for it by credit card. Order a table for three in a hotel restaurant for an arranged business meeting and choose the dishes from the menu
По содержанию	Бытовая	You are chatting to a colleague. He is keen to continue the conversation, but you have something urgent to do. End the conversation politely
	Профессиональная	You are a supplier negotiating a sales contract. Your company produces packing machines and you are selling some of them to a company that produces yoghurt. You hope to sell at least 10 machines. Role-play the contract negotiations and remember to cover the following points: price and form of payment; delivery time; credit period; warranty
По наличию культурных барьеров	Монокультурная	-----
	Кросскультурная	You are unable to understand your interlocutor's accent or dialect well, ask them to repeat what they are saying in a polite manner. Avoid the risk of offending your partner You are going to develop partnership with Kazakhstan to start up your business there. Study the cultural peculiarities of negotiating with Kazakh partners, then come into contact and fix the date for business meeting
По числу активных участников	Монологичная	You're PR manager of a company producing anti-age cosmetics. Give a short speech advertising your products and convincing the audience to try one Imagine you bought one of the language courses. Think of at least four things that went wrong. Write a letter complaining to the company asking for your money back
	Парная	You are two owners of a small hotel in ski resort. You're looking for assistant hotel manager. Read five resumes and choose the best candidate for the job with your partner A college has commissioned two designers to design the front cover of its new brochure. You have been asked to choose the best design. In pairs, look at two designs and choose the best one. Make a list of reasons why you did not choose the other one. Think about: – how appropriate it is for the cover of a college brochure; – how original it is; – how eye-catching it is; – how colour is used
	Групповая	Role-play «Situations vacant». Fill in the sheets with information about a fictitious person or fictitious job. The object of the game is for the job applicants to try to find jobs and for employers to find appropriate employees. Employers must hire someone, even if no candidate is ideal. After filling out the sheets mingle and interview / be interviewed as many times as possible in the course of the game. Then employers announce which person they would like to hire and why

Таблица примеров коммуникативно-интерактивных задач демонстрирует их разнообразие и комбинаторность, междисциплинарность и многофункциональность. Поскольку приведенные примеры относятся к циклу дисциплин, связанных с иностранным языком, полагаем, что все задачи в данном случае являются кросскультурными, так как предполагают поиск решения через взаимодействие на иностранном языке, однако содержание задачи в большинстве случаев является монокультурным.

В рамках дисциплин «Речевой этикет в бизнес-коммуникации» и «Эффективная коммуникация на иностранном языке» в магистратуре по специальности «Английский язык для бизнес-коммуникации» Оренбургского государственного университета в 2019–2020 и 2020–2021 учебных годах было проведено экспериментальное обучение с использованием коммуникативно-интерактивных задач, направленное на развитие soft skills студентов. Поскольку данная магистерская программа не предусматривает обучение конкретной узкопрофессиональной деятельности, а предполагает освоение возможностей ведения делового взаимодействия в любой сфере, студенты-магистранты имели возможность самоопределения и проявления креативности в «проживании» проблемных ситуаций в качестве представителей разных профессий и самостоятельном освоении делового опыта. По окончании курсов будущие специалисты ответили на вопросы анкеты, предлагающей оценить изменения в развитии конкретных умений и выделить наиболее полезные/интересные формы работы. Использование интерактивных методов обучения на основе коммуникативно-интерактивных задач позволило наблюдать развитие умений целеполагания; быстрого и конструктивного принятия решений в новых, нестандартных условиях; работы в сотрудничестве; распределения и осознания ответственности; улаживания конфликтных ситуаций; критического и аналитического мышления. Кроме того, решение задач осуществлялось с последующей контролируемой аналитической и оценочной деятельностью, что способствовало развитию рефлексивных умений и навыков критического мышления. Обучающиеся также отмечали, что использование метода проектов позволило развивать умения планирования деятельности и времени (time-management), навыки организации и осуществления публичной речи. Следовательно, интерактивное обучение на основе коммуникативно-интерактивных задач имеет необходимый потенциал для развития всех компонентов soft skills и требует дальнейшего изучения. Возможным практическим результатом может быть разработка комплексов коммуникативно-интерактивных задач с учетом уровня владения иностранным языком и профессиональной направленности.

Наблюдение и мониторинг за учебным деловым взаимодействием будущих специалистов позволили сформулировать некоторые рекомендации по развитию soft skills субъектов в образовательном процессе учреждений профессионального образования.

В контексте развития коммуникативно-интерактивных умений:

- чем меньше говорит педагог, тем эффективнее будет занятие; задача преподавателя – обеспечить обучающимся возможность самостоятельно и «активно» взаимодействовать;

- образовательный процесс должен быть направлен скорее на обучение мышлению, чем на сбор информации;

- предпочтительно использование вопросов, подталкивающих на размышление и не имеющих одного правильного ответа; при этом основная роль в их формулировке принадлежит обучающимся;

- содержание обучения должно носить личностно-значимый характер.

В контексте развития навыков критического и рефлексивного мышления:

- регулярная активизация оценочной деятельности студентов в отношении себя и других принципиально важна;

- целесообразно заканчивать каждое занятие заполнением письменной формы или обсуждением вопросов: «что для меня самое значимое из того, что я узнал / узнала на занятии?», «какой вопрос так и остался для меня непонятым / неразрешенным?»;

- необходимо обеспечение преподавателем четких инструкций по предстоящей на занятии деятельности и последующей обратной связи;

- желательно включение в содержание обучения обязательных письменных работ, содержащих аргументацию различных точек зрения по каким-либо вопросам.

В контексте развития умений командной работы:

- использовать на каждом занятии активные методы обучения, предусматривающие парную и групповую деятельность; наиболее эффективной считается работа в небольших группах (например, триады);

- периодически оценивать не только индивидуальную работу, но и работу группы в целом, тем самым, воспитывая личную ответственность каждого за коллективный результат;

- назначать в каждой группе лидера, ответственного за организацию и координацию учебной совместной деятельности; каждый из обучающихся должен попробовать себя в этой роли;

- поощрять обучение студентами друг друга.

В контексте развития навыков тайм-менеджмента:

- ограничивать время при выполнении любого вида задания на занятии (личного, парного, группового);

- в игровой форме поощрять планирование определенного количества времени на какую-либо деятельность (в том числе самостоятельную), его измерение, контроль и сравнение с результатом;

- анализировать по окончании занятия объем выполненной работы и затраченное время.

В контексте формирования эмоционального интеллекта: использовать материалы художественной литературы или сюжеты противоречивых историй для дальнейшего обсуждения, организации ролевых игр и драматизации по предложенному сюжету для осознания субъектами обучения чувств и состояний людей в иных жизненных обстоятельствах.

Таким образом, soft skills является сложной интегративной характеристикой личности, представляющей совокупность различных умений и персональных качеств, обеспечивающих успешность специалиста в профессиональной деятельности в современных условиях междисциплинарности. Причем функционально процесс развития soft skills может внести большой вклад в повышение качества жизни и работы личности, обеспечивая формирование и развитие культурных навыков взаимоотношения людей; активизацию стремления партнеров по коммуникации выразить и понять эмоциональные переживания друг друга; улучшение понимания своего партнера по коммуни-

кации, его намерений, установок, переживаний, состояний; развитие способности к «мультидеятельности» и стремления к постоянному самосовершенствованию и самореализации. Следовательно, задача педагогики – выявить и обосновать пути развития soft skills будущих специалистов и обеспечить условия их развития в профессиональном образовании. Использование в образовательном процессе интерактивных методов обучения на основе коммуникативно-интерактивных задач обеспечивает возможность целенаправленного развития умений и качеств личности, входящих в soft skills. В данной связи особым потенциалом обладают дисциплины языкового цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deming D.J. The Value of Soft Skills in the Labor Market // NBER Reporter. 2017. № 4. URL: <https://data.nber.org/reporter/2017-number4/deming.html>
2. Hard или soft skills: что важнее для менеджера? URL: <http://www.ludidela.ru/articles/985985/> (дата обращения: 6.01.2020).
3. Edmondson A. Teaming: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy. Hoboken, New Jersey : John Wiley & Sons, 2012.
4. Сальная Л.К. Soft skills в компетентностной модели выпускника вуза // Наука. Образование. Культура. Вклад молодых ученых : материалы III Междунар. науч. конф. преподавателей, молодых ученых, аспирантов и студентов вузов. Новочеркасск : Южно-Российский гос. политехн. ун-т им. М.И. Платова, 2016. С. 331–334.
5. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>
6. Incorporating Soft Skills into the K-12 Curriculum // Hanover Research: District Administration Practice. 2014. March. URL: <https://www.hanoverresearch.com/media/Incorporating-Soft-Skills-into-the-K-12-Curriculum.pdf>
7. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/soft-skills>
8. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/soft-skills>
9. Чуланова О.Л. Идентификация компонентов эмоциональной компетентности руководителя как базовой в структуре soft skills // Материалы Афанасьевских чтений. 2018. № 3 (24). С. 46–59.
10. Яковлева Т.А., Дорошенко Е.Г. Online-инструменты менеджмента для формирования soft skills в инженерном образовании // Решетневские чтения. 2018. Т. 2. С. 597–599.
11. Пономарева О.Я. Сформированность гибких навыков (soft skills) как условие адаптации современного поколения к рынку труда // Актуальные проблемы социального профессионально-экономического вхождения молодежи в региональную общественную среду : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 29–33.
12. Новицкая Е.Н., Таллер В.М. О необходимости развития soft skills как фактора обеспечения конкурентоспособности специалиста // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук : материалы VIII Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Ю.Ю. Андреевой, И.Э. Рахимбаевой. 2020. С. 225–237.
13. Бацунов С.Н., Дереча И.И., Кунгурова И.М., Слизкова Е.В. Современные детерминанты развития soft skills // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2018. № 4. С. 12–21.
14. Платова Е.Д. Возможности кросскультурной образовательной среды в развитии умений интерактивного взаимодействия студентов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 2 (202). С. 41–45.
15. Shaulska L.V., Sereda G.V., Shkurat M.Y. The development of soft skills in the provision of competitiveness of graduates // Економічний вісник Донбасу. 2015. № 4 (42). С. 177–181.
16. Осиянова О.М., Вдовиченко М.С. Развитие интерактивных умений студентов-филологов в процессе решения коммуникативных задач // Вестник ОГУ. 2016. № 9 (197). С. 32–28.
17. Meyer B.B. Emotional intelligence: a theoretical overview and implications for research and professional practice I sport psychology // Journal of Applied Sport Psychology. 2007. № 19 (1). P. 13.
18. Коротких Е.Г., Носенко Н.В. Принципы формирования «soft skills» при обучении английскому языку неязыковых специальностей вуза // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 43–47.
19. Россия 2025: от кадров к талантам / В. Бутенко, К. Полунин, И. Котов, Е. Сычева, А. Степаненко, Е. Занина, С. Ломи, В. Руденко, Е. Топольская. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf
20. Robies M.M. Executive Perceptions of the Top 10 Soft Skills Needed in Today's Workplace // Business Communication Quarterly. 2012. № 75 (4). P. 453–465.
21. Платова Е.Д. Развитие умений делового общения через формирование личного опыта интерактивного взаимодействия субъектов // Вестник ОГУ. 2020. № 3 (226). С. 52–56.
22. Beyer B.K. What research tells us about teaching thinking skills // The Social Studies. 2008. № 99 (5). P. 223–232.
23. Ивоина А.И., Чуланова О.Л., Давлетшина Ю.М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Наукоедение : интернет-журнал. 2017. Т. 9, № 1. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf>
24. Осиянова О.М. Лингвистическое образование в контексте культуры. Самара : Изд-во СГПУ, 2005. 160 с.
25. Зотова В.А., Логинова Н.Н. Формирование и развитие soft skills в учреждении дополнительного образования детей и молодежи // Страховские чтения. 2019. № 27. С. 119–130.
26. Задача – единица обучения, учебной деятельности и общения (задачный подход в образовании) / под общ. ред. проф. И.А. Зимней; ред.-сост. С.А. Чопчиан. Москва ; Старый Оскол : ТНТ, 2007. 152 с.
27. Платова Е.Д. Коммуникативно-интерактивные бизнес-задачи в обучении субъектов деловому взаимодействию // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9 (№ 1–2). С. 139–143.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 31 мая 2021 г.

The Opportunities of a Foreign Language in the Development of Future Specialists' Soft Skills

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 219–225.

DOI: 10.17223/15617793/468/25

Evgeniya D. Platova, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: jekyn@yandex.ru

Keywords: soft skills; communicative-interactive tasks; creative skills; reflection; critical thinking; emotional intelligence; business interaction; foreign language.

The changes at the world's labour market of the past decades demand a reconsideration of the education content, technologies and methods of teaching, ways of upbringing, and prove the importance of a deliberate development of future specialists' soft skills as an integrative personality characteristic which is necessary for successful work activities in modern society. This article aims at specifying the content of soft skills as a personality characteristic and searching the pedagogical ways of their development in acquiring professional education. The study was carried out using theoretical (analysis of pedagogical, psychological and sociological literature, synthesis of knowledge on the problem) and experimental (interviewing, conversation, polling, questionnaire, observation of educational process, analysis of learning materials and teaching resources, their experimental application, monitoring of students' soft skills development) research methods. The analysis of literature on the question allowed concluding that the structure of soft skills includes communicative-interactive, creative, reflexive, and cognitive components, and emotional intelligence. Thus, soft skills are an integrative personality characteristic representing a set of communicative, creative, and reflexive skills in combination with emotional intelligence, cognitive skills, and such personal characteristics as flexibility, friendliness, learnability, punctuality, time-management, leadership. Academic language disciplines, especially teaching business interaction in foreign language, are particular promising for the development of soft skills due to the diversity of applied activities and interactive methods based on communicative-interactive tasks. These tasks can be classified regarding their difficulty (simple and complex), content (social and professional), cultural barriers (monocultural and cross-cultural), and number of active participants (monologue, dialogue, group); they can be combined and deliberately made up by a teacher according to educational and professional needs. Experimental teaching business interaction with the help of communicative-interactive tasks demonstrated a systemic development of students' interactive and reflexive skills, critical and creative thinking through actualization of their own position in problem situations. The research shows that interactive learning on the basis of communicative-interactive tasks provides opportunities necessary for developing components of soft skills.

REFERENCES

1. Deming, D.J. (2017) The Value of Soft Skills in the Labor Market. *NBER Reporter*. 4. [Online]. Available from: <https://data.nber.org/reporter/2017/number4/deming.html>.
2. Lyudi dela [People of Action]. (2014) *Hard ili soft skills: chto vazhnee dlya menedzhera?* [Hard or soft skills: what is more important for a manager?] [Online]. Available from: <http://www.ludidela.ru/articles/985985/>. (Accessed: 6.01.2020).
3. Edmondson, A. (2012) *Teaming: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons.
4. Sal'naya, L.K. (2016) [Soft skills in the competence model of university graduate]. *Nauka. Obrazovanie. Kul'tura. Vklad molodykh uchenykh* [Science. Education. Culture. The Contribution of Young Researchers]. Proceedings of the 3d International Conference. Novocherkassk. 26 April 2016. Novocherkassk: Platon South-Russian State Polytechnic University. pp. 331–334. (In Russian).
5. Garant.ru. (2018) *Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda"* [On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation of 7 May 2018, No. 204]. [Online]. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>.
6. Hanover Research. (2014) *Incorporating Soft Skills into the K-12 Curriculum*. [Online]. Available from: <https://www.hanoverresearch.com/media/Incorporating-Soft-Skills-into-the-K-12-Curriculum.pdf>.
7. Cambridge Dictionary. (n.d.) [Online]. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/soft-skills>.
8. Oxford Learner's Dictionaries. (n.d.) [Online]. Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/soft-skills>.
9. Chulanova, O.L. (2018) Identification of components of emotional competence of the leader as a basic in the structure of soft skills. *Materialy Afanas'evskikh chteniy*. 3 (24). pp. 46–59. (In Russian).
10. Yakovleva, T.A. & Doroshenko, E.G. (2018) Online management tools for the building of soft-skills in engineering education. *Reshetnevskie chteniya*. 2. pp. 597–599. (In Russian).
11. Ponomareva, O.Ya. (2018) [Formation of flexible skills (soft skills) as a condition for adapting the modern generation to the labor market]. *Aktual'nye problemy sotsial'nogo professional'no-ekonomicheskogo vkhozheniya molodezhi v regional'nyy obshchestvennyy sredu* [Topical issues of social professional and economic entry of young people into the regional social environment]. Proceedings of the 2nd International Conference. Yekaterinburg. 15 May 2018. Yekaterinburg: Ural State University of Economics. pp. 29–33. (In Russian).
12. Novitskaya, E.N. & Taller, V.M. (2020) [Necessity of soft skills' development as a specialist's competitiveness factor]. *Sovremennoe kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk* [Modern Cultural and Educational Space of the Humanities and Social Sciences]. Proceedings of the 8th International Conference. Saratov. 08 April 2020. Saratov: Saratovskiy istochnik. pp. 225–237. (In Russian).
13. Batsunov S.N. et al. (2018) Modern determinants of the soft skills development. *Kontsept*. 4. pp. 12–21. (In Russian). DOI: 10.24422/MCITO.2018.4.12367
14. Platova, E. D. (2017) The potencial of cross-cultural educational environment in students' interaction skills development. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 2 (202). pp. 41–45. (In Russian).
15. Shaulska, L.V., Sereda, G.V. & Shkurat, M.Y. (2015) The development of soft skills in the provision of competitiveness of graduates. *Ekonomicheskii visnik Donbasu – Economic Herald of the Donbass*. 4 (42). pp. 177–181.
16. Osiyanova, O.M. & Vdovichenko, M.S. (2016) Interactive skills development of philology-students in the process of solving communicative tasks. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 9 (197). pp. 32–28. (In Russian).
17. Meyer, B.B. & Fletcher, T.B. (2007) Emotional intelligence: a theoretical overview and implications for research and professional practice in sport psychology. *Journal of Applied Sport Psychology*. 19 (1). pp. 1–15. DOI: 10.1080/10413200601102904
18. Korotkikh, E.G. & Nosenko, N.V. (2019) Principles of "soft skills" development in teaching English to university students of non-linguistic departments. *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. 44. pp. 43–47. (In Russian).
19. The Boston Consulting Group. (2017) *Rossiya 2025: ot kadrov k talantam* [Russia 2025: From cadres to talents]. [Online]. Available from: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf.
20. Robies, M.M. (2012) Executive Perceptions of the Top 10 Soft Skills Needed in Today's Workplace. *Business Communication Quarterly*. 75 (4). pp. 453–465. DOI: 10.1177/1080569912460400

21. Platova, E.D. (2020) Interaction experience as the basis of business communication. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 3 (226). pp. 52–56. (In Russian). DOI: 10.25198/1814-6457-226-52
22. Beyer, B.K. (2008) What research tells us about teaching thinking skills. *The Social Studies*. 99 (5). pp. 223–232. DOI: 10.3200/TSSS.99.5.223-232
23. Ivonina, A.I., Chulanova, O.L. & Davletshina, Yu.M. (2017) Modern directions of theoretical and methodological developments in the field of management: the role of soft-skills and hard skills in professional and career development of employees. *Naukovedenie*. 1 (9). [Online]. Available from: <https://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf>.
24. Osiyanova, O.M. (2005) *Lingvisticheskoe obrazovanie v kontekste kul'tury* [Linguistic Education in the Context of Culture]. Samara: Samara State Pedagogical University.
25. Zotova, V.A. & Loginova, N.N. (2019) Formation and development of soft skills in institution of secondary education of children and young people. *Strakhovskie chteniya*. 27. pp. 119–130. (In Russian).
26. Zimnyaya, I.A. & Chopchiyan, S.A. (eds) (2007) *Zadacha – edinitsa obucheniya, uchebnoy deyatel'nosti i obshcheniya (zadachnyy podkhod v obrazovanii)* [Task – a unit of learning, learning activities and communication (task approach in education)]. Moscow; Staryy Oskol: TNT.
27. Platova, E.D. (2018) Communicative-interactive tasks in business interaction teaching. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*. 1–2 (9). pp. 139–143. (In Russian).

Received: 31 May 2021

О.М. Хлытина

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ КРИТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В САМООЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ УЧИТЕЛЕЙ

Обобщены результаты интернет-опроса 216 учителей истории из разных регионов России. Описаны доминирующие в массовой практике приемы использования исторических источников на уроке, охарактеризован уровень овладения учениками 9-х и 11-х классов умением критически анализировать исторические источники, предложены варианты совершенствования школьной практики обучения истории. Развитие предметного умения работать с источниками рассматривается в контексте развития функциональной грамотности школьников.

Ключевые слова: исторический источник; критическое мышление; обучение истории; изучение истории; учитель истории; функциональная грамотность.

Актуальность. В ближайшие годы российской школе предстоит решить амбициозную задачу обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождения Российской Федерации в число ведущих стран мира по качеству общего образования. Важным маркером ее достижения станут результаты участия российских школьников в международных сопоставительных исследованиях качества образования PISA, TIMSS, PIRLS и др. Оценивая образовательные достижения школьников в различных областях знания, данные международные исследования центрированы на выявлении уровня функциональной грамотности, успех формирования которой во многом связан с метапредметными умениями, в частности смысловым чтением, умением контролировать, оценивать процесс и результат своей деятельности, критическим, аналитическим и креативным мышлением. Очевидно, что развитие этих умений может и должно быть органично интегрировано в предметную подготовку школьников – в специфические виды познавательной деятельности, осваиваемые школьниками при изучении конкретного учебного предмета.

Обучение истории традиционно организуется на основе разнообразных исторических текстов. Особо ценной и для предметной подготовки, и в свете развития функциональной грамотности стоит признать работу с историческими источниками, в ходе которой школьники овладевают базовыми процедурами научного исторического познания, учатся вычленять, систематизировать и критически анализировать историческую информацию, понимать субъективность текста, использовать установленные исторические факты для решения учебно-исследовательских задач, одновременно овладевая метапредметными читательскими умениями и критическим мышлением. Значимость обучения школьников работе с историческими источниками закреплена федеральными государственными образовательными стандартами основного и среднего общего образования; задания на анализ источников включены в ОГЭ и ЕГЭ по истории.

Результаты саморефлексии учителей истории по поводу собственной практики обучения школьников критическому анализу исторических источников помогут выявить проблемные зоны и определить «точки роста» в развитии предметных умений и функцио-

нальной грамотности российских школьников на уроках истории.

Степень научной разработанности. Исторические источники как средство обучения истории в российской школе используются уже более полутора веков. Трансформации методологии базовой исторической науки и парадигм общего образования стимулировали поиск новых методических путей работы с источниками на уроке. В результате в разные периоды истории цели обращения учителей и учеников к историческим источникам, приемы работы с ними существенно различались [1]. Так, в 60-е гг. XIX в. – начале 30-х гг. XX в. широко применялись «реальный» и «лабораторный» методы обучения, исторический источник рассматривался как основное средство обучения и альтернатива учебнику; в 30–60-е гг. XX в. источники были призваны иллюстрировать, конкретизировать, расширять исторические представления школьников, полученные преимущественно из рассказа учителя или учебника, а с 60–80-х гг. XX в. благодаря работам Н.Г. Дайри, И.Я. Лернера, Ф.П. Коровкина и др. было положено начало привлечения письменных исторических источников в качестве средства обучения школьников отдельным процедурам научного исторического познания, формирования историзма мышления в рамках исследовательского метода обучения [2–4].

Методические пути обучения школьников анализу источников, предлагаемые современными российскими и зарубежными исследователями, во многом predetermined утвердившимися в исторической науке представлениями об историческом источнике как продукте творческой деятельности человека, продукте культуры, который помогает реконструировать социальную реальность, действия и мысли людей прошлых эпох [5; 6. С. 199–200]. Новые представления о целях научного исторического познания и характере исторического знания как конструкта, создаваемого историком, стимулировали переосмысление целей и содержания школьного исторического образования в целом и работы школьников с историческими источниками в частности. Как правило, освоение учениками научных процедур анализа исторических источников признается важнейшей предпосылкой развития умения мыслить исторически, понимать контексты происходящего в прошлом и современности, учиты-

вать мнения разных людей и групп [7–9]. Кроме того, если в российском общественно-политическом дискурсе доминирует утверждение, что школьники плохо *знают* историю, то профессиональные историки убеждены, что школьники недостаточно хорошо умеют *изучать* историю, поскольку в содержании школьного образования мало места отведено знакомству школьников с основами современного научного исторического познания [10. С. 146]. Идею о возрастании роли методологического компонента учебного познания в условиях информационного общества разделяют и дидакты [11. С. 69–70]. Трендом дидактики истории можно признать использование комплексов исторических источников, а также привлечение новых типов и видов источников (пейзажи, конфетные обертки, детские игрушки, одежда, мемориалы и кладбища и др.) и обучение их анализу в физическом и социальном контекстах [12–16].

В результате современная методическая наука разрабатывает приемы ученического анализа источников с опорой на представления о соотносительности интерпретаций прошлого с ценностно-целевыми установками авторов текстов, о множественности форм бытования исторического знания в культуре (наука, искусство, историческая память, медиа и др.), о том, что существование разноречивых трактовок и интерпретаций событий прошлого и современности (со своей системой ссылок и аргументов) есть норма, и историк вполне может сделать их предметом научного исследования. Такой подход к организации обучения школьников с историческими источниками имеет место в работах российских исследователей Ю.Л. Троицкого, Л.Н. Алексашкиной, О.Ю. Стреловой и Е.Е. Вяземского, О.М. Хлытиной и других, предложивших различные модели обучения школьников критическому анализу источников.

В конце 90-х гг. прошлого века Ю.Л. Троицкий посоветовал использовать на уроках вместо учебников тематические ридеры (документально-историографические комплексы), включающие разнообразные и разноречивые источники, при работе с которыми ученики реконструируют исторические события и создают связные и внутренне непротиворечивые версии прошлого («пишут историю») [17]. Методической новацией стал обоснованный Ю.Л. Троицким прием работы со смысловыми позициями автора текста по отношению к описываемым событиям (современник, потомок, иностранец, смехач), позволяющий школьникам на конкретных примерах проследить единство субъективного и объективного в исторической действительности и историческом познании.

Целостная модель ученического анализа исторических источников обоснована Л.Н. Алексашкиной, выделившей два аспекта познавательной деятельности: «от памятника к источнику» (изучение потенциального источника как памятника культуры, предварительное ознакомление с элементами источниковедческих знаний) и знакомство с эпохой через ее памятники (начало анализа и критики источников) [18. С. 127–129].

Многоуровневый подход к анализу исторических источников описан О.Ю. Стреловой и Е.Е. Вяземским, выделившим процедуры ученического анализа от его «паспортизации» к анализу содержания и зало-

женных в нем ценностей и далее к оценке объективности информации источника и его использованию в изучении прошлого [19. С. 66–75].

В наших работах охарактеризована модель поэтапного обучения школьников изучению прошлого на основе исторических источников, где освоение приемов изучения исторических источников происходит в единстве с их применением для получения учениками субъективно новых знаний о прошлом в рамках выполнения ими мини-исследований. Работа с источниками начинается с постановки/выбора учениками исследовательского вопроса, а сама работа с источниками включает изучение их происхождения и истолкование содержания посредством осуществления процедур «чтения» (извлечения информации об историческом процессе, особенностях восприятия мира людьми той или иной исторической эпохи и отношении автора исторического источника к описываемым событиям и поступкам людей прошлого), «комментирования» (вписывания фактов источника в событийный и мировоззренческий контекст той эпохи, в которую он был создан, и личную биографию автора) и «интерпретации» (переосмысления содержания источника в контексте поставленного исследовательского вопроса) [20].

Принципиально важно, что в методическом плане работа с историческим источником на современном уроке – это не только его чтение и пересказ (по аналогии с авторским текстом параграфа учебника), но и умение школьников применять базовые процедуры научного исторического познания, нацеленные на понимание человека прошлого, на поиск в прошлом ответов на вопросы, значимые для настоящего. Вслед за исторической наукой современная методика под критическим анализом источников понимает не классическую «критику источника» с целью определения его подлинности и достоверности как соответствия «объективной реальности» (что было характерно для исторической науки XVIII–XIX вв.), а анализ происхождения и содержания источника с целью установления авторского замысла, особенностей отображения прошлого данной группой источников, влияющих на их форму и содержание, изучение информационного потенциала источника в контексте поиска ответа на исследовательские вопросы, значимые для самих школьников, в том числе с позиции выстраивания собственной идентичности.

Поскольку повседневная учительская практика преподавания истории складывается под влиянием множества факторов, важно понимать, как современные учителя организуют работу школьников с разнообразными и разноречивыми историческими источниками, какие умения анализировать источники они развивают у своих учеников и насколько такая работа стала привычной на уроках, поскольку ориентирована не только на предметные результаты (развитие исторического мышления, освоение школьниками базовых приемов научного исторического познания и др.), но и на развитие «мягких навыков» и функциональной грамотности.

Цель исследования – оценить эффективность современной практики обучения критическому анализу исторических источников на основе обобщения экспертных мнений учителей. Для достижения цели

необходимо решить следующие задачи: выявить доминирующие в практике работы педагогов методические пути обучения школьников приемам анализа исторических источников; на основе оценок учителями уровня освоения выпускниками 9-х и 11-х классов умения критически анализировать исторические источники определить их эффективность; предложить пути совершенствования массовой практики обучения.

Методы и организация исследования. В феврале–марте 2020 г. с использованием Google-формы был проведен интернет-опрос учителей истории 5–11-х классов. Информация о проведении исследования распространялась через социальные сети и странички региональных ассоциаций педагогов. Участие педагогов было добровольным и анонимным; по его итогам были получены анкеты от 216 учителей истории из 31 региона Российской Федерации (Сибирский федеральный округ – 144 чел., Уральский – 17, Централь-

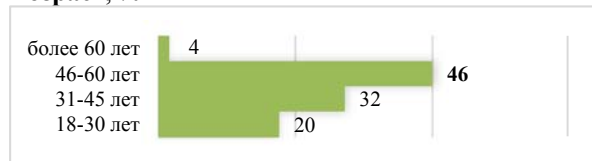
ный – 32, Северо-Западный – 12, Южный – 2, Дальневосточный – 2, Приволжский – 5, иные территории, включая город и космодром Байконур – 2 чел.). К ограничениям выборки исследования можно отнести неполную представленность субъектов РФ, а также отсутствие квотирования между регионами, городскими и сельскими школами, учителями с разным стажем и квалификационной категорией (с учетом реальных долей данных групп учителей среди учителей истории РФ). Кроме того, большая информированность педагогов Сибирского Федерального округа о проведении данного исследования обусловила его лидерство по числу участников.

Характеристика участников исследования. Две трети учителей преподают историю в средних общеобразовательных школах (СОШ); почти каждый четвертый – в лицеях, гимназиях, школах с углубленным изучением отдельных предметов (рис. 1).

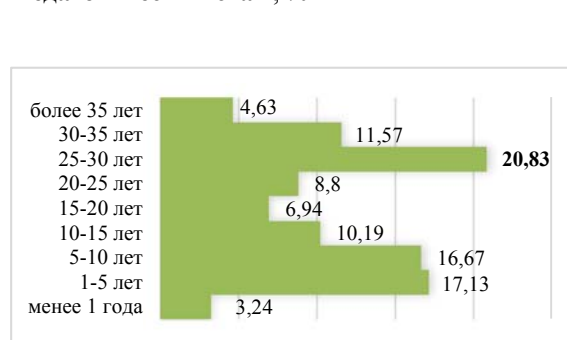
Образовательная организация, %

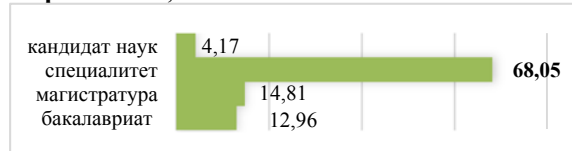
Возраст, %

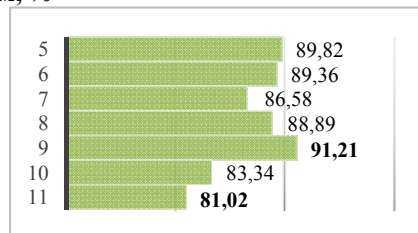
Педагогический стаж, %

Образование, %

Опыт преподавания курсов истории по классам, %

Аудиторная нагрузка, часов в неделю

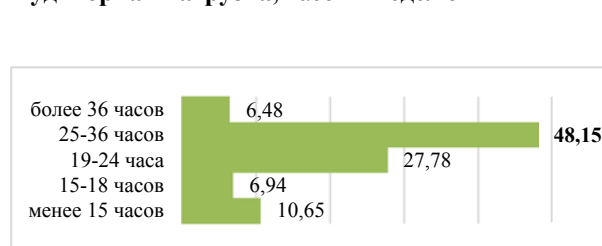

Рис. 1. Характеристика участников исследования

В исследовании приняли участие учителя разных возрастных групп. Показательно, что распределение участников исследования по группам в зависимости от возраста в целом согласуется с возрастной структурой教师队伍 РФ (по результатам международного исследования TALIS-2018, средний возраст учителя РФ – 45–46 лет [21. С. 5]; основная часть учителей РФ и участников исследования – это опытные педагоги в возрасте 30–60 лет.

Среди других профессиональных характеристик участников исследования обратим внимание на стаж работы в должности учителя, образование и занятость (аудиторную нагрузку) учителя. И вновь характеристики выборки участников исследования по имеющемуся уровню формального образования (наиболее высокий уровень) вполне сопоставимы с результатами исследования TALIS-2018 по РФ: 75% российских

учителей имеют образование на уровне магистратуры и специалитета, 16% – бакалавриата, 1% – аспирантуры и выше [21. С. 7]. Это выступает дополнительным основанием признания репрезентативности результатов проведенного нами исследования.

Участники исследования имеют опыт преподавания различных курсов истории. Значительное число педагогов работали в выпускных 9-х и 11-х классах, следовательно, оценки уровня подготовки учеников, сформулированные этими педагогами, основанные на практическом опыте, отражают реалии современной практики обучения истории.

В методической науке, как было показано выше, имеют место различные модели организации работы школьников с историческими источниками, и при характеристике методических приемов используется широкий спектр терминов. Ввиду этого в анкету был включен вопрос, предлагавший учителям оценить «понятность» заданий анкеты, сформулированных в логике нашего авторского подхода. Ответы учителей убеждают в достаточно согласованном понимании участниками анкетирования предложенного языка описания исследуемых педагогических феноменов, поскольку 89,36% педагогов заявили, что вопросы были полностью понятны.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования были выявлены организационные и методические характеристики современной практики обучения школьников критическому анализу исторических источников.

Организация обучения школьников критическому анализу исторических источников.

1. На школьных уроках используются исторические источники разных типов, но большинство педагогов (97,69%) организуют работу с *письменными источниками*; 50,93% привлекают визуальные источники, а об опыте применения устных и вещественных источников сообщили лишь 13,43 и 12,04% учителей соответственно. Возможно, причина этого и в долгом «доверии» исторической науки именно письменным

источникам, и в большей разработанности методики работы с данным типом источников.

2. *Учебник* для большинства учителей – по-прежнему важное или даже основное средство обучения. Три четверти участников исследования (75,5%) используют в своей практике обучения истории в основной школе учебно-методический комплекс (УМК) издательства «Просвещение» под ред. А.В. Торкунова. Оценивая потенциал используемых учебников в развитии у учеников критического мышления, более половины учителей (вне зависимости от используемого УМК) поставили по 5-балльной шкале отметки «4» и «5» (рис. 2).

Познавательная модель, заложенная в современном учебнике, являет себя не только через авторский текст, но и через методический аппарат, непременно включающий исторические источники и вопросы к ним. Число ответов учителей, полностью удовлетворенных методическим аппаратом учебников («исторические источники разнообразны, и их вполне достаточно для работы на уроке», «вопросы и задания к источникам разнообразны и позволяют научить учеников различным приемам анализа исторических источников»), в 1,5 раза меньше, чем ответов, указывающих на необходимость дополнительной работы учителя по подбору исторических источников и (или) вопросов и заданий к ним («часто учителю приходится самому составлять вопросы и задания, так как в учебнике они однообразны/преимущественно репродуктивного характера/сложны для учеников и др.»). Кроме того, если подборки исторических источников в учебниках удовлетворили треть участников анкетирования (32,9%), то вопросы и задания – лишь каждого четвертого (24,5%). Таким образом, несмотря на высокую оценку потенциала учебников для развития у школьников критического мышления, лишь треть педагогов признают за учебником роль средства обучения школьников процедурам исторического познания, основу которых составляет критический анализ исторических источников.

Рис. 2. Оценки потенциала современных УМК по истории России для развития критического мышления у учащихся основной школы, %

С учетом в целом высоких оценок потенциала учебников в развитии критического мышления обнаруживается явное противоречие: либо учителя решают эту задачу на основе других источников информации, либо словосочетание «критическое мышление» педагогам знакомо, но они не пони-

мают сущности этого феномена и механизмов его развития в практике обучения истории. В результате потенциал исторических источников в современной российской школе востребован крайне мало, что подтверждают ответы и на другие вопросы анкеты.

3. В опыте большинства учителей истории, принявших участие в исследовании, целенаправленная работа школьников с историческими источниками организуется менее чем на половине уроков (рис. 3).

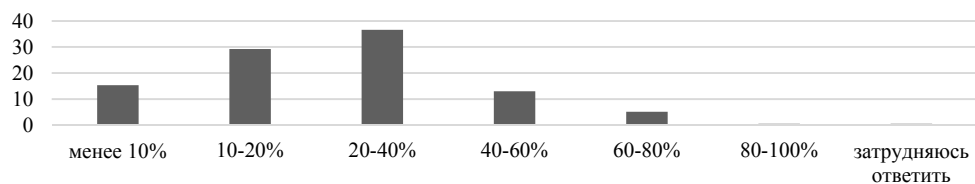

Рис. 3. Примерная доля уроков, на которых в текущем году учителя целенаправленно обучали школьников работе с историческими источниками, %

4. Среди причин столь малого присутствия исторических источников на школьных уроках доминируют указания на дефицит времени: 45,37% учителей отметили загруженность работой; 41,21% указали на большие затраты времени на подготовку уроков с применением исторических источников; 75,47% отметили нехватку времени на уроке на работу с источниками. При этом показательно, что работа с источниками воспринимается учителями как значимый вид учебной деятельности школьников при изучении истории: не видят смысла в ней лишь 4 человека, одновременно указавших на свою загруженность и отсутствие в итоговой аттестаций заданий по историческим источникам, требующих предъявления учениками критического мышления и исследовательских умений.

Обращает на себя внимание фиксируемый педагогами факт *недостаточной обученности школьников* работе с источниками («недостаточный уровень подготовки моих учеников, им трудно») — об этом заявили более трети учителей (37,97%). Очевидно, речь идет об отсутствии у учеников контекстных знаний и специальных умений, необходимых для анализа источников под руководством учителя и (или) самостоятельно. Однако если среди начинающих учителей со стажем до 5 лет эта причина фигурирует почти в половине ответов (45,46%), то среди учителей, имеющих стаж 5–15 лет, она встретилась менее чем в трети ответов (29,31%). В свободных ответах учителя указывали также большой объем фактического материала, отсутствие у учителя мотивации и сложность поиска интересных источников, материальные затраты на тиражирование источников.

Ранжирование причин в целом недостаточного внимания педагогов к обучению школьников приемам анализа исторических источников, анализ группировки причин в ответах учителей приводят к следующей *модели организации массовой практики преподавания предмета*: перегруженность учителя не оставляет времени на качественную подготовку подобных уроков; для подготовки уроков с использованием исторических источников требуется значительное время, поскольку подборки источников и вопросов к ним в учебниках (по оценкам учителей) не всегда позволяют организовать такой урок; в результате учитель отказывается от данного вида работы на уроке. Большая доля учеников имеют недостаточный уровень истори-

При этом каждый восьмой учитель почти не учит школьников работе с историческими источниками, а еще примерно треть учителей используют источники на одном из 5–10 уроков.

ческой подготовки, а содержание школьного курса перегружено историческим материалом, и это — дополнительные аргументы в пользу отказа от работы с источниками, проведение которой требует значительного времени. В результате работа с источниками проводится нерегулярно, несистемно и является для учеников либо трудной, либо неинтересной. Дополнительным аргументом отказа от работы с источниками становится формат заданий ЕГЭ и ОГЭ, не требующих особых умений, кроме умения извлекать явную информацию из источника («читать» источник), да и ЕГЭ сдают лишь около 20% школьников. По этой причине работа с историческими источниками (даже при понимании учителями ее значимости) является сегодня далеко не приоритетным видом учебно-познавательной деятельности на уроке.

5. Ответы учителей фиксируют наличие *дефицитов профессиональной подготовки*, препятствующих эффективной работе по обучению школьников критическому анализу источников: 28,24% испытывают затруднения в построении программы развития умений работать с источниками по классам, определении требуемого уровня их сформированности, поскольку нормативная база и школьные учебники истории часто меняются; 30,09% нуждаются в повышении квалификации по вопросам организации исследовательской деятельности школьников, работе с новыми для школы историческими источниками (открытками, фильмами, песнями и др.).

Оценка учителями уровня сформированности у учеников 9-х и 11-х классов умений работать с историческими источниками.

В анкету были включены познавательные задания, ориентированные на выявление школьниками отдельных умений критического анализа источников, а педагогам предлагалось указать примерный процент учеников, способных выполнить такие задания.

1. По оценкам педагогов, число учеников, способных извлекать информацию из источников, невелико: о том, что половина и более их учеников способны извлечь информацию из письменного источника, заявили 36,12% участников исследования, из визуальных — 37,97%, устных — 31,02%, вещественных — 21,3%. Иными словами, у 60–80% учителей, по их собственным оценкам, извлекать информацию из источников способны менее половины учеников

(рис. 4). Показательно, что письменные источники используются на уроках значительно чаще других, но ученики работают с ними хуже, чем с визуальными;

Доля учеников, способных извлечь информацию из источника, количество ответов

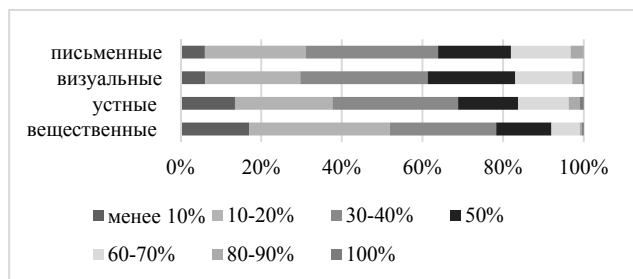

Рис. 4. Оценка учителями способностей учеников анализировать разные типы исторических источников

2. Процедуры критического анализа исторических источников, по оценкам учителей, вполне ожидаемо освоены еще меньшим числом учеников (см. рис. 4). Доля педагогов, заявивших, что 50 и более процентов их учеников способны критически проанализировать письменные и вещественные источники, составила 14,36%, визуальные – 15,28%, устные – 15,74%. Практически идентичные цифры по всем типам источников – и широко представленным на уроках истории письменным, и почти отсутствующим вещественным и устным – выступают косвенным подтверждением вывода об отсутствии в массовой практике обучения целенаправленной и эффективной работы по обучению школьников работе с разными типами источников.

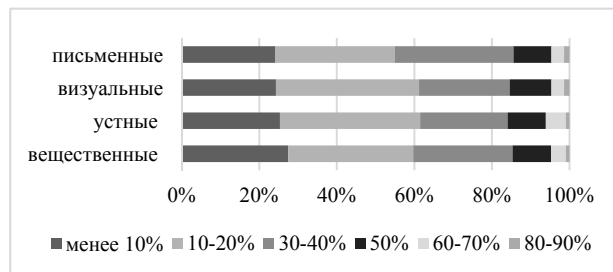
Сопоставим полученные данные с оценкой педагогами способностей их учеников к решению конкретных заданий по историческим источникам, предполагающих осуществление различных познавательных процедур.

Учителям было предложено указать примерный процент выпускников 9-х и 11-х классов, которые способны выполнить такие задания по источникам.

№ 1. Определите вид письменного исторического источника (приводится фрагмент «Русской правды» в краткой редакции и следующие варианты ответов: летопись «Повесть временных лет»; законодательный

особенно трудно ученикам работать с вещественными источниками, но они и крайне редко представлены на уроках.

Доля учеников, способных критически проанализировать информацию из источника, количество ответов

акт «Русская Правда; источник личного происхождения «Поучение Владимира Мономаха»; публицистика «Письмо Ивана Грозного Андрею Курбскому»).

№ 2. На основе представленной подборки советских поздравительных открыток историк может утверждать, что (приводятся подборка новогодних поздравительных открыток 80-х гг. XX в., на которых Дед Мороз изображен строителем БАМа, мальчиком-космонавтом, и следующие утверждения: к Новому году выпускались поздравительные открытки, «рассказывающие» о достижениях Советской страны, что профессии железнодорожника и космонавта были в СССР самыми престижными, Новый год в СССР – это, прежде всего, детский праздник, в каждой советской семье на Новый год наряжали елку)...

№ 3. Проанализируйте диаграмму. Какие выводы можно сделать на основе представленных данных? Укажите два верных суждения (приводится диаграмма-график «Потребление хлопка хлопчатобумажной промышленностью Российской империи в конце XIX – начале XX в., тыс. пудов» и пять суждений).

3. Педагогами отмечена позитивная динамика в освоении процедур анализа исторических источников учениками 11-х классов в сравнении с девятиклассниками (рис. 5): доминирующие оценки способностей учеников 9-х классов – 30–40%, 11-х – 60–70 и 80–90%.

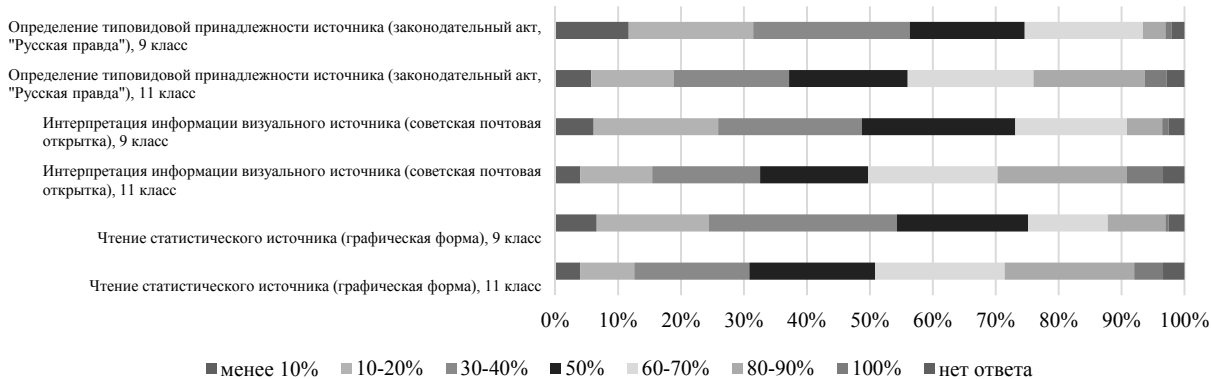

Рис. 5. Доля выпускников 9-х и 11-х классов, освоивших умения анализа источников, % ответов от числа педагогов, имеющих опыт работы в данном классе

Наиболее успешно, по мнению учителей, девятиклассники способны выполнить задание на интерпретацию информации визуального источника, а выпускники средней школы – на извлечение информации из статистического источника. Задание на определение по тексту «Русской правды», представленной во всех школьных учебниках истории России, маркировано учителями как самое трудное. Следовательно, анализ не сплошных текстов для современных школьников представляет более легкую задачу в сравнении с анализом традиционного сплошного текста письменного исторического источника.

4. Уточнить выводы о проблемах, возникающих у школьников, позволяют экспертные оценки педагогами степени успешности выполнения выпускниками 11-х классов блоков заданий к фрагменту «Повести временных лет» и картине Серова «Петр I» (рис. 6), нацеливающих учеников на комплексный анализ источника.

Приведем эти задания (с указанием проверяемых умений).

№ 4. Прочтите фрагмент исторического источника и выполните задания. (фрагмент «Повести временных лет о расселении славян и пути «из варяг в греки»).

А. К какому виду источников относится данный текст? (*определение по тексту вида письменного источника*).

Б. Назовите все природно-географические объекты, упомянутые в тексте (*«чтение» письменного источника: извлечение явных фактов*).

В. Что знает автор текста о сторонах света и ориентирах на поверхности Земли? Подтвердите свои выводы фактами из источника (*«чтение» письменного источника: извлечение явных и скрытых (неочевидных) фактов*).

Г. Что знает автор текста о городах, странах и народах мира? Подтвердите свои выводы фактами из источника (*«чтение» письменного источника: извлечение явных и скрытых (неочевидных) фактов*).

Д. Как в пространственных представлениях автора отразилось христианское мировосприятие? Подтвердите свои выводы фактами из источника (*комментирование письменного исторического источника – вписывание установленных исторических фактов в событийный и мировоззренческий контекст эпохи, в которую он был создан, и в личную биографию автора*).

№ 5. Рассмотрите картину В.А. Серова «Петр I» и выполните задания (репродукция картины В.А. Серова «Петр I»).

А. Каким человеком В.А. Серов хотел показать Петра I? (*«чтение» информации визуального источника (образ прошлого)*).

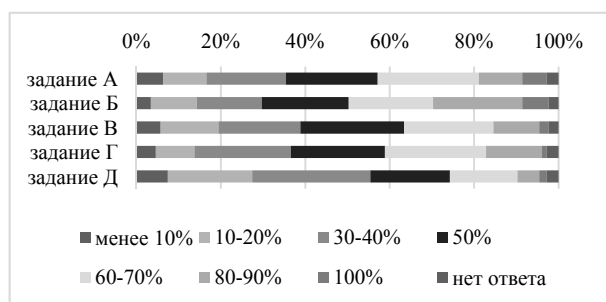
Б. Как В.А. Серов оценивает роль Петра I и значение его реформ в истории России? Каким образом автор помогает зрителю почувствовать и увидеть это отношение к Петру и его реформам? (*«чтение» информации визуального источника (позиция автора), в том числе анализ средств художественной выразительности*).

В. Предположите, почему в начале XX в. В.А. Серов предложил именно такую оценку Петра I и его деятельности? (*комментирование визуального исторического источника*).

Г. Проверьте свою гипотезу, обратившись к сайту http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/serov_master.php (*поиск дополнительных исторических источников и (или) внештатной информации для проверки гипотезы*).

Д. Согласны ли вы с мнением художника? Своё мнение аргументируйте (*интерпретация визуального исторического источника*).

Задания к «Повести временных лет», % ответов

Задания к исторической картине, % ответов

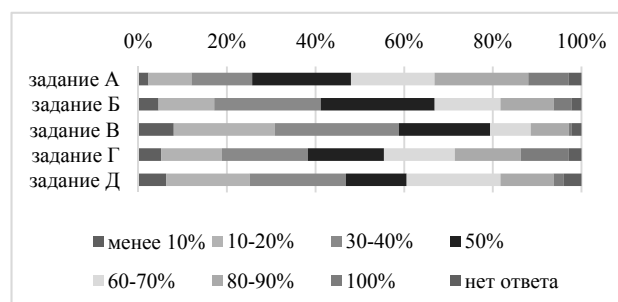

Рис. 6. Доля выпускников 11-х классов, способных выполнить комплексный анализ письменного и визуального источников

Ответы участников исследования демонстрируют способность педагогов интуитивно ранжировать задания по уровню трудности, причем не только и не столько в зависимости от их исторического содержания, сколько от сложности тех процедур, которые предстоит выполнить ученику при работе с текстом. Почти 2/3 педагогов (61,73%) заявили, что более половины их учеников способны по тексту «Повести временных лет» определить вид источника (задание А). Показательно, что этот результат почти идентичен экспертной оценке учителями успешности вы-

полнения учениками задания № 1 на определение по тексту «Русской правды» вида источника (64,87%). Осуществить процедуру «чтения» (задания Б, В и Г) – извлечения явной и (или) неочевидной (скрытой) исторической информации, – по мнению 2/3 учителей, смогут более 50% учеников. Прокомментировать источник, опираясь на контекстные знания (задание Д), по оценкам более чем половины учителей, смогут выполнить менее 40% учеников.

В группе заданий к «Повести временных лет» прослеживается явная связь оценок педагогами степени

успешности выполнения познавательного задания и уровней читательской грамотности, выделенных Г.А. Цукерман [22], на которые задание ориентировано. Так, задание Б, предлагающее ученикам продемонстрировать умение находить и извлекать информацию, соответствующее 2–3-му уровням читательской грамотности, педагоги оценили как более доступное школьникам, чем задание Г, где данное умение нужно продемонстрировать в связке с умением интегрировать и интерпретировать сообщения текста, соответствующим 4-му уровню читательской грамотности. Задание Д маркировано как самое сложное в данной группе, что вполне закономерно, поскольку требует применения группы читательских умений, соответствующих более высоким 5–6-му уровням читательской грамотности.

Задания по картине В.А. Серова «Петр I» стали основой для оценивания педагогами способностей учеников анализировать произведение искусства как исторический текст. Как и в случае с письменным источником, наиболее успешно, по мнению учителей, школьники выполняют задание на «чтение» визуального текста (описание части картины подобно выборочному чтению текста), продемонстрировав умение извлекать информацию. Почти идентичными оказались и результаты выполнения заданий на комментирование письменного и визуального источников (задания № 4 (Д) и 5 (В)).

Выводы. Анализ методической литературы обнаруживает высокий интерес отечественных и зарубежных исследователей к вопросам обучения школьников работе с разнообразными источниками как базового умения, позволяющего самостоятельно познавать прошлое, мыслить исторически и критически анализировать историческую информацию, представленную во всевозможных исторических текстах. Разнообразные методические модели анализа исторических источников учениками базируются на подходах и процедурах работы с источниками, утвердившихся в современной исторической науке, а также ориентированы на развитие у учащихся метапредметных умений и функциональной грамотности.

Анализ организационного аспекта обучения школьников работе с источниками позволил выявить, что все участники исследования, по их утверждениям, используют в своей практике исторические источники. Значительно чаще других на уроках привлекаются письменные источники. Абсолютное большинство учителей организуют работу с источниками вне какой-либо системы и последовательности и не чаще одного-двух раз в четверть.

В ходе исследования был установлен комплекс причин, препятствующих организации педагогами продуктивной работы школьников с историческими источниками. Наряду с ожидаемыми причинами, связанными с перегруженностью работой (большая аудиторная нагрузка, дополнительные обязанности), большим объемом исторического материала, не оставляющим времени на уроке на развитие умений, были установлены причины, возникшие из-за недостаточной разработанности качественного дидактического инструментария, помогающего учителю в

организации такой работы, – лишь треть учителей удовлетворены качеством подборки источников и вопросов к ним в новых школьных учебниках. Перспективы совершенствования учебной литературы по истории, особенно для 9–11-х классов, должны быть связаны с включением комплексов исторических источников по темам, с включением в методический аппарат учебников познавательных заданий и задач не только к письменным, но и к визуальным источникам, алгоритмов работы с вещественными и устными. В программах курсов уместно предусмотреть лабораторные работы по истории (уроки-исследования), закрепив за ними учебное время. Поскольку почти треть учителей указали на недостаточный уровень подготовленности учеников к работе с источниками, для успешного обучения школьников посредством применения на практике формирующего оценивания важно, чтобы познавательные задания и задачи на основе источников были разноуровневыми, сконструированными на основе системы познавательных процедур и представлены в учебниках в логике их освоения школьниками.

Фиксация педагогами своих затруднений при проектировании программы развития умений работать с историческими источниками по годам обучения обусловлена не только квалификацией педагогов, но и фрагментарной изученностью этой проблемы в науке: нужны специальные педагогические исследования с целью определения реально достижимого уровня овладения этими умениями при изучении конкретного курса истории учениками определенного возраста и с различной исторической подготовкой. Данные исследования помогут определить реалистичные нормативные требования к результатам изучения предмета по классам, обоснованно проектировать учебную деятельность школьников, создать качественные контрольно-измерительные материалы.

Анализ мнений педагогов об эффективности их собственной практики использования исторических источников осуществлялся посредством изучения предложенных ими оценок успешности своих учеников в выполнении конкретных заданий к историческим источникам, проверяющим базовые процедуры исторического познания. В целом учителя фиксируют низкий уровень освоения учениками базовых процедур анализа исторических источников: в 60–80% классов в российских школах умением «читать» источники (извлекать явную и неочевидную информацию) овладели менее половины учеников. Данная экспертная оценка не противоречит результатам ЕГЭ по истории как экзамена по выбору, который сдают самые подготовленные ученики: в 2020 г. задания на атрибуцию и извлечение информации из письменных источников выполнены в интервале 47,0–59,4%, за исключением задания на выписывание из текста сведений, представленных в явном виде (72,8%) [23. С. 25–27]. Такой результат косвенно подтверждает отсутствие систематической и последовательной работы с источниками в практике большинства российских педагогов.

Сопоставление экспертных оценок учителей обнаруживает, что современные школьники более успешно работают с несплошными историческими текстами

в сравнении с анализом сплошного текста письменного исторического источника. Данный факт нуждается в дальнейшем уточнении. Возможно, он обусловлен недостаточным овладением школьниками базовыми умениями читательской грамотности, традиционно формируемыми учителями начальных классов, русского языка и литературы, и ученики затрудняются их применять при работе с минимально адаптированными и ввиду этого изначально сложными текстами письменных исторических источников. Возможно, пришло время пересмотреть логику обучения школьников работе с источниками: обучать базовым процедурам анализа исторических источников одновременно на основе визуальных и письменных источников, увеличив долю заданий к визуальным источникам уже на ранних этапах изучения предмета, а затем наращивать присутствие письменных источников различных видов (с учетом хронологической последовательности их появления в культуре).

Учительские оценки выполнения школьниками познавательных заданий вскрыли серьезную проблему современной практики преподавания истории: овладение умениями работать с историческими источниками ограничивается для подавляющего большинства учеников этапом их «чтения»; задания на комментирование исторического источника, когда ученик, опираясь на знание контекста, начинает понимать прошлое, мыслить исторически, по оценкам трети учителей, способны выполнить не более 20% учеников, еще четверть указали интервал в 30–40%. Иными словами, при работе с источниками крайне не эффективно решаются задачи усвоения деятельностной и ценностной составляющих учебного исторического познания, что в конечном итоге затрудняет достижение учениками не только предметных результатов, но и решение тех сложных задач повышения качества образования, которые стоят сегодня перед российским образованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлытина О.М. Организация работы старшеклассников с историческими источниками: от овладения умениями к познанию прошлого // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 367–373.
2. Дайри Н.Г. Обучение истории в старших классах средней школы. М. : Просвещение, 1966. 438 с.
3. Лернер И.Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории. М. : Просвещение, 1982. 191 с.
4. Методика обучения истории в средней школе : в 2 ч. / отв. ред. Ф.П. Коровкин. М. : Просвещение, 1978. Ч. 1. 287 с.
5. Курилла И.И. История, или Прошлое в настоящем. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 168 с.
6. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014. 576 с.
7. Исторические источники в исследовательской и образовательной практике / под ред. О.М. Хлытиной, В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2011. 288 с.
8. Hallden O. Teaching and Learning in History / ed. by C. Stainton, G. Leinhardt, I. Beck. New York : Routledge, 1994. 278 с.
9. Downey M., Long K. Teaching for Historical Literacy. New York : Routledge, 2016. 206 с.
10. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческая наука и ожидания общества // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 134–149.
11. Иванова Е.О., Осмоловская И.М. Теория обучения в информационном обществе. М. : Просвещение, 2011. 190 с.
12. Approaching Historical Sources in their Contexts / ed. by S. Barber, C. Peniston-Bird. London : Routledge, 2020. 260 с.
13. Britt M.A., Perfetti C.A., Van Dyke J.A., Gabrys G. The Sourcerer's Apprentice: A Tool for Document-Supported Instruction // Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspectives / ed. by P.N. Stearns, P. Seixas, S. Wineburg. New York : New York University Press, 2000. С. 437–470.
14. Reisman A. Reading Like a Historian: A Document-Based History Curriculum Intervention in Urban High Schools // Cognition and Instruction. 2012. № 30. С. 86–112.
15. Визуальные образы прошлого: новые стратегии использования в образовательной и исследовательской практике / под ред. В.А. Зверева, О.М. Хлытиной. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 180 с.
16. Исторические источники в преподавании истории в школе и вузе: современные исследовательские подходы / под ред. В.А. Зверева, О.М. Хлытиной. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. 148 с.
17. Троицкий Ю.Л. «Понимание» как образовательная технология // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 1. С. 66–72.
18. Алексашкина Л.Н. Преподавание истории в школе: от педагогического проекта к практике : пособие для учителя. М. : Русское слово – учебник, 2018. 272 с.
19. Стрелова О.Ю., Вяземский Е.Е. Учебник истории: старт в новый век : пособие для учителя. М. : Просвещение, 2006. 143 с.
20. Хлытина О.М. Методологический компонент учебного исторического познания на старшей ступени школы // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 9. С. 209–219.
21. Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения Talis-2018 (Teaching and Learning International Survey). Ч. 1: Непрерывное обучение учителей и директоров школ. М. : Рособнадзор, 2019. 41 с. URL: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/TALIS/Национальный%20отчет%20TALIS-2018.pdf> (дата обращения: 02.10.2020).
22. Пукерман Г.А. Оценка читательской грамотности. Материалы к обсуждению. М. : PAO, 2010. 67 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561931/PISA2009.pdf> (дата обращения: 02.10.2020).
23. Артасов И.А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2020 года по истории. М. : ФИПИ, 2020. 27 с. URL: http://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2020/Istoriya_mr_2020.pdf (дата обращения: 02.10.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 29 января 2021 г.

The Efficiency of the Modern Practice of Teaching the Critical Analysis of Historical Sources in Russian Teachers' Self-Assessments

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 226–235.

DOI: 10.17223/15617793/468/26

Olga M. Khlytina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: khlytina@mail.ru

Keywords: historical source; critical thinking; history teaching; history learning; history teacher; functional literacy.

The article summarizes the results of an Internet survey of history teachers, in which 216 teachers from 31 regions of Russia took part. The author considers the development of the subject-oriented ability to work with historical sources in the context of the devel-

opment of schoolchildren's functional literacy as a priority task of the modern Russian school. The aim of the study is to characterize the methodological ways of teaching schoolchildren the methods of analyzing historical sources dominant in teachers' work based on expert teachers' assessments of how well graduates of the 9th and 11th grades mastered the ability to critically analyze historical sources, identify their effectiveness, suggest options for improving mass teaching practice. The analysis of literature has shown that the ability to analyze historical sources is interpreted as the basis for the development of historical and critical thinking, a person's ability to independently cognize the past. Methodological science has substantiated various models of student analysis of historical sources based on the methodology of modern historical science and focused on the development of schoolchildren's subject and metaskills, functional literacy. At the same time, the results of the survey indicate that the vast majority of the teachers organize work with sources outside any system and sequence, and no more than once or twice during the term. Explaining the reasons for this, the teachers point to work overload, lack of high-quality didactic support of courses, and a low level of student learning. They also say they need advanced training in teaching schoolchildren to work with historical sources. The teachers note the low level of their students' mastery of the basic procedures for analyzing historical sources: according to the teachers' assessments, in 60–80% of classes in Russian schools, less than half of the students mastered the basic ability to “read” sources (extract explicit and implicit information). According to a third of the teachers, no more than 20% of their students are able to complete tasks on commenting on a historical source when a student, relying on knowledge of the context, begins to understand the past, think as historians think. Another quarter of the teachers indicated an interval of 30–40%. When working with sources, the dominant feature is the formation of historical knowledge, and the tasks of the students' learning the activity- and value-based components of educational historical knowledge are not solved effectively enough, which ultimately makes it difficult for students to achieve results in the subject and complicates the solution of the complex tasks of improving the quality of education that Russian education is faced with today.

REFERENCES

1. Khlytina, O.M. (2011) Organization of senior pupils work with historical sources: from mastering skills to knowledge of the past. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3 (61). pp. 367–373. (In Russian).
2. Dayri, N.G. (1966) *Obuchenie istorii v starshikh klassakh sredney shkoly* [Teaching History in High School]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Lerner, I.Ya. (1982) *Razvitiye myshleniya uchashchikhsya v protsesse obucheniya istorii* [Development of Students' Thinking in the Process of Teaching History]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Korovkin, F.P. (ed.) (1978) *Metodika obucheniya istorii v sredney shkole* [Methodology of Teaching History in High School]. Pt. 1. Moscow: Prosveshchenie.
5. Kurilla, I.I. (2018) *Istoriya, ili Proshloe v nastoyashchem* [History, or the Past in the Present]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
6. Chubar'yan, A.O. (ed.) (2014) *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological dictionary]. Moscow: Akvilon.
7. Khlytina, O.M. & Zverev, V.A. (eds) (2011) *Istoricheskie istochniki v issledovatel'skoy i obrazovatel'noy praktike* [Historical Sources in Research and Educational Practice]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
8. Halliden, O. (1994) *Teaching and Learning in History*. New York: Routledge.
9. Downey, M. & Long, K. (2016) *Teaching for Historical Literacy*. New York: Routledge.
10. Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (2009) The science of history and expectations of society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 134–149. (In Russian).
11. Ivanova, E.O. & Osmolovskaya, I.M. (2011) *Teoriya obucheniya v informatsionnom obshchestve* [Teaching Theory in the Information Society]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Barber, S. & Peniston-Bird, C. (eds) (2020) *Approaching Historical Sources in their Contexts*. London: Routledge.
13. Britt, M.A. et al. (2000) The Sourcerer's Apprentice: A Tool for Document-Supported Instruction. In: Stearns, P.N., Seixas, P. & Wineburg, S. (eds) *Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspectives*. New York: New York University Press. pp. 437–470.
14. Reisman, A. (2012) Reading Like a Historian: A Document-Based History Curriculum Intervention in Urban High Schools. *Cognition and Instruction*. 30. pp. 86–112.
15. Zverev, V.A. & Khlytina, O.M. (eds) (2014) *Vizual'nye obrazy proshlogo: novye strategii ispol'zovaniya v obrazovatel'noy i issledovatel'skoy praktike* [Visual Images of the Past: New strategies for use in educational and research practice]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
16. Zverev, V.A. & Khlytina, O.M. (eds) (2013) *Istoricheskie istochniki v prepodavanii istorii v shkole i vuze: sovremennye issledovatel'skie podkhody* [Historical Sources in Teaching History at School and University: Modern research approaches]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
17. Troitskiy, Yu.L. (2012) “Ponimanie” kak obrazovatel'naya tekhnologiya [“Understanding” as an educational technology]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta – Universum: Bulletin of the Herzen University*. 1. pp. 66–72.
18. Aleksashkina, L.N. (2018) *Prepodavanie istorii v shkole: ot pedagogicheskogo proekta k praktike: posobie dlya uchitelya* [Teaching History at School: From Pedagogical Project to Practice: A Teacher's Guide]. Moscow: Russkoe slovo.
19. Strelova, O.Yu. & Vyazemskiy, E.E. (2006) *Uchebnik istorii: start v novyy vek* [History Textbook: Start into a new century]. Moscow: Prosveshchenie.
20. Khlytina, O.M. (2010) Metodologicheskii komponent uchebnogo istoricheskogo poznaniya na starshey stupeni shkoly [Methodological component of educational historical knowledge at the senior stage of school]. *Sibirskiy pedagogicheskoy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 9. pp. 209–219.
21. TALIS. (2019) *Otchet po rezul'tatam mezhdunarodnogo issledovaniya uchitel'skogo korpusa po voprosam prepodavaniya i obucheniya Talis-2018 (Teaching and Learning International Survey)*. Ch. 1: *Nepreryvnoe obuchenie uchitelei i direktorov shkol* [Report on the results of the international research of the teaching staff on teaching and learning Talis-2018 (Teaching and Learning International Survey). Part 1: Continuous education of teachers and school principals]. Moscow: Rosobrnadzor. [Online]. Available from: http://ricoko.ru/wp-content/uploads/2020/03/24.03/TALIS-2018_%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%202.pdf. (Accessed: 02.10.2020).
22. Tsukerman, G.A. (2010) *Osenka chitatel'skoy gramotnosti. Materialy k obsuzhdeniyu* [Reading Literacy Assessment. Materials for discussion]. Moscow: RAO. [Online]. Available from: <https://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561931/PISA2009.pdf>. (Accessed: 02.10.2020).
23. Artasov, I.A. (2020) *Metodicheskie rekomendatsii dlya uchiteley, podgotovlennye na osnove analiza tipichnykh oshibok uchastnikov EGE 2020 goda po istorii* [Methodological recommendations for teachers, prepared on the basis of an analysis of the typical mistakes of the 2020 Unified State Exam in History participants]. Moscow: FIPI. [Online]. Available from: http://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2020/Istoriya_mr_2020.pdf. (Accessed: 02.10.2020).

Received: 29 January 2021

ПРАВО

УДК 343.237

Ю.С. Караваева

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ СТАТУСНО-РОЛЕВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО И ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ТЕНДЕНЦИИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Предпринята попытка критического осмысления результатов уголовно-правового законотворчества за период 2018–2020 гг. посредством анализа вновь появившихся специальных норм, описывающих составы преступлений с использованием статусно-ролевых признаков виновного и (или) потерпевшего. Указанные нормы выполняют задачу дифференциации ответственности, одновременно их появление свидетельствует о продолжающейся специализации уголовного закона, по мнению автора, приобретшей характер избыточный

Ключевые слова: статусно-ролевое положение личности; дифференциация ответственности; специальная норма; специализация уголовного закона.

Динамика изменений, вносимых в нормы действующего уголовного закона, на протяжении продолжительного времени остается предметом активной научной критики [1]. Вместе с тем это не мешает криминализации и пенализации общественно опасных деяний оставаться устойчивыми тенденциями современной российской уголовной политики. Простой арифметический подсчет показывает, что в 2018–2019 гг. редакция Уголовного кодекса обновлялась не реже чем 11 раз в год, а в 2020 г. – 10 раз, однако изменений при этом было внесено не менее 15.

К рискам столь интенсивного законотворчества в литературе относят прежде всего снижение эффективности уголовно-правового противодействия преступности, поскольку, с одной стороны, уголовное законодательство воспринимается и правоприменителем, и населением как нестабильное, конъюнктурное, ситуативное [1]. С другой стороны, низкое качество нововведений затрудняет или делает невозможным их применение на практике. В данном случае имеется в виду как отсутствие достаточных социальных оснований для осуществляемых изменений [2], так и сомнительный уровень законодательной техники предлагаемых уголовно-правовых норм [3].

Сложно говорить о том, что активная законодательная деятельность позволяет судить о смене приоритетов уголовной политики государства, поскольку приоритеты обладают качеством долговременности и рассчитаны на более длительные периоды, чем один-полтора месяца, в среднем фактически имеющим место между новыми редакциями Кодекса. Более того, «высокая частота изменений и дополнений может свидетельствовать только об отсутствии ясного представления о том, каким именно должен быть уголовный закон как средство проведения в жизнь государственной уголовной политики» [4]. Однако анализ новелл уголовного закона за последние три года как результата криминализации общественно опасных деяний позволяет с уверенностью говорить о сохранении тенденции его специализации. Действительно, за период 2018–2020 гг. появилось 11 специальных норм, закрепляющих признаки основных составов преступлений, совершение которых возможно лицом с определенным статусно-ролевым положением, и 3 нор-

мы, в которых указанный признак субъекта имеет значение квалифицирующего.

Нельзя назвать внушительным количество исследований в отечественной науке, посвященных вопросам специализации закона, и уголовного закона в частности. Среди них одно из ключевых мест занимает работа Н.И. Сенякина, в которой специализацию российского законодательства автор рассматривает как «объективную тенденцию его развития, отражающую идентичный прогрессивный процесс в различных социальных сферах нашего общества и направленную на учет особенностей, специфики и многогранности внутрифедеративных общественных отношений, урегулирование которых осуществляется определенным комплексом юридических предписаний и нормативных актов» [5. С. 6]. В данном случае речь идет об отраслевой специализации, «непосредственным результатом» которой является «структура права» [6]. Однако процесс специализации может иметь место и в рамках отдельно взятой отрасли, когда его «правовой основой» становится «совокупность» специальных норм [5. С. 14]. Связывая специализацию закона с особенностями юридической техники, Е.Г. Потапенко указывает на ее направленность на «...создание специальных норм, т.е. норм, содержащих особенное правило в отношении отдельной группы правоотношений» [7]. Необходимость в их появлении обусловлена тем фактом, что «развитие общественных отношений объективно требует усложнения регулятивного воздействия на них, учета множества ранее нерегламентированных их вариантов, многообразия жизненных ситуаций» [7].

Применительно к уголовному закону в основе его специализации лежат объективные изменения общественной опасности деяния и (или) деятеля за счет тех или иных признаков, что констатируется законодателем посредством криминализации и пенализации в рамках дифференциации ответственности. Очевидно, что при отсутствии избыточности или «неоправданности» [5. С. 22] специализации закона создаются необходимые нормативные предпосылки для эффективного выполнения задач уголовно-правовой охраны и предупреждения преступлений,

обозначенных в ч. 1 ст. 2 УК РФ. К примеру, преступления должностных лиц против правосудия, включенные в Главу 31 УК РФ, являются «специальными видами должностных преступлений» [8. С. 6]. Обоснованность дифференцированного подхода законодателя к их регламентации принято связывать с «учетом удвоенной общественной опасности преступлений, совершаемых судьями, прокурорами и следователями» [8. С. 6], что, по мысли В.Н. Боркова, лежит в основе решения «вопросов совершенствования уголовно-правовой охраны отношений в сфере судопроизводства» [8. С. 6].

Вопрос о формах специализации остается дискуссионным, но на основе авторских позиций однозначно к таковым следует отнести дифференциацию правового регулирования [5. С. 7; 7; 9. С. 53]; относительно конкретизации и детализации единогласия не достигнуто, поскольку некоторые ученые рассматривают их в качестве «методов специализации» [7], «способов правотворчества» [10, 11]. Мы полагаем, что речь все же идет о формах специализации, а к способам правотворчества или к приемам законодательной техники как к «технологии» изготовления юридических норм» [12], в частности, следует отнести абстрактный и казуистический приемы.

Отмечается, что при дифференциации закона могут создаваться нормы как специальные, так и дублирующие основную, тогда как при конкретизации – только специальные [7]. Принципиальная разница между этими формами специализации заключается в том, что в последнем случае специальная норма, являясь конкретизирующей, соотносится с конкретизируемой как «общее» и «особенное» [10]. При этом конкретизация «подлежит лишь те предписания права, которые не выражены в эмпирически фиксируемых признаках проступков и событий и, следовательно, не могут быть непосредственно воплощены в поведении» [10]. Отсюда к примерам конкретизации как форме специализации уголовного закона можно отнести ч. 1 ст. 6 УК РФ, устанавливающую необходимость назначения справедливого наказания в качестве уголовно-правового принципа, и ст. 60–72.1 УК РФ, содержащие конкретные правила назначения наказания во исполнение данного принципа.

В науке уголовного права появление специальных норм связывается с дифференциацией ответственности, в рамках которой «новый состав формулируется более узко, в него вводятся дополнительные, конкретизирующие и уточняющие признаки состава преступления» и «изменяется и санкция, типовое наказание, следующее за совершение преступления, оцененного по специальному, а не по основному составу преступления» [13. С. 83]. Иными словами, специальные нормы Особенной части уголовного закона отражают процесс его специализации, протекающий в форме дифференциации, в основе которой лежит стремление законодателя дифференцировать меры ответственности с учетом объективного изменения степени и характера типовой общественной опасности деяния и деятеля. Единственным исключением можно назвать ст. 332–352 УК РФ, которые конкретизируют положения ч. 1 ст. 331 УК РФ,

устанавливающие понятие преступлений против военной службы.

Отметим, что как результат дифференциации специальные нормы можно обнаружить и в Общей части УК РФ, например в ст. 76.1 УК РФ, рассчитанной на применение к определенному кругу лиц, выделяемых по виду совершенного деяния.

С учетом изложенного, с одной стороны, специальные нормы уголовного закона отражают процесс его специализации, протекающий, как правило, в форме дифференциации правового регулирования. С другой – являются результатом дифференцированного подхода законодателя к определению меры ответственности за те или иные преступления посредством криминализации признака (признаков), изменяющего типовую степень общественной опасности. Представляется, что никакого противоречия в данном случае нет. Действительно, если специализация характеризует технико-юридическую деятельность по оформлению объективно усложняющихся общественных отношений, то логика появления специальных норм в Особенной части уголовного закона такова: как и в любом другом случае криминализации деяния и последующему появлению специальной нормы предшествует установление социально-криминологических оснований – объективно общественно опасного деяния, которое должно быть «более или менее распространенным» [14]. В случае со специальными нормами констатируется, что, несмотря на установление уголовной ответственности за деяние, однородное, но не тождественное выявленному, общественная опасность второго существенно отличается от типовой за счет появления некоторого «дополнительного» признака в его составе. В этот момент следует постановка вопроса о необходимости криминализации указанного деяния, и Особенная часть кодекса обогащается еще одной специальной нормой. Из этого следует, что объективный характер специализации уголовного закона предопределяется объективными процессами усложнения форм и характером общественных взаимодействий, вызвавших необходимость в дифференциации его норм с целью отражения изменившейся типовой общественной опасности деяния и (или) деятеля посредством дифференциации ответственности.

Поскольку процесс усложнения социальной организации, а значит, и дальнейшая дифференциация закона являются постоянными и в целом довольно интенсивными, вполне обоснованно придавать специализации уголовного закона характер тенденции его развития. Этот же вывод следует из выявленной взаимосвязи между специализацией и дифференциацией ответственности, поскольку «дифференциация уголовной ответственности является одним из ключевых направлений современного развития уголовного законодательства и уголовно-правовой политики в целом» [15].

Приведенное утверждение, по мысли Н.И. Сенякина, само по себе не должно вызывать возражений до тех пор, пока «естественная» или объективно обусловленная специализация не перерастает в «необоснованную» или «неоправданную». Одним из показателей ее, как представляется, вполне возможно считать чрезмерное использование казуистического

«технического приема» [12] при конструировании законодательных норм со всеми вытекающими последствиями в виде их «мертворожденного» характера, дублирования уже действующих положений. Особенность данного метода заключается в приведении в диспозиции статьи «...полного (по мнению законодателя) перечня видов возможного преступного поведения либо фактические обстоятельства даются путём указания на конкретные, индивидуальные признаки» [16]. Использование казуистического приема обусловлено «степенью изменчивости и подвижности общественных отношений», когда «стабильным отношениям больше соответствуют конкретные диспозиции, преобладание конкретизирующих и детализирующих норм, в описании которых наряду с отдельными родовыми признаками состава преступления содержатся признаки единичного преступления» [12].

Анализируя работы дореволюционных ученых, С.В. Липень подчеркивает, что еще во второй половине XIX в. отмечалась «казуистичность российских законов, их ненаучность...» [17]. С учетом изменений Особенной части уголовного закона в последние годы складывается ощущение, что ситуация принципиально не изменилась, поскольку по-прежнему авторы отмечают его «избыточную казуализацию» [18], «излишнюю казуистичность» [1], причем как в отношении уголовного закона в целом, так и применительно к отдельным его структурным частям. Характерно, что наиболее часто упоминается в этом смысле Глава 22 УК РФ, содержащая нормы об экономических преступлениях. В частности, О.Г. Соловьев отмечает «...постепенную казуификацию (при этом не всегда оправданную с точки зрения требований юридической техники) диспозиций норм о преступлениях в сфере экономической деятельности – чем позднее введена в УК статья, тем более казуистично она изложена» [16]. Н.А. Лопашенко и коллектив авторов, обосновывая свое видение теоретической модели структуры Особенной части УК РФ, ссылаются на аналогичные позиции ряда ученых [19].

Определение действующего уголовного закона как казуистичного позволяет не только сделать вывод о «недостаточной юридической культуре» [20] законодателя, но и спрогнозировать правоприменительный эффект: «на практике происходит парадоксальная ситуация: чем сложнее и многословнее описана диспозиция конкретной нормы гл. 22 УК РФ, тем реже эта норма применяется либо вообще не применяется; чем более казуистичными становятся нормы этой главы, тем меньше экономических преступников привлекается к уголовной ответственности» [21].

Вместе с тем, появление специальных норм в уголовном законе так или иначе предполагает использование казуистического приема законодательной техники, что при отсутствии признаков чрезмерности однозначно свидетельствовать об избыточности специализации не может.

Анализ Особенной части УК РФ показывает, что одним из наиболее распространенных признаков, влияющих на изменение типовой общественной опасности деятеля и (или) деяния, закрепленных в специальных нормах, выступает статусно-ролевое положе-

ние виновного, имеющее значение специального признака субъекта [22. С. 10]. Это вполне соответствует идее о том, что «в качестве одного из оснований дифференциации ответственности выступают различия типовых характеристик лиц, совершающих преступные деяния, влияние которых на ответственность определено в законе» [15]. Вместе с тем в ряде норм дифференцирующее ответственность значение приобретают статусно-ролевые признаки потерпевшего – речь идет, например, о посягательствах на представителей правоохранительных органов (ст. 295–296, 298.1 УК РФ), представителей власти (ст. 317–320 УК РФ).

Так, если в первой редакции УК РФ 1996 г. количество составов со специальным субъектом составляло 130 от общего числа составов 256, то на 2016 г. – 177 от общего числа составов 347, а на февраль 2021 г. – 185 от общего числа составов 373¹. При этом в период 1996–2021 гг. в процентном соотношении доля основных составов преступлений со специальным субъектом от общего числа составов в Особенной части кодекса остается примерно одинаковой – 50%². Важно, что, отмечая факт увеличения числа статей УК РФ более чем на 1/3, А.В. Наумов констатирует, что «в большинстве случаев вмешательство законодателя в текст Уголовного кодекса заключалось в криминализации новых, не запрещенных ранее деяний и установлении за них уголовной ответственности» [23]. С учетом изменений за 2018–2020 гг. следует указать, что, как правило, появляются именно специальные нормы.

Если говорить о квалифицированных составах, выделенных законодателем с учетом статусно-ролевого положения субъекта, то на февраль 2021 г. их количество составило 79 от общего числа, из них в 61 квалифицирующим признаком выступает служебное положение виновного, с использованием которого совершается преступление. Статус и роль виновного получают привилегированное значение в 6 случаях, кроме того, в 22 случаях законодатель учитывает характеристики статусно-ролевого положения потерпевшего в целях дифференциации ответственности.

Безусловно, специфика субъекта преступления или потерпевшего отражается на характеристиках других элементов и признаков составов соответствующих деяний – на объекте посягательства, характере и тяжести преступных последствий, способе посягательства. Однако именно статусно-ролевые признаки, будучи закрепленными в диспозициях статей Особенной части кодекса, становятся индикатором продолжающейся его специализации, отграничивая ту часть охраняемых общественных отношений, посягательства на которую требуют наличия указанных характеристик. К примеру, Федеральным законом № 520-ФЗ от 27.12.2018 криминализован ряд деяний в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, в результате чего в Уголовном кодексе России появились «три специальные статьи» [24] – 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок», 200.6 «Заведомо ложное экс-

пертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Данный комплекс норм призван поставить под уголовно-правовую охрану сферу закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд от преступлений лиц, обладающих определенным статусно-ролевым положением и являющихся участниками соответствующих общественных отношений. Однако, отмечая «возрастание риска появления общественно опасных деяний» в рассматриваемой сфере, обусловившее их криминализацию, А.Ю. Рябова указывает на наличие «...общих составов преступлений, которые пригодны для охраны отношений в сфере закупок товаров, работ и услуг» [24], имея в виду ст. 159 и 290 УК РФ. Более того, автор объясняет появление данных норм «созданием видимости охраны государством указанных общественных отношений» [25]. Для нас это означает, что из ограниченного круга деяний, совершение которых возможно с использованием служебного положения (п. «а» ч. 3 ст. 159 УК РФ) и должностным лицом (ст. 290 УК РФ), искусственно выделен еще более узкий круг субъектов в качестве криминообразующего признака составов вновь криминализированных деяний.

Другим примером чрезмерного использования казуистического приема применительно к статусно-ролевым признакам, на наш взгляд, выступает ст. 144.1 УК РФ, после введения которой в 2018 г. уголовно наказуемым признается необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. Эта категория лиц выделяется наряду с беременными женщинами и женщинами с детьми, нарушение трудовых прав которых в указанной части влечет уголовную ответственность по ст. 145 УК РФ. Будучи специальными относительно ст. 136 УК РФ, указанные нормы фактически являются тождественными в части и описания признаков составов преступлений, и установленных мер ответственности, различаясь лишь статусно-ролевыми характеристиками потерпевших. В контексте специализации ст. 144.1 УК РФ отражает дифференциацию закона путем дробления комплекса норм, охраняющих конституционные права граждан, включая право на труд, по признаку потерпевшего. Однако если «именно описание состава преступления должно абсолютно ясно и недвусмысленно демонстрировать и легитимировать обоснованность привлечения к уголовной ответственности и (или) ее дифференциацию» [26], то возникает вопрос: настолько ли высока общественная опасность дискриминации в трудовой сфере в отношении указанной категории потерпевших, что это потребовало введения специальной нормы в закон? Как представляется, закрепляющее признаки привилегированного состава преступления относительно общей нормы ст. 136 УК РФ, рассматриваемое положение должно быть признано ярким примером необоснованной криминализации и чрезмерного использования казуистического приема при конструировании нормы. Очевидно, что ст. 144.1 УК РФ является

конъюнктурной попыткой снизить риски пенсионной реформы 2018 г., однако в рамках уголовного права в связи с ее введением возникают многочисленные вопросы – начиная с соответствия уголовно-правовым принципам и заканчивая проблемами квалификации.

Риск неоправданной специализации закона сдерживается, по мысли Н.И. Сенякина, обратной направленной тенденцией его унификации посредством «...сокращения объема нормативного материала, уменьшения вероятности его дублирования» [5. С. 22], наличие и объективному характеру которой не противоречит «специфика общественных отношений, дифференцированный подход к их регламентации», поскольку «наличие у этих отношений общих свойств и граней, а также их системное единство одновременно предполагает целостное урегулирование» [5. С. 22]. Полагаем, что, увлекшись специализацией уголовного закона, законодатель совершенно упустил из внимания необходимость уравнивания ее унификацией, а предпринимаемые попытки приблизиться к балансу этих тенденций малоэффективны в связи с непоследовательностью и противоречивостью законодательных изменений. К примеру, в 2019 г. квалифицирующий признак «совершение преступления должностным лицом с использованием служебного положения» в двух нормах был заменен на признак «совершение преступления с использованием своего служебного положения»³, что само по себе следует расценивать как позитивное стремление к унификации ответственности посредством «использования единой терминологии для обозначения признаков составов преступлений» [27]. Вместе с тем оно не коснулось, например, характеристики субъекта преступления, обозначенной в ст. 169–170 УК РФ, что указывает на непоследовательность изменений в рамках унификации закона.

Помимо унификации терминов, в литературе уже неоднократно высказывались предложения о необходимости ревизии Особенной части Кодекса с позиции декриминализации ряда составов преступлений, причем, как правило, речь идет именно о специальных нормах [18, 19]. В частности, «одним из главных принципов работы, если не главным» над теоретической моделью Особенной части УК РФ Н.А. Лопашенко называет «запрет расширения пределов криминализации, за исключением совершенно необходимых случаев, и направленность на декриминализацию там, где это возможно, без ущерба для обеспечения надежной охраны благ, ценностей и отношений» [19]. Реализация этой идеи законодателем, как видится, в принципе не может повлечь за собой риск отката от казуистического уголовного закона к своей противоположности – излишне абстрактному Уголовному кодексу, поскольку при условии криминологически обоснованного законотворчества только объективно существующие процессы дифференциации общественных отношений требуют дифференцированного подхода в законе, в том числе по признаку статусно-ролевого положения лица.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При подсчете учитывались только основные составы.
- ² В разные годы отклонения составляют не более 1,5% в ту или иную сторону.
- ³ Речь идет о п. «а» ч. 2 ст. 258.1 и ч. 2.1 ст. 258.1 УК РФ (ред. от 16.10.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Полубинская С.В. Изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации в оценках уголовно-правовой науки // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 4. С. 234–250.
2. Бойко А.И. Причины, подходы и технология анализа эффективности уголовно-правовых мер // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). М. : Юрлитинформ, 2020. С. 26–30.
3. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40–43.
4. Лапшин В.Ф. Очередные изменения в российском уголовном законе: дифференциация уголовной ответственности или ответственности в уголовном праве? // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации уголовной ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 39–49.
5. Сенякин Н.И. Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. 34 с.
6. Гончаров Д.Ю. Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 109–121.
7. Потапенко Е.Г. Формы и методы специализации права (в контексте исследования специализации цивилистического процессуального права) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 165–173.
8. Борков В.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов. Омск : Омская академия МВД России, 2012. 125 с.
9. Алексеев С.С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. 263 с.
10. Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. С. 31–39.
11. Петров Д.Е. К вопросу о соотношении понятий «дифференциация права» и «специализация законодательства» // Право и политика. 2014. № 11 (179). С. 1798–1803.
12. Панько К.К. Правила и приемы российского уголовного законодательства // Lex Russica. 2014. № 3. Т. LXXXVIII. С. 294–304.
13. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2000. 400 с.
14. Прозументов Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 227–230.
15. Бражник С.Д., Смирнов Р.Ю. К вопросу об основаниях дифференциации ответственности в уголовном праве России // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 75–79.
16. Соловьев О.Г. К вопросу о соотношении абстрактного и казуистического приемов в конструировании норм уголовного права // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–3. С. 231–233.
17. Липень С.В. Проблемы оценки качества законодательства в отечественной юридической науке второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Новгородского государственного университета. 2012. № 69. С. 63–67.
18. Тирранен В.А. Казуализация уголовного закона: прогресс или агония? // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 95–99.
19. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 109–118.
20. Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 142–146.
21. Соловьев О.Г. Казуистический способ изложения норм о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): современное состояние и тенденции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11-1. С. 263–265.
22. Каравая Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 198 с.
23. Наумов А.В. О состоянии и перспективах отечественного уголовного законодательства («Камо грядеши?») // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 7–13.
24. Рябова А.Ю. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере закупок товаров, работ и услуг // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 611–616.
25. Рябова А.Ю., Алексеев Ю.А. Криминализация злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 401–404.
26. Кауфман М.А. О неопределенности категории «общественная опасность» и об опасности такой неопределенности // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). М. : Юрлитинформ, 2020. С. 89–93.
27. Егорова Н.А. Виды и средства дифференциации и унификации уголовной ответственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 2 (9). С. 40–47.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

Legislative Use of Attributes of the Status Role Positions of the Guilty Person and the Victim as a Reflection of the Trend of Specialization in the Russian Criminal Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 236–242.

DOI: 10.17223/15617793/468/27

Yuliya S. Karavaeva, Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: PalSysoich@yandex.ru

Keywords: status role position of individual; differentiation of liability; special norm; specialization of criminal law.

The aim of the article is to assess the frequency and validity of the use of the status role characteristics of the guilty person and/or the victim in the construction of special elements of crimes in the context of the issues of the redundancy of the current

criminal legislation specialization as the dominant trend of its development. The empirical basis of the study is the numerical values obtained in the course of arithmetic operations to determine the dynamics of legislative changes in the Criminal Code of the Russian Federation and the frequency of using the status role characteristics of the guilty person and/or the victim in special norms. The methodological basis of the work is the formal legal method, which allows working directly with the text of the criminal law in order to both conclude about the high dynamics of its changes and analyze new special norms, which ultimately led the author to the conclusion about the redundancy of its specialization. In addition, the method of mathematical calculations (simplest arithmetic operations), as well as other general scientific methods (analysis, synthesis) were used. Within the framework of a critical understanding of the legislative criminal legal activity for the period of 2018–2020, attention is drawn to its orientation and technical and legal side, the content of which indicates the predominance of the trend of specialization. Being natural and necessary, specialization allows reflecting the differentiation of legal relations as a process that takes place objectively, by differentiating the law. In the case of criminal law, this involves the emergence of special rules for the purpose of differentiating liability. The analysis of some of the special norms that have reappeared in the Special Part of the Code allows concluding that the legislator has chosen a casual way of presenting them, which, taking into account the high dynamics of lawmaking in criminal law, clearly indicates that the trend of specialization has acquired a redundant character. Taking into account the conclusion about the redundancy of specialization of the criminal law, it is possible to overcome it both by rejecting unjustified, reactive criminalization that simulates an active criminal policy of combating crime and by moving to unification processes in terms of eliminating terminological errors, violations of the requirements of systemic legislation, and reducing regulatory material.

REFERENCES

1. Polubinskaya, S.V. (2011) Amendments of the Russian Federation Criminal Code in evaluations of legal science. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 4. pp. 234–250. (In Russian).
2. Boyko, A.I. (2020) [Reasons, approaches and technology for analyzing the effectiveness of criminal law measures]. *Effektivnost' ugovolno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugovolno-ispolnitel'nogo protivodeystviya prestupnosti* [Effectiveness of Criminal Law, Criminological and Criminal-Executive Measures against Crime]. Proceedings of the 12th Russian Congress on Criminal Law. Moscow. 28–29 May 2020. Moscow: YurLitinform. pp. 26–30. (In Russian).
3. Gaukhaman, L.D. & Zhuravlev, M.P. (2015) Law-making problems in the criminal code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 40–43. (In Russian).
4. Lapshin, V.F. (2018) Regular changes in the Russian criminal law: the differentiation of criminal responsibility or liability in criminal law? *Aktual'nye problemy ugovolnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii ugovolnoy otvetstvennosti i zakonodatel'noy tekhniki)*. 7 (7). pp. 39–49. (In Russian).
5. Senyakin, N.I. (1993) *Spetsializatsiya i unifikatsiya rossiyskogo zakonodatel'stva (problemy teorii i praktiki)* [Specialization and unification of Russian legislation (problems of theory and practice)]. Abstract of Law Dr. Diss. Saratov.
6. Goncharov, D.Yu. (2005) Spetsializatsiya norm ugovolnogo i ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva: istoricheskaya retrospektiva [Specialization of the norms of criminal and criminal procedural legislation: a historical retrospective]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 109–121.
7. Potapenko, E.G. (2018) Concept, forms and methods of law specialization (in the context of studying the specialization of civil procedural law). *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2 (121). pp. 165–173. (In Russian).
8. Borkov, V.N. (2012) *Prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye dolzhnostnymi litsami pravookhranitel'nykh organov* [Crimes against Justice by Law Enforcement Officials]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs.
9. Alekseev, S.S. (1975) *Struktura sovetskogo prava* [The Structure of Soviet Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Rabinovich, P.M. & Shmeleva, G.G. (1985) Konkretizatsiya pravovykh norm (obshcheteoreticheskie problemy) [Concretization of legal norms (general theoretical problems)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. pp. 31–39.
11. Petrov, D.E. (2014) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy “differentsiatsiya prava” i “spetsializatsiya zakonodatel'stva” [On the question of the relationship between the concepts of “differentiation of law” and “specialization of legislation”]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 11 (179). pp. 1798–1803.
12. Pan'ko, K.K. (2014) Pravila i priemy rossiyskogo ugovolnogo zakonotvorchestva [Rules and techniques of Russian criminal law-making]. *Lex Russica*. 3 (88). pp. 294–304.
13. Lesnievski-Kostareva, T.A. (2000) *Differentsiatsiya ugovolnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of Criminal Liability. Theory and legislative practice]. 2nd ed. Moscow: NORMA.
14. Prozumentov, L.M. (2018) Prevalence of acts as an optional characteristic of their public danger. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 429. pp. 227–230. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/429/30
15. Brazhnik, S.D. & Smirnov, R.Yu. (2016) On the Issue of Differentiation Bases of Responsibility in the Criminal Law of Russia. *Vestnik YarGU. Seriya: Gumanitarnye nauki – Vestnik Yaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 3 (37). pp. 75–79. (In Russian).
16. Solov'ev, O.G. (2016) K voprosu o sootnoshenii abstraktnogo i kazuisticheskogo priemov v konstruirovani norm ugovolnogo prava [On the question of the relationship between abstract and casuistic methods in the construction of criminal law]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2–3. pp. 231–233.
17. Lipen', S.V. (2012) Problemy otsenki kachestva zakonodatel'stva v otechestvennoy yuridicheskoy nauke vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Problems of assessing the quality of legislation in domestic legal science in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NOVSVU*. 69. pp. 63–67.
18. Tirranen, V.A. (2015) Casualization of criminal law: progress or agony? *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU – Socio-Economic and Humanitarian Journal of Krasnoyarsk SAU*. 2. pp. 95–99. (In Russian).
19. Lopashenko, N.A. et al. (2017) A theoretical model of the special part of the criminal code of the Russian federation: a summary of its structure and content. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 1 (11). pp. 109–118. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).109-118
20. Kovalev, M.I. (1962) O tekhnike ugovolnogo zakonodatel'stva [On the technique of criminal legislation]. *Pravovedenie*. 3. pp. 142–146.
21. Solov'ev, O.G. (2014) Kazuisticheskii sposob izlozheniya norm o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (gl. 22 UK RF): sovremennoe sostoyanie i tendentsii [Casuistic way of presenting norms on crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): current state and trends]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 11-1. pp. 263–265.
22. Karavaeva, Yu.S. (2017) *Spetsial'nyy sub'ekt prestupleniya: kriminologo-pravovoy analiz* [Special subject of a crime: criminal law analysis]. Law Cand. Diss. Omsk.

23. Naumov, A.V. (2021) [On the state and prospects of domestic criminal legislation (“Quo vadis?”)]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the 18th International Conference. Moscow. 21–22 January 2021. Moscow: RG-Press. pp. 7–13. (In Russian).
24. Ryabova, A.Yu. (2021) [Problems of criminal law protection of public relations in the procurement of goods, works and services]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the 18th International Conference. Moscow. 21–22 January 2021. Moscow: RG-Press. pp. 611–616. (In Russian).
25. Ryabova, A.Yu. & Alekseev, Yu.A. (2020) [Criminalization of abuse in the procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the 17th International Conference. Moscow. 23–24 January 2020. Moscow: RG-Press. pp. 401–404. (In Russian).
26. Kaufman, M.A. (2020) [On the uncertainty of the “public danger” category and the danger of such uncertainty]. *Effektivnost’ ugolovno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugolovno-ispolnitel’nogo protivodeystviya prestupnosti* [Effectiveness of Criminal Law, Criminological and Criminal-Executive Measures against Crime]. Proceedings of the 12th Russian Congress on Criminal Law. Moscow. 28–29 May 2020. Moscow: Yurlitinform. pp. 89–93. (In Russian).
27. Egorova, N.A. (2009) Vidy i sredstva differentsiatsii i unifikatsii ugolovnoy otvetstvennosti [Types and means of differentiation and unification of criminal liability]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2 (9). pp. 40–47.

Received: 17 May 2021

Л.Р. Клебанов, С.В. Полубинская

ЦИФРОВОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ПРОБЛЕМЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Анализируются инструменты цифровых технологий в области здравоохранения, применяемые для оказания медицинской помощи, в том числе в условиях пандемии COVID-19. Рассматривается зарубежный опыт организации медицинской практики с помощью удаленного доступа, мобильной связи и «умных» устройств медицинского назначения. Дается анализ основных угроз кибербезопасности цифрового здравоохранения, определяются направления противодействия этим угрозам.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение; пандемия COVID-19; медицинская помощь; телемедицина; устройства медицинского назначения; медицинские данные; конфиденциальность медицинских данных; кибератака; кибербезопасность.

Понятие и цели цифрового здравоохранения

В международных документах – резолюциях, планах действий, руководствах – совокупность различных форм и способов применения информационно-коммуникационных технологий в сфере охраны здоровья граждан именуется электронным здравоохранением (eHealth) или цифровым здравоохранением (digital health). Первый термин используется преимущественно в более ранних по времени принятия документах и раскрывается в одном из них как «использование [информационно-телекоммуникационных технологий] в продуктах, услугах и процессах здравоохранения в сочетании с организационными изменениями в системах здравоохранения и новыми навыками с целью улучшения здоровья граждан, эффективности и производительности при оказании медицинских услуг, а также экономической и социальной ценности здоровья» [1. Р. 3].

Среди международных организаций «широчайшими правовыми полномочиями по решению глобальных проблем в области общественного здравоохранения» обладает Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) [2. Р. 797]. В документах последнего времени ВОЗ оперирует понятием «цифровое здравоохранение». В содержание этого понятия включается электронное здравоохранение, в том числе использование мобильной беспроводной связи (mHealth), а также другие активно развивающиеся новые области, такие как сбор и обработка «Больших данных» (Big Data), компьютерные технологии в геномике и внедрение искусственного интеллекта [3. Р. ix]. При этом надо заметить, что по смыслу термин «электронное здравоохранение» более точен, чем «цифровое здравоохранение», поскольку последний сужает область рассмотрения, оставляя за бортом аналоговые устройства, гибридные (аналогово-цифровые) устройства, а в перспективе предназначенные и для работы с «Большими данными» квантовые компьютеры, которые отнюдь не являются цифровыми. Однако ввиду широкой распространенности термина «цифровое здравоохранение» будем его использовать с оговоркой.

В Глобальной стратегии в области цифрового здравоохранения (2020–2025 гг.) цифровое здравоохранение определяется как «область знаний и практики, связанная с развитием и использованием цифро-

вых технологий для улучшения здоровья», покрывая тем самым весь спектр применения высокотехнологичных устройств в решении задач охраны здоровья граждан. К ранее названным областям добавлены интернет вещей (IoT) (точнее было бы сказать – интернет медицинских вещей или IoMT), перспективные компьютерные технологии и робототехника [4. Р. 5–6].

ВОЗ придает особое значение развитию цифрового здравоохранения, определяет его задачи и принципы. Так, 26 мая 2018 г. высший орган ВОЗ (Всемирная ассамблея здравоохранения) одобрила Резолюцию о цифровом здравоохранении, призывающую государства члены «рассмотреть, при необходимости, как цифровые технологии могут быть интегрированы в существующие инфраструктуры систем здравоохранения и системы регулирования в целях усиления национальных и глобальных приоритетов в области здравоохранения путем оптимизации существующих платформ и услуг для усиления социальной направленности медицинской помощи и мер профилактики болезней, а также для снижения нагрузки на системы здравоохранения» [5].

Как подчеркивается в Глобальной стратегии, цифровое здравоохранение должно стать «неотъемлемой частью приоритетов в сфере охраны здоровья и приносить пользу людям с точки зрения этики и безопасности», а применение информационно-коммуникационных технологий – быть «безопасным, надежным, справедливым и устойчивым». Цифровые инновации в здравоохранении следует развивать на основе таких, среди прочих, принципов, как транспарентность, доступность, функциональная совместимость, конфиденциальность и безопасность [4. Р. 5].

Целями цифрового здравоохранения, помимо повышения качества и доступности медицинских услуг, являются «предоставление индивидуальной центральной роли в заботе о своем здоровье и благополучии», «использование огромного потенциала данных в интересах охраны здоровья», а также содействие переходу «к прогностическим и профилактическим моделям оказания медицинской помощи» [6. С. 1–2].

В отношении в сфере цифрового здравоохранения вовлекается широкий круг субъектов, среди которых: а) пациенты и их законные представители; б) врачи и иные медицинские работники; в) организации, оказывающие медицинскую помощь, вне зависимости от хозяйственно-правовой формы и ведомственной принадлежности; г) уполномоченные органы, осуществ-

ляющие регулирование в сфере здравоохранения (федеральные и региональные); д) научное сообщество (этот сегмент представлен как научно-исследовательскими и образовательными учреждениями медицинского профиля, так и отдельными учеными и научными коллективами; е) аптечные организации; ж) страховые организации [7. С. 17–18].

Государственный контроль эффективности и безопасности цифровых технологий в здравоохранении

На практике цифровые инновации уже служат различным потребностям охраны здоровья граждан и включают, в том числе, организацию электронных сервисов для обращения в медицинские организации, ведение электронной медицинской документации, обеспечение адресной связи с конкретными пациентами и удаленного контроля состояния их здоровья, разработку системы поддержки клинических решений и организацию с помощью телемедицины консультаций специалистов высокой квалификации для пациентов и врачей, контроль производства и поставок изделий медицинского назначения и лекарственных средств, создание медицинских баз данных для совершенствования протоколов диагностики и лечения, проведения клинических испытаний и научных исследований. Перечень основных способов использования цифровых технологий в отрасли содержится в разработанной ВОЗ Классификации цифровых вмешательств в области здравоохранения v 1.0 [8].

В 2019 г. размер глобального рынка цифрового здравоохранения оценивался более чем в 106 млрд долл. По прогнозам до 2026 г., совокупный среднегодовой темп роста этого рынка составит 28,5%, а стоимость совокупных продаж достигнет 639,4 млрд долл. Прогнозируется рост продаж мобильных приложений для здоровья (на 28,9%), медицинского оборудования (на 31%) и услуг телемедицины (26,2%). Значительно меньший рост ожидается в рыночном сегменте медицинской аналитики (9,7%) [9].

Объем реализуемых на глобальном рынке продукции и услуг цифрового здравоохранения требует государственного регулирования отрасли в целях обеспечения качества, эффективности и безопасности внедряемых цифровых технологий. Одним из способов такого регулирования является разработка стандартов, которым такие технологии должны соответствовать. В национальных документах, нередко имеющих рекомендательный характер, но которым следуют на практике, специальное внимание уделяется контролю надежности, эффективности и безопасности устройств, используемых в медицинских целях, их защищенности от киберпосягательств, правилам надлежащей медицинской практики, а также защите медицинской информации [10–13]. Исключительная важность конфиденциальности медицинской информации, требующей «высоких стандартов [обеспечения] безопасности» таких персональных данных, особо отмечается на международном уровне [4. Р. 6].

Исследование областей применения цифровых технологий в здравоохранении и требований к ним,

уже ставших предметом регламентации в разных странах (США, Великобритания, Испания, Франция, Германия, Канада), показало, что число используемых для оценки технологий и устройств критериев варьируется от двух до десяти. Наиболее проверяемыми являются такие их качества, как безопасность, включая защищенность данных, клиническая эффективность, удобство использования и функциональная совместимость.

Внимание авторов руководящих принципов обращается и на экономические вопросы, в частности на стоимость внедрения технологии, однако ни в одном из изученных авторами исследования источников при принятии решения о применении не предлагались ни разработка технико-экономического обоснования такого решения, ни количественный анализ потенциальных убытков и прибыли.

В итоге авторы исследования установили, что более половины критериев, которые рекомендуются для оценки цифровых инноваций при их внедрении в практику здравоохранения, касаются преимущественно организационных последствий принятого решения, безопасности данных и технических характеристик. Такие критерии, как наличие остающихся без удовлетворения медицинских потребностей, а также учет правовых и этических аспектов использования технологии, встречались существенно реже (в трех, двух и одном из одиннадцати источников соответственно) [14].

Всего авторы исследования содержательно проанализировали одиннадцать руководств, содержащих рекомендуемые критерии оценки, три из которых относились к телемедицине, четыре – устанавливали требования к мобильным медицинским устройствам, и оставшиеся носили общий характер. Публикации для анализа, изданные за период с сентября 1998 г. по декабрь 2019 г., были отобраны в международных информационных базах Pubmed, Scopus, and Science Direct по ключевым словам «digital health interventions», «mhealth», «mobile health», «telemedicine», «health app» и «wearables» в сочетании с терминами «assessment», «guidelines», «checklist», «framework» и «consensus».

Сами авторы отмечают его определенную ограниченность. В частности, изученные ими рекомендации касались главным образом телемедицины и мобильных медицинских устройств и не относились к иным способам использования цифровых технологий, например, для поддержки клинических решений [14. Р. 4]. Вместе с тем полученные результаты позволяют наметить пути развития и совершенствования государственного контроля в сфере цифрового здравоохранения.

Цифровое здравоохранение в условиях пандемии COVID-19

Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) – острого респираторного заболевания, вызванного коронавирусом SARS-CoV-2, – послужила катализатором для более широкого использования цифровых технологий в здравоохранении. Не имеющая прецедентов нагрузка на национальные системы здравоохранения, введение карантинных и иных ограничений для граждан, которым на длительное

время запрещается покидать их дома, за исключением строго определенных случаев, серьезно снизили доступность для них медицинских услуг и сократили возможности решения имеющихся проблем со здоровьем. В этих условиях службам здравоохранения многих стран приходится искать новые способы как наблюдения за состоянием здоровья пациентов и оказания медицинской помощи, так и выполнения иных задач общественного здравоохранения. И здесь на помощь медицинским работникам приходят цифровые технологии, среди которых наиболее часто называются мобильные приложения и телемедицина.

Так, применительно к COVID-19 мобильные приложения предлагается использовать для самостоятельного контроля симптомов заболевания, отслеживания контактов инфицированных пациентов и подтверждения их выздоровления. В значительной степени эффективность этой технологии зависит от ее распространенности и согласия пациентов на использование, возможности подключения к мобильным сетям, организации системы обработки получаемых данных и безопасности их передачи. Телемедицина, в свою очередь, позволяет осуществлять дистанционное консультирование по широкому кругу медицинских проблем пациентов [15. Р. 4].

Несколько уже получивших распространение в британской системе здравоохранения направлений и способов применения цифровых технологий в условиях пандемии получили отражение в научной литературе [16].

Во-первых, это использование мессенджеров и социальных сетей для организации предоставления медицинских услуг, ротации персонала в случаях заболевания либо самоизоляции, а также профессионального общения медицинских работников и обмена опытом диагностики и лечения заболевших COVID-19.

Во-вторых, цифровые технологии служат образовательным целям, когда требуется быстрое обучение медицинских работников уже подтвердившим свою результативность методам лечения и ухода за пациентами либо получение необходимых профессиональных знаний представителями непрофильных медицинских специальностей, участвующими в оказании помощи больным COVID-19.

И, наконец, такие технологии позволяют разработать и внедрить новые модели ухода и медицинской помощи, включая удаленный контроль состояния здоровья пациента и проведение врачебных консультаций. Эти модели позволяют существенно сократить риск заражения COVID-19 для пациентов и предотвратить дальнейшее распространение инфекции. Отмечается, что «подавляющее большинство посещений клиник заменено методами дистанционного консультирования, начиная от базовых консультаций по телефону до более сложных видеоконференций на основе телемедицины или мобильных приложений» [16. Р. 2]. В формате видеоконференций теперь проводятся и собрания мультидисциплинарных медицинских бригад, что, в свою очередь, снижает риски распространения вируса среди медицинского персонала.

По тому же пути идет и американское здравоохранение. В более чем 50 медицинских системах, объ-

единяющих больницы и другие медицинские организации, к весне 2020 г. были созданы и работали программы телемедицины. Для лечебных учреждений, где такие программы отсутствовали, имелась возможность прибегнуть в порядке аутсорсинга к помощи других организаций, оказывающих подобные услуги (например, Teladoc Health, American Well, к примеру) [17. Р. 1679].

Примером медицинской практики при удаленном доступе является деятельность медицинской системы Partners Healthcare в Новой Англии – регионе на северо-востоке США. Входящие в систему медицинские организации еще до появления COVID-19 предоставляли дистанционную медицинскую помощь в следующих формах: виртуальные визиты, предполагающие контакт между пациентом и специалистом в режиме реального времени; виртуальные консультации, представляющие собой видеоконтакты в реальном времени между специалистом, направившим пациента на консультацию, и телеконсультантом-экспертом; электронные визиты, заключающиеся в безопасном (по защищенным каналам связи) обмене информацией между специалистом и пациентом; электронные консультации с получением мнения второго профессионала, когда информацией обмениваются медицинские специалисты. Мнение второго эксперта запрашивается в сложных случаях, при наличии комплекса медицинских проблем и обширной медицинской документации пациента [18. Р. 2].

В перспективе, связанной с продолжением пандемии COVID-19, предполагается обеспечивать удаленное наблюдение за пациентами на дому, включая находящихся на карантине с угрозой ухудшения их состояния, ввести структурированные клинические опросники на портале организации и расширить дистанционную специализированную медицинскую поддержку с помощью электронных консультаций. В медицинской системе считают, что «инструменты виртуальной медицинской помощи, если они внедряются быстро и надежно, могут помочь снизить показатели распространения COVID-19 и позволить... здравоохранению обеспечивать [такую] помощь в течение более длительного времени без превышения своих возможностей» [18. Р. 3].

Специалисты отмечают, что до пандемии телемедицина в США не получила должного развития. Проведенный в 2019 г. опрос руководителей медицинских организаций, входящих в систему здравоохранения США, показал, что 38% из них не включали внедрение цифровых технологий в стратегический план развития организации. В качестве факторов, ограничивающих распространение цифровых технологий в здравоохранении, 94% опрошенных указали установленные правила защиты данных и конфиденциальности медицинской информации и предписания федерального закона о мобильной передаче данных и ответственности в области медицинского страхования (Health Insurance Portability and Accountability Act или HIPAA) 1996 г. Положения этого закона распространены на цифровые технологии в здравоохранении в соответствии с федеральным Законом о медицинских информационных технологиях для экономического и

клинического здоровья (Health Information Technology for Economic and Clinical Health Act или HITECH) 2009 г. [19. Р. е82(1)].

С целью снижения нагрузки на национальную систему здравоохранения, порожденную пандемией COVID-19, в литературе высказывались предложения о смягчении установленных законодательством требований, затрагивающих цифровые технологии. Такое решение позволило бы обеспечить их более широкое применение, например, для организации «стационаров на дому», медицинской поддержки больных COVID-19 и других пациентов, требующих постоянного контроля за состоянием здоровья, а также мониторинга соблюдения карантинных ограничений [19. Р. е82(2)].

В этой связи надо отметить, что в соответствии с принятым 6 марта 2020 г. федеральным законом о дополнительных ассигнованиях на обеспечение готовности к коронавирусу и реагирования на него (Coronavirus Preparedness and Response Supplemental Appropriations Act) действие ряда требований HIPAA было временно приостановлено, а число случаев, допускающих обращение в медицинские учреждения с помощью телемедицины, расширено [20; 21. Р. е470].

Европейская комиссия, в свою очередь, сообщила о поддержке тринадцати проектов по использованию цифровых технологий в здравоохранении, направленных на борьбу с пандемией, которые «обеспечат новые решения для защиты медицинских работников, быстрого обнаружения и предотвращения распространения COVID-19, а также для улучшения интенсивной терапии». Проекты с общим объемом финансирования 55,2 млн евро рассчитаны на два года с появлением первых результатов в течение ближайших 6-12 месяцев [22].

Криминальные риски для кибербезопасности цифрового здравоохранения

На основе анализа многочисленных сообщений о кибератаках в сфере организации и оказания медицинской помощи, зафиксированных в разных странах, можно выделить их основные типы, по сути, раскрывающие криминальные риски цифрового здравоохранения:

- нападения на организации системы здравоохранения (лечебные, диагностические, научные и образовательные медицинские структуры, фармацевтические лаборатории, учреждения управления здравоохранением и т.д.);

- атаки на устройства, относящиеся к интернету медицинских вещей, гаджеты, приборы и девайсы, подключенные, в том числе, и к локальным сетям организаций здравоохранения, а также медицинские цифровые платформы;

- похищение и разглашение конфиденциальной медицинской информации, существующей в цифровом формате, сотрудниками медицинских организаций, имеющими доступ к такой информации.

Рост использования цифровых технологий, особенно в условиях пандемии, увеличивает число объектов для посягательств. Надо заметить, что нацио-

нальные системы здравоохранения и организации, обладающие персональными медицинскими данными, страдали от кибератак и ранее.

Применительно к организациям здравоохранения специалистами выделяются три основных типа нападений – цифровое вымогательство, DDoS-атаки и взлом информационных систем, где хранится конфиденциальная информация (data breaches). Как показывает практика, вне зависимости от вида атаки для совершения любого из них, как правило, используются вредоносные бот-системы (The Big Bad Bot) [23].

Цифровое вымогательство является одним из наиболее часто встречающихся киберпреступлений, вне зависимости от его объекта. Преступление совершается с помощью специального вредоносного программного обеспечения (ransomware). Исследования показывают, что цифровое вымогательство имеет тенденцию к росту и угрожает любым организациям, независимо от сферы их деятельности и географической локации. Так, по оценкам IBM Security X-Force, в сентябре 2020 г. каждая из четырех кибератак совершалась с помощью ransomware. Всплеск преступной активности пришелся на июнь – именно тогда была совершена одна треть всех подобных преступлений от общего числа киберпосягательств, зарегистрированных в 2020 г. Наибольшее число цифровых вымогательств было зафиксировано в Азии, Северной Америке и Европе – соответственно 33, 30 и 27%. Опасность такого преступления определяется его кумулятивными преступными последствиями. Преступники сначала похищают важную информацию у компаний-«потерпевших» перед тем, как подвергнуть эту информацию шифрованию, а потом, если вымогатели не добиваются выкупа за дешифровку данных, то они передают эту информацию огласке [24]. Вымогательские атаки сопровождаются не только похищением информации, но и выводом из строя сервисов медицинских услуг.

Только за 2016 г. 7/8 от общего числа случаев цифрового вымогательства в США совершалось в отношении организаций здравоохранения [25]. В 2017 г. в результате распространения вредоносного вируса-вымогателя WannaCry была нарушена работа государственной Национальной службы здравоохранения в Англии. Ее ключевые системы оказались заблокированы, не позволяя медицинскому персоналу получить доступ к данным о пациентах и важным медицинским сервисам [26]. В 2019 г. в США подобным атакам подверглись 764 организации, предоставляющие медицинскую помощь, – пациентов, нуждающихся в срочной помощи (emergency patients), пришлось переводить в другие больницы, медицинские карты стали недоступны, а некоторые были просто утеряны, хирургические операции отменены, медицинские обследования перенесены, сервисы служб спасения недоступны [27].

Прошлый год ознаменовался тяжким резонансным киберпреступлением: была зарегистрирована первая смерть в результате цифрового вымогательства, которому подвергся университетский госпиталь в Дюссельдорфе (Германия). Преступники осуществили атаку с помощью вируса, поразившего 30 серверов

госпиталя. Системы обеспечения его деятельности были выведены из строя, и пациентов, нуждающихся в срочной помощи, пришлось отправлять в другие больницы. Одна из пациенток, находящаяся в крайне тяжелом состоянии, была перевезена в Вупперталь – за 20 миль от Дюссельдорфа. Женщина скончалась, не получив своевременно необходимую помощь [27].

Еще одним трендом преступной деятельности цифровых вымогателей стал выбор школ, университетов и академических институтов в качестве целей своих атак, что неудивительно, поскольку школы и иные учебные заведения из-за пандемии COVID-19 перешли на дистанционный либо смешанный формат обучения [24]. В группе риска (universities-targets, schools-targets) оказались и медицинские образовательные учреждения.

Второй вид нападений на организации здравоохранения – DDoS-атаки – также делает невозможным предоставление медицинских услуг. Так, DDoS-атака на детский госпиталь в Бостоне, когда многие больничные сервисы, в том числе электронная запись пациентов, вышли из строя, продолжалась неделю [23].

Что касается взлома информационных систем организаций здравоохранения с целью хищения значимой информации (sensitive information), то «популярность» таких преступлений вполне объяснима – больницы, поликлиники, медицинские центры, фармацевтические компании аккумулируют огромные объемы информации (персональные данные пациентов, истории их болезней, номера медицинских страховок, номера кредитных карт). Хакеры, получив эти данные, могут использовать их для совершения других преступлений либо просто продать информацию в Даркнете [23].

Как правило, в случае совершения DDoS-атак вредоносные бот-сети отправляют массовые скоординированные запросы на сайты медучреждений, что в итоге приводит к обрушению компьютерной сети организации. Если организация не сможет отфильтровать атакующий трафик, то сбой в работе продлится ровно столько, сколько захотят сами преступники. В тех случаях, когда замышляется цифровое вымогательство либо взлом компьютерных систем медицинских организаций с целью хищения конфиденциальной информации, преступники осуществляют предварительную разведку на предмет выявления уязвимостей (vulnerability scans). С этой целью хакеры тоже используют бот-сети – они позволяют производить автоматическое сканирование через интернет для поиска уязвимых систем, а когда они будут найдены, хакеры начинают прямые атаки тем или иным способом [23].

Так, в 2015 г. преступники похитили 80 млн учетных документов из американской медицинской страховой компании Anthem. В 2018 г. были украдены медицинские данные 1,5 млн жителей Сингапура, включая премьер-министра страны [26]. В июне 2019 г. от крупной утечки персональных данных почти 20 млн пациентов пострадало Американское медицинское агентство по медицинским счетам и взысканию долгов (AMCA). В открытый доступ попали имена, даты рождения, адреса, телефоны, даты обра-

щения за медицинской помощью и лечебные учреждения, ее оказавшие, а также сведения о кредитных картах и банковских счетах клиентов. В результате финансовых потерь и последствий юридического характера агентство стало банкротом. В октябре того же года после четырех хакерских атак на компьютерную систему организации Tu Oka Compass Health в Новой Зеландии были похищены медицинские данные почти миллиона человек [28. Р. 9, 11]. В том же году 95% организаций здравоохранения в США сообщили о том, что они стали мишенью различных кибератак. Злоумышленники пытались не только получить неправомерный доступ к конфиденциальной медицинской информации пациентов, но и нарушить систему поставок медицинского оборудования и вмешаться в медицинскую деятельность [29. Р. 3].

С началом пандемии число киберпосягательств на медицинские организации выросло. Так, в апреле 2020 г. Google сообщил о примерно 18 миллионах вредоносных программ и фишинговых электронных писем в связи с COVID-19. Осенью того же года Агентство кибербезопасности и защиты инфраструктуры (CISA), Департамент здравоохранения и социальных служб (NSS) США и ФБР опубликовали совместный документ по вопросам кибербезопасности, в котором предупреждали о распространении вредоносных программ-вымогателей. В дальнейшем стало известно о десятках американских больниц, подвергшихся атаке требующего выкуп вируса-вымогателя Ryuk, сходного с уже известным WannaCry [29. Р. 3].

Рост числа угроз кибербезопасности системы здравоохранения США подтверждается и результатами опроса 168 специалистов по кибербезопасности в этой сфере, который в 2020 г. провела американская неправительственная организация Healthcare Information and Management Systems Society (HIMSS).

Выяснилось, что большинство подобных организаций уже сталкивались с серьезными посягательствами, совершенными путем удаленного доступа. Основными способами атак был фишинг, в том числе по электронной почте, вымогательство (требования выкупа) и попытки получить доступ к информации с использованием средств социальной инженерии – злоупотребления доверием либо обмана, когда, например, мошенник выдает себя за другое лицо. Злоумышленники направляли свои действия по преимуществу на финансовую информацию, персональные данные сотрудников организации и на медицинскую информацию о пациентах. Типичными последствиями подобных действий стали сбои в работе информационных систем пострадавших организаций и нарушения в предоставлении медицинских услуг, нередко из-за повреждения соответствующих компьютерных систем и устройств [30. Р. 2].

Если говорить о наиболее резонансных цифровых нападениях, которым в год пандемии подверглись организации здравоохранения по всему миру, то необходимо упомянуть атаки хакеров-вымогателей на госпиталь в Брно (Чехия), парижскую госпитальную систему, больницы в Испании и Таиланде, клиники в различных штатах США, в частности в Техасе. Атакам подверглись и регуляторы в рассматриваемой

сфере – департамент здравоохранения штата Иллинойс. Не избежала такой участи даже ВОЗ, но самым трагичным стало уже упомянутое хакерское нападение на госпиталь в Дюссельдорфе, повлекшее смерть пациентки, – первый в мире зарегистрированный случай человеческой жертвы компьютерного преступления [31].

Еще одной тенденцией того же года были нападения хакеров на медицинские и фармацевтические организации (научные центры и лаборатории), которые целенаправленно работали над созданием вакцины от COVID-19. Как отмечают специалисты IBM, семь ведущих компаний и ученых-исследователей в разных странах мира (Канада, Франция, Индия, Южная Корея, США), создающих вакцину и проводящих клинические испытания, стали мишенями для цифровых атак [31].

Актуальной угрозой цифровому здравоохранению также являются кибератаки (реальные или потенциальные) на различные медицинские гаджеты, девайсы, электронные устройства, многие из которых относятся к интернету медицинских вещей, либо на специализированные цифровые платформы.

В медицинской литературе предлагаются различные классификации подобных устройств. По одной из них к ним относятся: 1) измерительные приборы (measurement products); 2) инвазивные приборы (intervention products); 3) комбинированные измерительно-инвазивные приборы. Первый тип включает приборы, фиксирующие медицинские показатели, например, исследующие голос больных, страдающих болезнью Паркинсона, с тем, чтобы выявить изменения тремора, либо переносные устройства, позволяющие измерять частоту сердечных сокращений во время занятий бегом; второй тип охватывает инсулиновые помпы, вшитые кардиостимуляторы и т.п.; третий – глюкометры, которые осуществляют постоянный мониторинг состояния лиц, больных диабетом, и через специальные приложения отправляют данные их лечащим врачам [32. Р. 34–35].

Для более ясного понимания объектов киберпосягательств предлагается следующая классификация устройств медицинского назначения:

1. Соединенные с интернетом устройств (connected devices), которые могут быть двух видов – носимые (переносные) устройства (wearable devices) и устройства, которые не являются носимыми (nonwearable devices). В специальной литературе к первому виду относят те из них, которые работают по принципу «пассивного сбора данных». Речь идет о находящихся на теле пациента приборах для измерения кровяного давления, температуры тела, частоты дыхания, количества пройденных шагов и т.д.

Второй вид представлен «умными» медицинскими приборами (smart medical devices), которые непригодны к ношению и работают по принципу «активного сбора данных». Таким является, например, CYCORE – устройство, состоящее из сенсоров и мобильных приложений, предназначенное для удаленного сбора информации и оценки состояния здоровья пациентов, страдающих от раковых образований головы и шеи и подверженных риску обезвоживания во время курса

радиотерапии. Комплект датчиков состоит из подключенных весов и манжеты для измерения кровяного давления и пульса, отправляющих показатели в общую базу данных. При тестировании устройства пациенты использовали его два раза с интервалом в пять дней в период лечения, при этом они заполняли и отправляли с помощью смартфона электронную анкету, описывая имеющиеся у них признаки обезвоживания. Было установлено, что CYCORE эффективно фиксировал симптомы дегидратации во время обоих периодов исследования [33. Р. 2–4].

Кибератаки на подобные устройства способны привести к самым тяжелым последствиям, что требует особого внимания к их защищенности. Так, в 2017 г. Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов США (FDA) отозвало полмиллиона кардиостимуляторов из-за их уязвимости к цифровым атакам [34. Р. e61].

2. Цифровые платформы для сбора данных о пациентах. Одной из таких платформ является Distress Assessment and Response Tool platform (DART), которая представляет собой действующую в режиме самоотчета скрининговую систему, собирающую данные по формам Patient Health Questionnaire-9, Patient Depression Questionnaire-9 и Social Difficulties Inventory-21 [33. Р. 4–5].

3. Устройства, используемые в телемедицине, объединяющей аудио- и видео технологии в целях дистанционного взаимодействия с пациентом и двустороннего обмена информацией [33. Р. 5–6].

4. Чатботы (chatbots) и «умные помощники» (intelligent assistants). Chatbot – это основанная на системе искусственного интеллекта компьютерная программа, созданная для общения с людьми в режиме диалога (in a conversational manner). «Умные помощники» – это технологии на основе искусственного интеллекта и нейросетей, дающие ответы на голосовой запрос (Amazon's Alexa, Google's Assistant, Microsoft's Cortana, Apple's Siri). Кроме того, цифровые помощники способны передавать информацию с помощью текстовых сообщений: СМС, через мессенджеры, мобильные приложения, Web-страницы и т.д. [33. Р. 6–7].

5. Медицинские девайсы, не имеющие доступа в интернет, но подключенные к локальным сетям медицинских организаций. Уязвимость таких устройств продемонстрировало исследование израильских специалистов по кибербезопасности в сфере здравоохранения.

Как известно, компьютерная томография (КТ) и магнитно-резонансная томография (МРТ) служат эффективными диагностическими методами, и каждый год по всему миру проводятся миллионы таких исследований. Томографы (сканеры) подключены к внутренним локальным сетям, а центральный сервер медицинской организации получает и хранит соответствующие снимки с тем, чтобы предоставить их потом врачам. Сегодня уже существуют вредоносные программные технологии, созданные на основе искусственного интеллекта, которые позволяют искажать изображения снимков, сделанных при томографии. Например, фальсифицируется изображение легких онкологического больного так, что на снимке ни-

каких следов рака легких не остается. И наоборот, здоровому человеку снимок может выдать «ложную» картину заболевания. Исследование показало, что, изучая фальсифицированные снимки, комиссия из трех специалистов-рентгенологов «приняла за чистую монету» изображения и мнимого здоровья (94% случаев) и мнимой болезни (99% случаев). Но даже после того, как врачей предупредили о фальсификации снимков, при повторном их изучении удельный вес ошибок составил 60 и 87% соответственно. Сотрудник Университета имени Бен-Гуриона (Бэер-Шева, Израиль) И. Мирский провел эксперимент – с согласия руководства медицинских учреждений он незаметно проникал в отделения томографии и подключал специальное устройство для перехвата данных с томографов, передаваемые по локальной сети. Вся «миссия» заняла у него 30 секунд. Эксперимент касался томографии онкобольных, но такая технология может быть использована для искажения снимков при любом заболевании. Использовать ее можно при совершении цифровых вымогательств, страхового мошенничества и в иных преступных целях [34, 35].

Криминальную угрозу цифровому здравоохранению представляет и разглашение конфиденциальной медицинской информации, существующей в цифровом формате. Источниками таких угроз могут быть не только внешние вмешательства, к примеру хакерские атаки, но и внутренние, неправомерные действия, совершаемые сотрудниками медицинских организаций (медицинскими работниками, техническими специалистами, обслуживающими компьютерные системы, и т.п.). Среди случаев, когда простая невнимательность медицинского персонала приводила к утечке конфиденциальных данных, – телефонный пранк (розыгрыш) в отношении медицинской сестры лондонского госпиталя короля Эдуарда VII, где находилась Кейт Миддлтон – супруга принца Уильяма. Два диджея австралийской радиостанции позвонили в регистратуру госпиталя и, имитируя британский акцент, представились королевой Елизаветой II и принцем Чарльзом, после чего спросили о состоянии здоровья герцогини Кембриджской. Медицинская сестра в регистратуре, не распознав обмана, соединила их со старшей медицинской сестрой. Старшая медсестра тоже не увидела подвоха и сообщила мнимым членам монаршего дома конфиденциальную медицинскую информацию, после чего радиостанция выдала в эфир запись разговоров с медиками [36. Р. 977].

Не так давно скандал случился в российском здравоохранении – в интернете оказались персональные данные около 100 тысяч пациентов московских больниц, переболевших коронавирусом (имена, номера телефонов, паспортные данные, номера полисов медицинского страхования, домашние адреса, а также информация, составляющая медицинскую тайну). В мэрии Москвы заявили, что в утечке виноват «человеческий» фактор – сотрудники, которые занимались обработкой служебных документов, передали их третьим лицам. Всего «ушло» данных общим объемом в 1 Гб (362 файла в формате Word, Excel, PDF, JPG). Некоторые файлы формата PDF и JPG содержали данные медицинского осмотра пациентов. Было уста-

новлено, что организация, создавшая эти файлы, – департамент информационных технологий Москвы, руководитель которого Э. Лысенко заявил, что взломов и другого несанкционированного вмешательства в работы IT-систем не было, а следовательно, причина утечки – человеческий фактор [37].

Противодействие киберугрозам для цифрового здравоохранения

Реально наступающие и отдаленные тяжкие последствия кибератак на организации здравоохранения, все шире использующие цифровые технологии, делают противодействие таким преступным посягательствам первоочередной и жизненно важной задачей в буквальном смысле слова. Не исключая других сфер разработки и осуществления мер противодействия подобным преступлениям, полагаем, что приоритетными являются право, техника и образование.

К *правовым мерам* необходимо отнести, прежде всего, регламентацию правового режима цифрового здравоохранения, а также совершенствование уголовного законодательства как на национальном, так и на международном уровне, включая заключение соответствующих соглашений. Адаптация национального уголовного права может осуществляться через институты как Общей, так и Особенной части, в том числе с помощью введения в закон новых обстоятельств, отягчающих наказание, и конструирования специальных норм об ответственности за компьютерные преступления в сфере здравоохранения. Крайне важное значение имеют локальные нормативные акты, принятые в конкретной медицинской или иной организации, с правилами, среди прочего, «цифровой гигиены» для сотрудников. *Технические меры* играют решающую роль в обеспечении кибербезопасности системы здравоохранения. Такие меры должны включать в себя программные, аппаратные, программно-аппаратные средства противодействия. С учетом того, какие угрозы (внутренние или внешние) необходимо нейтрализовать, конкретные технологии и средства предупреждения могут варьироваться. К техническим мерам относятся также процедуры стандартизации и контроля перед получением разрешения на применение цифровых устройств медицинского назначения и использование технологии «блокчейн» для защиты медицинской информации. *Образовательные меры* должны включать регулярные мероприятия информационно-образовательного характера с медицинским персоналом и иными сотрудниками медицинских организаций, использующими в своей деятельности цифровые технологии. Необходимо разрабатывать соответствующие руководства по кибербезопасности для организаций здравоохранения.

Выводы

Результаты проведенного исследования приводят к следующим выводам:

– цифровое здравоохранение получает все большее распространение в мире и в России, и, учитывая скорость развития и внедрения цифровых технологий,

недалеко время, когда такие технологии станут общепринятым, вполне обыденным инструментом охраны здоровья граждан;

- организации здравоохранения подвергаются и будут подвергаться кибератакам, зачастую посягающим одновременно на несколько объектов уголовно-правовой охраны: общественную безопасность, собственность, жизни и здоровье, а также конституционные права граждан, безопасность сбора, хранения и обращения компьютерной информации;

- пандемия COVID-19 послужила катализатором роста киберпосягательств на организации здравоохранения;

- кибервойны с участием государств перестали быть фантастикой, что не исключает возможные кибердиверсии в отношении национальных систем здравоохранения в целом, как и отдельных ее структурных единиц, например, нападения на объекты военной медицины;

- корыстные мотивы лежат в основе всей массы зарегистрированных сегодня киберпосягательств в сфере здравоохранения (вымогательства, кражи пер-

сональных данных), что объясняется повышающейся капитализацией здравоохранения;

- уголовное право (как на международном, так и на национальном уровне) должно немедленно отреагировать на криминальные угрозы кибербезопасности здравоохранения (спектр возможных средств широк от заключения соответствующих международных соглашений до включения способа совершения преступлений в число отягчающих ответственность обстоятельств);

- происходит оформление отдельного направления в теории и практике кибербезопасности – кибербезопасность здравоохранения, что требует развития соответствующей индустрии, продукция которой (техническая, программная, информационная, образовательная) была бы направлена на снижение рисков цифровых угроз именно для этой деятельности;

- необходимо сотрудничество ученых различных специальностей с тем, чтобы противодействие криминальным цифровым угрозам в сфере здравоохранения имело основательный научный фундамент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. eHealth Action Plan 2012-2020 - Innovative healthcare for the 21st century. COM (2012) 736 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012DC0736&from=EN> (дата обращения: 17.12.2020).
2. Meier B.M., Taylor A. Eccleston-Turner M. et al. The World Health Organization in Global Health Law // *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2020. Vol. 48, Is. 4. P. 796–799. DOI: 10.1177/1073110520979392
3. WHO guideline: recommendations on digital interventions for health system strengthening. Geneva : World Health Organization, 2019. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311941/9789241550505-eng.pdf?ua=1> (дата обращения: 17.12.2020).
4. WHO. Global strategy on digital health 2020–2025. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/documents/g4dhdaa2a9f352b0445bafbc79ca799dce4d.pdf> (дата обращения: 17.12.2020).
5. Digital health. Resolution WHA71.7. May 2018. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA71/A71_R7-en.pdf?ua=1 (дата обращения: 17.12.2020).
6. Report of the WHO Symposium on the Future of Digital Health Systems in the European Region. Copenhagen, Denmark, 6–8 February 2019. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/329032/9789289059992-eng.pdf> (дата обращения: 19.12.2020).
7. Карпов О.Э., Субботин С.А., Шишканов Д.В., Замятин М.Н. Цифровое здравоохранение. Необходимость и предпосылки // *Врач и информационные технологии*. 2017. № 3. С. 6–22.
8. Classification of digital health interventions v 1.0. A shared language to describe the uses of digital technology for health. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/260480/WHO-RHR-18.06-eng.pdf> (дата обращения: 17.12.2020).
9. Digital Health Market Share Trends 2020-2026 Growth Report. Global Market Insights. Insights to Innovation. URL: <https://www.gminsights.com/industry-analysis/digital-health-market> (дата обращения: 11.01.2021).
10. FDA Guidances with Digital Health content. URL: <https://www.fda.gov/medical-devices/digital-health-center-excellence/guidances-digital-health-content> (дата обращения: 9.01.2021).
11. Criteria for health app assessment. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/health-app-assessment-criteria/criteria-for-health-app-assessment> (дата обращения: 9.01.2020).
12. A guide to good practice for the use of digital technology in health and care. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/code-of-conduct-for-data-driven-health-and-care-technology/initial-code-of-conduct-for-data-driven-health-and-care-technology> (дата обращения: 09.01.2021).
13. Information Security Management: NHS Code of Practice. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/information-security-management-nhs-code-of-practice> (дата обращения: 9.01.2021).
14. Kolasa K., Kozinski G. How to Value Digital Health Interventions? A Systematic Literature Review // *International Journal of Environmental and Public Health*. 2020. Vol. 17, Is. 6. Art. 2119. DOI: 10.3390/ijerph17062119
15. Maedar A.J., Bidargaddi N.P., Williams P.A.H. Contextualising Digital Health to Fighting the COVID-19 Pandemic // *Journal of International Society for Telemedicine and EHealth*. 2020. Vol. 8. Art. e3. DOI: 10.29086/JISfTeH.8.e3
16. Robbins T., Hudson S., Ray P. et al. COVID-19: A new digital dawn? // *Digital Health*. 2020. Vol. 6. P. 1–3. DOI: 10.1177/2055207620920083.
17. Hollander J.E., Carr B.G. Virtually Perfect? Telemedicine for Covid-19 // *New England Journal of Medicine*. 2020. Vol. 382, № 18. P. 1679–1681. DOI: 10.1056/NEJMp2003539
18. Schwamm L.H., Erskine A., Licurse A. A digital embrace to blunt the curve of COVID19 pandemic // *NPJ Digital Medicine*. 2020. Vol. 3. Art. № 64. DOI: 10.1038/s41746-020-0279-6.
19. Keesara S., Jonas A., Schulman K. Covid-19 and Health Care's Digital Revolution // *New England Journal of Medicine*. 2020. Vol. 382, № 23. P. e82(1)–e82(3). DOI: 10.1056/NEJMp2005835
20. Coronavirus Preparedness and Response Supplemental Appropriations Act. H.R. 6074. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6074/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22coronavirus+preparedness+and+response+supplemental+appropriations+act%22%5D%7D&r=1&s=2> (дата обращения: 11.01.2021).
21. Loeb A.E., Rao S.S., Ficke J.R. et al. Departmental Experience and Lessons Learned With Accelerated Introduction of Telemedicine During the COVID-19 Crisis // *Journal of American Academy of Orthopaedic Surgeons*. 2020. Vol. 28, № 11. P. e469–e476. DOI: DOI: 10.5435/JAAOS-D-20-00380
22. European Commission. Shaping Europe's digital future. Digital health technologies addressing the pandemic. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/digital-health-technologies-addressing-pandemic> (дата обращения: 11.01.2021).
23. Hayardeny E. Protecting healthcare organizations from cyberattacks // *Security*. 2020. Dec. 4. URL: <https://www.securitymagazine.com/articles/94087-protecting-healthcare-organizations-from-cyberattacks> (дата обращения: 11.01.2021).

24. Singleton C., Kiefer C., Villadsen O. Ransomware 2020: Attack Trends Affecting Organizations Worldwide // Security Intelligence. 2020. Sept. 28. URL: <https://securityintelligence.com/posts/ransomware-2020-attack-trends-new-techniques-affecting-organizations-worldwide/> (дата обращения: 21.01.2021).
25. Blinder A., Perlroth N. Hard Choice for Cities Under Cyberattack: Whether to Pay Ransom // New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/29/us/atlanta-cyberattack-ransom.html> (дата обращения: 15.01.2021).
26. Ghafur S., Grass E., Jennings N.R., Darzi A. The challenges of cybersecurity in health care: the UK National Health Service as a case study // The Lancet Digital Health. 2019. Vol. 1, № 1. P. e10–e12. DOI: 10.1016/S2589-7500(19)30005-6
27. Eddy M., Perlroth N. Cyber Attack Suspected in German Woman's Death // The New York Times. 2020. Sept. 18. URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/18/world/europe/cyber-attack-germany-ransomware-death.html> (дата обращения: 22.01.2021).
28. Cyber Security Report. 2020. Check Point Software Technologies LTD. URL: <https://www.ntsc.org/assets/pdfs/cyber-security-report-2020.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).
29. BD 2020 Cybersecurity Report. Improving cybersecurity collaboration across the industry. URL: https://cybersecurity.bd.com/documents/Cybersecurity/BD_BD-2020-Cybersecurity-Report_EN.pdf (дата обращения: 14.01.2021).
30. 2020 HIMSS Cybersecurity Survey. Healthcare Information and Management Systems Society. URL: https://www.himss.org/sites/hde/files/media/file/2020/11/16/2020_himss_cybersecurity_survey_final.pdf (дата обращения: 14.01.2021).
31. Burt T. Cyberattacks targeting health care must stop. 2020. Nov. 13. URL: <https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2020/11/13/health-care-cyberattacks-covid-19-paris-peace-forum/> (дата обращения: 22.01.2021).
32. Coravos A., Goldsack J.C., Karlin D.P. et al. Digital Medicine: A Primer on Measurement // Digital Biomarkers. 2019. Vol. 3, № 2. P. 31–71. DOI: 10.1159/000500413
33. Garg S., Williams N.L., Ip A., Dicker A.P. Clinical Integration of Digital Solutions in Health Care: An Overview of the Current landscape of Digital technologies in Cancer Care // JCO Clinical Cancer Informatics. 2018. Vol. 2. P. 1–9. DOI: 10.1200/CCI.17.00159
34. Burki T. The dangers of the digital age // The Lancet Digital Health. 2019. Vol. 1, № 2. P. e61–e62. DOI: 10.1016/S2589-7500(19)30032-9
35. Zetter K. Hospital viruses: Fake cancerous nodes in CT scans, created by malware, trick radiologists // The Washington Post. 2019. April 3. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2019/04/03/hospital-viruses-fake-cancerous-nodes-ct-scans-created-by-malware-trick-radiologists/?fbclid=IwAR2sE8kdnrlVW-YxPI2F3S0jFe7nzujxZq5-QNDSbrYBsOJ4idTIESFORa4&noredirect=on> (дата обращения: 15.01.2021).
36. Taitsman J.K., Grimm C.M., Agrawal S. Protecting Patient Privacy and Data Security // The New England Journal of Medicine. 2013. Vol. 368, № 11. P. 977–979. DOI: 10.1056/NEJMp1215258
37. В сети оказались личные данные 100 тыс. московских пациентов // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/society/44491151/> (дата обращения: 22.01.2021).

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 мая 2021 г.

Digital Health, COVID-19 Pandemic, and Cybersecurity Issues

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 243–252.

DOI: 10.17223/15617793/468/28

Lev R. Klebanov, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: solomon70@bk.ru

Svetlana V. Polubinskaya, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: svepol@yandex.ru

Keywords: digital health; COVID-19 pandemic; medical care; telemedicine; medical devices; medical data; medical data confidentiality; cyberattack; cybersecurity.

The article focuses on a wide range of cybersecurity issues related to the use of digital technologies in healthcare. Many countries are increasingly adopting digital innovations into their national health systems and therefore raise their cybersecurity risks. The number of cyberattacks on health care organizations is steadily increasing; and the COVID-19 pandemic, which has required more frequent use of digital technologies to address public health challenges, has also influenced the proliferation of criminal cyberattacks. The aim of the study was to describe the main types of criminal, mostly digital, risks for digital health and identify the most important ways to counteract them. The article includes an analysis of international and national regulatory documents, foreign scientific literature, reports of organizations dealing with cybersecurity issues. In preparing it, the authors used general and specific scientific methods including analysis, synthesis, formal and legal analysis, historical method, interdisciplinary research, and expert assessment. The authors conclude that the increasing use of digital technologies in health care, especially in the context of the COVID-19 pandemic, expands the number of targets for cybercriminals. Three main types of digital health criminal risks are identified: attacks on health care organizations, attacks on devices used for medical purposes, including those associated with the Internet of Medical Things, and the theft and disclosure of digitally stored confidential medical information. The latter group of acts is committed by both outsiders and employees of healthcare organizations. The vast majority of registered cybercrimes are profit motivated ones, and the most common cybercrime is extortion with the use of malicious software (ransomware). To counter criminal risks for digital health, the authors propose a set of actions divided into three groups such as legal, technical, and educational. According to the authors, international and national criminal law should immediately respond to digital criminal threats to healthcare systems, in particular by making relevant international agreements and by including the manner in which such crimes are committed into criminal laws as an aggravating circumstance. In addition, the authors note the formation of a special direction in cybersecurity research and practice – healthcare cybersecurity – which requires the development of an appropriate industry, with respective hardware, software, informational and educational products that would be aimed at eliminating and reducing the risks for digital health.

REFERENCES

1. European Commission. (2012) *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. eHealth Action Plan 2012–2020 – Innovative healthcare for the 21st century. COM (2012) 736 final*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012DC0736&from=EN> (Accessed: 17.12.2020).
2. Meier, B.M. et al. (2020) The World Health Organization in Global Health Law. *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. 48 (4). pp. 796–799. DOI: 10.1177/1073110520979392
3. WHO. (2019) *WHO guideline: recommendations on digital interventions for health system strengthening*. Geneva: World Health Organization. [Online] Available from: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311941/9789241550505-eng.pdf?ua=1> (Accessed: 17.12.2020).

4. WHO. (2021) *Global strategy on digital health 2020–2025*. [Online] Available from: <https://www.who.int/docs/default-source/documents/gsdhdaa2a9f352b0445bafbc79ca799dce4d.pdf> (Accessed: 17.12.2020).
5. WHO. (2018) *Digital health. Resolution WHA71.7. May 2018*. [Online] Available from: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA71/A71_R7-en.pdf?ua=1 (Accessed: 17.12.2020).
6. WHO. (2019) *Report of the WHO Symposium on the Future of Digital Health Systems in the European Region*. Copenhagen, Denmark, 6–8 February 2019. [Online] Available from: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/329032/9789289059992-eng.pdf> (Accessed: 19.12.2020).
7. Karpov, O.E. et al. (2017) Digital Public Health. Necessity and Background. *Vrach i informatsionnye tekhnologii – Information Technologies for the Physician*. 3. pp. 6–22. (In Russian).
8. WHO. (2018) *Classification of digital health interventions v 1.0. A shared language to describe the uses of digital technology for health*. [Online] Available from: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/260480/WHO-RHR-18.06-eng.pdf> (Accessed: 17.12.2020).
9. Global Market Insights. Insights to Innovation. (2021) *Digital Health Market Share Trends 2020–2026 Growth Report*. [Online] Available from: <https://www.gminsights.com/industry-analysis/digital-health-market> (Accessed: 11.01.2021).
10. FDA. (2021) *FDA Guidances with Digital Health content*. [Online] Available from: <https://www.fda.gov/medical-devices/digital-health-center-excellence/guidances-digital-health-content> (Accessed: 09.01.2021).
11. GOV.UK. (2017) *Criteria for health app assessment*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/health-app-assessment-criteria/criteria-for-health-app-assessment> (Accessed: 9.01.2020).
12. GOV.UK. (2021) *A guide to good practice for the use of digital technology in health and care*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/code-of-conduct-for-data-driven-health-and-care-technology/initial-code-of-conduct-for-data-driven-health-and-care-technology> (Accessed: 09.01.2021).
13. GOV.UK. (2007) *Information Security Management: NHS Code of Practice*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/information-security-management-nhs-code-of-practice> (Accessed: 9.01.2021).
14. Kolasa, K. & Kozinski, G. (2020) How to Value Digital Health Interventions? A Systematic Literature Review. *International Journal of Environmental and Public Health*. 17 (6). Art. 2119. DOI: 10.3390/ijerph17062119
15. Maedar, A.J., Bidargaddi, N.P. & Williams, P.A.H. (2020) Contextualising Digital Health to Fighting the COVID-19 Pandemic. *Journal of International Society for Telemedicine and EHealth*. 8. Art. e3. DOI: 10.29086/JISfTeH.8.e3
16. Robbins, T. et al. (2020) COVID-19: A new digital dawn? *Digital Health*. 6. pp. 1–3. DOI: 10.1177/2055207620920083.
17. Hollander, J.E. & Carr, B.G. (2020) Virtually Perfect? Telemedicine for Covid-19. *New England Journal of Medicine*. 382 (18). pp. 1679–1681. DOI: 10.1056/NEJMp2003539
18. Schwamm, L.H., Erskine, A. & Licurse, A. (2020) A digital embrace to blunt the curve of COVID19 pandemic. *NPJ Digital Medicine*. 3 (64). DOI: 10.1038/s41746-020-0279-6
19. Keesara, S., Jonas, A. & Schulman, K. (2020) Covid-19 and Health Care's Digital Revolution. *New England Journal of Medicine*. 382 (23). pp. e82(1)–e82(3). DOI: 10.1056/NEJMp2005835
20. 116th Congress. (2020) *Coronavirus Preparedness and Response Supplemental Appropriations Act. H.R. 6074*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6074/text?q=%27B%22search%22%3A%5B%22coronavirus+preparedness+and+response+supplemental+appropriations+act%22%5D%7D&r=1&s=2> (Accessed: 11.01.2021).
21. Loeb, A.E. et al. (2020) Departmental Experience and Lessons Learned With Accelerated Introduction of Telemedicine During the COVID-19 Crisis. *Journal of American Academy of Orthopaedic Surgeons*. 28 (11). pp. e469–e476. DOI: DOI: 10.5435/JAAOS-D-20-00380
22. European Commission. (2020) *Shaping Europe's digital future. Digital health technologies addressing the pandemic*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/digital-health-technologies-addressing-pandemic> (Accessed: 11.01.2021).
23. Hayardeny, E. (2020) Protecting healthcare organizations from cyberattacks. *Security*. Dec. 4. [Online] Available from: <https://www.securitymagazine.com/articles/94087-protecting-healthcare-organizations-from-cyberattacks> (Accessed: 11.01.2021).
24. Singleton, C., Kiefer, C. & Villadsen, O. (2020) Ransomware 2020: Attack Trends Affecting Organizations Worldwide. *Security Intelligence*. Sept. 28. [Online] Available from: <https://securityintelligence.com/posts/ransomware-2020-attack-trends-new-techniques-affecting-organizations-worldwide/> (Accessed: 21.01.2021).
25. Blinder, A. & Perlroth, N. (2018) Hard Choice for Cities Under Cyberattack: Whether to Pay Ransom. *New York Times*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2018/03/29/us/atlanta-cyberattack-ransom.html> (Accessed: 15.01.2021).
26. Ghafur, S. et al. (2019) The challenges of cybersecurity in health care: the UK National Health Service as a case study. *The Lancet Digital Health*. 1 (1). pp. e10–e12. DOI: 10.1016/S2589-7500(19)30005-6
27. Eddy, M. & Perlroth, N. (2020) Cyber Attack Suspected in German Woman's Death. *The New York Times*. Sept. 18. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2020/09/18/world/europe/cyber-attack-germany-ransomware-death.html> (Accessed: 22.01.2021).
28. Check Point Software Technologies LT D. (2020) *Cyber Security Report*. [Online] Available from: <https://www.ntsc.org/assets/pdfs/cyber-security-report-2020.pdf> (Accessed: 14.01.2021).
29. BD. (2020) *Cybersecurity Report. Improving cybersecurity collaboration across the industry*. [Online] Available from: https://cybersecurity.bd.com/documents/Cybersecurity/BD_BD-2020-Cybersecurity-Report_EN.pdf (Accessed: 14.01.2021).
30. Healthcare Information and Management Systems Society. (2020) *2020 HIMSS Cybersecurity Survey*. [Online] Available from: https://www.himss.org/sites/hde/files/media/file/2020/11/16/2020_himss_cybersecurity_survey_final.pdf (Accessed: 14.01.2021).
31. Burt, T. (2020) *Cyberattacks targeting health care must stop*. Nov. 13. [Online] Available from: <https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2020/11/13/health-care-cyberattacks-covid-19-paris-peace-forum/> (Accessed: 22.01.2021).
32. Coravos, A. et al. (2019) Digital Medicine: A Primer on Measurement. *Digital Biomarkers*. 3 (2). pp. 31–71. DOI: 10.1159/000500413
33. Garg, S. et al. (2018) Clinical Integration of Digital Solutions in Health Care: An Overview of the Current landscape of Digital technologies in Cancer Care. *JCO Clinical Cancer Informatics*. 2. pp. 1–9. DOI: 10.1200/CCI.17.00159
34. Burki, T. (2019) The dangers of the digital age. *The Lancet Digital Health*. 1 (2). pp. e61–e62. DOI: 10.1016/S2589-7500(19)30032-9
35. Zetter, K. (2019) Hospital viruses: Fake cancerous nodes in CT scans, created by malware, trick radiologists. *The Washington Post*. April 3. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/technology/2019/04/03/hospital-viruses-fake-cancerous-nodes-ct-scans-created-by-malware-trick-radiologists/?hpid=hp-top-news-tech%3Ahomepage%2Ft-tech&hpid=hp-top-news-tech%3Ahomepage%2Ft-tech> (Accessed: 15.01.2021).
36. Taitsman, J.K., Grimm, C.M. & Agrawal, S. (2013) Protecting Patient Privacy and Data Security. *The New England Journal of Medicine*. 368 (11). pp. 977–979. DOI: 10.1056/NEJMp1215258
37. Novosti Mail.ru. (2020) *V seti okazalis' lichnye dannye 100 tys. moskovskikh patsientov* [The personal data of 100 thousand Moscow patients leaked to the web]. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/society/44491151/> (Accessed: 22.01.2021).

Received: 13 May 2021

К.В. Корсаков

УБИЙСТВО ПО МОТИВУ КРОВНОЙ МЕСТИ: ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Предпринята попытка разрешения проблем, возникающих при применении п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, которые появились с момента вступления в силу УК РФ 1996 г. и имеют место до сих пор. Произведен анализ подходов к имеющему важное квалификационное значение виду субъекта убийства по мотиву кровной мести, на основании которого предложен и обоснован единообразный подход к определению субъекта убийства по мотиву кровной мести, способный упорядочить правоприменительную практику.

Ключевые слова: убийство по мотиву кровной мести; обычай кровной мести; п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ; преступления против жизни; субъект преступления; квалификация преступлений.

Известно, что как в советской уголовно-правовой доктрине, так и в российской теории уголовного права на рубеже XX–XXI столетий превалировала точка зрения, согласно которой субъект убийства по мотиву кровной мести является специальным: под ним понималось физическое лицо, принадлежащее к какой-либо группе населения (народу, национальности, народности, этнической либо социальной группе и др.), в которой по каким-либо причинам сохранился и используется обычай кровной мести [1. С. 44; 2. С. 51; 3. С. 44–45]. Данное мнение стало поддерживаться многими известными правоведами и криминологами (Г.Н. Борзенковым, А.Э. Жалинским, Б.В. Здравомысловым, Ю.М. Ткачевским, Г.И. Чечелем и др.) и на современном российском этапе развития отечественной уголовно-правовой мысли [4. С. 204; 5. С. 39; 6. С. 228]. Так, в частности, известный специалист в области квалификации преступлений Н.К. Семернева о субъекте убийства по мотиву кровной мести писала: «виновный в таком убийстве должен принадлежать к той этнической группе населения, которая исповедует обычай кровной мести» [7. С. 255]. С.В. Бородин также подчеркивал, что помимо установления мотива кровной мести как побудительной причины убийства, порожденной соответствующим древним обычаем, органам следствия и суду необходимо установить «принадлежность лица, совершившего убийство, к группе населения, которая придерживается обычая кровной мести» [8. С. 201]. Согласно точке зрения профессора Г.И. Чечеля, субъектом убийства по мотиву кровной мести может быть «только лицо, принадлежащее к той национальности или группе населения, где еще встречается родовой обычай кровной мести. Им может выступать лицо как мужского, так и женского пола» [9. С. 126].

Следует заметить, что высшие судебные органы власти СССР также придерживались этой позиции, о чем свидетельствует целый ряд принятых ими и вступивших в силу решений. В частности, после того, как Ставропольский краевой суд признал гражданина цыганской национальности виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «к» ст. 102 УК РСФСР, по результатам рассмотрения уголовного дела об убийстве девушки-цыганки, родной дядя которой убил отчима подсудимого, Президиум Верховного Суда РСФСР изменил данный приговор и произ-

вел переквалификацию содеянного на ст. 103 УК РСФСР. В решении Президиума Верховного Суда РСФСР подчеркивалось, что для квалификации преступного деяния по п. «к» ст. 102 УК РСФСР необходимо установить, что обвиняемый относится к той общности, которая использует обычай кровной мести, а цыганам, проживающим на территории СССР, согласно представленным экспертным заключениям, обычай кровной мести неизвестен [10. С. 28].

Современная российская судебная практика по-прежнему основывается на этой, уже устоявшейся в отечественном правоприменении, позиции, о чем, например, свидетельствует решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия), не признавшего подсудимого – жителя Якутии и русского по национальности, который обвинялся органами следствия в убийстве по мотиву кровной мести сына человека, по неосторожности лишившего жизни его малолетнего единоутробного брата, субъектом преступного деяния, предусмотренного в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по тем же самым основаниям [11].

Другим примером может служить уголовное дело, возбужденное по ст. 105 УК РФ в отношении русского по национальности, который родился и вырос в г. Москве. По причине постоянных насмешек он принял решение убить своего обидчика и двух его близких родственников. После реализации данного намерения гражданин был задержан сотрудниками органов внутренних дел. В период предварительного расследования он объяснил свой криминальный поступок желанием прибегнуть к традиции кровной мести, которую назвал жестокой, но честной и справедливой. Несмотря на данные утверждения, суд переквалифицировал его действия с п. «е.1» на п. «а» ст. 105 УК РФ по причине того, что обвиняемый не принадлежал к группе населения, в которой существует и применяется обычай кровной мести [12].

Такой подход разделяется судебными органами многих западноевропейских государств. Так, в судебном заседании по весьма резонансному уголовному делу Виталия Калоева – осетина, осужденного в Швейцарии за убийство диспетчера Петера Нильсена, по вине которого в авиакатастрофе погибли жена, сын и дочь подсудимого, швейцарские судьи специально оговаривали, что мотив кровной мести ими в судебном заседании не рассматривается, так как согласно

заклечениям ряда специалистов она не используется в Северной Осетии – родине В.К. Калоева [13].

Российские эксперты по осетинскому этносу подтвердили этот вывод, указав, что обычай кровной мести среди осетин к началу XX столетия был изжит и с того времени ими не поддерживается, а в период следования ему он не применялся в случаях непреднамеренного лишения жизни (причинения смерти по неосторожности), допускал убийство как самого убийцы, так и кого-либо из его близких родственников по мужской линии, однако предполагал публичное объявление о начале процесса кровомщения и не допускал сокрытие от общественности мотивов и целей данного преследования (сам В.К. Калоев, отвечая на вопросы о причинах своего поступка, никогда не говорил, что действовал по мотиву кровной мести или же мести в целом).

В настоящее время обозначенный выше распротранившийся в судебной и следственной практике подход решительно оспаривается и критикуется некоторыми российскими авторами. Например, Д.Б. Лаптев и Я.В. Танасейчук полагают, что «субъекта рассматриваемого преступления необходимо считать общим» [14. С. 47], а исследователи М.В. Задворнов и А.А. Даурбеков вообще предлагают исключить мотив кровной мести из перечня квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 105 УК РФ и квалифицировать убийство, совершенное по мотиву (на почве) кровной мести, как убийство без квалифицирующих признаков по ч. 1 ст. 105 УК РФ (из обычной (бытовой) мести либо личной неприязни) [15. С. 29]. Ряд современных исследователей в качестве аргумента в пользу абrogации п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК и квалификации соответствующих деяний по ч. 1 ст. 105 УК РФ указывают на небольшой процент распространенности убийств по мотиву кровной мести в России в настоящее время. Соглашаясь с этим фактом, укажем, что незначительное число убийств по мотиву кровной мести в общем массиве убийств связана как с трудностями установления и доказывания этого специфического мотива, так и с высоким уровнем латентности данной разновидности убийства, часто выдаваемого либо маскируемого под убийство с иными мотивами, которое квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ и влечет более мягкое наказание. Также нельзя не отметить, что небольшая доля убийств по мотиву кровной мести не может быть поводом для отмены норм, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за таковые: в действующем российском уголовном законодательстве немало статей, которые предусматривают ответственность за преступные деяния, встречающиеся на практике еще реже, однако это не дает оснований для их отмены, так как предпосылкой криминализации последних выступает не их количество, а их общественная опасность.

Точка зрения М.В. Задворнова и А.А. Даурбекова и примкнувших к ним авторов представляется нам некорректной, так как убийство по мотиву кровной мести отличается от «простого» (обычного) убийства, включая убийство из обычной мести, которое квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ, гораздо более высокой степенью общественной опасности. Данная

опасность заключается как в широком круге возможных жертв такого убийства, в который попадает не только первоначальный обидчик, но и его родственники, причем вне зависимости от их причастности и личному отношению к совершенному их сородичем проступку (они могут и не знать о таковом либо отрицать такое поведение), так и в не менее широком круге людей, способных осуществить кровную месть, в который попадают кровные родственники жертвы независимо от их мнения о семье виновного, а также от давности конфликта. Кровомщение, нередко ошибочно рассматривающееся в качестве альтернативы уголовному наказанию со стороны государства, как форма «стихийного», «народного» возмездия, обладает высокой социальной опасностью ввиду его внесудебного характера, оно представляет собой не имеющий отношения к праву и юстиции самосуд, от которого могут пострадать ни в чем не повинные люди.

Другая опасность кровной мести состоит в том, что в современных значительно усложнившихся общественно-политических и экономических реалиях на фоне непрекращающейся террористической активности, которая получает поддержку во многих регионах, сохраняющих кланово-племенное деление, этот обычай часто используется в качестве повода, прикрытия либо инструмента для реализации криминальных целей и задач представителями региональных религиозно-радикальных, террористических, экстремистских и сепаратистских движений и бандитских формирований. Кровная месть может распространяться на членов семей и близких участников враждующих организованных преступных группировок, на неугодных террористам и бандитам духовных лидеров и религиозных деятелей, на свидетелей их преступлений и на работников правоохранительных органов и других представителей власти.

Самая же большая опасность кровной мести заключается в том, что она очень часто запускает механизм ответных действий по принципу взаимности (или симметрии, талиона, известного по формуле «око за око, зуб за зуб») и приводит к затяжной междоусобице, междоусобице, междоусобице. По нашему мнению, советским законодательством кровная месть совершенно справедливо рассматривалась как антигосударственный и общественно опасный обычай.

Примером затяжного междоусобицы является история отечественного права является череда убийств по мотиву кровной мести, зафиксированная на территории советской Адыгеи (среди народов адыгской группы – адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов и др. обычай кровной мести исторически получил такое же повсеместное и широкое распространение, как и среди вайнахских, лезгинских и аваро-андо-цезских народов): в одном из селений Адыгейской автономной области РСФСР местному жителю был нанесен тяжкий вред здоровью, который он и его родственники восприняли как серьезную обиду, смыслом только кровью, после чего потерпевшим был убит племянник его обидчика, что явилось причиной его осуждения за убийство на почве кровной мести к лишению свободы на срок в девять лет. После

освобождения из исправительно-трудовой колонии он был почти сразу же убит в порядке кровомщения дядей убитого им племянника – человеком, запустившим механизм кровной вражды, который затем за данное убийство был осужден к лишению свободы на срок в десять лет. После отбытия им срока уголовного наказания и возвращения на родину он, его жена и малолетний сын были убиты по мотиву кровной мести сыном погибшего от его руки человека, также впоследствии осужденным [16. С. 328–329].

В СССР для предотвращения актов кровной мести велась активная работа как по линии общественных объединений – ассоциаций и особых комиссий (специальные примирительные комиссии для разрешения конфликтов между «кровниками» на Кавказе и в Закавказье, которые в своей деятельности использовали старые горские обычаи примирения и традиции коллективных методов разрешения межобщинных распрей), так и судов чести и товарищеских судов, а в текст Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. была помещена ст. 231 «Уклонение от примирения», которая также была призвана противостоять распространению обычая кровной мести. В середине XX в. почти в каждом районе Чечни, Ингушетии и Дагестана успешно функционировали примирительные комиссии, в состав которых, как правило, входили наиболее авторитетные главы родов и родовых союзов (тейпов и тухумов), старейшины (аксакалы), представители местного духовенства (улемы) и руководящие партийные работники, хорошо знавшие местные обыкновения и следовавшие известному марксистскому тезису о возможности ломки одной традиции посредством другой.

«Рикшотное» желание родственников, друзей и близких погибших вследствие преступных посягательств покончить с убийцами, отомстить и отплатить им тем же вполне понятно (как известно, во избежание мести со стороны родственников убитых Р.А. Чикатило специально помещали в крепкую железную клетку). В случаях недосягаемости или же неуязвимости преступника месть может обрушиться на его родственников и близких. Это не превратит такие действия в кровную месть, так как их цель – не соблюдение обычая, а желание причинить боль и страдания виновному и заставить его испытать те же эмоции и чувства, которые испытали родственники жертв (например, когда приговоренный к пожизненному лишению свободы серийный убийца С.Ф. Ткач женился в местах лишения свободы, в адрес его молодой жены и родившегося ребенка от неустановленных лиц начали поступать угрозы жестокой расправой, что побудило ее сменить место жительства).

Случай, при котором убийца преследуется в частном порядке, например, со стороны русского отца, потерявшего свою единственную дочь, коренным образом отличается от случая, когда, к примеру, чеченец специально приезжает из далекой страны в другую, чтобы убить брата или племянника человека, осужденного судом и находящегося в колонии строгого режима за убийство его дальнего родственника, которого этот чеченец даже никогда не видел (такие случаи известны российской следственной практике).

В последнем случае преследователь может и не желать смерти родственникам убийце, но над ним довлеет древний обычай кровной мести, который представляет для него не правомочие, а скорее обязанность, долг и обеспечивается силой общественного мнения и многовековым традиционным укладом. Поэтому убийства по мотиву кровной мести не следует смешивать с убийствами по мотиву обычной мести и переводить их в этот разряд, а также объявлять субъект этого преступления общим, иначе ко вторым случаям в нашей правоприменительной практике будут ошибочно относить первые, никакого отношения к кровной мести не имеющие. Например, приговор Ростовского областного суда от 24 августа 2006 г. (по нему обвинявшийся в организации убийства человека, считавшегося им причастным к убийству его родителей, был осужден по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ч. 1 ст. 65 УК РФ на 12 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима) впоследствии был обжалован и изменен Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, переqualифицировавшим действия виновного с п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ [16. С. 256]).

Смешение и путаница будут происходить не только ввиду внешней схожести актов частной мести (особенно тогда, когда мстителем лишается жизни непосредственно сам посягатель (обидчик), а не его близкие родственники), но и по причине того, что и без того трудно устанавливаемые и доказуемые мотивы подобных убийств виновные в подавляющем большинстве случаев не раскрывают или же подменяют другими. Так как за убийство по мотиву кровной мести законодателем установлена повышенная уголовная ответственность, стороне защиты всегда будет выгодно настаивать на обычном (бытовом) характере мести, чтобы виновный был осужден по ч. 1, а не по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

История уголовно-правовой борьбы с кровной местью – это прежде всего история борьбы с деструктивным архаическим обычаем, который неотделим от мотива рассматриваемого преступления.

Казусы, когда какое-либо физическое лицо, не принадлежащее к определенной социокультурной (этнической, конфессиональной и пр.) среде, последовало бы обычаю кровной мести, признало наличие в своих действиях такого особенного мотива на следствии или в суде и впоследствии было бы осуждено по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, современной российской правоприменительной практикой неизвестны.

Такой специфический мотив может сформироваться у человека, который не был воспитан в рамках соответствующих традиций либо не воспринял их вследствие их постижения, закрепления и укоренения в его сознании. Последнее означает факт его погружения в соответствующую социокультурную среду, идеалы и ценности которой он начинает считать своими, и формирование в внутри него, в его психике соответствующей идентичности.

Некоторые авторы, предлагающие считать субъектом убийства по мотиву кровной мести любого, кто признает, что руководствовался данным обычаем в момент совершения убийства, считают, что их науч-

ные оппоненты настаивают на признании субъектом данного преступления против жизни только представителей определенных народов и этнических групп, у которых этот обычай распространен, что не совсем верно. Ввиду того, что обычай кровной мести может передаваться и воспроизводиться на практике не только на национальной (этнической), но и на конфессиональной, социальной и иных основах, круг таких сообществ (групп населения) гораздо более широк: не только этнические общности, но и религиозные (секты, ордена, конгрегации и т.д.) и социальные (касты, варны, сословия и др.) группы. Так, среди многих народов было распространено строгое правило, согласно которому кровную месть могут осуществить лишь представители высших слоев общества (например, военного сословия кшатриев (раджан) в Индии), а не простолюдины или принадлежащие к социальным низам и изгоям («неприкасаемые» (парии и пр.) в Индии, «эта» (буракумин и пр.) в Японии и др.). Кровную месть вполне может совершить как русский, оказавшийся в плену у афганских моджахедов, принявший ислам и долгое время проживавший в их среде (в Афганистане обычай кровной мести существует и активно используется и в наше время, в особенности среди пуштунских племен вазиров, афридиев и гильзаев), так и русский, никогда не покидавший пределы России, но ставший убежденным верующим-ваххабитом под влиянием экстремистской религиозной литературы.

Представители ряда ультрарадикальных и экстремистских религиозных толков и течений (салафиты, талибы и пр.) оправдывают и практикуют кровную месть, ссылаясь и превратно толкуя ряд заповедей из Корана, в частности: аят 178 суры 2: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный за свободного, раб за раба, женщина за женщину...», аят 179 суры 2: «Возмездие сохраняет вам жизнь, о обладающие разумом! – чтобы вы были осторожающимися» и аят 33 суры 17: «...Если кто-либо был убит несправедливо, то мы его родственнику дали власть над убийцей, но пусть он не излишествует в мщении...» и др.

Некоторыми авторами – сторонниками признания субъекта преступления, предусмотренного в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, общим – в качестве довода нередко используется то обстоятельство, что какой-либо перечень народов, наций, субэтносов и иных этнических общностей, к которым должен относиться субъект рассматриваемого преступления, нигде не закреплен. Данную аргументацию они дополняют тем, что на территории Российской Федерации в настоящий момент проживает более 190 различных народов. Только Республике Дагестан насчитывается свыше 30 этносов и малых народностей, причем установить, где сохранился обычай кровной мести, весьма непросто: если у проживающих в горных районах цунтинцев он не исчез, то у ногайцев, к примеру, не применяется. Такая же картина наблюдается, например, в Грузии. Здесь обычай кровной мести мог сохраниться у пшавов и хевсуров, но давно уже не известен лечхумцам и рачинцам.

Установление на законодательном уровне официального перечня (списка) излишне, так как кровная месть была в ходу практически у всех индоевропейских народов (включая восточных славян) и определение момента ее полного исчезновения из социальной практики какой-либо этнической общности представляет собой непростую задачу. Причем как ход общественного развития, так и различные социальные потрясения (кризисы, войны, катастрофы и т.д.) довольно часто приводят этносы к обращению к архаическим общественным нормам, которые давно не применялись, но остались в народной памяти. Примеры тому – начавшийся после крушения СССР процесс национально-религиозного возрождения на Кавказе, который привел не только к росту сепаратистских настроений в ряде его регионов, но и к возрождению на их территории правовых практик (применение адатного права, старых горских обычаев и норм шариата (Чечня, Ингушетия, Дагестан и др.)), включавших кровную месть и уплату калыма, и гуманитарная катастрофа на Балканском полуострове после распада некогда единого государства – Югославии, и вспыхнувшие вооруженные столкновения между балканскими этносами, среди которых экспертами было зафиксировано возвращение к обычаю кровной мести, в основном у черногорцев, македонцев, албанцев (прежде всего гегов), босняков, горанцев и др. Возрождение этого обычая у части южных славян, живущих на Балканах, было опосредовано не только этническими чистками и крайней жестокостью в период войн за территорию, но и изменением типа объединения в структуре социума в тяжелые времена междоусобиц: нуклеарную семью заменил род (задруга у черногорцев и сербов), которому присущи круговая порука и принципы коллективной ответственности [17. С. 151].

Обратим внимание на то обстоятельство, что в составе русского народа также имеются этнографические и этноконфессиональные группы, которые до сих пор сохраняют клановые (патриархально-родовые) формы объединения и обычаи, ритуалы и традиции (филипповцы (липоване), некрасовцы (игнат-казаки), поморы, анадырьчики (марковцы), сохранившиеся общины старообрядцев и др.). Заметим, что за последнее время в поле зрения правоохранительных органов неоднократно попадали праворадикальные объединения современных русских людей, исповедующих язычество, практикующих жертвоприношения, радения, обряды экзорцизма и призывающих жить по традициям предков (так называемому копно-му праву и т.д.), включая обычай кровомщения.

Определить ту группу населения (национальную, этноконфессиональную, религиозную, социальную и пр.), в которой в настоящее время культивируется обычай кровной мести, могут только отдельные экспертизы. Поэтому по всем уголовным делам, связанным с убийствами по мотиву кровной мести, следственными органами должна в обязательном порядке назначаться соответствующая экспертиза для беспристрастного разрешения данного вопроса, который, как мы убеждены, имеет не второстепенное и доказатель-

ственное, а самостоятельное и квалификационное значение.

Таким образом, к уголовной ответственности по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует привлекать физическое лицо, которое отвечает всем признакам специального субъекта данного умышленного преступления.

Во-первых, лицо должно разделять и признавать обычай кровной мести и в момент совершения преступления стремиться соблюсти этот обычай, то есть действовать по сформировавшемуся на его почве мотиву (формулировка «по мотиву кровной мести» предполагает присутствие и мотива, и обычая). В частности, в 2019 г. жюри присяжных заседателей полностью оправдало жителя Республики Дагестан, обвинявшегося в совершении убийства по мотиву кровной мести человека, родственники которого лишили жизни одного из членов его семьи. Несмотря на то обстоятельство, что в ходе судебного разбирательства была установлена и подтверждена принадлежность подсудимого к той этнической общности, в которой сохранился и культивируется обычай кровной мести, его оправдали по причине того, что присяжные заседатели сочли данный специфический мотив по результатам предварительного расследования недоказанным [18].

Во-вторых, лицо должно принадлежать к той группе населения (не обязательно национальной), которая придерживается обычая кровной мести. Такая группа может быть объединена не только на этнической, но и на конфессиональной, социальной, культурно-исторической и других основах. Данное лицо может принадлежать к любой национальности (особенно в свете норм и положений, содержащихся в ч. 1 ст. 26 Конституции Российской Федерации, согласно

которым «каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» и связанном с ними отсутствием графы «национальность» в российских паспортах). Подход, признающий субъекта убийства по мотиву кровной мести специальным, а не общим, как предлагают некоторые современные ученые, следует признать в российской уголовно-правовой доктрине правильным и обоснованным.

Помимо сверки и упорядочения доктринальных представлений и взглядов, для преодоления текущих проблем и трудностей, возникающих у правоприменителей при квалификации преступного деяния по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предлагаем текст Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. № 1 дополнить новым пунктом 9.1 следующего содержания: «при квалификации убийства по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать, что субъект данного преступления является специальным: он должен принадлежать к той группе населения, которая придерживается обычая кровной мести, а также разделять данный обычай и в момент совершения им убийства действовать по сформировавшемуся на почве данного обычая мотиву – мотиву кровной мести». Также в целях унификации российской правоприменительной практики, а равно совершенствования действующего законодательства нами предлагается в ст. 105 УК РФ ввести примечание следующего содержания: «Под кровной мстью в настоящей статье понимается обычай, согласно которому лицо, совершившее убийство, или кто-либо из его родственников должен быть убит кем-либо из родственников убитого».

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенков Г.Н., Дурманов Н.Д., Красиков Ю.А., Кригер Г.А. и др. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова и Ю.М. Ткачевского. М. : Изд-во МГУ, 1982. 472 с.
2. Васильев Н.В., Гельфер М.А., Гришаев П.И., Здравомыслов Б.В. и др. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М. : Юридическая литература, 1988. 608 с.
3. Барамиа А.И. Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершаемыми на почве кровной мести (по материалам Грузинской ССР) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. 249 с.
4. Жалинский А.Э., Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Уголовное право России. М. : Норма, 2005. 930 с.
5. Батычко В.Т. Уголовное право. Особенная часть. Таганрог : ИТА ЮФУ, 2010. 942 с.
6. Коробеев А.И., Есаков Г.А., Грачева Ю.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Проспект, 2014. 640 с.
7. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : научно-практическое пособие. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2008. 296 с.
8. Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.
9. Чечель Г.И. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести: вопросы квалификации и индивидуализации наказания. Ставрополь : Сервисшкола, 2005. 139 с.
10. Диасамидзе Г.И. Характеристика ответственности за убийство на почве кровной мести по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 167 с.
11. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 9 октября 2010 года по делу № 1-28/2010.
12. Приговор Бабушкинского районного суда города Москвы от 15 августа 2006 года по делу № 3-39/2006.
13. Преступник должен подвергнуться тюремному заключению на восемь лет. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/justiz/erstochener-fluglotse-taeter-muss-acht-jahre-in-haft-a-381794.html> (дата обращения: 19.10.2020).
14. Лаптев Д.Б., Танасейчук Я.В. К вопросу о субъекте убийства по мотиву кровной мести // Уголовное право. 2017. № 3. С. 44–47.
15. Задворнов М.В., Даурбеков А.А. Кровная месть как мотив убийства // Российский судья. 2011. № 6. С. 26–28.
16. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964–1972 гг. М. : Юридическая литература, 1974. 648 с.
17. Корсаков К.В. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 147–159.
18. Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 15 апреля 2019 года по делу № 2-1/2019.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2020 г.

Murder Motivated by Blood Feud: Features of the Subject of the Crime

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 253–258.

DOI: 10.17223/15617793/468/29

Konstantin V. Korsakov, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Keywords: murder motivated by blood feud; custom of blood feud; Item e.1 of Part 2 of Article 105 of RF Criminal Code; crimes against life; subject of crime; qualification of crimes.

This article focuses on the resolution of issues and difficulties legal professionals encounter when qualifying criminal acts under Item e.1 of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation (Item e.1). The issues and difficulties appeared when the 1996 Criminal Code entered into force and still exist. They are associated with the absence of a legal definition of blood feud in the text of the Criminal Code and other federal statutes, and also with the fact that Decision No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, On Judicial Practice in Murder Cases, of 27 January 1999, both in the previous and in the current versions, does not contain any comments and clarifications on the characteristics of Item e.1. The greatest difficulties in investigative and judicial practice appear when determining the subject of the given crime. For a long time, the question of what kind of subject of the crime – general or special – is the subject of the crime envisaged in Item e.1 (formerly Item k of Article 102 of the Criminal Code of the RSFSR) continues to be controversial and open in the Russian criminal law theory. The author of the article has made a comprehensive critical analysis of the points of view, opinions, and approaches available in the criminal law doctrine regarding the definition of the type of subject in Item e.1 – murder motivated by blood feud; this has an important qualification value and directly affects the legal assessment of the criminal act provided for in this item. The article presents and examines the doctrinal provisions, court decisions, and norms of criminal law in terms of determining the type of subject of murder motivated by blood feud. The author proposed, explained, and scientifically substantiated a uniform approach to the definition of the subject in Item e.1; this approach can order the Russian law enforcement practice and resolve all the problems. The author also formulated conclusions supported by arguments and reasons. The conclusions confirm the correctness of the scientific and legal approach, according to which the subject of the crime envisaged in Item e.1 is special and should belong to a group of population which cultivates the custom of blood feud.

REFERENCES

1. Borzenkov, G.N. et al. (1982) *Sovetskoe uголовное право. Osobennaya chast'* [Soviet Criminal Law. Special part]. Moscow: Moscow State University.
2. Vasil'ev N.V. et al. (1988) *Sovetskoe uголовное право. Osobennaya chast'* [Soviet Criminal Law. Special part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Baramiya, A.I. (1965) *Bor'ba s prestupleniyami protiv zhizni i zdorov'ya, sovershaemymi na pochove krovnoy mesti (po materialam Gruzinskoy SSR)* [Combating crimes against life and health committed on the basis of blood feud (based on materials from the Georgian SSR)]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Zhalinskiy, A.E., Ignatov, A.N. & Krasikov, Yu.A. (2005) *Uголовное право Rossii* [Criminal Law of Russia]. Moscow: Norma.
5. Batycho, V.T. (2010) *Uголовное право. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special part.]. Taganrog: Engineering and Technological Academy of Yufu Taganrog Institute.
6. Korobeev, A.I., Esakov, G.A. & Gracheva, Yu.V. (2014) *Kommentariy k Uголовnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt.
7. Semerova, N.K. (2008) *Kvalifikatsiya prestupleniy (chasti Obshchaya i Osobennaya)* [Qualification of Crimes (General and Special Parts)]. Yekaterinburg: Ural State Law University.
8. Borodin, S.V. (2003) *Prestupleniya protiv zhizni* [Crimes against Life]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
9. Chechel', G.I. (2005) *Ubiystvo po motivu natsional'noy, rasovoy, religioznoy nenavisti ili vrazhdy libo krovnoy mesti: voprosy kvalifikatsii i individualizatsii nakazaniya* [Murder Motivated by National, Racial, Religious Hatred or Enmity or Blood Feud: Issues of qualification and individualization of punishment]. Stavropol: Servisshkola.
10. Diasamidze, G.I. (1974) *Kharakteristika otvetstvennosti za ubiystvo na pochove krovnoy mesti po sovetkomu uголовnomu pravu* [Characteristics of responsibility for murder motivated by blood feud in the Soviet criminal law]. Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
11. Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia). (2010) *Prigovor Yakutskogo gorodskogo suda Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 9 oktyabrya 2010 goda po delu № 1-28/2010* [Verdict of the Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) in case No. 1-28/2010 of 9 October 2010].
12. Babushkinsky District Court of Moscow. (2006) *Prigovor Babushkinskogo rayonnogo suda goroda Moskvy ot 15 avgusta 2006 goda po delu № 3-39/2006* [Verdict of the Babushkinsky District Court of Moscow in case No. 3-39/2006 of 15 August 2006].
13. Der Spiegel. (2005) *Täter muss acht Jahre in Haft*. [Online]. Available from: <https://www.spiegel.de/panorama/justiz/erstochener-fluglotse-taeter-muss-acht-jahre-in-haft-a-381794.html>. (Accessed: 19.10.2020).
14. Laptev, D.B. & Tanaseychuk, Ya.V. (2017) On the issue of a subject of a cold blood murder. *Uголовное право*. 3. pp. 44–47. (In Russian).
15. Zadornov, M.V. & Daurbekov, A.A. (2011) *Krovnyaya mest' kak motiv ubiystva* [Blood feud as a motive for the murder]. *Rossiyskiy sud'ya*. 6. pp. 26–28.
16. Verkhovnyy Sud RSFSR [Supreme Court of the RSFSR]. (1974) *Sbornik postanovleniy Prezidiuma i opredeleniy Sudebnoy kollegii po uголовnym delam Verkhovnogo Suda RSFSR 1964–1972 gg* [Collection of Resolutions of the Presidium and Rulings of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR of 1964–1972]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
17. Korsakov, K.V. (2015) Religious approach towards crime and punishment: from principle of talion and blood feud to doctrine of repentance. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 3 (15). pp. 147–159. (In Russian).
18. Supreme Court of the Republic of Dagestan. (2019) *Prigovor Verkhovnogo suda Respubliki Dagestan ot 15 aprelya 2019 goda po delu № 2-1/2019* [Verdict of the Supreme Court of the Republic of Dagestan in case No. 2-1/2019 of 15 April 2019].

Received: 17 May 2020

А.Б. Смушкин

ОНЛАЙН-ИГРЫ КАК ПРОСТРАНСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматривается компьютерное пространство онлайн-игр как инцидентное пространство совершения преступлений. В ходе анализа специфики преступлений, связанных с инцидентным игровым компьютерным онлайн-пространством с учетом отдельных вопросов игровой механики, экономики и социологии, констатируется необходимость уделять внимание правильному выявлению и квалификации преступлений данной категории, а также предлагаются основы комплексной методики расследования преступлений, связанных с онлайн-играми.

Ключевые слова: ММОПГ; инцидентное компьютерное пространство; игровая экономика; продажа игровых объектов; осмотр электронного объекта; расследование преступлений, совершенных с использованием онлайн-игр.

Особенностью современного общества можно назвать активную его «виртуализацию». На настоящий момент ситуация позволяет констатировать переход ощутимой части общественной жизни в «виртуальность». А с развитием устройств виртуальной и дополненной реальности будет развиваться и замещение реальной жизни более яркой – виртуальной.

При этом криминалистическим исследованиям онлайн-игр уделяется недопустимо мало внимания. Между тем киберпространство онлайн-игр все чаще становится инцидентным пространством обсуждения, подготовки и совершения преступлений. В инцидентном пространстве онлайн-игр, а также с их использованием может совершаться широкий спектр преступлений. Кроме того, игровое пространство может служить и способом сокрытия преступлений, когда подозреваемый заявляет о наличии у него цифрового алиби.

Специфика игровых миров позволяет выявить возможность совершения в их рамках следующих преступлений и административных правонарушений: разглашения информации с ограничением доступа (государственной тайны, коммерческой и т.д.), публикации экстремистской информации; использования чатов для выдвижения требований при вымогательстве; преступления коррупционного характера; мошенничества в сфере компьютерной информации, вымогательства, неправомерного доступа к компьютерной информации и т.д.

Безусловно, специфика инцидентного пространства приводит к тому, что многие игроки в силу возраста не подлежат привлечению к уголовной ответственности. Однако в онлайн-игры играет и совершеннолетняя молодежь, и люди среднего возраста, и некоторые представители старшего поколения.

Таким образом, применительно к виртуальным мирам правовые отношения приобретают новые свойства и характерные черты, совершенно не присущие традиционным правоотношениям, возникающим в реальном, физическом мире [1. С. 146].

В рамках криминалистической характеристики деянного можно выделить специфику потерпевших, лиц, совершающих преступления, способов совершения преступлений, непосредственного предмета преступления и следовой картины.

Расследование преступлений, связанных с онлайн-играми, осложняет ряд факторов: многие серверы и пользователи онлайн-игр расположены за пределами

РФ, что осложняет взаимодействие с правообладателями и получение информации; затруднена идентификация конкретных пользователей; игроки – это специфическое сообщество, своеобразный узкий круг общения, не стремящийся допустить выхода информации за его пределы. Важно отметить, что сотрудники правоохранительных органов чаще всего недооценивают преступления, совершенные в инцидентном компьютерном пространстве онлайн-игр и зачастую не имеют достаточных знаний и навыков расследования преступлений в такой специфической сфере. Недооценка совершенных деяний выражается, в первую очередь, в том, что преступления, связанные с игровым пространством и игровыми объектами, не воспринимаются как что-то серьезное, как деяния, наносящие реальный материальный ущерб, что чаще всего влечет отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Между тем 38% опрошенных игроков отметили совершение в отношении них преступлений с использованием игрового инцидентного пространства или в его рамках. Однако сколько-нибудь разработанная методика расследования подобной группы преступлений отсутствует.

Также в качестве способа следует отметить, что почти в любой многопользовательской игре есть мировые чаты игры, чаты «локации», гильдии, клана или конкретной команды, а также чаты личного диалога, в которых могут происходить определенные преступные контакты. Игроки зачастую используют также программы для голосового общения типа Team Speak, RaidCall и др. При этом, данные коммуникационные пространства не контролируются (в большинстве случаев) ни администрациями игр, ни, тем более, правоохранительными органами. Им не уделяется особого внимания при осуществлении получения компьютерной информации, прослушивании телефонных и иных переговоров. К тому же в том объеме трафика, который генерирует крупная многопользовательская игра, не всегда возможно отслеживать в реальном времени коммуникации конкретного игрока. Между тем эти чаты могут служить полем обсуждения преступления или его подготовки, а также непосредственно самого совершения. Как верно отметил О.И. Шиндин, «конечно, с помощью программных фильтров можно выявить отдельные диалоги по ключевым словам, но при этом следует учитывать, что участники корруп-

ционных схем и не будут говорить “прямым текстом”. Все участники могут использовать кодовые слова и обороты для маскировки настоящего смысла диалога» [2. С. 84].

Криминалистически значимая специфика способа совершения преступлений закономерно влечет и специфику следовой картины содеянного. «Классические» трасологические следы для данной категории преступлений менее характерны, чем электронные [3. С. 201–209] – следы в памяти информационно-технологических устройств. Данную группу следов часто в науке именуют и иными терминами: электронно-цифровые [4. С. 64–71], виртуальные [5. С. 85–87; 6], цифровые [7. С. 206], компьютерно-технические [8. С. 11], бинарные [9. С. 18]. Особенности работы с указанной категорией следов рассмотрены в трудах многих авторов [6; 10. С. 136–139; 11. С. 53–55; 12. С. 18–25; 13. С. 212–216; 14. С. 171–175], поэтому не будем заострять на этом внимание.

Большие финансовые средства, циркулирующие в рамках реально-виртуальной игровой экономики, притягивают и лиц, желающих эти средства незаконно получить. Специфика игровой экономики при этом требует и существенную специфику расследования.

Указанные обстоятельства предопределяют повышенную значимость разработки основ комплексных криминалистических рекомендаций по выявлению и расследованию преступлений, связанных с инцидентным пространством онлайн-игр. Не претендуя на полномасштабную комплексную методику, хотелось бы предложить ряд криминалистических рекомендаций различного характера.

На начальном этапе расследования преступлений, совершенных в онлайн-играх, могут сложиться следующие ситуации:

1. Пользователь обнаружил совершенное в отношении него преступление и обратился в правоохранительные органы. Данная ситуация характерна для хищения игровых предметов, вымогательства, мошенничества, в редких случаях – при совершении в игре экстремистских преступлений или угроз жизни либо здоровью.

2. Преступление было обнаружено собственником или администрацией игрового проекта. Было проведено первичное исследование инцидента. Такая ситуация характерна для массового взлома аккаунтов, серверов самой игры или сайта игры. Следует заметить, что программисты и системные администраторы игрового проекта, как правило, обладают достаточной квалификацией для пресечения и противодействия атакам на сервер игры, однако внутреннее расследование подобных инцидентов требует компетенций несколько другого порядка и характера. Для подобных действий крупные проекты приглашают специалистов Лаборатории Касперского, Ghoor-IV и аналогичных фирм, оказывающих на коммерческой основе услуги по расследованию компьютерных инцидентов. Представляется важным подчеркнуть налаженное взаимодействие с данными фирмами для безотлагательного получения максимально полного результата их расследования.

3. О совершенном преступлении сообщили посторонние свидетели. Ситуация характерна для преступ-

лений экстремистского характера. К числу таких свидетелей можно отнести как игроков – незаинтересованных свидетелей вербального (текстового или акустического) преступления экстремистского или иного характера, так и лиц, воспринимавших событие через монитор или иной экран пользователя – участника события (родственников, коллег, знакомых и т.д.).

4. Использование онлайн-игры для совершения преступления выявлено правоохранительными органами. Ситуация может быть характерна для отмывания денежных средств через игровую валюту, использование онлайн-игр для коррупционных схем и т.д.

Относительно круга необходимых следственных действий и их тактики можно отметить несколько основополагающих обстоятельств. В случае совершения преступления в играх, связанных с экстремистской деятельностью или подобными преступлениями, отобразившимися в чатах диалогов, наименовании игрока и его клана или иного объединения, возможно провести допрос выявивших данные нарушения и выемку снимков экрана у игроков. Это связано с тем, что игроки достаточно часто сохраняют подобные снимки, скриншоты (от англ. Screenshots) в целях последующего использования в качестве подтверждения своих претензий в игровых диалогах. Участники игр часто не терпят неподтвержденных обвинений, претензий и требуют так называемые пруфы (от англ. Proof – доказательство). Следовательно, велика вероятность того, что игрок сохранит снимок экрана, подтверждающий его слова).

При производстве расследования данной категории преступлений существенную пользу оказало бы действие или мероприятие, проводимое аналогично растровому розыску в Германии, поскольку большинство аккаунтов (учетных записей) “привязано” к странице в социальных сетях либо создает аналог социальной сети на сайте владельца проекта. По словам В.Ю. Сокола, «в процессе растрового розыска компьютерная обработка широкого круга персональных информационных массивов осуществляется с учетом разрабатываемого правоохранительными органами так называемого «профиля» (криминалистической информационной модели предполагаемого преступника), представляющего собой упорядоченный набор поисковых признаков лиц, совершающих данный вид преступлений. В результате обработки баз персональных данных с помощью специальной программы из огромного информационного массива выбираются те субъекты, которые соответствуют составленному растру (профилю, портрету), исключая всех тех, кто не совпадает с заданными критериями» [15. С. 36–37]. С помощью растрового розыска могли бы быть проверены социальные сети для обнаружения не только основного персонажа пользователя-злоумышленника, но и дополнительных (твинов, мультвов).

В рамках расследования данной категории преступлений особую результативность могло бы иметь предложенное нами ранее следственное действие «Осмотр электронного объекта». Как мы указывали, «в рамках следственного действия “Осмотр электронного объекта” возможно выделение следующих подвидов: осмотр локального устройства, сетевой осмотр,

осмотр распределенного объекта (файлы, хранящиеся в облачных сервисах и блокчейны), осмотр мобильного устройства. Осуществляться такой осмотр должен с обязательным привлечением специалиста. При применении специального программного или технического обеспечения об этом делается отметка в протоколе» [16. С. 80]. Относительно фиксации данного следственного действия мы рекомендуем закрепить требование о распечатке и копировании информации, полученной в ходе осмотра электронного объекта, в присутствии понятых и только с помощью сертифицированных программ. В ходе подобного осмотра на локальном устройстве пользователя могут быть обнаружены файлы уголовно-релевантного содержания, аккумулирующие криминалистически значимую информацию: различные записи для памяти, планы. При переписке через мессенджеры и коммуникационные программы типа Discord на устройствах пользователя могут быть сохранены в соответствующих директориях передаваемые файлы картинок, видео- и звукозаписей. Также на компьютере пользователя в ходе осмотра могут быть обнаружены программы-«боты» для имитации диалогов, игровых или иных действий, на манипуляторе типа «игровая мышь» может быть так же обнаружена программа действия. Что касается сетевого осмотра, может быть обнаружен и изучен ряд аккаунтов лица в социальных сетях, с помощью которых проводились мошеннические действия, переписка на форумах и т.д. Осмотру может быть также подвержен электронный кошелек пользователя в системах «Яндекс-деньги», Qiwi, Webmoney и т.д.

При расследовании хищения игровых предметов необходимо учитывать, что если данные предметы покупались пользователями у других пользователей за реальные денежные средства, их стоимость можно определить, проведя выемку выписки со счета, с которого производился перевод, и справки о транзакции. Покупка объекта в игровом магазине может оцениваться с помощью конвертации валюты игрового магазина в объеме стоимости виртуального объекта в реальные денежные средства по курсу, установленному администрацией игры. Кроме того, если для покупки в игровом магазине в игру вводились реальные денежные средства, подтвердить их объем можно в том числе с помощью выемки соответствующих документов, отражающих электронный перевод, а также поступление их на счет организации, владельца компьютерной игры и расходование на игровой процесс. В случае же необходимости оценки предмета заработанного, полученного или купленного с помощью средств, предусмотренных механикой игрового процесса, мы склонны согласиться с рекомендацией В.И. Еремченко и О.В. Сафронкина, призывающих применять в подобной ситуации подход, аналогичный оценке произведений искусства. Как они далее указывают, «вопросы оценки предметов виртуальной собственности должны быть отнесены к компетенции специалистов, непосредственно разрабатывающих и поддерживающих игровой процесс конкретной ММО-игры, так как именно они устанавливают игровой баланс, определяют соотношение цены игровой и реальной валюты. ...Видится логичным отнести подоб-

ные исследования к классу судебно-экономических экспертиз и именовать их судебно-оценочной экспертизой (исследованием) стоимости объектов виртуальной собственности» [17. С. 67].

В ходе расследования рассматриваемой категории преступлений возникает необходимость допроса потерпевшего и свидетелей. При этом представляется необходимым рекомендовать, чтобы следователь, проводящий допрос, хотя бы минимально разбирался в игровой механике онлайн-игр различного жанра, целях игроков, игровой «социологии». Представляется также необходимым ознакомление следователя со специфическим жаргоном игроков, чтобы понимать лексику допрашиваемых, специфические термины типа танк, танковать, хилл, агр, инстанс, абилка и т.д. Кроме того, в связи с тем что многие игроки находятся в других городах, а иногда и других странах, представляется необходимым активизировать вопрос дистанционных следственных действий: допроса свидетелей, потерпевших и подозреваемых, прежде всего, с использованием систем видеоконференц-связи. Отдельные разработки данного вопроса уже неоднократно предлагались различными учеными [18. С. 56; 19. С. 108–116]. Современное развитие средств электронной техники и трехмерного моделирования также допускает появление возможности производства в самое ближайшее время следственных действий с использованием различных вариантов компьютерно-опосредованной виртуальной реальности. Дистанционное производство указанных следственных действий позволит сгладить проблему расстояния и даже нахождения допрашиваемых лиц в других государствах. При допросе не стоит злоупотреблять классической рекомендацией о необходимости показать допрашиваемому общие увлечения для налаживания психологического контакта. Если у следователя, производящего допрос, реальных игровых достижений нет, такие попытки будут только смешить и раздражать допрашиваемого. А вот продемонстрировать знание специфики различных жанров игр, осведомленность о игровых новинках, знание игрового жаргона, наоборот, может иметь положительный эффект.

Следует также отметить необходимость привлечения к расследованию различных специалистов – не только программистов широкого профиля, но и специалистов – гейм-дизайнеров, которые смогут проконсультировать следователя в области игровой механики, социологии, экономики. Кроме того, разумным представляется также и приглашение психолога, поскольку зачастую у игроков, затрачивающих на участие в компьютерных играх основную часть своего дня, откладывающих дела, встречи, вкладывающих в игру существенную часть своих реальных доходов, имеются все признаки игровой зависимости.

Что касается цифрового алиби, игроки могут инсценировать себе цифровое алиби различными методами. Условно эти методы можно разделить на аппаратно-программные: 1) с использованием игровой компьютерной мыши – игрового манипулятора с возможностью программирования последовательности нажатия кнопок в специальной управляющей программе-макросе; 2) с использованием разрешенных игровых

автоматических ботов – внутриигровых объектов, автоматически повторяющих записанную последовательность действий; 3) с использованием запрещенных в большинстве игр внешних программ-макросов; 4) с использованием не обнаруженных разработчиком ошибок в игре «багов» или вмешательством в программный код персонажа и с использованием помощи иных лиц (знакомых, родственников, соигильдцев или лиц, зарабатывающих на «прокачке» чужих персонажей), которым предоставляется доступ к учетной записи пользователя. ИЗОБЛИЧЕНИЕ ИНСЦЕНИРОВКИ ЦИФРОВОГО АЛИБИ возможно с учетом различных тактических рекомендаций. В первую очередь стоит запросить у администрации проекта логи игры пользователя за определенный период и привлечь специалиста из проекта. Специалисты, исследовав логи, смогут указать на алгоритмичность действий персонажа, достаточно продолжительную одинаковую последовательность, не характерную для живого игрока. Использование же помощи другого человека может отразиться недостаточным опытом в игре, не характерными действиями, неотработанным командным взаимодействием, уклонением от определенных обязательных действий, неосведомленностью о каких-то игровых условиях, игровой дипломатии. Пользователь, играющий чужим персонажем, будет избегать голосового общения и уклоняться от входа в подобные программы под любыми предлогами. Данные обстоятельства могут быть

установлены при опросах или допросах в качестве свидетелей иных участников игры. Кроме того, сам подозреваемый, ссылающийся на цифровое алиби с онлайн-игрой, в ходе допроса может путаться в отдельных показаниях о своих действиях в рассматриваемое игровое время. Он может не проявить достаточной осведомленности о громких игровых событиях рассматриваемого периода, как межпользовательских (объявление мира, войны, договоренности с иными участниками), так и инициированных администрацией ивентах (от англ. event – событие), технических работах, объединении серверов и т.д.

Безусловно, в ходе расследования преступлений, совершенных в онлайн-играх, необходимо оптимально использовать рекомендации в области цифровой криминалистики, предлагаемые В.Б. Веховым, В.А. Мещеряковым, А.Н. Яковлевым, А.А. Шаевичем, С.В. Зуевым, Д.А. Степаненко и др.

Все эти рекомендации отчасти носят прогнозный характер, поскольку одним из условий необходимости разработки новой частной методики расследования является широкое распространение определенных преступлений. Для адекватной же статистики рассматриваемых преступлений необходимо понимание возможности материальной оценки «виртуального» ущерба, изменение самой парадигмы отношения к данным преступлениям как к чему-то несерьезному и не приносящему реального вреда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев А.И. Правовые отношения в пространстве виртуальных игровых миров: проблемы теории и практики // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2 (31). С. 139–150.
2. Шиндин О.И. Использование онлайн-игр для подготовки и совершения коррупционных преступлений // Студенческий вестник : науч. журнал. 2021. № 1 (146), ч. 3. С. 83–85.
3. Ищенко Е.П. Криминалистика: главные направления развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 1. С. 201–209.
4. Иванов В.Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 64–71.
5. Абрамова А.А. Значение виртуальных следов в расследовании финансирования терроризма // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 85–87.
6. Агibalов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2012.
7. Толстолуцкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 203–209.
8. Лыткин Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
9. Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.
10. Неупокоева И.А., Шеховцова Л.С., Кочерова Л.А. Осмотр места происшествия как информационная основа расследования преступления // Закон и право. 2018. № 6. С. 136–139.
11. Семенов А.Ю. «Некоторые аспекты выявления, изъятия и исследования следов, возникающих при совершении преступлений в сфере компьютерной информации» // Сибирский юридический вестник. 2004. № 1. С. 53–55.
12. Земцова С.И., Суров О.А., Галушин П.В. Организационно-тактические аспекты производства осмотра компьютера при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом «дизайнерских» наркотиков, совершаемых с использованием интернет-магазинов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 3 (24). С. 18–25.
13. Поляков В.В., Слободян С.М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2007. Ч. 310, № 1. С. 212–216.
14. Романенко М.А. Следственный осмотр по делам о преступных нарушениях авторских прав в сфере программного обеспечения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 1. С. 171–175.
15. Сокол В.Ю. Растровый розыск преступников в Германии : учеб. пособие. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2009. С. 6–37.
16. Смушкин А.Б. К вопросу об электронных следственных действиях // Законодательство. 2019. № 11. С. 76–81.
17. Еремченко В.И., Сафронкина О.В. Проблемные вопросы определения суммы материального ущерба и пути их решения при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации в области индустрии компьютерных игр // Общество и право. 2019. № 4 (70). С. 67.
18. Щерба С.П., Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы. М. : Юрлитинформ, 2016. 216 с.
19. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 108–116.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 апреля 2020 г.

Online Games as a Space for Committing Crimes

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 259–264.

DOI: 10.17223/15617793/468/30

Aleksandr B. Smushkin, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: Skif32@ya.ru

Keywords: MMORPG; incident computer space; game economy; sale of game objects; electronic object examination; investigation of crimes committed using online games.

Stating the large amount of financial resources circulating in the field of online game economy (trading in game objects, accounts, game help, etc.), the author points out that these factors cannot but cause the commission of crimes in this area. Using numerous examples, the author shows the high real value of some virtual game items and substantiates the reality of committing crimes related to the illegal seizure of these items. During the study, sociological survey and statistical methods were used. In the course of the study, about 200 players of online games of various genres were interviewed. Considering the separate functionality of some games, the author also points out the possibility of using games for the preparation, commission, and concealment of crimes. In addition, the article identifies factors that prevent law enforcement agencies from taking and investigating these crimes seriously. The author emphasizes the almost complete absence of forensic recommendations in this area. The aim of this article was to develop separate recommendations for the identification, qualification, and investigation of crimes related to online games. The author defines the types of crimes that can be committed in the area under consideration and points out certain features of their qualification. At its core, the range of crimes committed in online games, in relation to game objects or with the help of online games, is quite wide, which indicates the need to prepare a comprehensive forensic investigation methodology. Based on certain provisions of game mechanics, game economy, and game communication, the author considers certain ways of committing crimes using online games. The author also determines the features of identifying and verifying a digital alibi, using online games, to which the suspect can refer. The author defines the main investigative situations of the initial stage of the investigation and analyzes their specifics. Taking into account the specifics of the object of knowledge in the investigation of such crimes, the author suggests a new investigative action, “inspection of an electronic object”, and specifies its separate subtypes: local device examination, network examination, distributed object (files stored in cloud services and blockchains) examination, mobile device examination. The article deals with some issues of the tactics and fixation of this investigative action. In the course of the investigation, it is recommended to involve programmers of a wide profile, specifically expert game designers, who will be able to advise the investigator in the field of game mechanics, sociology, and economy. In the absence of such experts in this locality, it is possible to attract specialists from a local provider who grants access to the Internet and provides the operation of networks. The author, considering various ways of obtaining game objects, also offers various ways of monetizing them, determining their value expression in real money.

REFERENCES

1. Medvedev, A.I. (2018) Legal relationships in the space of virtual game worlds: theory and practice issues. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2 (31). pp. 139–150. (In Russian).
2. Shindin, O.I. (2021) Ispol'zovanie onlayn-igr dlya podgotovki i soversheniya korruptsiyonnykh prestupleniy [The use of online games for the preparation and commission of corruption crimes]. *Studencheskiy vestnik*. 1–3 (146). pp. 83–85.
3. Ishchenko, E.P. (2012) Kriminalistika: glavnye napravleniya razvitiya [Criminalistics: the main directions of development]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. pp. 201–209.
4. Ivanov, V.Yu. (2020) To the question on classification of digital footprint. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene – National Security / Nota Bene*. 3. pp. 64–71. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33308
5. Abramova, A.A. (2017) The value of virtual traces in the investigation of the terrorism financing. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 4. pp. 85–87. (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2017.4.21
6. Agibalov, V.Yu. (2012) *Virtual'nye sledy v kriminalistike i ugolovnom protsesse* [Virtual Traces in Forensics and Criminal Procedure]. Moscow: Yurlitinform.
7. Tolstolutskiy, V.Yu. (2008) Regularities of the criminalistic reflection theory inherent to the subjective phase. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 203–209. (In Russian).
8. Lytkin, N.N. (2007) Ispol'zovanie komp'yuterno-tehnicheskikh sledov v rassledovanii prestupleniy protiv sobstvennosti [The use of computer-technical traces in the investigation of crimes against property]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Milashev, V.A. (2004) *Problemy taktiki poiska, fiksatsii i iz'yatiya sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuternoy informatsii v setyakh EVM* [Problems of tactics of search, fixation and removal of traces in case of illegal access to computer information in computer networks]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
10. Neupokoeva, I.A., Shekhovtsova, L.S. & Kocherova, L.A. (2018) Inspection of the scene as an information basis investigation of crimes. *Zakon i pravo*. 6. pp. 136–139. (In Russian). DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10036
11. Semenov, A.Yu. (2004) Nekotorye aspekty vyyavleniya, iz'yatiya i issledovaniya sledov, vznikayushchikh pri sovershenii prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii [Some aspects of identification, seizure and investigation of traces arising from the commission of crimes in the field of computer information]. *Sibirskiy yuridicheskii vestnik – Siberian Law Herald*. 1. pp. 53–55.
12. Zemtsova, S.I., Surov, O.A. & Galushin, P.V. (2016) Organizational and tactical aspects of computer examination procedure in investigation of crimes involving illegal trafficking in designer drugs and committed by using on-line stores. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 3 (24). pp. 18–25. (In Russian).
13. Polyakov, V.V. & Slobodyan, S.M. (2007) Analiz vysokotekhnologichnykh sposobov nepravomernogo udalennogo dostupa k komp'yuternoy informatsii [Analysis of high-tech methods of illegal remote access to computer information]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesurov – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 1 (310). pp. 212–216.
14. Romanenko, M.A. (2008) Sledstvennyy osmotr po delam o prestupnykh narusheniyakh avtorskikh prav v sfere programmno obespicheniya [Investigative examination in cases of criminal copyright infringement in the field of software]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series Law*. 1. pp. 171–175.
15. Sokol, V.Yu. (2009) *Rastrovyy rozysk prestupnikov v Germanii* [Raster Search for Criminals in Germany]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 6–37.
16. Smushkin, A.B. (2019) Electronic investigative actions. *Zakonodatel'stvo*. 11. pp. 76–81. (In Russian).

17. Eremchenko, V.I. & Safronkina, O.V. (2019) Problematic issues of determining the amount of material damage and ways to solve them in the investigation of fraud in the field of computer information in the sphere of computer games industry. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 4 (70). pp. 64–68. (In Russian).
18. Shcherba, S.P. & Arkhipova, E.A. (2016) *Primenenie videokonferentsy v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii i zarubezhnykh stran: opyt, problemy, perspektivy* [The Use of Video Conferencing in Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries: Experience, problems, prospects]. Moscow: Yurlitinform.
19. Ovchinnikova, O.V. (2019) Remote investigative actions: current state and prospects. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 1 (47). pp. 108–116. (In Russian).

Received: 26 April 2020

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Обобщены криминологические взгляды на детерминацию рецидивной преступности, проанализированы сведения о характеристиках лиц, ранее совершавших преступления. Сделан вывод о том, что на социально-психологическом уровне повторное совершение преступлений обусловлено отсутствием позитивных изменений в микросреде осужденных при сохраняющемся своем негативном влиянии ближайшем окружении, а также неэффективностью действующей системы наказаний.

Ключевые слова: рецидив; преступность; социально-психологические детерминанты; причины преступности; криминогенные факторы.

Криминологическая теория причинности преступности позволяет объяснить детерминацию преступности в целом, а также отдельных ее видов. Категория детерминации выступает интегрирующим понятием, охватывающим все проявления всеобщей связи социальных явлений и процессов. Процесс детерминации преступности представляет собой сложное взаимодействие различных форм связей: причинных, функциональных, связей состояния и др. Вместе с тем только причинная связь – это объективная, всеобщая генетическая (производящая, порождающая) связь между двумя явлениями: причиной и следствием. Причинность есть внутреннее содержание детерминации, ее сущность [1. С. 21].

Причинность в криминологии рассматривается на трех уровнях: на уровне всего общества в целом (общесоциальные причины и условия), на уровне малых социальных групп, в которых происходило формирование личности преступника (социально-психологические причины и условия) и на уровне индивидуального преступного поведения (причины и условия конкретного преступления). Общесоциальные детерминанты преступности связаны с глобальными негативными явлениями и процессами, происходящими в обществе и отражающимися на образе жизни целых макрогрупп (половозрастных, национальных, религиозных, профессиональных и др.). Они имеют в основном объективный характер и тесно связаны с причинами негативных социальных явлений и самими этими явлениями – в политике, экономике, идеологии, воспитании и т.д. Социально-психологический уровень причин преступности предполагает изучение малых социальных групп, в которых протекала жизнедеятельность лиц, совершивших преступление. На индивидуальном уровне причины преступного поведения проявляются во взаимодействии антиобщественных свойств личности преступника (прежде всего, криминогенной мотивации) и криминогенной ситуации [2. С. 171–172]. Эти теоретические положения могут служить отправной точкой научного анализа социально-психологических детерминант рецидивной преступности.

Между тем такая позиция поддерживается не всеми авторами, и при объяснении причин преступности они используют иные подходы. Так, М.В. Королева детерминанты рецидивной преступности представляет в виде двух взаимосвязанных блоков. Первый блок – первичные факторы, обусловившие соверше-

ние первого преступления, они едины для первичных и рецидивных преступлений. У лиц, совершивших преступления, как правило, сохраняются или ухудшаются социальные условия и социальная среда, способствующие преемственности криминогенных ситуаций. Вторичный блок – факторы, влияющие именно на рецидивную преступность, которые составляют две группы взаимодействующих обстоятельств: 1) влияющие на неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации; 2) связанные с различными недостатками в деятельности правоохранительных органов и судов, снижающими или сводящими на нет результаты воздействия правоохранительной системы на лиц, совершивших преступления [3. С. 740–742].

Другие авторы причины и условия рецидивной преступности подразделяют на объективные и субъективные. Объективными они называют различные обстоятельства, не зависящие от воли и сознания лиц, совершающих преступления, – это факторы организационного, правового, воспитательного характера (недостатки в деятельности правоохранительных органов при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел, назначении и исполнении наказания), а также особенности социальной среды, приведшие лицо к совершению первого и последующего преступлений, – неблагоприятное бытовое окружение, ослабление социально полезных связей, семейные разрывы и конфликты и др. Субъективные причины и условия рецидивной преступности, согласно данному подходу, заложены в характеристиках личности рецидивиста и имеют первостепенное значение, «так как преступник-рецидивист совершает преступления не только под воздействием объективных условий, но и в силу антиобщественной направленности личности. Нередко они сами создают объективные предпосылки для совершения преступлений» [4. С. 6].

Ряд исследователей причины и условия рецидива классифицируют на общие и специальные. Согласно такому подходу общие причины – это те, которые характерны для преступности в целом, специальные – влияют именно на рецидивную преступность [5. С. 15]. В числе специальных рассматриваются личностные аспекты (устойчивая антиобщественная направленность рецидивиста), а также обстоятельства, связанные с деформацией личности в период отбывания наказания. Существует и иная интерпретация общих и специальных причин и условий рецидивной преступности. Так, К.Н. Тараленко к общим

причинам рецидивной преступности условно осужденных относит противоречия социально-экономических отношений, которые в свою очередь обуславливают проблемы реализации социальной поддержки семьи, недостатки в молодежной, жилищной политике, нравственно-идеологической сфере общества, несовершенство школьного воспитания и системы профилактики наркомании среди молодежи. Специальные условия, по его мнению, выражаются в несовершенстве нормативно-правового регулирования применения мер уголовно-правового воздействия, недостатках деятельности субъектов предупреждения преступлений, условиях, в которых оказываются правонарушители после осуждения [6. С. 17].

Иные исследователи факторы, вызывающие рецидивную преступность, делят на три группы. В первую группу они включают обстоятельства, которые были до первой судимости лица или до применения заменяющих наказание мер и которые продолжают существовать или возобновляются после отбытия наказания – это негативная среда, т.е. криминогенная семья, связь с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. Во вторую группу относят недостатки деятельности правоохранительных органов (несвоевременное реагирование на совершенное преступление, медлительность при возбуждении уголовных дел, низкая раскрываемость преступлений, недооценка альтернативных наказаний). Третья группа факторов, способствующих рецидивной преступности, – это трудности социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания, прежде всего, освобожденных из мест лишения свободы. Они возникают в связи с выключением осужденного из условий обычной жизни общества, ослаблением или даже полным разрушением социально-полезных связей и формированием взамен антисоциальных связей, «привыканием» к режиму и обстановки в местах лишения свободы, психическими нарушениями, появляющимися вследствие длительного заключения в замкнутой и изолированной системе. Кроме того, весьма негативно влияет на заключенных распространение и навязывание преступниками друг другу обычаев и традиций преступной среды [7. С. 220].

Как видно из приведенных мнений, большинство исследователей подчеркивают криминогенное значение социальной среды рецидивистов. С позиции уровневых подходов социальная среда входит в содержание социально-психологических детерминант. Социальная среда определяет личностные характеристики людей, социально-психологические характеристики разных социальных групп, порождает определенную мотивацию поведения, избрание конкретных средств достижения целей [3. С. 272].

На формирование личности оказывает влияние, прежде всего, ближайшее окружение – микросреда, то есть часть социальной среды, с которой индивид поддерживает прямые и непосредственные контакты [3. С. 273]. Под влиянием неблагоприятного ближайшего окружения личность подвергается серьезным изменениям, которые чаще всего проявляются в деформациях мотивационной сферы, что предопределяет высокую степень вероятности совершения такой личностью преступления [8. С. 164]. Поэтому на социально-

психологическом уровне детерминанты преступности проявляются в криминогенном воздействии на личность со стороны малых социальных групп.

По обоснованному замечанию исследователей, формирование личности будущего преступника происходит не само по себе от воздействия отрицательных проявлений в социальной, экономической и политической сферах жизни общества, но непосредственно на уровне малых социальных групп [9. С. 56]. Как показало изучение жизни отдельных рецидивистов, у многих из них переход на преступный путь проходил в условиях неблагоприятного нравственно-психологического воздействия со стороны малых социальных групп.

Наиболее значимыми малыми социальными группами, оказывающими серьезное влияние на формирование личности, являются семья, образовательный и производственный коллективы, бытовое и неформальное окружение. Значение семьи в формировании личности, ее антикриминогенные возможности показаны в многочисленных исследованиях, как и высокая взаимосвязь семейного неблагополучия и противоправного поведения детей. К числу факторов, формирующих антиобщественную направленность личности в семье, относится передача негативных стандартов поведения, бесконтрольность, отсутствие заботы со стороны родителей, конфликтность (внутрисемейная и с окружением). Неблагополучная обстановка в семье характерна для большинства лиц, совершивших преступления.

Семейная десоциализация обусловлена отмиранием института традиционной семьи и связанным с этим снижением антикриминогенных функций семьи. Свидетельством кризиса института семьи выступает увеличение числа неполных семей, семей без детей, семей с одним ребенком, фактическое сожительство мужчин и женщин, рост количества разводов, а также возрастание числа лиц, достигших брачного возраста и не состоящих в браке. Как показано в литературе, неполная семья объективно обладает меньшими возможностями полноценного воспитания детей: такая семья, как правило, испытывает материальные трудности, мать (или отец) вынуждена прибегать к дополнительным заработкам, что увеличивает дефицит ее (его) общения с детьми, затрудняет контроль за поведением детей, дети хуже усваивают социальные роли взрослых противоположного пола [8. С. 170].

Исследователями отмечается, что криминогенный фактор семейного воздействия вместе или в различном сочетании образуют: отсутствие грамотного подхода родителей к процессу воспитания детей, низкий уровень культуры родителей, их алкоголизм, наркомания, аморальное и антиобщественное поведение, наличие у родителей психических отклонений, отвержение и неприятие детей со стороны родителей, утрата положительного родительского влияния на детей, а также непосредственно негативное, в том числе криминогенное и криминальное влияние родителей на них [10. С. 129].

Лица, допускающие неоднократное совершение преступлений, как правило, не имеют собственной семьи. Так, среди изученных нами рецидивистов, от-

бывающих наказание в исправительных учреждениях, преобладают лица, не состоящие в браке (83,4%). Отчасти это можно связать с молодым возрастом осужденных на момент совершения первого преступления, когда они еще не успели вступить в брак, а также с распадом семьи во время отбывания наказания. Вместе с тем, преобладание среди рецидивистов холостяков, не имеющих детей, подтверждает некоторую криминогенность отсутствия семьи и привязанностей лиц, совершивших преступления. Это содействует их дальнейшему отчуждению от общества и уходу в иное, антисоциальное окружение.

Отсутствие положительных связей с семьей может быть компенсировано позитивным влиянием со стороны образовательных или трудовых коллективов в учебной или производственной среде. Между тем, как показывают данные о роде занятий лиц, совершающих преступления, большинство из них не работают и не учатся. Так, 62,9% осужденных в 2019 г. на момент совершения преступления не имели определенных занятий [11]. У рецидивистов, как правило, отсутствует постоянное место работы либо работа носит эпизодический характер, отличается частой сменой места и связана с выполнением низкоквалифицированным, тяжелым, не приносящим удовлетворения трудом. Это показывает отсутствие у них положительных контактов с трудовыми или учебными коллективами.

Ввиду неудовлетворенности обстановкой в семье, положением в обществе, отсутствия положительных связей с производственными и образовательными коллективами, значимое влияние на лиц, повторно совершающих преступления, оказывает ближайшее бытовое окружение – неформальные группы, которые включают друзей, знакомых, компании, с которыми поддерживаются постоянные и непосредственные контакты. Неформальное общение возникает в результате взаимодействия нескольких лиц на протяжении более или менее длительного времени. В основе такого общения лежат определенные интересы, склонности людей, их взгляды, привычки, устремления. Неформальные группы объединяют одинаковые формы проведения досуга, стремление удовлетворить свою потребность в общении.

Исследованиями установлено, что рецидивистов характеризует устойчивый комплекс негативных свойств и проявлений, в частности: пренебрежение интересами общества; игнорирование труда; неумение контролировать свое поведение, неуважительное, безразличное отношение к интересам других лиц; злоупотребление алкоголем, наркотиками; иные безнравственные побуждения, привычки, интересы [12. С. 164]. Поэтому ближайшее неформальное окружение лиц, совершающих преступления, может формировать и стимулировать мотивацию преступления. Как подчеркивается авторами, криминогенные группы являются базой формирования антиобщественных взглядов и установок, взаимного «обогащения» привычками и навыками, служат психологической опорой для самооправдания при совершении преступлений (по принципу «как все»), непосредственно вовлекают в антиобщественное поведение [13. С. 225].

Таким образом, основными противоречиями в малых социальных группах рецидивистов, обусловившими их отчуждение от позитивной социальной среды, и уход в антисоциальную выступают семейная десоциализация, негативное отношение к образовательной и трудовой деятельности, прочные связи с неформальной отрицательной средой.

При исследовании детерминант рецидива преступлений, т.е. преступного поведения тех, кто ранее уже совершал преступление и подлежал наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия, необходимо учитывать криминогенное влияние тех факторов, которые обусловили первичное преступление, в том числе на уровне малых социальных групп. Как показывает практика, значительное число лиц, совершивших преступления, после осуждения за предыдущее преступление не меняют ближайшее окружение, контакты, продолжают вести прежний образ жизни. При осуждении без изоляции от общества (до 70% осужденных) их исправление проходит при взаимодействии с теми же микросоциальными группами, членами которых они были до осуждения [9. С. 56]. Непенитенциарный режим альтернативных наказаний с присущими ему недостатками в современный период не способствует позитивному изменению микросреды осужденных, установлению их нормальных связей и отношений в малых социальных группах.

В ходе исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, не обеспечивается в полной мере реализация основных средств исправления – установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима), воспитательной работы, общественного полезного труда, получения общего образования, профессионального обучения и общественного воздействия. Исполнение обязательных и исправительных работ осложняется проблемами, связанными с определением места работы осужденных, особенно в отдаленных районах, из-за отсутствия рабочих мест, нежелания предпринимателей трудоустраивать осужденных. В сфере исполнения условного осуждения имеются недостатки в области организации и осуществления контроля за соблюдением условно осужденными общественного порядка и исполнением возложенных судом обязанностей. При исполнении ограничения свободы имеет место низкая эффективность системы электронного мониторинга поднадзорных лиц, низкая мотивация осужденных к соблюдению запретов. При исполнении штрафа возникают сложности, связанные с тем, что у осужденных отсутствуют денежные средства, которые могут быть принудительно взысканы (по статистике, 65% из них не имеют постоянного источника дохода), и имущество, от реализации которого может быть уплачен штраф.

Указанные недостатки в сфере исполнения альтернативных лишению свободы мер во многом обусловлены противоречиями в социально-экономической сфере, несовершенством организационно-правового обеспечения исполнения наказаний, а также недостатками действующей системы наказаний в целом. В числе последних следует отметить следующие противоречия в области системы наказаний и их применения, которые, на наш взгляд, обуславливают неэф-

фективность наказаний, не обеспечивающих предупреждение совершения нового преступления:

- отсутствие наказания, переходного между «свободой» и «несвободой», например, между наказанием в виде лишения свободы и следующим по тяжести, подлежащим реальному применению, – ограничением свободы, сформировался большой разрыв. В таких условиях суды широко применяют условное осуждение к лишению свободы, которое не является видом наказания, а выступает иной мерой уголовно-правового характера и во многих случаях оказывается неэффективным – рецидив среди условно осужденных, по данным выборочных исследований, достигает 40,7% [14. С. 9];

- недостаточно конкретное или неполное законодательное определение содержания ряда наказаний и оснований их назначения. Так, наказание в виде ограничения свободы во многом сходно с условным осуждением, а наказание в виде лишения права суд может назначать по своему усмотрению и при отсутствии его в санкции статьи Особенной части УК РФ [15. С. 119];

- неоправданная конкуренция между наказаниями и иными сходными мерами уголовно-правового характера. Введенное в 2010 г. наказание в виде ограничения свободы фактически конкурирует не с лишением свободы, а с условным осуждением [15. С. 119];

- несоответствие между легальной и фактической строгостью видов наказаний. Так, огромные размеры штрафа уже не позволяют считать его самым мягким в системе предусмотренных ст. 44 УК РФ мер [15. С. 119].

Постепенитенциарный рецидив со стороны осужденных к лишению свободы в значительной степени обусловлен тем, что после освобождения из исправительного учреждения большинство из них возвращаются в прежнюю среду – к родным, знакомым (по результатам опроса осужденных, готовящихся к освобождению, большинство (81,7%) планировали проживать по месту жительства до осуждения). При

этом в местах лишения свободы у многих из них усиливается нравственная деградация, укрепляется связь с преступным миром. После освобождения значительное число бывших осужденных испытывают трудности в постепенитенциарной адаптации в микросоциальных группах, бытовом и трудовом устройстве. Все эти обстоятельства в совокупности способствуют рецидиву.

Обращает на себя внимание мнение сотрудников уголовно-исполнительной системы относительно социально-психологических причин и условий рецидивной преступности. По данным анкетирования, большинство сотрудников (78,3%) в качестве наиболее значимых факторов считают: отрицательное воздействие микросреды, утрату социально полезных связей, а также различные недостатки в области назначения и исполнения наказаний. Среди последних, по мнению сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, значительной криминогенностью обладают: широкая практика назначения условного осуждения; широкая практика назначения более мягкого наказания, чем заслуживает виновный; ненадлежащая организация взаимодействия между учреждениями и органами, исполняющими наказания, и органами социальной защиты, занятости населения и миграции по содействию осужденным (освобожденным) в трудовом и бытовом устройстве; недостатки в деятельности органов внутренних дел по контролю за лицами, освобожденными от отбывания наказания; низкая эффективность административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Таким образом, рецидивная преступность на социально-психологическом уровне обусловлена отсутствием позитивных изменений в микросреде лиц, ранее совершавших преступления, при сохраняющем свое негативное влияние ближайшем окружении, а также неэффективностью действующей системы наказаний, не способной обеспечить исправление осужденных и предупредить рецидив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.
2. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001.
3. Криминология / под общ.ред. А.И. Долговой. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999.
4. Артемьев Н.С., Симонов Р.В. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 6–9.
5. Дзиковская С.Г. Рецидивная преступность и ее предупреждение на региональном уровне (по материалам Краснодарского края) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999.
6. Тараленко К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.
7. Батыщева И.В., Козырев В.Г. Причины и условия рецидивной преступности // Наука и современность. 2015. № 35. С. 220–223.
8. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. 284 с.
9. Моргунов С.В. Понятие и классификация детерминант рецидивной преступности // Вестник УМВД России по Тюменской области. 2013. № 1. С. 54–57.
10. Причины преступности в России / Ю.М. Антонян, Е.М. Тимошина [и др.]. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013.
11. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России. 2019. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
12. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
13. Криминология : учеб. пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
14. Дроздов И.С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. ... канд. юрид. наук. Томск, 2020.
15. Уткин В.А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 117–121.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2020 г.

Socio-Psychological Determinants of Recidivism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 265–269.

DOI: 10.17223/15617793/468/31

Olga V. Filippova, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Keywords: recidivism; crime; socio-psychological determinants; causes of crime; criminogenic factors.

This article examines the socio-psychological determinants of recidivism. At the socio-psychological level, the determinants of crime are manifested in the criminogenic impact on the individual from small social groups. The closest environment has the most serious influence on the formation of personality. This environment is represented by such small social groups as the family, educational and work teams, everyday and informal milieu. Repeat offenders have no family connection and contacts with educational and work teams. Most repeat offenders are unmarried, they do not work or study. Family desocialization of criminals, their negative attitude towards educational and work activities lead to alienation from the main social institutions and positive microgroups, which is accompanied by joining an informal antisocial environment and establishing strong ties with it. In the course of the study, the author generalized criminological views on the determination of recidivism, analyzed information on the characteristics of repeat criminals, and studied the data on the level of recidivism among those convicted to various measures of criminal liability and the statistics of convictions. The author also surveyed the staff of penitentiary institutions about the causes and conditions of recidivism, and convicts who committed a repeat crime and were serving imprisonment. When studying the determinants of crime recurrence, it is necessary to take into account the criminogenic influence of the factors that determined the primary crime, including at the level of small social groups. After conviction, criminals, as a rule, do not change their immediate environment and contacts, and continue to lead the same way of life. Deficiencies in the punishment system also play a criminogenic role in the determination of recidivism. As a result of the study, the author comes to the conclusion that, at the socio-psychological level, the repeated commission of crimes is due to the absence of positive changes in the convicts' microenvironment with a negative immediate environment retaining its influence and also due to the ineffectiveness of the current punishment system, which is unable to ensure the correction of convicts and prevent recidivism.

REFERENCES

1. Kudryavtsev, V.N. (1968) *Prichinnost' v kriminologii* [Causality in Criminology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Prozumentov, L.M. (2001) *Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Group juvenile delinquency and its prevention]. Law Dr. Diss. Tomsk.
3. Dolgova, A.I. (ed.) (1999) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA.
4. Artem'ev, N.S. & Simonov, R.V. (2006) Prichiny i usloviya retsidivnoy prestupnosti i osnovnye mery ee preduprezhdeniya [Causes and conditions of recidivism and the main measures of its prevention]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2. pp. 6–9.
5. Dzikonskaya, S.G. (1999) *Retsidivnaya prestupnost' i ee preduprezhdenie na regional'nom urovne (po materialam Krasnodarskogo kraya)* [Recidivism and its prevention at the regional level (based on materials from the Krasnodar Territory)]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
6. Taralenko, K.N. (2004) *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh, osuzhdennykh uslovno, i ee preduprezhdenie* [Recidivism of minors, conditionally convicted, and its prevention]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
7. Batyshcheva, I.V. & Kozyrev, V.G. (2015) Prichiny i usloviya retsidivnoy prestupnosti [Causes and conditions of recidivism]. *Nauka i sovremennost'*. 35. pp. 220–223.
8. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General part)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Morgunov, S.V. (2013) Ponyatie i klassifikatsiya determinant retsidivnoy prestupnosti [The concept and classification of the determinants of recidivism]. *Vestnik UMVD Rossii po Tyumenskoy oblasti*. 1. pp. 54–57.
10. Antonyan, Yu.M. et al. (2013) *Prichiny prestupnosti v Rossii* [Causes of Crime in Russia]. Moscow: FGKU "VNII MVD Rossii".
11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Svodnye statisticheskie dannye o sostoyanii sudimosti v Rossii. 2019* [Summary statistical data on the state of convictions in Russia. 2019]. [Online]. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
12. Antonyan, E.A. (2014) *Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie* [The personality of a repeat offender: criminological and criminal-executive research]. Law Dr. Diss. Moscow.
13. Burlakov, V.N. & Kropachev, N.M. (eds) (2013) *Kriminologiya. Standart tret'ego pokoleniya* [Criminology. Third generation standard]. Saint Petersburg: Piter.
14. Drozdov, I.S. (2020) *Retsidiv prestupleniy pri osuzhdenii bez lisheniya svobody* [Recidivism of crimes upon conviction without imprisonment]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
15. Utkin, V.A. (2015) Criminal penalties in Russia: penalization and jurisprudence. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4 (25). pp. 117–121. (In Russian).

Received: 17 May 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБОЛОНКОВА Ирина Васильевна – зав. научно-экспозиционным отделом музея-заповедника «Томская Писаница» (г. Кемерово). E-mail: abolonirina@mail.ru

БАЖЕНОВА Елена Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bazhenova_e2000@mail.ru

БАЙДИКОВА Наталия Леонидовна – канд. пед. наук, доцент Института лингвистического и педагогического образования Национального исследовательского университета «МИЭТ» (г. Москва). E-mail: nataleon22@list.ru

БОРОДУЛИНА Елена Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: E.V.Borodulina@utmn.ru

ГОЛУБЦОВА Анастасия Викторовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: ana1294@yandex.ru

ДЕГТЯРЕВА Валерия Викторовна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: v.degtyareva@corp.nstu.ru

ДЫМОНТ Екатерина Евгеньевна – соискатель кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: katiad@mail.ru

ЕРМОЛЕНКИНА Лариса Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета. E-mail: arblar2004@rambler.ru

ИВАНОВ Виталий Николаевич – д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета. E-mail: rfkbyf@yandex.ru

КАРАВАЕВА Юлия Станиславовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: PaISysoich@yandex.ru

КЛЕБАНОВ Лев Романович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: solomon70@bk.ru

КЛЁЦКИН Михаил Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета. E-mail: samkoms@mail.ru

КОРСАКОВ Константин Викторович – канд. юрид. наук, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета; ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: katrina97@yandex.ru

КУКЛИНА Светлана Станиславовна – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: svstkuk47@gmail.com

ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович – соискатель, инженер Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета. E-mail: denlity@inbox.ru

ЛУКАШЕВИЧ Марта – д-р филол. наук, научный сотрудник кафедры русистики Варшавского университета (г. Варшава, Польша). E-mail: marta.lukaszewicz@uw.edu.pl

МАМКИНА Инна Николаевна – д-р ист. наук, зав. кафедрой теории государства и права Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

МИТИНА Наталья Георгиевна – д-р филос. наук, профессор кафедры общегуманитарных наук Дальневосточного государственного института искусств (г. Владивосток). E-mail: Millkonf@yandex.ru

МОЖЕЙКИНА Людмила Борисовна – канд. психол. наук, руководитель Центра инклюзивного сопровождения, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: mozhejkina@corp.nstu.ru

МОРЕВ Владимир Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: morevv@sibmail.com

МОРЕВА Анастасия Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка Томского государственного университета. E-mail: stasija@mail.ru

НЕДОСПАСОВА Ольга Павловна – д-р экон. наук, профессор Школы инженерного предпринимательства Томского политехнического университета; профессор кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Томского государственного университета. E-mail: olgaesopomy@mail.ru

ПАВЛОВА Ирина Анатольевна – канд. экон. наук, доцент Школы инженерного предпринимательства Томского политехнического университета; старший научный сотрудник Лаборатории устойчивого развития социально-экономических систем Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры «Управление инновациями» Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: iarpav@mail.ru

ПЕЧЕРИН Андрей Владимирович – аспирант Уральского федерального университета (Екатеринбург); председатель совета Свердловской региональной общественной организации «Уральское Церковно-историческое общество». E-mail: epds_arhiv@mail.ru

ПЛАТОВА Евгения Дмитриевна – канд. пед. наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета. E-mail: jekyn@yandex.ru

ПОДШИБЯКИНА Татьяна Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: tan5@bk.ru

ПОЛУБИНСКАЯ Светлана Вениаминовна – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (г. Москва). E-mail: svepol@yandex.ru

САБОВА Анна Дмитриевна – аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: annas89@mail.ru

СЕМЕНОВА Мария Геннадьевна – старший преподаватель кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета. E-mail: m.g.sem@rambler.ru

СЕРОШТАНОВ Кирилл Владимирович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

СИМОНОВ Максим Анатольевич – научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

СКОЧИН Артём Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: A.V.Skochin@utmn.ru

СМУШКИН Александр Борисович – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: Skif32@yandex.ru

СОЛОДЕЙНИКОВ Алексей Константинович – научный сотрудник историко-культурного музея-заповедника «Пещера Шульган-Таш» (г. Уфа). E-mail: solodey@mail.ru

ТАГИНА Екатерина Константиновна – эксперт центра международного развития и партнерства Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск). E-mail: taginaekaterina@gmail.com

ТАТАРИНОВА Майя Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: mayya.tatarinova@mail.ru

ФИЛИППОВА Ольга Валерьевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

ХЛЫТИНА Ольга Михайловна – канд. пед. наук, зав. кафедрой отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: khlytina@mail.ru

ХОМЕНКО Денис Юрьевич – преподаватель Красноярского медицинского техникума; ст. преподаватель Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: khomenko_denis@mail.ru

ЧИСТЯКОВА Агния Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: feng@yandex.ru

ШИБАЛКОВ Иван Петрович – старший преподаватель кафедры организации здравоохранения и общественного здоровья Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск) E-mail: shibalkov.ivan@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 468. Июль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.07.2021 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34. Усл. печ. л. 31,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4833. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.11.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru